

Виктор Хрущёв

***Триумф
непослушания***

— Говорят, человек показывает своё истинное лицо только когда его ни в чём не ограничивают. Интересно, какое же истинное лицо у тебя? — прошла томительная минута, после чего голос продолжил. — Лейтенант Вильгельм Миклонский. Герой Восточной войны. Убийца. Насильник. Военный преступник. Предатель. Несмотря на всё вышесказанное, нам ещё пригодятся твои услуги. Мы знаем, что для тебя это хуже смерти.

Часть первая. Пролог

Вся сила в детях. К сожалению, эта сила почти никогда не раскрывается, так как в ней видят угрозу. Ей суждено умереть в зародыше. И всё же сохранившим в себе её семена суждено стать опорой общества на многие века вперёд. Вся сила в детях.

Эрвин Кнут

Шёл дождь. Никто не заметил, когда он начался. Все были слишком поглощены боем и отчаянной попыткой уцелеть. Миллионы холодных иголок пронизывали кожу. Вода заполняла траншею, развороченную снарядами и набитую обезображенными от осколков трупами. Вырыли её наспех и довольно неумело. Дети — что с них взять?

Грязные берцы песочного цвета хлюпали в дождевой воде. Вильгельм спрятался в блиндаже, больше напомиавшем деревянную коробку. Всю обратную дорогу на него с неммым укором смотрели мертвецы. Всего пару часов назад они были его семьёй. Всего пару часов назад они шутили и смеялись, даже несмотря на сковывающий страх перед неизбежной смертью. Теперь от них осталась лишь одна оболочка гниющего мяса, костей и дерьма на радость мухам, воронам и червям. Вильгельму казалось, что покойники упрекали его в своей смерти. И на то есть причины.

Он уже сто раз пожалел, что решил сопротивляться и при этом втянул остальных. А они не колеблясь согласились. Никто и близко не представлял, что их ждёт. Даже несмотря на целый год, прожитый в аду. Теперь, пытаясь не пустить чертей в свой рай, многие заплатили жизнью. Интересно, пошли бы они, зная что их ждёт?

Вильгельм изнеможённо сполз по стене на землю. Здесь она ещё не намокла и отдавала дневным теплом. Теплом дома, что уже не вернуть. Последним осколком прошлого.

Чиркнула спичка. Загорелся огонёк, и помещение заполнил острый запах сигаретного дыма. Вильгельм заметил Алису. Она была там же, где он её оставил: за тяжёлым пулемётом. Пол усеяли стреляные гильзы. Всё тело пропахло порохом. Рыжие волосы вымазались кровью. Под ними скрывался обagrённый в алый цвет бинт. Покрытые царапинами руки сжимали рукоять прислужника смерти, что сегодня отправил на тот свет уже не один десяток человек.

— Они ушли? — безжизненно спросила девушка, не переставая наблюдать за периметром.

— Да, — Вильгельм не узнал свой голос. Казалось, что за этот день он постарел на несколько десятков лет. — Лёху оказалось очень сложно убедить, но они ушли. Теперь, Лисёнок, нужно дать им как можно больше времени.

— Прекрасно, — сплонула рыжая. — Докатились до того, что теперь драпаем как крысы.

— Нам ничего другого не остаётся, — скривился Вильгельм. — Что там наши гаврики? — он кивнул в сторону незримого противника. — Почему затихли?

— Перегруппировываются. Сейчас пойдут на решительный штурм.

— Алиса, — тихо обратился Вильгельм. Сказать её имя стало почему-то очень сложно.

— Что, Вилли? — она обернулась, тоскливо глядя на него янтарными зрачками.

— Прости меня.

— За что? — удивилась рыжая.

— За всё. Если когда-то в чём-то тебя обидел — прости, — Вильгельм выпустил дым и потушил сигарету.

— Я счастлива, что протянула с тобой так долго. Так что забери свои извинения обратно.

Оба замолчали и стало невыносимо тихо. Каждый отсчитывал последние отведённые секунды. Вильгельм любовался Алисой. Он хотел поцеловать её напоследок, но понимал, что сейчас это глупо и неуместно.

Поле битвы окутал оглушающий крик. Враг поднялся в очередную атаку. Равномерно застрочил пулемёт, сминающий стройные цепи пехоты, отрывая конечности, заливая кровью форму с красными повязками.

Перезарядка. Вильгельм почти на автомате засунул ленту со смертоносными кусками свинца. Захлопнулась крышка, едва не защебив пальцы. Пулемёт продолжил кровавую жатву.

«Десять минут, — подумал Вильгельм. — Десять минут — и они смогут убежать. Нужно лишь разменять свою жизнь. На эти. Десять. Минут».

Сияние голубой кометы озарило ночное небо. Казалось, что её огромный хвост мог пронзить небесную ткань. Жители восточного полушария с замиранием сердца наблюдали за её появлением. И всё же страха почти никто не испытывал.

По расчетам учёных, она должна была стать попутчиком Земли от трёх месяцев, до полугода, после чего полететь дальше, к цели, известной лишь ей.

Одним из зрителей шоу космического масштаба стал Вильгельм. Расположившись поудобнее на подоконнике балкона, он наблюдал за кометой через объективы бинокля.

Холодный ветер трепал тёмные волосы. Назойливый комар всё норовил сесть на небритую щёку. В конце концов он окончательно достал Вилли, и раздался звонкий хлопок. Комар был прихлопнут, но Вильгельм по неосторожности едва не свалился с высоты четвёртого этажа.

Чуть не погибнув таким глупым способом, Вильгельм решил прекратить наблюдение. То, что он смотрел на звёздное светило вживую, а не через экран смартфона, оказалось чистой случайностью. Просто батарея не выдержала долгих издевательств над собой и села.

Рука нащупала выключатель, и комната озарилась светом. В ней давно нужно было прибраться. Вот только зачем? Дома Вильгельм почти всегда жил один. Отец приходил с работы очень поздно, а мама находилась то ли в Испании, то ли в Италии. Вилли особо не вникал. Всё равно, через неделю она с лёгкостью могла оказаться где угодно.

Цветы в горшках давно завяли и даже полив уже ничем им не мог помочь. На его рабочем столе валялись огрызки, этикетки и прочей мусор. Среди них за Вильгельмом наблюдал рыжий «прусак».

Парень посмотрел на фотографию в деревянной рамке висевшей над не застеленной кроватью. Сейчас Вилли ни за что не поверил бы, что на ней он. Мальчик пяти-шести лет сидит на огромной статуе пегаса. Карие глаза мальчугана не могли сдержать восторг. Как же мало всем в детстве нужно для счастья.

Шрам Вильгельма, находившийся над правым виском, неожиданно отдал тупой болью и жуткими воспоминаниями. Его часто спрашивали откуда рана. Вилли всегда отвечал. Всегда по-разному.

Вильгельм взял в руки телефон — экран загорелся и показывал сорок два процента.

— Так-то лучше, — пробубнил Вилли и завалился на мягкий матрас кровати.

Часы смартфона сообщили о времени: 22:13. Можно себе позволить несколько минут полежать, но не злоупотреблять. Завтра пересдача английского и опаздывать не хотелось.

С языками у Вильгельма были большие проблемы. В отличие от его друга — Алексея Да, у Лёши действительно был талант. Жаль, что он нигде его не использовал.

Заголовки новостей пестрили только об одном: торжественном появлении «Гости из космоса». Ничего, через пару дней все привыкнут и опять можно будет узнать душеспасительную историю о том, как мать одиночка выбросила своего младенца в мусорный бак или же как подросток с дробовиком устроил бойню в школе.

Мессенджер показывал одно новое сообщение. Скорее всего, очередной спам, но проверить всё же стоило. На удивление, ему написал вполне реальный человек. Ну, как реальный... Один из тех знакомых в интернете, с которым ты ни разу в реальной жизни не встречался и не уверен ни в его поле, ни в возрасте, ни даже в реальном существовании.

Вилли написала девушка. Он уже и не помнил, почему она находилась в его списке контактов. Однако, ему нравилось поддерживать с ней разговор. Темы могли касаться совершенно разных областей: от политики до выбора цвета лака для ногтей.

Конечно она написала о комете, о чём же ещё? Вильгельм особо не хотел отвечать, но выглядело бы это как минимум по-хамски. В процессе Вилли и не заметил, как диалог свернул на совершенно иные темы. Выяснилось, что у собеседницы сегодня был день рождения, а учитывая появление «Гости из космоса» — один из лучших за всю жизнь. Ей как раз исполнилось восемнадцать. Неплохой день для вступления во взрослую жизнь. Через несколько месяцев Вилли тоже суждено переступить эту черту.

Мессенджер показывал, что в сети её больше нет. Вильгельм посмотрел на часы. 22:31. Пора.

— Давай, Вилли, — сказал он себе. — Завтра очередной сложный день, что, по идее, должен решить твоё туманное будущее.

Холодный ветер нёс дождевые тучи в сторону юга. Ледяное море бурлило. Периодически из его тёмной пучины выскакивали исполинские волны только для того, чтобы скрыться обратно. Между морскими языками барахтались люди, отчаянно цепляющиеся за жизнь. С берега они казались совсем крошечными. Особенно на фоне горячей туши линкора. Он должен был стать гордостью страны и владыкой морей, но сейчас покрытая кровью каленая сталь постепенно уходила ко дну.

Одинокая фигура снайпера безмолвно наблюдала за штормом. Маскировочный халат промок насквозь, но стрелок не обращал на это внимания. Несколько счастливиц смогло доплыть до суши, только для того, чтобы сдаться на милость победителя.

Снайперу не давала покоя лишь одна мысль: «В какой момент всё стало неотвратимым? И почему именно так?»

Снайпер не помнил. Он сжал холодный ствол винтовки, но память это не освежило.

«Хорошо, — сказал себе стрелок. — Начнём с самого начала».

Ей снился сон. Воспоминания о нём моментально стёрлись, после того как безэмоциональный голос диспетчера выдернул девушку из страны грёз. Осталось лишь учащённое постукивание сердца, горький привкус во рту и противный писк в ушах. Она почувствовала как кто-то слегка тряс её за плечо нежно шепча на ухо:

— Саманта. Саманта.

Девушке не хотелось расставаться с теплом идущих от колен и согревающее щёку. Теплом, идущим от единственного во всём мире человека, которому есть дело до твоих дурацких проблем.

С большим усилием Саманта открыла глаза, попутно убирая с лица непослушные тёмные пряди волос. Сердце успокоилось, писк утих, а вода избавила от противной сухости.

Девушка клялась, что закрыла веки лишь на миг. Теперь за минутную слабость пришлось платить, выслушивая нарекания отца. Саманта понимала, что делает он это больше для вида. Постояв минуту с опущенной головой, она резко посмотрела на него, часто моргая двумя сапфирами и обезоруживающе улыбаясь. Это всегда срабатывало и в этот раз не было исключения. Отец смягчился. Взрослыми так легко манипулировать, даже если они главы корпораций.

Прохладный утренний воздух, заполнивший помещение терминала, прогнал оставшуюся

сонливость. Стройные ряды синих стульев держали круглосуточную вахту. Из углов опасно выглядывали торговые автоматы, требующие за свой товар втридорога. Информационное табло показывало готовность борта четыреста восемьдесят три отправиться из Нью-Йорка в Пекин. Огромное окно открывало вид на многокилометровые владения царства «Земля-Небо-Земля». Длинные взлётные полосы уходили далеко за горизонт, откуда вскоре выглянуло солнце. Ангары таили в своих недрах верных прислужников авиакомпаний.

Паспортный контроль и досмотр багажа прошел без особых проблем. Отец так и не понял, почему дочь увязалась за ним в грязный и пыльный мегаполис.

Его компания протянула свои «щупальца» на многие километры за территорией «города свободы» и «оплота демократии», пересекла океан и надёжно закрепилась в Старом свете. Теперь же её взор упал на Китай, чья экономика имела все шансы стать первой в мире. Важные люди в галстуках не могли упустить такой шанс. Предстояло подписать не одну стопку бумаг, при этом вчитываясь в каждое слово.

Саманте же просто хотелось быть рядом с отцом. Она даже выдумала убедительную историю о комете. Ей действительно было интересно посмотреть на неё вживую, но это скорее приятное дополнение.

Огромный боинг, больше похожий на хищника из фантастической саги, с белым цветом и красной полосой посередине, готовился вместить в своё чрево четыреста пятьдесят пассажиров и за несколько часов доставить в любую точку на земном шаре.

Трап уже несколько минут стоял возле огромного открытого то ли люка, то ли двери. По мере приближения самолёт внушал всё больше почтения и... спокойствия? Да. Краска, которая, казалось, ещё даже не высохла, блестящие на солнце крылья и фюзеляж. Всё это говорило о том, что монстр появился на свет недавно и сделает всё, что в его силах, чтобы доставить с комфортом и в безопасности.

Саманта не боялась летать, в отличие от поездок на автомобиле. После того, как пять лет назад у электромобиля отказали тормоза, и от его правого бока осталось лишь груда металлолома, девушка предпочитала ходить пешком.

Поднявшись по трапу, отец и дочь уже собирались проследовать внутрь. Стюардессы в синих, как небо, где они через несколько минут окажутся, костюмах и пилотках приветливо улыбались и ждали билетов пассажиров, чтобы указать на их места.

Саманта вдруг повернулась и махнула рукой в ту сторону, где предположительно был город.

— Прощай, Нью-Йорк! — крикнула она. — Увидимся через неделю!

За свою короткую жизнь она ещё никогда так не ошибалась.

Громкий удар, сопровождаемый скрежетом металла и битым стеклом. Вдалеке прогремело несколько мощных взрывов. Вильгельм ничего из этого не слышал. Когда-то он взял в привычку включать на ночь музыку, и теперь не мог представить сон без наушников и умиротворённого шума, льющегося из них. Так что из глубокого сна Вилли не выдернула даже идущая от взрывов вибрация.

Будильник смартфона нещадно вырвал его из крепких объятий Морфея.

По пути в ванную Вилли проверил спальню отца. Папа так и не вернулся. Видимо, на работе настоящий аврал.

Спать хотелось настолько, что Вильгельм собирался влить в себя несколько кружек

кофе, но в первую очередь следовало привести себя в порядок, поэтому сначала он почистил зубы с помощью нити. Волосы, по его меркам, выглядели ужасно. Даже после мытья и сушки феном результат подростка все равно не устроил: теперь он напоминал одуванчик, цветущий в начале июня. От досады Вильгельм показал язык своему отражению и взял острую бритву.

Аромат кофе наполнил кухню. Вильгельм, сделав на пустой желудок глоток из кружки, почувствовал голод.

Потягивая кофе, Вилли одной рукой зажег конфорку, другой поставил на огонь сковороду. Включив черный смартфон, разбил пару яиц в зашипевшее сливочное масло и принялся листать менеджер.

И тут Вилли замер. Что-то было не так. Нет, в новостной ленте материала хватало и даже чересчур, но что-то в нём было отталкивающее и жуткое.

В видео совсем юных детей и в обращении кумиров миллионов, многострочных текстах и посланиях из нескольких слов было несколько общих деталей: страх, апатия и непонимание того, что происходит.

Те полчаса, что Вилли провёл в сети, стали настоящим испытанием для его нервов. Вся паника, что творилась в интернете, сводилась к одному необъяснимому факту.

Все люди старше восемнадцати лет исчезли.

Вот так просто. Всё это произошло в один момент, в независимости от местонахождения. Источники говорили о разном времени, но приблизительно в три часа ночи, если судить по Британскому часовому поясу.

Сначала Вилли относился скептически к этой информации. Он позвонил отцу. Естественно ответа не было. К тому же фактов было так много, что отрицать их становилось сложнее с каждой минутой.

Стали придумывать название случившемуся феномену, но чаще всего встречалось определение «Момент X». И «Момент X» стремительно подвергал всё больше стран в хаос.

В «Момент X» в странах западного полушария был день, то есть транспорт приведён в движение, фабрики работали на полных мощностях, руководство электростанций решило выполнить месячную норму за неделю и т.д. Всё это без человеческого контроля откинуло страны в средневековье. Лишь несколько небольших городов смогли выйти на связь. В остальных, как можно понимать — ни света, ни тем более интернета нет. Да и оставшимся жителям условного Вашингтона сейчас было не до этого.

В остальных странах величайшие дары человечества: свет, водопровод и интернет ещё функционировали, но это было лишь вопросом времени.

Вильгельм наткнулся на пост, пытавшийся предугадать, что будет дальше.

«Давайте представим себе мальчика лет восьми-десяти. Допустим, ему повезло родиться в Берлине и он узнал о случившемся. Так же его холодильник набит продуктами. Если мальчик сможет принять случившиеся и взять себя в руки, надолго ли его хватит? Первую неделю не покидать дом будет легко. А потом? Когда отключат свет и воду, когда последняя банка тушёнки подойдёт к концу? А если мальчик заболит? Как он сможет понять какие ему нужны медикаменты? Допустим он не заболел, но голод всё же выгнал его на улицу в ближайший магазин. Вот тут мальчика ждёт сюрприз. Прилавки к тому времени будут обнесены подчистую, так что не будет возможности найти даже лампочки на потолке. И это если мальчику повезёт дойти до магазина и он не наткнётся на банду отморожков, которым нужно только одно — утолить жажду крови.

К чему я рассказал эту слезливую историю? Если вы живёте в городе, неважно какого

размера, хоть в нём несколько тысяч, — покиньте его сегодня же. Возьмите с собой как можно больше воды, еды, с долгим сроком хранения, лекарства. Не забудьте про оружие, пусть это будет хоть кухонный нож. Не имеет значения. Это лучше, чем ничего. Постарайтесь объединиться в группы. Если вам шестнадцать-семнадцать лет — найдите транспорт, а затем поезжайте хоть к чёрту на рога, но подальше от больших населённых пунктов. Потому что через несколько недель в них будет бушевать настоящий ад, что не пойдёт ни в какие сравнения с фильмами об апокалипсисе. Поверьте мне, пожалуйста, на слово. Всё, больше у вас не отнимаю времени. Удачи всем нам. Скоро она нам очень пригодится».

Вильгельм всё ещё сидел неподвижно. Он даже не моргал. Кофе давно остыл, но ему сейчас было не до этого. Попытка осознать случившиеся не возымела успеха. В чувство его привёл горелый запах.

— Чёрт! Яичница! — словно от электрического разряда он подскочил и побежал к плите. Она перегорела. Но Вилли особо не расстроился. Есть уже не было никакого желания.

«А ведь действительно, — подумал Вильгельм, — после пробуждения я слышал только пение птиц и больше никаких звуков. Почему не гудит лифт?! — Вилли выглянул в окно. — Где проезжающие автомобили?! Где дворник, всегда метущий улицу в это время?! И почему на улице так пусто?!»

«Объединиться в группы», «покиньте город сегодня же», — повторялось как мантра в голове у Вильгельма.

«Точно. Ребята, только ответьте, прошу».

Он написал в давно созданную им группу. В неё входили его лучшие друзья: все они когда-то жили в одном дворе, но в силу обстоятельств их раскидало по разным частям города.

К счастью все были в сети. На повестке дня был только один вопрос: «Что делать?» На его обсуждение потратили где-то час. В итоге удалось договориться о месте встречи. Театр на окраине города. Всем быть к десяти часам.

Вильгельм выключил смартфон. Он упёрся затылком в стену и с минуту молча смотрел в потолок.

«Как же быстро все это приняли. Это хорошо. В экстремальной ситуации нужно действовать быстро и решительно. Когда доберёмся до относительно безопасного места, можно будет расслабиться и дать слабину, но не сейчас. Нужно выбираться из этой ловушки».

Он засмеялся:

— По крайней мере, теперь не нужно тащиться и унижаться перед теми старыми маразматиками. Какое счастье!

Вильгельм поднялся и начал собираться.

Открыв дверь, Вильгельм рефлекторно прикрыл глаза рукой от солнца, чьи лучи на несколько секунд ослепили его.

Привыкнув глазами к освещённой улице, что оказалось непросто после полутёмной квартиры и подъезда, Вилли оглядел двор.

Ничего не говорило о произошедшем. Детская площадка ждала своих посетителей, высушенное бельё, когда его хозяин придёт и снимет, легковые автомобили на стоянке, когда их пробудят от ночного сна. Лавочка, когда главные сплетницы двора займут её. Теннисный стол, когда его используют по прямому назначению — распитию алкоголя. Ничто ещё не знало, что этого никогда не случится.

Вилли вдохнул холодный утренний воздух. Дома нашлись тёмные штаны и такого же цвета плащ, а также берцы песочного цвета. В голову закралось подозрение, что они натовского производства, но доказать это не было возможности. Вишенкой на торте стал новенький альпинистский рюкзак красного цвета. Его так ни разу и не успели использовать. Еды и прочей мелочёвки собралось немного, так что он не заполнился даже на половину. Что-то подходящее на роль оружия Вильгельм не обнаружил, поэтому рассчитывал раздобыть его по дороге к цели.

Натянув козырёк чёрной кепки, чтобы защититься от солнечных лучей, затем прикинув, где приблизительно находится театр, Вилли начал свой путь. Он, по понятным причинам, не хотел соваться в центр, но из-за этой меры предосторожности придется дать приличный крюк.

Вильгельму не было страшно. И он сам не понимал почему. Возможно сработал защитный механизм для сохранения нервной системы или он просто перестал всё воспринимать близко к сердцу. И на то было несколько причин. Правда очень хотелось их навсегда забыть.

Он шёл вдоль кирпичной многоэтажки по асфальтированной дороге, как вдруг шестое чувство подсказало ему, что кто-то за ним следит. Вильгельм остановился и начал вертеть головой. Чувство не обмануло. За ним следили дворовые коты. Как только их обнаружили, несколько сразу побежали навстречу и остановились в нескольких метрах от своей цели. Чёрный и белый кот сидели молча, не издавая ни звука. Их немой взгляд как будто спрашивал: «Ты не видел ту тётку, которой нечего делать, как вставать до восхода солнца и кормить нас? Почему она не пришла? Раньше такого никогда не было».

— Ну простите, парни, — Вильгельм развёл руками. — Всё, халява кончилась. Придется добывать еду самим.

Чёрный кот в ответ жалобно мурлыкнул.

Постояв так минуту, Вилли развернулся и оставил котов наедине с их проблемами. Головной боли и так у каждого за эту ночь прибавилось в несколько раз.

Он посмотрел на окна своей квартиры и мысленно с ней попрощался. Всё, что ему нужно — с ним. Его там больше ничего не держит.

Выйдя на необычайно пустую и тихую улицу, он увидел причину ночного шума: полицейский автомобиль впечатался в фонарный столб — да настолько, что тот торчал почти рядом с водительским сиденьем.

«Подождите, — подумал Вильгельм. — Там же может лежать пистолет!»

Он пулей побежал к машине, что сейчас представляла собой больше груды металлолома. Из капота валил дым, а из бензинового бака ещё капала на асфальт тёмная жидкость. Нужно было действовать быстро, иначе всё это рискует взлететь на воздух.

Ни следов крови, ни каких-либо других признаков, что кто-то здесь пострадал, не было. Вильгельм открыл заднюю дверь и осмотрел пассажирские сиденья. Ни на них, ни возле заднего стекла ничего, кроме пыли, не обнаружилось. Тогда он попытался аккуратно приподнять одно из кресел, но аккуратно, чтобы стальная конструкция не рухнула на него. Такой манёвр возымел успех. Под сиденьем он нашёл... журналы эротического содержания. Вилли плюнул и, забыв об осторожности, бросил со всей силы сиденье обратно. Кабина затрещала так, что его чуть не оглушило. Но всё обошлось. Вилли перелез на переднее пассажирское место. Слева, где когда-то стоял руль, он увидел внутренности капота. Однако Вильгельма это мало интересовало. Вся надежда была на бардачок. Если пистолетов нет и там, значит патрульные верно выполняли устав (если не учитывать журналы) и держали своё табельное оружие при себе. Открыв прямоугольную тёмную дверцу, догадка Вильгельма оказалось верной. Оттуда высыпалось много чего интересного: от коллекционных игрушек до разноцветных леденцов. Но желаемого результата Вильгельм так и не достиг — стволов не было. Хотя... его всё же ждал утешительный приз. В глубине лежало что-то жёлтое. Электрошокер. Ему приходилось видеть его в деле несколько раз.

Механизм был как у пистолета. Как только нажимаешь на курок — из него вылетает несколько... как же это называлось? Он не помнил. Неважно. Просто вылетало несколько электродатчиков, закреплённых белыми проводами, и тот, кому не повезло оказаться на их пути, через секунду уже бился в страшных конвульсиях. Не смертельно, но очень больно и выводило противника из строя на продолжительное время. Один минус: радиус поражения довольно невелик — пару десятков метров. Так что если у твоего противника огнестрел, то лучше с ним не связываться.

Пока Вилли размышлял, он не заметил, как уже давно покинул машину, до этого, конечно, не забыв заснуть шокер в правый карман плаща. Путь его лежал через пожарную часть. Он не собирался проходить мимо неё — в конце концов там можно найти много полезных вещей. Например, пожарный топор.

Отбросив идею зайти через главный вход, он увидел дверь в подсобку. Осмотрев территорию на наличие сюрпризов и прождав так пять минут, Вильгельм не заметил никаких изменений. Похоже, здание пустовало. Между ним и дверью была открытая местность, поэтому хотелось преодолеть её как можно быстрее.

Отдышавшись и не услышав никаких звуков, Вилли зашёл вглубь здания.

И тут же выбежал оттуда. Вывод о том, что в здании пусто, был слегка поспешным. Вильгельм чуть не столкнулся с другим человеком, тоже рассчитывающий поживиться содержимым пожарной части.

Время шло. Стояла оглушительная тишина. Вилли решил нарушить её первым:

— Я не причиню тебе вреда.

— Точно? — спросил наполовину детский, наполовину басистый голос.

— Ну что мне сделать, чтобы ты поверил?

— Ладно... — голос секунду колебался. — Заходи.

На него из-за железной двери шкафчика выглядывала голова, повязанная в зелёную бандану. Синие глаза с испугом и интересом изучали незваного гостя. На одной из дверей была приклеена фотокарточка маленькой девочки. Наверное, чья-то дочка.

— Привет? — неуверенно сказал Вильгельм. — Тебя как зовут?

— Андрей, — немного подумав, сказала голова.

— Андрюша, — начал Вилли и поднял руки вверх. — Я не опасен и безоружен, — тут он, конечно, лукавил, — покажись, пожалуйста.

Из укрытия вышел подросток, достававший Вильгельму до груди.

— Ты тут уже давно?

— Не, десять минут назад сюда пришел.

— Ты здесь один?

— Здесь да. Мои друзья ищут еду неподалеку отсюда, а меня послали сюда. Ой, — он запнулся, — зачем я тебе это говорю? Я ведь даже не знаю твоего имени.

— Вильгельм.

— Ясно. Вильгельм, если ты хотел найти здесь что-то наподобие топора, то спешу тебя разочаровать. Тут два пожарных щитка и их уже обнесли. Только одна лопата осталась.

— Быстро же, — с досадой сказал тот.

— И не говори. Слушай, давай так договоримся: я пороюсь в этих шкафчиках, а ты иди к вышке. Встретимся возле пожарной машины и вывалим там найденное добро. А потом будем делить. Как тебе идея?

Вилли немного опешил от предпринимательской жилки пацана, но быстро взял себя в руки и согласился.

В вышке ничего не нашлось интересного, если не учитывать огромное количество макулатуры, лежавшей в столах. Он уже почти отчаялся, но в последний момент краем глаза уловил зелёный ящик, запрятанный за тумбочкой. Словно сундук с сокровищами, тот мог таить в себе всё что угодно. Содержимое не разочаровало: ящик оказался полон подсумок салатного цвета. В них лежали противогазы. Судя по дате изготовления, им всего несколько лет. Взяв один для себя, а другой для Андрея и не забыв несколько фильтров, Вилли двинулся к главным воротам. Пацан в деловой позе уже ждал его. Что-то было не так, и Вильгельм понял что — пожарные машины не стояли в гаражах. Все уже угнали.

Сначала торг шёл как по маслу. Противогазы разделили поровну. Андрей также взял найденную им пожарную каску, а взамен Вильгельм получил дополнительный фильтр. Но дальше начались проблемы. Оба хотели заполучить лопату, и уступать никто не собирался. У Вилли пронеслась шальная мысль о том, что можно ввести в дело шокер, но он быстро её отбросил. Силовые методы нужно использовать только в крайнем случае.

— Давай я у тебя её куплю, — предложил Вильгельм.

— Как это? — его лазуритовые глаза округлились.

— Ну, скажем, я дам тебе две банки шпротов.

Андрей немного подумал и повысил ставку:

— Четыре.

Вильгельм не растерялся:

— Три.

— Пойдёт, — мальчик расплылся в улыбке.

Сделка совершилась. На альпинистском рюкзаке были специальные крепления для инструментов, так что лопата, покрашенная в красный цвет, отлично там расположилась. Как будто висела там всегда. Сложив остальной хабар, они пожали руки и пожелали друг другу удачи, после чего каждый пошел своей дорогой. Первая встреча с жителями нового мира оказалось продуктивной.

Вильгельм продолжал свой путь не теряя бдительности. Он несколько раз поднимал голову, чтобы посмотреть на комету. И она ему напомнила о вчерашней переписке.

«Та девушка, что вчера праздновала свои восемнадцать лет... получается её больше нет. Вот так просто? Чёрт, да если она родилась хотя бы сегодня, всё сложилось совсем иначе. Хотя, какое тебе дело? Ты её даже вживую никогда не видел. Интересно, если мы поменялись возрастами, была ли у неё по отношению к тебе хоть капля сожаления? Скорее всего нет. Ну вот и прекращай эти сентиментальные глупости и радуйся, что появился на эту бренную землю на два месяца позже. Иначе разделить тебе её судьбу. Радуйся, что у тебя есть шанс протянуть немного дольше чем она. А вот насколько дольше, это уже другой вопрос».

Последний аккорд искусства

Как говорится: «Предоставь человеку полную свободу действий, и он покажет свою истинную сущность». Вилли наблюдал в бинокль яркий пример этого утверждения.

Дети, что по возрасту ходили в детский сад, заспанные, с растрёпанными волосами, в пижамах и домашних тапочках на босую ногу искали родителей. Они разбрелись по двору, залезли в разросшиеся кусты сирени, искали за деревьями и даже на детской площадке. Самые смелые собрались отправиться на поиски пап и мам за пределы двора, а некоторые окончательно отчаялись и плакали на скамейках, обхватив колени руками.

Школьники постарше проводили время несколько иначе: сигареты, алкоголь, азартные игры. Пара младшекласников рискнули попросить у них помощи, но резкий отказ парня с пивом отпугнул их.

Судя по пустым бутылкам, многие находились уже далеко не в трезвом состоянии. Вильгельм пытался понять откуда они взяли столько алкоголя, и почти сразу нашел ответ на свой вопрос — недалеко стоял ларёк с выбитой дверью.

— А вы времени зря не теряли. Ладно, — он сверился с часами на смартфоне. Они показывали 9:30, — отдых закончен. А опаздывать никак не хочется.

Напоследок он посмотрел в увеличительные линзы ещё раз. Всё оставалось таким же. Но он заметил ещё одну важную деталь. На балконе стояли два ребёнка: девочка лет пяти-шести и мальчик чуть старше её. Видимо, брат и сестра. Они наблюдали за происходящим и, судя по выражению их лиц, испытывали самый настоящий ужас. Вилли вспомнил утреннюю историю про мальчика, и ему стало даже немного жаль их. Но, к сожалению, он не знал, как на данный момент помочь себе, а про них даже и говорить не хотелось.

Высокая вишня на территории частного дома открывала прекрасный вид на зелёную низину, и, если бы время не поджимало, Вильгельм задержался бы здесь подольше. Было в этом какое-то странное удовольствие — наблюдать за кем-то, кто даже не догадывается, что за ним следят.

Аккуратно спустившись с дерева, он продолжил свой путь через чужие участки — так намного меньше шансов устроить себе неожиданную встречу. Ему хватило и одной. Больше повторять не хотелось.

Театр Вилли увидел ещё когда вёл наблюдение на вишне. Эту громадину сложно не заметить. Высотой с десятиэтажный дом, с колоннами, как у древнегреческого пантеона, и разнообразными узорами на стенах.

Вильгельм вздохнул. Жаль, что такая красота доживает свои последние дни. Скоро всё его величие уничтожат граффити, «остроумными» надписями и другими видами вандализма. Но пока можно — он любовался.

Не ослабляя бдительности, Вилли перелез через деревянный забор и рысью побежал в сторону здания, остановившись только перед главным входом — пятиметровыми дверьми с позолоченной ручкой. Открыть их оказалось довольно проблематично.

Попав внутрь, он забыл придержать исполинскую дверь, из-за чего раздался громкий хлопок, усиленный эхом. Через несколько секунд всё стихло. Он готов был поклясться, что в такой тишине слышит шум летящей пыли.

Большая серебряная люстра, каким-то непостижимым для Вильгельма образом закреплённая на огромной высоте, освещала помещение размером с теннисный корт.

Благодаря лучам, что попадали на её хрустальные подвески, ей не требовалось электричество. На этом же потолке кто-то нарисовал битву, судя по вооружению солдат, семнадцатого-восемнадцатого века. Он не брался гадать кто против кого и за что сражается. Всё равно бы это ему ничего не дало. Пахло смесью духов и хлорки. На поверхности начищенного до блеска пола можно было увидеть своё отражение. Вилли даже различил свои карие глаза. По периметру комнаты, как часовые, расположились белые статуи.

— Ну и где этот малый зал?

Вильгельм покрутил головой в поисках ответа. Но вместо желаемого увидел кое-что другое — прилавок буфета. Желудок своим урчанием напомнил, что его обладатель так и не позавтракал. Искушение одержало верх над Вилли и он проследовал к новой цели. Каблуки его сапог издавали много шума, но он особо не обращал на это внимания.

Перемахнув через препятствие, Вильгельм начал поиск съестного. Ассортимент оказался большой, но он схватил шоколадные батончики. Откусив кусочек и начав быстро его разжёвывать, Вилли собирался вернуться к тому, ради чего сюда пришел, но увидел огромный лист бумаги на стене. Надпись черными буквами гласила: «ПЛАН ЭВАКУАЦИИ». Если карта не врёт, то искомая комната находилась на втором этаже слева. На входе должен быть номер восемнадцать. Не прекращая уплетать найденное лакомство, он покинул буфет и зашагал по красной, словно мак в начале мая, дорожке. Она привела его к ступенькам. Там, где они кончались, висел портрет Наполеона Бонапарта, занимавший всю площадь стены. Смотрел он на Вильгельма с вызовом и долей презрения. Вилли, не переставая жевать батончик, показал ему в ответ средний палец. Не дожидаясь реакции императора, Вильгельм быстро поднялся по серебристым ступенькам и свернул влево. Вскоре нашлась и дверь с восемнадцатым номером. Он потянул ручку. Она не поддавалась.

— Чёрт, неужели закрыто?

— Да нет, — ответил голос с насмешливыми нотками. — Просто нужно от себя открывать.

От неожиданности Вильгельм подавился куском шоколада. Прокашлявшись и выплюнув кусок, чуть не лишивший его жизни, он собирался сделать это с тем, кто его напугал до полусмерти. Даже несмотря на то, что знал его всю свою сознательную жизнь.

— Большой убудок! — кулак Вильгельма устремился в предположительное местонахождение шутника. Однако тот оказался готов к такому развитию событий и увернулся, из-за чего кулак рассёк только воздух. — Нельзя так подкрадываться!

— Ну тише, тише, — сдерживая смех, сказал тот. — А то сейчас полгорода сбежится посмотреть на то, как ты меня пытаешься отметелить. Разве так встречают старых друзей, с которыми давно не виделись?

— Лёша... твой характер когда-нибудь доведёт тебя до могилы.

— Не раньше тебя, с твоими манерами «джентльмена».

Вильгельм отошёл на шаг и оценил его. Резиновые сапоги, куски засохшей грязи на носках. В них заправлены камуфляжные штаны и такого же цвета куртка. Лицо закрывала москитная маска, через которую пробивалась наглая улыбка, тёмно-зелёные глаза, скулы и щёки в россыпи прыщей. На голове синяя панамка. Под ней выглядывали чёрные кудряшки. На спине висел рюкзак под стать одежды. Ну и завершало картину поставленное на предохранитель охотничье ружьё, висевшие на правом плече. Алексей протянул ему ладонь. На запястье тикали наручные часы.

— Придурок, — сказал Вильгельм, протягивая руку в ответ.

— Прости. Ты же знаешь, что в стрессовой ситуации у меня пробуждается дурацкое чувство юмора. А сейчас мы как раз в одной из таких.

Они пожали руки. Вильгельм чуть сильнее.

— Ну Вилли, хватит дуться. Пойдём лучше посмотрим концерт. У меня как раз билеты на места в первых рядах.

— Звучит заманчиво. А что играют?

— Хм. Если честно, понятия не имею. Но, надеюсь, их музыка поможет решить наши проблемы. Заходим?

— Не откажусь.

— Старшие вперёд.

На этот раз толкнув дверь в нужную сторону, они оказались в комнате, кардинально отличающуюся размерами от той, что позади них. Для начала здесь гуляла темнота, и если бы не освещённая сцена, не было бы видно ничего дальше своего носа. Потолок оказался настолько низкий, что будь наши герои на пару сантиметров выше, они доставали бы до него головой. Двадцать обитых в синюю ткань кресел предлагали свои услуги только что явившимся посетителям.

— Лёша, — хмыкнул Вильгельм, — ты меня наглým образом обманул. Где же музыканты?

Ему ответили со стороны сцены:

— Виолончелисты в отпуске, духовики в запое, а дирижёр покончил жизнь самоубийством из-за неразделённой любви!

На середину сцены вышла рыжеволосая девушка. Залатанные джинсы в нескольких местах и когда-то белые кроссовки, которым давно пора оказаться на свалке, делали её выход весьма комичным. Синяя футболка с белыми буквами, сложившейся в глубокомысленную фразу: «Death is just the beginning», ярко описывала характер обладательницы. Она оскалилась и небрежно поклонилась.

— Bravo, Лисёнок, — Алексей саркастично похлопал в ладоши. — А как же ты прошмыгнула мимо меня?

— Да Анька показала короткий путь, — она махнула в сторону кулис. — Эй, скромняшка ты моя! Выходи, очень некультурно игнорировать важных гостей.

Из-за занавеса выглянула зеленоглазая брюнетка. Она молча подняла руку, в знак приветствия, после чего села на находящийся на подиуме пластиковый стул. В её изумрудных глазах, читалась грусть. Два зелёных огонька изучали новоприбывших. Красная толстовка и джинсовые шорты подчеркивали достоинства тела. Вильгельм про себя тоже заметил, что природа красотой девушку не обделила. Особенно её бледное лицо.

— И тебе привет, — Лёша поднял руку в ответ.

— Рома не с вами? — она подала голос.

— Не-а, — ответил Вилли. — Как обычно, опаздывает. Предлагаю не терять времени и начать наше обсуждение без него.

Лёша вскочил на сцену и помог подняться Вильгельму, затем попросил подыскать ему стол или что-то похожее на него.

— Крышка рояля подойдёт? — спросила Алиса почесав тонкий нос.

— В самый раз.

— Ну тогда, пройдёмте за кулисы, — она ещё раз поклонилась и жестом указала в правую сторону.

Девчонка не соврала. Среди ударных, духовых, струнных и чёрт знает каких ещё инструментов находился рояль. Вилли также заприметил два рюкзака, медицинскую сумку с красным крестом на белом фоне и арбалет с заряжённой стрелой. Он догадался, что принадлежало это всё девочкам. Не могли же они прийти сюда налегке.

Сдув пыль с чёрной крышки и после этого несколько раз чихнув, Алексей достал из рюкзака полуметровый рулон бумаги. По занявшему почти всю площадь рояля куску бумаги стало понятно, что это карта.

— Не стойте столбом, — рявкнул он. — Закрепите её чем-то, — от его паяцтва не осталось и следа.

В ход пошли барабанные палочки, железный треугольник и два смычка от скрипок. Удостоверившись, что этого хватит чтобы лист не свернулся, вся компания принялась изучать её.

Карта оказалось контурной и явно старше каждого из всех присутствующих. Вильгельм видел названия городов и посёлков, уже давно переименованных, зелёные и голубые кляксы, судя по всему, обозначающие леса и озёра, оранжевые многоугольники, видимо, населённые пункты, чёрные и коричневые линии — дороги.

Лёша достал из нагрудного кармана простой карандаш и указал в центр карты.

— Мы сейчас здесь, — объяснил он. — Алиса, ты спрашивала куда нам можно свалить отсюда. Как хорошо, что у вас есть я, — он переместил карандаш южнее, а затем сделал небольшой кружок недалеко от нескольких маленьких многоугольников. — Двести лет назад один благородный род, не возьмусь сказать о его название и титулах, построил здесь поместье. Я до сих пор не могу понять как, но лет так двадцать назад его отдали в распоряжение моей тётке. Думаю, она с радостью приютит своего племяшу и его друзей, — он попытался улыбнуться, но получилось не очень.

— Далеко находится? — чуть слышно спросила Аня.

— Где-то километров сорок. Место, как по мне, идеальное. Когда дойдём, поймёте почему, — он минуту помолчал. — Если хотим успеть до темноты, то нужно выдвигаться прямо сейчас. Вот только... где носит этих двух болванов?! — он явно имел ввиду Рому и его младшего брата. — 10:20, и их неспешность начинает меня нервировать.

— Скорее всего они попали в передрагу, — предположила Алиса. — Идём спасать этих идиотов?

— Вперёд, устроим им проблемы! — с энтузиазмом скомандовал Вильгельм.

Минуту спустя, спускаясь по серебристой лестнице, Лёша спросил:

— Вилли, я как только тебя сегодня увидел, всё хотел спросить. Чем тебя так обидел Наполеон?

От реакции своего друга Лёша громко рассмеялся и пошел открывать дверь.

Остатки человечности, остатков человечества

Опоздавших обнаружили быстро. Определив направление местонахождения их дома, группа двинулась. Стоило пройти несколько кварталов, как в одном из дворов спального района пропажа нашлась. Но радости было мало. Оба стояли на коленях под прицелом АКС-74У. Руки, явно не имевшие до этого дела с оружием, прогибались под его тяжестью, но шестнадцатилетнего подростка это не смущало. Наоборот, он упивался властью. Тем же самым занимались, судя по всему, и двое его приятелей. К счастью, они располагали только битами.

Раздался плач. Его издавал младший брат Ромы — Кенни.

Отряд вёл наблюдение из-под колёс грузового автомобиля с камуфляжной раскраской. Судя по распахнутым дверям, те трое стали недавно счастливыми обладателями этого коня на шести колёсах.

Алексей шепотом обратился к Вильгельму:

— М-да. Ситуация. Есть идеи как их спасти?

— Я сейчас озвучу мысль, которая никому не понравится, но она самая здравая.

— Угнать эту махину и бросить их? — прошептала Алиса.

— Да.

— Исключено.

— Ты видела, что у него в руках? — Вильгельм приложил усилие, чтобы не сорваться на крик. — Автомат. Если он использует его по назначению, мы даже пикнуть не успеем, как у каждого будет по несколько новых отверстий.

— Мы тоже не с пустыми руками. К тому же у нас эффект неожиданности. Если в первую очередь снять того, с Калашниковым, то с остальными проблем не возникнет.

— Хочешь сказать, у тебя есть план?

— А как же? Всё гениально и просто. Одному нужно пристрелить нашу главную опасность из ружья. Вот там как раз хорошая позиция, возле мусорных баков. После чего разберемся с теми двумя при помощи шокера и арбалета. Одного из тех кустов, а второго можно и отсюда.

— Великолепный план, — в голосе Лёши слышался сарказм, — надёжный, как швейцарские часы. Вот только если кого-то из нас спалит, дело резко запахнет керосином.

— Вот и постарайся, чтобы этого не случилось, — зашипела на него Алиса. — Если есть идеи получше — я слушаю.

— Угнать транспорт, — повторил своё предложение Вильгельм. — Хотя, где гарантия, что нас не пристрелят, когда мы попытаемся тронуться? — он на секунду задумался. — Ладно. Уговорили. Лёха, кто будет стрелять в того ублюдка?

Алексей вздохнул.

— Давай лучше ты. Боюсь напортачить. Посмотри на мои руки — они дрожат. Не готов я ещё убивать.

— Думаешь, я готов?

— Да, причём уже давно.

— В смысле? — от удивления он поднял бровь.

— Давай сделаем дело и я тебе всё объясню, — сказал Алексей и протянул ему двустволку.

— Идёт, — он достал шокер с жёлтым оттенком. — Только попробуй сдохнуть.

— Я пока ещё не планирую, — через москитную сетку показались зубы. — И ты веди себя там прилично, — взяв шокер, Алексей похлопал Вильгельма по плечу.

— Да, мама. Хорошо, мама.

— Не хочу прерывать вашу милую беседу, — вставила свою реплику Алиса, — но ещё немного, и они начнут делать с ними что-то такое, от чего инквизиция будет курить в сторонке.

В знак подтверждения её слов один из мордovorотов приставил к щеке Ромы битую и медленно поднял её до виска.

Не сговариваясь, Вильгельм и Алексей покинули своё укрытие и как можно тише побежали в противоположные стороны.

— Спасибо тому человеку, — пробубнил Вилли, сжимая в руках деревянную ручку, — насадившему здесь столько кустов.

Густая растительность действительно спасала от чужих глаз. Однако, перед контейнерами для мусоров она резко обрывалась. Высунувшись, Вилли увидел, что все трое развёрнуты к нему спиной. Один из них что-то орал Кенни. Такой шанс упускать было нельзя. Пулей пролетев опасное расстояние, он прислонился спиной к бакам. Запах стоял ужасный, но жаловаться не приходилось.

Вильгельм отогнул ствол ружья. В двух отверстиях виднелись красные капсулы. Он понимал, что если попадёт в того парня, то шансов выжить у него нет. С этой мыслью он уже смирился. Его больше волновало то, что это прочитал Лёша. Не мог же он узнать ту историю. Вилли отдал бы многое, чтобы забыть он ней.

Стоял крепкий мороз, а снега выпало больше, чем требовалось. Но, казалось, его это нисколько не волновало, и он продолжал мести. Давно стемнело. Вильгельм уже сто раз пожалел, что не вызвал такси, а решил пройтись до дома пешком. Он завернулся в шерстяной шарф, да так, что выглядывали одни янтарные глаза. Его голова стала почти вся белая. Благо ещё один поворот, и он увидит дверь своего подъезда.

Дорогу, словно прожектор, освещал единственный работающий фонарь. Под его свет вышли двое. Один был явно мельче другого, но не уступал в напористости. Вильгельм удивился: «Кому это не сидится в тепле?»

— В пальтишке не зябнешь, гражданочка? — скрипучим голосом спросил мелкий.

Вилли знал эти провокационные вопросы, и лучшим решением было на них не отвечать. Это всегда срабатывало. Но не в этот раз. Более крупный преградил ему путь. Смотрела дитина на Вильгельма сверху вниз.

Словно из бочки он заговорил:

— Ты что, немой? Инвалид?

— Если не отойдешь, у тебя есть все шансы им стать, — его тембр не выражал страха, но поджилки слегка дрожали.

Парочка как будто ждала такого ответа. Они рассмеялись. После чего бугай достал нож. Его лезвие заблестело в свете фонаря.

Вильгельм понял, что влип. Прикинув свои шансы, он понял, что их немного. Если даже ему удастся избавиться от ножа, эта гора из мышц могла сломать его хребет, как ветку тростника. Но выбирать не приходилось. Если драки не избежать, то нужно бить первым. Было бы глупостью этим правилом не воспользоваться.

Вильгельм отскочил. Бугай рефлекторно махнул ножом, остриём зацепив вязаную шапку и оставив в ней приличную дыру. Проверять лоб на наличие раны времени не было. Вместо этого он со всей силы ударил оппонента в область паха. Тот согнулся, выпустив нож, а Вилли, не теряя ни секунды, взял его, и со взглядом загнанного в угол хищника посмотрел на громилу, а после со страшным криком набросился на него, вонзив клинок по самую рукоять. Удар попал в самое сердце. Он со страхом и непониманием посмотрел на Вильгельма, затем рухнул на снег и больше не шевелился. На белом покрывале образовывалась алая лужица.

Прошла пара мгновений, тянувшиеся мучительно долго. Приятеля новоиспечённого трупа и след простыл. Видимо, его впечатлила столь отчаянная борьба и он не решился испытывать судьбу на себе.

В ушах отбойным молотком стучала кровь. Вилли с минуту смотрел на бездыханное тело. Затем пришло понимание.

Он. Убил. Человека.

Ноги сами понесли его домой. Сознание вернулось только во время попыток засунуть ключ в замочную скважину. Это вышло только с четвёртого раза. Сделав два оборота, он быстро влетел в дом и захлопнул дверь. Затем медленно сполз на пол.

— Как хорошо, что дома никого нет, — прошептал он, глотая слёзы. — Господи, какое счастье.

Его начало тошнить. Настолько, что спустя несколько минут он уже опустошал содержимое желудка над унитазом.

Умывшись, Вильгельм посмотрел на себя в зеркало. На правом виске появилась красная полоска.

— Всё-таки зацепил, скотина.

Его глаза воспалились, а губы дрожали. Он читал пару статей о том, что когда солдат впервые убивает своего противника, то часто испытывает что-то подобное. Вот только Вилли был не на войне. Ещё пару часов назад он жил спокойной жизнью, а сейчас на его руках оказалась чья-то кровь. И плевать, что по-другому было нельзя. Плевать, что в противном случае под тем фонарём лежал бы ты. От этого не легче.

В ту ночь он так и не заснул. Не помогло даже снотворное.

Как ни странно, друг бугая вызвал полицию. Но Вильгельму повезло: из-за того, что он шёл в перчатках, его отпечатков пальцев на ноже не нашли. А из-за завёрнутого в шарф лица, не удалось составить фоторобот. На следующей день снег растаял, тем самым уничтожив все следы. Даже обученная собака не смогла найти убийцу.

Правда в первое время ему даже хотелось, чтобы его арестовали. Хотелось кому-то выговориться. Пусть даже это будет хмурый представитель закона в погонах. Но его так и не поймали. Через месяц дело закрыли из-за недостатка улик.

Вильгельм вернулся в реальность.

— Нельзя добиться чего-то стоящего не испачкав руки. В данном случае спасти несколько жизней, — сказал он себе.

Тем временем обстановка за баками накалялась:

— Слушай, его хныканье скоро меня доконает, — сказал обладатель автомата и почесал свою постриженную налысо голову.

— Чо мы с ними возимся? — спросил один из его корешей. — Кончаем с ними и

сваливаем. Гвин сказал раздобыть тачку из колонны и сразу к нему.

— Да не трынди ты! Успеется. Нужно понять, одни они или кто-то успел заныкаться от нас.

— Ну так давай раскалывай «орешков».

— С радостью. Только пусть мелкий заткнётся.

Угрозы в сторону Кенни возымели обратный эффект — плакать он стал только громче. Лысого это в край достало и он ударил пацана по шее прикладом АК. Своего он добился. Младший брат Ромы умолк.

Ещё минута промедления и они возьмутся и за старшего брата. Глубоко вдохнув, Вильгельм высунулся и прицелился. После этого нажал на курок. Но ничего не произошло. Казалось, катализатор выстрела об что-то упирался.

— Идиот... — прошептал Вильгельм. — Предохранитель.

Поставив ружьё в боевое положение, он ещё раз задержал дыхание и прицелился. Его в последний момент заметили, но что-то предпринять оказалось уже поздно. По крайней мере автоматчика он заберёт.

Грымнуло так, словно ударила молния. От отдачи Вильгельм не удержался на ногах и упал, а в ушах начало противно пищать.

Поднявшись, он увидел, что Лёха уже использовал шокер. Удачно. Бедняга выронил битку и забавно двигал частями тела. Вилли оценил результаты своей работы. «Лысик» лежал в неестественной, для живого человека, позе. Из его правого бока лилась тонкая струйка крови.

Тем временем Алиса отправила стрелу в свою цель. Пролетев над самым ухом, она прилетела в кедровый ствол. Грязно выругавшись, рыжая взяла поданную от Ани запасную и почти моментально зарядила в свой серый арбалет.

Обстрелянный попытался заполучить автомат, но вторая стрела настигла его, попав в затылок. Арбалетчица громко свистнула от переизбытка эмоций и адреналина. Затем всё затихло.

Алексей подал голос:

— Все целы?

— Если не считать Кенни — да, — ответил Вильгельм.

— Вот знаете, за что я люблю садистов? Они мучают свою жертву так долго, что успеваешь её спасти. Всё, выдыхай Рома. Больше они тебя не обидят.

Брюнет с круглыми щеками и выпуклым носом, казалось, ещё не до конца понял, что произошло. Однако, вскоре он бросился в ту сторону, где без чувств лежал его брат.

Подоспевшая Аня в последний момент отстранила его и начала проводить осмотр. Томительные минуты в ожидании её вердикта шли, и вскоре, почти не шевеля губами, она сказала:

— Он мёртв. Удар получился очень сильный. Шея свернулась, сломались позвонки и перекрылась подача воздуха. Моментальная смерть.

Территорию двора покрыл жуткий вой. Наполнившись яростью, лишившись единственного оставшегося родного человека, Рома хотел свести счёты. Вильгельму и Лёше пришлось оттащить его от оставшегося в живых отморозка. Аня порылась в медицинской сумке и протянула Роме несколько круглых пилюль синего цвета.

— Держи, — она с грустью посмотрела на него своими изумрудными глазами, — должно полегчать.

Запив успокоительное протянутой Алексеем флягой, он сказал:

— Нужно... Нужно похоронить его. Нельзя, чтобы он просто так сгнил здесь. Как псина подзаборная.

Вскоре рядом с клумбами вырос небольшой земляной холмик. Девчонки нарвали цветов и выложили из них красивую композицию. На найденной деревяшке, воткнутой в землю, написали : «Кенни. 2014 — 2021».

Хотелось придумать какую-нибудь громкую фразу, но в голову ничего не лезло.

— Не зря я так боролся за лопату, — Вильгельм невесело скривил губы.

Ему не хотелось думать, что через пару недель от могилы, скорее всего, не останется и следа.

Тишину нарушили звуки со стороны связанного подростка.

— Очнулся, — Лёша потирал руки.

— Вы же не будете меня убивать? — с испугом пролепетал он.

— Скажи, Алиса, — спросил Вильгельм, — ты за мирное разрешение ситуаций?

— А как же? Я всегда за мир, — ответила она, вытирая платком стрелу от крови и кусочков черепа.

— Вот и отлично. Убивать мы тебя не будем. Хватит на сегодня смертей. Но и отпустить у меня рука не поднимается. Поэтому, — он взял у Алексея охотничий нож, — мы поступим так.

Вилли взял ногу парня и, под громкие крики её обладателя, сделал надрез от ступни до колена.

— Мой тебе совет: молись, чтобы ты истёк кровью. В противном случае, на запах прибегут все животные с округи. И, поверь мне, они очень голодные.

Отдав нож владельцу, Вильгельм ушёл в сторону машины. Его примеру последовали остальные. Рома шёл последним, плюнув напоследок на связанного. Теперь он вынужден жить с невыносимой болью и жаждой мести, которую ничто не могло утолить.

С самого начала этой небольшой битвы не на жизнь, а на смерть, Вильгельма мучал вопрос: откуда у тех парней взялись автомат и машина?

На первую половину вопроса он получил ответ, когда залез в кабину. Возле тёмной коробки передач лежали три обоймы под калибр 5,45×39, полностью набитые патронами.

Вопрос же с машиной оказался ещё легче. Когда Лёша повернул серебристый ключ зажигания и поставил скорость на первую передачу, он вспомнил, что вечером в город заезжала колонна военных из двадцати вот таких вот агрегатов.

В кузове, накрытый тентовой тканью, обнаружился ящик с гранатами Ф-1 и непонятными чёрными сумками. Их было до полусотни — и все пустые. Анна объяснила, что это мешки для трупов. Алиса захотела выбросить их, но у Алексея созрел план и он отговорил её.

Вильгельм сел на пассажирское сиденье, Лёха на водительское, а все остальные разместились в кузове. У новоиспеченного водителя имелся небольшой опыт вождения, но все поездки проводились исключительно на легковых автомобилях. Сейчас же, находясь на стальном монстре высотой в три с половиной метра, Лёша ехал с максимальной осторожностью, не превышая скорости двадцати километров в час. Их путь лежал в универмаг.

По пути им не встретилось ни души, на дороге были лишь редкие разбитые автомобили. Вдалеке, на фоне огненного солнца, виднелся дым от пожаров.

Как только цель появилась на горизонте, Алексей начал, как ужаленный, крутить руль и менять скорость. Прделав несколько сложных манёвров, Лёха задним ходом вплотную подъехал до автоматических дверей магазина. Они ещё работали.

— Высаживаемся, дамы и господа, — скомандовал водитель, — нам сейчас будет чем заняться, а времени катастрофически мало. И не забудьте взять мешки.

Между миром кабины и кузова зияло небольшое окно. В него с трудом можно было пролезть, что Вильгельм и Алексей, собственно, и сделали.

— Рома, — Вилли отдал ему АК, — расположись в кабине так, чтобы тебя не было видно, но ты видел всё. Если заметишь что-нибудь странное, предупреди нас.

Тот лишь молча кивнул.

Через пять минут четверо подростков уже находились в продуктовом отделе и наполняли сумки крупой, макаронами, консервами, водой и другим видами провианта. Свет не работал, поиски выключателя не дали результатов.

Мальчики подавали, а девочки складывали таким образом, чтобы всё занимало как можно меньше места. Вильгельм, попутно ещё ухитряясь опустошать прихваченную пачку чипсов и светить экраном смартфона, поддержал вяло текущую беседу:

— Есть у кого-нибудь варианты, почему вместо того, чтобы сегодня заниматься своими рутинными делами, мы вынуждены грабить этот магазинчик? — он словил на себе непонимающие взгляды. — Перефразирую: почему все взрослые решили оставить нас на самостоятельное существование?

— Всё из-за этой грёбанной кометы, — предположила Алиса, — она мне не понравилась сразу, как только я её увидела.

— Не исключено, — согласился Алексей. — Вот только почему остались мы? Что за

выборочное уничтожение населения Земли?

— Без понятия. Все вопросы в Небесную канцелярию, — иронизировал Вильгельм. — Давайте объясним наше положение с философской точки зрения. Предположим, что какое-нибудь высшее существо, допустим, Бог... нет, не хочу приплетать сюда религию. Вселенная. Да, Вселенная решила проверить человечество на прочность и оставило наименее способных её представителей. Ну, как наименее? Если наши родственники видели, чем мы час назад занимались — они бы очень расстроились и находились в шоке от того, что ничем не примечательные дети способны так бороться за жизнь. Некоторые даже сказали бы: «Мы не понимаем, почему они так поступили. Мы воспитывали их совершенно по-другому. Они росли очень послушными и порядочными. Нашей вины здесь нет». Никто никогда не подумает, что сам как раз и является главной причиной формирования чужого характера.

— Куда-то тебя не туда понесло, — остановила поток его мыслей Алиса, — но в твоих словах есть доля истины. Не знаю, как другие, а я за обществом потребителей будущего не видела. Как можно верить в тех людей, которым для счастья хватает вечером залиться бухлом и посмотреть что-то тупое по «ящику»? Зато сейчас нужно сделать усилие и поднять свою задницу с дивана, чтобы не загнуться. Ха! Я бы с удовольствием сейчас посмотрела на детей богачей или на звёзд соцсетей. Кто они теперь без финансирования их богатеньких родителей? Кто они без армии фанатов и поклонников? Ой, что такое? — она скорчила взволнованное выражение лица. — Ты резко стала не интересна своим миллионам подписчикам? Ты осознала, что кроме глупого кривляния на камеру ни на что не способна? Какая жалость. Давай, поплачь об этом, выставь свои эмоции и чувства в сторис. Вдруг поможет? — рыжая на секунду замолчала. — Да, я счастлива, что этот биомусор теперь с нами в одной лодке. Правда, смогут ли они выжить в этой новой реальности? Сомневаюсь.

— Немного жутко слышать слова о счастье от девушки, — прокомментировал Лёша, — прострелившей чью-то голову стрелой. Да и всех под одну гребёнку грести не стоит. А ты как вообще, в порядке? Голова не кружится? Не тошнит? Ты как бы убила человека.

— Я убила в первую очередь подонка, причастного к смерти семилетнего ребёнка. Если ты спрашиваешь о муках совести, то не волнуйся — она чиста.

— Да нет, Лисёнок, я ничего такого не имел в виду. Просто я поражаюсь, что ты так на это всё спокойно реагируешь. И я не только про убийства. Да и не только ты. Вилли впал в философию, а о себе я вообще молчу. Вот, берите пример с Аньки, — парень кивнул в сторону девушки, которая молча складывала банки со сгущёнкой. — Совершенно здравая реакция на происходящее.

Зелёные глаза посмотрели на него, и в полутьмах Лёха увидел её улыбку.

— Ой, — махнула Алиса рукой, — сколько с ней дружу — всегда была такой: спокойной, молчаливой и рассудительной. С ней можно часами разговаривать, а она и слова не скажет.

Все решили последовать примеру Анны и молча наполняли ёмкости, куда раньше никто не подумал класть такой груз.

Вскоре двадцать сумок с едой и водой и пять с медикаментами погрузились в машину. Осталось ещё десять. Алексей разделил их поровну между членами группы.

— Если хотите что-то взять для себя, тогда дерзайте. Даю пятнадцать минут, не больше. Мы и так задерживаемся.

— Лёша, — Рома подал голос, — бери мои, я ничего не хочу. Тем более опасно

покидать свой пост.

— Как хочешь, — он с жалостью посмотрел на него. — Ну, чего стоим? Время!

Вильгельм побежал в то место, где разжился чипсами. Осознавая, что отведать этой гадости не будет возможности если не навсегда, то очень надолго, он принялся складывать в недра мешка всё, что хрустит и приносит удовольствие. Осталось место для пары бутылок газировки. Также его соблазнила бутылка кваса. Парень вдруг вспомнил, что забыл дома средства гигиены. Паста, зубная щётка, бритвы, шампунь — всё это нашло место у него в сумке.

Оставалась вторая. Вильгельм решил проверить, чем занимается Алексей. Найти его было несложно — шума он издавал на весь универмаг. Ноги подростка оперлись о кассовый аппарат, а сам он выгребал с полок и бросал на пол... пачки с табачными изделиями.

— Только не говори мне, что ты собираешься это использовать по назначению. Сам же говорил, что оно не стоит того.

— Я и сейчас такого мнения, — не отвлекаясь, он продолжал своё дело.

— Тогда чем ты страдаешь?

— Ах Вилли, Вилли. Ты такой не дальновидный. Неужели сложно понять, что через месяц за сигарету готовы будут продать душу. А мы набиваем целые сумки товаром, способным открыть любые двери.

— Справедливо, — согласился Вильгельм и принялся помогать Алексею. Когда четвёртая сумка почти заполнилась, прибежал взъерошенный Рома.

— Ребята! Группа, человек десять, идёт прямо сюда. Выглядят агрессивными, у некоторых огнестрелы.

— Ах, чёрт! — Лёша с грустью посмотрел на пачки разбросанные вокруг, — ещё бы минуты три... Ладно, — он повысил голос, чтобы его услышали в любом углу здания. — Девчата! Закругляемся! Лафа кончилась! У нас гости!

Через минуту все собрались в кузове. По пути Рома отдал Вильгельму автомат. Девушки взволновано и вопросительно смотрели, но их попросили молчать. Лёша и Вилли забрались в кабину. Толпа была уже в пятидесяти метрах. Кому-то едва было одиннадцать лет, а кто-то почти достиг восемнадцати.

— Может, обойдется и уладим всё мирно? — понадеялся Вильгельм.

— Судя по их физиономиям — сомневаюсь.

Один из незваных «гостей» заметил парней, что-то прокричал, поднял пистолет и сделал пару выстрелов по стеклу. Оба пригнулись. Сзади послышались девичьи вскрики. К счастью, стекло оказалось бронированным, и пули оставили лишь пару вмятин. С улицы послышались приказы:

— Того, в плаще, брать живым! Девоч, желательно, тоже! Остальных в расход! Отомстим за братков!

— Ну что, горе-дипломат? — сказал Лёша, заводя двигатель. — Обошлось? Давай, бери АК и спугни их.

Пара выстрелов из окна в воздух возымели эффект. Толпа рассеялась по укрытиям. Тем временем машина прорычала, оповещая о готовности ехать.

— Всем в кузове залечь на пол! — заорал Лёша. — Вилли, подавляй их! Прорвёмся!

Поставив скорость на третью, водитель вдавил педаль газа, отчего автомобиль тронулся и проскочил мимо головорезов. Но это их явно не останавливало. Пусть пуль они и боялись, но отстреливались с завидной регулярностью.

Послышалось несколько звуков рикошета. В тенте появилось пару дырок. Через них просачивались лучи. Оставив противника позади, Вильгельм чуть высунулся и опустошил остаток обоймы. Запахло порохом. Он поспешил в укрытие, перезарядился и упёрся спиной об кресло. Лёша ехал на непривычной для себя скорости в восемьдесят километров и сосредоточено смотрел на дорогу.

Напряжённое молчание. Вскоре выстрелы стихли. Через пару минут все облегчённо выдохнули — оторвались.

— Можете подниматься, — обратился Вильгельм к тем, кто сзади. — Никого не зацепило?

— Разве что только обшивку, — ответила Алиса.

— Друзья мои, — к Алексею вернулось былое расположение духа, — кажется, мы перешли дорогу братве. Надеюсь, в нашем убежище они нас не найдут. Или хотя бы при встрече не узнают.

— Я предпочитаю видеть таких только через прицел, — отрезал Рома ему в ответ.

— Нельзя себя вести так категорично со всеми. Помни об этом.

Алексей искал дорогу из города, Вильгельм включил радио и тщетно пытался найти рабочую станцию. В основном слышался белый шум, но иногда попадалась волна, где стояла полная тишина. От такого становилось не по себе, и её быстро переключали.

— Ну хватит уже, — взмолилась Алиса, выглядывая из окошка, — от него скоро начнёт голова болеть.

Вилли бросил это неблагодарное дело. Пикнув, маленькая пластиковая коробочка выключилась.

— Слушай, — обратился Лёша к нему, выезжая к лесополосе, — не сочти за грубость, но выглядишь хреново. Как будто несколько дней пытали. Мой тебе совет — поспи пару часов. Дорога неблизкая. Как будем подъезжать — я тебя разбужу.

Опустив спинку кресла и расположившись поудобнее, Вильгельм закрыл глаза и почувствовал сильную усталость — словно неделю без отдыха таскал кирпичи. Через минуту пассажир грузового автомобиля спал без задних ног, сопровождая этот процесс храпом.

Связанные одной судьбой

— Мама? Мама, где ты? — пятилетняя русая девочка в маленьком розовом платье уже несколько минут вела безрезультатные поиски.

За иллюминаторами самолёта ночь давно вступила в свои права. Вдалеке виднелись удары молнии, на миг освещавшие небо и белые облака. Синяя комета сопровождала боинг.

Тьма покрыла длинное помещение бизнес-класса. Девочку это совсем не пугало. Она лишь хотела найти свою родительницу, но добилась только того, что разбудила всех пассажиров. Вернее тех, что остались. В том числе и Саманту.

— Папа, — с закрытыми глазами и сонным голосом она обратилась в сторону пустого кресла, где когда-то сидел её отец, — пусть её уведут отсюда. Её мама, вероятно, в другой стороне самолёта.

Ответа не последовало.

— Папа? — Саманта открыла глаза, и по её коже прошёлся холодок. На месте отца лежал лишь планшет. Устройство являлось собственностью компании. Благодаря ему отец поддерживал связь с сотрудниками. Вот только во время рабочей поездки мужчина никогда не позволял себе расставаться с этой сенсорной доской. В голову Саманты начали закрадываться тревожные мысли, подкреплённые тем, что своих родителей теперь искала не только девочка в розовом платье.

А та зря времени не теряла и уже подошла к двери, ведущей к кабине пилотов. Поднявшись на цыпочки, она дотянулась до тугой ручки и нажала на неё, после чего дверь поддалась. Пятилетний мозг терзали сомнения: «Стоило ли туда идти? Но вдруг мама там? Вдруг ей нужна помощь?» Набравшись смелости, она шагнула в неизвестность. Дверь за ней захлопнулась.

— Мама?

Но, кроме нескольких периодически исходящих от приборной панели звуков, ей никто не ответил.

— Ого, — от удивления девочка забыла закрыть рот.

Смотровые окна пилотов открывали потрясающий вид. Два кресла пустовали. Её это совершенно не смущало и она залезла на то, что стояло с правой стороны. Штурвал оказался в опасной близости от подошвы мокасин. На пару минут всё забылось, и её взор застыл на звёздном небе. В какой-то момент ей это надоело. Не найдя своей цели, девочка решила покинуть комнату управления самолётом.

Слезая с кресла, она имела неосторожность зацепить пяткой рычаги, отвечавших за двигатели, тем самым отключив их. Самолёт по инерции ещё летел прямо, но для него потеря высоты оставалась лишь вопросом времени.

Пятилетний ум, конечно, не подозревал об этом и проследовал к выходу. Дверь всё не хотела открываться. Внезапно борт «четыреста восемьдесят три» резко наклонило носом вниз. Девочку, как тряпичную куклу, бросило назад, на стекла пилотской кабины.

На её маленькое тело начало падать огромное количество разнообразных предметов, нанося несовместимые удары с жизнью.

— Мама... — только и смогла простонать девочка, прежде чем испустить дух. Своей кровью она залила почти всю поверхность лобового стекла, а нежная кожа полностью покрылась синяками. Через несколько минут, в момент падения, кабина возьмёт на себя

основной удар и от ребенка останется лишь несколько обугренных кусков плоти и рваных, розовых кусков ткани.

Завыла сирена, что означало только одно — самолёт падает, и с каждой секундой всё быстрее. Сверху выпали кислородные маски. Саманта быстро надела одну из них и пристегнула ремни безопасности. Стоял ужасный грохот и тряска. Сердце бешено колотилось от страха. Последнее, что она помнила — это удар в область затылка.

А потом ничего.

— Ах ты ж, ёкарный балет! — негодовал Алексей, разбудив криками Вильгельма.

Машину несло по ровной шоссейной дороге. Мимо машины проносился сосновый лес.

— Что, уже приехали? — его ещё не до конца отпустил сон.

— Ага, держи карман шире. Видишь это? — Лёша указал на внезапно загоревшуюся маленькую красную лампочку.

— Что это? — не понимая её назначения, спросил Вильгельм.

— Это говорит нам о том, что скоро придётся идти пешком. Бензин кончается, — его глаза искрились гневом.

— Что теперь делать? — спросила Алиса.

— Пока бензин ещё есть, нужно найти укромное место, где остановимся. Потом будем решать дальше.

Как по заказу, справа от главной дороги показалась грунтовая тропа, ведущая в лесную чащу. Решение свернуть туда пришло почти мгновенно.

После асфальтированной дороги поездка по земле показалась сущим кошмаром. Подпрыгивая на каждой кочке, все хотели, чтобы тряска как можно быстрее закончилась. Водитель исполнил это желание. Он резко свернул прямо в кусты, после чего нажал на тормоз и заглушил двигатель.

Солнце стояло в зените и по-летнему парило, даже несмотря на то, что была весна. Вилли снял свой плащ и остался в одной белой футболке. Разминая затёкшие части тела, он обратил внимание на звук вытекающей жидкости. Шел он из-под машины. Заглянув под её брюхо, парень увидел пробитую пластмассовую трубу, из которой капали черные кляксы.

— Кажется, я нашел причину нашей остановки, — обратился он к Лёше. — Похоже, одна из пуль зацепила подачу топлива, и бензин постепенно выливался пока мы ехали.

Вильгельм посмотрел на дорогу, по которой они ехали. И вправду: за машиной тянулся черный след. Разразившись трёхэтажной бранью, Алексей полез за изоляцией. Через минуту поломку устранили.

— Нужно понять, где мы, — сказал он, вылезая из-под кузова.

По карте определили, что их местонахождение в пятнадцати километрах от поместья.

— Что будем делать? — повторила вопрос Алиса.

— Машину оставим здесь, — ответил Лёша. — Когда доберёмся, нужно будет найти время и наведаться на заправку. Сейчас заполняем рюкзаки едой и лекарствами до завязки. Всё, что останется, заберём потом.

— Лёша, — Рома подал голос, — а нашу карету не найдут по этому следу? — он указал на черные точки.

— Чебурашка, а ты прав! — согласился тот. — Нужно поставить ловушки. Только вот какие?

— Растяжки, — Алиса была краткой.

— Точно, Лисёнок. У нас же целый ящик гранат есть.

Все принялись за дело. Выгрузив ящик, Лёша достал рыбацкую леску. По периметру натянули семь «капканов», прикрыв ветками и листьями детонаторы. Девочки складывали, на их взгляд, наиболее важные предметы.

— Вы газировки положили? — жалостливо спросил Вилли.

Аня отрицательно покачала головой.

— Ну хоть квас? Испортиться ведь!

— Обойдётся, — непреклонно ответила Алиса. — Лучше бы о роже своей подумал. Лезвия, щётки, мыло, шампунь. Вот что сейчас нужно. Твоя гадость подождёт.

— Да ну вас, — он забрал свой, заметно потяжелевший рюкзак. Лопата зацепила краем наконечника бампер, отчего раздался глухой стук. Никто не обратил на него внимание. После выстрелов такое казалось не громче комариного писка.

Как можно лучше замаскировав машину от любопытных глаз, группа составила новый маршрут и вскоре выдвинулась. Их путь почти всю дорогу лежал через лесистую местность.

Колонну вели Лёша и Вильгельм, посередине шел, уткнувшись в землю, Рома. В арьергарде же шли девочки.

Не смотря на то, что Алексей держал ружьё на изготовке, чувствовал он себя довольно расслаблено. Так же ощущал себя и его попутчик, только держа автомат на плече. Обернувшись и посмотрев на ничего не замечавшего Рому, Вилли обратился к Лёше:

— На нём совсем лица нет. Нельзя его оставлять наедине с собой. А то ещё глупость сделает.

— Я думаю, как раз наоборот. Ему нужно побыть одному и смириться с произошедшим. Как и всем нам, в принципе, — Алексей что-то вспомнил. — Там, куда мы идём, есть винный погреб. Очень надеюсь, что в подвале есть пара бочек спиртного. Сейчас хочется напиться и забыться, как никогда.

— Алкоголик несчастный... Чур, я с тобой!

— Договорились.

Вилли о чём-то задумался. Потом, понизив голос, сказал:

— Если бы мы действовали быстрее, не пришлось бы хоронить мелкого.

— С какого это перепугу в тебе проснулась совесть? Напомнить, что ты хотел их бросить? Или что ты сделал с тем парнем? Вероятнее всего, он уже не с нами. Радуйся, что смогли спасти хоть Ромку. Сейчас сохранённая жизнь крайне редкое явление.

— Кстати, — Вильгельм решил перевести тему, — когда мы собирали пыль и грязь под машиной, ты обещал мне объяснить, как понял, что я готов убить. Обещание нужно выполнять.

— Ах, да, — Лёша на минуту замолчал, что-то вспоминая, — помнишь нашу встречу? После Нового года? Я вот помню. Ты тогда сильно изменился. Глаза стеклянные, вечно куда-то мне за спину смотришь, иногда что-то бормочешь себе под нос. Я объяснил это для себя переходным возрастом и твоим режимом сна. Вернее, его отсутствием. Но вот шрам откуда? А потом всё встало на свои места, когда на глаза попался заголовок, — он начал имитировать голос ведущего. — «Жестокое убийство посреди парка глубокой ночью. Хладнокровный маньяк, убивший примерного старшеклассника. Весь город скорбит о такой утрате. Сам мэр...»

— Хватит, — Вильгельм резко оборвал его. В голосе слышались звуки бряганья металла. — Закрой свой рот.

— Ну прости, понесло меня.

— Знаешь, что мне две недели каждую чёртову ночь снилось? Как я сижу в ванной, а у меня руки по локоть в крови. Я пытаюсь отмыть, а её только больше. Она всё капает и капает. Затем врываются непонятно откуда взявшиеся люди. И молча, с омерзением, смотрят. Пока один не скажет: «Убийца». И другие подхватят: «Убийца, убийца». Я этого не выносил и просыпался, прислушиваясь, не выламывает ли мне дверь спецназ? Я с таблеток не слезал. А когда дома оставался один, тихо рыдал в подушку от того, что не могу никому рассказать об этом, — повисла тишина, нарушаемая лишь шелестом травы и пением птиц.

— Можешь сейчас, — спокойно предложил Алексей.

— Уже поздно. Не хочу теревить старые раны.

— Как же ты справился?

— Если честно, сам не знаю. В какой-то момент просто смирился. Принял нового себя. Как в той песне, — он попытался сделать свой голос как можно нежнее, но вышло не очень. После чего запел:

— «Отпусти и забудь! Что прошло — уже не вернуть!»

Стая скворцов, отдохавшая на ветке дуба и не оценившая вокальные способности Вильгельма, поспешила покинуть эпицентр шума. Рома с непониманием смотрел на певца. Лёша не выдержал и прыснул. С конца колонны послышался голос рыжей:

— Плохо, Вилли! Очень плохо! Работай над собой!

— Алиса, — Аня тихо обратилась к ней, — пока есть возможность поговорить с тобой наедине, хочу ей воспользоваться.

— Ух ты! Не каждый день выпадает шанс услышать от тебя больше одной реплики. Я вся внимание.

— Когда я обследовала Кенни, то... — она взяла паузу, чтобы собраться с мыслями, — я... я соврала вам насчёт причины его смерти. С переломом шеи можно жить, хоть и со значительными ограничениями.

У Алисы сузились зрачки от удивления:

— Но зачем? И что на самом деле убило беднягу?

— Когда я проверяла его голову, то обнаружила маленькую дырочку. Из неё только начала течь кровь. Я не сильно разбираюсь в оружии, но, кажется, в него попала дробь.

— То есть, ты хочешь сказать, что Вильгельм...

— ... добил брата Ромы, — закончила Аня фразу.

— И зачем ты мне это говоришь?

— Надо же мне кому-то выговориться. Как-никак, ты — моя лучшая подруга.

— И что ты собираешься теперь делать?

— Я? Совершенно ничего. Сказать это мальчикам было бы очень глупым решением, — Аня посмотрела в их сторону. — Они и так на грани нервного срыва, хоть и не подают виду. Но всё же мужества им не занимать. Другие бы уже сдались.

Алиса молчала. Слишком много потрясений за день для одного человека.

— Как думаешь, к вечеру успеем? — спросил Вильгельм.

— Ещё и пара часов до заката останется, — Лёша взглянул на солнце. — Я же рассчитывал, что мы пешком пойдём, а нам вот как подфартило. Так ещё сколько всего набрали. Если экономно этим распорядиться, то год или даже два о болезнях и голоде можно будет не беспокоиться, — он мечтательно закатил глаза.

— Даже если учитывать, что нас может стать больше, чем пять человек?

— В смысле?

— Судя по карте, территория поместья немаленькая. И домик, я надеюсь, тоже. Зачем жадничать? Если во время вылазок встретим более-менее нормальных выживших, почему бы не предложить им присоединиться к нам?

— Мысль интересная. Я обдумую её.

— Если так говорят, то уже давно пришли к решению.

— Всё-то тебе сразу скажи, — ухмыльнулся Алексей.

Перед ними вырос холм, скрыв путникам дорогу за ним. Поднимаясь на его вершину, Вильгельм заметил развязанный на одной из своих берц шнурок. Подросток оставил Лёшу впереди.

Алексей почти взобрался на самый верх, но, не дойдя несколько шагов, остановился как вкопанный и выпустил оружие.

— Пресвятая мать заступница... — только и смог вымолвить он.

— Что такое, Лёха? — Вильгельм быстро поспешил к нему. — Что там такое?

Алексей молчал. Поднявшись и взглянув в ту сторону, куда смотрел его друг, у Вильгельма перехватило дыхание от неожиданности.

— Но откуда? — Вилли спросил первое, что смог сформулировать.

— Держу пари, что оттуда, — спокойно ответил вставший рядом Рома и указал на небо.

— Что у вас там? — спросила снизу Алиса.

— Самолёт, — почти одновременно ответили стоявшие на холме.

Падший ангел

В «Момент X», в воздухе находилось двадцать пять тысяч восемьсот пятьдесят три самолёта. Кто-то уже упал. Кто-то ещё летел, но топливо заканчивалось. Из всех пассажирских, грузовых и частных летательных аппаратов на взлётную полосу, без каких-либо повреждений, смог сесть только один. Но это совсем другая история, не имевшая никакого отношения к борту «четыреста восемьдесят три».

«Мягкая» посадка осуществилась прямо в лесную чащу, и лишь хвост, чья верхушка лежала у его основания, оказался на небольшой полянке, давая возможность понять, что произошла трагедия. Одна из многих. За хвостом тянулась разрыхленная земля. Прежде чем окончательно остановиться, стальную птицу ещё порядком протянуло.

— Нужно проверить, — предложил Рома, — вдруг кто-то выжил?

— Вряд ли, — скептически ответил Вильгельм, — к тому же есть шанс, что он взорвётся. Зачем зря рисковать?

— Я не вижу дыма, — поделился своим наблюдением Алексей, — неужели ничего не загорелось? Тут одно из двух: либо вышел керосин, либо сломались двигатели. Так что спешу тебя разочаровать: взрыва не будет.

— Ой, ладно тебе, — отмахнулся Вилли от его колкости. — Думаешь, мне самому не интересно глянуть, что там?

— Тогда кончайте трепать языками, — прекратила их дискуссию Алиса. — Чтобы его полностью прочесать нам, как минимум, час понадобится. А мои ноги уже давно мечтают о мягком диване. Так что чем быстрее мы это сделаем, тем лучше.

Никто не стал с ней спорить.

Подходя к красно-белому ориентиру, они увидели печальное зрелище. Вокруг места крушения лежало огромное количество деревьев. От одних торчали корни, от других остались одни острые пеньки. Оба крыла оторвала неведомая сила и отбросила на значительное расстояние. На обшивке остались множественные пробоины, глубокие царапины и высохшие следы грязи. Почти все иллюминаторы разбились. Спрятавшиеся в густой траве осколки стекла отражали свет.

В одном из выходов с отсутствующим люком лежало тело мальчика. Он умер несколько часов назад. Вся его одежда стала грязной от крови, а черные волосы слиплись. Он явно боролся до конца — это читалось в его мendenальном взгляде.

— Давай сразу договоримся, Рома, — обратился к нему Вильгельм, переступая через тело, — никого хоронить не будем. В противном случае, мы сегодня никуда больше не уйдём. А ночевать с мертвецами я морально не готов.

Тот только молча кивнул.

Поднявшись на борт, они оказались на распутье. Если верить Лёшиному знанию английского, то налево вела дорога в бизнес класс, в противоположную сторону — в эконом.

— Разделимся, — предложил переводчик, — дамы налево, кавалеры направо. Если найдёте кого-то живого — зовите.

Картина в правой части самолёта вызывала огромный спектр эмоций. Преимущественно отрицательных. Почти все кресла пустовали, в остальных же лежали трупы.

Одному подростку, шестнадцати-семнадцати лет, маленькая ветка пробилась череп. Один её конец торчал из глаза, а другой чуть выше затылка. Его голова, благодаря новой опоре, так

и не упала.

В конце прохода лежала восьмилетняя девочка с вывернутой под неестественным углом шеей. Похоже, бедняжка забыла пристегнуть ремни, и это стало фатальной ошибкой.

— Неужели никто? — разглядывая с гримасой отвращения очередное тело, Вильгельм обратился больше к себе, чем к кому-то.

— Похоже на то, — ответил Лёша, подняв голову в сторону огромной дыры в потолке. Оттуда его с интересом изучала белка. Но её спугнул крик Алисы:

— Кажется, кто-то уцелел! Быстро сюда!

За одним из кресел без чувств сидела девушка. Слышалось прерывистое дыхание. Её лицо обезобразилось многочисленными ранами, синяками и ссадинами. Тёмные волосы растрепались. Ручки кресла пропитались красной жидкостью.

— Отстегните, — скомандовала Аня, чей голос был на редкость чётким и решительным, — нужно проверить её на наличие переломов.

Клацнула защёлка ремня, и единственного уцелевшего пассажира аккуратно перенесли на пол. Анна сняла с неё прозрачный прибор подачи кислорода и принялась аккуратно прощупывать всё тело, попутно открыв медицинскую сумку.

— Пульс стабильный, — не отрываясь от процесса, сказала лечащая, — жить будет.

В области груди Анна нащупала что-то твёрдое. Во внутреннем кармане нашёлся железный футляр и паспорт с американскими эмблемами. Она протянула свои находки Алексею.

— Саманта, — открыв тёмно-голубую книжечку, прочитал Лёша, — фамилию залила кровь. Не могу разобрать. Ну, хоть фотография и остальное сохранилось. Дата рождения: двадцать девятое июня две тысячи пятого года. Написано всё на английском. Паспорт гражданина Америки.

— А в футляре что? — поинтересовался Вильгельм.

— Давайте не будем лезть в личную жизнь человека и сохраним содержимое этой стальной коробочки в тайне, — сказал он и положил её в карман своей куртки лесного цвета.

Аня принялась обрабатывать места повреждений ватой, вымоченной в спирте. От нестерпимой боли и запаха пациентка очнулась и начала громко кашлять, после чего прошептала:

— Пить...

— Лёха, а ты с её национальностью ничего не напутал? — недоверчиво спросила Алиса. — Слова я слышу далеко не на иностранной речи.

Обвиняемый только развёл руками.

Анна приставила к её губам бутылку воды. Сделав несколько глотков, раненая застонала, затем опять потеряла сознание.

Вскоре большая часть облика покрылась пластырями и бинтами. Белая марля пошла на руки и ноги. Девчонке повезло — переломов не обнаружилось, артерии не зацепило.

Алексей попутно соорудил что-то наподобие носилок из отвалившийся спинки кресла и ножек тары для еды. Отрезав несколько ремней, он прикрепил их по бокам с помощью изоленты. Всё для того, чтобы Саманта не сползала во время переноски. Жребий выпал нести Вильгельму и Роме, но Лёша пообещал, что обязательно заменит их.

— Алексей, — Вильгельм так обращался к нему только в исключительных случаях, — ваше изобретение, конечно, гениально, но я несу его, наверное, минут пятнадцать, а у меня

уже отпадают руки. Нельзя было найти что-то полегче этой «бандуры»?

— Если что-то не устраивает, бери девчонку на руки, — парировал Лёша.

— Даже не вздумайте, — Аня не оценила его шутку, — её сейчас даже так транспортировать нежелательно. Нужно скорее дойти до нашего пристанища и дать девочке отдых. То, что она пережила, может стать очень серьезным ударом по психике. А как ей объяснить обстановку в мире, да так, чтобы это не стало последней каплей?

— Предлагаю сначала доставить нашу новую ношу до кровати, — сказала Алиса. У неё на плече качался автомат. — Знаешь, Анька, ты как только увидела её, сразу такой разговорчивой стала. Ухаживала за ней, как за родным ребёнком. В чём дело? В тебе материнский инстинкт не проснулся случайно?

— Я же тоже не железная, — чуть улыбнувшись, ответила Анна, — к тому же, это первый случай, когда я смогла проверить свои теоретические знания на практике.

— Откуда ты черпала эти знания? — поинтересовался Вильгельм.

— Мой отец работал хирургом. Он был очень уважаем, между прочим. В лет четырнадцать я случайно попала к нему на работу, и он тайком отвёл меня в операционную. На операционном столе лежал человек. Из грудной клетки торчали множество трубок, перекачивающих ему кровь. Папа думал, что напугает меня. Но получилось наоборот. Как он потом сказал: «В тот момент у тебя горели глаза, как у маньяка, выбравшего свою жертву». После этого он всё своё свободное время помогал мне изучать внутренний мир человека. Если не мог, то оставлял несколько толстых медицинских книжек. За три года я узнала много способов спасения человеческой жизни. От «как правильно наложить жгут» до «как вырезать аппендицит». Жаль, что не успела поступить в вышку. Возможно, через несколько лет я бы уже работала рядом с папой, — она замолчала и задумчиво смотрела куда-то вдаль.

— Твой отец сейчас бы гордился тобой, — отодвигая ветку, похвалил её Лёша, — сегодня его старания принесли результат. Ты спасла первого пациента и, уверен, не последнего.

— Американка что-то говорит, — неся носилки сзади, Рома наблюдал за ней. Саманта лежала на белом фоне и шевелила губами.

— Она бредит, — объяснила Аня, — скорее всего, ещё и температура повысится. Но у меня есть жаропонижающее, всё будет хорошо. Ребята, я понимаю, что вас сейчас распирает от вопросов, но, пожалуйста, давайте вести себя тихо. Лучше её сейчас не беспокоить и не будить.

В молчании прошёл час. Наконец-то лес начал заканчиваться, и вдалеке виднелось перепаханное поле.

— Я помню это место, — сказал Алексей, заменивший Вильгельма и отдавший своё ружьё, — осталось совсем чуть-чуть. За полем будет видна наша цель.

Разбивая земляные грудки и маневрируя между выросшими проростками неизвестной для Вильгельма сельхоз культуры, он спросил у знатока:

— Лёша, а что тут высаживают?

— Каждый год по-разному. То подсолнухи, то горох, если не повезёт — рапс. Хоть бы раз арбузы посадили...

— А сейчас ты не знаешь, что под нашими ногами?

— Без понятия, — его выражение лица давало понять, что разговор закончен.

На горизонте появились несколько силуэтов, похожих на дома, возле которых горело Солнце, приближающееся к закату. Вилли достал бинокль и разглядел новую точку,

лежавшую прямо по курсу.

Сказать, что здание красивое — ничего не сказать. Трёхэтажный дом, со стенами из дубового дерева и красной черепицей, внушал уважение к тому, кто там живёт. Или, по крайней мере, жил. Из крыши выглядывал кирпичный дымоход. На втором ярусе обнаружился просторный балкон шириной почти во весь этаж, а возле первого — резко уходящая под фундамент плиточная дорога. Судя по всему, подземный гараж. Рядом ютилась беседка. На остальные два здания времени тратить не захотелось.

— Нехило вы так живёте, сударь, — прокомментировал увиденное Вильгельм.

— Я? — удивился Алексей, тяжело дыша. — Ко мне этот дворец не имеет никакого отношения. Несколько лет назад моя семья очень так хорошо потрепала нервы семье моей тётки. После этого наши отношения, мягко говоря, стали натянутыми. Так что официально мы проникаем в частную собственность и пользуемся чужими вещами.

— А чем мы раньше занимались? — хихикнула Алиса.

— Это не важно, — если бы не его занятые руки, он бы приставил палец к губам. — Давайте, ребята. Последний рывок. Сейчас спустимся в брод, там нужно пересечь речушку через каменный мост, и спустя пятнадцать минут мы уже будем получать удовольствие от отдыха.

Преодолев водную преграду, вскоре они оказались перед новой — железным забором. Ворота находились далеко, да и не факт, что их открывали, но Лёшу это несколько не расстроило. Аккуратно положив носилки на землю, он принялся проверять руками каждую металлическую опору. Где-то на седьмой попытке его действия возымели успех. Раздался звонкий стук, затем в заборе образовалось пространство достаточное, чтобы в него протиснулось сразу несколько человек.

Через пару минут вся группа оказалась на территории поместья. Ступая по дорожке, выложенной из маленьких камушков, и вдыхая аромат цветов, все они следовали по направлению к возвышающимся над ними дому. Включился фонарь с красивыми узорами. Вильгельм не ожидал такого и отскочил от него под звонкий смех Алисы. Та получила лёгкий удар в бок от Ани, указывающей в сторону Саманты.

Лёша не соврал: через пятнадцать минут все отдыхали в беседке, перед этим распределив комнаты и разместив раненую в покоях Анны. Девушка так и не пришла в сознание.

Пока это происходило, Лёха зря времени не терял. Он вернулся из подвала с бутылкой благородного напитка в руках и хитрой улыбкой на лице. На столах уже ждали своего часа стеклянные бокалы, найденные в сервизе. Красная жидкость быстро наполнила их до самых краёв.

— Предлагаю выпить, — Вильгельм решил сказать тост, — за то, что мы ещё живы. Далеко не каждому сегодня выпала возможность дожить до вечера. Поэтому пусть их души спят спокойно, а нам сопутствует удача пройти достойно то испытание, что выпало на нашу долю.

Помещение заполнили звуки ударов хрусталя. Вино в свете лучей переливалось из одной ёмкости в другую, после чего его выпили до последней капли.

— Молодец, Алиса! Моя девочка!

Стальная стрела пробила бумажную поверхность мишени и попала точно в десятку. Четвёртый раз подряд.

Через пластиковое окно спортзала полная луна с интересом наблюдала за происходящим. Покрытые вековым слоем пыли лампы периодически издавали электрические разряды. Сидя на чёрном мате, седой старик, в знак уважения, похлопал в ладоши. Рыжая, держа в правой руке арбалет, поклонилась ему.

— Спасибо, Виктор Павлович. Без вашего руководства я бы никогда не научилась так мастерски обращаться, как вы любите говорить, с этой «пращей». А теперь я лучший стрелок в городе.

— И обязательно станешь лучшей в стране! Ты уже подала документы на участие в спортивный комитет?

— Да... — её лицо погрузнело.

— Не понял? — голос старика перестал излучать позитив и вмиг стал серьёзным. — Что уже моя авантюристка натворила? Быстро отвечай, я же всё равно узнаю.

— Да пошли они все в задницу! — её карие глаза стали влажные, и уже через минуту она рыдала на коленях у деда. Тот нежно гладил своей мазолистой рукой её макушку. Успокоившись, лучший стрелок города начал, сквозь всхлипы, рассказывать:

— Я уже уходила, как столкнулась с одним пижоном. Мы с ним пересекались раньше. Он, по-моему, занял второе место в турнире. И эта белобрысая башка мне вдруг заявляет: «Надеюсь, нищелюбка помылась прежде, чем сюда явиться. В чём я сомневаюсь. Очень не хочется подцепить от тебя какую-то заразу». Я, недолго думая, сломала ему нос. А потом забрала бумажки и свалила оттуда, громко стукнув дверь.

Она опять зарыдала.

— Посмотри на меня, — спокойно сказал старик.

Алиса подняла голову. Всё его лицо покрылось морщинами, скулы облепила седая щетина. Синие глаза по-отцовски глядели на неё.

— Эх, Алиса, Алиса... ну когда ты уже повзрослеешь? Сама прекрасно понимаешь, что в мире полно придурков. Но всем же носы не переломать. Да и кому от этого будет легче? Насилием ничего не добьешься. Хватит хныкать, ты же у меня сильная. К чёрту тот чемпионат! Не этим летом, так следующим мы их всех сделаем. Я обещаю.

Так они и просидели до самого утра.

Умывшись холодной водой, Алиса сказала сама себе:

— Нет, Виктор Павлович, тут вы ошиблись. Не прибегнув к насилию, я бы сейчас кормила червей и ворон.

Зайдя в беседку, она увидела спины Вильгельма и Алексея. Оба что-то чертили за столом.

— Доброе утро, — не оборачиваясь, обратился к ней Вилли, — садись, — он указал на деревянный стул. — Кофе на столе.

Подув на горячую черную жидкость, налитую в металлическую чашку, Алиса поняла, что они делают более детальную карту окружающей местности. На белом листе А4 почти не

осталось места.

— Как там американка? — спросила Алиса.

— Так и не очнулась, — вырисовывая простым карандашом небольшое дерево, сказал Лёша, — зато обмочила постель. Пришлось менять и стирать. Ещё и жар у неё. Аня даже есть отказалась, всё время с ней возится.

— А что на завтрак? — поинтересовалась рыжая.

— Лапша, Лисёнок. Сходи на кухню, там Рома колдует над плитой.

Получив в тарелку свою порцию полуфабрикатов, она вернулась к своей прежней компании, лениво ковыряя вилкой яство.

К тому времени импровизированную карту полностью доделали. Лёша принялся объяснять, где что находится:

— Если кто-то ещё не понял, мы находимся западнее от города, вот здесь, — он указал на забавный рисунок домика, размещившийся в середине карты, — восточнее нас лес, по которому мы шли. Также в этом направлении небольшая речка, течение которой в нескольких километрах отсюда резко поворачивает на северо-восток. Ну, и пара полей для посева. Лес упирается в непроходимые болота. Они заняли всю северную сторону и северо-западную в придачу. А вот дальше интереснее. К западу отсюда в десяти километрах построили электростанцию с солнечными батареями. Если сможем ввести в действие хоть одну из них, то получим бесперебойный источник света и, возможно, тепла, которого у нас теперь нет.

— Ты даже знаешь как, умник? — сказала Алиса с набитым ртом.

— На месте разберемся. Не перебивай. Чуть ближе к нам — ферма. Надо успеть к тому времени, пока не передохла вся живность. Тогда зимой будем есть не только консервы, но и что-то повкуснее. Ну а с юго-запада по юго-восток раскинулись несколько десятков посёлков. Есть даже небольшой городишко. Вилли, я подумал над твоим предложением насчёт выживших. Территория поместья большая. Сами мы её стеречь никак не сможем. К тому же у нас есть особняк с пятнадцатью комнатами. Плюс два дополнительных здания, в которых когда-то жила прислуга. В них легко можно поселить сто-сто пятьдесят человек.

— Вот и замечательно, — согласился Вильгельм. Его явно обрадовало эта новость.

— А теперь, если никто не против, нам нужно разжиться бензином. У меня плохое предчувствие насчёт нашей тачки. Нужно её как можно быстрее оттуда убрать. Так что, Вилли, предлагаю тебе прямо сейчас собираться, и мы отправимся в сторону этих населённых пунктов, — он указал карандашом на несколько точек с вычурными названиями.

— Я, правда, хотел получше рассмотреть наш новый дом. Но дело действительно не терпит отлагательств. Так что я согласен.

Мужская половина собиралась покинуть стол, как вдруг в беседку вбежала Анна.

— Ребята, — на ней был медицинский халат. На его белую ткань попало несколько капель крови, — Саманта проснулась.

После Аниных перевязок девушка стала похожа на мумию одной из египетских гробниц. Каждая клетка тела отдавала ужасной болью и она, лёжа на кровати и будучи укрытой одеялом, старалась делать как можно меньше движений.

В комнату сквозь синие занавески пробилось несколько лучей — единственный источник света. Деревянный пол покрылся мягким ковром. На его поверхности расположились разные звери: как реальные, так и вымышленные. Стены и потолок,

сделанные из того же материала, что и пол, пахли дубом. Слева стояла точно такая же кровать. Напротив стол, накрытый жёлтой скатертью. На нём лежало огромное количество таблеток, стеклянных пузырьков с разными жидкостями и даже шприцы. В углу стоял шкаф, в середине которого вырезали ёмкость, где стоял телевизор. Он не работал. Над девочкой висело несколько фотографий с незнакомыми ей людьми. На всех снимках было только два человека. Всегда в центре снимка — женщина в преклонном возрасте, с вьющимися волосами, большим носом и властным лицом. Немного в стороне от неё — мальчик с чёрными кудряшками и небольшим носиком. Его грустные, зелёные глаза явно говорили, что он не разделяет общества этого человека.

Внезапно дверь отворилась. Вошёл брюнет с острым носом и карими глазами. Казалось, они ничего не выражали. На правом виске зиял шрам. Он молча проследовал к свободной кровати и сел на нее. Тоже самое сделала рыжая девушка, явно с интересом изучая Саманту. Кучерявый парень с прыщавым лицом поставил рядом с ней деревянный стул спинкой вперёд, сел и демонстративно упёрся о новую опору руками. Девушка с испугом и непониманием смотрела на них, но севшая возле её ног девушка в белом халате своим спокойным взглядом дала понять, что ее жизни ничего не угрожает.

— Ты меня понимаешь? — обратился к ней сидящий на стуле.

— Да... — она старалась только шевелить губами.

— Странно, но вернёмся к этому позже. У тебя, скорее всего, полно вопросов, так что задавай их.

— Что со мной произошло?

— А ты как считаешь? Рухнул самолёт, благо мы шли мимо и не дали тебе истечь кровью. Теперь за тобой ухаживает наша подруга Анна, — он махнул головой в сторону брюнетки. — Ты, кстати, теперь перед ней в неоплатном долгу. Кто знает, что бы произошло с тобой, если бы не она.

— Спасибо, — раненная поблагодарила свою спасительницу. Та лишь кивнула в ответ. Немного подумав, Саманта задала следующий вопрос:

— Где мой отец? Он в порядке? И что это за место? Не очень похоже на больницу.

Кудрявый отвёл свои зелёные глаза. Он, как и остальные, заметно поник, не зная, что сказать.

— Он погиб, да? — на её глазах выступили две маленькие капли. — Или что с ним?

— Эх... если бы мы сами знали. Ладно, пойдём по порядку. Что последнее ты помнишь до того, как отключилась?

— Как самолёт резко дёрнуло вниз. Ещё, что перед падением куда-то пропал мой папа... да и не только мой. К примеру, маленькая девочка разбудила весь самолёт, ища свою маму.

— А теперь сосредоточься на этом моменте. Тогда ты видела кого-нибудь из взрослых?

— Что ты хочешь сказать мне этим... прости, я так и не спросила твоего имени.

— Алексей. Можно просто Лёша. Вот тот хмурый — Вильгельм или просто Вилли рыжая — Алиса, ну а Аньку ты уже знаешь. Рома сейчас готовит еду. Прости, я увлекся. Продолжай.

— Лёша... — сказать это имя далось ей с большим трудом. Перетерпев боль, она продолжила. — Нет, я не помню, чтобы в бизнес-классе кто-то был из старших. Я не понимаю, почему.

— И никто не понимает. Я тебе больше скажу, ты не смогла бы найти на той железке

человека старше восемнадцати лет. Даже пилотов. Уверен, что их отсутствие и стало причиной вашей преждевременной посадки.

— Как такое возможно? — её сапфировые глаза с непониманием смотрели на рассказчика.

— Не знаю, — больше он ничего не сказал.

— И всё? Давай, не щади меня. Быстро отвечай, что случилось с моим отцом! — она сорвалась на крик, после чего её горло словно резануло кинжалом.

— Тише-тише, глупышка, — Аня погладила её по голове, — тебе сейчас нельзя так напрягать голос.

— Не шадить? — взгляд Алексея недобро блеснул. Анна с беспокойством посмотрела на него. — Ну, ты сама так захотела. Слушай внимательно и запоминай. Повторять не буду. Ввожу в курс дела нашего дурдома: в три часа ночи по нулевому меридиану произошла какая-то неведомая для нас херня из-за чего все, кто старше восемнадцати лет, испарились. Мы называем это «Момент Х». Причину этому можешь придумать сама. Вон Вилли считает что нас так Вселенная испытывает. Это не так важно в отличие от того, что и половины дня не успело пройти, как начался ад. Например, у Ромы убили младшего брата. В подробности вдаваться не буду, просто знай, что нам пришлось порядочно испачкать руки и потрепать себе нервы прежде, чем добраться сюда, в относительно безопасное место. А про то, что сейчас происходит у тебя на родине, я даже думать не желаю.

— В смысле на родине? — она спросила как-то отстранено, пытаясь осмыслить его слова. — Я сейчас не в Америке? Точно, у вас же совсем не наши имена... А где же я тогда?

Алиса подала голос:

— Добро пожаловать в Восточный Союз Европейских Стран или сокращённо «ВСЕС»
Всегда веселила эта аббревиатура.

— Восточных стран? Но ведь я летела в Китай через Тихий океан.

— Значит, самолёт сбился с курса, — предположил Лёша. — А теперь я позволю задать вопрос, который меня мучает с самого начала нашего разговора. Откуда ты так идеально знаешь наш язык? У тебя даже акцента нет.

— Ваш язык? Вы со мной по-английски говорите. Я поэтому и подумала, что нахожусь в США.

Наступило долгое молчание. Его прервал Вилли:

— Чёрт знает что происходит, — он встал, подошёл к её кровати и посмотрел прямо в глаза. — Саманта, мне не понять ту боль, что ты испытываешь из-за своей утраты. А о том, какое тебе страдание приносят раны, я вообще молчу. Но я очень надеюсь, что ты поправишься и сможешь принять нашу реальность, какой бы абсурдной она не была. Теперь отдыхай. Тебе нужно набираться сил. Пойдём, Лёша, машина к нам сама не приедет.

Алексей передал ей железный футляр и, ничего не сказав, проследовал за своим другом.

Выходя из комнаты, Вильгельм услышал, как кто-то начал плакать.

Колёса чёрных велосипедов катились по песчаной дороге, издавая тихое шуршание. Ветер трепал волосы. Летящие навстречу насекомые всё норовили залететь в рот и глаза. Благо в гараже поместья нашлись не только эти два транспортных средства, но и мотоциклетные очки.

Вильгельм ехал чуть позади Лёши, так как тот указывал путь. Это не мешало им вести диалог.

— Дерьмовое начало дня, — пробубнил Алексей.

— Чего ты так? Сейчас могли идти пешком, а так вмиг до цели домчимся.

— Да девчонку жалко. Довели мы её. Впрочем, сама виновата. Ещё этот феномен с языком. Неужели так везде?

— Может, это как-то связано с историей о Вавилонской башне? А что? Срок многоязычия истёк, и теперь все опять на одном шпрэхают.

— После исчезновения большей части населения Земли я готов поверить даже в Библейские истории.

Они приблизились к первым одноэтажным домам.

— Стой, — скомандовал Лёша. Послышался звук торможения об щебень. — Велики спрячем в этих кустах. По улицам передвигаемся на своих двоих, а то так ещё и на засаду нарвёмся.

Они вошли на территорию посёлка. Везде не было ни души, шокирующее явление в это время суток. Тишину нарушало лишь дыхание Алексея, Вильгельма и воркование голубей.

— Слишком тихо, — прокомментировал он. — Ни за что не поверю, что здесь не живут дети. Давай за мной и осторожно.

Поиски бензина в домах не увенчались успехом. Правда, с пустыми руками они тоже не уходили. Забирали много чего: от ножниц до паяльника. После нескольких улиц они вышли к одноэтажному зданию школы.

— Стоит глянуть, — предложил Лёша.

— В тебе пробудилась ностальгия? — не оценил его предложение Вилли. — С какого перепугу там должна делать соляра?

— Фактор случайности никто не отменял. К тому же мне нужны книги по механике. В нашей библиотеке их совсем нет, а здесь могут быть.

— Пойдем уже, механик...

Возле входа висела чёрная табличка с серебристыми буквами, гласившая: «Общеобразовательная школа номер пятьдесят семь». Коридоры встретили их так же, как и улицы — тишиной и пустотой. Алексей нажал на кнопку, отвечающую за активацию звонков. Это не возымело эффекта. Похоже, свет здесь уже отрубили.

Блуждая школьным лабиринтом и скрипя половицами, они всё же отыскивали нужную дверь. Жирную надпись «БИБЛИОТЕКА» мог увидеть даже слепой.

Книжные полки явно нуждались в уборке. Слой пыли на книжках намекал на то, что их давно не брали в руки. Теперь уже их никто не побеспокоит. Вильгельм провёл по ним указательным пальцем, оставляя чистую дорожку.

— Давай, Лёха. Делай то, ради чего пришел, — он присел за одну из парт. На столе лежала книга. «Капитал» говорили черные буквы на красном форзаце. — А разве Карл

Маркс у нас не запрещён? — спросил себя Вильгельм. В другой ситуации ему бы и в голову не пришло трогать эту книгу. Но та ситуация закончилась полтора дня назад. Он открыл случайную страницу и принялся читать:

«Толпа изумленно смотрит на накопленные массы, особенно, если они сконцентрированы в руках немногих. Но ежегодно производимые массы, как вечные, неисчислимы волны могучего потока, катятся мимо и теряются безвозвратно в океане потребления. И, однако, это вечное потребление обуславливает не только все наслаждения, но и существование всего человеческого рода».

— М-да, — сказал Вильгельм, — можно сказать, его мечта сбылась. От капитализма не осталось ни следа.

Книга нашла своё место в рюкзаке. Вилли никогда не разделял коммунистические взгляды, но почему-то захотелось её прочитать. Если учитывать, что сейчас происходит, то смысл книги мог получиться весьма забавный.

— Вилли! — крикнул Лёша. — Ты это слышал?

— Что именно? Если ты про шум, идущий от тебя, то да.

— Да нет, — он выглянул из-за полки и указал в сторону дальней двери. — Я слышал оттуда регулярные удары. Как будто там кто-то есть.

— Пошли проверять, — сказал Вильгельм, поднимаясь.

Подойдя к источнику странного шума поближе, парни поняли, что это помещение для уборщиц. Если их, конечно, не обманывал знак с метлой. В этот же момент звук утих. Дверь оказалась закрытой.

— Как будем открывать? — спросил Вилли.

— Так же, как и когда нас в пятом классе закрыли в раздевалке, — Лёша ухмыльнулся.

— Выбивать? — сообразил он.

— Да, главное, никого не прибить там. Ну что, готов?

Они раздвинули столы и отошли на расстояние для разбега. Сначала бежал Алексей. Он навалился на дверь всем телом, после чего кусок дерева добивал Вильгельм, ударив с разбега ногой. Одна из петель не выдержала и сломалась, а под весом Лёши и вторая. В последний момент оба парня отскочили, и дверь с грохотом упала. По коридорам пролетело эхо.

Покрашенный в белый цвет кусок дерева скрывал за собой интересную картину: среди металлических вёдер, швабр, средств для чистки и грязных тряпок сидел измождённый рыжий пацан, закрывая глаза от света, хлынувшего в тёмную каморку. Грязная школьная форма и запах нечистот говорили о том, что он тут торчит не первый час.

Вилли, не дожидаясь просьбы о воде, протянул ему флягу. Тот прильнул к ней, а затем начал трясти его руку и благодарить. Спасителю стало неловко. Алексей прервал спасённого:

— Ну, рассказывай: как тебя так угораздило?

— Неудачная шутка старшеклассников. Долго я тут сидел?

— Когда тебя закрыли?

— Во второй половине дня. Все уже разошлись, только я и они остались.

— Тогда приблизительно суток двое.

— Как же так? — удивился рыжий. — Они же говорили, что утром откроют. Сволочи... Так ещё и охранник, козёл. Ночью услышал меня, сказал, что идёт за ключами, и пропал. Спасибо, что хоть можно куда ссать, — он кивнул в сторону ведра.

— Думаю, — подал голос Вильгельм, — вины охранника здесь нет.

— В смысле? И да, что на вас за одежда странная такая? И стволы ещё. Вы на какую войну собрались?

— О, Господи... — Лёша взялся за голову и стукнулся об побеленную стену. — Он же не знает. Я вам что, справочное бюро? Ладно, в последний раз.

По мере рассказа Алексея глаза пацана становились всё шире и шире. Он сел за стол и с минуту молча смотрел в одну точку. Затем спросил:

— И что мне теперь делать?

— Давай сначала узнаем твоё имя, — сказал Вилли.

— Имя? Да, имя... Юра. Меня зовут Юра, — сказал он, не смотря на них.

— Юра, ты где-то тут живёшь?

— Прямо через двор.

— Отлично. Предлагаю тебе собрать свои вещи и переселиться к нам.

— К вам?

— Да, мы тут недалеко осели. Вместе веселей.

— Хорошо, — немного подумав, он согласился.

Через десять минут, парни оставили нового члена группы возле его домика, пообещав, что после того, как найдут канистры с бензином, заберут его.

— Ребята, — перед уходом Юра окликнул их, — если встретите старшаков, передайте им от меня пламенный привет.

— Обязательно, — ответил Лёша, помахав ему ружьём.

Им, как назло, не везло. Они не встретили ни одной машины, а взламывать гаражи в их планы пока не входило. Внезапно в нос ударил запах горелого, а через минуту они нашли его источник: сгоревшую до основания одноэтажную хату. В его черных остовах Лёша и Вильгельм насчитали двенадцать полностью обгоревших тел. Определить пол и возраст оказалось тщетной попыткой.

— Похоже, утечка газа, — предположил Лёша. — Видимо, настолько веселились, что забыли выключить плиту. Или баллон с газом протёк. Теперь понятно, почему здесь так тихо. Все оставшиеся жители этого местечка сейчас перед нами. Карма за Юру их настигла.

Возвращались с горьким привкусом. Очень хотелось отвлечься от увиденного, но не получалось. До тех пор, пока они не увидели их нового товарища с драгоценной канистрой. Тот уже сменил форму на спортивный костюм.

— Где ты её нашёл?! — Вильгельм не мог сдержать эмоций.

— У бати под кроватью. Сам не понимаю, зачем она ему там. Но спасибо ему. Нам сейчас нужнее, — сказал Юра, зарядив пистолет и поставил его на предохранитель.

— Тоже батин? — догадался Алексей.

— Да, он у меня легавым работал. Пушку держал в сейфе, но код то я знаю. Кстати, тех ублюдков не встречали?

— Не, — соврал Вилли, — скорей всего, они ушли отсюда.

«Четвёртое апреля

Пока не знаю для чего, но лучше заведу дневник. Говорят, помогает отвлечься. Да и, мало ли, может пригодиться.

Как хорошо, что взял с собой коробку простых карандашей. Теперь можно ими хоть картину рисовать, жаль, что не умею.

Сейчас лежу в гамаке, в подземном гараже. Автомобиля, по какой-то причине, мы в

нём не нашли. Да и бензина тоже. Правда, велосипеды есть, и на том спасибо. Планирую тут спать. А что? Всё нужное под рукой. Есть верстак. И огромная коробка инструментов. Так что, если мне захочется что-то смастерить, это мигом. Главное, знать что.

Вильгельм потихоньку привыкает. Думаю, если наша компания разрастётся, сделать его здесь главным. Лидерские зачатки в нём есть, и это главное. Только бы уговорить его.

Саманта больше не разговаривает. Почти не ест. Аня очень обеспокоена этим. Пытается отвлечь её, но без толку. Только в потолок смотрит и периодически разглядывает что-то в своём футляре. Анька говорит, что там фотографии.

Рома кулинар от Бога. Очень вкусно готовит. Теперь он что-то вроде нашего повара. Он даже во время процесса напевает себе под нос. Если это помогает ему отвлечься от смерти брата, то я только «за».

Застал Алису и Юру за странным делом: они выкапывали цветы и сажали в лунки семена из разноцветных пакетиков. Я помню, она их набрала в магазине. На мой немой вопрос она ответила: «Сейчас апрель? Правильно. Апрель. Как раз пора сажать. Ты зимой хочешь вкусно жрать? Поэтому бери лопату и помогай нам». Вскоре к нам присоединились Вилли и Рома. Так мы и не разгибались до вечера.

Пятое апреля

Лисёнок просит решить проблему с подачей воды. Я с ней полностью согласен — таскать воду из реки то ещё удовольствие. Вот только водопровод исправен, он качает воду из той же реки. Нужно лишь электричество для аккумулятора.

Саманта опять обмочилась. Аня говорит, что ей снятся кошмары. Бедная... Как же нам ей помочь?

Алиса полностью посвящает себя огороду. А мы теперь вынуждены помогать ей в этом. Иначе гнев Лисёнка не минует. Лучше не рисковать.

Медлить больше нельзя. Завтра идём за нашей машиной. Возьму Вильгельма и Юру».

Напуганная лань убегала прочь от незваных гостей. Каждый её прыжок был идеален. Каждое движение было обдуманым и выгонченным. Пару мгновений, и она уже исчезла в густой лесной чаще.

— Почти пришли, — сказал Алексей, глядя ей вслед. — Я помню эти деревья.

Он ошибся. Прошло ещё полчаса, прежде чем показались знакомые кусты. К ним добавилась одна важная деталь: три разлагающихся трупа.

— Аккуратнее, Юра! — скомандовал Вильгельм. — Мы тут растяжки поставили. Вон те уже попались.

Он еле сдерживал рвотные позывы и бросился за дерево, где его вывернуло.

— С боевым крещением! — крикнул Лёша ему вслед.

Вилли склонился над одним из тех, кому не повезло попасться в их ловушку. На испачканной траве лежал молодой толстяк. Его губы скалились. Похоже, он даже не успел понять, что его убило. Рядом с ним лежал, судя по всему, кент. Взрыв оторвал ему голову. Та с интересом изучала своё туловище. Дальше от них лежало третье тело. Пацан пытался убежать, но напоролся на ещё один «сюрприз». Перед смертью он испытывал сильную боль, если судить по сжатой рукоятке пистолета. Вильгельму пришлось приложить усилие, чтобы забрать Кольт 1911.

— Предупредили бы хоть, — сказал Юра, вытирая рукавом рот.

— Мы сами не ожидали такого исхода, — сказал Вильгельм, изучая пистолет. — Так, слабохарактерный мой. Будь добр, сними с них рюкзаки и собери оружие. И не смотри на меня так. Я же не прошу их раздевать.

— Сделаем, — без энтузиазма ответил пацан.

— Лёха! — крикнул Вилли. — Что там с нашей малышкой?

— Пробило осколком колесо, — снимая последнюю растяжку, ответил Лёша, — но это нестрашно. Доедем.

Вильгельм залез в кузов. Все мешки лежали на месте. И даже его сумка. Он не удержался, взял одну пачку сухарей и принялся хрустеть ими.

— Вас ничего не смущает? — спросил ошарашенный Юрий.

— Ну, трупы и трупы, — сказал Лёша, залезая в кабину, — я думаю, ты ещё не раз их увидишь. Та и по кому горевать? Вон тот, — он кивнул в сторону парня, у которого Вилли отобрал пистолет, — несколько дней назад стрелял в нас. Еле ноги унесли. Вернее, колёса. Видимо, послали этих троих по следу от бензина. Вот только они не ожидали, что мы это предвидим. Привыкай, Юрец. Такой наш новый дивный мир.

Юра лишь сказал несколько грязных слов, после чего достал канистру и начал заливать в тёмно-зелёный бак питательную жидкость для двигателя.

Вильгельм расположился среди тёмных контейнеров для трупов и продолжал жевать сухари, попутно разглядывая свою новую находку.

— Тяжёлый, — прокомментировал он.

Тяжесть внушала уверенность в себе. Шершавая рукоять холодила руку. Черный ствол и приведённый в боевое положение предохранитель был готов сеять смерть и разрушение. Вилли слышал, что одна пуля, выпущенная из этого «жнеца», способна остановить носорога.

Вильгельм щёлкнул предохранителем и положил пистолет в карман плаща. Загудел двигатель, выхлопная труба несколько раз чихнула. Юра сел напротив Вильгельма. Тот протянул свой пакет с солёной гадостью, но малец вежливо отказался.

— Я вряд ли смогу сегодня запихнуть в себя хоть маленький кусочек, — сказал он.

— Понимаю, — согласился Вилли, кидая в рот очередной сухарь. — Вечером хоть немного, но поужинай. А то совсем сил не будет. К тому же ты обидишь Рому.

— Я постараюсь. Ничего не обещаю.

Машина тронулась, пассажиров слегка качнуло. Вскоре они уже ехали по шоссейной дороге. Несущиеся сосны постепенно сменялись живописным пейзажем. «Бескрайние простоты» — как говорили солдаты Вермахта. Эта фраза точно описывала вид, созерцавшийся Вильгельмом.

— Что-то в этом есть, — сказал Вилли.

— Ты о чем? — глядя на дорогу, спросил Лёша через окошко.

— Да про нас в целом. Скользим по дороге в бесконечность. Вокруг такая красота. Мы сидим среди сокровищ, за которые готовы убивать. И несмотря на то, что вокруг нас бойня, мы ещё живы. Каждый глоток воздуха теперь намного слаще.

— Надолго ли? — не разделяя его романтического настроения, спросил Алексей. — Я вот не уверен, что с нами будет через час. Сколько уже дней прошло с «Момента Х»? Пять, шесть?

— Четыре, — поправил его Юра.

— Спасибо. Четыре дня назад нас сократилось приблизительно до двух миллиардов. Сколько погибло за эти дни? Сколько доживёт до зимы? А сколько её переживёт? Если хотя

бы миллиард останется — это уже удача. Задумайся об этой цифре. До конца года не доживёт почти миллиард человек. В их число могут спокойно попасть присутствующие в этой машине. Так что я в какой-то степени понимаю твои мысли, но разделить их никак не могу.

— Лёша, — сказал Вильгельм, рассматривая синюю комету.

— Что? — рывкнул он.

— Будешь такой вредный — не поделюсь вкусняшками, — Вилли засмеялся.

— Ты не посмеешь! — сквозь смех ответил тот. Юра смотрел на них, как на придурков.

Остальной отрезок дороги провели в молчании. Наконец-то появилось знакомое перепаханное поле, а за поворотом, ставшими уже родными, зелёные ворота.

Лёша до последнего не верил, что машина заедет в гараж и не придется снимать крышу кабины. Но чудеса случаются. Она поместилась.

— Такое ощущение, что его строили как раз под эту громадину, — прокомментировал Алексей, выгружая тёмные мешки.

Вскоре всё содержимое кузова, кроме медикаментов, переместилось в прохладный подвал. К несчастью Вильгельма, квас и газировка не дожили до этого момента, пав в неравном бою с жарой. Но пластиковые бутылки решили не выбрасывать.

Остальные сумки отнесли в комнату Ани, после чего собирались оставить её наедине с Самантой, но в последний момент врач вышла из своих покоев, подозвав Алексея.

— Я слушаю.

— Она сегодня ничего не ела, — казалось, Аня готова расплакаться. Под её глазами начали образовываться черные круги. — Я уже не знаю, что с ней делать. Она отказывается вставать с кровати, отказывается от еды, отказывается от лекарств. И ничего не говорит. Лёша, поговори с ней, пожалуйста. Я без понятия, что ей сказать, чтобы она вернулась к жизни.

— Только психологом мне осталось побыть... С тебя аскорбинка.

— Спасибо! — она обняла его.

— Ну всё, тихо-тихо. Иди на кухню, возьми у Ромы что-то перекусить. Отдохни. Ты весь день на ногах, — он погладил её по макушке и выбрался из крепких девичьих объятий. Она направилась в сторону кухни. — Депрессия у неё... — сказал Лёша, смотря на деревянную дверь и вскоре зашёл в спальню Ани.

Глядя на перебинтованное лицо и отчуждённые глаза, Алексей мысленно сказал себе: «Либо я спасу её, либо окончательно доведу. Третьего не дано».

Он, как и в прошлый раз, поставил стул возле её кровати спинкой вперёд. Его камуфляжная куртка пахла сосной, заполняя этим ароматом комнату. Саманта повернулась в его сторону и посмотрела, как будто сквозь него.

— Долго это будет продолжаться? — Лёша постарался сделать свой голос как можно грознее и жёстче. — Сколько ещё ты будешь заниматься самоистязанием? Чертова эгоистка! Да из-за тебя на Аню смотреть больно! Кому ты своей смертью сделаешь лучше? Мне? Ребятам? Папе? Маме? Разве твои родители хотели для тебя именно такой судьбы? Чтобы ты сдохла неизвестно где, так толком и не пожив? Не знаю, как тебя, а меня это не устраивает! Или ты, дрянь мелкая, встаёшь, или я тебя за волосы протяну вокруг дома.

Саманта встала. Белая полоска бинта под её глазами стала влажной. Несмотря на её раны, она вlepила Алексею увесистую пощёчину. И ещё. И ещё. Он не сопротивлялся. Стыд съедал его изнутри, но другого способа достучаться к ней он не видел. Теперь он стойко

терпел наносимые удары, которые по праву заслужил, и улыбался. Желаемый результат достигнут.

— Зачем? — спросила Саманта, не переставая хлестать Алексея по лицу. — Зачем вы меня спасли?! Какой смысл мне теперь жить?!

Лёша поймал её перебинтованную руку.

— Потому что каждая спасённая жизнь это сопротивление произволу этого грёбанного мира. Я уверен, твои родители пожертвовали бы всем, чтобы дать тебе такую возможность. Так почему ты так пренебрегаешь ей?

Она молча всхлипывала.

Лёша посмотрел на стол с горкой различных лекарств. Среди них расположилась тарелка остывшей гречки.

— Тебе нужно поесть, и это не обсуждается, — сказал категорично Лёша.

Саманта лишь кивнула.

Войдя в комнату, Аня не поверила своим глазам. Алексей кормил американку с ложечки.

«Седьмое апреля

Сегодня ночью нас разбудил Анин крик. Как оказалось, Саманта пыталась сделать самостоятельно несколько шагов, что у неё получилось, но затем всё-таки свалилась. Анька долго возмущалась, но было видно, что она довольна. Наконец-то состояние девочки сдвинулось с мертвой точки.

Алиса ходила на охоту в сторону болот со своим верным арбалетом. Вернулась не с пустыми руками. На ужин Рома подал жареную утку. После консерв и крупы мясо казалось настоящим деликатесом.

Девятое апреля

Снимали повязки с лица Саманты. Аня наконец-то разрешила ей ходить самостоятельно и она долго сидела на кухне, рассматривая свой облик в зеркале. Под глазом остался глубокий шрам. Жалко, у неё такое милое личико.

Смартфон Вилли окончательно сел. Он любил вечером слушать на нём музыку. Нужно решать проблему со светом. Ужинать при свечах, конечно, романтично, но без электричества ни помыться, ни поработать в мастерской нормально нельзя.

Одинадцатое апреля

Засекли двух незваных гостей в Алисином огороде. Попытались ретироваться, но выстрел в воздух их остановил.

Мы поняли, что это двое детей. Обоим не больше десяти. Оба носили одежду явно не по размеру. Выяснилось, что здесь работала их мама в качестве горничной и они хотели отыскать её. Маму они уже не найдут, но новый дом я им гарантирую. Поселили их в жильё для прислуги. Теперь у Алисы два новых легальных крепостных для её наполеоновских планов по территории участка.

Саманта стала постоянным посетителем моей мастерской. Сегодня помогала чинить пробитое колесо. Умная девочка. Всё схватывает на лету и понимает с полуслова. Может когда-нибудь наступит день и она улыбнётся?

Уговорил Вилли поехать со мной на электростанцию. Завтра выдвигаемся».

Дождевые капли на огромной скорости врезались в бронированное стекло, после чего смахивались дворниками. Сильный ветер нагибал бедную осину. Ещё немного и бедное дерево поломает пополам.

— Распогодилось, — прокомментировал Вильгельм, сидя на пассажирском сиденье и наблюдая сквозь закрытое окно, за огромной черной тучей. Слышались раскаты грома. Машину трясло по грунтовке. Эффект от тряски усиливался тем, что Алексею приходилось маневрировать между лужами, а иногда и вовсе съезжать с дороги, иначе машина рисковала застрять. — Может стоило перенести нашу поездку завтра? А то дождь только сильнее становится.

— Где гарантии, что завтра он кончится? — Лёша в очередной раз резко повернул руль. Словно в подтверждение его слов ударила молния.

— А где гарантии, что в нас не шарахнет сверху? — Вильгельма явно беспокоила разбушевавшаяся стихия.

— Не ной. Если карта не обманывает, ещё пару километров и мы увидим солнечные

батареи. Там и переждём.

— А если придется ночевать?

— Не сахарный. Переночуем. И ребята уже не маленькие — без нас справятся. Всё! Не отвлекай меня. Ещё не хватало перевернутся.

Депрессивный вид из окна навевал тоску. Вильгельм пожалел, что не взял с собой книгу. Не смотря на тряску, можно было попробовать почитать, а так оставалось разглядывать стекающие по стеклу прозрачные капли.

Спустя час сквозь толщу воды они увидели то, за чем приехали: огромные панели цвета чистого неба занимали площадь соизмеримой гектару. Они создавались для одной цели: поглощать энергию солнца и отдавать её на блага людей. Но пока поглощать получалось только воду.

— Смотри! — Вильгельм указал левее синих прямоугольников.

Лёша посмотрел туда, куда показал Вилли, и увидел серое кирпичное здание в два этажа. Судя по всему от туда управляли панелями. Сюрреалистичность заключалось в том, что в окнах горел свет. Кто бы мог подумать, что современного человека можно этим удивить? Дом огородили каменным забором с колючей проволокой. По периметру расставили вышки. На территории заметили несколько тэнтовых палаток.

— Похоже кто-то нас опередил, — вскоре сказал Лёша. — Ну ничего, на этот случай у меня есть план «Б», — он кивнул в сторону тёмной сумки, лежавшей позади него.

Через десять минут, рассекая колёсами грязь и воду, они подъехали к чёрным воротам ведущих на территорию управления электростанцией. Каменная плитка, ведущая ко входу, полностью пропиталась влагой. Слева от ворот стояла будка охраны. По её белому шиферу стекали потоки воды. В окне будки на миг показалось движение.

— А нас не убьют? — спросил Вильгельм снимая пистолет с предохранителя.

— Есть только один способ узнать, — ответил Лёша, натягивая зелёный капюшон и доставая сумку.

Песочные берцы месили вязкую грязь и явно были ошарашенны таким климатом, но всё же держались стойко. Прикрывая рукой глаза от летящих прямо в лицо капель Вильгельм следовал за Алексеем. Волосы и одежда стали вмиг влажными.

Внезапно окно будки отворилось и из-за него высунулся дёргающийся ствол винтовки Мосина. Держал её семнадцатилетний парень. Не смотря на возраст, у него уже выросли усы. Вилли рефлекторно достал пистолет и направил в сторону охраны будки. Лёша положил сумку и поднял руки вверх.

— Вы кто такие?! — послышалось с окна. — Свалили нахер отсюда!

— Спокойно, — холоднокровно обратился Алексей. — Мы просто хотим поговорить с вашим главварём.

— С какого это перепугу?! — удивился усач. — Повторяю для особо глухих: свалили нахрен отсюда, иначе пристрелю.

— Вилли, убери ствол, — шикнул на него Лёша.

— Ещё чего, — упёрся Вильгельм.

— Убери грёбаный пистолет, иначе будешь таскать воду из реки сам!

— Ладно, — он нехотя спрятал Кольт обратно в карман плаща.

— Теперь подними руки, — смягчился Алексей.

Вильгельм подчинился.

— Дружище, — Лёша обратился к несговорчивому охраннику, — у нас только мирные

мотивы. Давай так: я тебе сейчас сделаю подарок. Если он тебе понравится, ты нас пропустишь. В противном случае мы исчезнем. Идёт?

— Ну валяй, — усач нехотя опустил ствол винтовки.

Лёха, держа влажные руки на виду, опустил к тёмной сумке и достал оттуда белую пачку сигарет, которая стремительно начала намокать. Парень нервно сглотнул.

— Подойди... — он не сразу смог собраться с мыслями. — Подойди сюда.

Лёша, шурша содержимым пачки, подошёл к окну и протянул презент. Усач дрожащими руками взял его, вынул одну сигарету. Чиркнула спичка, и её небольшой огонёк озарил помещение. Закурив сигарету, парень зажмурился от удовольствия. Из его рта вырывались кольца дыма.

— Три дня, — прошептал он, не скрывая экстаза.

— Прости? — не понял его Алексей.

— Три дня не приносили нормального курева. Я уже испугался, что завяжу. Спасибо тебе, парень, — он сделал ещё одну затяжку. — Ладно, — махнул усач, — чёрт с вами. Проходите.

Он скрылся в глубине комнаты. Раздался глухой скрип и ворота начали медленно открываться.

— Подождите! — усач окликнул их. В его руке появилась маленькая чёрная коробочка с антенной — рация. — Барон, приём! Тут тебя два гаврика хотят видеть. Уж очень они настойчивы, не смог отказать. Да? Понял, — он повернулся к ним. — Повезло вам. У Барона сегодня хорошее настроение, несмотря на погоду. Вам в главное здание, потом вверх и налево.

— Я же говорил, Вилли, — ухмыльнулся Лёша, поднимая увесистую сумку. — Я же говорил, что сигареты помогут открыть нам любые двери.

Внутри здания было тепло и сухо. На потолку горели светодиодные лампы. В нос ударил запах табака и спиртного. Стены обклеены обоями. На них нарисовали красные цветы. Возле лестничной площадки несколько подростков играли в карты. Вместо стола они сидели за зелёным ящиком для боеприпасов. Все провели Вильгельма и Алексея любопытными взглядами и вернулись к своим делам.

Поднявшись по каменным ступенькам, они повернули налево и пройдя по вымытому линолеуму упёрлись в единственную железную дверь. Проявив этикет и постучавшись, Вилли и Лёха вошли.

За деревянным столом, покрашенным в белый цвет, расположилась голубоглазая блондинка с длинной косой, достававшей до пола. Её глаза, как два маленьких озера, изучали новоприбывших. Вильгельм посмотрел в них и понял... что не понял ничего. Её взгляд, как и всё лицо, с красивыми славянскими чертами, оставалось непроницаемым. На столе лежали папки со всеми цветами радуги, бумажная карта, несколько стеклянных стаканов. На дне оставались остатки непонятного напитка. В прозрачной пепельнице томились не один десяток окурков. Настольная лампа являлась единственным источником света в комнате. В углу лежал АК-74 и несколько магазинов к нему. Рядом с ним небольшая железная коробочка, с мигающими лампами, издающая звуки радиоволн. К ней прилагались наушники и микрофон. Под столом Вилли заметил гитару. В руках блондинка держала штык нож, вырезая фигурку.

— Не подскажешь, где Барон? — обратился Вильгельм к ней. — Нам сказали, что он должен быть здесь.

— Ну, допустим вы его нашли, — ответила девушка не прекращая двигать ножом.

— Ты? — Вилли удивился. — Но ты же...

— ...баба? — закончила она его реплику.

— Да, — согласиться стоило ему больших усилий.

— И что? Если девка, то не могу управлять этим сбродом? — казалось она начала злиться.

— Я не это хотел сказать, — Вильгельм начал оправдываться. — Просто почему Барон?

— Вы припёрлись сюда, чтобы это узнать? Или всё же есть цель по важнее?

— Есть, — Лёша взял инициативу на себя. — Мы хотим, чтобы вы поставляли нам электроэнергию.

Блондинка звонко рассмеялась, заполнив своим смехом комнату.

— С какого перепугу я должна это сделать? — успокоившись, спросила она.

— Я же не говорил, что даром, — Алексей бросил ей на стол увесистую, мокрую сумку. Зазвенели стаканы, несколько папок не удержались и упали.

Барон заглянула внутрь. В недрах чёрного контейнера таились пакеты с крупой, консервы, лекарства и несколько десятков пачек сигарет. Блондинка на секунду дала слабину, и её глаза округлились, но только на миг, и лицо опять стало невозмутимым.

— Мы и за несколько ходок столько не приносим, — вскоре молвила Барон. — М-да, удивил ты меня, кучерявенький. Теперь это совсем другое дело. Садитесь, — она указала на два раскладных стула.

Вильгельм сел и почувствовал, как устали его ноги.

— Неужели ко мне наконец-то пришли мужики с яйцами? — вскоре спросила Барон, пряча сумку себе под ноги. — Ладно, уговорил ты меня. Показывай, куда вам подавать свет.

Лёша указал своим карандашом местоположение их поместья.

Блондинка встала и проследовала к рации. Коса, словно змея, ползла за ней. Солдатская форма, без отличительных знаков, облегла стройное тело.

— Электрика мне! — командирским тоном крикнула блондинка в микрофон. На том конце что-то щёлкнуло и через минуту басистый голос ответил ей:

— Слушаю.

— Стас, можешь сейчас провести энергию в семнадцатый квадрат? Приём.

— Барон, ты рехнулась? Посмотри, что за окном творится! До завтрашнего утра подавать верное самоубийство. Так что на сегодня отбой. Приём.

— Поняла, держи меня в курсе. Конец связи.

Она вернулась за свой стол.

— Звиняйте, — развела блондинка руками. — Сами всё слышали. Но Барон своё слово держит. Будет вам свет. Та и куда вам сейчас в такую бурю? Оставайтесь сегодня у нас.

— В таком случае, — Лёша достал бутылку вина из-за пазухи камуфляжной куртки, — предлагаю закрепить наш договор.

— Это можно! — Барон спряталась под столом и вынырнула оттуда со стеклянной бутылкой с белой мутной жидкостью.

По крыше беседки барабанил дождь, выбивая ритм неизвестного марша. Дул холодный ветер. Сделанные Алисой лунки залились под завязку и теперь их хозяйка, не скрывая удовольствия, наблюдала за этим. Она укуталась колючим пледом и пила горячий чай из металлической кружки.

Саманта составляла ей компанию, сидя на мягком диване. Девчонка с беспокойством смотрела в даль, куда несколько часов назад уехали Вильгельм и Алексей. Не доставая до пола, она качала носками своих красных сандалий.

— Всё с ними будет нормально, — успокаивала её Алиса. — Если с Вилли Лёха, то он никогда не даст его в обиду.

— А вдруг они застряли где-то и не могут выехать?

— Я сомневаюсь, что на этом вездеходе можно застрять, — рыжая сделала глоток. — К тому же Лёша предупреждал, что могут вернуться завтра утром. Так зачем паниковать? От этого им легче не будет.

— Согласна. Но грызущее чувство всё равно не отпускает.

— Слушай, давно хочу тебя спросить, — Алиса решила сменить тему. — Кто на тех фотографиях? Что лежат в твоём футляре?

Саманта глубоко вздохнула.

— Если это сильно личное, — Алиса немного отступила, — можешь не рассказывать.

— Да почему, собственно, и нет? — пожалала девушка плечами. — На них моя мама.

— Ох... — Алиса пожалела о своей дерзости. — Прости.

— Не нужно. Она погибла пять лет назад. В автокатастрофе. Это для меня стало сильным ударом. Психолог посоветовал носить с собой что-то напоминающее о ней. Выбор пал на её железный футляр. И, знаешь? Действительно помогло. Можно сказать, она теперь живёт рядом с моим сердцем, — Саманта достала платок и вытерла слезу.

— И за что с тобой так? — спросила Алиса тихо.

— Не знаю. И очень хотела бы узнать. Но не смотря на всё, я очень благодарна вам. Тебе, Лёше, Анне. Если я смогла уцелеть, значит у кого-то на меня есть планы.

Они молчали. Тишину прерывали лишь раскаты грома.

— Ужин! — послышался крик Ромы.

— Пойдём, — ласково сказал ей Алиса. — Сейчас узнаем какую вкуснятину приготовил Рома сегодня. М-да уж, ребятам сейчас не позавидуешь. Скорей всего, бегают по колёно в грязи или прячутся в сырости.

Несмотря на то, что часы показывали только вечернее время, на улице и в комнате стояла темнота, разгоняемая лишь светом настольной лампы. Солнце так и не смогло пробиться сквозь чёрную тучу, не говоря уже о комете. По подоконнику стучали дождевые капли.

Вильгельм лежал лицом на жёстком столе и сопел, лишь изредка что-то мямлив в пьяном бреду. На его щетинистой щеке резвилась муха. После пятой рюмки самогона Барона, его организм объявил безоговорочную капитуляцию и отключился. Лёша тоже приближался к этому состоянию, но пока держался.

Вся жидкость из бутылок перекочевала в желудки троицы, и блондинка выливали последние капли вина в свой и Алексею стакан.

— Хороший ты человек, Лёша, — с трудом сказала Барон заплетающимся языком, протягивая ему стакан с красным содержимым, — душевный... С моими мне чин не позволяет поболтать, посплетничать, а с вами совсем другое дело. Я же до того, когда вся эта каша заварилась, была дочкой генерала. Каждый день сплошное расписание. В шесть утра подъём. Завтрак. Школа. Не простая, для элитных детей. Терпеть их не могла. После школы секция рукопашного боя. После тренировки жду отца с работы возле его осточертевшей

части. А потом мне дают возможность побыть целых восемь часов наедине... во сне. На выходных отец ехал со мной на полигон. Там он заставлял убегать и прятаться от него, иначе стрелял в меня резиновыми пулями. Так хотелось отобрать у него пистолет и начистить его надменную рожу... Не дай Бог слово поперёк или шаг не туда. Он своим поведением так маму довёл. Возвращаемся мы как-то, а она повесилась на люстре. Мне показалось, что в тот момент её лицо излучало счастье. Короче, можешь представить, как я жила, вернее, существовала по инерции. Так что, когда настал «Момент X», я расценила это, как шанс начать всё сначала. Начать новую жизнь. Ты можешь меня не понять, но я сейчас так счастлива от того, что могу быть собой и при этом ещё кому-то нужной. Лёха? Ты слушаешь?

Он облокотился на спинку стула и громко храпел, широко открыв рот. По подбородку стекала струйка слюны.

— Эх, слабаки, — вздохнула с долей разочарования Барон. — Серёга! — она крикнула в сторону двери.

Послышался топот и дверь отворил брюнет с азиатской внешностью.

— Слушаю, Барон, — азиат отдал честь и стал по струнке смирно.

— Оформи этих двоих.

— Снаряжение и машину отнять, а самих выбросить за пределы нашей базы? — уточнил Сергей.

— Сдурел, что ли?! — она икнула.

— Виноват, — пролепетал парень.

— Это теперь наши многоуважаемые гости и союзники. Если хоть один волос упадёт с их головы, ты у меня будешь месяц просроченную еду жрать. Понял?!

— Так точно, — его лицо выражало страх и почтение.

— Бери своих гоблинов и перенеси их в пятую палатку. Пусть отоспятся. И передайте Стасу, чтобы завтра поторопился.

— Сделаем. Барон, разрешите идти?

— Разрешаю.

Блондинка начала крутить кончик золотой косы и задумчиво глядела на не допитый стакан Алексея.

— А вино у вас вкусное, — она ухмыльнулась. — Никогда такого не пробовала.

Свет погас и Барон покинула помещение.

Вильгельм открыл с огромным усилием глаза. В голове больно стучало, а во рту чувствовался ужасный привкус. Над ним висела круглая, керосиновая лампа. Она ещё слегка горела, но в этом не было необходимости. В тэнтговое помещение проникали лучи. В них купались маленькие пылинки. Вилли, лёжа на грязном матрасе, с трудом повернул голову влево.

Возле Алексея на коленках сидела маленькая девочка, одетая в коричневую куртку намного больше, чем малышка, и розовую шапку. Она вымачивала тряпку в холодной воде, после чего положила её на Лёшин лоб. Тот блаженно заулыбался. Рядом лежали их вещи.

— Ты... — Вильгельм не узнал свой голос, прокашлялся и повторил попытку. — Ты кто?

Девчонка испугалась, едва не разлив ёмкость с водой.

— Уже проснулись? — спросила она.

— Хорошо. Мне Барон приказала поухаживать за вами. Вот, — девочка протянула ему

пластиковую кружку. — Выпейте, пожалуйста, это.

Вильгельм понюхал содержимое кружки. Пахло отвратительно, он поморщился.

— Что это? — спросил он.

— Вам полегчает, поверьте мне.

Вилли зажал пальцами нос и несколькими глотками выпил неизвестную бурду до дна, затем последовала громкая отрыжка. Девочка никак на это не отреагировала, в отличие от Лёхи:

— Фу, Вилли... Как не культурно. Так ещё и в присутствии леди, — он не удержался и тоже отрыгнул.

— Спасибо тебе, — поблагодарил её Вильгельм. — Мне действительно легче.

— Не меня благодарите, а Барона. Я просто выполняю её приказ.

— И очень ответственно, особенно для ребенка. Сколько тебе лет?

— Девять, — с долей стыда ответила она.

— Да отстань ты от Сони! — проворчал Алексей. — Дитё и так заставили следить за двумя алкашами, а ты ещё ей допрос устроил.

— И ничего меня не заставляли, — в её голосе послышалась обида и она надула губы. — Я готова сделать всё, что попросит Барон. Особенно после того, что она сделала для всех нас.

— И что же она сделала? — поинтересовался Вильгельм. — Если не секрет?

— Конечно секрет! — категорично ответила девочка. — Но вам, как важным гостям, можно и рассказать.

Соня села по середине палатки в позе лотоса. Вилли и Лёша опёрлись на матрасы и принялись слушать.

— Я помню, как мы все испугались. Особенно очень маленькие. Я, например, сидела на кровати родителей и рыдала, обнимая плюшевого мишку. А потом услышала звонок по телефону. На том конце говорил нежный голос и ему хотелось доверять. Я помнила эту девушку. Она была дочкой друга нашей семьи. Девушка сказала, чтобы я успокоилась, собрала вещи и ждала их возле входа моего дома. Что мне оставалось делать? Я подчинилась. Стою во дворе, вся дрожу от страха и тихо хнычу. К дому подъехала колонна, где-то машин восемь. Почти все легковые, ещё был очень длинный автобус, но была такая, на которой приехали вы. Оттуда спрыгнула блондинка и принялась вытирать мне слёзы и успокаивать. Потом всю дорогу рассказывала мне что-то. Так мы и катили, куда глаза глядят, пока не наткнулись на эту электростанцию. Решили осесть тут и единогласно выбрали нашим главарём Барона. Потому что без неё многих из нас сейчас бы не было в живых. Она нам заменила и отца и мать. По этому мы ей и дали мужскую кличку. Так что ради неё мы готовы пожертвовать своими жизнями, — Соня замолчала с интересом наблюдая за реакцией парней.

— Да уж, — прервал тишину Алексей. — Человек с характером.

За палаткой послышались нарастающие шаги. Внутри заглянула всем знакомая блондинка. Свою длинную косу она закрепила на голове.

— Сонька, — обратилась она с лучезарной улыбкой к девчонке, — ты уже закончила?

— Так точно, Барон, — встав по струнке смиренно отрапортовала Соня.

— Умница. Можешь пойти на склад и попросить дополнительный паёк. А теперь кыш от сюда!

Девочка пулей вылетела из палатки.

— Ну, — к Барону вернулась прежняя надменность, — граждане Алкоголики, Хулиганы, Тунеядцы, кто хочет сегодня поработать?

— Тише-тише, — Лёша взялся за голову, от чего его холодный компресс упал, — я сейчас еле соображаю, не то что работать.

— Если не умеешь пить, не нужно предлагать. Даю вам ровно тридцать секунд, чтобы собрать своё барахло или не видать вам подачи света как собственных ушей! — она развернулась и вышла.

— Точно с характером, — прошептал Лёша надевая на себя рюкзак.

Снаружи пахло дождём. По коже пробежали мурашки от утренней прохлады. Парни очутились в небольшом палаточном городке. Не смотря на раннее утро, жизнь в нём уже кипела. Кто-то тащил огромные железки, кто-то чистил оружие, кто-то отчитывал провинившегося мальчика, кто-то шёл спать после ночного дежурства на вышке, а кто-то просто болтал.

Они подошли к Барону.

— Смотрю на это, — сказала блондинка глядя на бурную деятельность, — и душа тешится. Но хватит лирики. Электрик только что доложил, что питание в семнадцатый квадрат успешно проведено. Я, если честно, даже удивлена. После такой бури запросто могли оторваться провода или погнуться опоры под ними. Но, что есть, то есть. Больше вас не задерживаю, уверена вас там заждались, — она отдала честь.

— Спасибо, — Лёша неумело козырнул в ответ.

— Ой, — она хлопнула себя по лбу, — чуть не забыла! Сергей! — её крик был слышен на всю территорию базы.

Из соседней палатки вышел парень с азиатской внешностью, неся в руках большую, тёмную, железную коробку. Он отдал её Вильгельму, от чего тот, из-за тяжести, чуть не упустил её.

— Рация, — объяснила Барон. — У нас таких несколько. Ловит на сто километров. Мощнее есть только в штабе Верховного командования. Волна 5378-891. Будем держать связь, делиться информацией или просто поболтать, если скучно будет. Но не злоупотребляйте, — она шутливо погрозила пальцем. — Ну, будете у нас на Колыме, заглядывайте!

— Уж лучше вы к нам! — ответил Лёша и оба рассмеялись.

— Тридцать нажатий в область груди, два вдоха, затем электрический разряд и вкальваем адреналин. Запомнили? — Анна посмотрела на Алису и Саманту.

— Да, — ответили девочки.

— Если сердце так нормально и не заработало, вводите амиодарон, чтобы снизить дисбаланс электродов, и повторяем до успеха.

— А если не получится? — скептически спросила Алиса.

— Тогда, — она на секунду запнулась, — тогда из-за недостатка кислорода в крови мозг умирает через три минуты.

— Миленько, — ухмыльнулась рыжая, — ничего не скажешь. И каковы же шансы на успех?

— Чем старше человек, тем меньше. Но нам такое, надеюсь, не грозит. Да и дефибрилятора у нас нет. Просто рассказываю вам, вдруг кому-то понадобится помощь, а меня не будет рядом, — она с грустью посмотрела на девчонок. — Ну всё, больше вас не

грузу. Через час придёте и покажете, как научились делать перевязки.

Аня села за стол и принялась ввести отчёт о лекарствах. Взяв шариковую ручку и лист бумаги, девушка глубоко вздохнула, что не ускользнуло от ушей Алисы.

— Саманта, ты иди, а я тебя догоню, — сказала она закрывая за ней дверь.

Она поставила рядом с Анной стул, села и вопросительно уставилась на неё.

— В чём дело, Анька?

— Ни в чём, — она начала крутить белый колпачок ручки.

— Только не нужно мне, пожалуйста, врать. Ты, конечно, всё время грустная, но сейчас я вижу: что-то тебя грызёт.

Анна встала из-за стола и лягла на кровать закрыв тыльной стороной ладони лицо.

— Скучаю за папой и мамой. Тяжело мне без них. А тут ещё такая ответственность на мне. Сложно, очень сложно...

— Иди ко мне, — Алиса села рядом с ней и обняла. — Ну как? Помогает терапия?

— Да, — промурлыкала она, — но нужно больше.

— Столько, сколько потребуется.

— Огонь, мать вашу! — заорала Барон.

Отряд, сидя на серой крыше амбара, произвёл одиночный залп. Несколько свиней, бегающих вокруг здания и машин, жалобно визгнули и упали без чувств.

— Чья это была гениальная идея: открыть ворота амбара? — если бы в тот момент взгляд блондинки умел убивать, то всё сущее погибло в жутких муках.

— Та ладно тебе, — успокаивал её Алексей, — никого из нас не задавили и это главное.

— Да ты посмотри на эту хрень! — она махнула в сторону вымазанных в грязь и экскременты свиней в количестве трёх десятков. Те пытались перевернуть грузовую машину. В неё запрыгнули двое людей Барона. Сидящий на водительском сидении блондин жестами показывал, что долго они не протянут.

— Почему бы нам просто их всех не перестрелять? — безразлично спросил Вильгельм.

— А патроны? — Барон явно не хотелось в это ввязываться. — Они у нас не на дрожжах растут.

— Тогда мы застрянем тут надолго, — отстаивал свою позицию Вильгельм.

— На хряков ещё пули осталось тратить... — она сжимала рукоять автомата. — Чёрт с вами. Хотите бойни? Вы её получите. Отряд! Разрешаю вести свободный огонь по целям! Пли!

Словно зайцы в тире, голодных и исхудавших свинок безжалостно расстреляли. Их громоздкие туши лежали по всей территории фермы.

— Вилли, у тебя сколько? — спросил его Лёша, заряжая новые гильзы в ружьё.

— Три. А у тебя?

— Пять! — он довольно улыбался.

— Слабаки, — блондинка ударила их по бокам. — Восемь!

— Неплохо-неплохо, — Лёша саркастично похлопал в ладоши, — но предлагаю вернуться к нашей основной цели. Как и договаривались: сначала находим всю выжившую живность, а потом делим между собой.

Отряд покинул крышу постройки и зашел в её недра. Вонючие недра. Запах дерьма стоял настолько отвратительный, что несколько человек сразу поспешили наружу. На лицо то и дело садились мухи.

— Предлагаю пройти это место как можно быстрее, — сказала Барон, прикрывая камуфляжным рукавом свой красивый нос.

В стойлах, где раньше жили свиньи, кроме фекалий, гноя и прочих выделений, ничего не находилось.

— А кто это у нас тут? — спросил Алексей, проверяя очередной загон.

В угол забилось четверо поросят. Они со страхом смотрели на Лёшу и периодически хрюкали.

— Ну вот, — он улыбнулся, — уже не зря по говну лазили.

Их забрали и поспешили на свежий воздух. Выяснилось, что Лёха поймал двоих мальчиков и девочек.

— Вот и отлично, — сказала Барон, — вам и нам по хряку и тёлке. Будем разводить живность.

Свиней унесли в грузовой автомобиль.

— Барон! — к ней подбежал взъерошенный Сергей. Под его глазом красовался фингал. — Там за амбаром — лошадь. Точнее две, но одна мёртвая, а другая не подпускает нас к себе.

— Это она так тебя? — блондинка указала на синеющий синяк.

— Так точно... — поник азиат.

— Возвращайся к машине, сделай себе компресс, а я разберусь. Выполняй.

— Есть, — он отдал честь и прикрывая ладонью глаз побрёл в сторону автомобиля.

— Алексей, Вильгельм за мной. Посмотрим, кто у нас там такая недотрога.

Белый жеребец громко фыркал под прицелом двух автоматов. Лошадь громко дышала и периодически гладила мокрым носом своего мёртвого друга.

— Барон! — крикнул пацан. — Давай просто его пристрелим, а та ещё убьёт кого-то. Мало нам от свиней досталось?

— Я тебе сейчас пристрелю! Поставили оружие на предохранитель, быстро! — те подчинились. — Слушаем меня. Стрелять в коня только в том случае, если он меня покалечит.

— Ты что, собралась его приручить? — захихикал Лёша.

— Да, и надеюсь, что оно того стоит.

Ботинки медленно ступали по густой траве. Блондинка, попав в личное пространство лошади, встретила громкое ржание. Но это её не остановило.

— Ну, чего ты? — ласково обратилось она к нему. — Ты так расстроен из-за своего друга?

Барон сделала шаг.

— Мне тоже очень жаль.

Ещё один.

— Я понимаю, что у тебя на душе.

И ещё один.

— Позволь помочь тебе.

Она протянула ладонь к его мордочке. Вдруг лошадь встала на дыбы. Барон даже не моргнула. Сзади слышались звуки перезарядки оружия.

— Если ты меня убьёшь, — спокойно обратилась она к жеребцу, — то умрём оба. И тогда я оседлаю тебя на том свете.

Слова возымели эффект. Конь успокоился. Барон повторила попытку и в этот раз её

ждал успех.

— Ну вот, — она водила рукой по его голове и улыбалась, — когда ты ведёшь себя прилично, то с тобой и приятно иметь дело.

Конь в знак согласия заржал. Казалось, что он вот-вот заплачет.

Барон потянула стремяна и проверила серебристые ножны, после чего запрыгнула в кожаное седло. Конь не сопротивлялся.

— Ты когда-то ездила на лошади? — спросил едва подбирая слова Вильгельм.

— Честно? Это мой первый раз, — развела белобрысая руками.

— Но ведь он мог тебя убить!

— Но не убил же. Та и не может такой красавец убивать. Да, Василёк?

— Василёк? — непонимающе посмотрел Лёша.

— А что? Отличное имя, — она засмеялась. — Значит слушайте сюда. Пару туш свиней сложите в кузов. Наконец-то мяса поедим. Остальных мёртвых животных сжечь. Меня не ждите.

— Ты куда? — спросил Вильгельм.

— Хочу проверить, на что он способен, — она ударила стрёменами по бокам, конь встал на дыбы. Через секунду новоиспеченный всадник уже удалялся от амбара, поднимая за собой столб пыли.

Девушка вернулась на базу только на следующее утро. Уставшая, вся в грязи, но счастливая.

Начищенные туфли ступали по влажному асфальту. Серебристые ножны для сабли постукивали по тёмным штанам в такт шагов. Позолоченная ручка клинка блестела в лучах утреннего майского солнца. Ладони, со множеством царапин, поправили воротник чёрного кителя. Ветер трепал белые, как снег, волосы и щекотал гладко выбритую щёку. Голубые глаза, сквозь стёкла круглых очков, смотрели на свою цель — промышленная зона.

За восемнадцатилетним альбиносом шла вооруженная свита. Все, без исключения, повязали на рукава красные повязки. Внезапно они услышали крик с окна третьего этажа:

— Помогите! — крик молодой девушки был похож больше на отчаянный писк. Как вдруг массивные руки закрыли ей рот и оттащили от окна.

Не дожидаясь команды, несколько человек из группы забежали в подъезд и через минуту выволокли оттуда толстяка, одетого в джинсы и тельняшку. Молния и пуговица на штанах были расстёгнуты. Парни небрежно бросили его под ноги своего главаря.

— Гвин! — обратился к нему один из его людей. — Этот ублюдок хотел изнасиловать девку на глазах её мелкой сестры!

— Я для чего вас, сволочи, из тюрьмы выпустил? — спросил, сдерживая гнев, толстяка альбинос. — Чтобы вы насиловали и убивали?

— Ты нас за лохов не держи! — тот, что в тельняшке, пошел в наступление. — Мы уже натерпелись при прошлом режиме и изголодались по женской ласке. Сам же сказал: «Братья и сёстры! Наконец настал час нашей свободы! Наш триумф! Триумф непослушания!»

— А ещё я говорил, что если кто-то пойдёт по пути полного беспредела, будет иметь дело со мной. Есть, что сказать в своё оправдание?

— То же мне, моралист нашелся, — толстяк засмеялся. — Сам же вместе с нами в камере гнил. А теперь в образцы добродетели запис...

Он не успел закончить. Блеснул клинок. На лице у толстяка образовался глубокий порез

на всё лицо. Хлынула кровь. Тот упал на землю, держась за голову и заполняя своим воплем всю улицу.

— Добейте его, — с брезгливостью сказал Гвин, вытирая тканевой салфеткой от крови остриё сабли.

Толстяка утащили во двор. Послышался выстрел. Вопль резко стих.

Группа, как ни в чём не бывало, продолжила двигаться на территорию промышленной зоны. Для того, чтобы посеять семена. Семена, что взойдут и создадут одно из первых государств нового мира.

— Ребята! — Вильгельм уже пять минут пытался найти в доме хоть одного человека, но пока ему отвечало только эхо.

Утро не задалось сразу. Радио в его комнате барахлило, и теперь требовалась помощь Лёши в решении этого вопроса. Спускаясь со своего чердака, он чуть не споткнулся на лестнице и не полетел кубарем вниз. Теперь все куда-то делись.

— Ребята? — Вилли заглянул в Алисину комнату. Та пустовала. — Если вы решили меня кинуть, то это зря. Я же вас из-под земли достану!

В беседке послышался шорох и тихий смех.

— Я вас слышу, засранцы! — Вильгельм бодро зашагал в сторону шума.

Не успел Вилли зайти, как его напугали хлопушки и радостные крики.

— Сюрприз! С Днём рождения! — все радостно засмеялись. Вильгельм же как в рот воды набрал. Подросток напрочь забыл, какой сегодня день.

— Ну чего ты как неродной? — спросила Алиса. — Рома, давай, твой выход.

— Разошлись! — крикнул он с конца толпы. — Я несу торт! Торт, твою мать!

— Торт? — отстранённо спросил Вильгельм. — Мне?

Рома вышел со слоённым тортом в руках. В него воткнули восемнадцать цветных свеч.

— Ну чего ты смотришь? Торты никогда не видел? Задувай.

Вилли набрал полные лёгкие воздуха и за раз задул все свечи под радостные овации присутствующих.

« Второе июня

Отчёт за май

Вчера, по уважительным причинам, времени не нашлось, так что напишу сегодня.

Вылазок: семнадцать

Найдено выживших: двадцать три.

От трёх до семи лет: восемь

От семи до двенадцати: десять

От двенадцати до восемнадцати: пять

Все поселены на нашей базе.

Всего в поместье проживает тридцать два человека.

Я и Вилли организовали отряд для рейда. Теперь ходим на вылазки хорошо вооруженной бандой. Прямо настоящие бандиты.

Чуть не забыл. Уговорил эту хмурую морду стать нашим главарём. И не смотря на его фразу «на все эти обязанности у меня совершенно нет сил, я свой плащ едва несу», он всё же согласился. Меня назначил заместителем. Мелочь, а приятно.

Сотрудничество с Бароном даёт плоды. Мы оставляем им координаты наших схронов, они своих. Её люди всегда могут у нас переждать ночь или просто отдохнуть. Несколько раз даже вместе ходили искать припасы. Хорошая девушка эта Барон. С характером и всегда добивается того, чего желает.

Троцкий и Седова (свинята) подрастают. Скоро начнут давать потомство.

Алиса, получив в своё распоряжение огромное количество ~~рабов~~ рабочей силы, перепахала и засеяла всю территорию участка. С нетерпением ждём урожай.

Вечером всей компанией сидим у Аньки и внимаем её лекции по оказанию первой помощи. Я ещё ни разу не дослушал до конца — засыпаю. Ничего не могу с собой поделатъ.

План по улучшению базы.

Что построено: фильтр для дождевой воды. Наблюдательный пункт на дубе. Сарай с загоном для животных.

Что нужно построить (иначе Лисёнок убьёт): теплица. Склад (подвала уже не хватает). Оружейная. Утеплить помещения до зимы ».

Алексей чинил лопнувшую цепь велосипеда. Саманта лежала рядом на гамаке, читая книгу в тёмно-голубом переплёте. Лампа давала возможность девочке узнать о том, как сам Сатана гуляет на балу. Вот только одна загвоздка: она понимала лишь некоторые слова. Складывались они в бредовые предложения. В нос ударял запах смазки и ржавчины, но ребята настолько привыкли к нему, что совершенно не обращали внимание.

— Ключ на пятнадцать, — пробубнил Лёша, не отрываясь от цепи.

Саманта спрыгнула с гамака и передала инструмент.

— Я просил на пятнадцать, — Лёша стал немного сердиться, — а ты принесла на тринадцать.

— Прости, мне послышалось, что на тринадцать.

— Ах, точно, у вас же эти цифры похожи. И что, я действительно говорю с тобой на чистом английском?

— Абсолютно, — Саманта усмехнулась.

— Но как же ты читаешь книгу? Там же наш язык.

— В том-то и дело, что никак, — она начала быстро листать страницы. — Я понимаю, что Маргариту пригласил куда-то Воланд. Но куда? Зачем? Что будет за это Маргарите? И кто такой этот Воланд? Этого я не знаю.

— Звиняй, — развёл руками Алексей, — тут я тебе не помощник. Я за эту книгу двойку по литературе получил и очень справедливо, так как дальше Анушки, разлившей масло, я не дошел.

— Как же так? — Саманта искренне удивилась. — Неужели совершенно ненавидел учёбу?

— Ну почему же? Языки учить любил. Вот только зачем они мне сейчас, если я свободно с тобой и на родном шпрэхаю?

Она лишь пожала плечами.

— То-то же, — он принялся вколачивать железку с помощью молотка в цепь. Гараж наполнили звонкие стуки. — Эх, говорила мне мама учить математику.

— Расскажи поподробнее о своей семье.

— Да что ту рассказывать? Семья как семья. Мама инженер, папа водопроводчик. Души они, конечно, во мне не чаяли. Но мне это быстро надоело, и я начал проводить больше времени вне дома. Потом подружился с Вильгельмом и пошло-поехало.

— С девушками встречался?

Он прекратил стучать и посмотрел на неё

— Ну и вопросы у тебя, — он продолжил постукивать.

— Не хочешь и не надо, — Саманта наигранно вздохнула.

— Нет, не встречался, если это так важно. Пару раз что-то наклёвывалось, но я говорил себе: «Лёха, сколько тебе лет? Какие отношения? Иди в песочницу лепить куличики».

— Лепить куличики с Вильгельмом! — девочка звонко рассмеялась от своей шутки.

— Ну что за наёмки? Прекрати, тебя такое совсем не красит.

— А что красит? — спросила она серьёзно.

— То, что вместо того, чтобы гулять на свежем воздухе, ты уделяешь внимание ворчливому пацану.

— Ты вытянул меня из глубокой хандры. Должна же я как-то отблагодарить тебя.

— Прости за это, — смущённо сказал Алексей. — Мне до сих пор очень совестно за то, что я наговорил тогда.

— Не стоит. Я понимаю, что другого способа не было.

— И всё же прости. Ты славная девочка, которая не заслуживает всего этого.

— Славная... — повторила она задумчиво. — Спасибо, меня ещё никто так не называл.

— Серьёзно? — искренне удивился Алексей. — В таком случае обращайся.

— Лёша, — Саманта обратилась чуждым голосом.

— Да?

— А будь я... — Саманта собралась с мыслями. — Будь я постарше и покрасивее, ты бы влюбился в меня?

Алексей попал молотком по пальцу, и Саманта пополнила свой словарный запас новыми выражениями.

— Аптечка... — сказал он, шипя и держась за указательный палец. Из синющей кожи и треснувшего ногтя вытекала кровь. — Аптечка в машине.

Палец обильно залили спиртом, после чего забинтовали.

— Зачем я тебе? — сказал он, глядя в её глаза. — Ты совершенно не знаешь, что я за человек. Зачем тебе это?

— Лёша, мне так грустно. А вы мне заменили семью. Я не прошу сейчас давать ответ. Подумай. Я терпеливая.

Алексей молчал.

— Обед! — послышалось сверху.

— Пошли есть, дурёха. Вот, что я скажу.

Светало. Жаворонок давал песню на бис. Сова опаздывала домой после удачной охоты. Ветер стих, что говорило только об одном — будет жаркий день.

Алексей сегодня встал рано. Он расположился на балконе в кресле-качалке. Ножки кресла методично постукивали о деревянную опору. В руке Лёши блестел бокал с вином. Осталась последняя бутылка, так что он как мог растягивал её, вдыхая сладкий аромат и получая удовольствие от каждого глотка. Солнце выглянуло из зелёных верхушек, озарило территорию поместья, и Лёша прижмурился, но не отвернулся. Он любовался им. Раньше Лёша и не подумал заниматься таким, однако в реальности, где жизнь не стоит дороже банки бобов, начинаешь ценить каждую мелочь.

Тихо скрипнула дверь и вошла Анна. Она молча кивнула своему другу и облокотилась о дубовые перила.

— Красиво, — чуть слышно сказала она.

— Да... Тоже не спится и решила посмотреть?

— Просто люблю встречать рассвет, — её изумрудный взгляд задержался на полупустой бутылке. — Лёша, — нахмурилась Анна и покачала головой, — я же просила не злоупотреблять.

— Да я всего один бокал для улучшения аппетита и работоспособности, — оправдывался Алексей и выпил красную жидкость до дна.

Аня осуждающе на него смотрела, он лишь ей улыбнулся.

— Садись, — Алексей махнул в сторону второго кресла, — всё равно до завтрака ещё час.

— Звучит заманчиво, но я всё же откажусь.

— Из-за моего не совсем трезвого состояния?

— Немного да, но это не главная причина. Сегодня вы же все сдаёте у меня экзамен, забыл уже?

— Забудешь тут, — фыркнул Лёша.

— Нужно подготовиться. Учтите, жалеть вас не буду, — она пригрозила пальцем и улыбнулась.

— Скажи мне, пожалуйста, Анька. Я ещё пойму зачем нам знать как правильно бинтовать или очистить горло. Но какокого лешего нам нужно зубрить, особенно мелким, определение инсульта? У кого он тут может случиться?

— Сейчас нам нужно быть ко всему готовым. Даже к инсульту, — Анна развернулась и направилась к выходу.

Не дойдя несколько шагов до двери, девушка согнулась по полам и упала, громко застонав. Звонко разбился бокал. Алексей подбежал к ней.

— Анька! Анька, ты чего?!

— Больно... — скривилась девушка.

— Где?! Где болит? — Лёша не знал, что делать.

— Что случилось? — спросил прибежавший Вильгельм.

— Ребята... — терпя боль сказала она, — перенесите меня... перенесите в мою комнату...

— Чёрт... почему же именно... именно сейчас? — по её щеке покатились слеза. Саманта вводила ей обезболивающее.

— Анька! — в комнату вбежала взволнованная Алиса. — Говори, что с тобой. Как нам тебе помочь?

— Никак... — она отвела взгляд.

— Что? — не веря в услышанное спросил Вильгельм.

— Никак, ребята, вы мне... — она скорчилась от боли. — Мне не поможете. Болит в правом боку... ниже печени. Это аппендицит.

Последние слова прозвучали как приговор.

— Так, я не поняла! — Алиса взяла её за руку. — Ты вот так просто решила подохнуть? Даже нас не спросив?

— А что вы... можете сделать?

— Ну ты же знаешь, как это лечить.

— Да какая разница... знаю я или не... знаю. У нас нет... даже базовых хирургических инструментов. И где... их сейчас взять? В больницах... найти даже пластырь уже большая... удача, — Аня заплакала.

— Если ты думаешь, что мы просто будем смотреть, как ты умираешь — то ты глубоко ошибаешься, — сказал Алексей, глядя в окно.

— Но у вас же совершенно... нет опыта в операциях. А у меня знания... только

теоретические.

— Вот и поделишься этими знаниями с девочками. Вилли, собирайся, заглянем в родной городок.

Вильгельм выбежал из комнаты.

— Сколько у нас времени, Анька? — спросил Лёша, не отрываясь от окна.

— Не знаю... Может неделя... а может и пару дней... Потом лопнит аппендикс... пойдёт заражение крови... и моя борьба окончена.

— Значит, постараемся вернуться, как можно быстрее. Саманта, Алиса, приглядывайте за ней. Мы скоро.

Лёша, не глядя на них, вышел. Затем убедился, что его никто не видит, достал платок и вытер свои мокрые от слёз глаза.

Вильгельм и Алексей катили своих верных двухколёсных коней к зелёным воротам. Внезапно послышались нарастающие шаги. За ними бежала большая группа детей во главе Юры и Саманты.

— Ребята! — кричал Юрий. — Подождите, мы с вами!

— О, Господи... — простонал Лёша.

— Мне их припугнуть? — предложил Вилли, дёргая затвор.

— Не стоит, — Алексей придержал ствол автомата. — Разберемся.

Их окружили полукругом. Всего набралось девять добровольцев.

— Ну и чья это инициатива? — спросил, хмурясь Лёша.

— Моя, — Саманта сделала ему шаг на встречу и посмотрела прямо в глаза. — Я... Мы не можем сидеть и спокойно ждать пока вы подвергаете себя смертельной опасности ради нашего друга.

— Сколько вы знаете Аню? — спросил Алексей, поправляя свою панамку. — Месяц? Два?

Все молчали.

— Я и Вилли дружим с ней тринадцать лет. Некоторым из вас ещё столько не исполнилось. Если мы помрём, во что я не верю, то сделаем это ради человека, который для нас как родной. В отличии от вас. Я не могу и не имею права подвергать вас опасности ради нашей эгоистичной цели. А теперь развернулись и разошлись по своим постам. Во время нашего отсутствия старшая Алиса. Если, не дай бог, узнаю, что вы покидали территорию базы, то вы с огорода не будете вылезать до первого снега. Я понятно выразился?!

Все быстро убежали в сторону дома. Кроме Саманты. Она осталась неподвижной, всё также глядя из-под лоба.

— Что ещё? — рявкнул он.

— Если не хочешь брать меня, то возьми хотя бы мой талисман, — она протянула свой железный футляр.

— Спасибо, — немного сконфуженно ответил Лёша. Открыв коробочку, он увидел вырезанную фотографию из паспорта девочки.

— Я буду молиться за ваш успех, — она слегка смягчилась.

— Лучше следи за Анькой. А с нами всё будет нормально. Ладно, — он потрепал её по голове, — беги.

Саманта ещё секунду глядела на Лёшу, развернулась и пошла прочь. Отдалившись, она махнула им рукой.

— И даже в щёчку не поцеловал? — хихикнул Вильгельм, поднимая руку в ответ.

— Успеется, Вилли... успеется, — он положил футляр во внутренний карман.

В лесу бушевала битва. Кровавопролитное сражение точилось между *Formica rufa* и *Camponotus herculeanus* или же просто между рыжими муравьями и их собратьями — древоточцами.

Рыжие заметно уступали в размере своим противникам, и тем не менее защищали свой муравейник до последнего вздоха. Они намерено ослабили в своей обороне центр и древоточцы клюнули на эту уловку. Прорвавшись, краснобрюхие муравьи оказались атакованы с флангов и их передовые силы отрезали от остальных сил, после чего перебили всех до единого.

К сожалению для рыжих, эта небольшая победа не изменила ситуацию. Падение их дома лишь вопрос времени и королева это понимала. Как только завязалось сражение, все яйца эвакуировали в соседние ульи на опеку других муравьёв и их маток.

Убедившись, что последнего детёныша доставили в безопасное место, королева, с чувством выполненного долга, повела своих солдат в последнюю отчаянную атаку. Убив не один десяток врагов, отважную воительницу начали обрызгивать муравьиной кислотой. Умирая в жутких муках, она успела забрать с собой ещё нескольких до того, как окончательно испустить дух.

Вильгельм сидел на поваленном дереве и увлечённо наблюдал за разыгравшейся драмой. Последние очаги сопротивления подавлялись и древоточцы начали решительный штурм последней линии обороны в недрах муравейника.

На поле битвы остались лишь истерзанные трупы, оторванные конечности, головы и кислый запах.

— Бедняги, — прокомментировал Вилли.

— Ты о чём? — спросил Лёша, открывая ножом консервную банку.

— Та об этих организованных насекомых. Все погибли. Каждый геройской смертью. Вот только никто, кроме нас, не узнает об этом.

— Я думаю, что для них нет высшей чести, как умереть бок о бок со своей королевой. И если ты проникся к ним жалостью, то почему не помог отбиться? — ехидно спросил Алексей.

— А смысл? Не хочу вмешиваться в природный процесс. Одержали бы победу над этими, пришли бы ещё крупнее и злее. Так уж заведено в этом мире. Уже хватило, что кто-то вмешался в нашу жизнь, уничтожив за секунду несколько миллиардов человек.

— Сидит на бескрайнем поваленном дереве существо и решило ради потехи понаблюдать за нашими потугами выжить? А что, — Лёша усмехнулся, — всё может быть.

— Не на дереве, а на комете, — Вильгельм разглядывал сквозь кроны небесное светило.

— Думаю, люди когда-то объяснят случившуюся хрень, только вряд ли мы до этого доживём. Вот нам и приходится, как первобытным, искать ответы в богах, капризах Вселенной и в свечении кометы. Ещё же поклоняться ей начнут, — Лёша сплюнул. — Короче, философ, садись жрать. Сегодня ложимся рано, нужно набраться сил. Завтра очень сложный день, — он протянул Вильгельму мясную консерву.

Оба сели на спальные мешки и отдали должное своей скромной трапезе.

Возращение

Вильгельм почувствовал щекотку в области носа, сопровождаемую звонким юношеским смехом. Открыв один глаз, он увидел, как Алексей нагло трогает его нос павлиньим пером.

— Вставайте, граф! — сказал он, зевая. — Нас ждут великие дела!

Небо начинало перекрашиваться в тёмно-синий цвет, а первые лучи ещё не вставшего солнца разгоняли дымку утреннего тумана.

— Который час? — спросил Вильгельм с трудом понимая, почему он посреди леса в спальном мешке, а не в мягкой постели.

— Начало пятого. Давай, Вилли, приводи себя в порядок. Нам нужно выйти к городу до рассвета.

Покинув тёплый утроб мешка, Вильгельм побрёл в сторону журчащего ручья. Обжигая свою кожу холодной водой, он с грустью вспоминал о паровом отоплении.

Вернувшись, Вилли застал Алексея за двумя картами.

— Садись, — он протянул ему котелок с лапшой быстрого приготовления. — Ты и так всё прекрасно помнишь, но повторим для закрепления. В нашем городе построили восемь больниц, но только в шести из них есть хирургическое отделение. Анька составила список того, что нам нужно там найти. Некоторые слова я впервые в жизни вижу, хорошо что описала все предметы. А все необходимые препараты для оперирования у нас есть.

— Лёша, — обратился Вильгельм, дую на ложку с вермишелью. — Ты же сам прекрасно понимаешь, что мы почти ничего там не найдём. Есть запасной план?

— Взламывать квартиры до потери пульса и надеяться, что нам повезёт, — в его голосе не было ни капли иронии. — Я с пустыми руками возвращаться не собираюсь, и ты тоже.

— И как же мы будем открывать двери? Выбивать — это верная смерть. Нас услышат на другом конце города.

— А кто сказал, что мы будем выбивать? Мы будем взламывать.

— Чем? — прыснул Вильгельм. — Пальцами?

— Отмычками! — ответил Лёша и потряс связкой разнообразных железных стержней, заточенных под любой замок. — В одной книге детально описывалось их изготовление, а я и подумал: «Почему бы и нет?»

— Что за книга такая? «Путь ровных пацанов»?

— Ты будешь смеяться, но это обычная книжка по труду, пылящаяся в школьной библиотеке.

— И что, действительно все двери открывает? — скептически спросил Вильгельм.

— В нашем доме — да.

— Понятно... подожди, ты вламывался в наши комнаты?! — Вильгельм чуть не выпустил котелок.

— Нет... — Алексея выдавали хитро блестящие глаза.

— Лёша, ты нормальный? А если у нас кто-то, к примеру, спит гольшом?

— Это можно проверить с помощью замочной скважины, — смех Лёши заполнил всю округу, но его перевал удар Вильгельма, попавший в солнечное сплетение.

Завязалась драка. Содержимое котелка разлилось и потушило костёр. Парни покатались в сторону кустов жасмина, сопровождая этот процесс громкими криками и нецензурной лексикой.

— Вилли! — крикнул Лёша продолжая смеяться. Он лежал под Вильгельмом. — Прежде чем ты меня ещё раз ударишь, осознай, как мы глупо выглядим со стороны.

Кулак Вильгельма застыл прямо перед прыщавым лицом.

— Действительно, — Вилли поднялся и подал ему руку.

— Это была всего-навсего невинная шутка, — Алексей протянул свою ладонь и поднялся, — а ты так остро отреагировал. И да, я обещаю, что твои любовные письма Алисе останутся в тайне.

— Не носи чепухи, пожалуйста. Разукрасить тебе лицо я всегда успею, но сейчас нам нужно спасти Аню.

— Золотые слова, Вилли, — сказал он, потирая ушибленные места. — Золотые слова.

— Сколько... нужно разрезать... слоёв... чтобы добраться... до органов?

— Три, — не задумываясь, ответила Алиса.

— Молодец... а чем... чем ты будешь останавливать... кровотечение?

— Как чем? Тампоном конечно.

— А ещё?

— Ещё? Спиртом и перекисью, естественно.

— Умница... Алиса... ты и Саманта... готовы... осталось только... дождаться Вильгельма... и Лёшу...

— Анька, — прошептала Алиса, глядя её руку, — ты только держись, пожалуйста. Мы же без тебя, как слепые котятка будем.

— Ну не... надо. Вы уже многому... научились...

— Не смей так говорить! — она сжала её руку.

— Всё в порядке... Алиса... я хочу жить... и обязательно буду... теперь... можете меня... оставить? Я хочу... немного поспать...

— Хорошо, — рыжая жестом показала Саманте следовать за собой. — Если что — кричи.

— Поняла...

Дверь закрылась. Аня прождала минуту, а затем достала из-под подушки пожелтевший листок бумаги и ручку. На нём уже размашистым почерком написали несколько строк. Девушка прислушалась — никто не шел. Она собралась с мыслями и принялась писать.

— Лёха, почему, когда мы ввязываемся в какую-нибудь авантюру, мы вечно попадаем в те места, где так воняет, что аж глаза вылазят? — из-за противотока голос Вильгельма искажался и отзывался эхом по тоннелю канализации.

Несмотря на то, что её уже долго не использовали, фекалии доставали обоим по щиколотку. Меся вонючее месиво Алексей одной рукой закрывал нос, а другой держал карту переодически с ней сверяясь.

— Не понимаю, о чём ты? — глаза Лёши от удушливого запаха начинали слезиться.

— А что тут непонятного? Так всегда. Помнишь, когда ты взбесил своих предков, и они выбросили твою игровую приставку?

— Такое не забывается, — ухмыльнулся Лёша.

— Куда мы все дружно пошли? Правильно — прямоком на свалку, потому что твою игрушку успел увезти мусоровоз. Мы там ещё чуть с местными бомжами не подрались из-за неё.

— Допустим, — согласился Алексей. — Единичный случай.

— Издеваешься? А когда у тебя появилась «гениальная» мысль сорвать контрольную с помощью подрыва туалета? Но ты не рассчитал количество пороха и взрыв зацепил трубу, заливая говном весь этаж?

— Меня ещё тогда Дерьмодемоном прозвали, — засмеялся Алексей.

— А когда мы Рому спасали, и я возле мусорных баков сидел? А когда нашли Троцкого и Седову? Там воняло похлеще, чем здесь!

— Ладно-ладно, — согласился тот. — Убедил. Признаю, что благодаря мне мы вечно попадаем в дерьмовые ситуации. Доволен?

— Как-то нет, — из противогаза послышался глубокий вздох.

— Что такое?

— Мы осмотрели уже пять больниц и совершенно ничего не нашли. Я не понимаю, зачем кому-то понадобились хирургические инструменты?

— В ход пошло главное правило — бери всё, что плохо лежит. А сейчас плохо лежит — всё, — Алексей громко засмеялся от своей игры слов, а потом закашлялся, вдохнув удушливый запах.

— Шут Гороховый, долго нам ещё тут брести?

— Ты будешь удивлён, но мы прямо сейчас выходим, — Алексей указал на лестницу, ведущую наверх.

— Чтобы я ещё раз согласился тут пройти... — пробубнил Вилли.

— Ещё как согласишься. Ты мне нужен целым, а не с дыркой в голове, — Алексей принялся залезать.

— Всё хочу тебя спросить: «Откуда у тебя карта канализационной сети?»

— Отец сантехник. Можно было и догадаться.

Тяжёлый люк поддался и сверху появился маленький кусочек неба. Поднявшись, Алексей помог своему другу выбраться из смрадных городских подземелий. Вильгельм снял противогаз и начал с жадностью глотать свежий воздух.

Они шли по коридору, оббитым белой плиткой. На ней остались следы от пуль, взрывов и сажи. Несмотря на разбитые окна, пахло гарью и гниющим мясом. Вильгельм насчитал уже двадцать покойников и их количество продолжало расти. От кого-то остался один скелет, про кого-то можно было сказать, что он умер совсем недавно, если бы не слой пыли, осевшим на нём.

— Что же тут произошло? — спросил Вильгельм, смотря с омерзением на труп. В глазницах тела копошились личинки.

— Война местных банд, — объяснил Алексей. — Борьба за власть. Тот, кто будет владеть городом, или хотя бы его частью, имеет хорошие шансы обеспечить себе безбедную жизнь.

— За счёт жизней своих людей?

— А ты как думал? Неужели у моего эгоиста проснулось сострадание?

Вилли его не слушал и остановился перед трупом девушки. Её шелковистые волосы и коричневая куртка вымазались в кровь. Из рта вытекла маленькая, алая струйка. Зелёные глаза перед смертью на чём-то сфокусировались. Вильгельм проследил за её взглядом и увидел, что она что-то держала в руках. Фотография. На ней изображена девочка лет шести с такими же волосами. На обратной стороне надпись карандашом: «Возвращайся живой,

сестрѣнка!»

— Вилли! — позвал его Алексей, смотря на что-то из окна.

Вильгельм вернул фотографию владельцу и поспешил к Лёше.

— Что? — в мыслях он ещё был с мертвой блондинкой.

— Трубы в промзоне. Они работают!

Вильгельм достал бинокль. Действительно — из нескольких труб вырывался чёрный дым.

— Неужели сладили со станками? — не веря своим глазам, спросил Вильгельм. — Что же они производят?

— Да что угодно. Главное, чтобы были материалы, оборудование, и руки из нужного места росли. Ставлю на то, что наладили кустарное производство оружия. Оно же у нас теперь крайне востребованный товар.

— Дрянное у меня предчувствие. Как бы они до нас не добрались.

— Ещё одна причина усилить оборону базы. Но это уже когда вернёмся.

Они ещё с минуту наблюдали за ожившими трубами, после чего продолжили идти по коридору, ставшей могилой не для одного десятка человек.

В конце парни упёрлись в железную дверь, на которой осталось несколько мятин. «Операционная» — гласила надпись над дверью.

— Взламывай, — сказал кратко Вилли и уселся на подоконнике.

Алексей провозился с замком двадцать минут, медленно вставляя каждую отмычку. Это не дало результата. Он выругался и повторил ещё раз — аналогично.

— Вилли, — Лёша вытер со лба выступивший пот, — это какой-то новый замок. Мои отмычки только к старым подходят.

— И что теперь делать? Выбивать?

— Да хрен там... — отмахнулся Алексей. — Посмотри какая она помятая. До нас её неоднократно пытались вынести. А стоит. Тут разве что гранатой, только шуму много будет.

— Мистер Холмс, что вы предлагаете? — иронизировал Вильгельм.

— Доктор Ватсон, — улыбнулся Лёша, — тут была такая бойня, что их вряд ли особо интересовала эта дверь. Пошли на вахту — вдруг остались ключи?

Ключей действительно оказалось достаточно. Вот только нужный не нашёлся. Зато пыльная книжка с записями дала зацепку:

«01.04.2021 23:37 Коваль. Случайно забрал ключи домой и оставил там. Скоро буду и открою».

— Ага, — Алексей заметно повеселел, — тут где-то должна лежать информация о месте прописки. Если, конечно, Коваль живёт там. Но рискнуть стоит.

— «Где эта улица, где этот дом? Где эта барышня, что я влюблѣн?» — напевал в пол голоса Алексей, подбирая нужную отмычку для двери с номером восемнадцать.

— Сидит рядом с Анькой, — ответил Вильгельм, прикрывая своего друга и следя за лестничной площадкой, — и выглядывает своего принца.

— Саманта что ли? — не сразу понял колкость Вилли Алексей. — Помилуй, ей только шестнадцать лет исполняется.

— Так ты ещё и помнишь когда?

— Двадцать девятого, вроде.

— Всё ясно, — улыбнулся Вильгельм.

— Что тебе ясно? — спросил Алексей, выдернув со всей силы неверную отмычку.

— Лёша, — вздохнул Вильгельм, — разуй глаза. Девочка всё время вертится возле тебя. Вечно просит, чтобы её взяли на вылазки и рано или поздно ты её возьмёшь. И этот подарок... Неужели не понятно, что она в тебя влюбилась? После потери всех близких людей оно и неудивительно.

— Та и без тебя знаю, — Вильгельму показалось, что его друг начал стремительно краснеть.

— И что же ты будешь делать?

— Ничего. Даже напротив, попытаюсь её образумить.

— Какой ты жестокий, — вздохнул наигранно Вилли.

— Я жестокий? — он оторвался от замочной скважины и пристально посмотрел на Вильгельма. — Вилли, оглянись вокруг. О какой взаимной любви может идти речь, если я уже устал повторять, что не уверен, что с нами будет в следующий миг? Я буду жестоким если дам ей надежду, а на следующий день вы принесёте мой труп, потяжелевший из-за трёхста граммов свинца. Дурочка ещё просто до конца не поняла что происходит. Ничего, есть у меня идея, как спустить её на землю, — в этот момент что-то клацнуло, и дверь отворилась, приглашая своим скрипом зайти внутрь.

Просторный коридор был застелен персидским ковром. На полках для обуви ютились несколько пар начищенных туфель, кроссовок и очень крохотных сандалий, которые подошли бы только уж совсем юному владельцу. На тумбочке в пыли россыпью лежало несколько цветных купюр и ключи, правда, не от операционной, а от квартиры. Ребята рылись в карманах курточки и норковых шуб, поиск не дал результатов. Зато Вильгельм нашел пачку жевательной резинки и, поделившись со своим другом, имитировал жвачное животное.

— Я пойду в спальню, — сказал Алексей, — а ты посмотри в гостевой. Вдруг на полке лежат.

В комнате, как, впрочем, и везде, было грязно и душно. Вильгельм вспомнил о своей квартире.

«Интересно, — подумал он, — какой же там сейчас бардак?»

Выдвигая ящики одного из шкафов, Вилли больно ударился головой об полку, подло оказавшейся над ним. Взявшись за ушиблиное место, он заметил, как возле его ног упала тоненькая книжка в белом переплёте.

Взяв её и сдув слой пыли, Вильгельм взглянул на разноцветные буквы:

— «Праздник непослушания». Что-то знакомое.

Перевернув книгу тыльной стороной, Вильгельм прочитал описание:

— В одном городе родители, бабушки и дедушки, устав от бесконечных капризов своих «ужасных детей», сговариваются оставить их одних. Той же ночью все взрослые уходят из города, и утром дети обнаруживают, что предоставлены сами себе.

«Какая ирония!» — подумал Вилли.

— Лёша, — крикнул он в сторону спальни, — ты был послушным ребёнком?

Ответа не последовало.

— А то я тут нашел книгу с ответами на наши вопросы. Эй, ты оглох там? — спросил Вильгельм и проследовал в спальню.

Застал он Алексея среди разбросанной одежды, возле белой кровати для младенца. Лёша стоял столбом, не отрывая от неё взгляд. Подходя поближе к кровати Вильгельм почувствовал удушливый запах нечистот, и, как только Вилли приблизился к ней в плотную,

у него перехватило дух.

Внутри, на мятой простыне, вымазанной мочой и фекалиями, лежало усохшее тело годовалого ребёнка. Почему-то он был без подгузника. Его кожа свисала на тоненьких хрящах, когда-то розовые щёки впали, а рот раскрылся в предсмертном и отчаянном крике. Маленькие руки сжимали плюшевого зайца. Карие глаза смотрели на Алексея, как будто моля о помощи.

— Сколько же? — спросил тихо Лёша опираясь руками об деревянное ограждение кровати. — Сколь же их вот так умерло? Одних? Без шанса на чью-то помощь. Та и даже если ребёнка найдут живым, зачем кому-то обуза? Вот так они все и мучаются до голодного обморока и смерти...

— Лёха, всё в порядке? — Вильгельм обеспокоенно посмотрел на него.

— Да... Всё нормально. Просто нашел ещё одно подтверждение.

Подтверждение нашего трындеца. А так всё замечательно, — он достал из кармана ключ и протянул Вильгельму. На зелёном брелке было написано: «Операционная». — Пошли, Вилли, — сказал Алексей, всё ещё глядя на труп с широко раскрытыми глазами. — У нас очень мало времени.

— Солнце садится в тучу, — прокомментировал задумчиво Лёша и зажёл сигарету. — Завтра будет дождь.

Вильгельм ему не ответил. Он облокотился об дубовую стену и уткнулся в вечернее небо. Ужасно болели ноги, но после совершенного подвига ему было всё равно. Все необходимые инструменты найдены и доставлены в срок, и теперь жизнь Анны зависела только от девочек.

Алексей закрыл глаза и видел там грустное лицо Ани, решительные лица Алисы и Саманты. Вильгельм же... он хотел забыть всё то, что увидел в городе.

— Лёша... дай закурить, — с тоской сказал он.

Сигаретный дым вероломно проник в лёгкие и вызвал у Вильгельма страшный кашель. И тем не менее Вилли продолжал курить. Его не покидали облики мёртвой блондинки и младенца. Они смешивались и получался воистину жуткое зрелище. К ним постепенно начинало присоединяться третье лицо.

Вилли и Алексей уже возвращались обратно и собирались покинуть город через канализацию, но возле люка они обнаружили вооруженную группу из человек пятнадцати. Почти у всех были красные повязки чуть выше локтя. Один из них закидывал верёвку с петлёй на ветку яблони. Толпа вытолкнула небритого брюнета лет шестнадцати, одетого в грязные лохмотья. Он пытался улизнуть, но его быстро скрутили и поволокли в сторону табуретки, а после оперативно натянули петлю на худую шею.

Вышел карлик с листом А4 и писклявым голосом зачитал приговор:

— Согласно третьему закону «Кодекса Гвина» все проявления мародёрства и воровства караются смертью. Приговор вводится в исполнение немедленно и обжалованию неподлежит!

— Обжалованию?! — заорал висельник. — Мы на вас двенадцать часов горбатимся, а еды получаем с Гулькин нос! И после этого вы удивляетесь, что мы ворует?!

Его крики заглушил свист и смех. Выбили табуретку, но тут верёвка порвалась. И на следующей раз тоже. После каждого падения казнённый истерически смеялся. Этот смех до

сих пор продолжал пристраивать Вильгельма. В конце концов толпа добилась своего и преступник понёс наказание. Вилли очень старался не смотреть на него. И всё же лицо с разявленным ртом и закатившимися глазами отпечталось в памяти. В недрах тёмной дыры отсутствовало половина зубов.

— Зачем? — спросил себя Вильгельм.

— Всеми виной воспитание, — ответил ему Лёша. — Родители сами не знают, как себя вести в той или иной ситуации, а тут ещё нужно всё объяснять детям. Вот поэтому и получают либо кровожадные засранцы, либо запуганные до чёртиков люди. А теперь, когда сорвали стоп-кран, всё это вылилось в перестрелки, казни без суда и следствия, массовые грабежи и изнасилования. Анархия — мать порядка... — он скривил губы.

— Лёша, это сидит в каждом из нас. Только почему-то мы можем это сдерживать в себе, а они нет. Воспитание дело, конечно, важное, но что-то тут должно быть ещё. Почему, например, я парень, восемь лет не видевшей своей матери и не помнивший как она выглядит, не иду сносить из Калашникова головы?

— Думаю, тут ещё зависит от того, что для человека правильно и неправильно. Тем головорезам кто-то внушил, что повесить бедолагу или застрелить девушку очень хороший поступок.

— Лёша, я готов отправить на тот свет несколько человек хоть сейчас, если они будут угрожать вашей безопасности. Но зачем убивать просто так?

— А они не просто так, — Алексей сделал затяжку. — Они ради веселья.

— Животные, — сплюнул Вильгельм.

— Согласен. Главное — не забывать зачем мы снабжаем Ад новыми грешниками. Так нас хотя бы не будет мучить совесть.

— Ради ребят?

— Да, — Лёша выдохнул дым. — Ради нас и ребят.

Пот, кровь и слёзы

Алиса надевала хирургические перчатки. Саманта, взяв с придвинутого стола шприц, вводила морфин пациенту. В комнате горела только одна лампа, освещающая кровать Анны. Саму же Аню укрыли одеялом, сделав в ткани разрез в том месте, где будет проводиться операция. Также над кроватью прикрепили круглое зеркальце, наклонив его таким образом, чтобы лежащая могла руководить процессом.

Все молчали, лишь изредка поглядывая друг на друга. Казалось, что одно неосторожно брошенное слово способно погасить вновь обретенную надежду на спасение.

— Девочки... — простонала Анна. — Ещё не поздно... отказаться от этой авантюры.

— Анька, заткнись, — шикнула Алиса закрывая облик марлевой маской. — Давай отмашку начинать, пока я храбрая.

— Ты у меня всегда храбрая, — улыбка причинила ей новую порцию боли. — Хорошо. Я готова... бери маркер и... начинай делать пометки.

Черный маркер вымазал бледную кожу, оставляя на ней маленькие чёрточки.

— Ниже, — корректировала её Анна, — вот так. Теперь... выше. И ещё несколько. Всё... стоп. Должно хватить... теперь... протри спиртом.

— Вата и пинцет, — обратилась Алиса к Саманте. Та почти моментально выполнила команду.

Влажная ватка, втиснутая в пинцет, выполнила свою работу.

— Теперь... теперь самое веселое. Давай Алиса... режь меня. Режь и не жалея, — сказала твёрдо Анна.

— Скальпель, — голос Алисы слегка дрогнул.

В руке Саманты блеснуло лезвие. Девочка никак не могла унять мелкую дрожь.

— Ты уверена, — спросила Алиса, взяв хирургический нож, — что ничего не чувствуешь?

— Да, — в мыслях Анна уже сто раз пожалела. — Начинай...

Инструмент легко вонзился в кожу, словно в масло. Алиса собралась с духом и повела по пунктирной линии. В результате образовалась небольшая щель из которой быстро начала вытекать кровь.

— Тампон и вату, — холоднокровно сказала рыжая.

Остановив кровь, она продолжила:

— Зажим.

— Ты хорошо... и без меня... справляешься, — похвалила её Анна, — не бойся, если что я подкорректирую.

Алиса с помощью зажима раздвинула окровавленные стенки отверстия. В её недрах показалась розоватая плёнка.

— Что дальше? — спросила она не скрывая омерзения.

— Это второй слой... будет ещё... третий. Ну ты помнишь... тут оно легко разрежется... и хирургическими ножницами.

— Ножницы.

Разрезав второй слой, кровь остановить оказалось труднее. Несколько капель попало на белоснежную ткань маски.

— Алиса... — прошептал Анна.

— Да? — она обеспокоено взглянула на девушку.

— Говорю тебе в том случае... если я отключусь... когда ты вскрыешь... этот слой... твоя задача найти... возле нижней правой части... кишечника... небольшой отросток. Он похож... на дождевого червяка. Отрезай его... по самое основание, затем... зашивай. Для удобства... можешь... легонько вытянуть кишки наружу...

— Чего? — рыжая опешила. — Мне ещё в твоих кишках рыться?

— Я не... заставляю, но так будет... намного проще.

— На что я подписалась... — Алиса вздохнула. — Саманта. Выполняй мои команды быстро и четко. И не вздумай сюда заглядывать.

Она лишь кивнула.

Зашумели ножницы. Снова хлынула кровь. Останавливая её, Алиса начала искать искомый отросток.

— Анька, ну от тебя и несёт, — Алиса сморщилась.

— Ну прости... я вас там не ждала.

— Вижу! Вот он засранец. Как надулся! Ещё немного и лопнул бы.

Она с отвращением взяла двумя пальцами толстую кишку и вытянула её бежевый конец из щели.

— Ножницы!

Саманта споткнулась.

— Ножницы, бляха муха!

Получив нужный инструмент, Алиса отрезала вздувшиеся аппендикс. Из кишки полился липкий гной. Много липкого гноя.

— Анька, дряни дохрена выливается, что делать?!

Аня лежала с закрытыми веками.

— Анька!

— Не дашь спокойно... полежать... гной? Выдавливай его... только смотри, чтобы... чтобы в рану не попал... — она тяжело дышала.

Саманта подала ёмкость. Алиса принялась надавливать кишку. Из неё тёмной струёй вытекала бурда. Сосуд заполнился на половину, но гной не планировал заканчиваться.

Стоял кошмарный запах. Пот потоком катился со лба Алисы. Карие глаза широко раскрылись. Её руки дрожали. Она старалась не думать о том, что сейчас происходит, иначе нервы и желудок не выдержали бы.

— Анька, — она готова была расплакаться, — он не кончается! Что делать?! Почему его так у тебя много?!

— Чёрт... — она сжала зубы, — это плохо... если его слишком много... попало в кишечник... это плохо... Алиса... всё хватит... ты молодец... зашивай...

— Игла! — взревела она. Саманта аж подпрыгнула от её крика.

Через пять минут рыжая оставляла последний шов. Рана закрылась. Кровь прекратила течь.

Алиса рухнула прямо на пол, уткнувшись лицом в матрас.

— М-м-м... — простонала Анна, — как же больно...

Алиса подняла голову.

— Чем? — устало спросила рыжая. — Чем нам тебе помочь?

— Морфин... Да... Вколите мне... морфин... — её начинало трясти.

Саманта вколола Ане дозу обезболивающего. Алиса держала свою подругу за руку,

пытаясь успокоить.

— Алиса... — Анна посмотрела на неё.

— Что, Анька?!

— Письмо... письмо под... подушкой...

— Что за письмо?!

— Ты поймёшь... — она ласково улыбнулась, но в следующий момент скривилась от боли. — Папа... папочка... я хочу... домой... как же я... устала... я... так... уста...

Аня замолчала, не договорив последнее слово. По её бледной щеке стекала слеза, а изумрудные глаза перестали реагировать на свет.

«Друзья. Дорогие мои друзья.

Простите меня, пожалуйста. Я очень сильно подвела вас тем, что не смогла выжить. Но это не означает, что вы должны опустить руки. Я уверена, вы сможете выкарабкаться и ещё будете рассказывать пережитое своим потомкам. Как же страшно умирать... Нет, такое писать нельзя, а то ещё заплачу. Не хочу, чтобы меня запомнили такой.

Вильгельм. Вилли. Береги детей, как родных. Только от тебя зависит, сможете ли вы сделать из этого места райский уголок.

Лёша. Во-первых, перестань плакать. Я видела, у тебя тогда текли слёзы. Ненавижу, когда кому-то из-за меня грустно, поэтому перестань. Во-вторых, будь Вилли верной опорой и другом. Заботься о Саманте. Помоги ей пережить мою смерть.

Алиса. Спасибо тебе. Спасибо, что всегда была рядом со мной. Даже во время моего последнего вдоха. Ты отличный человек и подруга, что всегда сможет помочь. И даже в этот раз ты не отказала мне в услуге. Желаю найти своё место в мире. Оно есть для всех и ты не исключение. Спасибо тебе ещё раз.

Рома. Продолжай так же волшебю готовить. Жаль, что не смогла в последний раз нормально поесть. Терпеть не могу овсянку.

Саманта. Как же мне тебя жалко. Только всё начинало налаживаться и тут такое. Мой тебе совет: не держи ничего в себе. Дай волю эмоциям. Обязательно должно полегчать. Передаю тебе свою должность врача. Если бы мы сдавали экзамен, ты бы выполнила его лучше всех.

Ну что же, ребята, пора нам прощаться. Я очень горжусь всеми вами за то, что, несмотря на всё безумие бушующие вокруг нас, мы смогли сохранить рассудок и человечность. Я вас очень прошу, не надо устраивать по мне траурные церемонии. Просто сожгите моё тело, а прах... с прахом поступайте, как хотите. На этом всё. Всех крепко обнимаю и всем спасибо за пройденный путь. Обещаю, что всегда буду рядом с вами.

Аня».

Прохладный день. Редкое явление летом, но этот день был как раз таким. Птицы не пели. Вообще. Или так казалось тем, кто провожал своего друга в последний путь?

Холодное тело Ани положили в огромную кучу хвороста, обильно облив бензином. Затем её укрыли одеялом из цветов. Цветы сорвали со всей округи. Рядом с ней лежали детские игрушки, деревянные поделки, прощальные рисунки. Скромная, но всё же дань уважения покойнику.

— Если есть кому что сказать, — глухо выдавил Алексей, — я слушаю.

Все молчали. Некоторые опустили голову и смотрели в землю. Кто-то всхлипывал, а кто-то откровенно рыдал. Пришли все. Все, кроме Алисы. После операции она сразу закрылась в своей комнате.

— В таком случае — начинаем, — Лёша взял спички и факел.

Подойдя к трупам, что несколько часов назад был его другом, он не смог не посмотреть на лицо Ани в последний раз.

Смерть забрала её жизнь, но у старухи с косой не было никаких шансов справиться с красотой девушки. Сейчас складывалось ощущение, что Анна просто мирно спала.

Всё верно. Она спала.

Вечным сном.

Алексей услышал позади себя быстрые шаги. Прибежавшая Саманта обняла Анну. Лёше потребовалось приложить усилие, чтобы она отпустила её.

— Подожем вместе, Саманта?

— Да, — ответила она сквозь всхлип.

Чиркнула спичка. Вспыхнул факел. Алексей подал Саманте рукоять огнива и они вместе зажгли сухие ветки.

Языки огня с жадностью пожирали всё на своём пути. Каждая пара глаз смотрела на них не отрываясь, в полном молчании.

— Говорят, огонь очищает, — тихо сказал Вильгельм.

— Да, — согласился Лёша. Саманта плакала ему в камуфляжную куртку и он нежно гладил девушку по голове. — Вот только что такого сделала Анька, чтобы нам понадобились его услуги?

— Неужели напрочь отказались? — от досады Гвин сжал пластиковый корпус рации и принялся покачиваться на раскладном стуле. Моросил дождь, но альбиноса спасал синий зонт. Зонтик верно держал слуга. На вершине возвышенности отлично просматривался каждый клочок земли на многие километры вперёд, а особенно интересовавшая Гвина угольная шахта.

— Да, господин, — ответили по рации с небольшими помехами. — Даже несмотря на то, что мы предлагали им охрану и поставки продовольствия. Сдался им этот уголь?

— Наверное, жрут его на завтрак, обед и ужин, — от шутки Гвина на том конце засмеялись, больше из-за уважения и страха к собеседнику. Самому Гвину было не до смеха. Если в кратчайшие сроки не раздобыть ресурсы, так необходимые для его фабрик, то вся работа заглохнет.

— Какие будут приказы? — спросили по рации.

— Приказы? — он задумчиво смотрел на шахту, попутно сняв очки и протирая линзы. Подав знак, маленький мальчик поднёс ему зажжённую зажигалку. Закурив, Гвин сделал несколько затяжек, и тут его голубые глаза загорелись. — Слушай... — протянул он довольно. — Как у вас дела с подствольными гранатами? Хватает?

— Хоть жопой жуй, — отрапортовали ему.

— Замечательно. А стрельните по ним. Штучек десять-двадцать. Посмотрим, как они потом пойдут на переговоры. Если, конечно, после этого смогут ходить.

— По каким целям вести огонь? — уточнили по рации.

— Та неважно! Главное — наведите шороху!

— Не вопрос, — там явно обрадовались таким указаниям. — Это мы мигом!

Гвину подали бинокль. В этот момент по шахте открыли огонь. Мощные взрывы сотрясали территорию шахты. Один из выстрелов попал в сторожевую вышку, не оставив следа ни от неё, ни от часового. Большая часть попаданий пришлась по внутреннему двору. Тем, кто в тот момент там находились, не имели ни малейшего шанса уцелеть. Гвин наблюдал за этим, как зритель в театре, не скрывая восхищения, словно маленький ребёнок.

В какой-то момент всё стихло. Здание шахты заслонила поднятое облако пыли. Изрешечёнными осколками ворота открылись, и из неё вышел парень размахивающий белой тряпкой, вымазанной в грязь и кровь. Его левую руку оторвало, а вместо неё свисали окровавленные ошмётки.

— Мне их даже немного жаль, — сказал себе Гвин. — Захотели отказать тигру, когда их головы находятся в его пасти. Хотя, нам же лучше. Ведь теперь уголь нам будут поставлять совершенно бесплатно.

— Алиса! — Вильгельм уже с минуту барабанил по закрытой двери, но безрезультатно.

— Алиса, открой дверь! Немедленно!

Ответа не последовало.

— Взламывать? — спросил Алексей, перебрасывая с руки на руку связку отмычек.

— Ничего не поделаешь, — развёл руками Вилли, и Лёша принялся за дело.

Замочная скважина поддавалась почти сразу. Лёша придержал дверь, дожидаясь решения Вильгельма.

— Я пойду один, — вскоре сказал Вильгельм. — Двоих она не будет слушать, а так есть шанс.

— Как хочешь, — согласился Лёша. — Только поаккуратнее. Не забывай, что наша вспыльчивая голова самый меткий стрелок города.

— Не будет же она в меня стрелять? — ухмыльнулся Вилли потирая щетину.

— Кто знает, кто знает...

Набравшись смелости, Вильгельм переступил пошарпанный порог. Дверь со скрипом закрылась, оставляя его наедине с Алисой. Рыжую он обнаружил не сразу. Зашторенные гардины почти не пропускали свет. Под ногами валялась порванная бумага, скомканная одежда и осколки посуды. В стене торчало несколько стрел. Сам арбалет лежал под основанием кровати. Его плечи были вырваны и брошены в сторону треснувшего зеркала. Сам виновник погрома лежал на мятой постели, не сводя свои янтарные глаза с потолка. Она заметно исхудала, от бывшего румянца не осталось и следа, а под веками образовались круглые синяки.

— Алис? — Вильгельм присел рядом с ней. Рыжая совершенно игнорировала его. — Вставай, тебе нужно поесть. Два дня уже голодаешь, — он попытался стянуть с неё одеяло, но, прежде чем успел притронуться, увидел у своего лица дуло пистолета. Очень знакомого пистолета. Вильгельм перерыл весь дом в поисках своего Кольта 1911.

— Ну и зачем ты его стащила?

— Уйди... — прошептала она.

— Чтобы потом ещё и тебя хоронить? Мне и Аньки достаточно, — казалось, что это имя сорвало с Алисы предохранитель и она выстрелила. Пуля разбила оконное стекло, которое со звоном вылетело наружу. Вильгельм дёрнулся, но не убежал. В комнату обеспокоено заглянул Алексей.

— Всё нормально, Лёша, — махнул рукой Вилли. — Мы так разговариваем. — Как только дверь закрылась, он обозлённо зыркнул на рыжую. — Ты ждёшь, что я буду на тебя орать, но этого не будет. Я тебе не мама, чтобы мораль читать. Хочешь меня убить? Давай, — он придвинул ствол к своему лбу. Инстинкт самосохранения бил тревогу, в ушах стучала кровь, но Вилли знал, что Алиса никогда не выстрелит. А если даже это и произойдет, то зачем ему задерживается в таком мире? — Ну что? Чего не стреляешь?

— Там был один патрон, — отрезала Алиса и швырнула пистолет. Тот громко врезался в стену.

— Лисёнок, — Вильгельм ещё никогда так не называл её, — мне самому паршиво от всего этого. И тем не менее я стараюсь держать себя в руках. Ради всех нас. Ради тебя.

— Что ты хочешь? — она всё также смотрела в потолок. — О себе в первую очередь

думай, а я как-нибудь разберусь.

— Не разберёшься.

— Даже если так. Тебе ли не всё равно?

— Не всё равно.

— Почему?

— Люблю же тебя, дура, — эти слова прозвучали на пол тона ниже. Алиса пронзительно уставилась на него.

— Что ты сказал?

— Что слышала.

— Нет, подожди. Ты сейчас серьёзно?

— А что тут такого? Да — я люблю тебя как друга.

— Нет, это было совсем другое... — она на секунду улыбнулась, но затем сразу помрачнела. — Ах, Вилли, Вилли. И когда наш эгоист успел стать сочувствующим?

— Когда насмотрелся на местных жителей нашего райского городка. Особенно мёртвых. Я ни за что не позволю, чтобы ты стала такой же как они.

— Я тоже, Вилли! — рыжая сорвалась на крик. — И тем не менее у смерти другие планы! У меня до сих пор перед глазами стоит, как Анька трясётся в предсмертных судорогах, а я ничего не могу поделать! И кто довёл её до такого состояния?! Я! Безрукая кретинка! — Алиса тихо заплакала.

— И всё же мы все тебя ценим и благодарны за то, что ты есть. И даже Аня. Зная её, она была бы очень благодарна тебе.

— Вилли, заткнись. Хватит сыпать соль на рану.

— Заткнуться? — улыбнулся Вильгельм. — Ну как хочешь, — он нагнулся и поцеловал её точно в губы. Не таким себе Вилли представлял свой первый поцелуй, но удовольствия получал от него сполна. Действие получалось неуклюжим, в первую очередь из-за робкого сопротивления Алисы, но та быстро сдалась. Закончив, оба молчали, не смотря друг на друга. Вильгельм прервал молчание первым:

— Пошли ужинать?

— Засранец... Грязная свинья... Кобель, — бурчала рыжая. — Хорошо, пошли.

— ... Итого сорок три единицы оружия и двести три боекомплекта за неделю, — рыжий парень со свежим шрамом через всё лицо закончил читать отчёт и положил его на пошарпанный стол. Гвин с неохотой придвинул мятый кусок бумаги к себе и перечитал ещё раз.

— Мало, — глухо прокомментировал альбинос, бегая глазами по написанному от руки тексту и начерченным столбикам с цифрами. — Этого даже не хватит, чтобы удерживать наши позиции, не говоря уже о расширении. Есть идеи, как увеличить производство до ста единиц в день? Ещё неплохо было бы отремонтировать найденную технику и начать делать свою, — рот Гвина расплылся в улыбке.

— Господин Гвин... — рыжий сжал и разжал кулаки, сдерживая наплыв гнева, грозивший ему только одним — смертью. — Я, конечно, могу увеличить рабочий день до четырнадцати часов, вот только... — он запнулся.

— «Вот только»? — голубые глаза пристально уставились на лицо со шрамом.

— Какой от этого будет толк? — с трудом выдавил рыжий. — Люди и так валяются с ног от нечеловеческих условий труда и скудного пайка. Несчастные случаи происходят чуть ли

не каждый день. А что будет после увеличения смены? Восстание? Бунт? — прозвучал вопрос с дрожью в голосе.

— Пусть попробуют рыпнуться на вооруженную охрану, — парень начал стучать пальцами по столу. — Ладно, сначала подкупим пряником. Увеличь паёк в два раза и дай возможность брать отгул раз в месяц. Посмотрим, как это отразится на их желании работать, — он скривил губы. Правая нога начала ныть, требуя новой дозы.

— Ещё кое-что... — замялся рыжий.

— Что?! — взбесился альбинос, глядя на красную аптечку, как путник с жаждой на оазис.

— Наши разведчики нашли упавший самолёт, — быстро пролепетал он. — Отряд Марка просит разрешения устроить там перевалочный пункт.

— Разрешаю, — сгорая от нетерпения и боли ответил Гвин. — Это всё?

— Да...

— Уйди с глаз моих! Через час проверю как продвигается выполнение моего поручения.

Рыжий исчез за дверью, оставив Гвина наедине. Хромая, он схватил аптечку и вытащил оттуда шприц. В нём уже болталось несколько грамм прозрачного наркотика. Сев на серую кушетку, он вколол острую иглу в правый бок. На нём уже было несколько десятков следов от уколов. Жидкость полилась по вене, и Гвин в блаженстве завалился на кровать. Методичный шум со стороны фабрики начал превращаться в музыку арфы, а собачий лай в ангельское пение.

В голове всплыла недавняя операция. Последние защитники забаррикадировались в здании и готовились принять смерть. Гвин понимал, что при штурме прольётся много крови с обеих сторон, но азарт взял своё и он повёл людей в решающую атаку. Это чуть не стоило ему жизни. Пуля пронзила ногу, едва не зацепив артерию. Новая рана не давала сосредоточиться на работе и медики приписали ему вкалывать несколько раз в день мофрин. Вскоре лекарство перестало утолять всё нарастающую боль и Гвин перешёл на... кокаин. Это стало роковой ошибкой. Первые несколько минут боль действительно уходила, но потом всё тело прожигало раскалённой кочергой, выворачивая беднягу наизнанку. Альбинос после каждого укола клялся себе, что это в последний раз, но когда нога начинала снова ныть — он срывался.

Гвин лежал, скалясь лампочке на потолке. Сейчас она казалась запретным плодом из Эдема. Он наслаждался возможностью хоть ненадолго сбежать от своей реальности и побыть в своём мирке. В мирке без крови, каторжных работ и смерти, что поджидала за углом. Там, где мама не оставила его в пятимесячном возрасте возле помойки. Там, где в детском доме не избивали до потери сознания. Там, где можно показать слабость и не бояться за свою жизнь. Там, где можно быть по-настоящему счастливым.

Видение начинало ослабевать. Через некоторое время Гвин блевал над стальным тазиком.

Утро. Настолько ранее, что ещё никто не встал. Даже солнце. Оно лениво досыпало отведённые ему минуты, прежде чем выглянуть из-за небосвода и озарить всех своим ярким пламенем. Верно, спали все и всё. Кроме Алексея.

Тихий скрип половиц. Лёгкое колебание воздуха. В сумерках могло показаться, что это был не Лёша, а лишь его блеклая тень или измождённый призрак.

Шаг.

Ещё шаг.

Алексей ступал на цыпочках. Было непростительно кого-то разбудить. Особенно того, к кому он крался.

Вот и покои Анны. Вернее уже не Анны, а её правопреемницы — Саманты.

Алексей проверил карман. Палец легонько кольнуло. Удостоверившись, что всё необходимое при нём, он легонько приоткрыл дверь и бесшумно прошмыгнул в комнату.

Её хозяйка уснула за столом, накрыв голову большой книгой. Лампа осталась включённой. На переплёте белели буквы. Алексей понял, что книга была о медицине.

«Бедная девочка, — подумал Лёша. — Ради нас приходится забивать голову такой ерундой».

Он аккуратно отложил книгу в сторону. Саманта что-то простонала во сне, но продолжала спать. Лёша замер. Он любовался ей. Её распущенными волосами, хрупким личиком, безмятежно закрытыми глазами. Хотелось защитить столь милое существо от всех невзгод и дать возможность быть счастливым.

Алексей нажал на выключатель лампы. Свет погас. Саманта вздрогнула и сон покинул её.

— Лёша? — удивилась девушка. — Проклятье, я заснула. Что ты здесь так рано делаешь?

— Тише, — Лёша приставил указательный палец ко рту. — Перебудишь же всех, — он смягчился. — Мне тут птичка на хвосте принесла, что у кого-то сегодня особенный день. Позволь же поздравить тебя. С твоим Днём рождения.

Алексей вытянул небольшой предмет. В этот момент солнцу стало любопытно, что он достал, и оно выглянуло. Лучи заполнили комнату, и стало ясно, что это брошка, выполненная в форме розы. Она купалась в солнечных лучах и переливалась позолотой. В середине цветка краснел рубин.

Лёша нашёл украшение ещё в самый первый день. Спеша на место встречи, Алексей решил срезать через ювелирный. В тот момент его глаз задержался на брошке. Сработала воровская жилка, и решение взять её пришло почти мгновенно. Теперь ей выпала судьба стать частью столь прекрасного облика.

— Лёша, — сонливость у девушки сняло, как рукой, а глаза широко раскрылись. — Откуда ты узнал?

— Неужели это так важно? — он ухмыльнулся.

— Какая же она красивая, — Саманта повисла у него на шее. Алексей почувствовал, что она улыбается. О большем он и не мечтал.

Во время одной из бесконечных вылазок в холодном подвале многоэтажного жилого дома Алексей нашёл подпольное казино. Зелёный стол, разноцветные фишки, новенькие карты, стеклянные стаканы и пепельницы — всё лежало нетронутым и казалось, что всего несколько часов назад здесь одновременно становились богачами и проигрывали последние деньги. Чаще, конечно, оставались не с чем. Ведь казино всегда остаётся в выигрыше.

Решение забрать реквизит пришло единогласно. Всё, что лежало на столе, под столом и за столом, летело в рюкзаки. Разве что сам стол не получилось забрать — его намертво привинтили к полу.

Никто не заметил, как вечерние игры в покер постепенно стали традицией, а за традицией и призы победителю турнира. Теперь самую ценную найденную вещь отдавали

последнему оставшемуся за столом. В тот раз это была банка сгущёнки.

Единственная в беседке лампа, облачённая в стальную конструкцию, освещала шумную компанию, полностью поглощённую игрой. Осталось всего пять человек с равным количеством фишек. За крупье выступала Саманта. Сидя за серединой стола в позе лотоса, она быстро перетасовала колоду и раздала каждому по две карты.

— Господа, — обратился Алексей, поймав карты и держа во рту кубинскую сигару, как будто он сам Че Гевара, — время уже позднее, и развязки я не вижу. Предлагаю не открывая карты пойти всем в Ва-банк, и пусть победителя определит удача.

— Согласна, — Алиса подбрасывала красную фишку, — завтра сложный день, а засиживаться до утра не хотелось бы.

— Поддерживаю, — это был Сергей. — Если мы завтра не вернёмся, командир нас накормит свинцом.

Вильгельм и Юра тоже не возражали. Все придвинули на центр стола фишки, образуя небольшую кучку. Через несколько минут кто-то должен был стать её счастливым обладателем.

Алексей отогнул край своих карт и нахмурился.

— Что? — спросил ехидно Вилли. — Хреновая карта?

— Пойдёт, — отрезал он.

На стол, один за другим положили крестового короля, крестовую даму, бубнового вольта, крестовую и пиковую тройку. Открывать карты был черёд Алисы.

— Две пары, — она несмело положила пиковую даму и вольта.

— Ха! — Вильгельм бросил на стол двух королей. — Сэт!

— Чёрт, — кулак рыжей припечатался об деревянное покрытие.

— Рано радуешься! — в руках рыжего были туз и десятка. — Стрит!

— Неплохо-неплохо, — с досадой протянул Вильгельм.

— Ребята? — насмешливо спросил азиат. — А флэш бьёт стрит? — он по очереди положил на стол крестовую двойку и четвёрку.

Юра грязно выругался под смех Сергея.

— Показывай что там у тебя! — прокричал он Лёше, уже празднуя победу.

— Какое же хорошие сочетание карт — флэш, — он глубоко вздохнул. — Насколько я знаю, её могут побить только четыре комбинации, — его глаза хитро заблестели. — Ой, а у меня же как раз такая есть! — он положил на стол две тройки и у азиата упала челюсть. — Каре!

— Шулер! — резко вскочил он. — Девчонка тебе подыгрывала!

Саманта зыркнула на него, и у Сергея не возникло желания больше спорить. Лёша лишь широко улыбался.

— Ладно, ребят, — он сладко зевнул. — Всем спасибо за игру и спокойной ночи, — Алексей выскочил из-за стола, не забыв прихватить искомую банку в голубой этикетке, и скрылся в темноте. Лишь маленький огонёк от сигары тлел на чёрном полотне.

— Ты это, — Сергей стыдливо обратился к Саманте, — прости, что наехал. Эмоции, азарт от игры...

Она молча сложила карты и фишки под стол и только потом грозно посмотрела на него, но вскоре не выдержала и засмеялась.

— Всё в порядке. Я не обижаюсь, — пожелав всем спокойно ночи, Саманта тоже покинула беседку.

— Серёга, — Вильгельм закурил сигарету, — на счёт шулера ты всё-таки прав. Лёха уже пятый раз подряд выигрывает. Я не верю, что ему так везёт.

— Может, карты краплёные? — предположила Алиса.

— Их Саманта перед каждой игрой проверяя... — Вилли запнулся. — Ах, ну это многое бы объяснило, — он потушил сигарету, и быстро направился в дом, попутно желая спокойной ночи.

Внутри со стороны комнаты Саманты слышался девичьей смех. Вильгельм услышал обрывки разговора:

—... Я всё равно не люблю сгущёнку. И учти — это был последний раз, когда я поддаюсь твоим манипуляциям. Больше я тебе подтасовывать не буду, они и так начинают подозревать.

— Так уж и быть, — голос принадлежал Алексею, — и тем не менее пару ложек ты попробуешь.

— Фу, нет! — запротестовала девочка.

— Когда-нибудь, в глубокой старости, сидя в тёплом кресле, ты будешь жалеть, что отказалась.

— Чёрт с тобой, давай, — загремела посуда.

Дверь скрипнула и вошел Вильгельм с улыбкой кота, нашедшего сметану. Рука Алексея с наполненной ложкой застыла прямо возле рта Саманты, как будто оба совершали преступление. Немая сцена длилась пару секунд.

— Обещаю никому не рассказывать услышанное, — прошептал он, — если поделитесь содержимым этой баночки, — Вилли взял со стола чайную ложку и стал в просящую позу.

— А почему бы и не поделиться? — пожал плечами Лёша, приглашая Вильгельма за стол.

Алиса бежала через густую чащу, не разбирая дороги. Её загоревшее лицо то и дело били колючие ветки, а ноги зацепались за поросшие травой ухабы. Тяжёлый арбалет норовил выпасть из руки, но времени вешать его на плечо не было. Позади слышалось с каждой секундой нарастающее рычание. Несколько раз раздавался протяжный волчий вой.

— Ох и угораздило же! — бросила рыжая, учащенно дыша.

Сквозь деревья показался просвет, и вскоре Алиса выбежала прямо к крутому берегу реки. Путь к бегству был отрезан.

— Зашибись просто, — негодование девушки прервали ломающиеся звуки веток.

Из-за кустов показалось несколько волчьих скалящихся голов, и постепенно их количество увеличивалось. Каждая особь была по своему жуткой. У кого-то уже имелась огромная коллекция шрамов. Другим лишь предстояло её пополнить. Стая обступила свою жертву полукругом и, медленно приближалась, стягивая удавку.

Алиса сбросила с плеч рюкзак, распустила длинные волосы и зарядила стрелу.

«Может, я и умру, но гордо и красиво», — от этой мысли она улыбнулась.

Несмотря на всю безвыходность ситуации, страх или отчаяния девушка не чувствовала. Разве только обиду, что всё закончится таким нелепым образом.

Она задержала дыхание и прицелилась в волка. Прямо в его раскрытую пасть. Время замедлилось и слух улавливал каждый шорох: редкое постукивание сердца, звонкие всплески воды, жужжание насекомых, собачий лай. Алиса не сразу обратила на него внимание. Не считаясь с численным превосходством, на стаю свирепых волков бежала немецкая овчарка,

издавая громкий лай. Она с ходу бросилась на одного из волков, повалила на землю и вгрызлась в тощую шею. Стая не ожидала удара с этой стороны. Алиса воспользовалась заминкой и пустила стрелу, отправив на тот свет ещё одного обитателя леса. Овчарка одержала верх над своим противником и принялась за следующего, но стая успела перегруппироваться и напала на пса одновременно. Алиса поняла, что долго он не протянет.

— Держись! — она взяла два острых ножа и с нечеловеческим криком ринулась на помощь. Рыжая слабо помнила, что происходило в тот момент. Брызги алой жидкости, жалостливое скуление, отвратительный смрад — всё смешалось в один миг. Хищники поняли, что им не одержать победу и спешно отступили.

Алиса сидела среди волчьих трупов и жадно хватала воздух. Вся в грязи, в крови, в нескольких местах одежду разорвало. Ей было всё равно. Ещё никогда она не хотела так жить, как сейчас.

Овчарка терпеливо ждала, пока на неё обратят внимание, и виляла тонким хвостом, периодически зализывая рану на тёмной лапе.

— Спасибо... тебе... — ещё не до конца собравшись с мыслями, обратилась девушка ко псу. — Ты очень вовремя. А то я уже умирать собралась, — рыжая попыталась погладить овчарку, но та отпрянула и отбежала на пару метров. — Ты чего? — удивилась Алиса. Собака лишь кивала пятнистой головой, зазывая идти за ней. — Подожди, — вздохнула она, поднявшись, — дай хоть вещи взять.

Приведя себя в более менее человеческий вид и надев рюкзак, она проследовала за своим спасителем. Они опять углублялись в лес.

— Звать-то тебя как? Не скажешь, да? Вижу ты породистый, голубых кровей. Значит, будешь Гансом. Все Гансы красавчики, и ты их в числе.

В ответ пёс довольно гавкнул. Они продвигались всё дальше, пёс шел не спеша пристраиваясь к темпу своей попутчицы. В какой-то момент Алиса не заметила, как они оказались на поляне с несколькими деревенскими избами.

— Ах... — сообразила девушка. — Ты привёл меня к хозяевам. Ну показывай, мне самой интересно.

Пёс быстро побежал вперёд, скрывшись во внутреннем дворе.

— Подожди меня, — крикнула, не поспевая за псом, рыжая. Войдя во внутренний двор, она поняла, что тут давно уже никого нет. Двери раскрылись нараспашку, в соломенной крыше зияло несколько дыр, а сама территория постепенно проигрывала схватку лесу и зарастала. Ганс свернулся калачиком возле будки и тоскливо глядел на пустую миску, наивно веря, что её ещё когда-нибудь наполнят.

— Я и забыла, — грустно протянула Алиса, усевшись рядом с овчаркой. Теперь Ганс позволил себя погладить и прищурился от прикосновений девушки. — И ты всё это время их ждёшь. До чего же вы верные создания. Мы совершенно вас не заслуживаем, — задумчиво сказала она. — Слушай, пошли со мной, — Ганс лишь негромко прорычал, что означало отказ. — Пошли-пошли, — рыжая протянула ему кусочек вяленого мяса и пёс с аппетитом sloпал его. — Ганс, — она посмотрела ему прямо в тёмные глаза, — поверь мне — они не вернуться. А я могу стать достойной заменой. Что скажешь?

В ответ пёс жалобно заскулил и принялся тереться об её ноги.

— Будем считать это согласием, — усмехнулась Алиса.

— Так сколько мешков картофеля вы можете дать? — спросил Гвин, наклонившись к

связанному юноше. Зелёные глаза со страхом смотрели на собеседника, губы дрожали. Лохматые чёрные волосы давно требовали стрижки. Одежда остро пахла навозом.

— Двадцать... — чуть слышно ответил он. — Двадцать, господин Гвин.

— Какой я тебе господин, — вздохнул Гвин. — Посмотри на эти руки, — альбинос протянул ладони. На них не осталось живого места из-за мазелей, царапин и синяков. — Я знаю, что такое работать с огородом не понаслышке и понимаю, какой это каторжный труд. А теперь подумай ещё раз и ответь.

— Пятнадцать, — чуть увереннее ответил брюнет. — Пятнадцать мы сможем дать и пережить зиму.

— Вот, такой ответ мне нравится, — он потрепал его по бородатой щеке. — Развяжите его, пусть руководит погрузкой.

Измощённые трудом на поле подростки, от мала до велика, выносили из сарая пудовые мешки и грузили в грузовик. Восемилетний мальчик, неся на себе торбу больше, чем он сам, не вынес своей ноши и уронил её. Мешок развязался и из него вывалился гнилой картофель.

— Это что такое? — спросил Гвин с интересом разглядывая содержимое мешка. Хоть он и держался спокойно, но глубоко в душе альбинос испытывал большой спектр эмоций.

Бородатый брюнет молча уткнулся в развязанный мешок. Всё его тело начинала прошибать мелкая дрожь.

— Я тебя, блять, спрашиваю: что это такое?! — сорвался на крик Гвин.

— Картошка... — тихо ответил тот.

— Я вижу, что не ананасы. Какого хрена она такая?!

Парень молчал, лишь громко сопя.

— Надурить меня решили, сволочи? — спросил он, беря одну из гнилых картофелин. — Я же с вами по человечески, а вы что? Смотри, — Гвин поднёс гнилой плод прямо к лицу собеседника. От неё несло вонью и плесенью. — Вы хотели, чтобы мы жрали это падаль. Видимо вы считаете, что это съедобно? Значит у тебя не должно возникнуть сложностей съесть это, правда? — он оскалился, отчего у брюнета ушла душа в пятки. Альбинос ударил его в область живота, и парень согнулся пополам, хватая ртом воздух. Гвин взял беднягу за острый подбородок и затолкал в рот картофелину. — Кушай, — приговаривал он, — кушай, мой хороший. У нас этого добра целый мешок.

Пережёвывая отвратительную пищу и заливаясь слезами, брюнет не видел, как люди Гвина обливали бензином его дом. Из машины достали несколько цистерн и длинную трубу. Это был кустарный огнемёт, и его собирались проверить в действии.

Позже об этом дне пошли разные слухи. Одни говорили, что Гвин вырезал всех, а дом спалил. Другие, что девушек и совсем юных пацанов заперли в здании и подожгли, а остальных отправили в недавно созданный штрафной батальон, что было хуже смерти. Третьи же рассказывали, что Альбинос просто всё сжёг, оставив жителей этих земель без крова перед холодной и беспощадной зимой. Такой же, как и сам Гвин.

Из душа холодной струёй вырвалась речная вода, смывая с загоревшей кожи липкий пот и куски грязи. После каторжного дня на огороде, под палящим солнцем, для Алисы ледяной душ стал райским наслаждением. Последние капли шампуня вылились на рыжие волосы.

«Придётся дальше мыть голову мылом», — подумала рыжая.

Благо мыла после последней вылазки хватало. На складе хозяйственного магазина нашли огромное количество коробок с этим ценным товаром и теперь его хватало на пару

десятков лет.

Сквозь шум воды послышался скрип. Алиса поздно вспомнила, что не закрыла дверь на защёлку. Насвистывая мелодию с жёлтым полотенцем наперевес, в душевую зашёл Вильгельм. Он не сразу понял, что находится не один. Когда же Вилли увидел полностью голую Алису, он застыл, забыв обо всем. Вживую женское тело он ещё никогда не видел. Особенно так близко. Карие глаза друзей встретились, а в следующий момент Алиса визгнула:

— Отвернись! — она пыталась спрятать свои интимные места, но выходило у рыжей это плоховато.

— Извини! — Вильгельм быстро зашагал к двери. — Дверь открыта, я думал свободно. Уже ухожу!

— Подожди... — прошептала Алиса так, что Вилли услышал её только краем уха. — Раз уж всё увидел — оставайся.

— Прости? — спросил он, всё ещё стоя к ней спиной.

— Останься, — чуть смелее ответила девушка.

Вильгельм с трудом повернулся. Алиса уже не пряталась, только отвела взгляд и стремительно покраснела. Прозрачные капли стекали по её вздымающиеся груди и зацепались за отвердевшие соски. Упругая талия так и манила, чтобы её обняли. Длинные, загоревшие ноги могли свести с ума любого.

Вилли пытался отвести взгляд, но тщетно. Алиса заметила его растерянность и хмыкнула.

— Заходи, — она игривым жестом пригласила его в кабину.

Он колебался, но всё же смелость взяла вверх, и он на заплетающихся ногах вошёл в интимное пространство Алисы. От неё веяло душистыми травами. В тот момент в нём боролось два чувства: жгучий стыд за то, что не нашлось мужества отказать и одновременно с этим гордость за попытку сделать шаг в так манящую неизвестность.

Всё ещё находясь в состоянии полубреда, Вильгельм не смог сопротивляться искушению и прикоснулся к тёплой груди, начиная мять округлости. Тем временем Алиса стянула с него намокающие трусы. Оттуда выпал стремительно набухающий член, извещающий о готовности начать шалости. Рыжая нежно провела по нему, от чего у Вильгельма пробежали мурашки по всему телу.

Алиса резко развернулась и Вильгельм с удовольствием разглядывал её ягодицы.

— Помой мне спину, — прошептала она.

Дрожащими руками Вилли намылил колючую мочалку и стал мыть Алису, словно он скульптор, делающий последние штрихи работы всей своей жизни. Параллельно он прильнул губами к её в шее. Алиса застонала от удовольствия, и её стон слился со стуками капель. Закончив натирать спину, он развернул её и поцеловал, покусывая верхнюю губу и водя языком в ротовой полости. Рыжая водила руками по его половому органу и её прикосновения доставляли неземное наслаждение Вильгельму.

Окончательно обнаглев, Вилли начал опускаться вниз, но Алиса отстранила его.

— Пока хватит, — тяжело дыша сказала она.

— Как скажешь, — немного расстроившись согласился Вильгельм.

— Хорошего понемногу, — Алиса вышла из кабины и завернулась в полотенце. — Спасибо за помощь, — рыжая послала воздушный поцелуй и скрылась за дверью, оставляя Вильгельма в полном недоумении.

По мере увеличения в поместье совсем маленьких детей, было решено сделать для них детскую. Выбор пал на одну из комнат прислуги. Помещение занимало половину здания, и в него поместилось целых двадцать кроватей, не говоря уже о месте для игр, а также огромный шкаф, куда складывали игрушки и детскую литературу.

Сумерки полностью заполнили комнату, и их разгоняло лишь пламя восковой свечи. Дети, укрывшись белым одеялом до шеи, внимательно слушали Вильгельма, который читал им книгу. Он уже заканчивал.

— *«Наступило утро.*

Пережив трёхдневный Праздник Непослушания, город зажил нормальной жизнью: на уличных перекрёстках заморгали светофоры, показались пешеходы, заработал уличный транспорт. В Булочной появился душистый хлеб, в Молочной — свежее молоко и кефир, в Зеленой — овощи и фрукты, в Мясной — парное мясо, в кондитерской «СЛАДКОЕЖКА» — мороженое всех сортов. Парикмахеры надели белые халаты и встали у своих кресел. Доктора положили в свои чемоданчики шприцы, трубки и молоточки. Аптекарь открыл запертый на два ключа шкафчик с ядами. Учителя отточили свои красные карандаши, а повара — большие кухонные ножи.

— *С добрым утром! Давайте сделаем гимнастику!* — *сказало радио.*

Наступил новый день...

На первом уроке в первом классе «А» в десять часов утра в дневник ученика, сидевшего на первой парте, влетела первая двойка: блям-с!!!

В первом часу дня первый футбольный мяч высадил стекло в окне первого этажа дома номер один по улице Мушкетёров: бенн!!!

— *Послушай, Турнепка, что я тебе скажу, только слушай внимательно!* — *с загадочным видом прошептал на ушко сестре Репка.* — *Я нашёл у дедушки в ящике лишний тюбик с жёлтой краской. Не покрасить ли нам ещё раз Пупсика? Всё началось сначала... »*

— *Конец,* — *Вилли жадно прильнул к стакану с водой и опустошил его до дна.*

— *Дядя Вильгельм, а давайте ещё раз!* — *резво предложил полный мальчуган. Его начали поддерживать остальные карапузы.*

— *Вы что, с ума посходили?* — *опешил Вилли.* — *Время уже далеко не детское и вы эту книгу наизусть знаете. Восьмой раз вам читаю.*

— *Дядя Вильгельм, ну пожалуйста!* — *не унималась малышня.*

— *Так,* — *он резко поднял руку, чем прервал все детские манипуляции,* — *если завтра будете активно помогать тёте Алисе, то так уж и быть — прочитаю. А по хорошему пора вас учить читать. Точно, с завтрашнего дня и начнём! А то у меня такими темпами горло сядет. Всем спокойной ночи!* — *он потушил голубое плямя свечи.*

— *Спокойной ночи!* — *ответили ему дружно.*

Идя между стройных кроватных рядов, Вилли то и дело поправлял съехавшие одеяла и мятые подушки.

— *Дядя Вильгельм,* — *прошептала русая девочка, широко глядя на него своими голубыми глазами,* — *а почему взрослые ушли от нас?*

— *Я до конца не знаю,* — *ответил Вилли, стараясь не шуметь,* — *но вероятнее из-за того, что мы очень плохо себя вели и теперь нам нужно очень постараться, чтобы они*

вернулись.

— Но я же и так стараюсь как могу, — запротестовала девочка.

— Охотно верю, но только твоих сил здесь недостаточно. Нужно чтобы каждый из нас выложился на полную и тогда взрослые поймут от каких примерных детей они ушли.

— Вы обещаете? — искренне спросила русая.

— Да, — он старался не смотреть на неё, — обещаю... Всё спи, — он зашагал прочь из комнаты и только когда закрыл за собой дверь позволил себе выдохнуть.

— Что, — поинтересовалась Алиса протягивая горячую кружку душистого чая, — совсем замаяли?

— Всё нормально, — Вильгельм сделал глоток и положил ёмкость на стол. — Напомни тот момент, когда просто пытаюсь выжить, мы решили взять над этой мелюзгой опеку?

— Не помню, — она прихлопнула на руке комара, — всё произошло настолько быстро. А что?

— Раньше я бы ни за что на такое не согласился, а сейчас мне даже нравится. А что? После нервного дня посидеть с ними одно удовольствие. Помогает понять, зачем мы всем этим занимаемся.

— И это говоришь ты? — удивилась Алиса. — Старый Вилли никогда бы так не сказал. Старый Вилли терпеть не мог детей. Может, они его там связали и закрыли в шкафу, а ты добрый двойник?

— Старый, хмурый, эгоистичный Вилли здесь и с ним всё в порядке, — он сделал глоток и помолчал. — Да, они шумные, часто надоедливые, могут довести до белого колена.

— Глупые, — вставила Алиса.

— Да-да... Но иногда они могут задать настолько простой и одновременно меткий вопрос, что становится не по себе. До того момента, как они вырастут, наша задача подготовить их к этому миру, что до сих пор до конца не сформировался. Лучше пусть мы будем совершать ошибки, чем они. Главное — научить потом избегать их.

— Иногда за ошибки приходится платить слишком дорого, — серьёзно сказала Алиса.

— К сожалению сегодня без этого никак. И тем не менее пусть цена будет как можно меньше. Мы и так достаточно за них платим.

— Да... — протянула Алиса.

— Спокойной ночи, — Вилли быстро допил чай, страстно поцеловал Алису и покинул стол.

— Вот так всегда, — вздохнула Алиса, — на самом интересном месте.

Горящие обломки пробивали насквозь белоснежные облака и сгорали, не долетая до поверхности Земли, сопровождая это леденящим кровь грохотом. Всё живое затихло и наблюдало за апокалиптическим видом. Жителей поместья сперва это тоже повергло в шок, но осознав, что гнев небес не опасен, любопытство взяло вверх над всеми. Наружу вытащили мягкий диван, раскладные стулья, подстилки — всё, на чём можно сидеть.

Вильгельм снимал видео на телефон, Алексей что-то писал в дневнике, Алиса смотрела в бинокль. Саманта пыталась разобрать, что пишет её друг, но корявый почерк напрочь отбил у неё желание. Рома вынес под громкие возгласы поднос со вкусно пахнущими клубничными слойками. Их быстро начали разбирать.

— Третий день уже падает, — прокомментировала Алиса, не отрываясь от бинокля.

— Так а сколько спутников по орбите кружило? — спросил Лёша. — Пару тысяч точно. И тут у всех начал заканчиваться запас электроэнергии. Так что падать они ещё будут долго.

— Вот упадёт на нас такой обломок, — пробубнил Вилли, — и всё. Конец нашему брыканию.

— Не упадёт, — успокоил его Алексей без доли сомнения. — А если даже и упадёт, то всё закончится довольно быстро.

— Ты так об это спокойно говоришь, — Вильгельм закончил съёмку и принялся лениво жевать душистую слойку.

— Почему-то, когда речь заходит о смерти, — Алексей провёл взглядом очередной горящий обломок, — я ничего не чувствую. Очень странно. И это уже давно. До «Моменты Х». Когда каждый день кто-то умирает и новостные заголовки только и пестрят этой дрянью, ты перестаёшь воспринимать. Что бы это ни было: авария на несколько десятков машин, убийство ни в чём не повинной девушки в подворотне или же авиакатастрофа. Тебе в какой-то момент становится всё равно. И осознание того, что ты чувствуешь скуку и зеваешь, читая эти строки, пугает. Чёрт. Это страшно.

— Всё нормально, Лёх, — Вилли взял ещё одну слойку. — Сейчас оно даже лучше. Нервы целее будут.

— Нихрена это не нормально. Человек тем и отличается от животного, что может сострадать. Генетический сбой или так хотела природа — это уже другой вопрос. Проблема в том, что система постепенно притупляет у нас эту черту и её влиянию очень сложно сопротивляться.

— Так радуйся — нет сейчас этой системы, — улыбнулся Вилли. — Неси добро и позитив.

— Системы нет, но остались издержки системы. Так что добро и позитив отменяются.

— Опять вы на каком-то своём языке говорите, — вставила реплику Саманта. — Хватит разглагольствовать на тему: «Если бы да кабы». Получайте удовольствие от момента. От вкусной еды. От свежего воздуха. От хорошей компании. От восхитительного вида. Иначе так всю жизнь и проживёте, сожалея о прошлом или мечтая о будущем.

— Как будто ты не сожалеешь? — спросил Алексей.

— Ещё как сожалею! Уметь наслаждаться моментом далеко не все могут. Возможно, вспоминая этот день, мы поймём, что были счастливы.

— Я прерву ваш поток мыслей, — перебила их Алиса, — но что-то я не могу найти комету. Неужели, гадина, исчезла?!

— Действительно, — подтвердил Алексей глядя на небо. — Пол часа назад же была. Все ребята, сейчас наши предки вернуться! Ждём!

— Лёха, — сказал Вильгельм, — я представляю лицо твоей тётки, если бы она нас сейчас увидела. С тебя бы шкуру сняли.

— Не, — отмахнулся Алексей, — у нас огнестрелы. Она их до потери пульса боялась.

— Тогда повезло.

— Да... — вздохнул он и приобнял Саманту, — повезло...

— Лёша! — Саманта подбежала к нему и принюхавшись, учуяла острый запах сигаретного дыма. — Ты опять куришь? — спросила она, нахмурившись.

— Чёрт, — Алексей глупо улыбнулся. — Да, ты меня поймала. И да, я нарушил обещание, что не буду выкуривать больше одной сигареты в день. Я также торжественно

клянусь на этой пачке сигарет, — он демонстративно достал белую коробочку и положил на неё руку, — что это в последний раз. Хотя кого я обманываю... — Саманта продолжала негодовать, но затем махнула рукой, тяжело вздохнув.

— Искупи свою вину — помоги мне, пожалуйста, — девушка взглянула ему прямо в глаза и начала часто моргать.

— В чём? — Лёша не смог сопротивляться манипуляции, та и не особо хотел.

— Проследи за детьми в детской пока я... — она отвела взгляд, — в общем мне нужно отойти.

— Куда? — Алексей удивился резкой смене поведения подруги.

— Секрет... — прошептала девушка.

— Саманта, — твёрдо обратился Лёша, — у меня по отношению к тебе нет секретов и недомолвок. Говори на чистоту: что с тобой? Я же всё равно узнаю.

Девушка начала заливаться краской.

— В моём возрасте, — вскоре с трудом выдавила она, — начинаются такие дни, когда... когда внизу очень больно и вытекает кро...

— Достаточно, — Лёша очень пожалел, что влез не в своё дело. — Сегодня можешь отдыхать, я прослежу за мелкими.

— Спасибо тебе, — Саманта обняла его, от чего Алексей засмутился.

— Ну всё хватит, а то ещё увидит кто.

Девочка неспеша пошла в свою комнату. Проведя её взглядом, Лёша вспомнив о том, что обещал и проследовал в детскую.

Застал он по-настоящему шокирующую картину. Даже для него. Несколько мальчуганов посреди комнаты самоотверженно дрались подушками, и никто не намеривался уступать. Вокруг летали перья, и раздавался смех. Остальная детвора обступила их полукругом. Мальчики в основном подначивали сражавшихся, девочки, в свою очередь, с нескрываемым страхом наблюдали за происходящим. Некоторые вот-вот готовы были расплакаться.

— Это что такое?! — гаркнул Алексей, и все замерли, испугано глядя на него. — Вас и на минуту нельзя оставить?!

— Дядя Алексей, — подбежала к нему девочка, — мы собирались играть в Короля и Королеву, но, когда выбирали Короля, Тимка упёрся и не хотел отдавать корону. А ведь он уже вчера был королём!

— И что? — возмутился тучный мальчик. — Вы всё равно не умеете играть эту роль!

— Так потому что ты другим не даёшь! — крикнул пацан и треснул его по голове.

— Тихо! — Лёша отобрал у них подушки и отбросил в дальний угол. — Так-с, — смягчился он, — раз Тимка так сильно хочет, пусть будет Королём, — слышались неодобрительные возгласы. — Тише-тише, — поднял Алексей руку, — в этот раз будем играть по моим правилам. Давайте договоримся так: вы сейчас все будете вести себя тихо и дадите мне время. Хорошо? — все дружно закивали.

Алексей взял с полки стопку бумаги и карандаш, забился в угол и следующие пол часа что-то писал, словно он поэт, которого посетила муза. Он изредка смотрел на детей и широко улыбался, те же посматривали на него и шушукались.

— Всё! — выпалил Лёша, шурша исписанной бумагой. — Подходите ко мне, сейчас распределим, кто кем будет.

Тучного Тимку сделали королём. И не простым королём, а самим Людовиком шестнадцатым. Мальчуган закрепил свой «монаршеский статус» игрушечной коронной и

демонстративно сел посреди комнаты на стул. Рядом с ним посадили его «супругу» — королеву Марию-Антуанетту. Остальным ребятам достались роли аристократии, духовенства, купечества, интеллигенции, солдат и простого народа. Народа оказалось больше всего. Тем временем Лёша принёс корзину яблок и сказал Тимке распределить их так, как «его величество» считает нужным.

Во время игры Лёша пришел к выводу, что «король» и «королева» мастерски вжились в роль своих реальных прототипов. Они всячески пренебрегали своими обязанностями, а только получали удовольствие от жизни, отдав все яблоки «аристократии», полностью забыв о «народе», «солдатах» и «просветителях». Алексей решил взять ситуацию в свои руки и пошел к обиженному «народу». Немного посоветовавшись за спиной «короля» они составили план.

Лёша демонстративно стал напротив Тимки, неумело поклонился и молвил:

— Ваше Величество, смею доложить, что ваш народ находится весьма в бедственном положении. У него иссякли запасы хлеба!

— Нет хлеба, — хрюкнул Тимка, жуя яблоко, — так пусть едят пирожные!

— Другого ответа я и не ожидал, — ухмыльнулся Алексей. — В таком случае я вынужден обвинить вас в пренебрежении своих прямых обязанностей и государственной измене.

— Что?! — «король» чуть не подавился острым куском яблока под общее негодование его окружения. — Стража! Схватить его!

Но никто не пришел.

— Стража! — ещё громче заверещал мальчуган.

Алексей громко рассмеялся, а затем звонко щёлкнул пальцами. Со всех сторон выбежали кричащие дети и быстро повалили на пол своих «монархов» и его «свиту».

— Я, как представитель народа, объявляю вам смертный приговор!

Все испугано посмотрели на него.

— Дядя Лёша, — русая девочка начала хныкать, — не надо убивать Тимку! Он хоть и вредный, но хороший! — её начала поддерживать остальная малышня.

— Точно? — не убирая серьёзной мины, спросил Алексей.

— Да! — ответили ему хором.

— В таком случае пусть поделится с вами яблоками. И, ребята, — он слегка помрачнел, — запомните на всю жизнь: большая власть требует большой ответственности. Если не будет ответственности, власть в итоге безжалостно раздавит вас под прессом гнева и невыполненных обязанностей. Помните об этом.

— Раз, два, взяли! Раз, два, взяли! — бодро командовала Барон. Пенёвка верёвка стонала под тяжестью своего груза — огромной репки. Десять пацанов сквозь стоны, брань и вздохи пытались вытянуть непомерный дар земли. Никто не мог понять, как она там выросла. Особенно размером в массивный шкаф. Это не могла объяснить даже хозяйка огорода — Алиса. Она садила много чего, но точно не репу. Правда, происхождение плода её мало волновало, больше рыжая хотела достать его, но пока с этим было туго.

Верёвка не выдержала издевательств над собой и порвалась, больно ударив Вильгельма по руке. Все упали, высоко поднимая пыль и сопровождая процесс грубой бранью. Лёша отряхивался от грязи, заразительно смеясь.

— Чего ржёшь, придурок? — спросила Барон, подходя к нему.

— Посадил дед репку, — ответил он, продолжая смеяться, — выросла репка большая-большая!

— Да, — Барон не разделяла его позитива, — только там вытянули её куда с меньшими силами, а здесь десять амбалов не могут справиться!

— Да чего мы хернёй страдаем? — Алексей поднялся и натянул панамку. — Давай машиной вытянем и все дела.

— Нет, — откинула его идею блондинка, — тратить бензин на это я не буду.

— Критикуешь — предлагай, — ухмыльнулся Лёха.

— Взрывчатка, — только и сказала Барон.

— Прости, не расслышал, — в тот момент глаза Алексея чуть не вылезли на лоб.

— Заложить несколько грамм взрывчатки под корень и подорвать, — она зажгла зажигалкой сигарету и сделала глубокую затяжку.

— Значит, бензина тебе жалко, — кивнул Алексей, — а тротила нет?!

— Да, — она обезоруживающе улыбнулась, и у Лёши отпало желание спорить.

— Делай, что хочешь, — махнул он рукой.

Начались работы по подрыву неприступной репки. Из грузового автомобиля принесли динамит и начали делить его на несколько меньших частей. Тем временем Алексей и Вильгельм пробивались с помощью лопат к корням огромного плода.

— Какой же бессмыслицей мы занимаемся, — буркнул Вилли и со всей силы всадил инструмент в землю.

— Это с какой стороны посмотреть, — Лёша отбросил земляную грудку прочь. — Да, вроде и бессмыслица, но, выбирая между перестрелками, трупами и этим, я готов заниматься этой бессмыслицей всю жизнь.

— Неплохо сказано. Правда, бессмыслица всё равно остаётся бессмыслицей.

— Если дать бессмыслице цель — не такая уж она и бессмысленная. А если она ещё и принесёт пользу — то это вдвойне круто, — в этот момент Алексей наткнулся остриём на твёрдый корень. — А вот и цель нашей бессмыслицы, — прокомментировал он.

В яму положили несколько зарядов и протянули фитиль до самого укрытия: мешки с урожаем. Всю малышню согнали в дом, остальные спрятались за зданием, и лишь трое смельчаков: Вильгельм, Алексей и Барон остались недалеко от будущего эпицентра взрыва.

— Ты это затеяла — ты и поджигай, — Лёша лёг на землю и закрыл голову руками.

Блондинка взяла двумя пальцами сигарету и сделала еще одну затяжку. В лёгких смешался сигаретный дым и свежий воздух, придавал окружающим запахам диковинный вкус. Девушка мельком взглянула позади себя. Её люди с беспокойством выглядывали из-за здания, ожидая, что будет дальше. Она опустила сигарету на фитиль и образовавшийся огонёк быстро побежал в сторону репки. Она только и успела спрятаться, как прогремел взрыв. Казалось, что он способен сместить планету со своей оси. Но цель была выполнена: репка покинула объятия земли. Но была одна небольшая загвоздка: от неё остались маленькие кусочки, падающие теперь с небес.

Барон звонко смеялась, Вильгельм отплёвывался от попавшей в рот пыли, а Алексей хотел кое-кого придушить.

— Это было пару грамм?! — кричал он.

— Прости, ошиблись чуть-чуть, — из её рта вырвалось кольцо дыма. — Но ведь задачу выполнили? Выполнили. Командованию нужно одно — результат. А какими способами, это уже неважно.

— Моя репка! — взревела Алиса, стремительно приближаясь к троице.

— Сейчас «командование» устроит тебе головомойку, — хмыкнул Алексей.

Дальше между девушками последовала словесная перепалка, и никто не знает, чем бы она закончилась, если бы не пришедшая со стороны полей группа с полными вёдрами кукурузы. Позабыв разногласия, все пошли на обед. На обед была кукуруза.

— Не знаю, когда у него начались необратимые изменения. Может, в тот момент, а может ещё раньше, до всего этого. Хрен его знает, — Лёша сделал длинную затяжку, выпустил сигаретный дым и продолжил. — Знаешь, мне его жалко. Не заслуживает он всего этого. Да и все мы. И ты... Не может никто такое выдержать, и я его понимаю, и всё же он не должен был так поступать. Сам же всё прекрасно понимает. Хорошо, что хватило ума не брать Саманту. Малышка только начала радоваться. А если бы его видела Алиса, я не знаю, что бы она с ним сделала.

Вечерело. Ветер полностью стих, а птицы давали свои последние концерты, прежде чем улететь на юг. Листья постепенно уступали стихии, начинали желтеть, а некоторые уже устилали собой траву.

Группа возвращалась домой. Вылазка вышла удачной. Все хотели успеть на ужин и получить заслуженную порцию еды и отдыха. Вильгельм, идя во главе колонны, насвистывал придуманную мелодию.

— Отряд, стоп! — скомандовал Вилли. Все пригнулись. Из-за веток деревьев бил густой дым. — Лёха, Юра, ко мне.

— В чём дело? — спросил подошедший Алексей.

— Кажется, кто-то разбил лагерь, — объяснил Вильгельм. — Как раз там, где нам нужно пройти. Обходить долго — скоро ночь.

— Может, люди Барона? — предположил Юра.

— А почему они здесь остановились, а не на нашей базе?

— Резонно, — согласился рыжий.

— Юра, будь добр, незаметно проследи за ними. Узнай их количество, вооружение и сразу возвращайся к нам.

— Могу я Лёшу с собой взять?

— Нет, так больше шансов, что вас заметят.

— Всё понятно, — Юра ухмыльнулся.

— Что тебе понятно? — Алексей с непониманием посмотрел на него.

— Что у вас катится-катится.

— Кто? — спросили они одновременно.

— Голубой вагон! — рыжий рассмеялся.

— И ничего подобного! — Лёша принял важный вид. — У нас крепкая мужская дружба, — он не выдержал и прыснул.

— Так, всё, — сказал Вилли, успокоившись, — С нетерпением тебя ждём. Желательно живым.

— Постараемся, — ответил он прежде, чем скрыться в кустах сирени.

Вильгельм почувствовал усталость в ногах, снял свой красный рюкзак и сел прямо в густую траву. Голова запряталась в его мозолистых ладонях.

— Вилли, возьми на пару дней отдых, — с беспокойством обратился Лёша, — Совсем не жалеешь себя.

— От работы кони дохнут, а мы живы... Зимой отдохнём. А пока нужно сделать всё для утепления помещений.

— Но не любой же ценой!

— Посмотри на них, — он указал в сторону девочки и мальчика, замыкающих группу.

Они что-то оживлённо обсуждали и звонко смеялись. — Ради них можно и любой ценой.

Неожиданно раздались выстрелы со стороны дыма. Не сговариваясь, все похватили оружие и побежали в сторону, откуда шла пальба.

Пройдя густую растительность, отряд оказался перед просторной поляной, на которой разбили привал. Дым шел от костра, вокруг него поставили несколько палаток. Рядом с ними стояло полтора десятка человек, громко смеясь. У всех на рукавах висели красные повязки. В нескольких метрах от них лежал истекающий кровью Юрий. Он держался за плечо и изнывал от боли.

— Дерьмо... — Вильгельм взял себя в руки. — Отряд, рассредоточиться и взять цели на уровне груди. Огонь по моей команде, — прошло томительных десять секунд. — Огонь!!!

Бой был коротким, но жарким. Группа Вильгельма обладала преимуществом в плане эффекта неожиданности и обладанием укрытия. Трех даже удалось пленить.

Запахло порохом.

Вилли со всех ног помчался к раненому Юре.

— Ты, главное, держись! Дома подлатаем тебя и будешь, как новенький, — он не верил в сказанное. Кровь стремительно вытекала из плеча, не смотря на затянутый жгут.

— Они же... обещали... что не будут... стрелять... — пацан начинал бледнеть. — Они... обещали... — его угасающие карие глаза посмотрели на Вилли и намертво замерли.

Вильгельмом овладела ярость. Он выхватил Кольт и подошёл к пленным.

— Кто отдал приказ стрелять?!

Все трое молча смотрели в землю.

Вильгельм прострелил одному из них голову.

— Ты что творишь?! — крикнул Алексей, не веря своим глазам.

— Я ещё раз повторяю, кто отдал приказ стрелять?! — орал Вилли.

— Он, — заливаясь слезами, кивнула девушка в сторону остывающего трупа с пулей в голове.

— Даже так, — на его губах блуждала ухмылка. — Тогда передавайте ему от меня пламенный привет.

Вильгельм холоднокровно пристрелил остальных пленённых.

— Ты нормальный?! — недоумевал Лёша. — Они добровольно нам сдались!

— Скажи это Юре! — шикнул Вильгельм

— Он сам виноват, что так глупо подставился.

— Да как ты смеешь! — Вильгельм со страшным взглядом посмотрел на него. Не в силах сдерживать эмоции, он ударил Алексея по лицу. Тот выставил ногу в ответ, попав в солнечное сплетение. От боли, Вилли непроизвольно нажал на курок. Грымнул выстрел. Пуля пробила зелёную ткань Алексеевой куртки.

— Лёша? — Вильгельм понял, что натворил и у него похолодело сердце.

Лёша стоял неподвижно, словно его оглушили. Так продолжалось несколько секунд в полной тишине. Подул лёгкий ветерок. Тихий шелест листьев, словно нежная мелодия.

Алексей, со взглядом испуганного зверя, начал аккуратно прощупывать свою грудь, после чего достал с внутреннего кармана железный футляр. В нём торчала пуля.

— Вилли, какой же ты кретин, — прокомментировал Лёша, держа в руках смертельный кусочек свинца.

— Прости... пожалуйста. Сам не знаю, что на меня нашло, — он развернулся и пошел в противоположную сторону от их базы.

— Ты куда намылился? Ты же ещё не прикончил своего друга!

— Не ждите меня, — глухо ответил он. — Возвращайтесь домой.

Алексей зашёл в комнату Саманты. Та сортировала медикаменты, но, заметив Лёшу, ярко улыбнулась.

— Ну как ваш рейд? Удачный? — спросила она не скрывая интереса.

— Да... — он не смотрел ей в глаза.

— И поэтому такое кислое лицо? Давай рассказывай, что у вас там стряслось. Все живы? Никто не ранен?

Вместо того, чтобы отчитываться, он взял её хрупкое лицо и прильнул к нежным губам. В широко раскрытых глазах Саманты читалось удивление, но она не сопротивлялась, лишь положила руки ему на плечи.

— Сегодня ты спасла мне жизнь, даже не подозревая об этом, — Алексей гладил её волосы. — Спасибо тебе.

— Ты спросишь, чем всё закончилось? — Лёша сделал паузу, собираясь с мыслями. — Вилли вернулся вчера поздним вечером. В треску пьяный. Откуда он достал алкоголь — загадка. Никому не сказал ни слова и закрылся на чердаке. Так и не выходил.

Сигарета дотлела до фильтра и обожгла пальцы Алексею. Но ему было всё равно.

— Вот такая петрушка, Анька. Но ты не бери в голову — мы найдём решение. Отдыхай. Ты действительно заслужила покой.

Лёша встал и положил букет ромашек рядом с тёмной ёмкостью для праха. Затем провёл рукой по каменному надгробию и направился в гараж.

Не имело значения чем, где и когда занимался житель поместья. На завтрак, обед и ужин все без исключения находились в столовой или, скорее, её подобию. Когда-то помещение было просторной гостиной, но всю диковинную мебель из неё вынесли, освободив место для столов и стульев.

Каждый раз приём пищи сопровождался звонким шумом посуды и столовых приборов, бурными дискуссиями и не самыми приличными звуками. Но не в этот раз. Все притихли, лишь изредка бросая на друг друга взгляд и обмениваясь несколькими словами. Не каждый день приходится хоронить человека, с кем ещё пару часов назад непринужденно разговаривал и смеялся.

Алексей лениво ковырял алюминиевой вилкой горку гречки. Мысли были совершенно не о еде. В первую очередь, он не знал, что делать с Вильгельмом. Совсем. Он бы давно взломал его комнату, но защёлка надёжно стояла на страже спокойствия хозяина чердака. Ещё он корил себя за минутную слабость. Слабость по отношению к своей подруге, теперь ставшей уже не просто подружкой. Как и с Вилли, он не знал, что делать дальше с Самантой.

После того поцелуя больше ничего не было и оба вели себя, как раньше. Складывалось ощущение, что ничего не произошло. Но это было лишь обманом: и Алексей и Саманта терпеливо ждали удобного момента.

Любил ли он её? Он ещё не до конца ответил на этот вопрос. Испытывая истинное чувство любви первый раз, не каждый поймёт, что это именно то, о чём говорят в каждой

первой мыльной опере.

Сверху послышались глухие шаги и в гостиную, скрепя деревянным ступенькам, спустился Вильгельм. Заросший и небритый. Нездоровый цвет кожи отбивал свет люстры, а спина осунулась. Все пары глаз уставились на него, он же как будто никого не замечал. Увидев кастрюлю с гречкой, Вилли поковылял к ней, но, не дойдя считанные метры, дорогу ему преградил Алексей.

— Еда вкусная? — только и смог спросить Вилли, избегая взгляда друга.

— Пальчики оближешь. После свицовой диеты самое то.

— Случается, что человек оступается, — с трудом выдавил Вильгельм. — И ему от этого очень хреново. Можешь ли ты его простить?

Лёша испепелял его взглядом и молчал. Затем зелёные глаза заблестели, и он щедро вмазал Вильгельму по угрюмой физиономии. Вилли упал, схватившись за ушибленную скулу.

— Я тебя прощаю, — сказал он, потирая кулак и уходя прочь, — но ко мне не приближайся.

Аппетит пропал. Вильгельм, опустив голову, шаркающими шагами отправился обратно на чердак. Никто не решился его остановить. Закрывая дверь, он напрочь забыл о защёлке, оставляя Вилли незащищённым перед незваными гостями. Например, Алисы. Рыжая не побрезговала воспользоваться предоставленной возможностью.

Стол с огромной кипой бумаг: отчёты, планы, чертежи и различный мусор. В нём устроили пир тараканы. Мятая постель. В углу шипящая рация. Сам хозяин комнаты сидел на раскладном стуле, попивая бутылку бренди-колы и пялясь в окно. Из смартфона лилась мелодичная музыка с нежным голосом. Алиса смогла различить слова:

«Why do the birds go on singing,
Why do the stars glow above.
Don't they know it's the end of the world,
It ended when I lost your love.
I wake up in the morning and I wonder,
Why everything's the same as it was.
I can't understand, no, I can't understand,
How life goes on the way it does.
Why does my heart go on beating,
Why do these eyes of mine cry.
Don't they know it's the end of the world,
It ended when you said goodbye».

Глядя на Вильгельма, Алиса вспомнила забытый разговор:

« — То есть, ты хочешь сказать, что Вильгельм...

— ... добил брата Ромы, — закончила Аня фразу».

Не смотря на всё это, Алиса не испытывала к нему ни капли омерзения. Только жалость и жгучие желание образумить друга.

— Ещё немного, и мне придется убирать за тобой блевотину, — нарушила безмятежность Алиса.

— Мы сами выбираем свою судьбу, — буркнул Вильгельм в ответ.

— Посмотри, в кого ты превращаешься, — она поставила перед ним зеркальце. Вилли даже не взглянул туда. Ему было противно на себя смотреть.

— И что с того? — безразлично пожал плечами Вильгельм. — Ещё одна загубленная душа. Та и сильно ли вам нужен человек, что в самый неподходящий момент начнёт палить во все стороны?

— Я не стану говорить, что особо твоей вины здесь нет, — она положила рядом с ним пожелтевший листок. — Когда разберёшься в себе — дай нам знать. Ты нам нужен. Всем нам. Даже Лёхе, — дверь жалобно скрипнула. Алиса ушла.

Вильгельм безразлично глянул на листок и его глаза округлились. Дрожащими руками он взял его и прочитал давно выдернутые из памяти слова:

«Вильгельм. Вилли. Береги детей, как родных. Только от тебя зависит, сможете ли вы сделать из этого места райский уголок».

— Чёрт, — только и смог выдать Вильгельм. По щеке потекла слеза.

Манеры

— Ну и зачем нужно было звать меня сюда, Барон? — Вильгельм сгорал от нетерпения. — О чём ты хочешь поговорить, чего нельзя сказать по радиации?

— Имей терпение, — она была на редкость спокойной. — Вот, — блондинка протянула красное яблоко, — угощайся. Говорят, они очень полезны.

— Спасибо, — Вилли надкусил плод.

Барон не спешила отвечать на его вопросы. Она опёрлась о кедровый ствол и задумчиво глядела вдаль на бесконечные поля. Её длинная коса качалась от порыва ветра, а золотистый кончик прятался в пожелтевшей траве. Густые кроны деревьев давали тень от вечернего солнца, и укрывали собеседников от посторонних глаз. Или так могло показаться на первый взгляд. За последние месяцы Вильгельм научился видеть детали, что до «Момент Х» ни за что бы не уловил. В одном из кустов сидело двое подростков, с интересом наблюдая за ними. На соседнем дереве сидел снайпер в зелёном маскхалате, внимательно следя за периметром.

— Не доверяешь? — спросил Вилли, кивая в сторону стрелка.

— Обижает, — она явно не ожидала от него такого вопроса. — Это не от тебя. Просто на случай, если захотят устроить нам сюрприз.

— В чём дело, Барон? На тебе лица просто нет.

Она молчала. Вильгельм терпеливо ждал, не забыв отметить красоту девушки. Наконец в её глазах цвета моря блеснула решимость.

— В прошлом месяце во время вылазок я потеряла одного человека. И то — тогда произошла дурацкая случайность: наши отряды поздно распознали друг друга и открыли огонь. Сейчас прошла только половина сентября. Я потеряла двадцать три человека. Вильгельм, двадцать три человека, — она проморгалась. — Даже в первые дни я не помню таких потерь. На группы регулярно нападают, устраивают засады. И это не простые мародёры. Те, только увидев нас, сразу пускаются наутёк. Нет, это организованные группы, под чьим-то руководством.

— Кажется, мы тоже наткнулись на таких.

— Да? — она резко оживилась. — Пленных удалось взять?

— Нет... — соврал Вильгельм. От накативших воспоминаний он с трудом проглотил пережёванный кусок.

— Зараза, что же так не прёт, — девушка ударила кулаком о ствол дерева.

— Продолжай.

— Один раз нам удалось взять языка. Мы даже смогли узнать, где их база: на месте упавшего самолёта. Вот только больше ничего мы из него не вытянули. На секунду отвернулись, а он вырвался и прыгнул на нож. И теперь мы не знаем, ни где эта махина упала, ни сколько их там.

— Безумцы!

— Думаю, просто смерти пацан боялся меньше, чем гнева главаря. Но от этого не легче, — она немного помолчала. — Вильгельм, я хочу попросить у вас помощи: найти этот грёбаный самолёт и выжечь змеиное гнездо. Иначе такими темпами никого не останется. Люди начинают бояться, устают. Также у меня подозрение, что затевается измена. Но это так, всего лишь моя паранойя и крыс я всегда успею переловить. Сейчас наша задача найти

их базу и всех уничтожить. Есть идеи, где эта птичка приземлилась?

— Да, — коротко ответил Вильгельм.

— Не шутишь? — спросила она, широко раскрыв глаза.

— Когда мы только шли на место нашего нового дома, мы наткнулись на обломки самолёта. Я не думаю, что таких мест здесь много.

— Замечательно, — обрадовалась блондинка. — Пол дела сделано. В таком случае сколько ты можешь взять людей?

— Тридцать найдётся, — немного подумав, ответил Вильгельм.

— С моими пятьдесят получится небольшой батальон, — Барон присвистнула.

— Когда выдвигаемся?

— А прямо сейчас, — она махнула, и из-за холма выехало несколько покрашенных в камуфляж машин с пешим сопровождением. От удивления Вилли выпустил яблоко: — Поехали. По пути покажешь, где они, и выйдем на связь с твоими, чтобы собирались.

— Итак, господа хорошие, — Барон подсвечивала фонариком карту и отмахивалась от назойливых комаров, — повторим план ещё раз, — она окинула взглядом окруживших её людей. Их лица скрывали сумерки, и тем не менее девушка не сомневалась, что каждый готов выполнить свою задачу до конца. Все хотели отомстить за своих друзей, братьев и сестер или же просто положить конец кровавому произволу. В толпе она разглядела силуэт Алексея, внимательно её слушающий. Ему предстояло сыграть не последнюю роль в разыгравшейся драме. Рядом с ним стояла девчонка. Барон плохо знала её лично, но наслушалась предостаточно историй от Лёши. Из всего услышанного Барон поняла одно: Саманта — так её звали — очень дорогой для него человек. Её догадки подтвердились, когда Лёха до последнего не хотел брать американку с собой, осознавая риски, но, в конце концов, махнул рукой.

— Нам очень повезло, что они не поставили заставы по пути к самолёту. К тому же разведчики сообщили, что большинство из них в треску пьяные и сидят внутри птички, а охрана по периметру минимальна. Всего же их там почти сотня. Если каждый из нас выложится на сто процентов, то мы не прольём с нашей стороны ни капли крови. А план таков: делимся на отряды. Один отряд — это пулемётная команда из пяти человек. Несмотря на то, что из нас всех у вас самая большая огневая мощь, задача вам даётся больше для подстраховки. Разместите свою позицию перед входом в самолёт. В случае, если подымут тревогу, стреляйте по всем, кто попытается выбежать. Дальше. Шесть отрядов по десять человек. Штурмовые. Ваша цель занять позиции вокруг самолёта и ждать по рации кодовой фразы для начала атаки. Все помнят, какая?

— Так точно, — полушепотом ответил кто-то из толпы.

— Отлично. Два человека — снайперская группа. Алиса, Сергей на вас, как самые метких из нас, ложится эта роль. Рекомендую залезть на тот дуб, — она махнула в его сторону. — Там отличная позиция.

— Поняла, — сказал Алиса, с интересом изучая снайперскую винтовку с оптическим прицелом и глушителем. Сергей лишь молча кивнул.

— Санитарная группа. Восемь человек. Соня и... Саманта, да? Всем понятно, что мы не собираемся всех перебить и тем не менее с их стороны будет много раненых. Ваша задача — спасти как можно больше. Очень уж мне хочется поговорить с ними по душам. Остаются те, от кого зависит успех этой операции. Диверсионный отряд. Пять человек. Туда вхожу я,

Лёха, Вильгельм, Саня и Глеб. Нам, как самым опытным, нужно обезвредить часовых, добраться до самолёта и забросать помещение гранатами, перед этим подав сигнал к атаке. При этом снайперская группа не зевает, а всячески помогает нам устранять цели. У кого вопросы?

— Барон, — обратилась к ней Саманта.

— Я слушаю.

— Разрешите мне войти в диверсионный отряд.

— Не разрешаю, — она заметила, как Лёша сжал руку девочки. — У тебя и так будет полно работы. Ещё есть вопросы? — все молчали, тишину нарушало звонкое стрекотание сверчков. — Вот и отлично. Расчётное время десять минут. После этого начинаем. Я вас прошу, прежде чем в кого-то стрелять, убедитесь что это враг. Проверьте рации.

У командиров отрядов висели тёмные микрофоны, и они их прощупали. Затем все, не сговариваясь, проследовали на свои позиции, попутно желая друг другу удачи и хлопая по плечу.

— Лёша, — обратилась к нему Саманта, — будь осторожен.

— Не бойсь, — он опустил на колено, приобнял её и поцеловал в холодный лоб. Она поёжилась от его колючей щетины. — В конце концов у меня наконец-то появился смысл жить.

— Футляр у тебя?

— А как же? — он похлопал по груди. — Я с ним теперь не расстаюсь. Даже когда ложусь спать.

— Лёха, — позвала его Барон, — это всё очень трогательно, но в данный момент ты под моим подчинением.

— Jawohl Mein Führer... — пробубнил Алексей.

Тёмные силуэты, не издавая ни звука, выбрались из оврага. Алексей поправил свой микрофон. Так получилось, что их отряд стал исключением — рации достались каждому. Пробираясь через густую листву, он то и дело слышал в своём ухе доклады:

— Вепрь на позиции.

— Сокол держит дверь и готов надрать задницы.

— Сова один и Сова два заняли позиции, — это был голос Алисы.

— Медведь готов.

— Лис на месте.

— Лань ждёт приказа для оказания медпомощи.

— Волки готовы рвать и метать во славу Барона!

— Прогиб засчитан, — прокомментировала Барон, — но не засоряем эфир.

— ...триста метров, поправка на ветер, — шептала Алиса. — Отлично. Ну что, Аня? Посмотрим, что ты из себя представляешь.

— Алиса, ты это кому? — спросил Алексей.

— Ой, это штука не отключилась?

— Нет, — сказал Лёша, сдерживая смех.

— Конец связи...

— Подожди. Аня. Это ты винтовку так назвала?

— Да... — немного помолчав, ответила рыжая. Послышался смех Сергея.

— Это так мило... и одновременно грустно, — прокомментировал Вилли.

— Я просила не засорять эфир, — рывкнула Барон. Никто не посмел послушаться и

наступила относительная тишина.

Но ничто не вечно и вскоре начали слышаться пьяные крики, ругань и громкая музыка, а вскоре появился яркий свет.

Отряд по пластунски выбрался из густых зарослей. Территория вокруг самолёта, когда Алексей и Вильгельм в последний раз видели её, кардинально изменилась. По периметру натянули колючую проволоку и возвели несколько сторожевых вышек. На них установили прожектора, ярко освещающих территорию. Барон заприметила часового. Он явно завидовал тем, кто сейчас развлекался позади него, и часто зевал. На территории импровизированной базы стояло несколько легковых автомобилей. Прямо возле входа в самолёт разожгли костёр, и несколько человек благодаря ему спасались от ночного холода. В самой же громадной машине, насколько позволяли видеть пробоины, кто-то играл в карты, кто-то выпивал явно лишней для него стакан алкоголя, а кто-то вообще лежал в беспамятстве.

— Они специально, что ли, — прокомментировала Барон, глядя в бинокль. — Так и просят, чтобы им устроили сюрприз.

— Меня больше волнует, куда они дели трупы, — Лёша осёкся, ведь увидел как несколько человек издевались над усопшем телом.

— Барон, — сказал Вильгельм, — давай начинать, а то они меня уже бесят.

— Согласна, — девушка включила микрофон. — Сова один, я Песец. Начинаю проникновение на базу противника. Сними гондураса на вышке. Приём?

— Песец, это Сова один. Одну минуту.

Пару мгновений спустя послышался громкий стук, но его заглушила музыка. Часовой дёрнулся и упал прямо на колючую проволоку.

— Сова один, подтверждаю уничтожение цели. Конец связи.

Группа медленно начала продвигаться дальше, избегая света прожектора. Подползая, они заметили ещё одного часового.

— Глеб, — сказала Барон и кивнула в сторону парня.

Глеб достал нож и кинул его, попав точно в горло бедняге. Тот несколько секунд захлёбывался в крови, сопровождая это жуткими звуками, но затем окончательно испустил дух.

Барон достала кусачки, пока Вильгельм и Саня снимали тело.

— Тяжёлый, боров, — фыркнул Вилли. — И как в условиях дефицита еды они остаются такими громадными?

— У тебя не будет проблем с едой, если ты у кого-то её отнимешь, — ответил Саша.

Барон, пару раз уколовшись, проделала отверстие. Достаточно, чтобы в него пролезть. Вскоре все оказались по другую сторону.

— Сова один и Сова два, я Песец, — сказала Барон, доставая громадный пистолет с глушителем. — Троё целей у костра. Я беру того, что ко мне спиной, приём?

— Вас поняла, Песец. Как только вы устраните свою цель, мы займёмся своими.

Блондинка прицелилась и нещадно выпустила несколько пуль, изрешетив синюю спортивную куртку. Тело упало, и стало ясно, что Барон убила девушку. Друзья погибшей опешили, но это единственное, что они успели сделать. В следующий момент у каждого появилось по отверстию в голове.

— Отличный выстрел, Сова один и Сова два. Конец связи.

Группа увидела большую дырку в борту самолёта и поняла, что это отличная цель для их замысла. Добравшись до неё перебежками, все остановились перевести дух.

— Говорила мне мама: «Не кури!», — отдышавшись, просипел Алексей. — Ну что, Барон? Кодовая фраза?

— Сейчас, дай её вспомнить сначала.

— Воланд не одобряет вашей заминки, — хмыкнул Лёха.

— Иди к дьяволу, — она включила рацию. — Всем отрядам: Аннушка уже разлила масло. Повторяю: Аннушка уже разлила масло.

— Вас поняли. Сейчас Песец устроит нашим врагам настоящий писец, — все дружно рассмеялись.

— Медведь, — успокоившись сказала Барон, — по возвращению будешь неделю чистить картошку.

— Так точно, — продолжая смеяться, ответил он.

Диверсионный отряд начал доставать гранаты.

— Надеюсь, все знают что с ними делать? — спросил Глеб, глядя на Вильгельма и Лёшу.

— А как же, — ответил Алексей. — Главное, не перепутать и во время броска не кинуть чеку вместо взрывателя.

— Шут гороховый, — прошипела Барон. — Если нас сейчас обнаружат, я тебя лично пристрелю.

— Какая ты скучная, — покачал головой Лёха.

Говорят, что раздавшийся взрыв было слышно даже в городе. Сквозь нецензурную лексику, крики и стоны, уцелевшие начали выбегать из люка, где их встречала пулемётная очередь, и тела постепенно загромождали проход. Штурмовые отряды начали устранять тех, кто находился снаружи, и через некоторое время над самолётом показался белый флаг. Расчёт Барона оказался верным: с их стороны никто не пострадал, в отличии от тех, кто был в самолёте.

Пол часа спустя Саманта и Соня перевязывали рыжего мужчину со шрамом через всё лицо, упёршегося об уничтоженный взрывом генератор. Это был последний, кому требовалась помощь. Всего удалось спасти несколько десятков, чем девочки гордились. Находится внутри, из-за смеси запахов алкоголя, гари и крови, оказалось тем ещё испытанием, но все уже так к нему привыкли, что не обращали внимание.

К раненому подошли Барон и Алексей. Девушка бесцеремонно взяла рыжего за шкуру и потащила наружу.

— Мы ещё не вкололи ему обезболивающее! — запротестовала Саманта.

— Перебьётся, — холодно ответила блондинка. Соня побежала за ней.

Алексей лишь сделал Саманте предостерегающий жест.

— Она его убьёт? — спросила американка, когда обе покинули самолёт.

— Я не знаю, — честно ответил Лёша.

Саманта почувствовала накатившую усталость и рухнула прямо на грязный пол. Оглянувшись, к ней наконец-то пришло осознание, где она. Воспоминание об этом месте отдало сильной болью в области шрама.

— Лёша, — сказала она, — какой я была, когда вы нашли меня здесь?

— На тебе не было живого места. Честно говоря, я не думал, что ты выкарабкаешься.

— Умеешь ты поддержать...

— Не то время ты выбрала для поддержки, милая. Я между прочим сейчас людей убивал. В этом мало приятного. Спасти в этом месте одну жизнь и забрать пару десятков —

какая ирония.

— Спасённый человек тебе очень благодарен, — она придвинулась и поцеловала его. Лёша почувствовал на её губах вкус ежевики. Все раздражители в миг улетучились, и оба наслаждались моментом. Из забытья их выдернул крик Барона:

— Говори, мразь, а то узнаешь, как легко пуля пробивает череп!

— Мои слова всё равно бессмысленны, — спокойно ответил рыжий. — Рано или поздно ты узнаешь, кто мы.

— Серёга, неси кусачки. Будем отрезать пальцы.

— Стойте, стойте! — пролепетал он. — Я скажу.

— Всегда работает, — улыбнулась Барон.

— Чёрт, меня вообще по идеи здесь быть не должно. Послали с ревизией, и завтра утром я уже должен был уехать обратно в город.

— Кто тебя послал?

— Господин Гвин.

— Это ещё кто?

— Узнаешь. Рано или поздно узнаешь. Ты перешла дорогу опасному человеку, и он не успокоится, пока тебя не убьёт.

— Это уже моя забота, — она ударила его сапогом по боку, от чего рыжий скривился. — Меня не волнует, сколько вас и каким оружием вы владеете. Я хочу спросить только одно — зачем вы убивали моих людей?

— Ха! Я мог придумать слезливую историю, что мы просто выполняем приказы, но не буду. Господин Гвин дал нам шанс на жизнь. Дал возможность есть в досыта и спать в тепле. В наше время это редкость. Поэтому мы пойдём за ним до конца и готовы выполнить любой приказ. А таких терпил, как вы, мы с большим удовольствием научим манерам!

— Манерам? — спросила она страшным голосом, и от фанатизма рыжего не осталось и следа. — Никто тебя за язык не тянул, — она подала знак, и всех пленных выстроили перед самолётом в шеренгу. Некоторые опирались о своего соседа, другие стояли ровно, выпучив грудь, что внушало уважение. Всех их объединяло одно — неряшливый вид, обрывки одежды, ужасный запах и красные повязки.

Вильгельм, куря сигарету, с интересом наблюдал за происходящим. Из самолёта выпрыгнули Алексей и Саманта. Девушка с ужасом ждала, что будет дальше. А Алису сейчас волновало только одно — винтовка, что подарила ей Барон за отлично выполненную задачу.

Перед шеренгой выставили автоматчиков.

— Ну что же, граждане? — спросила их Барон, перекрестив на груди руки. — Правила у нас такие: командиров в расход, а рядовые кто хоч... Ах, но с рядовыми тоже беда. Получается, что вы чужие люди для этих мест и воюете явно не для самозащиты, и убиваете не для спасения своей жизни и жизни своих близких, — она оскалилась, а голубые глаза широко раскрылись, от чего у всех прошёлся холодок по коже. — Так что разговор будет с вами... Не будет вообще никакого разговора. Как говорил друг моего отца, по совместительству прокурор: «Смягчающих обстоятельств не имеется». Огонь, — безразлично сказала девушка.

Её люди переглянулись, затем дружно щёлкнули затворы, а за ними прогремели выстрелы. Пули рвали одежду, и после этого пленники падали, как домино. Так продолжалось секунд десять. Саманта не вынесла этой картины и зажмурилась, а уши закрыла руками. У Вильгельма выпала изо рта сигарета. Алиса отвлеклась от винтовки, не

понимая, что происходит. А Алексей... в этот момент он смотрел на Барона и не мог поверить своим глазам: девушка улыбалась, получая искреннее удовольствие от зрелища.

Никто не помнил, когда началось застолье. Стояла глубокая ночь. Воздух пропитался запахом закусок, утвари и спиртных напитков. Все это нашлось в изобилии во хвосте самолёта. То и дело подымались стаканы в честь Барона. Вильгельм и Алиса вскочили на стол и пытались выяснить, кто кого перетанцует. Несмотря на то, что оба были изрядно выпившие, уступать никто не планировал. Все завороченно смотрели на их, подбадривая дружными хлопками.

Алексей сидел на перилах своего излюбленного балкона, наблюдая за весельем и изредка делая из стеклянной бутылки глоток горькой жидкости. Веселиться не хотелось совсем. Нет, ему было по большому счету всё равно на судьбу расстрелянных. К бессмысленным смертям он привык. Он больше корил себя за недостаток твёрдости. Твёрдости отказать Саманте. То, что она видела, было не для глаз ребёнка. Особенно такого, как она. И всё же Лёша надеялся, что успокоительное и хороший сон вернут всё на прежний черёд.

— Чего киснешь? — спросила Барон, заплетающимся языком и присела рядом. От неё веяло перегаром. — Победа ведь.

— Да... Победа, — согласился Лёша. — Главное, после такого триумфа не опустится на уровень побеждённых.

— Ты уже достал своим сентиментализмом. Я вообще их собиралась отпустить, но эта рыжая башка меня так разозлила. И к тому же, теперь они дважды подумают прежде, чем сюда сунуться, — она икнула.

— Ага, — слова девушки не внушили Алексею доверия, — и в следующий раз они пригонят сюда бронетехнику.

— Возможно, ты прав. Правда у меня есть мысль, как перестраховаться на этот счёт, но об этом как-нибудь потом. Сейчас меня волнует, почему моя кучеряшка такая грустная? — она попыталась чмокнуть его в щетинистую щеку, но Лёша быстро отпрянул.

— Фу, от тебя несёт, — Алексей закрыл нос ладонью.

— От тебя тоже, — она звонко рассмеялась.

— В тот момент... — сказал он, немного помолчав, — ты улыбалась. Барон, не сочти за грубость, но я тебя боюсь. Где гарантии, что на месте тех ребят не окажусь я?

— Считаешь меня чудовищем? — серьёзно спросила она.

В ответ он лишь кивнул.

— Значит, расчет оправдался, — Барон завалилась на пол, увлекая за собой Алексея. — Мне было очень противно наблюдать за этим, — прошептала она. — Ещё противнее, чем твоей подружке. Но перед людьми я должна спрятать свою сущность и стать чудовищем. Чудовище, что нужно бояться.

Чудовище, что сможет их спасти.

— Надеюсь, они смогут это понять.

— А им и не нужно, — она махнула головой в сторону стола. Оттуда послышались овации — Алиса выиграла схватку и театрально поклонилась. — Их задача выполнить приказ, а об остальном позаботимся такие, как мы.

— Неплохо сказано.

— Лёша... — её голос стал непривычно нежным.

— Да?

— Всегда мечтала посмотреть как ты живёшь, — блондинка облизнулась и расстегнула верхнюю пуговицу. — Что скажешь?

Он молчал, понимая к чему всё идёт. Алексей старался не смотреть на её так близко вздымающийся оголённый бюст. В голове одновременно роилось миллион мыслей, но одна была ярче всех — образ мирно спящей Саманты.

— Прости, но нет, — холоднокровно ответил он.

— Уважаю, — сказала она немного расстроено. — Уверена, много кто бы согласился.

— В другой ситуации я бы тоже, — подмигнул он.

— Вижу, американка выбрала отличного кавалера.

— Я бы так не сказал, — пожал плечами он.

— Скромность — одно из важных достоинств.

— А ещё умение убедить.

— В смысле?

— Девчонка ещё не поняла, в какой мы заднице оказались. Ну, или до этого дня не понимала. Может, за это она мне и нравится. За детскую наивность и искренность, которой так сейчас не хватает. Среди нашего мрака она, как лучик надежды. Надежды — что когда-то мы сможем спокойно жить. Она создана не для войны, насилия и смерти, а для чего-то большего. Для чего-то светлого.

— К сожалению, — покачала головой Барон, — это что-то большее ушло вместе с нашими родителями. Возможно, когда-то доброта девчонки и сыграет всем на руку, но точно не сейчас. Мой тебе совет — закали её характер. Хуже от этого не станет.

— Я подумаю.

— А теперь иди, — она встала и протянула ему руку. — Сейчас ты ей нужен больше всего. Уж кто-кто, а я знаю.

В этот момент за столом начали громко петь один старинный марш, заменяя все женские имена на Барон.

Вибрация от двигателей самолёта равномерно распределялась по полутёмному помещению бизнес класса. Пассажиры сладко спали и полную безмятежность нарушали лишь несколько звонких храпов. Один из них нарушил сон Саманты. Девушка не сразу смогла понять, где она. Протерев голубые глаза к ней пришло понимание, а за ним страх, и от сонливости не осталось и следа.

— Ребята? Лёша? — она вжалась в мягкое кресло. — Неужели это был всего лишь сон? — на её щеках покатались слёзы. — Но ведь тогда... — она повернула голову до последнего не веря в свою догадку. — Папа?!

Не в силах сдерживая себя, Саманта выпрыгнула из кресла и крепко обняла своего отца. Тот, не понимая, что происходит, лишь улыбнулся и нежно поглаживал её по макушке.

— Папочка, я так скучала! — девочка не сдерживала эмоции.

— Что случилось? — всё ещё не понимая, спросил он.

— Ничего... просто плохой сон.

— Всё хорошо, моя сладенькая, — он продолжал её гладить

— Сладенькая? — она вдруг замерла. — Ты меня никогда так не называл.

— Извини, — протянул он фальшиво. — Просто в голове помутилось.

Саманта заметила, как на его белоснежной рубашке начали выступать алые пятна. Она

попыталась отпрыгнуть, но её сдерживала стальная хватка. Ещё одна попытка дала аналогичный результат. У девушки бешено забилося сердце.

— Ты не папа!!! — крикнула Саманта и ударила в область солнечного сплетения. — Хватка ослабла, и девочка смогла вырваться.

Отбежав, она увидела как у нечто, что скрывалось под личиной отца, выпал левый глаз, всё тело начало покрываться липкой кровью, а челюсть быстро вытягиваться.

— Что... — от шока она не сразу смогла подобрать слова. — Что ты такое?

— Не хорошо так вести себя с папочкой, — сказала нечто писклявым голосом. — Сейчас будем проводить воспитательную работу!

Он с лёгкостью оторвал у ближайшего пассажира голову и кинул в её сторону. Саманта смогла увернуться только в последний момент. Она заметила вокруг себя движение. Все пассажиры одновременно встали и шаркающими шагами пошли на неё. У одного парня голову пробило насквозь веткой, но казалось, что это его никак не смущало. Рядом с ним шли несколько людей с пулевыми ранениями. Она узнала их: пленники, расстрелянные Бароном. Даже пассажир, только что лишившийся головы, целенаправленно шёл к ней, протянув руку. Внезапно все начали шептать:

— Помоги...

С каждым разом слово повторялось громче.

— Помоги.

И ещё громче.

— Помоги!

Девушка постепенно пятилась в сторону двери, ведущей к кабине пилотов.

— Саманта, — она услышала тихий и до дрожи спокойный голос. Толпа расступилась, и к ней вышла... Анна. Она держалась за правый бок и сквозь бледные пальцы просачивались капельки крови.

— Аня? — спросила Саманта вздрагивающим голосом.

— Пожалуйста, помоги нам. Тут так скучно... — её изумрудные глаза тоскливо глядели на девушку.

— Чем я вам помогу?! — её нервы не выдержали и она сорвалась на крик. — Вы все мертвы!

В ответ ей лишь рассмеялись.

— А ну отошли от неё, сукины дети! — прозвучало несколько автоматных выстрелов, звонко пробивших обшивку. Толпа отступила на шаг, но многие уже готовились напасть.

Саманта обернулась. Это был Алексей.

— Встань за мной, — он подозвал её жестом. Она не рискнула отказаться от столь щедрого предложения. — Мы как, мрази, договаривались? — спросил Лёха, наведя на них автомат. — Мёртвые контактируют с мёртвыми и только с мёртвыми. Внимание, вопрос: какого хрена она у вас делает?

— Посмотри на неё, — ответило то, что было отцом Саманты. — Её желание жить почти на нуле. Такие для нас очень вкусные. Пальчики оближешь! — все, в знак согласия, закивали.

— Это не тебе решать, — он сплюнул ему под ноги или, скорее, их подобие. — Вы её мнение спросили? Саманта, — он ласково спросил её, — ты хочешь жить?

Девчонка смогла только кивнуть.

— Это ты её потом спросишь, — не унималось нечто. — Когда она посмотрит ещё

несколько показательных расстрелов. Вот тогда она с удовольствием присоединиться к нам. Так зачем затягивать процесс? Позволь нам его ускорить! — он открыл пасть, показывая бесчисленное количество клыков.

— Значит, не договоримся, — тихо сказал Лёша.

— Да, — сказала нечто и оскалилось.

— Беги, — прошептал Алексей Саманте и нажал на курок. Та по инерции пробежала и так выстрелам несколько шагов, но затем обернулась. — Беги, дура! И закрой дверь. Они меня не тронут!

В беспомощности она громко захлопнула за собой дверь и дрожащими руками провернула замок. Тот звонко клацнул и после этого настала гробовая тишина. В кабине не работала ни одна лампочка и из-за этого комнату окутала густая тьма. Даже небо за иллюминатором ни давало ни капли света. Неожиданно под креслом пилота загорелись лампочки, давая понять, что в нём кто-то есть. Кресло развернулось и Саманта увидела в нём... себя. Это действительно была она, но другая. Рванная одежда, растрёпанные волосы и полностью в крови, не оставляя на теле чистого места. Лишь сапфировые глаза с грустью смотрели на неё.

— Кто ты? — тихо спросила Саманта.

— Я это ты, — подойдя поближе, спокойно ответила она. — Только, скорее, твоё внутреннее состояние.

— Как же так? — спросил она, смотря на капающую красную жидкость.

— А это я у тебя должна спросить. Когда ты прекратишь себя терзать? Из-за отца? Из-за Ани? И других? Им ты глубоко безразлична, а вот живым ты очень нужна.

— Мне так тяжело без них, — Саманта всхлипнула.

— Мне открыть дверь и показать их? — улыбнулась кровавой улыбкой внутреннее состояние.

— Нет! — от своего крика девушка чуть не оглохла. — Это не они.

— Ещё как они. И если будешь дальше сожалеть, эти ребята будут приходить к тебе всё чаще и чаще. Так что немедленно прекрати заниматься самокопанием и принимать всё близко к сердцу. В первую очередь, хотя бы ради Лёши.

— Я обещаю, — твёрдо ответила девушка.

— Умница, — она провела по её щеке окровавленной рукой, оставив липкий след. — А теперь нам пора проснуться. А то Алексей уже заскучал.

— Проснуться? — только и успела спросить Саманта. В следующий момент окровавленная девушка со всей силы дёрнула штурвал и самолёт штопором полетел вниз. Саманта больно ударилась головой об приборную панель.

Сон начал улетучиваться, постепенно возвращалось ясность сознания. Саманта всё ещё испытывала страх, но теплая постель и колючее одеяло были хорошей защитой от любой нечисти и мертвецов. В комнату с любопытством заглядывала луна, а за окном продолжалось веселье. Слышались звон стаканов и брязганье тарелок. В какой-то момент заиграла гитара. Сквозь весь калейдоскоп шума девушка смогла уловить гладкий звук перевернутой страницы.

На кушетке сидел Алексей, читая книгу в тёмно-зелёном переплёте. Из-за белых лучей ночного светила можно было легко различать слова, но, к сожалению, книга оказалось второсортной и очень нудной, поэтому Лёша испытывал жгучие желание лечь спать.

— Лёша? — позвала его Саманта, ещё не до конца понимая, где сон, а где явь.

— Проснулась? — он оторвался от книги. — Прости, если разбудил. Просто хотел поведать тебя и засиделся. — Он заметил блеск слёз в её глазах. — Кошмары? — догадался Лёша.

— Да.

— Неудивительно после увиденного. Нужно было тебя разбудить, но ты так тихо спала.

— Ничего, во сне ты спас меня, так что ничего страшного не произошло, — она улыбнулась.

— Интересно, — Лёша отложил книгу. — Можно поподробнее?

— Ерунда какая-то. Всё происходило так быстро, что я толком ничего и не запомнила,

— Саманта запнулась, вспомнив разговор перед пробуждением.

— Что такое? — с беспокойством спросил Алексей.

— Ничего, — она махнула рукой, и к ней вернулось прежнее настроение. — Просто я впечатлительная, вот и всё.

— Раз всё в порядке, тогда спокойно ночи. Я действительно хотел только проверить всё ли хорошо.

Лёша почти встал с кушетки, но его остановили.

— Не уходи, — взмолилась девушка. — Мне будет скучно без тебя.

— Раз ты настаиваешь, — казалось Алексей только и ждал, чтобы она сказала это.

— Чего ты сидишь там, как не родной? Иди ко мне, — она убрала одеяло с края кровати, освобождая место.

— Нам ведь не...

— Прекрати, — перебила она Алексея. — Я не стала бы приглашать в своё ложе психа или животное с грязными намерениями. У меня, знаешь ли, есть гордость.

— Я не был бы так уверен, — он ухмыльнулся.

Игнорируя его колкость, Саманта вылезла из-под одеяла. Алексей смутился: на ней была только белая ночнушка, доставшаяся от Ани. Ткань облегла на стройном теле.

«Какая она милая и хорошая, — подумал к своему стыду Лёша. — И красивая... А через несколько лет букет её красоты расцветёт ещё ярче».

Она игриво подошла к нему, покусывая верхнюю губу. Девушка провела рукой по его заросшей щеке. Лёша больше не смог сдерживаться, крепко обнял её и поцеловал. В какой-то момент они оказались на кровати: Лёша снизу, Саманта над ним. Оба тяжело дышали и широко раскрытыми глазами смотрели друг на друга. Каждый из них понимал, что это неправильно, но эта мысль только разжигала пожар внутри влюбленных.

— Защёлка, — прошептала Саманта.

— А? — ожидая чего угодно, но не это слово, спросил Алексей.

— Дверь на защёлку нужно закрыть.

— Ах это... Я когда заходил — запер.

— Какой ты предусмотрительный, — её мягкие руки начали расстёгивать зелёную куртку, открывая загоревший торс.

— Подожди, — он попытался остановить её. — Ты действительно хочешь этого?

— Да! — выпалила она. — Вокруг смерть поёт свою жуткую песню. Позволь же нам показать ей, что ещё есть те, кто способен наслаждаться жизнью.

— Моя девочка, — он снял с неё ночнушку. В свете луны её тело принимало особенно бледный оттенок. Холодные ягодицы обжигали ноги Алексея. Он прикоснулся к её груди. Впервые.

— Ну как? — на её щеках выступил румянец.

— Божественно, — только и смог выдавить Лёша.

— Обещай, что будешь нежным, — Саманта звонко рассмеялась. Они спрятались под одеялом. Ночь обещала быть длинной и незабываемой.

Оргия.

Что мы знаем о человеческих оргиях? Ещё древние греки и римляне пытались понять суть этого необычного явления. Десятки человеческих тел создают единый организм. Организм, что жаждет только одного — страсти. Страсти до потери памяти и личности. В чём-то таком участвовал и Гвин.

Валяясь нагим на огромной кровати, его окружали полностью обнажённые девушки, одна лучше другой, готовые выполнить любое желание своего господина. Альбинос уже не помнил, кто предложил создать личный бордель, но сейчас ему хотелось только одного — прекратить его существование. И Гвин уже почти на это решился.

Первый раз Гвин получал настоящий экстаз от времяпровождения здесь, на десятый ему было хорошо, на тридцатый нормально, на шестидесятый неплохо. Сейчас, когда альбинос хотел отвлечься от известия о разгроме одного из его отрядов, ему стало крайне противно тут находиться. Дыхание сковывало, хотелось на свежий воздух. Отодвинув сосущий его фаллос проститутку, он вырвался из объятий женских рук и стал быстро натягивать одежду.

— Господин Гвин, — забеспокоились куртизанки, — вы куда? Не бросайте нас!

— Отвяньте, — только и бросил он, громко хлопнув дверью.

Глубокая ночь встретила Гвина ледяным холодом, тёмными силуэтами фабрик и уханьем совы. Освещение на улице не имелось, и это было Гвину на руку. В последнее время у альбиноса появилось хобби: сбегать из своей Ставки, туго натягивать капюшон для сокрытия белоснежных волос и выдавать себя за обычного жителя своего зарождающегося государства. Конечно, был риск, что его убьют, и для этого он носил с собой меру предосторожности — Глок 17.

Надев очки и привыкнув к густой темноте, он прошмыгнул мимо охраны, верно стерегущих своего господина, и отправился в глубь промышленной зоны.

В такую пору он мог встретить разве что только неприятности. И пару раз так случалось. Но Гвин получал немного удовольствия от того, что отправлял на тот свет нескольких ублюдков.

Идя по грязной дороге, альбинос не встретил ни души. Стояла тишина. Как же давно он её не слышал. Его окружали исполинские здания фабрик и совсем крошечные бараки, где ютилось не один десяток рабочих. Он присел на убогую лавочку и внезапно ногу прошило острой болью. Кокаин остался в кабинете и Гвину оставалось только одно — терпеть. Потерпеть хоть несколько часов, иначе смерть от передозировки не заставит себя ждать. Вместе с болью возвратились и накатившие проблемы.

Военная верхушка не особо хотела менять структуру армии и, чтобы достучаться до высанных из-за алкоголя мозгов, требовалось время. Правда на этом проблемы не кончались. Потерять сто с лишним человек. Мыслимое дело? Самое обидное, что он не знал, кто их противник. Доклад от той местности должен был лечь на стол только завтра утром. Так что теперь у Гвина появился могущественный противник. К тому же производство стагнировало, и если что-то срочно не предпринять, то это грозило коллапсом. Как выйти из этого всего с наименьшими потерями, Гвин пока не знал. И эта неопределённость его выводила похлеще кокаиновой ломки.

— Мама, — прошептал он, — зачем ты меня родила?

Ему ответили лишь молчанием.

— Помогите! — раздался за поворотом звонкий голос.

— Не ори, никто не придёт, — заткнул девушку бас.

— Братан, давай по бырому стягивай с неё штаны, а то реально же сбегутся.

«Ну почему именно сейчас?» — подумал Гвин, сцепив зубы, встал и побрел за поворот.

В переулке с тупиком, ярко освещаемым фонарём, двое мордovorотов повалили на асфальт брюнетку. Она сопротивлялась, но её попытки были тщетны. Казалось, что ублюдкам как раз это было и нужно.

— Сука, она меня цапнула! — заорал один из них и ударил брюнетку.

— А вы в курсе, — резко прервал их Гвин, — что она уже занята?

— Ты ещё кто? — удивился второй.

— Я? — очки альбиноса заблестели. — Я твои проблемы, — он достал пистолет и щёлкнул предохранителем. — Если через четыре секунды вы не исчезните, я отстрелю тебе твоего маленького дружка и заставлю сожрать.

Пыл обоих вмиг улетучились.

— Раз! — крикнул Гвин.

Ему даже не потребовалось считать до двух, как насильников и след простыл. Карие глаза девушки наполнились слезами и она заревела. На скуле начал проступать синяк.

— Оденься, — кивнул Гвин на стянутые джинсы и ушел, предпочитая её компании общество убогой лавочки.

Но вскоре его одиночество опять нарушили. Брюнетка тихо подошла и села на противоположном краю.

— Как мне тебя отблагодарить? — тихо спросила она, вытирая платком слёзы.

— Никак ты не сможешь меня отблагодарить. Не шляйся ночью по таким местам и не будешь никому должной.

— Как же не шляться, если я тут живу? — воскликнула девушка. — Горбатиться от зари до зари, так ещё и бояться, что тебя трахнут, ограбят и убьют. Хотя было бы что грабить... И сидит же этот очкарик у себя и палец о палец не собирает ударить. Ой, — она заметила его линзы, — не хотела тебя задеть.

— Хочешь сказать, ты знаешь, как исправить всё это? — заинтересовано спросил Гвин. Ему совершенно не было обидно.

— Как будто тебе это интересно, — отмахнулась брюнетка.

— Нет-нет, я больше всего не люблю, когда останавливаются на полуслове. Представь, что я та очкастая белая башка с надменной рожей, и предложи ему свои идеи.

— В первую очередь, — подумала девушка, — я бы сократила смену до восьми часов. На продуктивности труда это скажется даже в лучшую сторону. Также нужно устраивать выходные и праздники. Давать людям выпустить пар. Ну, и создать дружины и патрули от таких вот мразей. Правда, это всего лишь идеи. Я сама слабо представляю, как это организовать, — всё это время Гвин лишь молча слушал. В какой-то момент он начал улыбаться. — Засиделась я... А завтра рано вставать, — она встала с лавочки и застучала по асфальту подошвой растянутых кроссовок.

— Постой, — не сразу опомнился Гвин. — Могу я узнать твоё имя?

— Элизабет. Можно просто Лиза, — она наигранно стала по струнке смиренно и отрапортовала. — Работаю в третьем корпусе, в пятой бригаде, за седьмым станком.

— Элизабет... Лиза... — мечтательно протянул Гвин. — Красивое имя.

— Выводите его, — обратился Алексей к трём пацанам, стоящим на входе загона.

— Кого именно? — спросил один из них.

— Как кого? — удивился Лёша. — Троцкого, кого же ещё? Он и так приличное потомство дал. И позовите Саманту.

Аромат душистого сена, корма и навоза перемешались и давали воистину экстравагантный коктейль из запахов. Это был самый настоящий свинарник. Но вопреки всеобщему мнению — свиньи очень чистоплотные животные, и внутри было относительно чисто и тепло. Почти все комнаты жителей поместья. По всему загону носились поросята, рискуя поломать деревянную обивку и завалить навес. Громко хрюкая, они не обращали ни на кого внимания. Отец семейства завалился на бок и одним тёмным глазом лениво наблюдал за происходящим. Алексей и двое пацанов подошли к нему. Как представители тайной полиции ловят свою жертву, так и они взяли хрюка за лапы и, не обращая внимания на его неудовлетворительный визг и брыкание, выволокли на тёплое солнышко и холодный воздух.

— Не надо было его пугать, — бросил Алексей, переводя дух. — Мясо будет жёстким. Хотя, они всё равно чувствуют, когда настаёт этот момент, — Лёша сел на него.

Троцкий ещё немного посопротивлялся, больше для приличия и вскоре затих, как будто проявляя смирение. Лёша же терпеливо ждал подругу, быстро водя по мозолистой ладони острым лезвием охотничьего ножа. Наконец Саманта появилась на горизонте.

— Зачем я тебе понадобилась? — спросила она, переводя взгляд с него на хрюка.

— А ты как считаешь? — спросил Алексей, подбрасывая нож.

— Нет... — её ноги подкосились. — Я не буду, — голос Саманты начал дрожать.

— А мяса ты тоже не будешь? — подловил её Алексей.

— Если так, то не буду!

— Не говори ерунды, — он протянул ей оружие убийства. Лезвие переливалось в золотых лучах. — Действуй.

— Я же говорю, — упиралась Саманта, — я не хочу и не могу.

— Лёша, — крикнул пацан держа копыто Троцкого, — давай я!

— Заткнулся, — рявкнул Алексей и опять принял безмятежное выражение лица. — Милая, или ты вонзишь клинок прямо в сердце, — в это момент хрюк жалобно хрюкнул, — или я очень сильно на тебя обижусь. Выбор за тобой.

Она смотрела на Лёшу из-под лба, словно он предал её. Затем несмело взяла нож и неспеша приблизилась к своей жертве. Свинья лежала в перевёрнутом положении, обнажив уязвимое место. Где-то там перекачивало кровь сердце. Троцкий молча смотрел на неё и ждал развития событий. Она не выдержала его взгляда, откинула нож и бросилась прочь. Алексей предвидел это, поймав в стальные объятия и потащив к свинье.

— Нет! — кричала девушка, пытаясь вырваться. — Ты не посмеешь!

— Тише-тише, — шептал он. — Я знаю, ты сможешь. Ты же у меня умница.

Лёша заключил её ладони в свои, заснул туда нож и направил клинок точно в цель. Хрюк дёрнулся и, прежде чем обмякнуть, несколько секунд барахтался в конвульсиях нестерпимой боли. Саманта плакала. Алексей почувствовал тепло на своём рукаве. Это была кровь в перемешку с мочой. Всё было кончено.

— Меня сейчас вырвет, — всхлипнула девушка, глядя на окровавленные руки.

— Малец, — обратился Алексей к пацану, — дай мне стакан.

Получив искомое, Лёша наполнил стеклянный сосуд до краёв кровью убитого животного. Добавив туда ложку соли, он тщательно перемешал и протянул подруге.

— Пей, — твёрдо сказал Алексей.

Она зажмурилась и залпом опустошила стакан.

— Легче? — спросил Лёша.

— Немного, — прошептала девушка.

— Как ощущение после отнятой жизни?

— Отвечу твоей лексикой — хреново, — она вытерла с губ кровавый след.

— Это нормально. Первый раз всегда так. Всё, ты свободна. Дальше мы сами.

Ещё одна вылазка. Ещё одна отчаянная попытка выжить в этом новом мире. Группа устроила привал в деревенском доме, активно поглощая солёные сухари и запивая родниковой водой из фляг. Из-за интерьера складывалось ощущение, что отряд попал в прошлое. Приблизительно в восьмидесятые года прошлого столетия. Старая кровать, ковры на стенах с вычурными рисунками, квадратный телевизор, накрытый белой наволочкой. И, конечно, иконки в углу, закрытые от посторонних глаз узорчатыми полотенцами. Всё совершенно бесполезное, да и раньше особо не приносящее пользы.

Вильгельм, отправив двоих людей разведать местность, пытался тоже засунуть в себя сухарь, но желания не было. Первый раз он пошел искать припасы без Алексея. После случая в столовой они так и не разговаривали. Даже во время штурма самолёта. Более того, Лёша сформировал свой отряд, тем самым сделав пропасть между друзьями ещё глубже. Без надёжной опоры Вилли было паршиво и он делал всё, чтобы никто не заметил этого. Только подрыва боевого духа им не хватало.

— Вильгельм! — ворвался запыханный разведчик. — Там...

— Спокойно, отдышись, — прервал его Вилли. — Теперь по порядку говори, что вы увидели?

— Трое человек идут по центральной улице. Я оставил Влада следить за ними. Какие будут указания?

— На них были красные повязки? — поинтересовался Вильгельм, боясь услышать утвердительный ответ.

— Нет, — махнул рукой парень. Вильгельм про себя выдохнул. — Но все вооружены. Хотя одеты в чёрт знает что.

— Как будто мы носим одежду по какому-то критерию, — ухмыльнулся Вильгельм. — Ладно, пошли посмотрим, кто там такой смелый. Остальные пусть ждут нас здесь.

Влад вёл наблюдение с крыши двухэтажного здания. Добравшись до наблюдателя короткими перебежками, Вилли достал бинокль и взглянул в указанном направлении.

Трое подростков, каждому не больше четырнадцати-пятнадцати лет. У одного на плече качалась винтовка. Двое остальных располагали кобурами для пистолетов. Одеты как самые обычные мародёры. Хотя, кем были Вильгельм и остальные? Но не это привлекло внимание Вильгельма. Он не мог разглядеть лицо идущего по середине пацана, но отлично видел пожарную каску, отбивающую утренние лучи. Только один человек со всей округи мог носить такое средство защиты.

— Прикройте меня в случае чего, — обратился он к парням. — Хотя, этого скорей всего не понадобится.

— Что ты собираешься делать? — удивился Влад.

— Я знаю этого человека, — ответил Вильгельм.

Вилли вышел на середину дороги, сбросил красный рюкзак и поднял руки. Троица заметила его и взяла на прицел.

— Андрюха, — засмеялся Вилли, — а я думал – мы друзья.

— Вильгельм? — опешил рыжий. — Живой!

Последовали радостные крики, рукопожатия, объятия и другие товарищеские обмены любезностями.

— А что ты тут делаешь? — спросил Андрей.

— Живу неподалеку. И не один, — он помахал в сторону двухэтажной коробки и ему ответили взаимностью. — И у меня, кстати, встречный вопрос.

— Ах, — вздохнул пацан, — всё из-за этого Гвина.

— Кого? — Вильгельм вспомнил слова пленника Барона и по спине прошёлся холодок.

— Та хрен моржовый, — отмахнулся Андрей. — Засел в промке с вооруженной бандой и теперь отлавливает по всей окрестности выживших для нечеловеческого труда. Я с пацанами наблюдал издали. Жуткое зрелище. Так он ещё и почти весь город занял, подмяв под себя остальные группировки, и уверен, на этом не остановится. Ох, Вильгельм, ты бы видел, какой триндец происходил. Там самая настоящая война была. Перестрелки не утихали ни на миг, смерти росли с каждым днём, разрушения в некоторых районах просто кошмарные. Мы думали, они перестреляют друг друга, и краин этого не коснётся, а нет — у этого очкарика оказалась самая кислая задница в муравейнике. Так что, когда мы на них напоролись и они убили Казимира, все поняли, что сидеть там себе дороже.

— Где же вы жили всё это время?

— В подвале моей многоэтажки. Эх, там столько добра осталось... Но жизнь дороже. Теперь бредём, куда глаза глядят, — развёл руками рыжий.

— Андрюха, — заискивающе посмотрел Вильгельм, — как на счёт остаться у нас? Отеля с пятью звёздами не обещаю, но тёплую еду, ночлег и приятную компанию гарантирую.

— Я уж боялся, что не предложешь, — засмеялся пацан. — Конечно я согласен.

Они пожали руки. Пол года спустя снова. Всё ещё живые. Всё ещё пытающиеся бороться против произвола этого грёбанного мира.

Гвин сверился с часами с позолотой. Длинная и короткая стрелки пересеклись возле серебряной цифры двенадцать. Лиза опаздывала на двадцать минут. Сам же альбинос пришел за час до назначенного времени и теперь нервничал, теребя колючки жёлтых роз. Гвин сорвал их в своём саду. Альбинос ещё раз поправил капюшон и удостоверился, что его волос не видно. Хотя девушка всё равно рано или поздно узнает, кто он. Обязательно узнает.

Гвин начал ходить взад-вперёд, скрепя половицами. В сером шифере проделали отверстие и вставили окно, открывая вид на окраины города, где владения Гвина обрывались, и начиналась бесконечная лесополоса, луга и поля. Лиза всё не шла. Очень не вежливо опаздывать на свидание. Особенно если это твоё первое свидание в жизни.

«Может, она решила не прийти? — спросил себя Гвин. — Очень возможно. Решила отвязаться от тебя таким образом».

Альбинос расположился на поломанном диване, положив цветы на быльце и глубоко вдохнул воздух, уловив запах сырости и помёта голубей. Лиза выбрала очень даже романтическое место для встречи и, если бы на чердаке не поселились голуби, оно было бы

идеально.

Снизу послышались шаги и вскоре показалось знакомое личико. Увидев Гвина, она ярко улыбнулась.

— Опаздываете, — он помог ей подняться.

— Этикет позволяет даме опоздать на пол часа. Зато, — она достала бумажный пакетик, и из него вырвался вкусно пахнущий аромат, — смотри, что я приготовила!

— Что это? — спросил Гвин, и у него потекли слюнки.

— Печенье с клубникой. Меня мама научила их готовить, — её взгляд упал на букет, и Лиза нахмурилась. — Не нужно было. Терпеть не могу мёртвые цветы.

— Прости... — Гвин засмутился. — Хотел сделать приятно.

— Не бери в голову. Представляешь, — она плюхнулась на диван и протянула ему лакомство, — смены сократили до восьми часов! И выходные дали! И ещё немного муки и сахара в честь какого-то праздника. Если честно, не верится! — Элизабет звонко надкусила печенюшку.

— Если чего-то сильно пожелать — оно обязательно сбудется.

— Не-а, — Лиза кинула крошку голубю, — просто так совпало.

— Может и так, — ухмыльнулся Гвин и поправил очки. — Красиво здесь и уютно.

— Лет пять назад я нашла это место. Удивительно, что его не заняли бомжи и не устроили притон. Что есть то есть. Когда мама умерла, я часто начала сюда ходить. Хотелось побыть наедине и послушать себя.

— Ужас, — не скрывая сожаления, прокомментировал Гвин. — Как же так вышло?

— Сын влиятельного бизнесмена сбил её на зебре. Дело, естественно, замяли. Но через год сволочь опять попала в аварию, теперь уже смертельную для него. Но отцу было не легче, — она вытерла слезу. — После смерти мамы он начал всё чаще прикладываться к бутылке. Как-то раз он напился пуще прежнего и... — Лиза замаялась.

— И? — её пауза выстраивала в голове Гвина страшные домыслы.

— Всё длилось секунд тридцать, — прошептала Элизабет. — Он меня сильно ударил своим пудовым кулаком и оглушил. Когда я пришла в себя, он уже ушел. А я поняла, что штанов на мне нет и оттуда отдаёт острой болью, — она замолчала.

— Он тебя изнасиловал? — догадался Альбинос.

Элизабет несмело кивнула. Гвин приобнял её и стал нежно гладить по макушке.

— Даже не буду спрашивать, почему ты не обратилась за помощью. Как же ты нашла силы жить дальше?

— Ты скорей всего меня не поймёшь, но я его не виню. В тот момент это был совсем другой человек. А силы я черпала из этой комнаты. В её пыльном диване, грязном окне и голубином помёте. Только здесь я могла побыть хоть немного собой. Теперь можешь и ты. Слушай, — Лиза внимательно посмотрела на него, — почему ты всё время носишь этот капюшон. Ты что, прячешься от кого-то?

Гвин про себя выругался, но его лицо не дрогнуло.

— Может и прячусь, — не смотря в её карие глаза, ответил альбинос.

— Но меня ведь ты можешь не бояться. Давай, снимай его, — она попыталась снять капюшон но Гвин нежно оттолкнул её руки.

— Уверен, тебя это, мягко говоря, разочарует.

— Ха! — она засмеялась, прикрывая рот ладонью. — Ты бы знал, среди кого я раньше жила и живу теперь. Там такие прикиды, что каждый раз глаза по пять копеек.

— Как хочешь, — безэмоционально пробубнил Гвин. — Только я предупреждал.

Он встал напротив и резко сдёрнул накидку, открывая всем любопытным взглядам его пушистые и белоснежные волосы. Безмятежность Лизы вмиг улетучилось, уступая место удивлению и страху. Девушка выпустила из рук пакет на радость голубям.

— О Господи... Нет, — она вскочила и отошла на несколько шагов словно волосы были заражены смертельной болезнью.

— Я же говорил, — серьёзно ответил альбинос.

— И почему ты... вы раньше не сказали? — спросила она чужим голосом. — И имя... С именем вы тоже соврали, господин Гвин!

— Потому что ты ни за что бы не пришла, зная кто я на самом деле.

— Это верно, — всё ещё дрожа от страха сказала она. — Простите, но мне нужно идти, — она бросилась бежать.

— Лиза, подожди! Элизабет! — но его попытки были безуспешны. — Чёрт... Чёрт! — гневался Гвин, но на его крик ответили лишь голубиным воркованием.

Альбинос завалился на пол. Нога опять заныла, требуя новой дозы холодной жидкости и острой иглы.

Откровение

Интерьер лесного царства стал неузнаваем. Зелёный ковёр сменился на золотой с тёмными оттенками. Верхушки крон полностью осыпались, оставаясь беззащитными перед холодными ветрами. Лишь редкие листья ещё держались из последних сил, но их падение было лишь вопросом времени. Становилось холодно. Птицы улетели. Лишь вороны и воробьи остались верны своим родным местам и готовились к холодам. Зайцы сменяли летнюю окраску на зимнюю. Лиса наращивала пушистую шубу.

Внезапно обитателей леса что-то спугнуло и они бросилась прочь. Причиной тому стали два охотника: Алиса и Саманта. Их сопровождала овчарка.

Рыжая была на веселе, получая искреннее удовольствие от пребывания здесь. Саманта же напротив — уткнулась носом под ноги. Это не ускользнуло от Алисы.

— Да не кисни ты, — приобняла её Алиса.

— Ну что я за безрукая кукла? — сетовала девушка.

— Оно даже хорошо, что ты промазала. На ошибках учатся. Руки нужно держать ровно только перед самым выстрелом, а то устают. Задержку дыхания тоже не нужно забывать. И под ноги смотри, а то все ветки подавила, пока кралась.

— Лёша очень ошибся, отправив меня с тобой.

— И ничего подобного. Вдвоём веселее. Могу передать свои знания кому-то. Прямо как Анька... — у рыжей на секунду промелькнула тень печали.

— Если с медициной мне было интересно, то охотиться нет. Убивать кого-то очень противно.

— Может, у Лёхи на то и расчёт? — у Алисы сверкнули глаза. — Точно, вот же засранец. Хочет воспитать в тебе нового человека.

— Нового человека? — переспросила Саманта. — Не хочу становиться новым человеком. Меня и прежняя я полностью устраивает.

— Никто нас особо не спрашивает, хотим мы меняться или нет. Жизнь всё равно в итоге изменит и обычно не в самую лучшую сторону. Особенно, если учитывать, что сейчас происходит. Многим приходится пренебрегать дружбой и семьёй. Сейчас не до этого. Хотя и раньше особо это не было важными ценностями.

— Что может быть плохого в семье и дружбе? — недоумевала Саманта.

— Поверь, — ухмыльнулась Алиса, — ещё как может. Взять хоть Вилли и Лёху. Всем понятно, что между ними кошка пробежала. Но как исправить это? Ни ты, ни я, ни кто-то из нас этого сказать не может. Думаешь, им самим это нравится? Просто упёрлись, бараны, и не хотят делать первый шаг на встречу, не понимая, что своим поведением истеричек подставляют всех.

— Вильгельм чуть не убил Лёшу, — мрачно заметила Саманта.

— Думаешь, он хотел этого? Он же не придурок. Хотя, нет, — махнула Алиса, — он придурок, но не настолько, чтобы убить человека, которого знаешь всю свою жизнь. Всю свою жизнь... — отстранённо повторила рыжая.

— Алиса? — озадаченно обратилась девушка.

— Да так... Вспомнилось.

— Что?

— Да зачем оно тебе? — пожала плечами девушка. — Хотя, приведу тебе пример

«хорошей» семьи, — Алиса глубоко вздохнула, собираясь с мыслями. — Давным-давно, когда я была ещё меньше, чем ты, я в чём-то ослушалась свою мать. Уже и не помню, если честно, что я такого сделала. Зато помню, как она на меня орала, а я забилась в угол и рыдала. Но не это главное. Главное, что в моей голове отпечатались её слова, по сути, сделавшие меня такой, какая я сейчас: «Запомни, дрянь мелкая! Я тебя родила, я о тебе забочусь, я тебя кормлю! И ты обязана быть моей всю свою жизнь!» После этого она гримнула дверью. А в моём детском мозгу что-то щёлкнуло. «Быть твоей? — думала я. — Всю свою жизнь? Да хрен тебе! Я лучше с крыши спрыгну, чем буду твоей. Твоей игрушкой». Прыгать я не собиралась. Но и игрушкой быть тоже не горела желанием. Самое печальное, что такая картина была очень распространённой. Мамаши вынашивают детей, чтобы в первую очередь доказать что-то себе, напрочь забывая, что их ребёнок живой. Они никогда не воспримут его, как равного себе. У них даже не возникает мысли как таковой. Я не понимаю, если у тебя был какой-то сдвиг, зачем рожать и выплёскивать последствия этих сдвигов на ребёнке? Сходи к психологу, хобби найди, воплоти давнюю мечту, но зачем причинять неокрепшему уму страдание из-за своих тараканов в голове? А потом вырастает запуганный человек. Если, конечно, у него не хватило смелости пойти наперекор. Всю свою жалкую жизнь я задаюсь вопросом: «Зачем? Зачем так делать?» И никак не могу на него ответить. Нет, ответ я знаю, но принимать его отказываюсь. Может, оно и к лучшему, что это ушло с нашим старым миром? Сейчас стать мамой непосильная роскошь и смертельная опасность как для себя так и для мальчика. Что касается моей мамы, то да — я её ненавидела. Сколько себя помню, так было. Как-то слышала фразу, что даже если отец и мать бьют своё чадо, то чадо всё равно их любить и пытаться понять. Нихрена подобного. Хотя, даже если так, то рано или поздно чадо вырастет и понимает, как оно живёт. Ты скажешь, что я ненормальная? Не спорю. Уж прости, такое воспитание. Папа алкаш, не интересующийся ничем, кроме бутылки и друзей собутыльников, а мама стерва, придирающаяся к каждой мелочи. И тем не менее её слова что-то во мне пробудили. Какое-то желание. Желание доказать, что я не вещь и не частная собственность. Что со мной нужно считаться. И я записалась на секцию по стрельбе. Мамочка была в ярости, в первую очередь из-за того, что я с ней не посоветовалась. Но её крики только усиливали чувство моей правоты. Всё же она дала добро. До сих пор в шоке, что мамуля переступила через свою гордость. На тренировках со мной занимался Виктор Павлович. Хотя, я обычно называла его «Дедом». Как никак человеку шел седьмой десяток. Он стал первым взрослым человеком, которому действительно было дело до меня. И он меня воспитал. Сделал то, что забыли родители, — она немного помолчала с грустной миной. — Понимаешь, Саманта, семья это очень здорово. Но что делать, когда её нет? Ты пытаешься заменить её друзьями, но какими бы они не были, это всё равно не то. Говорю, как яркий пример. Если бы взрослые, прежде чем брать на себя ответственность за воспитание, в первую очередь в себе разобрались, этот мир бы стал гораздо лучше. Но увы — многие думают эмоциями, напрочь забывая о здравом смысле. Случай Лёши и Вильгельма типичный пример, когда человек поддаётся эмоциям. Я не говорю, что в эмоциях есть что-то ужасное. Вовсе нет. Я сама люблю подурочиться или поплакаться кому-то. Но когда эмоции угрожают счастью или жизни другого человека, это уже совсем другое дело. Ах, — Алиса остановилась и наклонилась, глядя Саманте в лицо, и грустно улыбнулась, — я тебе завидую. У тебя было счастливое детство и тебе есть за что цепляться. И Аньке я завидовала, хоть никогда и не признавалась. Надеюсь, ей там хорошо, с ними...

— Ты очень смелый человек, Алиса. Мне до тебя очень далеко.

— Не говори чепухи. Если я не показываю страха, это не значит, что я его не испытываю. Я боюсь смерти, как и все остальные. Боюсь вас потерять. Боюсь, что наша более менее устоявшаяся жизнь может полететь в тартарары. Но если я буду тревожиться от этого, то никаких нервов не хватит. Хотя, жизнь научила быть немножко безэмоциональной тварью.

— Не говори так на себя, — запротестовала Саманта. — Ты хорошая.

— Хорошая? — рассмеялась Алиса. — Нашла кого назвать хорошей! Человека, без зазрения совести настигивающий людей свинцом. Сомневаюсь, что хороший человек так поступает.

— Для меня ты остаёшься хорошим человеком. Остаёшься другом. Частичкой новой семьи.

— Правда? — опешили рыжая.

— Конечно! — они обнялись.

За обменами нежностями рыжая услышала посторонний звук. Овчарка напряглась и виляла хвостом, выжидая.

— Замри, — прошептала Алиса на ухо. — И возьми арбалет.

Из кустов гордо вышел самый настоящий благородный олень. Его длинные рога зацепались за голые ветви, а копыта утопали в листве. Золотистая шерсть переливалась на солнце. Он пока не замечал охотников и не подозревал об опасности.

— Задержи дыхание и возьми на прицел. Не думай о выстреле. Не думай, что ты его убьёшь. В конце концов, мы потому и люди, что можем себе это позволить.

Саманта выстрелила. Олень качнулся, попытался убежать, но упал. Стрела пробила толстую шею насквозь.

— Жалко, — вздохнула она. — Такой красивый.

— Конечно красивый, — подтвердила Алиса. — Но ты у меня намного красивее. И я готова убить любого, чтобы такие, как ты, жили счастливо.

— Ох, — лицо Саманты покрыл румянец. Сердце ещё бешено колотилось от переизбытка эмоций. — Спасибо.

— Потом благодарить будешь, — рыжая резко выдернула стрелу. — Сейчас эту тушу нужно доставить на базу. Беги и зови на помощь, пока хищников не набежало.

— А как же ты? — забеспокоилась Саманта.

— Не бойсь. Ганс меня защитит. Верно, Ганс?

В знак подтверждения пёс потёрся об ноги хозяйки.

— Лёха! — в гараж ворвался взъерошенный пацан.

— Что там ещё? — недовольно протянул Алексей, только усевшись на гамак. Весь день он только и делал, что вытачивал доски для утепления здания поместья.

— Долго объяснять, пошли! — он скрылся за дверью.

— Ничего не могут сделать без Лёхи. Как дети малые, — пробубнил под нос Алексей.

Выйдя на балкон и поравнявшись с тем, кто его позвал, Лёша на секунду потерял дар речи. За укреплённым забором бесновалась большая группа лиц. У всех чернявые лица, тёмные волосы. Вычурная разноцветная одежда, дополняемая килограммами украшений. Кто-то веселился и танцевал, некоторые лезли на забор и охрана с трудом их спихивала. Лёша понял, что ещё немного, и по ним откроют огонь.

— Где Вильгельм? — спросил пацана Алексей.

— На вылазке.

— Как не вовремя, — процедил он сквозь зубы. — Поднимай наших. Будем оттеснять.

— Понял, — пацан выбежал с балкона.

Лёша опёрся об перила и со всей силы сжал их, наблюдая. За прошедшие месяцы Алексей совершенно забыл об этом факторе. Даже когда исчезли взрослые, у таких детей, с детства приспособленных к экстремальным условиям, было явное преимущество перед другими.

«Интересно, — подумал Лёша, — а что сейчас твориться в Африке? Наверное, никто и не заметил изменений».

— Лёша, — Саманта прервала его мысли, — а кто это такие?

— Цыгане, — мрачно ответил Алексей. — Никогда не видела цыганов, что ли?

— Цыгане? Ты про ромов?

— Ну, или ромы, их и так называют.

— Видела только на фотографиях.

— А теперь посмотришь в живую. Такое на картинках не покажут.

— Что вы собираетесь делать? — обеспокоенно спросила девушка.

— Пятачок, — вздохнул Алексей, — неси ружьё.

— Пятачок? — удивилась Саманта.

— Ай, — махнул Лёша. — Не бери в голову. Местная шутка.

Алексей с нахмуренной миной покинул балкон.

Держа оружие на плече, он неспеша подходил к стальным воротам. За ним несмело шли остальные члены группы.

— Открывайте ворота! — крикнул Алексей. — Сначала попробуем поговорить. Хотя, сомневаюсь, что из этого что-то выйдет.

Зелёные куски стали отворились, открывая всем разноцветную толпу. Цыгане хотели броситься к ним на встречу и разделить свою радость, но их остановили направленные стволы. Все вдруг затихли, с животным страхом глядя на оружие. У самих же жителей поместья дрожали руки. Никто не хотел омрачить этот день новыми смертями, но и заговорить не решался.

— Кто у вас главный? — прервал тишину Алексей. — Пусть выйдет. Поговорим.

Лёша поставил ружьё на предохранитель и пошел навстречу толпе. Затылком он почувствовал взгляд. Саманта с нескрываемым страхом наблюдала за ним. Он обернулся и улыбнулся ей. Не смотря на безмятежное выражение лица, под ложечкой сосало, а в ушах громко стучала кровь, заглушая мысли.

Из толпы выпрыгнула молодая цыганка, одетая в длинную пышную юбку с воланами. Она, пританцовывая, пошла к Алексею на встречу. Так они и встретились на середине.

Лёша пытался не смотреть ей в глаза, зная, какими последствиями это чревато.

— Чего вы хотите? — спросил он с нотками презрения.

— Красавчик, у нас праздник! — в её голосе слышался лёгкий акцент. Странно, учитывая, что все теперь говорят на одном языке. — В нашем таборе родился мальчик!

— А мы тут причём? — Алексей не разделял её энтузиазма.

— Как причём? — удивилась цыганка, широко раскрыв глаза. — Надо же с кем-то отпраздновать! — Толпа дружно поддержала своего главаря.

— Не-не-не, — замахал руками Алексей, пятясь. — Вы меня уже когда-то один раз

обокрали. Я с вами особо и разговаривать не хочу, не то, что впускать в свой дом.

— Ну чего ты? — расстроилась цыганка. — Я вижу, что у тебя доброе сердце. Так зачем же врать самому себе?

— Я тебе сейчас покажу своё доброе сердце, — прошипел Алексей. — Видишь их? — кивнул Лёша назад, намекая на своих людей. — Почти каждый из них кого-то убил. Я не скажу, что нам это нравится, но все готовы испачкать руки, защищая свой дом. В этом я уверен. Поэтому, во избежания кровопролития, попрошу вас исчезнуть. Желательно также, как наши матери и отцы, — он горько усмехнулся.

— Я тебя поняла, — расстроено ответила цыганка. — Позволь хоть, милый человек, позолотить тебе ручку. Не хочется уходить просто так, ничего не сделав.

— Только если вы потом уберётесь, — Алексей нехотя протянул мозолистую ладонь. В принципе, он ни чем не рисковал. Ценных вещей при нём не было. И только когда липкие руки цыганки прикоснулись, он вспомнил, что за пазухой лежит футляр. Но отступать было уже поздно.

Цыганка начала водить пальцами по его выемкам и линиям, что-то бубня себе под нос. Алексей всё же дал слабину и взглянул в её глаза. Оторвать взгляд он уже не смог. Казалось, что её черные зрачки поглощают весь свет, попавший в них. Окружающий мир начал меркнуть, ноги резко подкосились, сознание помутилось. Лёша не заметил, как его окутала тьма.

Темнота рассеялась. Лёша не узнал окружающей местности. Вокруг было пустынно, земля усеяна воронками от снарядов и перепахана окопами. Величественные дома, некогда красивого города, превращены в уродливые руины. В нос резко ударил удушливый запах пороха и крови.

Алексей услышал душераздирающий крик, сопровождаемый плачем. Он обернулся и увидел солдата. Точнее двух. Оба одеты в маскхалаты. Один пытался спасти своего товарища, но, судя по всему, его попытки были тщетны. На Лёшу не обращали ни какого внимания, словно его здесь и не было вовсе. Подойдя поближе, он увидел, что раненой была девушка. Лесная маскировка обагрилась в алый цвет в области живота. Не смотря на пулевое ранение, она улыбалась. Из рта начала вытекать тоненькая, красная струйка. У солдата, что перевязывал, отсутствовал один глаз, заменённый тёмной повязкой. Из другого, цвета изумруда, не переставали течь слёзы. Он что-то шептал ей, но Алексей не мог разобрать слов. От шока Лёша не мог понять, что происходит. Он понимал только одно: их лица, покрашенные в камуфляж, ему знакомы. Алексей только не мог вспомнить, где их встречал. Казалось, что это было в совсем другой жизни.

Внезапно в то место, где он стоял, попал снаряд. Лёша рефлекторно закрыл лицо руками. Он очнулся. Вокруг всё было также. Никакой войны, отравленной снарядами земли и вездесущий смерти. Лишь мягкая трава и багровый закат.

Над Алексеем склонился Вильгельм, протягивая железный футляр с пулевым отверстием.

— Цыганка у тебя украла, — объяснил Вилли.

— Спасибо, — Лёша спрятал драгоценную коробочку. — А где они сами?

— Как только увидели нас — дали дёру, — ухмыльнулся Вилли. — В суматохе я заметил, что цыганка роется в твоей одежде. Она была быстрой, но я быстрее. Ох и визжала она, конечно.

— Позволю себе шутку, пока Саманта не слышит. Все люди равны, но цыгане не люди.

— В каждой шутке есть доля правды, — Вильгельм помог Алексею подняться. Лёша последовал в дом.

— Вилли, — он обернулся.

— Да?

— Спасибо.

— Обращайся, — улыбнулась Вильгельм.

Пепел медленно падал на деревянное покрытие, разбиваясь в мелкую крошку. Гвин выкуривал уже третью сигарету. Иногда нужно менять способы медленной кончины. Он сидел на том же пыльном диване, на том же засранном чердаке. Каждый вечер Гвин приходил сюда и думал, что делать дальше. С любым другим человеком альбинос бы поступил своим излюбленным способом: приказал притащить в кабинет и выслушивал слезливые просьбы помиловать, прежде чем вздёрнуть на петле. С Лизой он ни в коем случае не посмел так поступить. Напротив, Гвин даже боялся сходить к ней в гости. Боялся не вынести её испуганного и одновременно осуждающего взгляда. Единственное, на что Гвин решался, — это приходить сюда, веря, что девушка тоже придёт. И сегодня судьба расщедрилась.

Лиза несмело заглянула в комнату, увидев Альбиноса охнула, но не убежала.

— Мне сказали, что Вас можно найти здесь, господин Гвин, — она села на самый край дивана.

— Как видишь – не соврали, — он кинул сигарету прочь, напугав голубя.

— Господин Гвин...

— Ты бы знала, как меня достало это обращение, — перебил он её. — Просто Гвин.

— Гвин, — сказать это имя без уважительной приставки стоило ей больших усилий, — я хочу понять, что между нами происходит и закончить это...

— Я наркоман, — прервал Гвин Лизу.

— Что? — карие зрачки начали расширяться.

— Хотя, нет, давай начнём всё с самого начала. В первую очередь я сирота. Мамочка завернула меня в пакет, когда мне было пять месяцев, и выбросила в мусорный бак. Но меня нашли, о чём я сто раз пожалел. В детском доме я не помню день, когда меня не били, не окунали головой в толчок или не пытались состричь волосы. В девять лет я уже курил. В двенадцать первый раз попал в отделении полиции за воровство, хотя заниматься этим начал на несколько лет раньше. В шестнадцать лет получил свой первый срок на три года, за хранение наркотиков, но тогда ещё их не употреблял. И не смотря на свой статус белой вороны, я смог добиться авторитета. Когда началась заварушка, я понял, что это мой шанс пожить наконец-то счастливо. Но поверь, ни секунды не получал удовольствия до встречи с тобой. И да, за это время умудрился стать наркоманом. Иногда я не могу жить без дозы пары часов, а иногда могу терпеть и неделю. Всё зависит от настроения моего пулевого ранения. Знаешь, что странно? Эти несколько дней проведённые с тобой, я напрочь забыл о кокаине, но, как только ты бросила меня, ломка сразу дала о себе знать. Я не могу жить без тебя. Я завяну, как те розы, что ты оставила. Вокруг столько пустых оболочек, что только и мечтают, когда я кончусь, а ты единственная, кому есть дело до меня, за всю мою никому нахер ненужную жизнь, — всё это альбинос сказал совершенно безэмоционально, словно это и не касалось его.

Лиза молчала, пытаясь переварить его слова. Гвин лишь терпеливо ждал, что она

ответит. Альбинос уже давно решил, что если она убежит, то он вышибет себе пистолетом мозги.

— Я всё поняла, — вскоре ответила Лиза. — Теперь у меня не хватит совести бросить тебя.

— Правда? — ему хотелось заплакать, но Гвин смог подавить в себе этот порыв.

— Господин... — запнулась она. — Гвин. Я вижу, как тяжело тебе всё это даётся. Ещё немного, и твоя власть станет твоей же могилой. Так что позволь помочь тебе. Помочь сделать всех нас чуточку счастливее.

— С удовольствием, — выдохнул Гвин. — Только дай обещание.

— Какое?

— Что никогда не бросишь и не предашь меня.

— Это очень серьёзная клятва, — она нахмурилась. — Но я постараюсь её исполнить.

— Поцелуй меня, — Лиза уловила эти слова лишь краем уха.

— Нахал! — она слегка толкнула его.

— Надо же как-то закрепить договор о сотрудничестве, — рассмеялся он.

— Ну раз так.

Лиза придвинулась, и их губы сомкнулись, оставаясь такими до самого рассвета. Вместе с поцелуем ушли и все проблемы, оставляя лишь то, что не даст ни одна проститутка — любовь. За эту ночь Гвин изменился. Нет, циничность, жестокость и эгоистичность никуда не делись. Просто вместе с ними поселилось ещё что-то. Кажется, это называлось счастьем.

Слабость

Боевая стойка. Частое дыхание. Белый пар из рта. Саманта подгадала момент и бросилась в атаку с деревянным ножом наперевес. Напористости ей было не занимать. Алексей лишь ухмыльнулся. Он увернулся, сделал меткую подсечку и легко выхватил нож. Другой бы оппонент сразу же рухнул, как мешок картошки, но Лёша подхватил лёгкое тело и аккуратно положил на покрытую инеем землю.

— У тебя слишком предсказуемые движения, — Алексей нагнулся, глядя на покрасневшее лицо. — Не давай противнику понять, что у тебя на уме, — он помог ей подняться.

Они оглянулись. Погода выдалась пасмурной. Голое поле стоически терпело первые заморозки. Лес уходил в спячку. На его печальном фоне все были поглощены тренировкой, разбившись на пары, и под пристальным взглядом Барона выполняли указанные упражнения. Не смотря на холод, многие скидывали верхнюю одежду. Вильгельм, Барон и Алексей пришли к выводу, что не мешало бы следить за физической подготовкой и теперь уже как месяц, раз в три дня, люди Барона и жители поместья «трясли жирком». Но не единой физической нагрузкой и рукопашным боем было ограничено данное мероприятие. Тренировку по стрельбе никто не отменял.

— Всё, — похлопала Барон, — хватит друг друга колотить! Алиса, Сергей, — она указала на мишени, — покажем высший пилотаж.

Мишени прикрепили на деревья с дистанцией около пятидесяти метров. Каждый делал по три выстрела. Блондинка стреляла от бедра, очевидно давая фору остальным.

— Сколько там? — без особого интереса спросила она Сергея.

— Двадцать семь из тридцати, — ответил азиат, глядя в бинокль.

— Плохо, — сплонула девушка.

— Барон, — обратилась к ней Саманта, — можно мне попробовать?

— Ни за что, — отрезала блондинка, досылая патроны в обойму. — Мне дорога моя жизнь.

— Так мы же не боевыми, — встал на защиту Алексей. — Дайте ей воздушку, пусть попробует.

— Принесите воздушку, — нехотя согласилась Барон.

Холодная рукоять обжигала нежные ладони. С непривычки Саманта чуть не упустила оружие. Барон скептически глянула на положение её рук.

— Приклад должен упираться в плечо, — блондинка переложила одну ладонь на ручку, а другую передвинула на другое место ствола. — Не хватало, чтобы ты ещё от отдачи зуб выбила.

Ей дали три маленьких круглых кусочка свинца и показали, как заряжать. Саманта подошла на огневую позицию, встала на одно колено и прицелилась. Руки предательски дрожали, то ли от холода, то ли от волнения. Мушка ходила ходуном. Мишень на таком расстоянии казалась несоизмеримо крошечной.

Девушка случайно нажала на курок и выстрелила. От неожиданности она зажмурилась.

— Поздравляю, — засмеялся Сергей, — мимо.

Сзади послышалось несколько колких смешков.

— А ну заткнулись там! — рявкнула Барон. — Я потом с удовольствием на вас

посмотрю, — перечить никто не посмел.

— Саманта, — это был голос Алисы, — ты там совсем забыла, чему я тебя учила? Такими темпами никто не поверит, что ты подстрелила оленя.

От злости Саманта сжала зубы, со всей силы нажала на ствол воздушки, зарядила патрон и прицелилась. Рукам всё также было холодно, но нервы удалось успокоить. Ещё один промах в глазах Алисы стал бы позором.

Тихий хлопок.

— Вот, — оскалился Сергей. — Уже лучше. Пятёрочка.

— Саманта, — крикнула Барон, — не обращай на этого пройдоху внимания. Он когда на военной подготовке первый раз стрелял, прострелил себе палец на ноге. В медпункте все бинты на него перевели!

— Это был наш секрет! — крикнул азиат с нотками отчаяния. Все остальные начали громко хохотать.

Тем временем, не обращая ни на кого внимания, Саманта произвела ещё один выстрел.

— Ни хрена себе, — присвистнул Сергей.

— Сколько? — не скрывая интереса спросила Саманта, отдавая оружие.

— Та десять. Точно в центр.

— Случайно вышло, — виновато улыбнулась Саманта.

— Случайно, не случайно, — Барон похлопала её по плечу, — а для первого раза очень не плохо. Серёга, твой выход.

Через час объявили победителя. Им оказалась Алиса, набрав двадцать девять очков. Стреляя из любимого арбалета, она умудрилась попасть одной стрелой в другую, разрезав ту пополам.

— Ну что, теперь можно и в догонялки? — заискивающе спросила Барон.

— Я думал, что не предложишь, — Вильгельм звонко захрустел костяшками.

— Боже мой, мужику восемнадцать лет.

— Мальчики взрослеют исключительно к семидесяти годам, — ухмыльнулся Вилли.

Барон развернула карту.

— Как обычно, за территорию семнадцатого квадрата не выходим. Местность вы уже помните. И не вздумайте лезть в болота, ещё не хватало вас вытаскивать.

Жребий выпал водить Барону и Алексею.

— Да вы издеваетесь? — опешил Сергей. — У нас нет шансов.

— Тем и интереснее. Итак, на то, чтобы спрятаться, у вас пять минут. Так уж и быть, уменьшу время с получаса до двадцати минут, чтобы у вас появился шанс на победу, — Барон достала секундомер. — Начали!

Все побежали в сторону леса, и вскоре скрылись в его чаще. Алексей заметил, что Саманта бежала вместе с Алисой. Ему стало спокойнее на душе. Лисёнок не даст её в обиду.

— Американка быстро учиться, — прервала размышления Лёши блондинка, теребя косу. — Я даже завидую.

— Видишь в ней конкурента? — улыбнулся Алексей.

— Ха, ещё чего. Этой малявке до меня, как призывнику до прапора.

— Спасибо, что обучила меня технике рукопашного боя. Мне не помешает.

— Ты бы знал, как я ненавидела ходить на эти секции. Всё тело потом ссадинами покрывалось. И тем не менее в нашей ситуации такие навыки полезны.

— Надеюсь, их не придётся применять на практике.

— Кстати, — Барон хлопнула себя по лбу, — Лёша, есть дело для тебя.

— Весь во внимании.

— Я послала несколько отрядов разведать местность со стороны запада. Один из них забрался в глухой лес и наткнулся на военный объект. Его не было ни на одной карте. Похоже какая-то часть. Всё было бы прекрасно, но местность вокруг заминирована. По крайней мере, так говорят таблички. Можешь смастерить что-нибудь для решения такого вопроса? Очень любопытно посмотреть, что там. Не думаю, что оттуда что-то смогли стащить, — Барон взглянула на циферблат. — Заговорила я. Ну, так как?

— Есть у меня одна мысль. Но для начала нужно поймать всех беглецов, — он ринулся в лесную чащу.

Раздвинув голые ветки и окинув взглядом поле, Сергей понял, что почти все здесь. Минуту назад Барон набросилась на него из кустов и теперь Серёга потирал ушибленный бок.

— Кто ещё остался? — мрачно спросил азиат.

— Кажется, только Саманта, — ответил Вильгельм.

Алексей слушал лес. После того, как он напугал до полусмерти Вилли, в нём стало очень тихо. Похоже, почти всех поймали. Неожиданно выглянуло солнце. Вдалеке за голыми ветками что-то заблестело. Лёша смекнул, что это. Брошка.

«Надевает каждый день. До чего же приятно».

Алексей направился в сторону блеска. Впереди лес обрывался и начинались непроходимые топи. Изредка слышалось противное пение лягушек. Не дойдя несколько метров, Алексей споткнулся и упал.

— Лёша! — Саманта покинула укрытие. — Ты в порядке?

— Я притворился, — он положил руку на носок кроссовка и широко улыбнулся.

— Нечестно! Я же волнуюсь!

— Твоя главная слабость, милая, — он стал отряхиваться от пыли, — это излишнее добродушие к остальным.

— Не заставляй сдерживать себя по отношению к тебе.

— Не заставляю, — Алексей поднялся. — Да я особо и не против.

Он нежно поцеловал её. Хоть поцелуй был и коротким, но оба остались довольны.

— Пошли?

Саманта кивнула, пытаясь прогнать румянец с лица.

— Знаешь, — он взглянул в сторону болота, — надо их будет исследовать. Как-нибудь зимой выберусь, когда вода замёрзнет.

— Возьмёшь меня с собой?

— Не знаю. Слишком опасно для тебя.

— А одному ещё опаснее.

— Ладно, — немного подумав, Алексей согласился, — уговорила. Только пообещай, что научишься метко стрелять.

— Я постараюсь, — бойко пообещала Саманта.

Огонь звонко ломал дрова в камине, озаряя комнату и распространяя успокаивающее тепло. Гвин закурил сигарету, усевшись на кушетку. Элизабет крепко заснула, при этом блаженно улыбаясь. Она была обнаженной. Гвин заботливо укрыл её одеялом. Альбинос заметил, что тоже улыбается. Не своей привычной улыбкой циника, а самой искренней и

добродушной. Ещё никогда он не получал от соития столько удовольствия. Но момент счастья короток и нужно возвращаться к своим обязанностям.

Гвин включил лампу и склонился над картой, водя простым карандашом в «Тёмном секторе». Так его окружение называло семнадцатый, восемнадцатый и двадцатый квадрат, где была потеряна связь с отрядом Марка, обосновавшийся в районе упавшего самолёта. Очень долгое время не получалось добыть информацию об этой местности. И вот удача. Разведчики завербовали «крысу».

Альбинос не знал ни личности, ни мотивов шпиона. Известно было, что информатор сам предложил свои услуги, в обмен на амнистию и привилегии. В этом Гвин не видел ничего удивительного, каждый хочет держать свою задницу в тепле. Его больше волновало столь добровольное предательство своих товарищей. И тем не менее Гвин узнал многое. О Бароне, о поместье, о численности и о вооружении. Теперь альбиноса волновало только одно: избавиться от опасного противника и как можно меньшими средствами. Ещё не хватало, чтобы на фабриках узнали о жизни за периметром. Революционные мысли последние, что сейчас нужно Гвину.

Гвин не заметил, как Лиза подошла к нему и обняла со спины, прикоснувшись грудью.

— Опять мой господин строит наполеоновские планы? — игриво спросила девушка.

— Всё думаю, что делать с «Тёмным сектором».

— И что же ты надумал?

— Не знаю. Скорей всего всех придётся убить. Иного выхода я не вижу.

— Гвин, ты уверен? — голос Лизы дрогнул. — Я читала в докладе, что там совсем маленькие дети. Неужели ты и их прикончишь?

— Придётся, — процедил Гвин избегая её взгляда.

— Это не выход, — категорично заявила Лиза. — Пролив реки крови, ты долго не удержишься у власти.

— Власти без крови не бывает, — Гвин начинал злиться, но смог подавить гнев. — Хорошо. Что ты предлагаешь?

— Позволь мне попробовать предложить им стать нашими союзниками. Судя по всему, у них опытные бойцы. Так зачем убивать друг друга, если можно принести сотрудничеством пользу обеим сторонам?

Гвин молчал, стуча пальцами по столу.

— Даю тебе срок до весны.

— Спасибо, — Лиза поцеловала его в щеку.

— Если ничего не добьёшься, мне придется их уничтожить. Как раз к тому времени у меня будет сформировано три полностью укомплектованных полка.

— Сколько же это человек?

— Почти шесть тысяч. К лету скорей всего сформируем первую бригаду*.

— Гвин, зачем тебе такая большая армия? Неужели тебя не устраивает та власть, какой ты сейчас обладаешь?

— Причём здесь власть, — он взял её за руку и повёл к повешенной на стене карте Европы. — Взгляни, — махнул рукой Гвин. — Куда бы не упал твой взгляд, везде бушует хаос, анархия и произвол. Не знаю, как тебя, а меня это не устраивает. Человек без порядка и дисциплины становится диким. Что же с ним станет через лет так двадцать? Неужели мы опять скатимся к первобытному образу жизни? Ну уж нет, — зрачки Альбиноса загорелись в пламени камина. — Раз уж у меня в руках такая власть, то я использую её на все сто

процентов. Я спасу Европу от нахлынувшей тьмы. Я спасу человечество от неминуемой гибели. Ну же, Элизабет. Мы же поклялись сделать всех чуточку счастливее. Разве нет?

— Да, — Лиза с трудом справилась с нахлынувшей волной ужаса. — И я всеми силами помогу тебе в этом.

Они обнялись и их губы соприкоснулись. Сомкнутые ладони передвигались по лесостепи и болотам Восточной Европы. Где-то там был и их родной город.

Указатель

1. Один полк состоит приблизительно из двух тысяч человек. Одна бригада — почти восемь тысяч человек. Одна дивизия — десять тысяч человек, разных родов войск.

Белые стены сливались на фоне присыпанной белыми хлопьями поляны и скрывали, что находится за ними. Сверху блестела колючая проволока, подчёркивая неприступность. Белоснежное покрывало обрывалось тёмным лесом. В нём слышалось звонкое завывание ветра, нагонявшее тоску. На границе леса и поляны установили выдавшие виды таблички. Тёмный рисунок черепа с костями тонко намекал: «Не лезь! Зашибёт!» Надпись большими буквами «МИНЫ» подтверждала эту мысль.

Отряд лежал в холодном овраге, прямо перед полем. В голых зарослях ждали своего часа два грузовых автомобиля. Вильгельм пытался согреть ладони. Барон закурила. Алексей готовил приспособление для разминирования. Выглядело оно, как переكاتи поле. Отличалось только стальными креплениями, что соединялись по центру, образуя большой шар. Функция была простой: устройство катится и, если встречает мину, детонирует. «Переكاتи поле» могло выдержать несколько взрывов. Про запас Лёша сделал ещё пару штук.

— Барон, а почему мы не можем подъехать ко входу? — спросил Алексей, привязывая верёвку к стальной пластине.

— Сильно умный, да? — блондинка выпустила сигаретный дым. — Нам придется ехать несколько дополнительных километров, маневрируя между деревьев по грязи и ухабам. Как думаешь, сколько мы бензина потратим?

— Вопрос снят, — буркнул Лёша.

— Вы там скоро? — у Вильгельма начали стучать зубы. — Я уже пальцев не чувствую.

— Минуту, — бросил Лёша.

— Нужно было перчатки надеть, — сказала Барон.

— Та забыл я. Совсем запарился.

— Лёша, — обратилась девушка, — как тебе в голову пришло сделать такую хреновину?

— Когда-то читал об афганском подростке, смастерившим такую штуку. А чем мы хуже афганских подростков? Всё, — он проверил верёвку, — готово. Ну что же, — Алексей наигранно вздохнул, глядя вымазанные в грязи и снеге ножки устройства, — прощай, друг.

Лёша выглянул из оврага и толкнул «переكاتи поле» в сторону незримой опасности. Подгоняемое ветром, оно быстро катилось вперёд. Все молчали, смотря друг на друга и ожидая взрыва. Прошла минута. Вторая. Вдруг послышался металлический удар.

— А? — удивился Алексей, ожидая вовсе не такого звука. Шар докатился до стены, громко оповестив об этом. Сплюнув, Алексей дёрнул шар на себя, возвращая другим путём.

Аналогичный результат. Взрыва не было. Принесли ещё два «переكاتи поле» и пустили в дело. Но их услуг не требовалось. Ничего так и не взлетело на воздух.

— Похоже нет мин, — рассмеялся Алексей.

Барон грязно выругалась.

— Вот же сволочи! — продолжала кричать блондинка. — Схалтурили! А мы и повелись!

— Не факт, что их не устанавливали, — попытался успокоить её Алексей. — Может, нам так повезло. Лучше не расслабляться раньше времени.

— Согласна, — смягчилась блондинка. — Смотрите, куда ступаете. Подгоняйте машины — расчистим путь.

Группа начала несмело выбираться из оврага. Барон шла впереди.

— Лёха, — блондинка выкинула окуроч, — если я подорвусь, то буду приходить к тебе ночью.

— Я начерчу мелом вокруг своей кровати, — ухмыльнулся Лёша.

— Подожди, ты уже не в гараже спишь?

— Холодно там. Даже после утепления. И в других домах тоже. У нас теперь несколько человек на одной кровати спят. Ну, и я переселился.

— К американке, — вставил насмешливо Вильгельм.

— Заткнулся бы, а? — рявкнул Алексей. — Сам к Лисёнку зачастил.

— Заткнитесь оба, — гаркнула Барон. — А то вернётесь к своим подружкам в цинковых коробках. Будьте уверены, я легко такое организую.

К стене подошли без происшествий и начали вбивать стальные клинья. Вильгельм пару раз попал молотком по пальцам. На морозе жгучая боль сильно усилилась. Тем временем подогнали машины. К их грязным бамперам привязали прочные тросы, а другой конец к клиньям.

— Не порвутся? — скептически глянул на тросы Вильгельм, вспоминая горький опыт с репой.

— Не должны, — уверила его Барон. — Такие не должны.

Девушка отдала команду, и машины, громко чихнув выхлопными трубами, тронулись. Все отошли на безопасную дистанцию. Тросы натянулись, но держались. Стена первое время не поддавалась, но когда машины сменили передачу — закричала. Земля под основанием начала дрожать. Посыпалась каменная стружка и пыль. Зашелестела проволока, будто предупреждая о незваных гостях. Пару мгновений и белый кусок покинул своё место, словно он больной зуб, удалённый стоматологом. Образовалась большая дыра, куда мог проехать даже не автомобиль, а целый танк.

Когда серая мешанина улеглась, перед группой предстал самый обычный плац. Каждая часть не могла существовать без такого важного элемента. В трещинах асфальта поселился мох, белая краска на бордюре облупилась и сама местность в целом выглядела запустевшей. Вдалеке виднелись стройные ряды одноэтажных зданий. На их фоне выделялось одно строение побольше. Даже далекий от военного дела человек мог определить в нём штаб.

— Хотел откосить от армии и вот тебе, — ухмыльнулся Вильгельм, переступая через обломки.

— Пока тебе не стукнет двадцать семь, — хлопнула его по плечу Барон, — они достанут тебя даже после конца света.

С выравного куска сняли крепления, тросы смотали. После чего все погрузились в машины и поехали к зданиям.

Смеркалось, хоть часы и показывали только четыре часа дня. За короткой и длинной стрелкой наблюдало угрюмое лицо с пыльного портрета. Когда-то лицо руководило странной, но и он, как и сама страна, ушли в небытие. Рядом с портретом висело знамя части и герб. Барон сидела за столом, пережившим свои лучшие годы, и внимательно изучала документы. Блондинка всё время хмурилась. Алексей раздобыл стаканы и разливал в них коньяк из полупустой бутылки. Помимо алкоголя в сейфе нашли огромное количество бумаг и денег. В нынешнем положении — ничем не отличавшихся от бумаги. Вильгельм с интересом изучал пачку зелёных купюр, попутно приняв стакан от друга.

— За эти деньги пол года назад можно было неплохо разгуляться, — Вилли одним

глотком выпил горькую жидкость. По телу постепенно растекалось приятное тепло.

— И на что бы ты их потратил? — спросил Алексей, глядя в окно и допивая содержимое стакана.

Снаружи вокруг машин образовалась небольшая горка предметов. Всех их объединяло одно — убивать. Стрелковое оружие, несколько пулемётов и гранатомётов, миномёт. Даже нашли противотанковое орудие. А о количестве патронов, гранат, снарядов, медикаментов и снаряжения оказалось сложно сказать даже приблизительно. Настолько его было много. Также нашли причину отсутствия мин по периметру — их заботливо уложили в ящики. Не смотря на всё это, Барон почему-то не казалась довольной. Она хмуро перебирала бумаги, ища ответ на так терзающий её вопрос.

— Потратил? — Вильгельм на секунду задумался. — Взял бы вас всех и махнули бы в кругосветку.

— О нет, — отмахнулась Барон. — Ненавижу путешествия. Отец своими вылазками абсолютно отбил желание куда-то выбираться.

— А ты, Лёш? — спросил Вилли. — На что бы потратил эту пачку?

— Или куда-то вложил или на благотворительность.

— Как скучно, — вздохнул Вильгельм.

— От путешествий или шикарных вечеринок удовольствия получу в лучшем случае только я. И то вряд ли. Не лучше потратить средства и время на что-то другое? Вдруг твои деньги вернут человеку слух или твоя компания создаст передовую технологию по освоению космоса? Разве не здорово что-то оставить после себя помимо дерьма?

— Конечно здорово, — согласился Вильгельм. — Но кому нужен твой альтруизм? Особенно сейчас?

— Как минимум тебе, а как максимум всем нам. Без него мы быстро станем не лучше зверей.

— Так вот оно что, — не обращая на них внимание, довольно протянула Барон. — Вот почему здесь нет техники и так мало снаряжения.

— И в чём же дело? — спросил Вильгельм.

— Почти весь личный состав был отправлен на учения. Также как и часть, что в нашем городе. Учения происходили на полигоне в трёх ста километрах отсюда. Обидно, всю технику уже скорей всего угнали оттуда. Но страсти на этом не заканчиваются. За свою короткую жизнь я не помню, чтобы учения происходили без боевых потерь. То регулировщика задавит танк, то холостые патроны окажутся боевыми, то кто-то утонет при форсировании реки. Но этот отчёт меня смог удивить. Если опустить весь бюрократический мусор, то суть такая: из-за ошибки в расчётах две батареи реактивной артиллерии произвели залп по палаточному городку. В итоге двести сорок два двухсотых. А о раненых тут даже не говорится. У меня только сейчас картинка сложилась. Когда вы ко мне первый раз пришли, я ещё заметила, что у вас сумка для трупов. И в нашей машине мы тоже их нашли. Получается, та колонна ехала упаковывать мертвяков. Но самое мерзкое не это, — блондинка положила перед ними документ.

— Что это? — спросил Алексей, глядя на него. Он разглядел медицинский символ.

— Это договор о поставке органов, — ответила Барон. — Деньги, что ты держишь. Вильгельм, — предоплата. Нужно объяснять, откуда возьмут такой товар?

Вилли выпустил купюру, Алексей поперхнулся коньяком.

— А как же близкие люди погибшего? — Лёха с трудом откашлялся. — Как бы им

объяснили пропажу тела?

— А ничего сложного. Дадут, в лучшем случае, пару костей или кусок обгоревшего мяса. Мол, это всё, что от бедолаги осталось. Да и хоронят в закрытом гробу.

Повисла неудобная пауза. Барон продолжила рыться в документах и в какой-то момент её глаза загорелись. Не говоря ни слова, она пулей вылетела из кабинета и устремилась на улицу.

— Серёга, — обратилась к несущему пулемёт азиату запыхавшаяся блондинка, — вы мастерские смотрели?

— Пока нет, Барон.

— Идиот! Их нужно было в первую очередь проверить.

Сергей хотел оправдать себя тем, что они находятся в самой дальней части базы, но не успел. Барон быстро бежала в ту сторону. Бросив пулемёт, он последовал за ней.

Барон не без труда отодвинула громадную железную дверь. В нос ударил резкий запах ржавчины, смазки и бензина.

— Вот это уже интересно, — довольно улыбнулась Барон.

Детский крик. Нет, он не был наполнен леденящем кровь ужасом или отчаянием. Напротив. В нём слышалась искренняя радость и получение удовольствия. В нём полным ключом била жизнь. Какое же сейчас редкое явление.

Детвора играла в снежки. Закончив последние приготовления, к ним присоединились взрослые. Все так были поглощены игрой, что не заметили, как стемнело. Зажглись развешенные на ёлке гирлянды. Белоснежный снег отбивал их свет и казалось, что само северное сияние переливается на нём. Из дома доносился запах вкусной утвари со смесью холодного воздуха, щипавший нос.

Складывалось ощущение, что всё вернулось на свои места. Что никто не бросил детей на самостоятельное существование и непосильную ношу. Ожидание чуда и что всё наладится напрочь выкинули из головы все пережитые трудности и лишения.

Вильгельм наблюдал за всеми с крыльца. Несмотря на всеобщее веселье, он не мог к ним присоединиться. Всё из-за терзающего ожидания. Ожидание Алексея, что не возвращался уже пятый день. Очень не хотелось отмечать праздник без него, но вот выглянула луна и последняя надежда начала стремительно таять.

«За всю свою жизнь не помню, чтобы на Новый год выпадал снег. В лучшем случае, просто было сухо. А в худшем – шел дождь. Действительно чудеса».

— Вильгельм! — из раздумий его вывел взъерошенный Андрей. — Кажется, у нас проблемы.

— Только не это, — вздохнул Вилли. — Что там?

— Нам хана! Там танк едет!

— Танк, говоришь, — Вильгельма особо не напугали слова пацана. — Ну, пошли посмотрим.

Взобравшись на наблюдательный пункт сооруженный на дереве, Вильгельм достал бинокль и посмотрел в указанном направлении. Да, это был действительно танк. Огромная машина, задрав длинное дуло вверх и ярко освещая себе дорогу, разрыхляла снег, словно он ледокол в Северном океане. На броне сидело полтора десятка человек. Вскоре начал нарастать рёв двигателя. И тем страннее оказалась реакция Вилли. Как только он увидел столь грозного монстра, то сразу расцвёл в улыбке.

— Всё в порядке, ребят, — успокоил их Вильгельм, идя к воротам, — это свои.

Открыв ворота, они стали ждать гостей, а они уже почти прибыли. Из люка показалась знакомая голова с длинными косами. Подъехав почти вплотную к воротам и чуть не засыпав Вилли снегом, танк остановился.

— Вильгельм, — Барон выскочила из люка и принялась плясать на башне, — принимай аппарат! Махнула не глядя! — она звонко рассмеялась. Её поддержали остальные находящиеся на танке.

— Всё-таки смогли починить? — удивился Вилли. — Я уж думал, что не приедете.

— Без Лёхи бы и не приехали. Ты бы знал, что я выслушала от него, пока он ковырялся в его недрах.

— Я, между прочим, всё слышу! — донеслось изнутри машины.

— Как бы там ни было, вот вам мой скромный подарок на Новый год. Последнее слово техники. Подача снарядов автоматическая, наводка лазерная, в управлении справится даже ребёнок. Заправлен, вылизан и полностью укомплектован боезапасом.

— Даже не знаю, что и сказать, — с трудом произнёс Вильгельм. — Одних слов благодарности тут будет мало.

— А, брось, — отмахнулась блондинка, — для друзей ничего не жалко.

— Тогда милости прошу. Мы как раз накрываем на стол.

Машину загнали внутрь и её окружила толпа зевак. Столь неожиданный подарок казалось только ещё больше поднял градус веселья. Так продолжалось до полуночи. А потом зажгли фейерверк.

Вильгельм сидел с Алексеем на башне и заворуженно наблюдал за разноцветными искрами салюта.

— Ребятам, которых нет с нами, понравилось бы, — Вилли сделал глоток горячего чая.

— Да, Анька любила салюты, — согласился Алексей.

— Думаю, они рады, что нам хорошо. Вот бы оно всё не менялось.

— И не меняло нас.

— Где ты так долго пропадал? — Элизабет хотела разозлиться, но её выдала обеспокоенность в глазах. — Хотел меня оставить одну перед праздником?

Гвин ничего не ответил. Глаза устало посмотрели сквозь прорезь капюшона и он лишь опёрся об стену и медленно сполз. Лиза поспешила снять солдатские сапоги и зимнюю куртку. Тем временем слуга принёс небольшой контейнер с дверцей и прежде, чем на него обратили внимание, спешно ретировался.

— Что это? — спросила его Лиза, указывая на пластмассовую коробку.

— Жест доброй воли одного поселения. Хотя, скорее добровольно-принудительной воли. Жаль будет, если такого на мясо пустят.

Не скрывая интереса, Элизабет нетерпеливо открыла дверцу. Оттуда послышалось тихое рычание, а затем на свет выбежал небольшой, полностью белый комочек и начал звонко лаять. Лишь две тёмных точки и красный язык, свисавший из пасти, помогли определить, что это не облако. Гвин улыбнулся, Элизабет от резкого переизбытка эмоций запищала.

— Шпиц?! — всё ещё не отойдя от шока, спросила девушка. — Я думала, их больше не осталось.

— Тебе нравится?

— Спрашиваешь? Я их обожаю! — она принялась гладить пёсика по белоснежной

шерсти. Тот, в знак протеста, начал рычать, но вскоре сдался и лишь сладко зажмурился.

— Кличку дай ему. А то у моих дуболомов фантазии не хватает.

— Он такой белый. Прямо как твои волосы. Пусть будет Тучка. Такой же спокойный, но может стать и грозовой, если разозлят.

— Почему так банально? — вздохнул альбинос.

— Господин Гвин, пока вы ещё не сформировали департамент креатива, поэтому довольствуйтесь банальностями, — она нежно потёрлась об его плечо. — Раздевайся. Еда уже сто раз остыла.

— Как же я скучал, — облизнулся Гвин. — И по твоей еде и по тебе.

Ледяной ветер продувал до костей, а снег, выпавший по колена, сковывал движение. Через голые ветки деревьев просачивалось серое небо.

Алексей, крепко сжимая холодный ствол ружья, старался поспевать за Алисой. Его подруга, несмотря на полное отсутствие дороги, целеустремлённо продвигалась в глубь лесной чащи. Немецкая овчарка, держа свой поводок в пасти, верно шла со своей хозяйкой. Сейчас собака с огромным удовольствием провела бы этот зимний день в тёплой конуре, но если хозяйке что-то понадобилось, то Ганс был готов отправиться за ней хоть на край света. Чего не скажешь о Лёше. Чем дальше друзья заходили в лес, тем больше Алексею хотелось вернуться обратно.

Чутьё подсказывало ему, что скоро подымится вьюга и лучше, чтобы в этот момент они были далеко отсюда. К сожалению, его резкие доводы несколько не остудили пыл Алисы.

— Лисёнок, — Алексей поправил колючий шарф, намотанный на лицо, — чёрт с ним. Давай уже завтра, когда погода нормальной будет.

— Я ещё раз повторяю, — ответила рыжая, не оборачиваясь, — пока я не убедюсь, что это тварь мертва, я никуда не вернусь. Если хочешь — возвращайся домой.

— Чтобы весной найти твой обглоданный труп? — скептически спросил Алексей. — Так и к тому же мы заблудились.

— Не страшно. Ганс нас выведет. Верно, Ганс? — ласково спросила она.

В ответ он радостно помахал хвостом.

— Если даже мы его убьём, — не унимался Алексей, — то по возвращению нам устроят то ещё полоскание мозгов.

— А ты думаешь, нас бы отпустили?

— Конечно нет. Или по крайней мере Вильгельм организовал бы отряд.

— Ага, — протянула Алиса. — Может, ещё пусть танк сюда пригонит? Ты понимаешь, что это дикий зверь, и чем нас больше, тем меньше шансов, что мы его найдём.

— А так он скорее нас найдёт, — хмыкнул Лёша. — Человечины ведь уже испробовал. Теперь хочет добавки. А тут как раз мы. Вот потеха будет!

— А что ты предлагаешь? Сидеть, пока он опять заявится?

— Да нет, что ты, — начал оправдываться он. — Просто Вилли скорее всего сейчас себе места не находит, а Саманта и вовсе меня придушит. Если, конечно, меня не сожрут.

— Понимаешь, — сказала Алиса чуждым голосом. — Я бы стерпела то, что он вломился в теплицу. Закрыла глаза на убийство свиньи. Но ребёнка... Прости, но некоторые вещи нельзя оставлять безнаказанными.

— Пацана всего исполосовал... — Лёше захотелось закурить, но сигареты остались дома. — До сих пор слышу крик его сестры. Ужас.

— Какого хрена он вообще забыл в наших краях? В лесо-степи?

— Барон говорит, что то ли из цирка сбежал, то ли из зоопарка. Это объясняет, почему он не впал в спячку. Он просто не знает, как это.

Собака резко остановилась и пристально смотрела в сторону тёмных кустов.

— Что там, Ганс? — спросила Алиса, глядя его по мокрой шерсти. — Сорока, белка?

Мимо пробежал белый заяц, но овчарка полностью проигнорировала его.

Друзья переглянулись и тихо зашагали в сторону незримой угрозы. Алиса достала

арбалет.

По мере продвижения начали слышаться обрывки разговора:

— ... как заноза в одном месте, — сетовал басистый голос.

— Я прекрасно понимаю, что она приносит господину Гвину большие проблемы, но, к сожалению, мы ничего не можем поделать.

Услышав до боли знакомое имя, Алексей с ещё большим интересом прислушался. Вскоре показались и сами собеседники. Двое сидели на поваленном дереве. Один из них чистил АК-74. Напротив них стоял подросток лет пятнадцати в синей вязаной шапке, периодически переставляя ноги и унимая дрожь в руках.

Собака начала тихо рычать, и Алиса с трудом успокаивала её.

— А какого хрена вы не можете ничего сделать?! — взревел басистый.

— Тише-тише, — поднял сидящий на дереве руку, одетую в чёрную перчатку. — Чего ты пугаешь пацана? Так и слышать могут.

— Да какие придурки зайдут в такую глушь?! — не унимался первый. — Ладно, — успокоился он и положил комплект для чистки в карман зелёного пуховика, — рассказывай, что вам мешает устроить резню.

— Через неделю после нашей последней встречи Барон раздобыла вооружение. Подробности я не знаю, мой отряд на эту вылазку не взяли. Теперь в её распоряжении несколько тяжёлых пулемётов, миномёт, огромное количество инженерной лабуды, есть даже противотанковая пушка. Слышал, что она взяла всё это на секретном объекте в лесу. Помогали ей также люди из поместья.

— Опять эти хрены из поместья, — сплюнул басистый, — надо будет к ним тоже наведаться.

— Я бы не советовал, — тихо ответил пацан.

— Повтори.

— Не советовал бы, — ответил он увереннее. — Насколько я знаю, у них недавно появился танк.

— Танк?! — опешил тот что с оружием. — Нихрена се. М-да, походу народ там видный.

— Значит слушай сюда, — сказал второй пацану. — Сделайте так, чтобы в день атаки на электростанцию как можно больше оружия не сработало. Как — это уже твоя головная боль. Особенно меня волнует пушка и миномёт.

— Сделаем, — без энтузиазма протянул пацан.

— Хороший мальчик. Не бойсь, когда эту белобрысую прижмём, будешь на этих землях главным... после Гвина, естественно.

— А если господин что-то пообещал, то он все... — басистый запнулся. Позади него начали трещать ветки. Все трое, как по команде, достали оружие и направили в сторону шума.

Ганс начал скалиться, и Алиса поняла, кто этот незванный гость.

— А вот и ты, — прошептала рыжая и ухмыльнулась.

Из-за дерева показалась морда бурого медведя. Его тёмные непроницаемые глаза с интересом изучали собравшихся. Громадная пасть открылась и могло показаться, что он улыбается.

— Твою мать, медведь! — заорал с автоматом.

— Медведь, медведь. Хрен тебе, а не медведь! Стреляй!

— Не могу, заклинило!

Тем временем мишка полностью вышел из-за дерева и встал на задние лапы, после чего громко зарычал. Его огромная туша была в высоту двухэтажного дома. Рука пацана в вязаной шапке дрогнула и он выстрелил, попав в правую лапу. Медведь сначала удивился неожиданно громкому звуку и новой ране, но затем ещё громче зарычал и побежал прямо на обидчика.

Алиса не смогла удержать овчарку и та вырвалась, побежав на встречу к цели. Медведь тем временем откинул тех, что сидели на дереве, и зацепил длинными когтями пацана. Тот неистово заорал, держась за руку. Остальные же, пролетев несколько метров, лежали без чувств. Для одного из них падение стало смертельным.

Ганс вцепился медведю в шею. Не ожидая нападения с этой стороны, бурый попытался скинуть с себя обидчика. В какой-то момент это у него получилось, и медведь схватил Ганса своей массивной лапой и откинул его. Овчарка начала скулить. Её левый бок залился кровью. У Алисы сжалось сердце, но тут ей представился шанс. Медведь неспеша подходил к собаке, давая охотнице возможность попасть в голову. Девушка задержала дыхание и выстрелила. Стрела попала прямо между глаз. Бурый медведь ещё по инерции прошел несколько шагов и рухнул в сугроб.

— Ганс! — рыжая кинулась к овчарке.

Собака жалобно скулила, пытаясьлизать рану, но не имела никакой возможности до неё дотянуться. Ганс жалобно смотрел на Алису, словно прося о помощи. Белая поверхность вокруг пса постепенно превращалась в алое озеро.

— Что ж ты так? — на тёмную шерсть упало несколько слёз. — Держись, сейчас мигом будем дома.

Алексей перевязал руку пацана, а затем ловким движением повалил его на землю и принялся связывать. Тот непонимающим взглядом смотрел на него, но под пудовой ногой Алексея о сопротивление можно было забыть.

Алиса взяла на руки овчарку. В тот момент рыжей было плевать на медведя, убитых им людей и заговоре против Барона. Её интересовало только одно: донести Ганса домой. В беспомощности она зашагала в обратную сторону и не заметила как один из оглушённых медведем очнулся и направил ствол в её сторону.

Ещё один оглушающий выстрел.

Алиса вздрогнула и посмотрела в Лёшину сторону. Из его ружья шел дым.

— Фу, какая мерзость, — прокомментировал он, глядя на развороченную из-за дроби голову человека, который всего секунду назад хотел отнять чью-то жизнь, а теперь сам отправился в мир иной. — Никогда не привыкну к этому, — Алексей с грустью посмотрел на Алису. — Лисёнок...

— Что? — отстранённо спросила она.

— Ганс... он умер. Можешь опустить его.

— Да? Понятно...

— Ну, иди ко мне, — Лёха обнял Алису.

Через минуту та уже не сдерживала эмоций и громко редела.

Безжизненная морда пса сладко зажмурилась. В последние моменты жизни он наслаждался, что провёл их на руках своего хозяина.

Ветер усиливался, придавая запаху крови и пороха морозной свежести. Огромная туша поверженного зверя ещё издавала тепло. Утром Алиса хотела принести его голову в качестве трофея, а теперь... теперь она хотела только похоронить Ганса.

— Ну всё, хватит плакать, — прошептал Лёша. — А то слёзы замёрзнут, ещё простудишься.

— Да, — рыжая всхлипнула и вытерла рукавом глаза. — Ты прав. Что теперь, Лёха?

— Теперь? Нужно отвести этого засранца домой и вызвать Барона, — Алексей кивнул в сторону связанного. — Думаю, ей будет очень интересно послушать, что здесь произошло. Поедем. Иначе следы заметят и мы точно заблудимся.

— Глаза, — прошипела Барон, — мне нужны его глаза.

— Ты хочешь вырвать ему глаза? — с испугом спросил Алексей.

— Я хочу в них посмотреть.

— Ах, — выдохнул Лёша, — тогда другое дело.

— Куда вы его дели?

— В подвале заперли. С ним сейчас Вилли развлекается.

Алексей сглотнул, вспоминая, что Вильгельм вырвал плоскогубцами два ногтя даже не задав ни одного вопроса. Из-за звуконепроницаемых стен никто, кроме того, кто вёл допрос, не слышал оглушающих воплей. Лёша не смог долго там находиться, и под предлогом встретить Барона поспешил на свежий воздух. Он мог лишь гадать, что случится с беднягой и выберется ли он из погреба живым. Всё зависело от ответов, которые даст «крыса». И лучше, чтобы они понравились ушам Барона.

Блондинка скрылась в недрах здания. Лёха нехотя последовал за ней, но, не дойдя нескольких шагов до порога, услышал оклик. Лёша хотел как можно дольше избегать этого разговора и не хотел оборачиваться. Саманта была единственным человеком, чьего укора он не мог выдержать.

Медленными движениями железного дровосека, требующего смазки, Алексей обернулся. Он заметил под её глазами следы высохших слёз. Не в силах выдавить из себя и слова, Лёша молча смотрел прямо в её голубые глаза и тонул в них.

Первое, что сделала Саманта — вlepила увесистую пощечину. Затем крепко обняла, нежно глядя по загривку.

— Прости, — прошептал Алексей. — Пришлось действовать быстро. Не мог же я Алису одну отпустить?

— Это же медведь. Вы совсем спятили?

— Может быть, — ухмыльнулся Лёша. — Нормальные бы на такое не решились.

— Жалко Ганса. Он так любил Алису.

— И отдал за неё жизнь. Думаю, он и не против.

— Прекрати, — Саманта слегка толкнула его. — А то опять плакать буду.

— Пацана спасти удалось?

— Нет. Слишком много крови потерял. Утром хоронили.

Алексей словил себя на мысли, что перестал чувствовать что-то по отношению к чьей-то смерти. Он боялся, что тоже самое может случиться и с Самантой. Так они и стояли в обнимку, уставшие, но счастливые. Лёша от того, что уцелел, а Саманта — что уцелел он.

Сырость, плесень и полумрак — верный спутник всех подвалов. Одинокая лампочка покачивалась от порывов сквозняка и освещала привязанного к стулу пленника. С его лица то и дело стекали алые капли, заливая пол. Можно было подумать, что кто-то разлил вино.

Вильгельм над тазиком с ледяной водой обильно натирал мылом окровавленные руки и

в этот момент вошла Барон.

— Он готов говорить, — кивнул Вилли в сторону полутрупа.

— Узнав о твоём предательстве, — начала Барон, после того как зарядила допрашиваемому в глаз, — у меня был только один вопрос: почему? Почему ты решил нас кинуть? И не только ты, но и твой отряд. Надеюсь, вы придумали хорошую отговорку иначе я за себя не отвечаю.

— Когда после штурма самолёта мы взяли пленных, — пацан сплюнул сгусток крови со смесью острых осколков зубов, — ты отдала приказ их расстрелять. Прости, но на такую хрень никто не подписывался. Не хочу, чтобы дальше лилась кровь. Поэтому я решил пойти на крайние меры, а мои люди были не против.

— Как ты вышел на связь?

— Это оказалось не сложно. Перебирая радиоволны, однажды я вышел на один из их каналов, а что было дальше можешь догадаться.

— Что тебе обещали за предательство?

— Твой пост. По факту я был бы сучкой Гвина. Или как они любили говорить — вассалом.

— Спешу их разочаровать — меня пока сместить не выйдет. Да и у тебя сейчас для подчинённого не сильно презентабельный вид. Скажи мне, радость моя, почему я не могу сдёрнуть тебя на верёвке и всех твоих дружков?

— Потому что ты меня знаешь, в отличие от остальных убитых тобой, — пацан понял, что попал в цель и оскалился. Во рту зияли тёмные дыры и из них текла кровь. — Барон, я готов выкупить свою жизнь.

— Валяй.

— Я могу организовать с ними встречу. Благо они готовы к переговорам. Что скажешь? Ты же сама понимаешь, что силы неравны, и рано или поздно за нас возьмутся всерьёз.

Блондинка колебалась. Слишком много крови пролилось, чтобы так просто закрыть на это глаза. С другой стороны, её могло пролиться ещё больше.

— Хорошо. Учти, если это ещё одна выходка, то твоя смерть будет не из лёгких. Организованную засаду я легко продвигу.

— Я же не самоубийца, — улыбнулся пацан.

Подъем дался тяжелее, чем предполагалось, хотя возвышенность казалась не такой уж высокой. Алексей оглянулся. От подножья холма до самого горизонта простирались бесконечные топи, окутанные утренним туманом. Вязкие зелёные озёра замёрзли и присыпались снегом, давая возможность пройти по ним. Но безопасность такого маршрута была ошибочной — в любой момент лёд мог треснуть, поэтому Алексей старался идти по суше.

Переведя дух, Лёша продолжил подъём. Саманта уже ожидала его на самой верхушке, перед обрывом. Девушка была полностью поглощена видом, напрочь забыв об осторожности.

Алексей резко схватил Саманту за руку, выведя её из забытья.

— Я же просил вести себя осторожно, — хмурился Лёша.

— Прости, просто такого угрюмого вида я ещё не видела. Чем-то напоминает Вильгельма, — Саманта улыбнулась. — К тому же земля выглядит прочной, так что тебе не о чем беспокоиться, — девушка заметила тень страха на лице Алексея. — Лёша, чего ты так боишься?

— Высоты, — ответил он, глядя в пропасть и неспеша отвёл Саманту. — В детстве свалился с дерева и после этого развилась акрофобия. Ничего не могу с этим поделать.

— Здесь нет ничего постыдного. Многие люди боятся высоты.

— Но ведь я раньше не боялся, — развёл руками Алексей. — Не будем о грустном. Если верить карте, то этот холмик находится в самом сердце топей. Хороший ориентир. Если пройти ещё столько же на север, то там будет густой лес.

— А сколько мы прошли?

— Километров пятнадцать. Может больше. Неплохо для одного дня, учитывая где мы идём.

Они присели на поваленный ствол дерева. Его внутренности начали гнить, но уставшим выбирать место для отдыха не приходилось. Оба задумчиво смотрели на топи. Где-то вдалеке, за горизонтом, человечество продолжало бороться за выживание. Но не в этих местах. Сложно было представить, что должно произойти, чтобы привычный порядок вещей здесь пошел вспять. Эти края были свидетелями зарождения первых государств и их краха. Великих людей и их не менее великого ухода в небытие. Кровопролитных битв, от которых осталось не мало вооружения на дне вязких вод. Когда-то люди переживут «Момент X». А бескрайние болота так и останутся, продолжая нести только им понятную службу.

— Лёша, — прошептала Саманта.

— Да?

— Пока мы наедине, я хочу кое-что сказать. Ты единственный человек, которому я могу доверить любой секрет.

— Мне даже приятно. Я слушаю.

— Я очень благодарна вам за обретения нового дома и я ваш вечный должник. Из-за этого мне ещё хуже от моего желания. Чёртова эгоистка...

Саманта замолчала, собираясь с мыслями. Алексей терпеливо ждал, заключив её нежную ладонь в свою.

— Я хочу вернуться домой, Лёша.

— Домой? — удивился Лёха, не до конца понимая смысл её слов. — Домой в смысле в Америку?

— Да, — ответила Саманта. Она отвела взгляд, и на её щеках появился румянец.

— Не хочу тебя отговаривать, но скорей всего того дома, что ты знала, больше нет.

— Я понимаю. И тем не менее я хочу узнать. Я не требую этого сейчас же. Пусть через пять или десять лет, но я хочу посмотреть, что случилось с моей Родиной. Какой бы жестокой не была правда.

— Давай сначала разберёмся с проблемами местного масштаба, а потом я постараюсь решить твои. Предлагаю сейчас просто жить. Не будем ничего загадывать, обещать или ожидать. У тебя есть я, а у меня есть ты. Мы просто ещё немного посидим. Тихо. По-настоящему живые.

Вильгельма лихорадочно трясло. У него был жар, а во рту самая настоящая пустыня. Даже несмотря на то, что ему несколько минут назад дали воды. Холодная тряпка на лбу быстро высыхала и её не успевали менять. В полу бреду Вилли что-то мямлил и пытался вспомнить, что произошло.

И он вспомнил.

В голове возник тёплый чай из термоса. Его вкус и сладкий аромат, разносящийся по всему лесу. Алексей и Саманта должны были прийти с минуты на минуту и Вильгельм их терпеливо ждал.

Сквозь густой туман показались две знакомые фигуры.

«Вовремя», — подумал Вильгельм.

Но радоваться было рано. Увидев знакомый лес, Алексей напрочь забыл об осторожности и решил срезать по льду. Лёд оказался предательски тонким и, не выдержав Лёши, треснул. Алексей смог ухватиться за край только в последний момент, но выбраться без посторонней помощи не мог. Саманта пыталась ему помочь, но только подвергала себя ещё большей опасности.

— Лёха, держись! — Вильгельм лёг на скользкую поверхность и начал быстро ползти.

— А без тебя я бы не держался! — даже в смертельной ситуации Алексей не терял позитивный настрой.

До Алексея оставались считанные метры, но, как назло, лёд был здесь очень тонкий. Медлить было нельзя. Каждая секунда в ледяной воде приближала неминуемую гибель. Этого Вильгельм допустить не мог.

Вилли полз дальше, быстро ухватился за ладонь Алексея. Вся его рука расцарапалась об лёд. С нечеловеческим криком Вильгельм потянул друга на себя, вырвав из вязкой пучины. Лёша отделался лишь лёгким испугом, мокрыми штанами и ранами на руках.

В этот момент лёд под Вильгельмом затрещал, а в следующий миг он уже полностью погрузился в холодную пучину.

Под водой было темно. Казалось, что даже свет не мог сюда пробиться. Вильгельм пытался выбраться, но страшная сила тянула его в низ. Вдруг Вилли замер. Из толщи мутной воды на него грустными глазами смотрела женщина. Казалось, что она хотела что-то сказать, но не могла.

«Мама?» — спросил себя Вильгельм.

Он не успел ничего понять, как в следующий миг чьи-то руки обхватили его за плечи и вытянули из цепких лап топей.

Сильно болела голова и трясло. Вильгельм понимал, что это не от холода. Не может быть холодно под тремя одеялами. Он очень надеялся, что лекарства помогут и страдать ему придётся не долго.

Но тут Вильгельм что-то заметил. И даже адская головная боль ему не помешала.

Стало очень тихо.

Очень.

В первый день «Момент Х» не было так тихо, как сейчас. Стук часов, так бесивший Вильгельма, затих, шум с нижних этажей тоже. Не свистел ветер. Не пели птицы, оставшиеся в родных краях. Даже сердце. Даже оно.

Не издавало ни звука.

Вильгельм вжался в кровать. Со стороны окна он заметил движение. Фигура, в тёмном облачении и с гигантской косой прошла сквозь раму, напрочь игнорируя, что это третий этаж. Жнец оглянулся, будто принюхиваясь. А затем направился в сторону Вильгельма.

Вилли накрылся до головы одеялом, наивно веря, что оно его спасёт. А что ему оставалось? От смерти не убежишь.

— Стой! — послышалось со стороны дверного проёма.

Вильгельм увидел человека в белом одеянии. Одежда была настолько белоснежной, будто излучала свет. Для полной картины не хватало только крыльев и нимба над головой.

— Опять ты, — вздохнул жнец. Казалось, что говорит не он, а сама тьма. — Как долго ты будешь мешать выполнять мою работу?

— У Всевышнего планы на эту душу.

— Представь себе! — хлопнула костяными руками Смерть. — У моего начальства тоже!

— Неужели ежедневно забирая миллионы душ, твой шеф не удовлетворён?

— Раньше. Пол года назад он был очень доволен. А сейчас поставок всё меньше и меньше. Люди научились выживать! Так что на смену количества пришло качество. Только взгляни, сколько у него тёмной энергии!

— У Всевышнего планы на эту душу, — словно мантру повторил Ангел.

— Ну ты заладил! Ты же обещал! Тогда в самолёте, что это последний раз! Когда спас ту девчонку!

— Тогда это было лишь моё желание. Сейчас же это указание Всевышнего.

— Скажи своему начальству, что пусть сначала разберутся в случившейся херне, а потом будут лезть в наши дела! Ты не представляешь, как я вымотался за это время, собирая души глупых детишек!

— Так почему бы не оставить в покое его? — указал Ангел на Вильгельма.

— Ты не понимаешь. Для шефа такие как он самый настоящий наркотик. Ты не представляешь, какое удовольствие получают от тёмной энергии.

— Светлой энергии в нём тоже хватает. Не случится ли у шефа, кхм, несварение?

— Вижу, мы не договоримся, — вздохнул жнец.

— Сыграем?

— Сыграем.

— Сколько?

— Один раз. Времени совсем нет. В одном поселении эпидемия — нужно спешить.

Над головой Вильгельма из неоткуда возникла шахматная доска. На неё посыпались фигуры, занимая свои места. Каждая отличалась вычурностью и имела индивидуальный подход к созданию. Прислужники добра и зла взлетели, сев возле доски в позе лотоса. Не

притрагиваясь к доске, они начали игру.

Начинал Ангел.

Вначале Смерть выигрывала, завладев преимущество по центру и забрав несколько фигур. Однако, из-за спешки, жнец сделал несколько необдуманных ходов, потеряв ферзя. Шансы уравнились.

Вильгельм мог лишь гадать, как идёт игра. Он старался не дышать. Казалось, что один неосторожный звук и эта доска проломит ему череп.

— Мат, — спокойно протянул Ангел и улыбнулся.

— Проклятье! — Смерть со всей силы смахнула фигуры, и они едва не упали на Вильгельма.

— Уговор есть уговор, — улыбнулся Ангел.

— Следующий раз играем в карты, — отрезал жнец прежде, чем исчезнуть.

Ангел выдохнул.

— Вильгельм, — обратился к нему Ангел, — не говори ему, что я стащил с доски слона. Иначе ты бы ушел с ним. Теперь отдыхай. Силы тебе пригодятся, — Ангел положил ему руку на лоб и Вильгельм крепко заснул.

Проснувшись, он увидел Саманту с градусником.

— Проснулся? — спросила девушка. — Ох и напугал ты нас. Никто ещё так не болел, как ты. Но антибиотики и сон делают своё дело. Температура сбилась с сорока до тридцати восьми.

— Даже Ангелу иногда нужно идти на хитрость, — пробормотал Вильгельм.

— Прости?

— Ничего, — глупо улыбнулся Вилли. — Не обращай внимания.

Мокрый снег таял на глазах под косыми лучами. Потемневшая трава просыпалась от зимнего сна. Начинили проклёвываться паростки подснежников, с интересом изучая лесные владения.

Все, без исключения, курили. Над курильщиками образовалась небольшое облачко, напоминавшие туман. Из-за нервного напряжения, многие пытались его притупить, но сигареты помогали плохо.

— Хватит курить! — рывкнула Барон, туша ногой окурков. — И так дымом провонялись.

Остальные нехотя последовали её примеру, усеяв ковёр поляны коричневыми фильтрами.

— Это точно то место? — спросил Алексей и принялся ходить взад-вперёд.

— Тут других полян нет, — ответил Вильгельм, опёршись об вековую сосну.

— Где же они тогда? — вздохнул Лёша. — Опаздывают.

— Они в таком положении, — Барон смахнула с себя упавший комок снега, — что могут позволить себе задержаться.

— Барон! — зашипела рация у блондинки. — Идут.

На другом конце поляны начали появляться люди, вооруженные разношёрстным оружием и преимущественно в солдатской форме. Среди них выделялась девушка. Одеть белоснежное платье в настоящее время мог только самый отъявленный безумец и Элизабет была из их числа. Охрана держалась на почтительной дистанции, словно боясь хоть маломальски навредить фаворитке своего господина.

— Если эта сучка — Гвин, — пробубнил Вильгельм, — я напрочь перестану понимать

этот мир.

— Вилли, — Алексей положил ему руку на плечо, — держи свой острый язык при себе. Выслушаем их предложение, а потом будем думать, что делать.

Они двинулись навстречу и сомкнулись, как волны после бегства евреев из Египта. Слуги разложили стол, четыре стула и развернули карту. Элизабет жестом предложила сесть. Обе стороны молчали, испепеляя друг друга взглядом. Начать стрелять им не позволял только здравый смысл и страх за жизнь лидеров.

— Что же, — Лиза решила начать первой, — я очень рада, что вы согласились на эту встречу. Я уже начинала опускать руки.

— И поэтому опоздали, — мрачно заметила Барон.

— Этикет предписывает девушке прийти на пятнадцать минут позже условленного времени, — она обезоруживающе улыбнулась. — Господин Гвин сейчас занят, поэтому переговоры с нашей стороны возглавляю я.

— Стирает с лица земли очередное поселение? — отрезал Вильгельм. Алексей со всей силы наступил ему на ногу. — Что? — недоумевал Вилли. — Мне так много рассказали о его «подвигах», что хоть садись и пиши книгу. А ты, я так понимаю, его правая рука.

Вильгельм был в чём-то прав. Пока господин Гвин присоединял силой или хитростью всё новые и новые территории, госпожа Элизабет устанавливала на присоединённых землях относительную стабильность, порядок и лояльность режиму. Девушка была на редкость талантлива в организаторской и дипломатической деятельности, что стало для Гвина подарком судьбы. Лиза быстро стала любимцем публики, за свой острый ум, щедрость и милосердие, особенно на фоне жестокости Гвина. Она делала мечту своего лидера явью. Теперь ей предстояло выполнить одну из самых сложных задач — договориться с непокорным «Тёмным сектором».

— Вильгельм, верно? — обратилась к нему Элизабет, подавив волну гнева.

— Похоже «крыса» абсолютно обо всём доложила.

— Вильгельм, я готова ответить на все ваши вопросы, — говоря это, Элизабет сложила ладони на карте, почти полностью закрыв город.

Вилли обменялся взглядом с Алексеем.

— Раз уж такой умный, — прошипел тот, — то продолжай.

— Как мне к тебе обращаться? — немного подумав, спросил Вильгельм.

— Элизабет. Без фамильярности. Так устала от этого.

— В таком случае, Элизабет, кто вы? И почему напали на нас?

— Нас называют по-разному и тем не менее название нашего молодого государства появилась совсем недавно. Хотя юридически оно всё равно никак не закреплено, — улыбнулась Элизабет. — Мы — Дивидеандская Хартия. Республика со своим парламентом, конституцией из пару десятков статей и лидером. Хотя парламент громко сказано. По факту это свора из пятнадцати головорезов, что беспрекословно подчиняются господину. Для меня это больше генеральный штаб, разрабатывающий план захвата всё новых и новых территорий... Но мы отвлеклись. Как вы уже могли понять, наше государство очень сильно делает ставку на милитаризм. И будьте уверены, мы в этом плане процветаем. Почти вся промышленность, что под нашим контролем, перестроена на выпуск оружия и боеприпасов. К сожалению, сейчас производство идёт медленнее, чем хотелось, в первую очередь из-за нехватки специалистов и сырья. И тем не менее мы решаем эту проблему. Под нашим контролем территория всего города и немного за его пределами, — она обвела карандашом

кусок карты. — С начала мая прошлого года до сегодняшнего дня население увеличилось с нескольких сотен до почти пятидесяти тысяч человек.

— Каким образом? — перебил её Вильгельм.

— Многие добровольно соглашаются служить на благо государства. Это намного лучше, чем голодать в руинах. Некоторых заставляют силой.

— Нас тоже хотите заставить силой?

— Это уже зависит от вас. Скажите, как вы себя называете?

— Мы? — удивился Вильгельм. — Мы были слишком заняты, чтобы придумывать себе название.

— В таком случае позвольте называть вас Тёмным сектором.

— Знаешь, — ухмыльнулся Вильгельм, — мне даже нравится.

— Жители Тёмного сектора. Я предлагаю вам присоединиться к Девидеантской Хартии. У вас плодородные земли, что позволят нам всем не голодать. У вас опытные солдаты и умелые командиры, — Элизабет кивнула в сторону Барона. — Мы можем обменяться полученным опытом. Взамен я гарантирую вам полную защиту и свободу действий на ваших землях.

— Где гарантии, что нас не прикончат? — скептически спросила Барон.

— Если бы я этого хотела, — из глаз Лизы полетели искры, — то не тащилась сюда, вымазывая дорогой шелк, а послала несколько снайперов. А затем по вам катком прошлась наша армия. Вы даже не представляете, какая это огромная сила.

— Я тебя поняла, — Барон не привыкла уступать, но решила сделать исключение. — Что же, я согласна. Не знаю как другие, а я устала воевать. Хочется начать жить спокойной жизнью.

— Вы гарантируете нам всем амнистию? — спросил Алексей.

— Да. От лица господина Гвина я ручаюсь, что вас не убьют.

— Тогда я тоже согласен.

— Мы подпишем договор здесь? — поинтересовался Вильгельм.

— К сожалению, такого вида договоры имеет право заключать только наш господин. Он вернётся в конце этого месяца. Я могу взять с собой одного человека. Как раз посмотрите на нашу жизнь изнутри.

Троица переглянулась.

— Вилли, — сказал Алексей, — если уверен — езжай. Мы подождём. Не волнуйся — не пропадём.

— Только не начуди там, — толкнула его в бок Барон.

— Вижу, вы всё решили, — улыбнулась Элизабет.

Приглушённый свет, льющаяся из радио музыка с блатными нотками, пьяный смех и громкая брань. Местный паб славился своими развлечениями. Однако зайти туда мог только человек из «высшего общества».

Вильгельм сидел за самым дальним столиком. Он полюбился ему тем, что за ним никогда не сидели, и сюда почти не падал свет. Идеальное место для наблюдения и изучения местных обитателей.

До его слуха то и дело доносились обрывки фраз:

— Да на третьем пальце стало ясно, что это был не он. Но ты же знаешь Бурбона. Он когда во вкус войдёт, то хоть на цепь сади.

—... этот идиот залез в генератор, никого не предупредив. Естественно нужно было тыкнуть на кнопку именно в этот момент. Пол дня потом стены отскребали.

— Говорят, что некоторых отбросов из штрафного батальона одевают в пояса из взрывчатки и посылают на укрепления. Прямо настоящее смертники. Жуть. Лучше уж пулю, чем такая смерть.

Вильгельм наблюдал за эпицентром шума — игорным столом, где совместили рулетку, покер и бинго. Вилли ничего не видел общего с их вечерними посиделками. Чувствовалась какая-то необъяснимая наигранность и фальшь.

Играли в казино на патроны калибра 5,45×39. Вильгельм понял, что здесь это вроде местной валюты. Военные склады были забиты ими, поэтому и решили заменить раздачу пайков на выплату зарплаты.

За одну смену рядовой рабочий получал четыре патрона. Обычный солдат — десять. Бригадир — пятнадцать. Командиры и немногочисленные офицеры — двадцать пять.

За два патрона можно было сытно поесть или снять ночлег. За пять купить бутылку коньяка. Такая же стояла на столе у Вильгельма. Элизабет ежедневно снабжала его пятнадцатью патронами. Самым же дорогим, что для многих считалось роскошью, оказалось снять...

— Эй, красавчик, — женский голос вывел Вильгельма из раздумий. — Чего такой грустный? — игриво спросила девушка, вывалив на стол полууголённый бюст. — Пошли, я знаю средство от хандры. Всего десять пулек и я твоя.

— Отвянь, — бросил Вилли, едва глядя на неё.

— Странный ты какой-то, — грустно протянула путана и покинула его общество.

Вильгельм даже не взглянул в её сторону и продолжил пялиться в сторону стола.

— Зря ты Птичку обидел, — послышался сзади баритоновый голос. — Она кому попало свои услуги не предлагает.

— С кем имею честь говорить? — спросил Вильгельм, не оборачиваясь.

— Эрвин Кнут, командир гвардии Гвина.

— Садитесь, командир, — махнул вяло Вильгельм в сторону свободного стула. — Я угощаю, — он наполнил до половины стакан коньяком.

— Если тебя угощают, то отказаться — верх нахальства, — офицер сел. Об пол бряцнули тяжёлые сапоги. На лицо упала густая тень. Поправив свои золотые волосы, он опустошил ёмкость до дна.

— Чем я вас так заинтриговал, Эрвин? — Вильгельм особо не хотел услышать ответ на

свой вопрос, просто хотелось поддержать беседу.

— Понимаешь, ты в нашем муравейнике почти живая легенда. На улицах только и слышно о главаре Тёмного сектора. Но ты меня заинтересовал не этим. Если какой-то счастливчик попадает в наш тесный и «дружный» коллектив, он всеми силами укрепляет своё положение связями, знакомствами и услугами. Я за тобой слежу неделю. Прости, госпожа Элизабет приказала. Как-никак я обязан ей своим местом. И за всё это время ты ни с кем, кроме бармена, не заговорил. В чём дело, хмурый?

— Чем больше я отсюда наблюдаю, тем меньше мне с кем-то хочется вести «светскую» беседу.

— Оно и не удивительно, — вздохнул командир. — Когда я впервые попал в Генеральный штаб, меня, мягко говоря, охватил культурный шок. Не думал, что нами руководят такие кретины, у которых вместо мозгов говно перемешанное с бухлом.

— Я просто хочу договориться с Гвином и поскорее убраться отсюда.

Эрвин прыснул.

— Ты думаешь, что сможешь с ними договориться? — спросил офицер, успокоившись. — Друг мой наивный, их устроит только одно условие — когда вы все сдохните. Можно не сразу, а постепенно. По одному. Можно даже стравить вас, но оставлять в живых они точно не планируют. Открой глаза. Вы ведёте переговоры с головорезами, что вчера спали в своей блювотине за решеткой.

— Но ведь ты не такой. Элизабет тоже. Если всё так плохо, почему вы им служите?

— Я не могу всё так бросить, — серьёзно ответил Эрвин. — И Элизабет тоже. За это я и восторгаюсь ей. Я не могу бросить своих людей. Вся криминальная грязь перебралась к верхушке власти, а под пули лезем мы — обычные ребята, взявшие вместо книжки винтовку. Хотя, — он перешёл на шепот, — Гвин хоть и прошлый бандит, но лидер достойный. И если он не дурак, а он не дурак, и хочет процветания государства, то он избавиться от этой шушеры, — он кивнул в сторону игрового стола. — Будь уверен, рано или поздно это случится.

— Если ты так говоришь, то и нам нечего бояться.

— Кажется, ты меня не понял, — покачал головой Эрвин. — Ты не выгоден Гвину. Ты, твои дружки, твоя анархическая жизнь. Это идёт в разрез с его системой.

— Что ты предлагаешь? — Вилли побледнел. Он понял, что все они влипли.

— Если честно, я бы на твоём месте бежал. Но ты не я. Решай как знаешь. Может тебе даже удастся уболтать Гвина. Но это не моя забота. Я солдат, и от меня требуется только одно — исполнять приказы, не обдумывая их, — он встал, отдал честь и скрылся в тени. — И да, — послышалась сзади, — я настоятельно рекомендую Птичку. После ста граммов коньяка с ней открываются по-настоящему райские ощущения.

— Ещё раз повторяю, — сказала Элизабет, ведя Вильгельма по узкому коридору, — если он что-то говорит — не перебивай, а выслушай до конца. Если предложит выпить или закурить — согласись. Он очень обижается, когда отказывают. И, пожалуйста, — они остановились перед стальной дверью с номером восемнадцать, — старайся избегать его взгляда. Его очень бесит, когда смотрят в глаза. Что же, — Лиза потянула за ручку, — удачи тебе. Не наломайте там дров.

Вильгельм несмело зашёл в комнату и скрылся за железной дверью.

— Надеюсь, у него получится, — обратился к Элизабет поравнявшийся с ней Эрвин. —

Так устал марать руки в кровь.

— Я тоже надеюсь, Эрвин. Я тоже.

В комнате было тепло и уютно. Сразу стало заметно, что к ней приложилась женская рука. Тихо играла классическая музыка, издаваемая граммофоном. В углу сладко спал шпиц, перевернувшись вверх тормашками. Вильгельм сначала подумал, что это большой комок ваты, но его переубедил тёмный нос в районе мордочки.

— Ну здравствуй, Вильгельм, — Гвин развернулся в кожаном кресле. На нём был одет парадный мундир. В руке дымила сигара. — Лидер Тёмного сектора. Прошу, — он указал на компактно уложенные сигары, — угощайся.

— Спасибо, — Вилли всё же мельком взглянул в глаза Альбиноса. Его взгляд был несокрушимо пуст.

— Знаешь, — Гвин протянул ему зажжённую зажигалку, — моя армия всегда несла потери. Но такие тяжёлые смогли нанести только вы. Когда мне доложили о разгроме отряда Марка, сначала я пришел в ярость. Потом мной овладел интерес. А затем я проникся уважением достойному сопернику. Кто составлял план операции? Можешь не отвечать. Держу пари, что Барон. Вернее не Барон, а Эльза. Как никак генеральская дочка. Не удивляйся, я много чего на вас нарыл, — он хлопнул по плотной стопке папок. — Как жаль, что она не на моей стороне. Очень сложно руководить тем говном, что в моём генеральном штабе. Плохо, что там сидят люди, понимающие только язык силы.

— Не верю, что всё так плохо.

— Всё очень плохо. Весь мир провонял, Вильгельм. Кругом одно дерьмо. Единственный ответ на зло — это зло. Люди ничего другого не понимают. Только зло. Сожги человеку сарай — это он поймет. Отрави его собаку. Привяжи наручниками к батарее и направь пистолет. Только тогда он захочет вести с тобой по-человечески.

— Твоя точка зрения отвечает на много вопросов. И тем не менее, не порождает ли зло ещё большее зло?

— Чтобы победить дьявола, нужно превратиться в кого-то похуже. Я готов стать хоть Богом, хоть порождением тьмы, если так нужно для Хартии.

— Не до конца понимаю тебя.

— Вильгельм, что такое по понятиям человека Бог?

— Я этим особо не интересовался.

— Это, прежде всего, крыша. Если эту крышу ублажать, давать деньги доверенным лицам этой крыши, дарить безделушки, строить для них специальные домишки, то в некую важную минуту крыша присылает пацанов с крыльями и пацаны разбираются хоть с внешним военным врагом, хоть со смертельной эпидемией. Любой готов дать себя обмануть, лишь бы не брать на себя какую-либо ответственность.

— Не стоит грести всех под одну гребёнку.

— Ещё как стоит! Мы — поколение сильнейших и умнейших людей, что когда-либо жили. С потенциалом, растрачиваемый впустую. Целое поколение работников бензоколонок, официантов — рабов в белых воротничках. Реклама заставляла нас покупать тачки и тряпки. Мы вкалывали на ненавистных работах, чтобы купить ненужное нам дерьмо. Мы были пасынками истории. Ни цели, ни места. На нашу долю не выпадало ни Великой войны, ни Великой Депрессии. Наша Великая война — духовная. Наша Великая Депрессия — наше существование. Нам внушали по телевизору, что однажды мы станем

миллионерами, кино и рок-звездами, но нам это не светит. Постепенно до нас это начало доходить и бесить, страшно бесить. А когда сорвали стоп-кран, вся накопленная гниль полилась по миру. Нас обманули, кинули, как лохов, не сказав перед этим по телеку что делать. Поэтому мы начали заниматься тем, что умеем лучше всего — идти по головам, толком не понимая ради чего. Это всё делалось на уровне рефлексов, оставленных в наследство старым миром!

Крик Гвина разбудил шпица и тот сорвался с места, побежав к хозяину со звонким лаем.

— Тучка! Не сейчас, я занят.

Тучка заскулил.

— О боги, — альбинос взял шпица на руки и принялся гладить. — На чём мы остановились? Неважно, не бери в голову. Я готов дать вам автономию в своём государстве. Но мне нужно, чтобы ты доказал свою верность. Ты готов выполнить моё условие?

— Что значит: «Мне нужно время подумать»?! — взревела Барон. — Мы его ждём с хорошими новостями, а он угнал машину и сбежал.

Вильгельм молча глядел в окно. Как раз все собирались на обед.

— Какого хрена ты молчишь? Отвечай, что за цирк ты устроил?

— Барон, тише, — поднял ладонь Алексей. — Дай ему сказать.

Вильгельм молчал. Больше всего на свете ему хотелось исчезнуть с чердака и стать чем-то незримым. Ветром или небом. Тем, кому нет дела до земных невзгод.

Вилли набрал воздух в лёгкие и выпалил:

— Гвин сказал принести твою голову, Барон.

— Что? — побледнела блондинка.

— Ты всё правильно услышала. Он боится оставлять тебя в живых. Боится, что ты можешь посеять бунтарские мысли.

— Зашибись просто, — прокомментировала Алиса.

— Что теперь, Вильгельм? — спросил Алексей.

— Скорей всего этот псих уже поднимает войска. Через несколько дней они будут здесь.

— Сколько сейчас в его распоряжении солдат? — поинтересовалась Барон.

— Не знаю. Элизабет обмолвилась, что они ведут затяжные бои на юге. С какими-то еврейскими общинами. Я особо не вникал. Но, кажется, сейчас он на нас может бросить только элитный резерв.

— А у нас около триста человек, что могут держать оружие, — ответил Алексей. — Если учитывать и людей Барона. Что будем делать, Вильгельм?

— Я предлагаю бежать. Ребят, мы не выстоим. Это огромная и страшная сила.

— Куда, Вилли?

— Ты же исследовал болота. Пройдём через них.

— Даже если мы их пройдем, куда нам податься? — спросила Алиса. — Все наши усилия вложены в эти стены и в эту землю. Не знаю как остальные, а я остаюсь. Из снайперской винтовки я успею забрать несколько вояк.

— А о детях ты подумала, горячая голова? — заметил Алексей.

— Детей спрячем в лесу, — ответила Барон. — Пусть занимаются ранеными.

— Ранеными?! — опешил Вильгельм. — Вы собрались сражаться?! Я им про армию из тысячи головорезов рассказываю, а они на бой собрались. Ну писец.

— Вильгельм, — обратилась Алиса, поднимаясь, — давай спросим у ребят. Послушаем, что они скажут.

В столовой как всегда было весело, шумно и вкусно пахло.

— Минуту внимания, — крикнула Алиса, хлопая в ладоши. Ёе постепенно обступили полукругом. — У нас возникла небольшая разница во мнениях. Помогите нам её решить. Скажите, если бы завтра на наши земли пришли хартийцы, как бы вы поступили?

— Сражался, — не задумываясь, ответил парень.

— Гнала бы красноповязанных поганой метлой!

— Пусть попробуют только появиться здесь!

— Я вас поняла, — успокоила толпу Алиса. — А если бы нам предложили мир. Но мы должны были предать нашего друга. Вы бы согласились?

— Никогда! — единогласно ответила толпа.

— Никогда? — удивилась Алиса. Прямо перед ней стояла русая девочка, что кричала громче всех. — И, несмотря на страшную опасность, ты готова сражаться?

— Да! — бойко сказала девочка. — Я никогда не предаю друзей! И не сбегу. Никогда!

— Что же, — глаза Алисы стали влажными, — я вас поняла. Если этот седой думает, что мы сдадимся на его милость или бежим как крысы — он очень ошибается!

Её слова заглушил дружный крик.

— А я думал, мы друзья, — глядя на взломанные двери гаража, прошипел Гвин.

— Приказания, Холод, — подал голос штабной офицер. На зоне его звали Козырем.

— Поднимай гарнизон. Всех, даже Гвардию. Устроим этим выродкам визит.

Офицер поспешил в штаб.

— Прости, Лиза, — прошептал альбинос. — Так надо.

Ногу неожиданно прошило острой болью. Гвину пришлось приложить немало усилий, чтобы не свалиться в грязь.

«Сегодня сделаем исключение, — подумал Гвин. — Нужно попросить Элизабет вколоть одну дозу. Она поймёт. Она всегда выслушает, поймёт и даст совет. Всегда».

Машины разогревали двигатели. Им предстоял долгий путь. То и дело между ними метались люди, плотно укладывая всё, что удалось унести. Кто-то руководил погрузкой. Несколько человек устроили перекличку. Дети терпеливо ждали отправки.

Барон молча наблюдала за этим. На душе стало паршиво. Настолько, что даже не хотелось курить. Сложно расставаться с местом, что дало тебе приют в столь диком мире. И тем не менее её лицо не выразило ни грамма эмоций. Для подчинённых всегда нужно оставаться образцом хладнокровия и героизма.

— Барон, вы меня вызвали? — спросила прибежавшая Соня.

— Да. Ты кое-что забыла, — девушка протянула ей плюшевого мишку.

— Барон...

— Эльза, — поправила её блондинка.

— Спасибо, Эльза! За всё, — девочка обняла её. Барон лишь нежно потрепала её за волосы.

— Беги, мы скоро уезжаем. Пока меня не будет, ты за старшего. Не подведи меня.

— Слушаюсь, — девочка побежала в сторону машин. Плюшевый мишка печально глядел на блондинку.

Непроницаемое лицо девушки дрогнуло. По щеке покатились слезы. Она всю ночь составляла план обороны и со сто процентной уверенностью могла сказать, что он эффективен. Но Барон умолчала одну деталь. У неё почти не было шансов уцелеть.

— Барон, — обратился к ней Сергей, — ты что, плачешь?

— Нет, смеюсь! — отрезала девушка, вытирая слезу.

— Заряды установлены. Мы оставим двух человек для подрыва.

— Василька отпустили?

— Да. Пришлось припугнуть выстрелами, а то не хотел уходить. Очень верный попался конь.

— Хорошо, что он ушел. Я считаю, что отправлять лошадей на битву хуже любого военного преступления.

— Барон? Всё в порядке? Ты на редкость нервная.

— Что-то я устала. Нужно будет взять отдых.

— Пойду руководить погрузкой пушки. Будем ждать тебя там. Через три минуты отправляемся.

— Хорошо, уже иду.

«Серёга, — с болью в душе подумала Барон, — ну зачем ты согласился идти со мной?»

Глубокая ночь. Оставалось ещё несколько часов до рассвета. Тёмная простыня усеялась россыпью из белых точек. Где-то там, далеко, существовали бесчисленные галактики, со своей уникальной жизнью, неподдающиеся человеческому пониманию.

Вильгельм наблюдал из окна за небом. Он пытался осознать масштабы вселенной. Говорят, что от этого свои проблемы кажутся не такими уж серьёзными. К сожалению, это не помогало. Сложно назвать проблему пустяковой, когда на кону жизни твоих людей.

Луна освещала улицу посёлка. Если верить карте, то это единственная дорога, ведущая к поместью. По задумке Барона — идеальное место для засады.

В комнате второго этажа пятиэтажки ещё осталась зимняя сырость. По какой-то причине помещение оказалось пустым. Возможно, сюда так и не успели заселиться, или же просто всё вынесли. Даже мебель и обои.

Бойцы позабывались по углам и тихо сопели, копя силы для предстоящей битвы. Вильгельм не понимал, как у них хватило сил заснуть. Возможно, окружающая среда притупила их чувства или же они просто не понимали, что их ждёт.

У окна заботливо сложили несколько снарядов для РПГ, коктейли Молотова, гранаты, ящик патронов и несколько мин.

В таком же здании напротив Вильгельм на секунду увидел часового. Часовой зажёг сигарету, но вовремя опомнился и потушил её.

Вилли вглядывался в темноту. В той стороне была небольшая поляна, где Барон установила орудие. Помимо неё расчёт состоял ещё из четырёх человек. Наводчика — Саши, заряжающего — Сергея, и двух человек, подающих снаряды. Он так и не смог разглядеть пушку, даже зная, где она находится. Барон знала толк в маскировке. Интересно, они тоже сейчас смотрели на звёзды?

— Смена, — прошептал Алексей, садясь напротив Вильгельма.

— Ещё целый час, иди спать.

— Не хочу, — отмахнулся Лёша.

— Аналогично, — ухмыльнулся Вилли.

— Напомни, сколько участвует в засаде?

— Двадцать человек в этом здании, двадцать напротив. Пять человек — орудийный расчёт. Остальные подготавливают оборону вокруг поместья под руководством Лисёнка. Так что, если у нас получится, мы дадим им ещё немного времени.

— Бедные дети, — вздохнул Алексей. — Им бы играть и радоваться жизни, а они окопы роют.

— Наверное, всё-таки был другой выход из этой ситуации.

— Вилли, он и сейчас есть. Сдаться на милость этого ублюдка. Но ты понимаешь, что тогда мы покойники.

— Это не выход, Лёша.

— Мы сейчас похожи на тех муравьёв в лесу. Только нам придется быть хитрее, чтобы отбиться. Остаётся только драться или погибнуть. Другого выхода нет.

— Знаешь какой сегодня день?

— Первое апреля. Не в самое удачное время нам выпало сражаться.

— Сегодня ровно год с «Момента Х». Неплохой был год. Мы совершали ошибки, мы теряли друзей, мы были на грани помешательства — и тем не менее мы выжили. А ради чего? Чтобы пришел психопат с манией величия и всё здесь разрушил?

— Вилли, — Алексей положил ему руку на плечо, — мы выстоим. А затем договоримся с Элизабет о мире.

— Надеюсь, что будет так.

— Где же они? — спросила себя Барон, глядя в бинокль.

Стационарную позицию обложили листвой и накрыли маскировочной сеткой. Со стороны могло показаться, что это самый обычный куст. В недрах «куста» расположился расчёт, обложив себя ящиками для боеприпасов.

Солнце стояло в зените. Орудийная прислуга заскучала, но вылезать на открытую

местность было бы непростительной оплошностью. В любое время мог появиться противник.

— Почему они именно по дороге должны ехать? — спросил Сергей, уплетая мясную консерву.

— Все хоть немного адекватные армии передвигаются по дорогам. Если они станут ехать по окрестным колдобинам, то поломают всю технику прежде чем доедут до нас. К тому же, они не ожидают, что мы встретим их здесь.

В этот момент послышался громкий рёв моторов. С каждой секундой он становился всё громче. Барон разглядела два мотоцикла с колясками и чёрный джип с установленным пулемётом. Ехали они очень быстро.

— Это разведка, — сказал Барон в рацию. — Пропустите их, а потом установите пару мин. Скоро должна появиться основная колонна, а этих встретят в поместье.

Разведка промчалась мимо зданий и вскоре скрылась за холмами. Из здания выбежали два человека и принялись быстро рыть места для мин. Стало снова тихо и мёртвую тишину разбавляло лишь пение птиц. Барон завидовала им. Они могли и имели полное право жить полной жизнью.

Горячие солнце разморило блондинку и она опустила на землю, закрыв глаза лишь на секунду. Она не заметила как заснула. Разбудила её дрожь земли и вибрация. Барон вскочила, едва не зацепив маскировку. Вдалеке гудели словно тысячи двигателей, подымая колёсами километровые столбы пыли. Большая белая буква «G» на броне ясно давала понять, кто едет.

— Десять, двенадцать, четырнадцать, — шептала Барон глядя в бинокль. — Восемнадцать, двадцать.

— Трындец, — вставил Сергей.

— Двадцать пять, двадцать семь, двадцать девять, тридцать. Там где-то с десятков БТР-ов, точно один танк. Всё остальное машины с пехотой, — девушка заметила поникшие лица ребят. — Парни, буду откровенной: противотанковые расчёты долго не живут. Так что мы без пяти минут покойники. Но я не верю, что вы отдадите свои жизни за бесценок.

— Всё в порядке Барон, — ухмыльнулся Сергей. — Они сильно пожалеют, что сунулись сюда.

— В таком случае разрешаю закурить. Так как в аду у нас на это не будет времени.

Барон замолчала, смотря на своих людей. Молодых ребят, что не задумываясь готовы были пожертвовать ради неё жизнями. Непосильная ноша и незаслуженный дар.

— Занять позиции, — скомандовала Барон. — Зарядить броневой, — снаряд звонко скрылся в казённом орудия. — Взять замыкающую машину на прицел, — наводчик принялся вращать рычаги. Ствол повернулся влево. — Огонь по моей команде, — в этот момент головная машина заехала между зданий. Томительные секунды ожидания.

И тут прогремел взрыв. Мины выполнили своё предназначение, перевернув на бок бронемашину.

— Огонь! — закричала Барон.

— Понеслось говно по трубам, — пробубнил Алексей. — Огонь!

Из зданий полетели гранаты и коктейли Молотова. Несколько человек выстрелили из РПГ, поражая технику и живую силу.

Плавилась броня, горела техника и земля. Метко брошенная горючая смесь попала

точно в кузов автомобиля. Оттуда вываливались горящие пехотинцы, истошно вопя от невыносимой боли и отчаянно пытаясь потушить себя. Их добивали стрелковым оружием.

Враг попал в западню. Из-за того, что передняя и задняя машины были уничтожены, противник не мог ни отступить, ни проехать дальше. Ему оставалось только принять бой на неравных условиях.

Люк подбитого БТР со скрипом отворился и из открывшегося отверстия высунулся командир машины. Всё его лицо превратилось в кровавое месиво, от формы остались лишь обгорелые ошметки. Командир достал пистолет и начал стрелять по окнам. Из-за жуткой боли это получалось довольно плохо. Метко пущенная пуля сразила командира и он обрёл вечный покой. Бездыханное тело свалилось на броню. Стало видно, что командиру оторвало ноги.

Уцелевшие остатки хартийцев отступали к танку. Там офицеры ещё пытались наладить оборону и дать достойный отпор.

Орудие продолжало стрелять. Маскировку словно ветром сдуло. То и дело взрывы создавали земляные фонтаны. Всю землю вокруг усеяли воронки. Вильгельм не мог поверить, что там может быть что-то живое и тем не менее орудие продолжало стрелять. Продолжало отправлять души на вечный отдых.

Несмотря на тяжёлые потери противник сопротивлялся. Танк развернул дуло на здание и принялся стрелять, приправляя взрывы пулемётными очередями. Посыпались стёкла и штукатурка. Начали трещать швы, покрываясь трещинами.

— Вильгельм! — взвыл молодой голос в радиии. — Нас прижал этот стальной ублюдок! Не можем высунуться!

— Потери есть? — Вильгельм испугался своего голоса. Настолько он был спокойным.

— Трое легко раненых. Но поторопитесь, а то нас тут всех положат!

— Сколько осталось снарядов РПГ? — спросил Вильгельм, не обращаясь к кому-то конкретно.

— Один! — крикнул Алексей, посылая автоматную очередь.

— Есть добровольцы подбить танк?

— Я! — ответил парнишка. На его счету было уже три БТР.

— Давай, только выхлопом нас не ослепи.

— Не учи ученого, — оскалился парень.

Зарядив длинную болванку и высунувшись из окна, он направил гранатомёт в сторону стального монстра. Почти прицелившись, стрелка сразила пуля. РПГ упал точно в руки Вильгельму.

— Ох и плотный огонь у них, сволочи! — сетовал парень, держась за плечо.

— До дома дотерпишь? — спросил Алексей, перевязывая рану.

— Дотерплю, что со мной станется.

— Вильгельм! — зашипела рация. — Они пристрелялись!

— Держитесь, мы сейчас! — ответил Вилли.

— Будешь сам стрелять? — спросил Алексей.

— Раз уж он упал мне в руки, значит мой черёд.

РПГ оказался тяжёлым. Вилли ещё не доводилось стрелять из такого, но практиковаться не было времени. Вильгельм выдохнул, высунулся и прицелился. Время замедлилось, не оставляя незамеченной каждую деталь. Руки предательски дрожали. Вильгельм задержал дыхание и нажал на спусковой крючок. Снаряд, шипя, полетел к цели, но не долетел

нескольких метров, попав в трак. Танк оставался в строю.

— Чёрт, — выругался Вильгельм. — Теперь вся надежда на Барона.

Техника продолжала гореть. То и дело взрывался боекомплект, высоко подбрасывая башни бронемашин. Вся дорога была в неугасимом огне. Воздух пропитался тёмным дымом. В тот момент могло показаться, что даже в преисподне прохладнее.

Барон заменила погибшего наводчика. Минуту назад взрыв оторвал ему голову. Метко пущенный снаряд попал прямо в центр борта БТР. Из люка вырвался столб огня. Остался только танк.

— Снаряд! — крикнула блондинка попутно смещая прицел.

Никто не пришел.

— Снаряд! — Барон оглянулась.

Сергей лежал в нескольких метрах от орудия, обнимая бронебойную болванку, словно она младенец. В его лоб попала шальная пуля, оставив красное пятно. Азиат даже не успел понять, что произошло. Его нахальный взгляд так и застыл на своём командире.

— Спасибо... — девушка подобрала снаряд и зарядила в казённый.

Наводчик танка заметил откуда ведут огонь и повернул башню. Барон изо всех сил крутила рычаг. Сердце ещё никогда так бешено не стучало. Прицел встал точно на борт танка. Блондинка со страшным криком потянула рычаг.

Орудие и машина произвели выстрел одновременно.

Оглушающий взрыв.

Барон откашлялась от попавшей в лёгкие пыли. В ушах противно пищало. Когда дым рассеялся, стало ясно, что танк уничтожен. Так же как и орудие.

У развороченного лафета лежал обезображенный труп. Перевернув его, девушка испугалась. Ноги отказали, она упала и медленно отползала. Глаза отказывались верить в увиденное. Барон не сразу признала в порванной солдатской форме, грязных волосах и почти чёрном, от вязкой копоти лице... себя.

В районе сердца торчал острый осколок, а руки так и сжимали оторванный рычаг, отвечающий за выстрел.

Послышались звонкие шаги, похожие на брязганье костей. Из тёмного дыма вышла фигура в тёмном капюшоне, устало волоча за собой неизменное орудие труда — огромную косу. Сегодня выдался тяжёлый день и заканчиваться он пока не планировал. Подойдя к девушке, жнец лишь смотрел на неё двумя тёмными кругами, куда не пробивался даже свет.

Барон боялась. Впервые самым настоящим животным страхом перед неизвестностью. Смерть терпеливо ждала, протянув костлявую руку.

— Неужели вот такой он, конец? — с трудом подбирая слова, спросила Барон.

Смерть лишь покачала головой.

Блондинка улыбнулась. Бояться и сожалеть уже поздно. В конце концов с самого начала было ясно, чем это закончится.

— Отец был бы доволен, — Барон протянула руку.

Смерть помогла ей подняться. Девушка чувствовала обжигающий холод в своей ладони. Золотые волосы колыхало от почти неуловимого дыхания жнеца. В последний момент девушка оглянулась.

— Удачи вам, ребята. Я верю, что вы выстоите! — крикнула Барон. В следующий момент оба моментально исчезли, оставив после себя лишь воспоминания.

Последних уцелевших добивали. На некоторых даже не тратили пули, понимая, что они не жильцы. От вязкого дыма и огня становилось трудно дышать. Саму улицу было не узнать. Настолько обезобразила её рука войны.

— Барон, ответь, — Вильгельм терял остатки хладнокровия. — Барон! Пожалуйста.

— Вилли, она не ответит.

— Возможно что-то с рацией. Нужно проверить.

— Вилли, взгляни что осталось, от её позиции. Я сомневаюсь, что мы что-то найдём.

— Какого хрена ты стал таким бесчувственным?!

— Думаешь, мне самому не больно? Скорбеть будем после победы, а пока возьми себя в руки!

— Да, Лёха. Ты прав. Отряд, собрать трофеи и отступаем к поместью!

— Выжившие есть? — хмуро спросил Гвин, разглядывая остов танка. Рядом с ним лежали сгоревшие трупы танкистов.

— Нет, — ответил Эрвин. — Один, тяжело раненный, рассказал, что произошло, но спасти не удалось. Хотя и так понятно, что передовой отряд напоролся на засаду.

— Единственный танк был в гарнизоне и тот потеряли.

— В колонне ещё было два штабных офицера.

«Хоть какая-то хорошая новость», — подумал Гвин, улыбнувшись.

— Потери у врага есть? — спросил альбинос, протирая очки.

— Пушка и пять человек из расчёта. Трупы сильно обезображенные. Трудно даже пол опознать.

— А что с солнечной электростанцией?

— Подорвана. Уничтожено всё, что представляло стратегическую ценность.

— И здесь белобрысая успела, — скривился Гвин. — Передай алкашам из штаба: развернуть войска в боевой порядок и прочёсывать каждый метр на своём пути. Эта Эльза знает толк в тактике. Остановиться только перед поместьем.

— Вам нужно только приказать, господин, — Эрвин отдал честь и скрылся в дыму.

— Упрямые глупцы, — прошипел Гвин, со всей силы ударив по броне танка.

— Знаешь, — протянул Андрей, сидя на броне замаскированного танка, — про Муссолини мало чего хорошего можно сказать.

— Про Гитлера тоже, — ответил Алексей.

— Гитлер был психопатом с недостижимыми целями.

— А Мао Цзэдун?

— Мао Цзэдун утопил Китай в крови и принимал неэффективные экономические решения.

— Так же как и прошлое правительство Китая.

— Так же как и Сталин.

— Сталин хотя бы победил нацизм.

— А чем коммунисты отличались от нацистов?

— Отсутствием частной собственности, — развёл руками Алексей.

— Ким Чен Ын?

— Жирный болван.

— Наполеон?

— Присваивал чужие заслуги и проводил сильно рискованные военные компании.

— Король Фриц сто сорок пятый?

— Мы перешли на вымышленных персонажей? Ладно... Держал в неведении свой народ до последнего и скорее оставил бы его на верную смерть, чем предпочёл сражаться.

— Лучезарность?

— Обратила жуков в рабство и не давала выбраться из первобытного хаоса.

— Ладно, довольно, — вздохнул Андрей. — Мы никогда не найдём нормального диктатора.

— Но можем одного остановить.

— С такой штукой это не сложно, — он похлопал по броне.

— Не будем делить шкуру еще не убитого медведя. Мы рассчитываем на вас, господа танкисты. Не облажайтесь.

— А вы не сильно прыгайте под пули.

— Примем к сведению.

— Удачи вам, — крикнул Андрей, захлопывая люк.

— Удачи, — грустно прошептал Алексей.

Андрею, как одному из самых мелких ростом, досталась роль командира танка. В тесной консервной банке с ним сидело два человека.

— Не грусти, кудрявый, — зашипела рация на груди Алексея.

— Чего пугаешь, Лисёнок! — крикнул Алексей в сторону заколоченного окна чердака.

— Я не пугаю, а поддерживаю высокий боевой дух, — рассмеялся звонкий голос в радиации и смолк.

Территория поместья сильно преобразилась под руководством Алисы. Забор полностью убрали. Стены домов заставили мешками с песком, а окна забились досками. Периметр, вплоть до склонов холма, перерыли глубокими окопами. На переднем крае установили ложные позиции. Даже хватило времени на постройку двух деревянных ДОТ-ов. Для маскировки их присыпали землёй. Вокруг холма местность усеяли минами. Краеугольным камнем обороны стал танк. От него Барон планировала отталкиваться во время битвы. Машине вырыли позицию и засыпали, оставив лишь башню. На башню обильно натаскали растительности. Танку предстояло стать последним весомым аргументом и козырем в рукаве.

Не последнюю роль играла и санитарная группа. Госпиталь расположили неподалёку в лесу и спрятали туда всех детей. Под опекой Саманты им предстояло оказывать раненым первую помощь и уход.

— Твоя подружка всё-таки не удержалась, — хмыкнула Алиса.

Алексей оглянулся. Со стороны леса к нему шла Саманта. На неё одели санитарную форму. Ей очень шло.

— Дура, — рявкнул Алексей, — здесь слишком опасно!

— Возможно, мы уже больше не увидимся, — грустно прошептала девушка.

— Ещё чего. Единственный человек в мире, который может меня убить — это Вилли.

— Дурак, — она легонько хлопнула его по голове.

— Не спорю. Алексей это имя, а вот Лёша — уже диагноз.

Они нежно сомкнули губы. Но их быстро прервала рыжая:

— Эх, а Вилли меня даже в щёчку не поцеловал. Не любит никто Алису.

— Алиса! — одновременно крикнули Лёша и Саманта.

— Ой, ладно вам. Молчу.

Алексей передал подруге нож.

— Возьми.

— Зачем?

— На всякий случай. И помни. Не при каких обстоятельствах сюда не суйся. Раненых мы принесём сами. Всё, беги. Похоже, скоро начнётся.

Алексей ещё чувствовал вкус её губ. Ему стало невыносимо плохо. От того, что не может ничего сделать для неё. Для её мечты. Ему оставалось только одно — уцелеть.

— Насчёт того, что скоро начнётся, ты прав, — вставил Вильгельм. Он сидел возле миномётного гнезда, глядя в бинокль. — В трёх километрах вижу движение. Они уже близко.

Алексей пошел к нему. Миномётчики лениво перебрасывались в карты и курили. Вильгельм чуть высунулся из окопа, наблюдая за лесом, что стоял перед ними.

— Много у нас шансов? — спросил Алексей.

— Без Барона их явно меньше. Но если каждый выполнит свою работу на максимум — они дрогнут.

— Вилли, пока дрожишь только ты.

— Да? — его ноги действительно тряслись. — Ну а что ты хотел? Подыхать не сильно хочется.

— Слышь, сопля, — крикнула Алиса, — я тебе подохну. Хочешь оставить на моих нежных плечах все свои обязанности?

— А с чего ты взяла, что главной здесь будешь ты?

— А кто? Лёха, что ли? Он настолько выбесит хартийцев, что они будут стрелять исключительно в него. Так что на Лёшу я бы не рассчитывала.

— Уважаемая снайпер, — медленно проговаривая слова, ответил Алексей, — если вы не уймётесь, я лично солью врагу твою позицию.

— Я всё равно её меняю после нескольких выстрелов. Значит так. Объявляю конкурс: кто прикончит Гвина, тому исполню любое желание. Даже самое тёмное.

По окопам пошли одобрительные возгласы.

— Я запрещаю! — крикнул Вильгельм. — Алиса под моей юрисдикцией.

— У меня под рукой целых тридцать аргументов, чтобы ты забрал свои слова обратно.

В этот момент вдалеке послышалась артиллерийская канонада, ознаменовав начало смертельного спектакля.

— Начинается, — прошептал Вильгельм.

Миномётчики, не сговариваясь, бросили карты, сложили миномёт и скрылись в «лишьей норе». Их примеру последовали остальные, прячась по дырам, словно жертва перед хищником. Уж лучше сидеть под толщей сырой земли, чем поймать снаряд.

— Вилли, пошли.

— Спокойно, Лёха. Это только пристрелочные. Та и бить они пока будут по переднему краю. А там только ложные.

В этот момент рядом упал снаряд, разбросав землю. Остальные упали на поляну в низине.

— Пристрелочные?! — орал Алексей, отплёвываясь от грязи, попавшей а рот.

— Нам так повезло! — оправдывался Вильгельм, пытаясь прогнать противный писк.

— Прячемся, кретина кусок.

Вильгельму не хватило мужества отказать и он нырнул к миномётной прислуге. Алексею место не хватило и он побежал дальше. По пути он встретил Рому, безмолвно наблюдающего за взрывами. Его взгляд был затуманен, а губы что-то шептали.

— Рома, что с тобой?! Контузило?

— Полянка, — отстранённо ответил он. — Полянка такая красивая. Они же от неё ничего не оставят.

— Перекопаем и засеём новой травой. Будет ещё красивее. А сейчас прячься! — Лёша утащил Рому в укрытие.

Артиллерия продолжала стрелять. Это была единственная артиллерийская батарея во всей армии и сегодня жителям поместья выпала честь испытать её мощь на себе. Снаряды попадали крайне косо, в первую очередь из-за нехватки опыта и пристрелки позиций. Вскоре взрывы стихли. Пушки ждали своего часа. Подождав несколько минут для гарантии, защитники начали выползать и занимать позиции. Артподготовка их только ещё больше разозлила.

— В детстве я мечтал пострелять из настоящего оружия, — целясь, сказал Рома. — Глядя на наше положение, понимаю, какая была глупая мечта.

— По крайней мере, она исполнилась, — улыбнулся Алексей.

— Как-то от этого не легче.

— Не зеваем, — прервал Вильгельм, обращаясь ко всем по рации. — Сейчас попрут.

— Как-то они вяло нас обстреляли, — заметила Алиса.

— Они пока точно не знают, где мы, — объяснил Вилли. — Вот когда мы себя выдадим, тогда они и прибавят напор.

В лесной чаще послышалось несколько звонких свистов. Почти сразу на поляну начали выбегать пехотинцы.

— Спокойно, — хотя Вильгельму было страшно, он старался не выдавать себя. — Огонь по моей команде. Взять цели на уровень груди. Патроны беречь.

— Какие-то оборванцы, — прошептала Алиса. — Худые, в лохмотьях. Ни одного в форме. Даже знаков отличия нет.

— Похоже, это штрафники, — предположил Вильгельм. — Доводилось о них слышать.

В Хартии не было тюрьмы. Содержать заключённых было бы слишком дорогой роскошью. Поэтому первое время провинившихся просто казнили. Однако, Гвин быстро понял, как можно извлечь пользу. В сформированный штрафной батальон, получивший неофициальное название «Батальон смертников», попадали все без исключения. От мелких воришек до закоренелых головорезов. В ход шли и пленные.

В батальоне кормили очень плохо, а иногда просто забывали. Вооружали чем попало. Доходило вплоть до оружия ближнего боя. Штрафников отправляли на самые опасные задания. В основном для того, чтобы уменьшить потери регулярной армии. Если штрафник смог продержаться месяц — он получал амнистию. Но таких случаев можно посчитать по пальцам одной руки. Настолько велики потери. Правда, восполнялись они с завидной быстротой.

Осознав, с каким противником им пришлось столкнуться, Генеральный штаб немедленно перебросил штрафников с юга сюда. Всем уцелевшим после боя обещали свободу. Это воодушевило штрафников, и они были готовы убивать за своего господина с удвоенным рвением.

Штрафник наступил на мину. Раздался глухой щелчок. Боец даже не успел испугаться, как его разорвало на куски. Мины продолжили взрываться. Но штрафники, казалось, этого не замечали. Они продолжали упрямо идти вперёд, падали, лоя осколки и на место павшего сразу становился новый только для того, чтобы пройти на несколько метров дальше.

— Даже жаль убивать их, — вздохнула Алиса, наблюдая из прицела за одним подорвавшимся. Мина не убила его, но разворотила бок. Оттуда вывалились кишки, а сам раненый громко вопил, моля, чтобы добились.

— Не трать пули на мелочь, Алиса, — сказал Вильгельм. — Побереги на крупную дичь. Всем остальным разрешаю вести огонь.

Холм осветили вспышки выстрелов. Миномёт выплюнул снаряд. Тот, свистя, полетел ввысь только для того, чтобы эффектно вернуться. Равномерно застрочили пулемёты из бункеров. Раньше их выстрелы могли показаться несоизмеримо громкими, но все так к ним привыкли, что с лёгкостью могли заснуть.

Даже маленькие дети.

Штрафники падали один за другим. И всё же несколько счастливых прошли минное поле и добрались до окопов.

— Не стреляйте! — крикнул один из них. — Мы сдаёмся.

— Прекратить огонь! — приказал Вильгельм.

Уцелевшие встали, высоко подняв руки. Их вид выдался воистину жуткий. Все грязные, в крови и смертельно уставшие. Когда они приблизились почти в плотную, Вилли заметил деталь, от которой холодный пот прошёлся по спине.

— Твой мать! У них взрывчатка на поясе! Стреляйте!

В подрывники попадали только за особые «заслуги». Убийцы важных персон, дезертиры, а после того как Гвин познакомился с Элизабет — насильники и педофилы. Их перед атакой накачивали наркотиками и вдалбливали одну мысль: «Добежать до цели и нажать на взрыватель». Обычно, если подрывник выживал, он умирал от передозировки.

Несмотря на плотный огонь двое смертников успели добежать. Один прыгнул в амбразуру бункера, а другой в миномётное гнездо.

Два взрыва сотрясли землю, разнося по округе резкий запах пороха и гари.

Никто из штрафников не получит обещанной свободы.

— Вилли, — крикнул Алексей, — ты жив?

Молчание.

— Вилли!

— Пизда миномёту, — пробурчал Вильгельм. — Что там с бункером?

— Так же. Выживших внутри нет. Пулемёт сломан.

— Проклятье. Можно было догадаться, что это ловушка.

— Такое безумие никто не может предвидеть.

— Не спорю.

Началась новая артподготовка.

— По укрытиям, дамы и господа, — вздохнул Вильгельм.

Не успели все заползти в норы, как снаряды начали воротить траншеи. Артиллерия выполняла свой единственный приказ: «Уничтожить всё живое». И приказ был близок к выполнению.

Птицы в панике улетали от эпицентра шума. Звери из окрестных лесов убегали, куда глаза глядят. Травоядные и хищники смешались, драпая от более опасной угрозы. Даже

насекомые. И те пытались зарыться поглубже.

— Свободно? — спросил Алексей, залезая в укрытие. Там уже сидело три человека. Один тихо молился. — Отлично, — между зубов Лёши тлела сигарета.

— Разошлись они, — кивнул Рома в сторону шума.

— Берегут силы, — ухмыльнулся Лёша. — Трусят. Закидывают снарядами и штрафниками. В открытую идти пока боятся, — Алексей передал сигарету Роме.

— Нам бы от их трусости коньки не откинуть, — вздохнул Рома и передал сигарету дальше.

В этом момент прямо над ними рванул снаряд. Осыпалась земля, голова раскалывалась, но все уцелели.

— А мы им тут как заноза в заднице, — ответил Лёша, откашлявшись. — Гвину с нами мириться — потерять авторитет. Но мы это можем устроить. Главное — не помирать.

В ответ Рома только ухмыльнулся.

— Я не понял, — Лёша нахмурился. — Это что сейчас было?

— Очень вовремя ты это сказал. Когда земля вокруг прямо стонет.

— Ещё раз повторяю: никто не умирает. Это проще всего. Умер и все твои косяки списаны, а новых уже не прибавится. И в глазах других ты герой. И рождался, получается, не зря, а ради подвига.

— Что-то ты разошелся. Никто не хочет умирать.

— Не спорю. И это личное дело каждого.

— Лично дело? Вот сейчас к нам прилетит, я посмотрю как снаряд будет спрашивать о твоём личном деле!

— Не драматизируй. Наша цель одна: методично и спокойно уничтожать противника. Без геройства. Сложнее всего будет потом всё здесь отстроить.

— Как там наши танкисты интересно?

— За них не волнуйся. Их даже прямое попадание не возьмёт. Очень вычурная у них защита брони.

Артобстрел продолжался. С каждой минутой убитых и раненых становилось всё больше и больше. Царица полей выковыривал тех, чьё укрытие оказалось недостаточно глубоким. Никому из павших не судилось попасть в Вальхаллу. Не было здесь ни грамма чести.

— Лёша, — зашипела рация. Это был Вильгельм. — Здесь есть хорошая позиция для корректировки гаубиц?

— Дай подумать. Кажется, есть. В лесу построили двухэтажный домик для охраны.

— Нужно наведаться. А то нас так всех перебьют. Как только закончат палить, мне нужны добровольцы для рейда к домику.

Саманта старалась не обращать внимания на какофонию со стороны поместья. Сердце сжималось от осознания, что там оставались люди. Что там остался Алексей. Больше всего девушка боялась, что его принесут полуживым, а она не сможет ничем помочь.

Доставили ещё пятерых. Одну сильно изувеченную девушку. Саманта понимала, что жить ей оставалось, в лучшем случае, пол часа. Она дала раненой попить, нежно провела по грязной щеке и пообещала, что скоро должно полегчать. Девушка всё поняла и больше не стонала, а вскоре и вовсе затихла. Она упокоилась с миром.

С остальными поступали по следующей схеме: расширяли рану, обильно заливали спиртом и вытягивали пинцетом осколок или пулю. Дальше оставляли под присмотром

карапуза. Если ран было слишком много, Саманта вкалывала морфин и оставляла бедолаг на потом. Им предстояло пережить ампутацию.

Стоны, бормотание в полу бреду, детский плач и непрекращающаяся пальба вдалеке. Воздух пропитался кровью и перекисью. Всё смахивало на кошмар. И Саманте очень хотелось проснуться, но об этом можно было только мечтать. До этого дня девушка думала, что закалила рассудок. Однако, сегодня ей предстояло проверить его на прочность.

Ей выдалась свободная минутка. Обессиленная, Саманта плюхнулась под ствол дерева, запрятав голову в коленях. Хотелось плакать, но на такую роскошь непозволительно было тратить силы.

— Парни! — послышалось со стороны лесной чащи. — Парни, вы где?!

— Опять несут, — промурчала Саманта. — Дайте передохнуть хоть пять минут.

Внезапно по коже прошлись мурашки, а сердце бешено начало стучать. Девушка осознала, что крик шел не с той стороны, откуда доставляли раненых. Неужели прошли мимо и заблудились? Но почему тогда слышно только одного?

Саманта жестом приказала вести себя тихо и на цыпочках пошла в сторону шума. Басистый голос всё продолжал звать. Вскоре американка увидела его обладателя. Молодой парень. Солдатская форма не по размеру. Сползающая каска. Качающийся автомат. Красная повязка на руке. Шел прямо к госпиталю.

— Отличный залп, Заря один. Теперь сместим огонь на поместье. Давайте пристрелочный выстрел.

Корректировщик глядел в бинокль из окна второго этажа, сидя рядом с большой радиостанцией. Ему хотелось открыть окно и проветрить затхлое помещение, но так он рисковал обнаружить свою позицию. Оставалось терпеть. Благо, снарядов у артиллерии оставалось на несколько залпов. Сидеть здесь оставалось не долго.

Послышался скрип половиц.

— Юлька, это ты? — спросил корректировщик. — Неси сюда, так жрать хочется.

— Прости, на обед только свинец, — ответил Рома и бесцеремонно нащиповал хартийца пулями. — Это вам за Кенни, сволочи.

— Закат один, — шипел рация. — Закат один. Дали выстрел. Закат один?

Рома быстро побежал к радиостанции. План созрел мгновенно.

— Закат один слушает. Были помехи, — ответил он, надевая наушники и пытаясь подражать голосу покойника. Рома взял бинокль. Снаряд упал точно в поле.

— Отличный выстрел. Попали точно по дому. Продолжайте в том же духе, конец связи.

Рома вздохнул. Кажется, проверили. Ударив по стальному корпусу несколько раз прикладом и удостоверившись, что рация больше не заработает, парень покинул второй этаж.

— Вильгельм, у вас чисто? — крикнул он, спускаясь.

— На первом этаже никого. У тебя порядок?

— Если отбросить подробности — да.

— Отлично. Теперь уходим.

Покидая дом, Вильгельм слышал шуршание в кустах.

— Я проверю, — вызвался Вилли.

Подходя к зарослям, шуршание усилилось. Раздвинув ветки, Вильгельм увидел девочку.

Она была совсем ещё крохой. Лет двенадцати. Несмотря на юный возраст, ей уже

выдали форму, ушитую в ногах и руках. Красная повязка давала понять, что Вильгельму нужно сделать. И он это сам понимал. Но Вилли посмотрел в её слезящиеся глаза. Маленький рот шевелил губами, шепча: «Пожалуйста». Внутри что-то ёкнуло. Вильгельм отвёл взгляд. Вокруг девочки лежали котелки для еды. Придя она на несколько минут раньше, её бы уже убили. Но не убьют ли её сейчас?

— Что там, Вилли? — спросил Рома.

Вилли не ответил. Лишь достал Кольт. Девочка зажмурилась. Вильгельм сделал несколько выстрелов.

— Беги, — шикнул Вильгельм.

Девочка скрылась в зарослях.

— Спасибо, — едва слышал Вилли.

— Кто там был? — спросил Рома.

— Заяц, — ответил Вильгельм, избегая его взгляда.

— Парни! Чёртов лес. Куда же они пошли?

Саманта спряталась за сосной, пытаясь успокоить дыхание. Сердце билось так громко, что казалось будто стук мог слышать хартиец. Руки тряслись. Адреналин зашкаливал. И тут её осенило.

«Нож!»

Нащупав заплетающимся пальцами выпуклую рукоять, Саманта вытянула клинок из ножен. Острое лезвие переливалось в лучах. Армейский нож мог свалить любого. Требовался лишь меткий удар. Вот только она была не готова. Как назло в этот момент проснулась совесть.

«Неужели ты отнимешь чью-то жизнь? Готова ли ты причинить кому-то боль и страдание?»

Саманта заглушила её голос. В конце концов сейчас все убивают ради кого-то. Так почему она должна стать исключением?

«Я убью его. Ради раненых ребят. Ради детей. Ради тех, кто сейчас сражается. Ради Лёши. Никто другой сейчас не может. Только я».

Рядом хрустнула ветка. Солдат был совсем близко.

Громко закричав, Саманта бросилась на него с ножом наперевес. Парень даже не успел направить автомат, как его свалили и всадили нож прямо в сердце. Оно ещё несколько раз стукнуло, отдавая вибрацией по рукояти. Солдат закатил глаза и затих.

— Прости, — прошептала Саманта и закрыла ладонью глаза мертвецу. — По-другому нельзя.

Ей внезапно стало жалко убитого. Возможно, его ждали дома? Или его ищут товарищи? К горлу подкатил ком. Стало невыносимо паршиво.

«Лёша. Ты же меня готовил для этого момента. Верно?»

— Что с вами стряслось? — спросил Алексей Вильгельма. Вилли тащил на себе раненого Рому и едва донёс до траншеи. — И где остальные?

— Убиты, — отрезал Вильгельм, аккуратно снимая Рому с плеча. Тот тяжело дышал, держась за живот. — На обратном пути наткнулись на отряд. Оторвались только мы.

Рому унесли. Вильгельм лишь грустно смотрел ему в след.

— Сколько нас осталось? — спросил Вильгельм.

— Половина. Много кого покосила артиллерия. Остальные гибнут во время отражения атак. Штрафников у них было немного, так что шлют теперь пехоту. Но пулемёт и Алиса пока их сдерживают. Танк ещё не стрелял. Ждёт технику.

— Хорошо, — Вильгельм слушал его словно из-под толщи воды. Нервы уже были на пределе. — Готовимся к следующей волне.

Вильгельм не мог поверить, что он целый год здесь жил. Настолько изменилась местность. Земля от огромного количества воронок стала похожа на поверхность Луны. Стёкла в домах выбило. Одна из стен рухнула, обнажив внутренности дома.

Вилли закурил. Сигареты — единственная причина почему он ещё не рехнулся. Многие тоже курили, поднимая над позициями серое облачко дыма. В воздухе чувствовалось дыхание смерти. Любой мог в следующую секунду встретиться с ней.

Прицел оптики свёлся на голове Вильгельма. Стрелок мог разглядеть каждую родинку, ямочку и царапину на облике своей цели. Огонёк на сигарете то потухал, то разгорался с новой силой. Сейчас Вилли был похож на сплошной сгусток напряжения.

Выстрел. Вспышка. Удар грома.

Сигарету словно ветром сдуло, оставив в пальцах лишь фильтр. Вильгельм рефлекторно пригнулся.

— Дерьмо! Снайпер! — зрачки сузились до предела. Вилли откинул окурок, будто тот заражён проказой.

— Вижу его, — Алиса перезарядила винтовку и определила по вспышке местонахождение стрелка. — Неплохо спрятался. Но ничего.

«Не ревную я к другой,

Так это перемелится.

Всё равно ты будешь мой,

Никуда не денешься».

Выстрел. Вспышка. Удар грома.

Перезарядка.

— Поднимем тост за нашего великого господина! За Гвина! — выкрикнул штабной офицер в пьяном угаре.

Его поддержали дружным криком, больше похожим на бляение баранов. Зазвенели гранёные стаканы.

— Смирно! — рявкнул офицер.

Едва держась на ногах, участники застолья поднялись. К ним присоединился их любимый господин. Лицо альбиноса было чернее тучи.

— Козырь, — сдерживая гнев, обратился Гвин. С Козырем он дружил с самого детдома.

— Oui, mon general? — от французского каламбура офицерами овладел новый приступ бляения.

— Вы хоть день можете прожить без бухла?! — игнорируя смех, спросил Гвин.

— Ну чо ты, Холод, — только Козырь мог называть Гвина по тюремной кличке. — Наступление идёт по плану. Через несколько часов их оборона рухнет. А мы поминаем представившихся.

— Вам повода не нужно.

— Расслабься, Холод, — похлопал офицер Гвина по плечу, обдавая того перегаром. — Всё в ажуре.

В этот момент прибежал взъерошенный адъютант.

— Командующий! Седьмой батальон понёс тяжёлые потери и отступает! У нас больше не осталось резервов регулярной пехоты.

— Всё в ажуре?! — заорал Гвин, схватив Козыря за воротник, перекрыв тому воздух. Глаза альбиноса искрились гневом. Адъютант побледнел. Офицер начал задыхаться.

— Передайте... — Козырь собрал остатки воздуха и выпалил. — Передайте штурмовой пехоте... Пусть... Выступает! — лицо офицера становилось синим.

Гвин со всей силы ударил Козыря в солнечное сплетение и откинул. Тот упал, пытаясь справиться с приступом тяжёлого кашля. Остальные офицеры не издавали ни звука, боясь попасть под раздачу.

— Дегенераты. Что здесь, что на юге. Одинаковые. По вам петля плачет!

Гвин резко развернулся и пошел прочь. Вдалеке надвигалась грозовая туча, то и дело сверкая молниями.

Штурмовая пехота. В отличие от ничем не примечательной регулярной пехоты вооружалась по последнему слову техники и комплектовалась опытными бойцами. Только тот солдат, что прослужил пол года, проявив исключительную храбрость и доблесть во время выполнения задачи, имел шанс попасть в штурмовую пехоту.

Штурмовики остро требовались на юге и всё же на это направление выделили двести сорок человек, усилив бронетехникой.

Самозарядные гранатомёты, огнемёты, огромное количество осколочных и дымовых гранат, броня из титановых сплавов, способная остановить автоматную пулю. Арсенал можно было перечислять долго. Всё это предстояло испытать на защитниках поместья.

На поляну бросили дымовые гранаты. Громко зашипев, из них вырвалась белая пелена. Словно туман белая дымка закрывала собой лес. Прятала смертельную опасность.

Стало слышно рычание двигателей. Вскоре из дыма выехали несколько БМП. Стальные монстры неумолимо продвигались вперёд, наматывая на гусеницы густую грязь и трупы. Орудия выплёвывали разрывные снаряды, нанося увечья и сея смерть. Защитники старались выцеливать пехоту, но те прятались за техникой. Настал черёд танка сказать своё слово.

— Ну что же, народ, — вздохнул Андрей, глядя в перископ. В ноздрях стоял резкий запах машинного масла. — Наша задача не сложнее игрушки на компе.

— Только там никто не умирал по-настоящему, — ответили снизу.

— Заткнись, и бери правого на прицел. Следующий снаряд бронбойный.

Башня загудела, поворачивая дуло. Андрей опёрся об холодную сталь. Голова ещё гудела после артобстрела. Возле перископа весела фотография. Семья Андрея. Мама, папа и старшая сестра. Ей было девятнадцать лет.

— Не смотрите, — грустно прошептал пацан. — Сейчас послушный ребёнок будет делать ужасные вещи.

— БМП в прицеле! — крикнул наводчик.

— Огонь по моей команде.

Все закрыли уши.

— Огонь!

Танк извергнул из дула адское пламя. Затем оттуда вылетел снаряд и, пролетев несколько сот метров за считанные секунды, улетел в лес.

— Я сделаю вид, что этого не видел, — проговорил Андрей, откашливаясь от пороховых

газов, заполонивших рубку.

— Снаряд заряжен, — вскоре доложили внизу.

— Огонь!

БМП вспыхнул как спичка. Несколько пехотинцев позади зацепило огнём и осколками.

— «Следующий!» — сказал заведующий.

БМП принялись обстреливать из орудий башню танка, но не имели ни единого шанса пробить толстую шкуру изголодавшегося по бою хищника. Внутри танка барабанило, как будто во время проливного дождя. Вот только «капли» воочию отправляли на тот свет.

Подбили ещё несколько БМП. Экипажи даже не успевали вылезать. Многотонные машины становились для них братской могилой.

Один раз в башню пустили самонаводящуюся ракету. Сработала защита, пустив на болванку струю огня, тем самым сохранив жизни танкистов.

— Хреново, — выругался Андрей. — Эта штука одноразовая.

Осталась последняя бронемашина. Андрей даже не отдал приказ. Наводчик всё смекнул сам, быстро навёлся и выстрелил.

Попадание. Цель уничтожена.

— Слава тебе Господи, — выдохнул Андрей. — Теперь дело за малым. Погоняем пехоту.

Взглянув в перископ, зрачки пацана расширились. Он увидел, как штурмовики посылали из гранатомёта ещё одну ракету.

— Блядя мать! — визгнул Андрей. — Вылезаем!

Было слишком поздно. Ракету уже навели и запустили. Звонко пролетев над траншеями, та вгрызлась в броню и попала в боекомплект. Танку оторвало башню. Вокруг всё горело. От танкистов остались лишь сторевшие ошмётки.

— Вот теперь нам придется туго, — сплюнул Алексей, глядя на башню. Она раздавила двоих беболаг.

— Андрюха, — Вильгельм ещё не осознал случившейся, — что ж ты так.

— Мне кто-нибудь поможет?! — крикнула Алиса. Патроны снайперской винтовки кончились и она заменила павшего пулемётчика. — Эти сукины дети в какой-то броне. По каждому нужно несколько раз попадать.

— Всем огонь без приказа! — закричал Вильгельм. — Они или мы!

Штурмовики были одними из лучших солдат Хартии. Однако не бессмертными. То и дело кто-то падал от пули в голову или изрешечённый от взрыва гранаты. И всё же каждое убийство дорого давалось защитникам. Алексей оглянулся, перезаряжая магазин. Почти все погибли. Лишь единицы ещё вели ожесточенное сопротивление, но и им рано или поздно суждено было поймать пулю.

Позицию Алисы начали обстреливать из гранатомёта, но рыжая не планировала отступать.

— Беги, дура! — крикнул Алексей. — Убьют нахрен!

Алиса его не слышала. Азарт взял своё. Пулемёт стрекотал как сверчок, дающий последний концерт в своей жизни.

«Нужно убить ещё его. И его. И этого. И тебя вылечим. И тебя тоже выле...»

Снаряд попал точно в цель. Пулемёт затих.

— Алиса! — глаза Вильгельма наполнились слезами, а сердце яростью. Со страшным криком он опустошил остаток обоймы в гранатомётчика.

— Вилли, — Алексей испугался своего голоса. Он просто не узнал его, — у меня пусто.

— У меня тоже последняя обойма была.

За траншеей послышались переговоры и шаги. Враг был уже близко. Не сговариваясь Вильгельм взял штык-нож, а Алексей сапёрную лопату.

Двоих они точно успеют забрать.

Стук сердца.

Шаг.

Грустный взгляд друга, которого знаешь всю свою жизнь.

Стук сердца.

Шаг.

Сожаления о том, что это твои последние секунды жизни.

Стук сердца.

Шаг.

Холод, отдающий от рукоятки и капельки морозящего дождя на грязном лице. Дождь? Действительно. Никто и не заметил, как он начался.

Стук сердца.

Шаг.

Вильгельм увидел край каски штурмовика.

И тут застрочил пулемёт, сминающий всё на своём пути. Передние ряды пали, остальные спешно отступали, лоя спиной пули. Алисе кровь заливала глаза, но она продолжала стрелять, пока не опустошила ленту.

Вильгельм перевязывал лоб своей подруге. Та прильнула к фляге, выпив всё до последней капли. С ними сидело полтора десятка чудом уцелевших. Измождённые, грязные, с взглядом на тысячу миль. Все сидели, уткнувшись в одну точку.

— Лёша, — выдавил Вилли, закончив перевязку.

— Да? — уставши подняв изумрудные глаза, ответил Алексей.

— Уводи всех, кто остался. Мы проиграли. Пусть хотя бы кто-то выживет.

— А ты?

— Я остаюсь. Выиграю время.

— Я тоже остаюсь, — вклинилась Алиса.

— Как хочешь, — Вильгельм не захотел с ней спорить, та и сил уже не было.

— Гадство. Не оставайтесь. Мы сможем убежать все!

— Лёша, — перебила его Алиса. — Я так хочу. И Вилли тоже. Просто настала наша очередь. Позволь нам уйти достойно.

Алексей хотел возразить, но Алиса крепко обняла друга.

— Как тепло, — прошептала рыжая. — Береги американку. Пусть вы будете счастливы.

— Лисёнок...

Алиса махнула рукой и, не оборачиваясь, скрылась в бункере.

— Вилли.

— Что ещё?

— В случае, если вы уцелеете, условимся о месте встречи.

— Хорошо. Где? — Вильгельму хотелось лишь поскорее отделаться.

— Палаточный городок. В ста километрах от столицы. Помнишь?

— Да... Хорошие были деньки.

— Будем ждать тебя там. Пожалуйста, не умирайте.

— Тут уж как получится. Удачи вам.

— И вам.

Они пожали руки.

Вильгельм быстро зашагал в блиндаж, стараясь избегать взгляда мертвецов.

Идя по траншеям, Алексей нащупал за пазухой свой дневник.

— Я вас догоню, — бросил он остальным.

В дневнике осталась последняя чистая страница. Достав почти сточенный карандаш,

Лёха дрожащей рукой написал большими буквами:

«МЫ СДЕЛАЛИ ВСЁ ЧТО МОГЛИ».

Затем запрятал его в «лишьей норе» и присыпал землёй.

— Пусть эта частичка жизни останется здесь, — сказал Алексей себе.

— Вижу, штурмовики не справились? — спросил Гвин, наблюдая за объятым пламенем и дымом помещьем.

— Пулемётная точка ещё ведёт сопротивление, — ответил Эрвин. — Остальные, похоже, погибли.

— Эрвин. Скажи на чистоту. Мы облажались?

— Полный разгром.

— Может, оно и к лучшему? На ошибках учатся.

— И всё же мы заплатили слишком высокую цену.

Гвин молчал. Мундир промок до нитки, с белоснежных волос стекали капли. Очки запотели. Тело то и дело пробивала мелкая дрожь. Нога слегка ныла. Сейчас ему хотелось только одного — очутиться в мягкой кровати с Элизабет и забыть этот кошмар. Хоть на несколько часов. Почувствовать тепло её груди, вкус сладких губ, объятия лёгких рук и слышать нежный стон и смех, от которого хотелось жить. Хотелось что-то сделать для неё. Если бы Гвин знал что. Внутри он так и остался младенцем, брошенным рядом с мусоркой. Маленьким человечком, что слишком поздно познал ласку и любовь.

— Командир гвардии, если бы я предложил тебе место в генеральном штабе, ты бы согласился?

— Если господин считает это нужным, — почтительно ответил Эрвин.

— Другого ответа я и не ждал. Эрвин, — Гвин положил ему ладони на плечи, — такие как ты — будущее Хартии.

— Вы слишком хорошего обо мне мнения.

— Ничуть. Я умею разглядеть в куче дерьма блеск алмаза. А теперь слушай мой приказ. Уничтожьте всех кто остался в живых. И сделайте так, чтобы никто не узнал об этом дне. Если информация просочится на Юг — мы пропали.

— Будет исполнено.

Гвардия. Подчиняется исключительно господину Гвину. В неё входят самые лучшие солдаты, доказавшие верность делу Хартии. Была создана по личной инициативе Элизабет.

Увидеть гвардейцев в открытом бою — редкость. Посылать их в мясорубку битвы, тоже самое, что забивать гвоздь микроскопом. Их роль совершенно другая. Диверсии, захват языка, пропагандистская деятельность, поддержание порядка в тылу или же подавление мятежа.

Количество не велико — всего двести человек. Однако, бойцы гвардии пользуются

всеми привилегиями и оставались надёжной опорой Гвина. За своего господина они готовы пойти на любое дело, пусть даже придётся отбросить всю человечность.

Эрвин Кнут — личный адъютант Гвина и командир Гвардии. Почему именно он занял эту должность — никто до конца сказать не мог. Слухов было так много, что одни противоречили другим. Правда, когда дело доходило до выполнения задачи, Эрвину не было равных. Ещё ни разу он не подводил Гвина. И Гвин это ценил.

Алиса тяжело дышала, свесив руки у Вильгельма на груди. Пуля попала ей в шею. Вилли смог остановить кровь, но что делать дальше он понятия не имел. Сейчас нужно было сделать только одно — выбраться. Остальное потом.

Алиса едва шевелила губами, повторяя: «Солдатами не рождаются. Солдатами умирают». Ей помогало хоть немного отвлечься от острой боли.

Всё горело. Дома, земля, деревья, трупы, траншеи. Едкий дым закрыл вечерние солнце. Становилось тяжело дышать. Слезы капали ручьём с карих глаз то ли от дыма то ли от невыносимой горечи, что разрывала изнутри.

— Стоять! — рядом с Вильгельмом выпрыгнул гвардеец, взяв того на прицел.

Сопrotивляться Вильгельм не видел смысла. В любом случае его убьют, но приближать конец Вилли не хотел. Вильгельм аккуратно снял Алису с плеч и уложил на мокрую землю. Рыжая начала тихо стонать в полубреду.

— Отставить, солдат, — приказал Эрвин и спрыгнул в траншею. — Возвращайтесь на исходные позиции, я разберусь сам.

Солдат скрылся в дыму. Вилли покорно ждал, что будет дальше. Эрвин достал из кобуры пистолет и снял с предохранителя.

— Вильгельм, — обратился командир, глядя прямо в глаза, — должен признать, что вы дали достойный бой. И сегодня всем нам выпал достойный урок. Не подумай, ты как человек очень мне симпатичен. Но мы по разные стороны линии фронта. Надеюсь, ты всё понимаешь.

Эрвин прокрутил барабан. Патроны звонко клацнули внутри пистолета.

— Возьми её на руки.

Вильгельм подчинился.

— Теперь иди.

Вилли ватными ногами, неспеша пошел, оставляя Эрвина позади. Алиса обхватила его шею руками. У неё начался жар. Вилли старался не думать, что ничем не может ей помочь. Не хотелось, чтобы это было последней мыслью.

— Вильгельм.

Вилли остановился как вкопанный. Зрачки широко расширились. Каждая секунда измерялась часами. Вильгельм ждал выстрела, но его не было.

— Вильгельм, как командир я должен тебя пристрелить, но как человек я желаю, чтобы ты уцелел. Рано или поздно режим Гвина падёт, а такие, как мы, останемся. Убивать тебя я не вижу смысла. Так что беги.

Последовало два выстрела в воздух.

— Через пять минут артиллерия даст последний залп. Так что лучше, чтобы в этот момент ты был как можно дальше от сюда.

Вильгельм оглянулся. Эрвин исчез. Не веря своей удаче, он так и понёс Алису дальше. Руки налились свинцом. На каждом шагу он спотыкался, но продолжал идти. Продолжал

наивно верить, что есть ещё смысл сопротивляться костлявым объятиям смерти.

— Потерпи. Ещё немного и мы будем в безопасности, Лисёнок. Только держись. Вот увидишь. Утром ты будешь ходить на охоту, а я с Лёхой на вылазки. Анька намажет ссадины зелёнкой очередной малолетки. Рома приготовит кулинарный шедевр. А Саманта будет грустно ждать нашего возвращения. Вечером мы обязательно сыграем в покер, а потом начистим морду Лёхе за шулерство. Барон попросит помощи в ещё одной аванюре и мы без колебаний согласимся. Всё будет. Так ведь, Алис? Верно?

Рядом разорвался снаряд. Вильгельма высоко вверх подняла неведомая сила. Вилли не испугался, лишь слегка улыбнулся. Упав в воду холодной речушки, он на секунду, за всё это долгое время, почувствовал покой и умиротворение.

И больше **ничего**.

Гвин был в ярости из-за колоссальных потерь, понесённых при штурме. Битва за поместье показала всю беспомощность армии Хартии перед организованным сопротивлением. Войскам требовались перемены. И Гвин их устроил.

В первую очередь он расстрелял всех офицеров из Генерального штаба и их гнилое окружение. Взамен он поднял по карьерной лестнице амбициозных и опытных командиров. Кто как ни они знали сильные и слабые стороны хартийской армии? Среди них был и Эрвин Кнут, будущий маршал. Ему было суждено подарить не одну победу для своей отчизны.

Открыв второе дыхание, Дивидеандская Хартия продолжила нести порядок и стабильность дальше, куда только падал взор её лидера.

Комментарий автора

О боги, вы дошли до этого момента. Неужели вам действительно было интересно то, что написал автор? Если да, поставьте ему лайк. Вы просто не представляете какую мотивацию даёт каждый положительный отзыв и отметка «нравится». Ниже будет минута сентиментальности и соплей, ничего интересного.

Спасибо. Спасибо моим очаровательным бетам, которым приходится разгребать те горы орфографических и пунктуационных ошибок. Я в шоке, как они меня ещё не бросили. Спасибо бессонным ночам. Только в это время у меня получается придумать очередной сюжетный поворот. Спасибо пользователю САД за критику и предоставление обучающих материалов. Неизвестно закончил бы я, если бы не её советы. Спасибо тебе, читатель. Спасибо, что всегда со мной. Это моя первая большая работа. Несколько раз хотелось бросить, но силы продолжать я находил только благодаря всем вам. Спасибо, что вы есть.

Работа над второй частью уже началась. Возможно, когда вы это читаете, она уже окончена и выпущена в мир интернета. Очень надеюсь, что вам будет интересно.

Спасибо.

Часть вторая. Пролог

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.

Фридрих Ницше

Холод. Он не был ровней январским морозам, однако с лёгкостью пробивал до дрожи в костях Козыря. Бывшего главу Генерального штаба было не узнать. Три дня и три ночи в тёмном подвале. Без сна. Без еды. Подвергавшегося бесконечным пыткам.

От Козыря требовалось лишь одно: раскаяться в своих грехах и просить прощения у господина. Выдержки допрашиваемого хватило на пол часа. Валяясь в собственной блювотине и моче он, скуля, просил пощады. Правда тому, кто вёл пытки, раскаяния показались не искренними. И истязания продолжались трое суток.

Козырь не знал личности своего палача. По большому счёту всем было мало чего известно о нём. Отто Крюгер, будущий глава «Отряда сто тридцать семь», больше известный по прозвищу «Приятная смерть». Гвин узнал о нём совершенно случайно, когда искал человека на должность формируемой тайной полиции.

Во время военных столкновений на Юге он проявил себя во всей красе.

Протыкание ногтей иголками, пытки раскаленным железом, засовывание инородных предметов в задний проход, шантаж близкими, психологическое давление... Послужной список Крюгера занимал несколько десятков листов. Такая личность идеально подходила альбиносу.

Козырь месил босыми ступнями вязкую грязь. Сквозь лохмотья краснели глубокие раны. На лице не осталось живого места, лишь синеющие синяки и ссадины. Солнце ласкового гладило лучами обезображенный затылок. Воробьи резвились в лужах, пытаясь отмыться от налипшей пыли.

Козырь поднял голову и единственным уцелевшим глазом увидел толпу перед кирпичной стеной. Его старые друзья, приятели, знакомые. Казалось, здесь собрались все, с кем Гвин сбежал из тюрьмы. Бывшие помощники представляли собой жалкое зрелище. Безликая масса, раздавленная, измождённая, униженная. Крюгер блестяще справился со своим первым заданием.

Козыря пинками затолкали в массу. На них молча смотрел ствол крупнокалиберного пулемета. Показался карлик с приговором. Козырь лично рекомендовал его Гвину, как человека, умеющего обращаться с буквой закона. Какая ирония.

Козырь не слушал приговор. В конце концов, всё это представление нелепый фарс для публики. С таким же успехом их могли до смерти забить в подвалах и не тратить патроны. Слишком много чести для них уготовил Гвин. Для бывших бандитов, которые не такие уж и бывшие.

Козырь всё ждал, когда появится сам Гвин. Неужели он откажет себе в удовольствии? Козырь ошибся. Гвин неспеша вышел на балкон, закурил и облокотился о перила. Он сверлил взглядом старых друзей и в его глазах промелькнула... грусть? Нет, Козырю показалось. Такой человек не мог позволить себе такую роскошь как сожаление.

Карлик закончил читать приговор. Стрелок проверил пулемёт и нажал на спусковой

крючок. Через двадцать секунд всё было кончено. Тела принялись обливать бензином. Рядом терпеливо ждал своего часа огнеметчик. Гвин не стал дожидаться, когда гниль Хартии превратиться в пепел. Его ждал новый Генеральный штаб.

Линейная пехота наполеоновской армии смело шагала навстречу врагу. Барабанщик молча отбивал ритм. Штыки блестели на ярком солнце. Командир яростно отдавал приказы и солдаты незамедлительно их исполняли.

Внезапно стала дрожать земля. Пехотинцы начали нервничать. Послышался леденящий кровь рык. Из тумана войны на солдат выбежало несколько тираннозавров. Они ворвались в стройные ряды, давя людей и раскидывая их длинными хвостами. Неведомым образом воскрешённые твари не оставляли ни единого шанса на спасение.

Вильгельму стало скучно. Он отложил пластмассовых динозавров в сторону и принялся заново расставлять фигурки солдатиков. Ребёнка совершенно не смущало, что на одной стороне сражаются индейцы племени майя, солдаты антигитлеровской коалиции, космические рейнджеры и много, много кто ещё. Какая разница, если ваш главнокомандующий большой плюшевый лис.

В соседней комнате послышался звонкий звук битой посуды. Затем два нарастающих крика. Почему-то взрослые наивно думают, что если начать громче кричать, то их обязательно начнут слушать.

В последнее время родители стали часто конфликтовать. Вилли пытался их помирить, но что может сделать ребёнок? Единственное, что могло его отвлечь — игрушки. Но в этот раз его лишили и такой роскоши.

Два шумных гиганта ворвались в комнату Вильгельма. Он с трудом узнал в них отца и мать. Маленький Вилли от неожиданности застыл, держа в тонких пальцах солдатика. Родители всё продолжали дискутировать на повышенных тонах, а Вильгельм тщетно пытался понять, что они говорят. Внезапно «гиганты» что-то спросили у него. Он так и не вспомнит, что от него тогда хотели. Вильгельм лишь молча будет смотреть на них, не понимая, почему всё складывалось именно так. Не понимая, почему ребёнок должен расплачиваться за ошибки взрослых.

Мама собирала вещи. Отец не мешал ей, уткнувшись в одну точку. Маленький Вилли пытался остановить родительницу.

— Мама, мамочка. Пожалуйста, не уходи, — Вилли крепко обнял её.

— Отошёл, — отрезала она и отпихнула Вильгельма. — Нужно было тогда решиться на аборт, — бросила мама и гримнула дверью.

Это стало последними словами матери, которые слышал Вильгельм.

Глубокий вдох. Выброс адреналина. Острая боль по всему телу, постепенно уходящая в ногу. Сырость, от которой начиналась мелкая дрожь.

Вильгельм почувствовал, что его клевали. Клюв рвал камуфляжную ткань. Ещё немного и он доберётся до желанной плоти.

Вилли приложил усилие и открыл глаза. Его бок терзал ворон. Огромная чёрная птица, полностью поглощённая процессом. Одно из немногих существ, получающее выгоду от людских конфликтов.

Вильгельм и ворон встретились взглядом. Хищник осознал, что его добыча ещё не совсем мертва и отскочил. Вилли бросил вдогонку комок глины. Недовольно каркнув, ворон полетел искать более податливый источник пищи.

Вдалеке, на фоне восхода, тянулся густой шлейф дыма. Несмотря на то, что течение отнесло Вильгельма на приличное расстояние, запах гари и гнили доползал и до сюда. Вокруг поля битвы кружила огромная стая падальщиков.

Вильгельма стала мучать жажда. Он попытался встать на ноги, но тут же упал от невыносимой боли в ноге. Возле ступни торчал небольшой осколок. Вокруг раны ткань окрасилась в алый цвет. Игнорируя боль, Вилли пополз к реке, после чего окунулся с головой в воду.

Почти сразу он вынырнул и начал отплевываться. Со дна, сквозь прозрачную воду, на него смотрел труп хартийца. Вильгельм продолжал молча смотреть на него. Казалось, что своим взглядом мертвец просил помощи.

«Нужно уйти с открытой местности».

Мысль оказалась здоровой. Нет никаких гарантий, что противник покинул округу. Вильгельм продолжил путь ползком, раздвигая руками камыш. Несколько раз он натёкался на змей. Они тут же уползали, завидев его. Осколок за что-то зацепился. Ногу резануло так, что Вильгельм едва не потерял сознание, а затем принялся материть всё на чём свет стоит. Начиная от Гвина, заканчивая наводчиком, пустившим снаряд. В этот момент по спине Вилли прошёлся холодок.

«Алиса».

После взрыва он ничего не помнил. Где она и жива ли? Её поиски Вильгельм решил начать сразу же после того как сможет позаботиться о себе.

Камыш закончился и начался лес. В его недрах Вилли увидел небольшую избу. Её крыша покрылась ковром из мха, а доски начали гнить. Правда, для Вильгельма это стало сродни спасительной соломинки для утопающего.

Опёршись о дерево, он принялся скакать к спасительному пристанищу. Случайный свидетель мог бы принять в нём лешего, водяного или иное чудище. Настолько у него был жуткий вид.

Сухие ветки громко трещали от расползающегося огня. Вильгельм обложил новый источник тепла небольшими камушками и положил в горящие недра армейский нож. Сталь постепенно становилась ярко-оранжевой.

Изба пустовала приблизительно год, если не больше. По скромному интерьеру и охотничьему карабину Вилли понял, что здесь когда-то жил лесник. Хотя природа уже давно забыла об этом. Посуда заросла паутиной, мебель покрылась сантиметровым слоем пыли, потолок протекал, а в постели завелись клопы. Но Вильгельму повезло — под охотничьим ложе он нашел аптечку и скромный хирургический набор.

Сняв штаны, он принялся заливать рану спиртом. Начало противно печь, но Вилли понимал, что настоящая боль впереди. Достав пинцет, он взял им осколок. Боль стала нестерпимой и Вильгельм сразу же отпустил.

— Сука, — причитал он, шипя, — ну почему нельзя было положить обезболивающее? Что же ты за лесник такой?!

Собравшись с духом, Вильгельм попробовал ещё раз. Казалось, что боль только усилилась. Но Вилли отступать не собирался.

— Терпеть. Терпеть, я сказал! Терпеть! Ах...

Осколок поддался и выскочил. Из раны начала вытекать кровь. Не долго думая, Вильгельм взял нож и приложил раскалённое лезвие к ране. Он представлял, что будет больно, но такой боли Вилли никогда не испытывал. Кровь начала шипеть, волдыри

лопаться, а нога дёргаться, словно пытаясь избежать нечеловеческих пыток. Вильгельм завалился на спину, придавил лезвие и отдал себя в руки агонии. Нечеловеческий крик согнал с деревьев лесных птиц.

Вильгельм никогда не готовил на костре, однако караси, покрываясь тонкой хрустящей коркой, выглядели аппетитно. Вилли не мог дождаться, когда они будут готовы. Сейчас он готов был съесть что угодно, а жареная рыба казалась манной небесной.

Сзади послышался хруст веток.

«Приплыли. Услышали всё-таки крик».

Рука медленно потянулась к карабину. Вильгельм резко развернулся и едва не выстрелил.

— Ты?... — только и смог выдавить Вилли.

Оставалась последняя сигарета. За этот день Алексей выкурил целую пачку и оставалась последняя. Взяв её дрожащими пальцами он в последний момент опомнился. Весь холм обложили ранеными. Их стоны сливались с жабьем пением и потихоньку сводили Алексея с ума.

— Сонька! — подозвал девочку Алексей.

— Да?

— Угости кого-нибудь, — Лёша протянул сигарету.

— Хорошо.

— Только не вздумай сама курить.

— Бу, — девочка скорчила обиженную гримасу и поспешила обратно.

Дети ухаживали за ранеными, старательно исполняя указания Саманты. Девушку настолько поглотил процесс, что у неё даже не было времени спросить, что происходит. Во время перехода через болота она только и бегала от головы колонны к хвосту. И даже с её титаническими усилиями трое человек не смогли пережить дорогу.

Алексей наблюдал за ней. Саманта делала одну из бесконечных перевязок. Несколько капелек крови застыло на щеке и могло показаться, что это родинки или веснушки. Волосы распустились и девушка периодически поправляла непослушные пряди. Тут сердце Алексея забилось чаще. Брошка. Даже среди бушующего безумия она не забыла нацепить брошку. Алексей улыбнулся. Он достал футляр и открыл его. Девушка на фотографии была совсем иной. В глазах ещё блуждал озорной огонёк, а на губах улыбка. По сравнению с тем ребёнком, Саманта стала взрослее, серьезнее и ответственнее. Алексей выполнил напутствие Барона. Он сделал из Саманты нового человека. И теперь был готов сопротивляться до последнего, чтобы вытянуть её из пучины мрака, а заодно и остальных. Он пока не представлял как, но это были вопросы на завтра. Сейчас он отдыхал на холме и ждал. Ждал свою девочку.

— Я думала, этот день никогда не закончится, — прошептала Саманта, садясь рядом с ним.

— У кого есть шансы оправиться от ран?

— Если половина переживёт ночь — уже хорошо, — сказала Саманта, будто говоря о походе в кино.

— Как Рома?

— Ничего хорошего. Пуля попала в живот. Я не могу её вытащить, — у Саманты могли начать течь слёзы, но за этот день она их все выплакала.

— Иди сюда, — Лёша заключил её в объятия и уложил на колени. — Набирайся сил. Завтра постараемся пройти эти топи.

— С Анной мне бы было намного легче.

— Я думаю, что она внимательно следит за тобой и гордится.

— Не думаю.

— Прекрати. Я горжусь и этого достаточно.

— Лёша...

— Что?

— Я убила человека. Пожалей меня, — промурчала Саманта и провалилась в сон.

Алексей лишь нежно поглаживал её по макушке.

Жук с ярко-зелёным панцирем медленно полз по ладони. Он переливался в солнечных лучах и казалось, что это малахит, добытый гномами в самых глубоких подземельях. Алиса с интересом наблюдала за ним, периодически подставляя другую руку. Её шею туго перевязали бинтом. Сама девушка заметно устала, но держалась стойко.

Вильгельм не находил себе места. Он медленно передвигался по дому, не веря, что она нашла его.

Алиса здесь. С ним.

Живая.

— Как тебе удалось вытащить пулю?

— Разве это важно? — не отрываясь от жука, спросила рыжая.

— Тебе сейчас больно?

— Приятно, — скривилась рыжая.

— Голодная? С прошлого дня ничего не ела.

Вилли попытался предложить ей рыбу, но Алиса отказалась. Ему оставалось лишь сесть рядом с ней на кровать.

— После всего, что я вчера увидела и пережила, я чувствую себя, как этот жук. Ползёшь себе, куда считаешь нужным, пока не попадёшь в чьи-то руки и твоей жизнью не начнут играть, пока не надоест. И ничего после тебя не останется, никто о тебе не вспомнит. Как же страшно осознать, что когда-то ты умрёшь.

Жук расправил тоненькие крылья и взлетел, гулко жужжа.

— Понимаешь, Вилли, хочется почувствовать себя живой. Хотя ненадолго, — она нежно провела по его загривку. — Прикоснись ко мне.

Порыв любви, нежности, страсти и воли к жизни. Всю ночь они изучали каждый сантиметр друг друга и упивались каждым моментом сполна. Боль, ложе полное клопов, затхлое помещение — всё стало таким несущественным. Осталось только одно — желание, чтобы эта ночь никогда не кончалась.

— Как самым старшим, Саманта, нам нужно решить, что делать дальше. Остальные сейчас не могут, только мы.

На коленях Алексея лежала карта. В нос лез запах перекиси и крови. Диковинный аромат для таких мест.

— Что ты предлагаешь? — спросила Саманта.

— Во-первых, нам нужно найти пристанище. Болотная сырость — самый главный враг для раненых. Так что будем двигаться в северном направлении, надеюсь, что к вечеру

выберемся отсюда. Там лес, даже какой-то детский лагерь. Будет неплохо, если он пустой.

— А во-вторых?

— Во-вторых, когда выполним первоочередную цель, я пойду на место встречи с Вилли.

— Думаешь, он выжил?

— Не знаю. Остаётся только ждать.

— И сколько ты намерен ждать?

— Пока не надоест.

— Пойдёшь один? Без меня?

— Мы не знаем, что творится в округе. Для тебя это слишком опасно. К тому же ты нужна раненым.

— Я понимаю.

— Сколько нас осталось?

— Пятьдесят один. Вернее пятьдесят.

— То есть?

— Рома в очень тяжёлом состоянии. Он не переживёт транспортицию.

— Что ты предлагаешь?

— Лёша, — Саманта запнулась. — В аптечках военных есть один препарат. Я не знаю, с какой целью его создали, но он останавливает мозговую деятельность и парализует нервную систему.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Я могу ввести Роме укол и он спокойно умрёт. Без мучений.

— Ромка, Ромка... — задумчиво протянул Алексей.

— Как только все начнут выдвигаться — я с ним останусь. Надеюсь, что потом успею вас догнать.

— Милая, ты действительно готова сделать это?

— Нет... Но так будет лучше.

— Хорошо, — вскоре ответил Алексей. — Не думал, что я буду выбирать для друзей какой будет их смерть.

— Прекрати. И так паршиво.

— Приступим, — Алексей поднялся, на миг прикоснулся губами к её нежной щеке и больше не оборачивался.

Анна, Вильгельм, Алиса. Теперь и Рома. Лёша потерял всех, кто связывал его с прошлым.

— Саманта? — Рому трясло, а от тела отдавало жаром. — А где же... все? Почему... почему мы одни?

— Они сейчас вернутся, — ответила Саманта, не смотря ему в глаза. Игла никак не хотела пробивать крышку ёмкости с препаратом. Руки слегка подрагивали.

— Что это... за лекарство?

— Тебе полегчает. Обещаю, — она с трудом выдавила улыбку.

— Тогда... хорошо. Знаешь, что мне... снилось? Как я с... Кенни леплю... песочные замки. Подумать только... я когда-то так жил.

— Ты бы хотел его увидеть?

— Всё бы отдал.

— Тогда закрой глаза и расслабь руку, — у Саманты подкатил ком к горлу. С огромным трудом она сдержала слёзы.

Холодная игла вонзилась в кожу. Смертельная жидкость перекочевала в вены. Саманта отбросила шприц и лишь тихо наблюдала за Ромой. Он ещё продолжал сопеть.

— Кенни? — спросил Рома, затем дёрнулся и полностью затих.

— Рома? — позвала его Саманта. — Рома...

Саманта дала волю эмоциям и тихо заплакала. Горькие капельки слёз обагрили весеннюю траву.

— Прощай, Рома, — Саманта поднялась, надевая медицинскую сумку. — Нам нужно идти дальше. Отдыхай.

— Мы можем остаться тут, — мечтательно протянула Алиса, завязывая волосы. — Никто нас здесь не найдёт. Вокруг такая красота. Вполне сгодится на наш маленький рай.

— Я обещал Лёхе найти их. А учитывая, что болота придётся обходить, то будет очень не близкий путь.

— Что же, — Алиса стала серьёзной, — тогда мне нужно кое-что тебе показать.

— Что именно?

— На месте узнаешь.

Всю дорогу Вильгельма волновали в Алисе две странности: она отказалась показывать рану и так ничего не поела. Вильгельм оправдывал это истощением нервов, однако спокойнее от этого не становилось. Что-то было не так? Но что?

— Куда мы направляемся?

— В поместье, — ответила рыжая не оборачиваясь.

— Ты что-то там забыла?

— Да... Можно и так сказать.

— Ты можешь по-человечески сказать в чём дело? — Вильгельм постепенно начинал заводиться.

Алиса обернулась. В глазах стояли капельки слёз.

— Лисёнок... Ты чего?

— Можешь заткнуться и идти за мной? Хоть сейчас?

— Хорошо. Как пожелаешь.

Земля вокруг ещё тлела. Зловоние долго будет оставаться спутником этих мест. Здания территории поместья полностью сгорели. От них остался лишь обгоревший фундамент.

Вильгельм нашел в куче пепла игрушечную корону. Она была как кусочек прошлого, напоминавшего, что он был когда-то счастлив.

«Может взять её? Тимка был бы рад. Хотя, зачем она ему сейчас?»

— Нам туда, — прервала Алиса его мысли, махнув в ту сторону, где у них находилось кладбище.

Вильгельм до последнего ожидал, что могилы покойников разворотили, в отместку за их сопротивление. Он ошибся. Могил наоборот стало больше. В основном они были общие. Хоронили как хартийцев, так и защитников поместья.

Вот могила танкистов. Вилли с минуту постоял рядом с ней.

«Андрюха. Славный был малый».

Могила Анны осталась неизменной. Даже к ёмкости для праха не притронулись. Эрвин Кнут знал толк в дисциплине.

Задумавшись, Вильгельм едва не врезался в Алису. Она смотрела на ещё одно пристанище покойника.

Деревянный крест. Небольшой холмик. Снайперская винтовка без обоймы. Табличка. На ней надпись: «Храбрая бестия, достойно ушедшая».

— Как приятно, — прошептала рыжая.

— Алиса? — Вильгельм не понимал, что происходит.

— Тебе придётся идти одному, Вилли, — сказала Алиса, тоскливо глядя ему в глаза. —

Без меня.

— Что? Почему?

— Вспомни. Неужели ты забыл?

В тот момент. Когда снаряд упал рядом с ними. Алиса закрыла собой Вильгельма.

Вилли вспомнил это. И теперь хотел забыть.

— Пора нам прощаться, Вилли.

— Не бросай меня. Я не хочу оставаться один.

— Ты не один. Ты первый, — она вложила ему в ладонь пистолет. — Стреляй в меня.

Освободись от иллюзий. Докажи себе, что ты можешь двигаться дальше.

— Я не могу...

— Можешь, — Алиса отошла, раздвигая руки. Она грустно улыбалась. — Стреляй в

меня.

— Я не могу! — сорвался на крик Вилли.

— Стреляй, тряпка!

Палец на курке дрогнул и прогремел выстрел. Алиса исчезла, как и пистолет.

Вильгельм завалился на землю и скрутился калачиком. Хотелось плакать. Очень. Но не получалось. Казалось, что с утратой Алисы он что-то потерял в себе. Что-то человеческое.

— Я убью его, — прошептал Вильгельм, поднимаясь. — Обещаю. Это будет не сегодня и не завтра. Но когда-то я его убью.

Вильгельм положил ладонь на крест и молча стоял. Очень долго. Он прощался. С прошлой жизнью. С погибшими ребятами. С Алисой. С самим собой.

— Никогда не видела чужаков со стороны болот, — прокомментировала Асэди, с нескрываемым интересом наблюдая за колонной из густых зарослей.

— Нужно сказать Эстер, — предложила Медига.

— Погоди, — Асэди положила ей руку на плечо. Рука, как и всё тело, покрылась зелёными красителями и узорами. — Не похожи они на бандитов. Одни дети и калеки.

— Предложения?

— Они идут прямо на нашу половину. Чёрт, в последнее время Атали совсем не в духе. Точно с них всех скальп снимет, — от этой мысли Асэди скривилась. — Значит так. Я постараюсь, чтобы они свернули на вашу сторону. А ты предупреди Эстер и Дэви. Ещё одной резни матушка не потерпит.

— Сэди, — Медига нежно потёрлась об неё. Асэди стало неловко, — будь осторожна.

— Меди, Меди, — Асэди потрепала её по золотой макушке. — Вы, вигвиры, совершенно не чета нам, вадвирам.

Алексей с облегчением выдохнул. Наконец-то они добрались до леса. В какой-то момент Лёша отчаялся и уже подумал, что им вечно предстоит бродить по бесконечным топятам.

Еда, вода и лекарства подходили к концу. Все ужасно устали. Особенно дети. Их маленькие ручки растёрлись до крови, ноги по колено облепила трясина, а спины болели от совсем не детских нагрузок. Правда, никто не жаловался. Каждый понимал, что в противном случае всех бы ждала незавидная участь.

Все отдыхали, собирая силы на последний рывок. У всех было одно желание: оказаться в таинственном детском лагере и забыться сном. Хотя бы до утра. А утром решение обязательно найдётся.

Алексей поил из фляги раненого. Воды осталось всего несколько капель. Где пополнить запасы, Лёша не знал.

Со стороны леса неожиданно начала литься музыка. Все застыли, прислушиваясь. Казалось, что все земные и неземные существа объединили свои голоса, чтобы создать столь божественные звуки.

— Пойду посмотрю, что там, — мрачно сказал Алексей. Он понимал, что только человек способен на такое.

— А вдруг это ловушка? — предположила Саманта.

— Почему-то я уверен, что так и есть. Но придётся сделать вид, что я повёлся. В любом случае нам идти в эту сторону. Оставайся здесь. Я быстро.

Алексей скрылся в зарослях, следуя за незримым источником волшебной музыки. Лёша не сильно разбирался в музыкальных инструментах, по этому мог лишь гадать, что играют на чем-то духовом.

Он был прав. Асэди играла на флейте. Когда будущей летавице исполнилось пять лет, отец подарил ей флейту. С тех пор Асэди усовершенствовала свой навык игры практически до идеала. Музыка зачаровывала лесных обитателей и помогала сёстрам ненадолго забыть личные обиды. Сама же Асэди таким образом хранила память о семье.

Удостоверившись, что незванный гость последовал за ней, Асэди принялась увлекать его

в глубь леса, не переставая перебирать пальцами по инструменту. Её шаги были обдуманы, уверены и безшумны. Прожив целый год в лесу, летавицы не заметили, как стали его неотделимой частью.

«Ещё немного, — подумала Асэди. — Ещё немного, и он будет на их половине. Тогда я смогу его предупредить».

Девушка вошла в кураж. Сердце учащённо стучало, а руки слегка подрагивали. Глаза же напротив — чуточку приоткрылись. Музыка лилась с удвоенным рвением. Ещё никогда от игры Асэди не зависели чьи-то жизни.

Позади затрещали ветки и послышалась резкая брань. Летавица прервалась и оглянулась.

— Угодил в ловушку? Но мы же здесь ничего не ставили! — она поспешила на выручку.

«Дерьмо! — выругался про себя Алексей. — Всё-таки засада».

Его нога туго опуталась веревкой, а мир перевернулся вверх дном. В отчаянных попытках освободить себя, Лёха не заметил, как его окружили обитательницы лесных чащ, с интересом изучая попавшего в ловушку. Кожа каждой девушки была полностью покрыта тёмно зелёными красителями и вычурными узорами. Волосы коротко подстрижены, в них ютились павлиньи перья. От их количества зависело место, занимаемое в иерархии летавиц.

«Это что ещё за маскарад?» — спросил себя Алексей.

Асэди опоздала. Она могла лишь беспомощно смотреть, как её сёстры натягивали тетиву в ожидании команды Атали. Та, сузив карие глаза, с улыбкой плотоядного хищника, водила лезвием ножа по заросшей щеке Алексея. Парень старался не дышать.

— Когда же вы поймёте, сволочи, — обратилась летавица к Алексею, — что в этих краях вас ждёт лишь жуткая смерть. Впрочем, тебе повезло. Вадвиры, нашигуйте его стрелами.

— Не трогай его! — послышалось сзади.

— Дура! — рявкнул Алексей. — Я же сказал оставаться с ранеными!

Летавица лёгким движением повалила Саманту и заключила в стальную хватку. Американка с трудом дышала. О сопротивлении не могло идти и речи.

— Какое милое личико, — сладко протянула Атали. — И даже шрам не стал помехой. Что же, сделаем их побольше.

— Атали, — обратилась к лидеру Асэди. Остриё клинка застыло в сантиметре от скулы Саманты.

— Асэди, ты же знаешь, как меня бесит, когда прерывают.

— Знаю, — ухмыльнулась летавица. — Просто мы сейчас не на своей территории, — она кивнула в сторону метки высеченной на дереве, обозначающую границу двух сторон. — И ловушка не наша.

— Холера, — Атали заметно поникла. — Повезло тебе, девчонка. С другой стороны, что нам мешает их прикончить?

— Вигвиры уже близко. Я чую их. Ещё одну выходку нам не простят. Особенно матушка Эстер.

— Асэди, — Атали не успела отчитать сестру. Её прервали подоспевшие вигвиры, взяв вадвиров на прицел.

Алексей слегка приободрился. По крайней мере из него не сделают прямо сейчас мишень для стрел.

— Пришли, — послышалось где-то сзади. Откуда именно, Алексей не мог понять. Его глаза окутала тьма и всю дорогу он мог лишь гадать, что происходит.

Что сделали с Самантой? С детьми? С ранеными? Он не знал.

Тёмная ткань повязки спала и Лёша слегка прижмурился, затем обвёл в взглядом внушительных размеров помещение.

«Где это я? Держу пари, что в лагере. Но что это за место?»

Ему не дали закончить мысль. Летавица грубо ударила под дых, от чего Алексей свалился на колени, а затем почувствовал как руки туго связали верёвкой. Узел оказался хороший. Чем больше Лёша двигал ладонями, тем туже он затягивался.

Было почти темно, от чего Алексей едва мог разглядеть свои колени. Лишь несколько восковых свеч и факелов с трудом разгоняли расползающуюся тьму. Когда-то это был актальный зал. Когда-то, давным давно. Стулья давно разобрали на строй материалы, от чего в помещении стало необычайно просторно.

Алексей не сразу заметил как с обеих сторон начала собираться толпа. С левой стороны к Алексею подошла уже знакомая брюнетка. Парень нервно сглотнул. Атали лишь бросила полный призрачного взгляд и, не проронив ни слова, стала наблюдать за сценой. Справа к Лёше подошла русая девушка. Она с негодованием посмотрела на Атали, а затем с нескрываемым интересом на Алексея. Когда-то её волосы были длинными и шелковистыми, но в силу обстоятельств с этой красотой пришлось расстаться. Лёша бы постарался выдавить из себя улыбку, но понимал, что ситуация к этому не располагала.

В целом же Алексей не понимал, что происходит. Он радовался, что из него ещё не сделали отбивную, однако не сделают ли это в ближайшее время? Всё зависело от его слов.

«Нужно сказать им правду. Ложь они сразу почувствуют. По ним видно».

Летавицы почти заполнили помещение и разделились на две группы. Алексей выступал чем-то в роли барьера между ними. Лёша то и дело видел как стороны обменивались недружелюбными взглядами. Самого Лёшу что-то внутри терзало. Какая-то пока неуловимая ему деталь. И он пытался понять, что он упустил.

На сцену поставили небольшое кресло, явно ручной работы. Все молча ждали. От воцарившейся тишины Алексей мог отчётливо слышать бешеный стук собственного сердца. Руки и колени начали болеть, но жаловаться не приходилось. Бывало и хуже.

Послышался едва уловимый стук шагов. Летавицы, не стовариваясь, упали на колени, боясь поднять взгляд. Из тьмы, окружавшую сцену, появилась девушка. Как только Алексей её увидел, то сразу отметил необычайно бледный цвет кожи. Могло показаться, что она отбивала свет идущий от свечей. Лицо было по своему красиво, однако на нём осталась неизгладимая тень печали. Казалось, что девушка пережила все муки человечества и продолжала жить с ними сейчас. Сев кресло и приняв аристократическую позу, Эстер пристально рассматривала бирюзовыми глазами Алексея. Как будто пытаясь узнать о нём всё. Лёша заметил ещё одну деталь. Она была единственной, у кого остались длинные волосы.

— Имя, — кратко обратилась летавица. Лёша не сразу понял, что обратились к нему.

— Алексей, можно просто Лёша. Пришел со стороны болот и хочу предупредить...

— Я спросила только твоё имя, — резко перебила его Эстер.

«Какая недотрога, — подумал Алексей. — Но это до первого душевного разговора».

— Атали, — бирюзовые глазки взглянули на брюнетку, — почему сёстры нашли тебя не

на своей половине? Мне стоит усомниться в твоей верности и добропорядочности?!

— Матушка Эстер, — пролепетала Атали, не поднимая головы. От былой пылкости не осталось и следа, — чужаки зашли на территорию вадвиров. Мы вели преследование, совершенно позабыв о границе. Я готова принять любое наказание.

— С тобой я разберусь позже. Деви, — Эстер обратилась к коротковолосой блондинке, — кого взяли ещё, кроме этого?

— Одни дети и калеки. Есть ещё девушка. Всю дорогу посылала нам проклятия и пыталась вырваться.

Алексей лишь слегка ухмыльнулся.

— Куда вы их дели?

— Спрятали в надёжном месте, — улыбнулась Деви, глядя на Атали. — Все ужасно голодные — решили накормить.

— Узнаю своих сестёр-идиоток, — отрезала Атали. — Вместо того, чтобы вздёрнуть чужаков на ближайшем суку, они их кормят и дают ночлег!

— Не поступать же с детьми твоими методами, сестрица. Лес и так полон запахов трупного зловония.

— Да, вы же у нас милосердны. Отпускаете чужаков на все четыре стороны, а потом мне приходится защищать лес от очередного отряда головорезов!

От перепалки Атали и Деви у Алексея начала болеть голова. Он и не заметил, как обе стороны начали вспоминать старые обиды и распри. Помещение заполнили звонкие крики обитательниц леса. Эстер лишь молча наблюдала, всё сильнее сжимая рукоять кресла. В конце-концов её терпение лопнуло. В воздухе блеснуло остриё кинжала, а в следующий момент его острый конец уже торчал в полу. В нескольких сантиметрах от колен Алексея.

Все затихли. Опять стало очень тихо. Алексей, пытаясь унять дрожь, изучал вычурные узоры на рукояти кинжала. Сделали его давно. Очень давно. Ещё во времена царей и императоров. Но бережный уход за столь старинной реликвией не оставил на предмете ни единого изъяна.

— Вы хотите, чтобы наш лес уничтожили? — спросила Эстер. Ей никто не ответил. — Я не слышу!

— Нет, матушка! — ответили Атали и Деви.

— Тогда позакрывали рты, — прошипела Эстер. Её тихая ярость была страшнее любой артиллерийской канонады. — Алексей, — смягчилась Эстер, — что привело тебя сюда и твоих людей?

Лёша задумался. Слишком много произошло за последние несколько дней и он не знал с чего начать.

— Уважаемые леди и... — Алексей осёкся. Он понял, что его тревожило. Он так и не нашел среди летавиц ни одного парня, — и леди. В первую очередь я благодарен вам, что вы даёте возможность выслушать меня. Наша история, как впрочем и у всех, началась год назад. И чтобы вы понимали причины нашего бегства в ваши земли, я начну с самого начала.

Алексей рассказал всё, что помнил. С самых первых часов, опуская незначительные детали или же личные моменты. Рассказ об их отчаянной попытке отстоять родной дом дался тяжело. В первую очередь из-за того, что Лёша ещё сам не свикся с мыслью, что дома и многих друзей уже нет.

— Бред, — фыркнула Атали. — Не может кучка головорезов настолько организовать. Танки, артиллерия... У них на такое не хватит мозгов. Ничего по оригинальнее не смог

придумать?

— Другой истории у меня нет, — отрезал Алексей.

— Твои слова можно легко проверить, — прервала их Эстер, накручивая на палец тёмный локон. — Дьюфи!

Рядом с Эстер из ниоткуда возникла девочка. Обычная девочка, которых за свою жизнь встречаешь миллионами. Правда, у Алексея внутри похолодело. Всё из-за того, что в её глазных яблоках он не увидел зрачков.

Казалось, Дьюфи это нисколько не мешало жить. Она стала напротив Эстер и протянула руку. Летавица несколько секунд думала над этим жестом, а затем вложила в маленькую ладонь плюшевую игрушку. Девочка оскалилась. Это нельзя было назвать детской улыбкой, самый настоящий звериный оскал. Спрятав игрушку и ловко спрыгнув со сцены, она направилась к Алексею. Тот лишь нервно сглотнул.

— Алексей, — обратилась Эстер, — смотри Дьюфи прямо в глаза. Наша веледи должна выяснить, не лжёшь ли ты.

Посмотреть в непроницаемые белки оказалось той ещё задачей. Алексей мог поклясться, что Дьюфи его видит, но никак не мог объяснить, как. Прошла томительная минута. Вторая. Веледи продолжала молча смотреть на него. В какой-то момент Лёша увидел несколько капелек слёз, быстро стекающих по щекам.

— Бедный, бедный мальчик... — прошептала Дьюфи, а затем рухнула на землю и разрыдалась.

Летавицы принялись успокаивать девочку, попутно пытаясь выяснить, что она увидела.

— Он... — всхлипнула Дьюфи. — Он не лжёт. Всё правда.

— Увидите веледи, — сказала Эстер. — И развяжите его, — кивнула она в сторону Алексея.

Он почувствовал так желаемую лёгкость в области рук и принялся разминать затёкшие костяшки.

— Встань, — обратилась к нему Эстер. Лёша не рискнул воспротивиться. — Знай же, путник, что мы — летавицы. Дети леса, поклявшиеся оберегать его. А теперь говори, что тебе нужно.

— Я не в том положении, чтобы что-то просить или требовать.

— А ты не промах. Никогда нельзя ничего просить или требовать у тех, кто сильнее тебя. Сами всё предложат и дадут. И всё же, гордый юноша, я готова выслушать твои просьбы.

— Мне нужен ночлег для моих людей, медицинская помощь и еда. О большем я просить не могу. Но у меня есть один ультиматум.

— Говори же!

— Я не хочу быть для вас обузой. Я готов выложиться на полную, чтобы помочь вам, дети леса. Я готов доказать вам свою верность. Взамен я прошу отпустить меня, как только это будет возможно.

— Какой наглец, — ухмыльнулась Эстер. — Хорошо, будет тебе посвящение. Только тебе нужно пройти несколько этапов.

— Каких же?

— Не так быстро. Всё узнаешь. Увести его!

Прошло несколько дней. К счастью для Саманты — спокойных дней. После

артиллерийской канонады шелест листьев казался самым прекрасным, что можно услышать во всём мире, а возможность напиться чистой родниковой воды — даром богов.

Девушка до последнего ждала, что их убьют. Когда им принесли еды, Саманта отказалась. Было подозрение, что она отравлена. В этот момент, как на зло, голод дал о себе знать. Саманта стойко держалась... несколько минут. А затем сама не заметила, как стала жадно уплетать содержимое тарелки под добродушную улыбку Глифи.

Глифи лечила раненых травами, и, нужно признать, очень эффективно. Даже удалось спасти несколько человек от ампутации, вытянув из конечностей неисчислимое количество осколков и пуль. По уверенным и спокойным движениям Глифи Саманта поняла, что для неё это не впервые. Не может человек без опыта доставать пулю, при этом напевая колыбельную.

На все вопросы летавица отвечала уклончиво или же вовсе игнорировала. Остальные же дети леса и вовсе не шли с ними на контакт, лишь охраняя от более буйных сестёр.

Дети. Рука войны оставила неизгладимый след и на них. От их бывшего озорства не осталось и следа. Многие закрылись в себе и не разговаривали. Но даже здесь Глифи с помощью тонкости психологии творила чудеса. Детвора постепенно забывала пережитый ужас. То и дело на их лицах начинали блуждать улыбки.

Саманта почти не видела Алексея. Его приводили поздно ночью и Лёша почти сразу засыпал у неё на коленях. Они успевали обменяться лишь несколькими банальными фразами, как утром их снова разлучали. Что делали с Алексеем, Саманта не знала. Лёша, как и остальные, держал рот на замке.

Новое утро. Новый день с тем же неразрешённым вопросом: «Что делать дальше?». Саманта упёрлась о деревянную стену избы и молчаливо наблюдала за лесом. Дальше их пристанища девушке категорически запретили выходить, так что она могла лишь гадать, как далеко простилаются владения летавиц.

Нежные лучи солнца пробивались сквозь кроны деревьев, что совсем недавно покрылись молодыми листьями. Саманта невольно прижмурилась и слегка улыбнулась. Она всю жизнь прожила в городах и мегаполисах. В центрах цивилизации. Спустя год это казалось чьей-то чужой жизнью. словно ты наблюдал за ней со стороны. Теперь девушка не представляла свою жизнь без природы. Без её бьющей жизни, силы, многовековой мудрости, чистого воздуха, обворожительной красоты и неиссякаемой энергии. Энергии, дающей ей силы жить.

Глифи незаметно подкралась к Саманте и положила ладонь на плечо. От неожиданности американка вскрикнула. Летавица лишь рассмеялась.

— Нельзя быть такой беспечной, — погрозила пальцем Глифи и плюхнулась рядом. — Лес не прощает ошибок.

— Но вы же меня охраняете.

— Это не означает, что не нужно быть на стороже.

Саманта ничего не ответила, лишь надула щёки.

— Ты же не из этих мест, верно? — спросила Глифи. — У тебя другая манера речи, поведение, жестикация. Не типичная для нас.

— Я из Америки, — кратко ответила Саманта, словно стесняясь.

— Так далеко? Всегда мечтала увидеть живого американца. У меня самой отец француз, так что мы чем-то похожи. Правда, кому сейчас до это дело? — Глифи поняла, что запуталась в своем словесном потоке. — Как же тебя сюда занесло?

— Это немного личная история. Я не хочу об этом говорить.

— Понимаю. У каждого у нас есть история, о которой хотелось бы забыть.

Саманта молчала, лишь наблюдая за Глифи. Она поправляла три павлиньих пера на своей тёмной макушке.

— Ты такая чумазая, — продолжала летавица. — Когда в последний раз мылась?

Девушка не смогла ответить. Она действительно не могла вспомнить, когда в последний раз принимала душ.

— Ясно, — добродушно улыбнулась Глифи. — Раненым нужна помощь?

— перевязка через час.

— Отлично. Тогда пошли со мной, — летавица схватила её за руку и потащила в сторону чащи.

— Куда? — запротестовала Саманта. — Мне нельзя!

— Сегодня можно.

Саманта пыталась сопротивляться, но тщетно. Она лишь зацепалась за ветки и ухабы, но Глифи продолжала вести её за собой. Несколько раз они встречали летавиц, но те молча пропускали их. Ласвельтира в иерархии летавиц занимала одну из ведущих лесенок и пользовалась авторитетом. Как-никак она спасла ни один десяток жизней сестёр.

Саманта видела много озёр. Однако, это оказалось особенным. Здесь человек не успел оставить след. Не вырубил под корень деревья, не выкачал воду и не выкинул бесконечное количество отходов. Озеро словно олицетворяло всю красоту и величие природы. Вода была чистой, как слеза. Ивы почтительно склонились над источником. Они протянули свои ветви, как будто пробуя воду на вкус. Множество зверей приходили сюда, чтобы утолить жажду.

— Пришли, — сказала Глифи.

Саманта не ответила. Её полностью поглотила волшебной картина. Девушка не заметила как летавица начала скидывать с себя немногочисленную одежду, оголяя грудь и стройную талию.

— Ты что делаешь? — опешила Саманта, при этом краснея.

— Снимаю одежду. В ней нельзя смыть всю грязь, — она заметила румянец. — Ты стесняешься? Глупая, нет ничего постыдного в человеческом теле. В конце концов мы самое совершенное творение природы.

— Я, наверное, пойду...

— Постой, дурёха. Доверься мне.

После многочисленных уговоров американка сдалась. Глифи принялась помогать ей стягивать одежду. Санитарная форма была отброшена и оба остались нагими. Саманте стало очень неловко, и она старалась прятать интимные места и не смотреть на летавицу.

— Ты же уже не девственница, верно? — спросила Глифи.

— Как ты узнала?

— Ты только что ответила, — рассмеялась Глифи. — У тебя красивое тело. Тому юноше очень повезло с тобой.

— Я перед ним в долгу. И он единственный, кто у меня остался.

— Все мы потеряли близких людей. Это неизгладимый шрам на всём нашем поколении, — Глифи на миг помрачнела. — Не будем о грустном. Идём же.

Саманта несмело вошла в озеро по щиколотку. Вода оказалась холодной. Потребовалось время, чтобы привыкнуть.

— Смелей! — крикнула Глифи и нырнула в озеро, полностью обрызгав Саманту. Та

звонко запищала и нырнула следом. Девушки вынырнули на середине озера и рассмеялась.

— Глифи, у тебя краска смылась.

Кожа Глифи стала необычайно бледной. Сейчас она была не ребёнком леса, а обычной девушкой. Когда-то о чём-то мечтавшая и к чему-то стремившаяся. Но это было так давно, что казалось неправдой.

— Не страшно, — махнула Глифи. — Эй, ты чего? Что с тобой?

— Мне... холодно... — с трудом ответила Саманта, щёлкая зубами.

— Быстро! На берег!

Глифи заключила её в крепкие объятия и нежно гладила по голове. Делилась всем теплом, что у неё есть. Нагие. Беспечные. Словно мать и дочь, каким-то образом забытые в Эдеме.

— Я всегда очень плохо переносила холода. Прости, что не сказала.

— Бедная девочка. Я чувствую как тебе тяжело, но не в силах дать твоей боли угаснуть. Прости меня за это.

Саманта почувствовала как Глифи тихо плачет. К своему стыду девушка осознала, что прикосновение летавицы приносят ей удовольствие, тепло, уют. То, что дают матери своему чаду. То, что она давно утратила.

— Глифи, прости. Я так не могу. У меня есть Лёша, и я так не могу.

— Саманта?

— Прости... — она быстро оделась и скрылась в лесной чаще.

Больше они к этому не возвращались.

Алексей позволил себе на минуту перевести дух. Когда он предлагал свою помощь, то не представлял, что его будут использовать в качестве легального раба.

Всё, что было далеко не женским трудом (а среди летавиц Алексей так и не увидел мужчин), ложилось на плечи Алексея. Заготовка дров, постройка защитного периметра, охота, патрулирование. Алексею ни на секунду не давали спуска. А о том, чтобы узнать о них хоть на крупицу больше, не могло быть и речи.

В целом ему даже нравились эти «амазонки восточных лесов». И если бы не их слегка нахальное и циничное поведение, то в целом всё сложилось даже лучше, чем он мог подумать. Единственное, что его бесило — неопределённость. Сколько ещё ему придётся провести в лесу, он не знал. С Эстер он больше не виделся, хоть ему и очень хотелось узнать ответ на несколько вопросов. Оставалось только одно — ждать. Если Вильгельм жив — то обязательно дождётся его.

Лес опять наполнили волшебные звуки знакомой музыки. Алексей заслушался. Всё таки человек способен творить что-то прекрасное, даже когда вокруг крошечная тьма.

Любопытство взяло вверх и он рысью подкрался поближе, слегка раздвинув кусты. Летавица, закрыв глаза, перебирала пальцами на флейте. Её внимательно слушала золотоволосая сестра. Алексей не знал их. За несколько дней всех летавиц не запомнишь. Но он был уверен, что это та самая, что спасла его и остальных от жуткой смерти.

Асэди закончила, встала и под хлопки Медиги поклонилась.

— С каждым разом у тебя получается всё лучше, Сэди.

— Если бы не ты, я бы давно забросила. Кому сейчас нужна моя музыка?

— Как кому?! — удивилась Медига. — Как минимум мне. И сёстрам очень нравится твоя игра.

— Сёстрам нравится, что я вырезаю плоть ровными кусками. Вот и вынуждены слушать.

— Ты же не могла не сказать что-то в таком роде. Общество вадвиров очень пагубно на тебя влияет. Не такой я люблю мою Сэди.

— Меди... Ты бы знала, как я устала убивать. Эти руки созданы для музыки, а не для крови. Я так счастлива, что у меня есть ты. Иначе я стану безжалостным монстром, — её нос спрятался в золотой макушке. — Мой пушистик... Цыплёночек...

— Сэди, ты плачешь?

— Да. Когда любишь, не стыдно и поплакать. Ведь так больно упасть в любовь.

— Сэди...

— Меди...

Они поцеловались. Нежно и страстно. Их поцелуй олицетворял всё то, что люди называли любовью.

Алексей понял, что увидел то, что не должен был видеть и тихо ретировался.

«Счастливые девочки, — подумал он. — Как же здорово в этом мире найти того, кому дорог. Кого любишь».

Алексей несмело вошёл в небольшую хибарку. Здесь Дьюфи проводила большую часть своего времени. Сюда почти не проникал свет и в целом атмосфера была мрачной и гнетущей. Первое, что бросилось Лёше в глаза — огромное количество игрушек. Они были везде: на полках, на полу, на стульях и столах, даже на потолке. Куклы, плюшевые звери, деревянные поделки. Все безмолвно смотрели на Алексея, отчего он поёжился.

— Ау? Есть кто дома?

Ему ответила лишь тишина.

— Дьюфи, я бы хотел извиниться. За то, что чем-то расстроил тебя.

— Не стоит извиняться за то, что уже предрешиено, — слышалось со стороны кучи игрушек.

Игрушки задрожали и оттуда выпрыгнула веледи, при этом звонко смеясь. Напугав до полусмерти Алексея, она, как ни в чём не бывало, села перед ним в позе лотоса и принялась сверлить непроницаемыми глазами. Ничто ещё так не пугало Лёшу, как её белки глаз.

«Сколько ей лет? Одиннадцать? Двенадцать? Что же с ней стало? И даже без зрения она осталась тем же ребенком.»

— Дьюфи, — обратился к ней Алексей, набравшись смелости, — я могу что-то для тебя сделать? Как-то помочь?

— Уже поздно мне помогать, мальчик.

— Мне всегда ставало стыдно, если я был причиной чьих-то слёз.

— Я знаю, — улыбнулась Дьюфи.

— Да что ты? И что же ты знаешь?

— В шесть лет ты очень расстроил маму и она плакала. С тех пор ты не можешь смотреть на человека, когда он плачет.

«Демон. По крайней мере мысли она не читает».

— Слушай, мальчик. Хочешь помочь? Отдай свою гранату. Взамен я отвечу на любой вопрос, но только один.

— Какую гранату? — удивился Алексей. Он понятия не имел о чём она говорит.

— Вот эту круглую штуку. Лежит у тебя возле правой ноги.

Алексей взглянул на свои подсумки. Он так их и не снял. Даже спал в них. В одном из

них действительно была граната. Он совсем забыл, что клал её туда.

— Зачем тебе она, Дьюфи? Это совсем не игрушка. Убьёт моментально.

— Когда-то она мне понадобится, а тебе она не зачем. Мальчик, соглашайся. Я знаю, что тебя мучают много вопросов.

Алексей колебался. Не хотелось отдавать ребёнку «игрушку дьявола». С другой стороны говорила она далёко не как ребёнок.

— Хорошо, я отдам тебе её, — с трудом согласился Алексей. — Но перед этим я хочу знать, что с тобой случилось. Почему ты стала такой? И откуда у тебя появился этот дар?

— Какой хитрый мальчик, — протянула Дьюфи. — Но я, пожалуй, соглашусь. Моя история очень простая. Маленькая девочка гуляла с родителями в парке. Внезапно полил дождь и засверкали молнии. Одна из них ударила в дерево прямо рядом с нами. Родители умерли сразу, а я потеряла зрение. Но получила другое «зрение». Я могу видеть прошлое и будущее человека, который сейчас рядом со мной.

— А своё будущее ты видишь?

— Конечно.

— Но ты никак не пытаешься ничего изменить. Повлиять. Только сидишь здесь и ждёшь, пока не позовет Эстер.

— А смысл что-то менять? Я лишь наблюдатель, мальчик. Зритель дьявольской драмы. И мне даже нравится моя роль. Девчонки устроили маскарад с ролями, но и пусть. Меня устраивает. Мне даже как-то безразлично. Я понимаю одно: когда твоя семья погибает по щелчку пальца. Когда твои глаза выворачивает на изнанку и при этом ты пытаешься не рехнуться от боли. Только в такие моменты ты понимаешь, что человек не просто смертен. Человек ещё внезапно смертен. Нет ничего постоянного или незыблемого, мальчик. Нет чего-то такого, в чём бы ты был уверен на сто процентов.

Алексей понял, что разговаривает не с ребёнком. Ему казалось, что кого-то заключили в тело давно погибшей девочки, и теперь оно разговаривает с ним.

— Я выполнила твоё условие, выполни теперь моё.

Дьюфи протянула руку. Алексей несмело вложил туда гранату. Веледи запрятала её в кучу игрушек и вернулась в прежнюю позу.

— Только не спрашивай, мальчик, про свою подругу. Она придёт через три дня и задаст свой вопрос. Про потерянного друга тоже не стоит. Он жив. Задай то, что тревожит больше всего тебя.

«Тревожит меня?»

Алексей задумался. В его судьбе сейчас центральной фигурой был Вильгельм. Но рано или поздно он его найдёт. Да и Дьюфи здесь мало чем поможет. Пережив, без преувеличения, ад, Лёшу несколько дней терзал только один вопрос.

— Дьюфи, скажи, какой будет моя смерть?

— Хм, — задумалась Дьюфи. — Скажу так: в тот момент ты будешь не против, что умрёшь. Наоборот — ты наконец-то обретёшь покой.

— И всё? Ни места, ни убийцы?

— Да. В любом случае выбор будет за тобой. Но зная тебя, ты не сможешь по-другому поступить.

Алексей уже пожалел, что задал этот вопрос. В голову начали лезть мысли одна хуже другой.

— Жуть какая-то. Я пойду.

— Иди. Только прошу, не подглядывай за девочками. Они очень разозлятся, если узнают, что ты всё видел.

«Демон».

— Не дайте ему уйти! — кричала Атали. — Я лично пушу ему в башку стрелу!

Летавицы устраивали очередную травлю. В этот раз им попался огромный вепрь и Атали была готова сделать всё, чтобы взять над ним вверх.

Вепрь оказался воистину велик. Его глаза налились кровью от переизбытка адреналина, из пасти лилась пена. Один клык был сломан, а шерсть покрылась бесчисленными шрамами. Он жил здесь десяток лет и доживал последние отведённые минуты. Пытался отчаянно оттянуть неизбежное.

— Загоняйте его правее! Ещё не хватало, чтобы он на сторону вигвиров забежал!

Несколько летавиц зашли с левой стороны и выпустили стрелы, однако вепрь смог ускользнуть.

— Быстрее! Уйдёт же!

Засвистела ещё одна стрела. В этот раз она нашла свою цель, попав вепрю в бок и поразив сердце. Вепря занесло. Его огромная туша поднимала высокий столб пыли. Остановился он уже мёртвым.

— Кто стрелял? — удивилась Атали.

Ей никто не смог ответить.

— Отличный выстрел, Алексей, — послышалось из соседних кустов. Вскоре оттуда вышла Деви с Алексеем. — Стреляешь не хуже моих сестёр.

— Да, — грустно улыбнулся Алексей, — моя подруга была бы довольна.

— Ты какого хрена творишь, кучерявый?! — вспыхнула Атали. Её крик был слышен на весь лес. — На моей территории убивать мою добычу! Да я тебя кастрирую, чтобы такие не размножались!

— Полегче, Атали, — заступилась Деви. — Стрелу пустили только тогда, когда он пересёк границу. Вины Алексея здесь нет.

— Замечательно. Я выслеживаю добычу, загоняю её, а в итоге всё достаётся вам.

— Мы отдадим половину. Вигвиры не жадные.

— Половину, — прошептала Атали. Казалось, что это слово стало для неё последней каплей. — Ты! — она указала на Алексея. — Ты мне надоел. Ты своим поведением представляешь угрозу для всех нас. Но я тебя прочу.

Атали сделала резкий выпад и махнула кулаком. Алексей вовремя среагировал и увернулся.

— Ты что, драться захотела? Иди к чёрту, я девушек не бью!

В этот момент Атали попала Лёше в солнечное сплетение, от чего он упал на колени и стал жадно хватать воздух.

— Тебя, сука, никто не заставлял, — прошипел он, поднимаясь. — Специально для тебя сделаю исключение.

У дерущихся начали появляться зрители и их количество всё увеличивалось. Никто не собирался их разнимать. Все знали, что если Атали решила кого-то отметить, то ей лучше не мешать. Но даже коса когда-то находит на камень.

Алексей не наносил ударов. Он только уворачивался и делал подсечки. Напористости Атали было не занимать, но из-за своей ярости она совершала ошибки и часто падала. В

тоже время поглазеть на драку собрались все летавицы. Вадвиры подначивали своего лидера, вигвиры же просто молча наблюдали. Никто и не заметил, как Асэди что-то шепнула на ушко Медиге и та спешно куда-то побежала.

Алексей вошёл в кураж. Он подгадал момент и выбил у Атали землю из-под ног. Там больно упала, на секунду потеряв над собой контроль. Этого стало достаточно, чтобы Алексей полностью лишил летавицу возможности двигаться. Чистая победа, от которой Алексей не получил ни капли удовольствия. Вадвиры затихли, молча ожидая, что будет дальше.

— Кто... кто научил тебя так драться?

— Этого человека уже нет в живых. Будь он здесь, то поучил бы тебя манерам. Запомни: не только ты здесь убивала. Я тоже убил столько, что уже давно перестал считать. Но у нас есть отличие: мне это ни капли не нравится. А ты, я вижу, нашла себе развлечение. Вот только когда-то ты можешь выйти на охоту и больше не вернуться. Зверь окажется крупнее, чем ты предполагала. И скорей всего этим зверем окажется человек. Я уже совершил такую ошибку. Многие мои друзья совершили эту ошибку и заплатились жизнью. Не соверши её хотя бы ты.

— Неплохо сказано, — слышалось откуда-то за толпой.

Все оглянулись. Это была Эстер. Летавицы тут же упали на колени.

— Оставь её. Она уже получила свой урок.

— Матушка... — только и смогла выдать Атали.

— У вас всех есть дела. Так что займитесь ими.

Летавицы разбежались в разные стороны.

— А ты останься.

— Будете отчитывать, ваше величество?

— Не паясничай. Твоё счастье, что эта дура не отрезала тебе голову. Ты бы знал как сложно удерживать с ними равновесие. Ещё одна такая выходка, и я выгоню вас обратно на болота. Я предельно ясно выразилась?

— Да, Эстер. Можно продолжить охоту?

— Ступай, — смягчилась летавица. — И пусть лес направляет тебя.

— Как же без него, — пробурчал Алексей.

Дни незаметно сменялись один за другим. Все постепенно начали привыкать к новому дому и к новым друзьям. Да, именно друзьям. За это время дети леса сдружились с путниками. Даже вадвиры. Многие летавицы тайком встречались с молодыми ребятами. Алексей знал это, но не видел ничего удивительного. Девчонки хотели любить, и никто не имел права им этого запретить. И даже с томными взглядами Глифи в сторону Саманты он ничего не собирался делать. Только его девочке решать, как с ней себя вести.

Глифи, без преувеличения, заменила детям маму. Дети были от неё без ума и не отходили ни на шаг. Ласвельтира всячески пыталась удовлетворить их капризы и отогнать грусть и тоску. И ей это нравилось. Она старалась сделать всё, чтобы дети забыли о войне.

Как только Алексей доказал свою верность летавицам, Саманте разрешили свободно перемещаться по лесу. Оказалось, что лес действительно огромный и бескрайний. И если не знать всех ловушек, что в нём расставили, можно было легко попрощаться с жизнью.

Детский лагерь лишь отдаленно напоминал, что когда-то в нём отдыхали дети. Все дороги заросли, осталось лишь несколько больших зданий. Остальные же разобрали и

соорудили свои. Маленькие домики, в которых ютилось несколько человек. Зимой в них было тепло, а летом прохладно.

Хоть вадвиры и вигвиры враждовали, но несколько вещей делали вместе. Во-первых, еду летавицы принимали прямо под открытым небом. Все вместе. Даже матушка Эстер. И никого это ни капли не смущало. Во-вторых, каждое утро, как только вставало солнце, они проводили обряд. Летавицы молились деревянному обелиску кометы. Приносили небольшую жертву в виде убитой добычи и уповали на возвращение небесного светила. Алексею очень не хотелось участвовать в этом, но он, сцепя зубы, согласился. В какой-то момент его это даже начало забавлять.

Лёша только ждал, когда начнётся церемония посвящения и с каждым днём терял терпение.

— Атали, стой! — Алексей едва поспевал за ней. — Куда ты меня ведёшь? Я с такими темпами в ловушку вляпаюсь.

Атали не отвечала. Лишь быстро перепрыгивала с ухаба на ухаб, отталкивалась от деревьев и маневрировала между глубокими расщелинами. Словно показывая, что хозяин этих мест всё же она, а Лёша просто гость.

Они вышли на просторную поляну. Трава уже налилась зеленью и доставала по щиколотку. Везде проклёвывались цветы. Где-то там копошились миллионы насекомых с дотошно организованным взаимодействием.

— Так и коньки недолго откинуть, — сказал Алексей, тяжело дыша. — Нельзя же так быстро бежать.

— Алексей, — Атали выдержала паузу. — Здесь сёстры нас не увидят, и я прошу научить меня.

— Чему? — удивился он.

— Научи меня драться. Как ты.

— Чёрт, если бы знал, до чего всё дойдёт, то дал бы набить свою морду. Я почти ничего не знаю, Атали. Лишь базовые приёмы. Но я тебе могу дать совет: ты должна научиться контролировать свой гнев и принимать решения с холодной головой. Начнём с этого.

В течение двух часов Лёша учил летавицу контролировать дыхание и слушать себя. Оба сидели в позе лотоса и слушали приглушённый стук сердца и шелест леса. Все проблемы стали несущественны. Все невзгоды забылись. Осталась лишь поляна и эта девушка, отбросившая своё прошлое, ради общего будущего. В чём-то Алексей был с ней похож.

Шорох. Не лесной, чужой для этих мест. Атали напряглась и открыла глаза. Чутьё не обмануло: на поляну вышел человек с автоматом на перевес, но пока не замечал их. Атали, не долго думая, выхватила нож и кинула в незваного гостя. Бросок был меткий, и вскоре бедняга затих.

— Бандиты, — прошипела Атали.

— Где?

— Идут как всегда с севера. Им как мёдом здесь намазано.

— Атали, зови сестёр на помощь, — Алексей схватил автомат и проверил обойму. — Я выиграю время.

— Я не из тех, кто бежит.

— Верно. И поэтому ты приведёшь помощь. Если мы героически здесь сдохнем, то ничего путного не выйдет, а Саманта мне оторвёт голову. Поэтому ты летишь пулей и через

пять минут возвращаешься. Время пошло, — Лёша сделал несколько выстрелов в сторону предполагаемого противника.

— Нахал, — бросила Атали, уже срываясь с места.

Алексей не геройствовал, лишь отстреливался и не давал себя обойти. Он не знал, что в отряде было всего четыре человека. Они оказались людьми одной из криминальных шишек. Правда, сейчас они стали несчастными жертвами, что заблудились в лесу.

Вадвиры пришли раньше, чем ожидал Алексей. Всё кончилось быстро. Асэди набросилась на последнего из живых и с особой жестокостью перерезала глотку. Летавицы поддержали её дружными овациями.

— Девчонки, — сказал Алексей, переведя дух, — что же с вами произошло, что вы стали такими жестокими?

— Летавицы надёжно хранят свои секреты, — твердо ответила Атали. — Возможно, когда-то узнаешь. Хотя, сегодня ты уже считай один из нас. Я попрошу матушку Эстер, чтобы церемония началась как можно быстрее.

— Алексей, — обратилась Эстер, — преклони колено!

— Да, матушка.

Тот же самый зал. Те же люди. Но теперь Лёша был не пленным, а одним из них. Душа радовалась, что этот момент настал. Он был, счастлив, что смог дать новый дом своим людям. Теперь дети были в безопасности. Теперь Саманта была в безопасности. О большем он и не мечтал.

— Клянёшься ли ты хранить верность лесу?

— Клянусь!

— Клянёшься ли ты беспрекословно выполнять все мои напутствия?

— Клянусь!

— Клянёшься ли ты, что готов оберегать нашу безопасность и благополучие?

— Клянусь!

— Хорошо, — улыбнулась Эстер.

— Знай же, что летавицы быстры как бросок кобры, — сказала Атали и положила руку на левое плечо.

— Знай же, что летавицы едины с природой всей душой и телом, — сказала Деви и положила руку на правое плечо.

— Знай же, что летавицы мудры, как те вековые сосны и дубы, что окружают тебя. А теперь подойди.

Эстер взяла поданную от Глифи миску с отваром. От него веяло травами. От запаха у Алексея помутнилось в голове.

— Пей. До дна.

Асэди начала играть на флейте. Летавицы поддержали её дружной песней. Сотни женских голосов слились воедино и придали Алексею решимости. Он посмотрел в глаза Эстер. В её бирюзовые бусинки. В её бледное лицо с редкими веснушками. Он понял, что она была самым олицетворением природы. Алексей почувствовал, что Эстер к нему не совсем уж и безразлична.

Он выпил отвар. Вкус был ужасно горький, а в голову ударило словно после крепкой водки. Лёша с трудом устоял на ногах. Летавицы начали по очереди подходить к нему и оставлять на лице небольшой зелёный след. Пятно становилось всё больше пока полностью

не покрыло облик.

— Теперь ты один из нас. Теперь ты —ребёнок леса. Какое же твоё новое имя?

— Моё имя — Гоблэн.

— Гоблен, пусть лес направляет тебя на правильный путь.

Покои Эстер. Скромно, но чувствовалось, что здесь приложилась женская рука. Перьевая кровать, несколько кресел, письменный стол. На нём ютились фотографии. Отголоски прошлого.

Эстер села в кресло и жестом пригласила Алексея. Пламя от свечи почти не освещало комнату и оба едва видели лица своего собеседника.

— Матушка Эстер, — Алексей позволил себе сесть и расслабиться. Церемония была долгой и все части тела болели, — мне нужно идти. Завтра утром я отправляюсь на поиски друга. Я хочу застать его живым. И когда я достигну своей цели — вернусь к вам и буду оберегать лес вместе с вами.

— Хорошо. Гоблен, ты дал клятву служить мне и лесу. Прежде чем я тебя отпущу, ты должен выполнить последнее условие.

— Какое? — Алексей начал терять остатки хладнокровия.

— Ты... ты должен помочь мне зачать ребёнка. Наследника.

— Что?

Эстер не успела сказать. Она начала страшно кашлять и завалилась на пол. На бледную ладонь упало несколько капель крови.

— Значит скоро и моё время, — прошептала Эстер.

— Эй. Матушка, ты чего?

— Матушка... — улыбнулась Эстер и поднялась. — Давай сейчас поговорим как обычная девушка и парень. Без масок. Без фамильярности. Я хочу, чтобы ты понял в каком я положении и помог. Помог всем нам.

— Я слушаю.

— Я... — Эстер взяла паузу. Горло ещё ужасно резало, а в голове роилось миллион мыслей. Алексей только сейчас увидел, что под глазами у неё начали проступать тонкие морщины. — Я была необычной девочкой. Наследница одного из королевских родов. Титулы, привилегии... Я не знала, что такое лишения. Что такое отказ. Я могла иметь всё, что пожелала. Думаю, ты мог даже что-то слышать о моей семье.

— Я догадываюсь, кто ты. Но продолжай.

— Весна. Светский вечер. Приглашение на танец. Потом в глазах всё резко потемнело. Слабость, боль от падения, страх, что вот такой он твой конец. Врачи диагностировали лёгкую форму туберкулёза. Уверяли, что это излечимо. Отец нанял лучших врачей и готовил всё для моего лечения. Пока он этим занимался, решили отправить меня на неделю в оздоровительный лагерь, под чужим именем. Свежий воздух, живое общение. Всё должно было пойти на пользу.

— А другие дети не... ?

— Всё с ними в порядке. Разве что Дьюфи, но это уникальный случай. Ты не представляешь, как я не хотела ехать. Расставаться с родителями. Как будто чувствовала, что вижу их в последний раз. Первые несколько дней прошли обычно. Все сдружились, веселились, получали удовольствие. А потом... Я помню, как мы все испугались. Я помню этот страх на лицах ребят. Я помню слёзы на глазах девочек. Я помню всё. Но мы не

сдались. Мы организовались и пытались выжить. Мы делали всё, чтобы жить счастливо.

— Как знакомо.

— Тот день я тоже помню хорошо. Ребята пошли на вылазку в ближайший населённый пункт, а мы остались и ждали их. Ближе к вечеру к нам вернулся только один. Весь в крови. Сказал, что они угодили в засаду бандитов. Всех пытали. А когда узнали где мы — убили. Тот мальчик тоже не выжил. Истёк кровью, — Эстер взяла паузу и проморгалась. — Мы решили сражаться. Всё равно умирать. Разожгли костёр, оставили рядом с ним весь алкоголь и еду. И бандиты клюнули. Когда они расслабились и опьянели — мы напали. Я увидела с какой жестокостью могут убивать девочки. Атали, Деви, Асэди. Вот только одни смогли побороть то зло внутри себя, а другие... Сам видишь. Мы убили всех. А затем поняли, что только в лесу мы сможем чувствовать себя в безопасности. Вот только взгляды на наш образ жизни оказались разными. Атали настаивала на полной изоляции с чужаками, Деви же напротив — на сотрудничестве. Это наш камень преткновения и на сегодняшний день, — Эстер помолчала, собираясь с мыслями. — Я думала, что лес даст мне силы жить дальше. Несмотря на болезнь. Я ошиблась. А ты наша надежда на выживание. Я протяну год, в лучшем случае два. Когда я умру, кто станет лидером? Вадвиры и Вигвиры скорее перебьют друг друга, чем уступят. Поэтому мне нужен наследник. Поэтому нам нужен наследник.

— Что будет, если ты не доживёшь до родов? Или ребенок окажется слишком слабым и не выживет?

— Тогда летавицам конец.

— Что будет, если я откажусь?

— Тогда я прикажу убить тебя и твоих друзей за неповиновение. Будь уверен, сёстры это выполнят.

— Эстер.

— Да, Алексей?

— Мне нужно поговорить с одним человеком.

— С американкой? Понимаю. Даю тебе час.

— Как прошла церемония?

Алексей не ответил. Он молча наблюдал за закатом и пытался подобрать правильные слова. Больно будет в любом случае. Но боль можно смягчить.

Поднимался лёгкий ветерок. Он начал колыхать тёмные локоны Саманты, и она их всё поправляла. Алексей больше не мог молчать. Жестокая правда должна быть сказана. Пусть даже он потеряет её навсегда.

— Милая, ты же знаешь, что я на всё пойду, чтобы ты жила?

— Я всегда это знала.

— Мне нужно переспать с Эстер, — выпалил Лёша. — Чтобы гарантировать вашу безопасность.

Саманта ничего не ответила. Теперь уже она молчаливо наблюдала за солнцем и обдумывала его слова. Алексей ожидал чего угодно: ненависть, крик, слёзы, даже смех. Но не молчание. Это терзало его сильнее всяких слов. Он заметил на её щеке блестящую капельку слезы.

— Я ненавижу себя за это. Но другого выхода действительно нет.

— Я всё понимаю, — тихо ответила Саманта. — Я знаю, что ты всё взвесил, прежде чем принять решение. И я знаю, что ты по прежнему меня любишь. А я тебя.

— Девочка моя, — у Алексея выступили слёзы.

Они крепко обнялись и поцеловались. Алексей уже не сдерживал себя и плакал. Это были слёзы счастья.

— Я завтра утром ухожу. Возможно, я вижу тебя в последний раз.

— Ясно.

— Саманта.

— Да?

— Я вижу как Глифи на тебя смотрит. И я всё понимаю. Не мучай её и себя. Побудьте счастливыми.

— Я так не могу.

— Я тоже. И тем не менее я делаю эту глупость. Сделай её и ты.

Саманта плохо помнила, что произошло. Она очнулась в тёплых объятиях Глифи. Ей так не хотелось расставаться с её ещё горячими ладонями. С её нежными губами. С её звонким смехом. Но решение было уже давно принято и медлить нельзя.

— Ты куда, девочка моя?

— Глифи, я ухожу с Лёшей. Спасибо тебе... за всё. Присматривай за детьми. Я постараюсь скоро вернуться.

— Позволь тебя поцеловать напоследок.

— Да... Хорошо...

Короткий поцелуй. Мимолётный, словно растаявшая льдинка. Момент — и Саманта уже скрылась, оставив лишь сладкий привкус на губах. Глифи не выдержала и тихо заплакала. Она поняла, что никогда не сможет жить счастливо.

Лес кончался. Алексей просто шёл вперёд, не разбирая дороги. Возможно она когда-то здесь и была, но заросла за ненужностью. Впереди простилались бесконечные поля, а где-то там, за горизонтом, бурлила жизнь. Новая, не изученная, многим не понятная.

На душе было паршиво. После ночи с Эстер не хотелось жить. Не хотелось смотреть на себя в зеркало. Он теперь понимал, что чувствовали короли в первую брачную ночь. Никакого удовольствия. Только методичный процесс.

Алексей ушел тихо, перед самым рассветом, ни с кем не попрощавшись. Он боялся, что не сможет взглянуть Саманте в глаза. Он боялся, что не сможет сохранить хладнокровие перед детьми. Лёша оставил лишь короткую записку.

«У вас есть то, чего нет больше ни у кого – вы. Ваш голос, ваш ум, ваша история, ваше виденье. Поэтому пишите, рисуйте, стройте, играйте, танцуйте, живите так, как можете лишь вы».

Сзади послышался шелест. Алексей оглянулся. Он до последнего не верил своим глазам. Но это была Саманта. В полной экипировке, немного уставшая, но готовая идти с ним хоть на край света.

Лёша лишь ухмыльнулся и пошел дальше. Саманта вскоре поравнялась с ним.

— Я знал, что ты пойдёшь со мной.

— Прогонишь?

— Нет. Похоже я тебя не настолько люблю, чтобы оставить здесь.

— Я думаю, мы уже неоднократно доказывали свою верность.

— И даже этой ночью?

— И тем более этой ночью. Мы дали согласие, потому что доверяем друг другу.

— Думаю, для нас есть какой-то медицинский диагноз.

— Я даже знаю, как он называется.

— Да что ты? Просвети же тёмную голову.

— Это любовь, Лёша. И ничего более.

— Любовь... Знаешь, что я в нас больше всего люблю? Когда мы молчим, то можем сказать намного больше чем во время разговоров.

— Люблю молчать с тобой.

— Я тоже. Очень.

Они шли всё дальше, покидая лес. Они ещё не знали, что вернуться сюда очень не скоро. Позади них оставалось прошлое. С победами и поражениями, со слезами и улыбкой, с горечью и страстью. Оно провожало их в опасный путь и оставалось здесь навсегда.

Впереди же был весь мир, будущее и ещё толком не прожитая жизнь. Жизнь опасная, но в то же время такая прекрасная.

Они шли вперёд.

Вместе.

Навсегда.

— Каким бы не был исход войны, мы выиграли войну с вами; никто из вас не останется в живых, чтобы свидетельствовать, но даже если кто-нибудь останется — мир ему не поверит. Возможно, будут подозрения, дискуссии, исследования историков, но не будет достоверных фактов, потому что мы вместе с вами уничтожим улики. И даже если останутся какие-то доказательства и некоторые из вас останутся в живых, люди скажут, что описываемые вами факты слишком чудовищны, чтобы им верить; они скажут, что это чрезмерные преувеличения пропаганды Конфедерации, и поверят нам — тем, кто будет все отрицать — а не вам. Именно мы будем диктовать историю самой проклятой войны.

Два поворота ключа в замочной скважине, лёгкий толчок двери. Пять шагов по тесному коридору и поворот в небольшую комнату. На столе тускло горела лампа, отчего Освальд скривился. Он совсем забыл выключить свет, когда впопыхах собирался по срочному вызову начальства. Такая опрометчивость очень хорошо отразится на счёте за электроэнергию. Государство никогда не стеснялось в несколько раз завышать цены. Так почему что-то должно поменяться сейчас?

Он не выключил лампу. Сегодня особенный день, и можно было позволить себе такую роскошь. Он лишь бросил на стол бумажный свёрток и устало упал на стул. В воздух поднялась пыль, и несколько пылинок легло на тёмные клавиши печатной машинки. Освальд слышал, что их уже начали заменять компьютеры, но понимал, что до него очередь дойдёт ещё очень не скоро. Он сверлил глазами свёрток, не решаясь развернуть его. На газетном листе Освальд заметил консула Гвина. Он что-то кричал ликующей толпе. Пока ещё ликующей.

«Милитаристическая политика Хартии вызывает глубокую обеспокоенность у Западного мира и Нового света. Конфедерация надеется на благоразумие консула и сотрудничество с мировым соо...»

Текст неожиданно обрывался. Как и многое в этом мире.

«Какая ирония, — улыбнулся Освальд. — Учитывая, что находится внутри».

Рука всё не поднималась прикоснуться к свёртку. Освальд решил отвлечься. Рядом лежала исписанная мелким шрифтом небольшая стопка бумаги. Зарисовки его будущей научной диссертации. Профессор исторического факультета ещё не знал, что в будущем его работа принесёт славу в научных кругах. Он не верил, что кому-то будет интересно читать его попытки разобраться в произошедшем и составить хронологическую последовательность. Никто за тридцать лет так и не смог этого сделать. Почему вдруг у него должно получиться? У обычного клерка, выброшенного на обочину истории.

Освальд наугад вытянул лист и бегло пробежался глазами.

«Краткая характеристика баланса сил в мировой политике на 18.02.2032. (Более подробный разбор ищите в главах «Европейский регион», «Азия», «Северная и Южная Америки», «Африка», «Океания»).

Если взглянуть на политическую карту мира, то в глаза бросается сразу несколько особенностей. Во-первых, многие государства, в будущем ставшие мировыми лидерами, расположены тонкой линией возле побережья морей и океанов. Всё из-за того, что выход к морю обеспечивал большую торговую прибыль и быстрое налаживание связи с другими

государствами.

Как мы уже помним с прошлых глав, первый десяток лет с «Момент Х» территория стран, за редким исключением, не превышала одного или нескольких городов. Из-за медленного развития административного аппарата огромные территории было невозможно контролировать. Очень не скоро города-государства перед общей угрозой будут формировать Конфедерации и Федерации».

Освальд отвлёкся. Он не мог вспомнить, где в первый раз услышал термин «Момент Х». Это было задолго до того, как он стал профессором. Может, ещё в первые дни? А, может, от братьев по оружию? Как давно это было.

«На современных картах мы до сих пор видим «тёмные пятна». Например, в центральных регионах Северной Америки, лесах Амазонки и Сибири, пустынях Африки и Австралии, или же горных массивах Азии. Это ничейные земли. Никто так и не смог взять их под контроль в виду особенностей местности и враждебности местного населения. Сколько в этих краях будет бушевать анархия и беззаконие — загадка».

Освальд поднял глаза и взглянул на одну из фотографий на стене. Его верный боевой отряд. Все, кто на ней, ещё не знали, что видятся в последний раз. Кто-то погибнет по глупости в пьяной драке, кого-то не пощадит эпидемия, некоторые так и останутся в армии и рано или поздно не вернутся с боевого задания. Освальд, к своему ужасу, понял, что остался последним. Последним из своего взвода. Такой ли он представлял свою жизнь восемнадцать лет назад, когда возвращался домой? В убогой комнате общежития, живя на нищую зарплату. Один. Ведь все, кого он знал, уже мертвы.

Освальд сжал кулаки и набросился на свёрток. Во все стороны полетели клочки газеты. Вскоре, в руках осталась лишь книга в потрёпанном переплёте. Освальд слишком много сделал, чтобы эта книга оказалось на его столе. Он слышал, что в мире их осталось только две. Остальные систематически уничтожались. Освальд не хотел думать, что когда откроет её, обратного пути уже не будет. Но только она могла пролить свет на историю одного из самых загадочных государств.

«Эрвин Кнут. Этому миру очень не хватает мира», — гласила надпись на переплёте.

Освальд вздохнул и открыл книгу на первой странице.

«Предисловие.

Скорей всего, когда книга будет напечатана, меня уже не будет в живых. Никого, о ком будет моя история, уже не будет в живых. Если каким-то чудом эти строки будут прочитаны, вы, вероятно, зададитесь вопросом: «А что же вы всё это время делали?» Я вам отвечу: «То же, что и вы, оказавшись на моём месте». Я поступал так, наивно веря, что служу во благо дела Хартии. Как знаете, прозрение очень болезненно. Слишком поздно я понял, что служу во благо только одному человеку. Я не прошу прощения. Таких, как я, миловать нельзя. Я лишь прошу донести мои слова общественности.

Ave konsyl!

Ave Hartia!»

«Заседание в ставке верховного командования от (цифры зачёркнуты).

На заседании присутствовали: господин Гвин, первая леди Элизабет, маршал Эрвин Кнут, командир «Отряда сто тридцать семь» Отто Крюгер, пехотный командующий Вольдемар Каминский, командующий «Керзонен группой» Эрик Блацкович, командующий «Люфт группой» Михаил Левандовский, командующий «Морзе группой» Эрих Дёнец,

министр промышленности и армейского снабжения Анджей Ковальчук.

Заседание приурочено к успешному завершению военной кампании на южном направлении».

Гвин не мог побороть одну слабость — тягу к изяществу. Это проявлялось во всём: в парадной форме солдат, проектировке военной техники, в макетах городов будущего. Кабинет тоже не стал исключением. Он словно олицетворял все внутренние изъяны своего обладателя. От шкафов, стульев, ручек на двери, длинного стола, занимавшего чуть ли не половину комнаты, и люстры. Горело в ней всего две лампы из десяти из-за экономии электроэнергии, но это несколько не умоляло её роскошества и даже придавало некую загадочность всему, куда не попадал свет. Тихо играла неизменная классическая музыка. Все молчали, ожидая слова господина.

Эрвин мельком взглянул на Элизабет. В последний раз они были наедине в коридоре, когда отпускали Вильгельма. С тех пор в её лице что-то изменилась. После битвы в «Тёмном секторе» она утратила огонёк. Огонёк, который спасал людей Хартии в самую трудную минуту. Она лично посетила руины поместья. Лично смотрела на трупы и сторевшую технику. Тогда она так ничего и не сказала. Лишь тоскливо наблюдала за некогда цветущим холмом, от которого почти ничего не осталось.

Сам Эрвин не вылезал из штаба. Почти сразу на него навалилось слишком много работы и обязанностей. Реорганизация войск, доклады командиров, часто не имевшие ничего общего с реальностью, переоснащение, пополнение, снабжение, укрепления, атаки и контратаки, оборона, отход и так до бесконечности. Война на юге доказала, что армии Хартии предстоит ещё многому научиться, прежде чем стать по-настоящему грозной силой.

— Тут должна быть пафосная речь, — нарушил воцарившейся тишину Гвин, — но её не будет. Оставим громкие слова публике и перейдём сразу к делу. Для начала, я хочу всех вас поздравить. Вы заставили меня убедиться, что я не ошибся, расстреляв за подворотней бывший командный состав. Вы смогли решить, казалось бы, безнадежное положение на фронте. А Кнут по праву заслужил звание маршала. Та дисциплина, что присуща гвардии, должна стать образцом для всей армии. Эти аплодисменты вам и вашим подчинённым, маршал.

Комнату заполнили звонкие аплодисменты. Эрвин лёгким кивком выразил благодарность за доверие.

«Дисциплина, — горько подумал Эрвин. — её действительно очень нам всем не хватает».

«Досье.

Совершенно секретно.

Маршал армии Дивидеандской Хартии Эрвин Кнут.

Дата рождения: информация отсутствует.

Отец: информация отсутствует

Мать: информация отсутствует.

Политические взгляды: истинный последователь дела Хартии.

Характер: покорный.

Семейный статус: не женат.

Службу начал командиром одного из подразделений, однако быстро продвинулся по карьерной лестнице. Ввиду беспрекословного стратегического, оперативного и

тактического склада ума, вскоре стал первым маршалом в истории Хартии. В результате, длившаяся три месяца война на юге была закончена в течение недели. Командовал семнадцатью военными операциями, а именно: (зачёркнуто, к прочтению невозможно). Приказы исполняет беспрекословно. В измене замечен не был».

Это был зимний день. Один из первых холодных дней нового мира. Отряду Эрвина было приказано прикрывать фланг основных сил, пока Гвин не склонит к подчинению несколько поселений в этом регионе. Обычная рабочая обстановка обычного командира обычного отряда.

Получив приказы из штаба, Эрвин не спеша возвращался обратно. Задание было простое: никого не впускать и не выпускать. Недавно раскисшая земля замёрзла и присыпалась тонким слоем снега. Белая пелена уходила на многие километры вдаль и где-то там сливалась с серым небосводом. Просторы ледяной пустыни навевали тоску и Эрвину хотелось поскорее оказаться в блиндаже с кружкой тёплого чая.

Ещё не доходя до места, где Эрвин оставил свой отряд, стало ясно, что что-то не так. Часовые были не на позициях, никто не рыл окопы и огневые точки. Все столпились под одиноким деревом. Со стороны толпы доносился хохот и брань.

«Чем занят заместитель?!» — сцепив зубы, подумал Эрвин.

Вскоре ответ был получен. К стволу дерева привязали девушку. Вся одежда была сорвана, а кожа синела на морозе. На лице не осталась живого места от синяков и кровавых подтёков. Между худых ног растекалась кровавая лужа вперемешку с мочой. Заместитель Эрвина со спущенными штанами уже заканчивал. Девушка не стонала и не сопротивлялась. Лишь грустно смотрела на Эрвина.

— Яйца не отморозишь? — спросил Эрвин, собравшись с мыслями.

— Да ладно тебе, командир, — ответил солдат, не отрываясь от процесса, — становись в очередь, всем хватит.

— Какого хрена ты устроил здесь бордель?! Мы ж тут как на ладони!

— Я выполняю приказ: никого не впускаю и не выпускаю.

— Встал! Немедленно!

Солдат нехотя прервался. Затем выхватил пистолет и пристрелил девушку. Хладный труп обмяк, но с его глаз ещё продолжали капать слёзы.

— Зачем ты так с ней? — спросил кто-то из толпы. — Мы бы её потом отпустили. Может быть...

— Ну и что ты со мной сделаешь, Эрвин? Пристрелишь? Подашь жалобу в штаб? Держу пари, что девочек к ним тоже водят.

— Выкопай могилу. Не гнить ей же тут.

— И то верно, — пожал плечами солдат.

Все принялись рыть небольшую яму. Эрвин молча наблюдал за процессом, крутя барабан револьвера. Вскоре задание было выполнено.

— Глубина подойдёт? — спросил солдат со дна могилы.

— Да. Как раз.

Выстрел.

В глазах солдата мелькнул испуг и он свалился на дно ямы.

— Кидайте туда же девушку.

Никто не посмел возразить.

— Закапывайте.

Труп солдата скрылся под толщей земли. Пуля разможила ему челюсть и оттуда вытекло много крови. Девушка ещё некоторое время мёртвым взглядом смотрела на Эрвина. Ему показалось, что он увидел в её глазах благодарность. Правда, Эрвину было всё равно. Его больше тревожила низкая дисциплина в отряде, чем эта бессмысленная смерть. Ему предстояло устроить ещё не одну показательную казнь, чтобы пресечь самовольство и добиться беспрекословного выполнения приказов. А затем заслужить почётный статус гвардии.

Ведь если в армии нет дисциплины — она несёт смерть всем. А в первую очередь — её командирам.

— Отто, — холодный голос Гвина вывел Эрвина из воспоминаний, — не понадобится ли помощь твоих людей по отношению к местному населению на юге?

— Как сообщают мои информаторы, в этом нет необходимости. Местные испуганы прошедшими боевыми действиями и не будут что-то предпринимать ближайшие несколько месяцев. К тому же, мы всегда на чеку, если кто-то что-то задумал. А уж меня они боятся пуще смерти.

«Это точно, — подумал Эрвин. — Тебя, малыш Отто, боится даже Гвин».

«Досье.

Совершенно секретно.

Командир комитета безопасности «Отряд сто тридцать семь» Отто Крюгер.

Дата рождения: информация отсутствует.

Отец: информация отсутствует.

Мать: информация отсутствует.

Политические взгляды: истинный последователь дела Хартии.

Характер: циничный.

Семейный статус: не женат.

Отто Крюгер был самым молодым членом сформированного генерального штаба. Однако, детское лицо и небольшой рост были лишь обманом. Сколько точно погибло людей в подвалах комитета безопасности точно неизвестно. По самым скромным подсчётам цифра начинается от нескольких тысяч человек. Политические деятели, лидеры партизанских движений или же просто несогласные с положением дел. Среди них были известные личности, такие как: (зачёркнуто, к прочтению невозможно). Самым привлекательным жертвам «Отряда сто три семь» не повезло попасть лично в руки в Отто. После пыточного процесса, в ход шли пытки сексуального характера. И если жертва в тот момент оставалась ещё живой (Отто по большому счёту было всё равно), то она завидовала мёртвым. Приказы выполняет с завидной дотошностью и точностью. В измене замечен не был».

Эрвин был прав. Отто боялись все, и даже Гвин. В его тёмных глазках жило само олицетворение жестокости и боли.

«Малыш Отто».

«Смерть с детским лицом».

«Приятная смерть».

У командира «Отряда сто тридцать семь» было много прозвищ и все они исчерпывающе

характеризовали его.

— Вольдемар, должен признать, что ваша реформа пехотных подразделений даёт свои плоды. Теперь можно с уверенностью сказать, что пехота — царица полей.

Вольдемар лишь слегка улыбнулся. Если Гвин знает твоё имя, значит ты у него на особом счету.

«Досье.

Совершенно секретно.

Генерал от инфантерии Вольдемар Каминский.

Дата рождения: информация отсутствует.

Отец: информация отсутствует.

Мать: информация отсутствует.

Политические взгляды: истинный последователь дела Хартии.

Характер: целеустремлённый.

Семейный статус: не женат.

Вольдемар начал службу рядовым и лично переносил все тяготы войны. Обрёл славу среди войск, когда после смерти командира взял командование на себя и смог обратить в бегство превосходящие силы врага. Всегда делал ставку на превосходство огневой мощи, в особенности артиллерию. Имел конфликты с генералами других видов войск, однако, когда дело доходило до совместной работы, старые обиды забывались. Приказы выполняет добросовестно и бережет людей. В измене замечен не был».

Гвин что-то говорил Эрику. Эрвин не слушал, вспоминая его прошлое.

«Славный мальчик. Можно подумать, что этот белокурый юноша родился в танке и всегда в нём жил. Уж очень часто он спасал чьи-то задницы».

«Досье.

Совершенно секретно.

Командующий «Керзонен группой» Эрик Блацкович.

Дата рождения: информация отсутствует.

Отец: информация отсутствует.

Мать: информация отсутствует.

Политические взгляды: истинный последователь дела Хартии.

Характер: авантюрный.

Семейный статус: не женат.

Эрик Блацкович стал родоначальником бронетанковых войск Хартии. Под его командованием были совершены первые вылазки на ближайшие полигоны. Вскоре, был сформирован первый танковый батальон, где Эрик стал командиром. Всегда был на переднем крае атаки. Спасал из безвыходных ситуаций своим неожиданным появлением. Когда поступил приказ о переводе Блацковича в Генеральный штаб — многие из его подчинённых плакали. Никто не хотел расставаться с Эриком. Вскоре Блацкович станет одним из инициаторов в формировании Военной академии. Однако пройдут годы, прежде чем это принесет первые плоды. Приказы выполняет с особым подходом и непредсказуемостью. В измене замечен не был».

— Михаил и Карл, — продолжал Гвин, — я понимаю, что сейчас говорить что-то о авиации и флоте — утопия и наивные мечты. Правда, я не сомневаюсь, что вы приложите все силы, чтобы сдвинуть дело с мёртвой точки. На счёт ресурсов и финансирования можете не переживать. Я уверен, что Анджей сможет руководить нашей промышленностью настолько эффективно, насколько это возможно.

«Досье.

Совершенно секретно.

Командующий «Люфт группой» Михаил Левандовский.

Дата рождения: информация отсутствует.

Отец: информация отсутствует.

Мать: информация отсутствует.

Политические взгляды: истинный последователь дела Хартии.

Характер: амбициозный.

Семейный статус: не женат.

Долгое время Левандовский был в тени остальных командиров. Почти всё время он проводил не на линии фронта, а в глубоком тылу, изучая самолётостроение и управление летательными аппаратами. На данный момент ещё очень рано говорить об этой личности, но через много лет никто не сможет представить ни одну операцию без его участия. Приказы выполняет с учётом долгосрочной перспективы. В измене замечен не был».

«Досье.

Совершенно секретно.

Командующий «Морзе группой» Эрих Дёнец.

Дата рождения: информация отсутствует.

Отец: информация отсутствует.

Мать: информация отсутствует.

Политические взгляды: истинный последователь дела Хартии.

Характер: вдумчивый.

Семейный статус: не женат.

Долгое время Хартия не имела выхода к морю. Из-за этого Дёнец командовал лишь речным флотом из пару десятков надувных лодок, катеров и нескольких взводов элитной морской пехоты. Именно его люди первые форсировали реки, подавляли противника и обеспечивали безопасность переправам. Когда же в распоряжение Эриха поступили первые верфи, структура флота кардинально изменилась. Впрочем, пройдет ещё много времени, прежде чем первые корабли выйдут из доков Хартии. Приказы выполняет вдумчиво. В измене замечен не был».

«Досье.

Совершенно секретно.

Министр промышленности и армейского снабжения Анджей Ковальчук.

Дата рождения: информация отсутствует.

Отец: информация отсутствует.

Мать: информация отсутствует.

Политические взгляды: истинный последователь дела Хартии.

Характер: находчивый.

Семейный статус: не женат.

Ковальчук был рекомендован первой леди как человек, знающий экономическую систему Хартии изнутри. Его будущие реформы в промышленности смогли обеспечить армии бесперебойные поставки вооружения и снабжения. Еда, боеприпасы, топливо, запчасти, одним словом всё то, без чего не способна существовать ни одна современная армия. Анджеей очень рьяно боролся за контроль каждого ресурсного источника, будь то нефть, уголь, металлы или даже золото. Всё шло на благо промышленности. Всё шло на благо Хартии. Когда на замену патронам в государстве появились первые деньги, то вокруг Анджея начали крутиться многомиллионные денежные потоки. Многих из его подчинённых поглотила жадность и коррупция. Но не Ковальчука. Он так и оставался угрюмым промышленником в потрёпанном пиджаке, верно служа государственным интересам. Приказы выполняет со знанием дела. В измене замечен не был».

— Теперь я хочу поделиться планами на ближайшее будущее, — продолжал Гвин. — Я вас услышал. Ситуация на Юге стабилизировалась. Армия, наконец-то, начала показывать себя с лучшей стороны. Хартии становится тесно в границах одного города. Если мы хотим добиться благосостояния наших граждан, то, в первую очередь, должны взять под контроль весь регион с его плодородными землями, лесами, полезными ископаемыми. У меня на вас великие планы. Но прежде предстоит много работы. Я вам даю неделю на реорганизацию. После этого большинство наших сил выдвигается в сторону Киевуса. Нашей славной столицы погибшей страны. Пришло время стать хозяевами этого региона. С такими командующими я не сомневаюсь, что нас ждёт успех. Киевус покорится. Да будет так! Вы получили приказы. Жду от вас их выполнения в лучшем виде. Заседание закрыто.

Улицы, закоулки, дворы, кварталы, районы — всё, что формировало город, едва помещалось на детализированной карте Киевуса. Это был бескрайний мегаполис. Город разделяла на две ровные части огромная река. В её водах ютились маленькие острова, рассеченные мостами. Гвин представлял масштабы столицы и понимал, что лёгкой прогулки ждать не стоит. Стрелки, флажки, инициалы подразделений. Армия Хартии заходила в пригороды и уже докладывали о первых вооруженных стычках. Правда, открытых боестолкновений пока не произошло. Враг стягивал все силы внутрь города и готовился к обороне. Эрвин понимал это и приказал обойти город, тем самым отрезая возможную помощь с северной стороны. Генеральный штаб волновало неизвестная численность противника и их боеготовность. «Отряду сто тридцать семь» предстояло добыть всю недостающую информацию. Пока же этого не произошло — войска готовились к решительному штурму.

В небольшом доме были только Гвин и Эрвин. Маршал позволил себе на несколько минут закрыть глаза, легонько покачиваясь на стуле. Гвин сверлил глазами карту и курил. Вот уже неделю, как они покинули Ставку. Бесконечная колонна из стальных монстров неумолимо двигалась к своей цели. Генералы почти всё время проводили со своими войсками, лишь изредка появляясь с докладами в штабе. Элизабет не стала исключением. Она всегда находилась на передовой, наблюдая, как выполняется воля господина, и думая над возможным улучшением условий простых солдат.

— Господин Гвин, — в штаб ворвался адъютант, выведя Гвина из задумчивости, а маршала из полудрёмы. — К вам пришёл кто-то из местных.

— Что он хочет?

— Говорит, что может помочь вам.

— Пусть зайдёт, — безразлично бросил альбинос.

За последнюю неделю доклады, приказы и планирование сильно истощили силы Гвина. Последнее, что ему сейчас хотелось — с кем-то говорить. Правда, его личные капризы никогда не влияли на государственную деятельность.

В комнату вошли. Гвин даже не взглянул в его сторону.

— Я подозревал, что только ты мог устроить этот переполох, — сказал голос с нахальными нотками. — Теперь же я убедился, что Холод снова в седле.

Гвин резко развернулся и сразу застыл.

— Лопни мои глаза! — выпалил Гвин. — Пуля! Я совсем забыл, что ты должен быть где-то здесь!

— А ты подрос, седой. Ещё и очки нацепил. Не отличишь от дендролога.

— Не мог ли ты более уважительно обращаться к господину? — вставил Эрвин.

— А ты ещё кто такой, блондинчик? Его личный профессиональный жополиз?

— Почти, — ответил Эрвин, испепеляя его взглядом. — Маршал армии Дивидеандской Хартии.

— Довольно, Эрвин, — прервал его Гвин. — Это мой старый друг. Мы с ним в детстве стояли друг за друга горой, но нас... — альбинос на секунду задумался, — разлучили.

— Я рад, что ты жив, братело! Пойдём на свежий воздух, нужно перетереть по нескольким важным вопросам.

— Опять меня втаскиваешь в какую-то авантюру? Последний раз из-за твоих выбриков мы все попали за решетку. Но, боюсь, что я не устою перед твоей харизмой. Эрвин, — обратился к нему Гвин, — я могу пропасть на какое-то время? Постарайся, чтобы тут всё не развалилось, пока меня не будет.

— Можете быть спокойны, господин.

Старые друзья под громкий смех покинули комнату. Эрвин лишь хмуро смотрел им вслед.

Солдаты, маршируя, пели песню, стараясь перекричать рёв моторов. Орудийная прислуга рыла стационарные позиции, чистила стволы пушек, разлаживала снаряды. Танкисты лежали на броне и, раздевшись до трусов, загорали под летним солнцем. Во мгновение ока пригороды столицы превратились в единый армейский организм, готовый выполнить всё что угодно по велению одного человека.

Гвин наблюдал за лениво текущей жизнью его армии, перебрасываясь короткими репликами с Пулей.

— Ты неплохо поднялся, дружище. Столько вояк. Сколько же их у тебя?

— Много, — уклончиво ответил Гвин. — Достаточно, чтобы взять столицу.

— Ты изменился. Старый Холод всегда был вспыльчивый, лез на рожон и дёшево понтавался.

— Ничего во мне не поменялось, Пуля. Просто нужно уметь сдерживать в себе свои изъяны. Такой он простой залог успеха.

— А говорят, что тюрьма способствует окончательной деградации. Вижу, на тебя это правило не распространилось.

— Я слышал, что тебя посадили в «Белый Дельфин» на десять лет.

— Я же оказывал сопротивление при задержании, — усмехнулся Пуля, почесывая тёмную бороду. — Вот господа присяжные и отправили меня в пристанище самых матёрых головорезов.

— Меня с Козырем скорей всего бы тоже отправили. Только нас почти сразу повалили мордой в пол. Наверное, это нам и скостило срок.

— А что стало с Козырем?

— Он не смог принять нашу новую реальность, — немного подумав, ответил Гвин.

Пуля молча посмотрел на него карими бусинками, но ничего не ответил. Альбинос продолжил:

— Что же я это всё о себе. Как ты сам, приятель? Зная тебя, ты точно тут не скучал.

— После побега сколотил из братвы небольшую группу. Пытались отхватить от города небольшой кусочек. Ничего не вышло и пришлось быстро сматывать удочки. Город принадлежит множеству мелких банд и группировок. Они настолько типичны и одинаковы между собой, что даже не хочется кого-то из них выделять. Правда, сейчас они скорей всего, как опшаренные петухи, думают, как отстоять свой привычный порядок.

— Ты хотел мне помочь, — напомнил Гвин.

— Да, хотел. Сейчас даже ещё больше. Предлагаю тебе экскурсию в мои хоромы. Там ты всё поймёшь.

— Выбора у меня нет, — вздохнул альбинос.

Центральная площадь. Огромная, величественная, бескрайняя и запущенная. Давно не

стриженные деревья давали густую тень, а трава захватывала территорию асфальта. От фонтанов остались лишь пустые каменные сосуды. Плитка начинала покрываться паутиной из трещин. На флагштоке так и трепыхался флаг сгинувшей страны, неся только ему понятную службу.

Пятеро фигур молча расположились вокруг поломанной лавки. Один опёрся о дерево и курил. Двое просто уткнулись в землю. Ещё один ходил взад-вперёд, не в силах остановиться. Последний же стоял к ним спиной, наблюдая за пустынным городом.

Нужно было что-то делать, но всех гложило чувство, что скоро они станут такими же, как площадь. Брошенными и запущенными.

— Если будем просто молчать, — подал голос парень с сигаретой, — то нас точно прихлопнут.

— Если бы мы знали, как разрулить этот писец, — ответили ему двое с лавки, — то тогда бы не собирались.

— Давайте по порядку. Что стряслось?

— Всё было как обычно. И тут откуда не возьмись, появился трындец. Со всех сторон на нас поёрла вооруженная армада. Их тысячи. Они хорошо вооружены и обучены. Наши люди пытаются их сдерживать, но хрен там. Откуда они такие красивые нарисовались?

— Ими управляет какой-то седой хрен, — ответил нарезающий круги. — Они приехали со стороны военных баз. Запаслись танками, пушками, маслинами и решили нас прижать.

— Все же понимают, что отсидеться в укромном уголку не получится? Поднимаем всех людей и встаём в оборону. Будем надеяться, что отобьёмся. Эй, — обратился он к стоящему спиной, — ты с нами?

— Я вас на болту вертел, — буркнул он. — И вообще манал всё это. Но я с вами.

— Вот и ладушки.

Первое, на что обратил внимание Гвин когда спускался за Пулей: острый запах нечистот. Он не сразу заметил ведро, куда гадили все жители пристанища мёртвых. Внутри оказалось темно и неестественно сыро. Несмотря на это, здесь уже долгое время жили люди. Дырявые матрасы прямо рядом с надгробиями, несколько керосиновых ламп, едва разгонявшие тьму, вещи, оружие. В щелях между каменных плит томились окурки, битое стекло и иглы от использованных шприцов. По периметру комнаты стояли мраморные статуи. Их белые облики начинали покрываться слоем пыли и грязи. На фоне одиноких скульптур выделялись три, нарушившие негласное правило одинокой вахты и разделившие последний приют вместе.

Трое друзей, нашедших здесь покой. Каждому на вид по лет сорок. Никто из них не мог подумать, что смерть придёт так неожиданно. У могильных надгробий лежали уже порядком истлевшие розы. Памятники начинали постепенно зарастать. Ещё несколько лет и никто не вспомнит, что здесь было кладбище когда-то влиятельных людей. Гвин сразу понял, что видит перед собой криминальных отморожков. Рыбак рыбака видит издалека. Кто сказал, что это правило не должно распространяться на его ремесло?

— Почему база именно в мавзолее, Пуля? — спросил Гвин, смотря в непроницаемые глаза одного из памятников.

— А кому придёт в голову шманать мавзолей, Холод? — улыбнулся Пуля.

— Только тебе. Всегда подозревал, что у тебя есть пунктик по отношению к жмурам.

— Напрасные мысли. Все трупы мы перезахоронили. Не очень хочется ночевать с

мертвяками. Даже если это семья аристократов и авторитетов. Помню, в одном из могильников нашли свежий труп девчушки. Будто ещё вчера жила. Как пелось в пьесе: «Конец, хоть высосал, как мёд, твоё дыхание, не справился с твоею красотой. Тебя не победили: знамя жизни горит в губах твоих и на щеках, и смерти белый стяг ещё не поднят».

— Вижу, ты время в тюрьме зря не терял.

— По сравнению с тобой, я почти ничего не сделал.

— Мне просто повезло с соседом по камере.

— Важная шишка?

— Да или нет. Не знаю. Но он воспитал во мне что-то большее, чем мелкий торгаш наркотой, — Гвин на секунду отвёл взгляд от памятника. — Не важно. Какого чёрта ты привёл меня сюда?

— Как ты думаешь, кто перед тобой?

— Без понятия. Но просто так никому памятники не ставят.

Пуля подошёл к статуе и провёл по белой щеке. На ладони остались следы от грязи.

— Я расскажу тебе одну из историй этого города. Это было так давно, что о ней почти забыли. Я сам узнал о ней случайно, и она очень показательна ко всей нашей жизни. Да, Петюня? — обратился Пуля к памятнику и потрепал по жирной щеке, затем опёрся ладонями о плечи и выдержал театральную паузу. — Жили-были три друга: Петюня, Картавый и Монгол. Страх наводили на Град древний, от борделей на Караване, казино и торговых точек в центре, до притонов на окраинах. Всё шло замечательно, и встретили бы наши ребята счастливую старость в семейному кругу. Да, Картавый? Но тут на их пути стал добрый мóлодец из мусоров.

— И кто это был?

— Не знаю. Да и это неважно. Но молодец очень конкретно взял их за яйца. Разозлились они на молодца. Что только с ним не делали: и красавец заморских ему подсылали одну краше другой, чтобы утонул в любви и забыл о гиблом деле. И золотом на безбедную жизнь подкупали. И власть в Граде древнем вместе с ним хотели разделить. Ничего не помогало. Уж очень сукин сын хотел справедливости. И решили они тогда молодца мочкануть. Да, Монгол? Призвали они злого хасида из пустынь сирийских. Узнал об этом молодец. И тогда Петюня чисто случайно узнал, что Картавый хотел вытурить его из общего бизнеса. Картавый чисто случайно узнал, что Монгол трахает его жену. А Монгол, ну совсем чисто случайно узнал, что Петюня его клиентов к себе заманивает. Забыли трое друзей о молодце и мочканули друг друга.

— Типичная история криминального прошлого этих земель.

— Откровенно говоря, твоя история тоже не оригинальна. Холод, как старому другу, я помогу тебе. За год в этом склепе накопилось очень много неудобной правды о тех, кто держит в подчинении город. Тебе почти не нужно будет использовать армию. Народ сам их перережет и присягнёт на твою верность. Массы нужно лишь немного подтолкнуть.

— Что ты хочешь за это?

— Я хочу управлять этим славным городишком. Вместе с тобой. Одна половина тебе, другая мне. Обижать не буду. Все указания выполню добросовестно.

— Сначала нужно город взять. Власть поделим после.

— Буду считать это согласием.

На улице накрыли стол. Он ломился от количества всевозможных яств. Летний зной

обострял аппетит, и Пуля, не сдерживая себя, наполнял рот едой, при этом громко чавкая. После третьей рюмки водки приятеля Гвина окончательно разнесло. На губах блуждала нахальная улыбка, а в глазах немного весёлый, а где-то и жуткий огонёк.

— Если будешь продолжать есть, как свинья, — прошипел Гвин, — водку наливать больше не буду.

— Да ладно тебе, Холод, — звонко икнул Пуля. — Хорошо, беру вилку и больше не буду есть руками.

— Салфетку заправь. По бороде всё течёт на одежду.

— Ты когда стал читать книги, таким мудаком стал.

— Если ты хочешь управлять большими массами, то должен подавать им соответствующий пример. Иначе всё опять превратится в бордель с медведями на одноколёсных велосипедах.

Элизабет неспеша принесла второе. Разложив блюда на стол, она ласково улыбнулась Гвину и Пуле, и спешно ретировалась.

— Твоя тёлка? — спросил Пуля, плотоядно глядя ей вслед.

— Ещё раз назовёшь её «тёлкой», и эта вилка окажется у тебя в глазе.

— Прости, старые манеры. И тем не менее губа у тебя не дура.

— Да, это моя... супруга. Хоть под венец мы и не ходили, но всем всё и так понятно.

— Непорядок, Холод. Обязательно сыграй свадьбу. Так ещё такая краля, глаз не оторвёшь.

— Косоглазие заработаешь.

— Остряк ты, Холод. Не любишь старого друга, — он наигранно вздохнул. — Всё хочу спросить, что означает название твоей страны?

— Пока это ещё не страна, а лишь её блеклая тень. Когда мы возьмём столицу, вот тогда мы развернёмся по полной. Хартия — это письменный договор. Дивидеандская, от слова дивиденды, то есть прибыль. Моя идея и философия заключается в том, что правительство заключает с народом договор, подразумевающий взаимную выгоду и процветание. Но для этого нужно сильно постараться и не нарушать договор. Как по мне, всё просто.

— Мечтатель ты, Холод. Не забывай, что мы все ещё дети. Им не до нудного государственного управления. Им хочется свободы и адреналина.

— Каждый человек хочет быть в безопасности и в уверенности, что завтра он будет жить. А я смогу это обеспечить.

— Дело твоё. Просто уж слишком серьёзно ты к этому относишься.

— Все, кто меня окружает, доверили свои жизни. Это очень серьёзная ноша. Что поделаться, приходится рано становиться взрослым.

— Тут с тобой придётся согласиться.

Элизабет потянулась и сладко зевнула. Трое суток в пути. Без сна. Почти без остановок. Каждая секунда была на счету. Молчаливый водитель открыл дверь и подал руку. Выпрыгнув из грузового автомобиля, Лиза вдохнула холодный утренний воздух и оглянулась. Те же поля и леса. Но у них были кардинальные отличия от остальных. Воронки, выгоревшая трава и постепенно выветривающийся запах гари. Эти места ещё не скоро забудут о рокоте войны.

Еврейские общины. С самого начала они объединились и стали единым целым организмом. Их власть простилалась на многие километры. Хартии потребовалось много сил и времени, чтобы покорить эти земли. Уж очень рьяно и отчаянно жители этих мест

сражались за свободу.

Элизабет отвели к старейшине. Пареньку не старше девятнадцати. Это не мешало ему держать образ стереотипного представителя своего народа: очки с круглыми линзами, длинные загогулины по бокам, прозванными пейсами и крошечная шапочка на голове — кипа.

В кабинете тихонько тикали часы. В углу стоял сервант со старинным сервизом. На столе, среди огромного количества бумаг, Элизабет увидела золотой семисвечник. Минора, ведь так её называли?

— Чем обязан таким визитом? — его глаза бегали из стороны в сторону, изучая гостью.

— Разве я не могу неожиданно вас навестить?

— Евреев никто никогда просто так не навещает.

— И кто же это так сказал?

— Жизненный опыт. Что вам нужно? Вы нас разгромили и покорили. Мы присягнули вам на верность, платим в государственную казну налоги и ничего против вас не замыслим.

— От вас что-то можно утаить? — сокрушённо спросила Элизабет.

— Много кто пытался, но почти ни у кого не получалось.

Элизабет опустила глаза и глубоко вздохнула.

— Разведка доложила, — продолжила Лиза, — что с северных подножий Кавказских гор в сторону наших земель движется вооруженный чеченский отряд. Их приблизительно несколько сотен человек. Наша армия ведёт тяжёлые бои в столице и не может вас защитить. Поэтому я прошу вас о помощи.

— Ты хочешь, чтобы евреи отогнали злых горцев?

— Я не думаю, что они собираются вступать в вооруженную схватку.

— Что же ты от нас хочешь?

— Вам нужно выдвинуться на правый берег реки и стать заслоном от возможных набегов.

— Это двести километров от нашей ближайшей общины. Почему мы должны идти так далеко?

— Потому что если они пересекут реку, то двинуться на ваши земли.

— Это резонно, — поник еврей. — Будет разбой и грабежи. Дети и девушки подвергнутся опасности, — он задумался. — Хорошо, я соберу людей. Ваш господин может быть спокоен.

— Ещё кое-что, — Элизабет положила на стол мятый лист. На нём были зачёркнуты имена и фамилии, и лишь две избежали такой участи. — Ваши? — указала она на чистые буквы.

— Да, — не смело сказал еврей, глянув на имена. — Те ещё прохвосты. Не советую иметь с ними никаких дел.

— Они предатели. Неоднократно предавали ваши общины.

— Остальные зачёркнуты... Что вы с ними сделали?

— Мы их расстреляли. Как и подлежит предателям.

— Так почему вы и их не расстреляли?

— Потому что те были на нашей земле, а это ваши.

— Нет. Еврей никогда не поднимет руку на еврея.

— Тоже жизненный опыт?

— Нет, это Тора.

— Очень замечательно. И что нам теперь, их на руках носить? — Элизабет начинала злиться.

— Сколько существует ваше государство?

— Почти год.

— Ага, — хитро улыбнулся он. — Мы на этих землях уже три тысячи лет. Наш народ пережил рабство в Египте, Римское владычество, средневековые гонения, Хрустальную ночь и Холокост. Как вы думаете, выжили бы мы, если бы начали резать друг друга?

— Что вы предлагаете?

— Я их пошлю на самые опасные позиции. И пусть судьба решит за нас.

— Какой же вы хитрый народ. Всегда перекладываете ответственность на других.

— По-другому никак.

— Оружие поставить вам не сможем. Извините.

— Понимаю. Раньше мы откладывали на чёрный день деньги, а теперь оружие.

Гвин молча изучал документы в синей папке. Позади него по стойке смирно стоял Эрвин. Гробовую тишину нарушал лишь шум переворачиваемых листов. В глазах Гвина читалось разочарование и даже грусть.

— Это достоверная информация? — спросил Гвин с надеждой, что её опровергнут.

— Не думаю, что Крюгер станет заниматься клеветой.

— Хорошо. Я приму меры. Но не сейчас. Пока ещё рано, — альбинос отложил папку и стал барабанить пальцами по столу. — Оставь меня. Занимайся своими делами.

Эрвин молча кивнул и покинул комнату. Гвин изнеможённо облокотился об стол. Силы были на исходе. Оставалось потерпеть ещё чуть-чуть.

Позади себя Гвин услышал шаги.

— Я же просил оставить меня, — рявкнул он.

— Ты совсем стал обо мне забывать, — грустно сказал голос.

— Элизабет, — ответил он, не вставая. — Уже вернулась.

— Они готовы прикрыть наш тыл. Хотя, скорей всего, в этом не будет необходимости.

— Хорошая девочка. Достойная первой леди.

— На тебя больно смотреть. Совсем себя не жалеешь.

— Слишком много приходится держать в голове. Вагоны — и то легче разгружать.

— Тебе нужно отвлечься.

— Мне нужно ещё подготовить приказ для северного фланга... — Гвин осёкся. Элизабет начала нежно целовать его шею и медленно расстёгивать штаны. — А если кто-то увидит? — спросил Гвин, целуя её в ответ.

— Я сказала Эрвину никого не впускать.

Гвин поднялся, взял Элизабет на руки и перенёс на кровать.

— Что же, — сказал Гвин, помогая снимать с Лизы одежду, — мы можем посвятить несколько часов себе.

— Проведём же их с пользой, — улыбнулась Элизабет и задула свечи.

Свет в комнате погас и в густой темноте начиналось что-то страстное, живое и прекрасное.

По воспоминаниям Эрвина, операция по захвату столицы, прозванная «Молот и Наковальня», была единственной на его памяти, не начинавшаяся артиллерийской

подготовкой. Артиллеристам в это летнее утро пришлось скучать.

За несколько недель до начала операции люди Пули и солдаты из «Отряда сто тридцать семь» пробрались в город, начали вербовать предателей и распространять среди людей бунтарские мысли. Они внушали людям о лучшей и богатой жизни при Гвине, и дискредитировании владык столицы. Никто не мог предположить, какой это даст оглушительный эффект.

В шесть часов утра первые пехотные подразделения под прикрытием бронетехники начали входить на окраины столицы. Многие командиры будут удивлены, что не встретят сопротивления. «Отряд сто тридцать семь» смог устранить четырех из пяти главарей группировок. Не без помощи и наводок Пули. Отто лично отметит, что его люди действовали не хуже солдат комитета безопасности.

Оставшись без лидеров, вооруженные отряды в огромных количествах сдавались в плен. Целые районы переходили под контроль Хартии без боя. Но больше всего солдат удивило местное население. Подогретые сладкими речами шпионов, они начали массово выбегать на улицу, встречали бойцов Хартии как освободителей, героев и символов той новой, лучшей жизни. С солдатами обнимались, угощали, вставляли в дула танков цветы.

Армия ещё не добралась до центра, а уже несколько десятков тактических групп были недееспособны. Командиры и солдаты не смогли отказать простым людям и принялись разделять радость вместе с ними. Со всех сторон лилась музыка, песни, танцы, радостный крик и безудержное веселье. Дети сидели на бронетехнике и, мотыляя короткими ножками, улыбались. Молодой гвардеец танцевал вальс с девушкой. Он знал её всего пять минут, но уже был уверен, что она с ним на всю его жизнь. Один офицер показывал свои навыки в гопаке. Все завороженно смотрели, как он мастерски перебирает ногами в солдатских берцах. После долгих месяцев невзгод, многие наконец-то почувствовали себя счастливыми. И лишь единицы смотрели на солдат со страхом и ненавистью. Как будто чувствуя, во что когда-то всем выльется этот дружественный порыв.

Ни одна операция не может пройти идеально. И эта не стала исключением. В центре отряды наткнулись на несколько очагов вооруженного сопротивления под руководством единственного выжившего лидера. Все ждали дальнейших указаний.

— Выпускай гвардию, — приказал Гвин Эрвину. — Пускай порезвятся.

— Слушаюсь, господин.

Ритм вальса всё нарастал. Они продолжали кружиться под такт музыке, влюблённо смотрели друг другу в глаза и улыбались. Впервые в жизни они любили и наслаждались моментом.

— Никитос! — громкий голос вырвал гвардейца из забытья. — Закругляйся, всех срочно стягивают в центр!

— Никуда не уходи, — обратился солдат к девушке. — Мы быстро.

Она лишь молча кивнула. С усилием воли они разомкнули руки. В следующую секунду гвардеец, не оглядываясь, уже бежал за своим командиром.

«Я ведь даже не узнал её имени. Как же я её найду?»

Правительственный квартал. На каждом шагу вырастали многоэтажные здания с последним словом архитектурной и инженерной мысли. Не смотря на запустение, здания поражали своими размерами и красотой.

БТР подавлял выглядывающую из окон пехоту. За белыми колоннами собирался штурмовой отряд гвардии.

— Все здесь? — окинул взглядом командир подразделение. — Отлично. Давайте, дамочки. Сделаем нашу работу, как мы умеем, и вернёмся к общему веселью. Никитос, готовь светошумовую. Саня, прикрывай его.

Выбив огромную дверь, в помещение полетела граната. Затем последовала вспышка и громкий противный писк. Не теряя ни секунды гвардейцы принялись зачищать здание. Комната за комнатой, этаж за этажом. Они были лучшими солдатами в армии и неоднократно это доказали.

Гвардейцы выбрались на крышу. Перед ними раскинулся замечательный вид бесконечного города. Несколько секунд они так и стояли, не в силах оторвать взгляд. Осознание, что этот мегаполис теперь у их ног, вводило в экстаз.

— Никитос, — обратился командир, — вешай флаг. Дай сигнал, что операция закончена.

Гвардейцу подали флаг его страны. На нём красовался золотой лавровый венок на красном фоне, с перекрещенным мечом и молотом. Солдата распирало от гордости. Медаль ему была обеспечена. Глубоко вдохнув жаркий воздух, он пошёл к краю крыши. Руки предательски дрожали от волнения, но знамя удалось надёжно закрепить.

Выстрел.

Гвардеец упал. Из тёмно-красной формы начала вытекать кровь. Он понял, что на крыше остался ещё один недобитый враг. Солдат улыбался. Он выполнил свой последний приказ. И его будут любить всю его короткую жизнь.

Командир ещё что-то кричал ему, но он не слышал. Последние моменты жизни гвардеец вспоминал о той девушке. Он так и не узнал её имя. Но любил, как будто знал вечность. Через несколько секунд солдат туда и отправился.

Правительственный квартал крайне запал в душу Гвину. Он уже начинал планировать, как вся его логистика послужит на благо Хартии. Но это всё же была долгосрочная перспектива. Пока же он обустроивал уютный кабинет бывшей администрации президента, в последствии ставшей его резиденцией. Псу Тучке очень понравилась вычурная мебель и он не побрезговал её пометить. Хартия росла, шла подготовка к торжественной церемонии. Гвин решил, что это будет отличным моментом для бракосочетания. Пусть всё будет законно. Ведь теперь они закон и порядок.

— Холод, какого хрена?! — в кабинет ворвался взъерошенный Пуля и громко ударил по столу, чем напугал шпица. — Ты нахера моих людей повязал?

Гвин молчал, изучая саблю с позолоченной ручкой.

— Отвечай, быстро!

— Возьми синюю папку на столе, — тихо сказал Гвин. Его спокойный голос вводил в дрожь даже самых стойких.

— Что там? — недоумевал Пуля.

— Прочитай внимательно, — чеканя слова, ответил Гвин.

По ходу прочтения на лбу Пули появилась росянистая испарина, кожа начала бледнеть, а от бывшего боевого настроения не осталось и следа.

— Ты нас кинул, Пуля, — прошипел Гвин. — Сдал легавым. А сам заработал условку и наслаждался свободой. А весь этот цирк с «Белым Дельфином» был для отвода глаз.

— Откуда это у тебя? — только и смог спросить он.

— Разве это важно? Правильно, не важно. Но важно то, что мне с тобой делать. Если

человек предал раз, то предаст и в последующие. Этого я допустить не могу.

— Ах, ты сука! Живым меня не возьмёшь!

Пуля набросился на Гвина. Очки альбиноса заблестели, он отскочил, выхватил саблю из ножен и разил ей своего друга. Клинок ударил в самое сердце по самую рукоять.

— Чем?... — хрипя, спросил Гвина Пуля. — Чем ты таким отличаешься от всех нас?

— У меня есть цель, сила и идеология. Без одного из этих составляющих всё бессмысленно. Вы — бессмысленны.

Взгляд Пули потух. Свалился он уже трупом. Остриё блестело со спины побежденного. Подоспевшие гвардейцы лишь наблюдали, как из холодеющего трупа вытекала на чистый кафель кровь.

— И почему она убивает только каких-то отморожков? — спросил себя Гвин, вытаскивая саблю. — Удивительная закономерность. Не иначе.

Гвин не мог терпеть костюмы и остался верен парадной форме. Его больше волновал наряд Элизабет. Он не виделся с ней уже сутки, и его это истязало. Гвин словил себя на мысли, что за время операции ни разу не кололся кокаином. Неужели он смог побороть зависимость? И всё только благодаря ей.

А вот и она. Свадебный костюм, что же она ещё могла выбрать? Белая ткань облегла стройное тело, отсутствие декольте словно олицетворяло порядочность и непорочность. На шее ожерелье с белым кристаллом. В волосы мастерски вплели венок из цветов, а сзади две служки несли белую мантию.

— Ты прекрасна, — только и смог сказать Гвин.

— А ты как всегда грубый солдафон, — сказала она и звонко рассмеялась.

— Но ведь таким ты меня и полюбила?

— Нет, полюбила я тебя не за форму. А за желание бороться с этим миром. Гвин... — Элизабет запнулась и отвела взгляд.

— Я слушаю.

— Я хочу сказать очень важную вещь. У нас будет ребенок. Наш наследник.

Гвин не смог выдавить из себя ни грамма эмоций.

— Ты не рад? — грустно спросила она.

— Я... Я рад. Просто ещё не осознал. Я очень надеюсь, что наш потомок будет жить в прекрасном мире.

— Я так счастлива от тебя это слышать. Идём же создавать этот мир!

— Без тебя это невозможно. Мы готовы! — крикнул Гвин. — Открывайте!

Двери открылись. Начал играть орган. Его вибрирующая музыка отдавала по белым стенам и разносилась громким эхом. В зале сидело много людей. Как приближенные Гвина, так и все желающие посмотреть поближе на столь таинственного завоевателя и его прекрасную спутницу. Все безмолвно наблюдали за ними. Кто-то улыбался, кто-то не мог сдержать восторга, но всех объединяло одно: желание им служить. Гвин и Элизабет шли вперёд, чтобы стать мужем и женой. Чтобы вдохнуть в эти места жизнь и начать создавать будущее.

Вскоре простые люди начали между собой называть Гвина консулом, из-за лаврового венка на флаге. Гвину настолько это понравилось, что он официально закрепил звание. Теперь он был консулом. Консулом Гвином. И консул только начинал вести за собой остальных.

Праведное дело

Освальд курил и вспоминал обрывки той информации, что была ему уже известна. Государства не придумывали что-то новое в своей форме правления за ненадобностью. В основном, это были республики, за редким исключением монархии, с государственным аппаратом. Сейчас Освальд изучал как раз такое исключение. Дивидеандская Хартия была монархией с республиканскими ценностями. С точки зрения формы правления она была самым совершенным государством. Консул Гвин, после захвата столицы, просто оживил то, что и до этого прекрасно работало.

Законодательная, исполнительная и судебная власть. Талантливым юношам и девушкам предстояло возложить на себя столь непростую ношу государственного управления.

Законодательной властью выступал парламент из пятидесяти человек, названный Сенат нации. Во главе Сената стоял спикер. Сенат собирался ежемесячно. Представители регионов выдвигали законопроекты, призванные улучшить жизнь граждан и армии. Много часов жарких дискуссий и юридической волокиты создали из Хартии правовое государство. По крайней мере для избранных.

Судебную власть взял на себя Верховный суд во главе с верховным судьёй. Понадобился не один год, чтобы разобраться в запутанной, а иногда и противоречащей самой себе, системе. Верховный суд активно помогал остальным ветвям власти и был неотделимой частью фундамента Хартии.

Исполнительная власть досталась Бюрократическому аппарату. В огромном белом здании сидело сотни человек, занимаясь эффективным налогообложением, внутренним порядком, системой образования и информирования, производства и строительства, введения правок в конституцию. Они делали то, на что уже не хватало сил Гвина и Элизабет.

Отдельной, ни от кого независимой, силой оставалась армия и Генеральный штаб. По факту, всё, чем занимались чиновники Хартии, было ради одной цели — улучшения армии. Армия оставалась главным столпом власти консула и гарантией на доминирование в регионе.

Больше всего Освальда интересовала идеология Хартии. И Эрвин дал ответ на его вопрос. Он просто процитировал Гвина:

«Что нужно каждому человеку? Безопасность и счастье.

Создать безопасность в Хартии проще простого. Мы сделаем столицу самым безопасным местом в мире. Город должен стать неприступной крепостью и оазисом порядка среди пустыни хаоса. Он должен стать предметом зависти и подражания для остальных. Многие будут мечтать сюда попасть, но пускать мы будем лишь тех, кто всеми силами готов приносить пользу Хартии. Остальные земли государства обязаны работать на процветание столицы. Будет много несогласных. Но я уверен, что комитет безопасности решит этот вопрос.

Мы должны вернуть людям утраченное прошлое. Мы дадим им надежду, что всё вернётся на свои места. Мы обязаны обеспечить людей ежедневным информированием о победах государства. Они должны начать чувствовать себя частью чего-то целого. А мы внушим им, что только будучи частью великой силы можно будет добиться чего-то стоящего. Мы внушим, что только здесь прекрасный мир, а вокруг бесконечный ужас. Ужас, с которым нужно бороться.

Такого моё виденье процветания Хартии».

— Процветание, живущие на крови и во лжи, — закончил мысль Освальд, выпустив сигаретный дым.

Крик, от которого стынула кровь в жилах, и слёзы от невыносимой боли. Бледные ладони со всей силы сжимали белую простыню. Будто это помогало облегчить агонию. От страшных конвульсий по всему телу душа была готова покинуть брэнную плоть.

— Матушка, — говорила Глифи, — буквально ещё немного. Я верю в вас.

Эстер, сквозь слёзы, взглянула на неё. Лидер летавиц совсем ослабела. Туберкулёз мёртвой хваткой медленно и верно забирал у девушки последние жизненные силы. Правда у болезни не было ни единого шанса оборвать ту, ещё не родившуюся жизнь. Это было единственной причиной, почему Эстер вела заведомо проигранную борьбу.

«За сестёр!»

Летавица собрала остаток сил в кулак и едва не сорвала голос в том последнем и отчаянном порыве. Под аккомпанемент женского крика добавился плач младенца. Ему только предстояло узнать о том мире, где он появился. Познать ласку и боль, красоту и отвращение, героизм и предательство. Крохе было суждено стать одним из первых представителей нового поколения, что своей энергией обуздают столь безумный мир.

— Какой крепыщ, — прокомментировала Глифи, смывая с малятки всю прилипшую грязь. После этого его принялись пеленать. — Мальчик. Ах, какие же у него хулиганистые глаза!

— Точно такие же как у Гоблена, — прошептала Эстер.

Летавица улыбнулась. Она выиграла свою последнюю битву. Она не оставляет сестёр на произвол судьбы. Теперь ей позволено отдохнуть. Она лишь на секунду закроет глаза. И больше никогда не проснётся.

— Матушка, что с вами?! — Глифи пыталась привести Эстер в чувство, но было уже поздно. — Матушка? Матушка...

По щекам ещё катились капельки слёз, а губы так и застыли в блаженной улыбке. Лишь избранным тёмный жнец давал право провести последние секунды жизни с самим собой. Такая честь выпала Эстер. Смерть постороилась, пропуская её вперёд. В другой мир. С которым никогда и никому не суждено узнать.

Солнце совсем недавно скрылось за горизонтом, но уже не было видно ни зги. Путь по бездорожью приходилось освещать фонарём. Последние, что хотелось путникам после жаркой встречи с местными бандитскими группировками — это переломать ноги. Совсем недалеко уже виднелся яркий свет от местного трактира. Большое двухэтажное здание служило перевалочным пунктом для многих скитальцев. Его построили в самом начале весны. Такое явление было повсеместным. Предпринимательские умы быстро догадались, что можно неплохо подняться на таком нехитром деле. Нужны были лишь руки и небольшой капитал.

Алексей снял обтягивающий голову капюшон, поправил кудри и глубоко вдохнул холодный воздух. Денёк выдался жаркий. Лёша даже думал, что сегодня его земной путь оборвётся, но обошлось. В такие моменты он всегда ценил жизнь и то небольшое, что имел. Подходя к трактиру, он пропустил своих попутчиков вперёд, а сам несколько минут ещё побыл снаружи. Куря сигарету, Алексей тонул в ночи. В её власти, загадочности и незримой

опасности.

Лёша вызвался помочь прибывшим тамплиерам. Алексей почти ничего не знал о них, лишь обрывки информации. По пути они так и не проронили ни слова, но вот в бою храбрости им было не занимать. Они были как будто отголоском той давней рыцарской чести и доблести. Лёше лишь было в радость, что в мире появилась сила, призванная защищать всех слабых.

В трактире, несмотря на полночь, было светло и жизнь била ключом. Это место наполнилось историями и байками со всего мира, музыкой бардов и вездесущим запахом пива не самого лучшего качества. Сегодня большинство сидело в крайнем углу и играло в азартные игры. Несколько лежало на столе в пьяном беспмятстве. Тамплиеры терпеливо ждали, когда оформят их заказы. Карабины блестели от тщательной чистки и ждали, когда же снова послужат праведному делу. Воины походили бы на обычных бродяг, если бы не размашистый красный крест, вышитый на груди. Они служили Ордену. Ордену Красного Креста.

Алексей решил не разделять их компанию, а сразу направился к трактирщику. Молодой брюнет с западноевропейской внешностью довольно улыбнулся, увидев желанного гостя — Всё прошло успешно? — спросил трактирщик, наполняя стакан высокоградусным напитком и протягивая Лёхе.

Алексей взглянул на свои покрытые кровью ладони и ухмыльнулся.

— Можно и так сказать, — вскоре ответил Лёша.

— Значит, по-человечески не захотели?

— Тамплиеры почти с ними договорились, но тут у них заиграла глупая человеческая гордость, — Алексей опустошил стакан и скривился. — Хорошо, что вовремя среагировали. Иначе нас бы перестреляли раньше, чем их.

— Ты хорошо владеешь оружием. Не хотел бы стать одним из них? Вступить в Орден?

— Нет. Во-первых, у меня свои заботы и цели. Во-вторых, там нужно платить задаток и заслужить признание. В-третьих, их главная база находится в Альпах, верно? На мой взгляд это немного далековато.

— Тамплиеры скоро будут отправляться домой. Если хочешь, я могу замолвить за тебя словечко, и они возьмут тебя с собой.

— Не стоит. Мне достаточно, что я помогаю тебе, а ты мне.

— Ты и твоя подруга просто хорошие люди. Хорошим людям всегда приятно помогать.

— Кстати, о подруге. Хорошо себя вела в моё отсутствие?

— Когда она узнала, что я отпустил тебя на зачистку тракта от разного отребья, то устроила настоящий разнос. Почти дошло до порчи имущества. Слава Богу, она быстро остыла. Но чувствую, что просто так мне этого не простят.

— Саманта никогда не держала ни на кого зла. В этом можешь быть спокоен. Она сейчас наверху?

— Да. Скорей всего спит.

— Я, наверное, к ней присоединюсь. Устал, как собака.

— Конечно, отдыхай. Я очень благодарен, что ты даёшь возможность таким, как нам, спокойно жить и вести дела. Трактирщики это ценят. Постараюсь сделать всё, чтобы ты у нас был на хорошем счету.

— Спасибо, шеф.

Алексей неумело и наигранно козырнул, а затем отправился к деревянной лестнице,

ведущей на второй этаж.

Дверь жалобно закрипела и открылась, впустив в комнату кусочек света. Алексей очень тихо прошмыгнул в комнату. Небольшая коморка с двухместной кроватью, маленьким шкафом и занимающим почти всю стену окном, открывающим красивый вид на звёзды. Саманта, безмятежный ангелочек, спала. Она добродушно улыбалась. Кажется, ей снился хороший сон.

Ему очень хотелось скорее присоединиться к ней, но Алексей вовремя остановился. Сначала нужно привести себя в порядок. Несколько суток под открытым небом, в диких полях и лесах, сделали его похожим на древнего монстра из мифов и легенд. Мир с каждым днём изменял Алексея всё больше и больше. Скоро он останется простодушным юношей лишь в памяти Саманты. А ведь ему только исполнилось девятнадцать.

Сбросив с себя одежду и наполнив таз холодной водой, Лёша принялся смывать с себя грязь, кровь и мылить волосы. Алая масса, как назло, не хотела смываться. Будто намекала, что от такого не отмыться.

Шум воды выдернул Саманту из сна. Осознав, что Лёша вернулся, она не смогла сдержаться. Девушка мигом выпрыгнула из-под одеяла и крепко обняла Алексея со спины.

— Вернулся! Слава Богу, живой!

— Тише-тише, — шикнул Алексей. — Перебудишь же всех. И я грязный, испачкаешься.

— Ох, — Саманта взглянула на его ладони, — это кровь. Ты опять убивал людей?

— Всё, что осталось от них человеческого — оболочка. Алиса когда-то о чём-то таком говорила. Теперь, через года, я с ней согласен.

— Алиса, Вильгельм... Мы их ждём уже почти год. Ты уверен, что они не погибли?

— Не знаю, — он отвёл глаза, не желая верить в самое худшее. — Палаточный городок мы так и не нашли. Единственный, на многие километры, признак цивилизации — этот трактир. Так что Вилли обязательно должен сюда заглянуть. А учитывая его специфичное имя для наших мест, то мы обязательно о нём что-то бы услышали.

— И сколько же мы ещё будем ждать?

— Ещё немного. Тебе уже наскучило это место?

— Если честно — да. Я благодарна тому человеку за то, что дал нам приют, но здесь ужасно тоскливо.

— Если Вилли так и не вернётся, уйдём обратно к летавицам. И я стану думать, как исполнить твою мечту.

— Ты всё ещё помнишь?

— Конечно. Как такое можно забыть?

Саманта повисла на плечах Алексея и стала крепко целовать. Лёше было принято, но в какой-то момент он отстранился.

— Я так устал. Совсем нет сил на это.

— Сегодня тебе больше не нужно тратить силы. Я всё сделаю за тебя.

Лёгким движением руки Саманта повалила его на кровать. Сняв немногочисленную одежду, она отбросила её прочь. В этом броске бурлило желание жить и любить, бороться и жертвовать ради чего-то великого и вечного. Нагая, она нависла над Алексеем, как удав над кроликом, прикасаясь кончиками сосков к его коже. Лёша лишь смотрел в её наполненные страстью горящие глаза. Сейчас хорошая девочка ушла. Осталась лишь валькирия, встречающая уставшего воина в Вальхалле.

— Общество летавиц на тебя пагубно повлияло, — ухмыльнулся Алексей. — Ты столь

юна, а уже успела сполна вкусить запретный плод.

— Замолчи и наслаждайся.

— Уже.

Стараясь не дышать, они сомкнули губы и сплелись в одно целое. Вероятно, в такие моменты человек находит ответ на вечный вопрос человечества.

Наступило утро. Влюбленные блаженно спали в обнимку и наслаждались безмятежностью.

Стук в дверь. Ещё раз, более настойчивее.

— Кто? — недовольно рявкнул Алексей, попутно натягивая одежду.

— Алексей, это я, — послышался голос трактирщика.

— «Я» бывают разные, — ответил Лёша и открыл дверь. — Что случилось?

— Вам нужно уходить, — с испуганным взглядом сказал трактирщик.

— С какого перепугу?

— Хартийцы. Через несколько часов они будут здесь. Они точно поймут, кто вы такие, и у всех нас будут проблемы.

— Зараза, — Алексей побледнел. — Не волнуйся, мы быстро.

Через пятнадцать минут они уже покидали свой временный приют. Рюкзаки были забиты под завязку вещами и провиантом, отданным благодарным трактирщиком. Они уходили, даже не оглянувшись. Возможно, это была их самая большая ошибка в жизни.

С противоположной стороны дороги шла одинокая фигура. Подойдя к трактирщику, он с долей надежды спросил:

— Не останавливался ли здесь кудрявый парень с зелёными глазами?

«Хрен я тебе что-то скажу, хартийская крыса», — подумал трактирщик, глядя вслед Алексею и Саманте.

— Нет, не припомню такого.

— Точно?

— Да.

— Спасибо.

Вильгельм опоздал. Опоздал всего на миг. Но, как известно, миг вершит судьбу последующих поколений.

Всё началось неожиданно и одновременно. Со всех сторон из лестной чаши высыпали солдаты Хартии и начали убивать всех, кто встречался на их пути. Шок и трепет. Любимая тактика Эрвина. Только сейчас её использовали для подавления лестных обитателей.

Атали руководила отчаянной обороной. Сражались как летавицы, так и нашедшие здесь приют жители поместья. Рокот выстрелов перемешался со свистом стрел. Деви вместе с Глифи выводила детей и пыталась найти путь к отходу из ловушки, куда их загнали. План на прорыв был уже готов, но тут внутри у летавицы всё похолодело.

— Ребёнок! Кто-то забрал ребёнка матушки?

Ей не ответили.

— Чёрт... Асэди и Меди, нужно его вытащить. Сделайте это ради Эстер.

— Не волнуйся, сестрёнка, — сказала Медига. — Мы мигом.

Асэди и Медига, верные подруги, сёстры и храбрые воительницы, незаметно пробирались к покоям Эстер. Солдаты поджигали жилища и издевались над трупами павших летавиц. Сердца девушек пылали яростью к незванным захватчикам, но поделаться они ничего

не могли. Сёстры обязательно отомстят за этот день. Позже. И эта будет страшная месть.

В доме Эстер было темно и летавицам пришлось на ощупь искать ребенка.

— Где он спал? — спросила Асэди.

— В колыбельной, — тихо ответила Медига, внимательно изучая контуры во тьме. В какой-то момент глаза летавицы загорелись. — А вот и она.

Мальчик крепко спал, напрочь игнорирую происходящее вокруг безумие. Асэди аккуратно взяла ребёнка. Он недовольно замычал, заёрзался и продолжил сопеть. Летавица замерла, наблюдая за столь крохотным существом.

— Никогда не держала младенца в руках.

— Всё бывает когда-то впервые.

Со стороны входа послышался шум и крики.

— Я видел, как они сюда зашли, — услышали сёстры. — Поджигай! Выкурим их оттуда!

— Сэди, убегай, — бросила Медига и стала стрелять из лука.

— Меди, нет... Я же без тебя не смогу.

— Сэди... — Медига взглянула ей прямо в глаза. — Запомни, что я всегда буду с тобой.

Пожалуйста, спаси ребёнка. Хотя бы ради меня.

— Пушистик...

Медига выпрыгнула из окна и побежала прочь. Рядом свистели пули, а слёзы предательски заливали глаза. Больше всего на свете она сейчас хотела умереть рядом с ней. Но сегодня ей было суждено жить. Таков был приговор судьбы. И он был безжалостным.

— Какая непростительная трата ресурсов государства, — ухмыльнулся плотоядной улыбкой Отто, наблюдая за горящим селением и лесом. Трещали ветки, животные в страхе убегали от неведомой стихии. Огонь разрастался с каждой секундой и становилось всё труднее дышать.

— Никто же не просил заниматься такой самодеятельностью, — безразлично бросил Эрвин.

— Эти шлюшки достали уже всю округу. А что было бы, когда по этой дороге пошли караваны? Так что оставим критику, маршал. Труп врага всегда хорошо горит.

— Командир! — к Отто подбежал взволнованный подчинённый. — Дикарки атаковали северный фланг! Всех перерезали и скрылись!

— Так преследуйте же их, идиоты! — рявкнул Отто.

— Заметь, малыш Отто, — усмехнулся Эрвин, — почему-то с Гвардией таких проблем не возникает.

Отто лишь недовольно фыркнул.

Со временем между Гвардией и «Отрядом сто тридцать семь» начнётся страшная конкуренция за влияние над консулом. И с каждым годом пропасть между вооружёнными формированиями будет становиться всё глубже. Кто знает, может их вражда началась с этого момента?

В одной ещё не начавшей гореть хижин Эрвин на миг увидел шевеление. Покинув общество Отто, маршал решил заглянуть внутрь.

Среди огромных гор игрушек, как ни в чём не бывало, сидела Дьюфи. Как только Эрвин зашёл внутрь, девочка открыла белки глаз, отчего маршал поёжился.

— Здравствуй, мальчик, — оскалилась веледи. — Я тебя уже ждалась.

— Кто ты? — тихо спросил Эрвин.

— Это сейчас не очень важно. Важно, кто ты. Как часто ты задаёшь себе этот вопрос?

— Я маршал Дивидеандской Хартии.

— Это всё для отвода глаз. Ты можешь руководить хоть миллионами солдатиков, обратить в пепел весь мир, но кто ты на самом деле? Что ты хочешь для себя?

— Я...

— Ты же на самом деле ужасно труслив, — перебила его Дьюфи. — С самого детства ты боялся выйти за рамки норм. Но вот границы рамок размыты и теперь для всех ты герой. Но считаешь ли ты сам себя героем?

Эрвин не ответил.

— Правильно, нет. Ты лишь покорный пёс, верно выполняющий команды хозяина. Когда ты перестал задумываться, насколько ужасны эти команды? Когда ты перестал думать, насколько ты сам ужасен?

— Чего ты хочешь? — спросил Эрвин, теряя остатки хладнокровия.

— Настанет момент, когда тебе нужно будет решать. Я очень надеюсь, что твоя трусливость не решит за тебя.

— Маршал, — послышался позади голос гвардейца, — с кем вы разговариваете?

— Мне пора, мальчик. Надеюсь, ты задумаешься над своим бессовестным поведением.

Дьюфи выхватила из игрушек гранату и с жутким смехом выдернула чеку. Эрвин моментально среагировал и выпрыгнул из дома, повалив гвардейца. Громкий взрыв оборвал смех и повалил стены здания, навеки похоронив его жильца.

— Маршал, вы целы?

— Более чем, — буркнул Эрвин и поднялся. Этот разговор он считал каким-то дурным сном или криком совести. Ещё никогда маршал не чувствовал себя таким подавленным.

Бойцы Отто тащили за руки обессилевшую блондинку. Её короткие волосы вымазались в кровь и сажу, а одежду разорвали. Всё тело покрылось синяками и ранами.

— Какой интересный экземпляр, — довольно протянул Отто, грубо взяв Медигу за подбородок. Летавица цапнула его за палец. — Ещё есть силы сопротивляться! — крикнул Отто, со всей силы влепив ей пощёчину. — Когда буду надевать на тебя испанский сапог, будешь пищать, как свинья на бойне.

— Какой мелкий, а уже руки по локоть в крови, — тяжело дыша, ответила Медига.

— Такова наша жестокая жизнь. Кто-то должен искупаться в этом бескрайнем море, чтобы другие могли чувствовать себя спокойно. Ты либо будешь причинять кому-то боль, либо будут страдать все. И лучше занять сторону того, кто выше на ступень по эволюции. Вы выбрали неверную сторону. И погибните страшной смертью, став для остальных уроком.

Из глаз Медиги начали капать слёзы.

— Не плачь, малышка. Скоро ты встретишься со своими друзьями.

— Я плачу не по себе, а по тебе, — горько улыбнулась летавица. — Вы воюете с самой жизнью. Вы убиваете тех, кто на ваш взгляд опасен и не выгоден. Вы можете убить нас всех, но вы никогда не убьёте свободу, живущую в каждом человеке. И свобода когда-то испепелит вас.

— Испепелит. Да неужели, — Отто резко развернулся и пошёл прочь, но через несколько шагов остановился. — Сжечь её, — тихо приказал он.

— Командир? — переспросили солдаты.

— Я сказал — «сжечь»!

Медигу крепко привязали к стволу дерева. В её сторону медленно шагал огнемётчик.

Летавица закрыла глаза и вспомнила волшебную музыку флейты. Вспомнила, как мастерски Сэди перебирала по инструменту пальцами. Языки пламени вырвались из огнемёта и вонзились в кожу. Медига не проронила ни звука, лишь до последнего слушала музыку и улыбалась, пока праведный огонь Хартии не превратил её в пепел.

Через несколько дней сюда вернулись Алексей и Саманта, застав полностью выгоревшие пепелище. Горькое чувство утраты последних родных людей причиняло невыносимую боль.

— Куда теперь, Лёша?

— Куда-нибудь. Туда, где ещё нет власти Хартии.

Чёрный автомобиль остановился у решетчатых ворот. Гвардеец открыл дверь, и из недр машины вылез Гвин. Белоснежные волосы консула начали становиться влажными от моросящего дождя. Вдалеке сверкали молнии, и доносилась тихая канонада грома. Альбинос не дождался, когда ему откроют ворота – нетерпеливо сделал это сам – и быстрым шагом направился к особняку.

Из-за высокой популярности консула, в столице стало находиться невозможно. В целях безопасности и спокойствия было решено поселиться в пригороде. Комитет безопасности и Гвардия нашли подходящее место, где когда-то был правительственный городок. Десятки элегантных и пышных домов, большие сады, бассейны и памятники. Городок стал самым охраняемым местом в мире. Несколько заслонов охраны, патрули и системы наблюдения. Не прошло и месяца, как приближенные Гвина стали его добрыми соседями. Маршал Эрвин жил как раз напротив. Правда, сейчас он руководил подготовкой операции для вторжения на южный полуостров и редко появлялся в этих местах. Консул как раз был с ним, но тревожные известия вынудили его вернуться. Меньше чем за сутки он уже был на месте. Пришлось менять несколько машин и водителей, но консула доставили как можно быстрее.

Гвин шёл мимо ухоженных кустов. В них прятались статуи, словно боясь альбиноса. Настроение консула действительно было мрачным и тревожным.

«Только бы не оказалось слишком поздно», — повторял про себя Гвин.

Внутри было тепло и уютно. Длинный коридор своим интерьером поражал воображение даже самого преданного ценителя искусства и архитектуры. Консула уже ждали. Его частный врач. О его таланте исцелять людей ходили легенды. За умения лекаря Гвин платил большие деньги.

— Вы молодцы, что быстро вернулись, — начал юноша и поправил квадратные очки. — Ей как раз нужна ваша поддержка.

— Что с ней? — спросил Гвин, стараясь не сорваться на крик.

— Роды были преждевременны и очень тяжёлые... — начал издалека врач.

— Что-то с ребёнком?

— К счастью, нет. Не смотря на недоношенный возраст, девочка оказалась вполне здоровой.

Гвин позволил себе немного выдохнуть.

— Тогда в чём проблема?

— Как бы вам мягче сказать, консул...

— Послушай сюда, учёная башка. Мне говорили, что ты самый лучший врач чуть ли не во всей Европе. Я предоставляю тебе все возможные лекарства и лучшее оборудование. Я надеялся, что ты не допустишь даже возможности, чтобы что-то случилось с моей женой и ребёнком.

— В некоторых случаях медицина бессильна, консул. Я просто хочу вас предупредить: роды длились почти сутки и отрицательно сказались на некоторых показателях организма. Иными словами, вы больше не сможете завести детей. Так что цените и берегите то чадо, что дала вам судьба. Теперь вы можете ненадолго их посетить.

Большие двери открылись. Гвин медленно зашёл в покои Элизабет. Лиза лежала на роскошной кровати. Измождённая, с тёмными кругами под глазами, едва реагируя на свет.

Помощники врача тщательно ухаживали за ней, вкалывая лекарства и подключив к непонятному аппарату. Машина регулярно издавала тихий писк.

— Как ты? — спросил Гвин. Он понимал, что это самый idiotский вопрос, но задать его не мог.

— Всё хорошо, дорогой, — прошептала Элизабет, слабо улыбнувшись. — Я выкарабкаюсь. Иди, посмотри на неё. Она прекрасна.

Гвин подошёл к детской кроватке и, стараясь не шуметь, заглянул туда. На него двумя крупными миндалинами испуганно смотрел карапуз. Посмотрев в холодные глаза Гвина, девочка начала плакать, вжавшись в кроватку.

— Должно быть, я её напугал. Но ты права. Она действительно прекрасна.

— Мы должны дать ей имя. Какая же наследница может быть без имени?

— Изабелла, — немного подумав, ответил Гвин. — Я думаю ей очень подходит.

Услышав своё имя, ребёнок успокоился и стал молча смотреть на Гвина, будто изучая своего родителя.

— Вижу ей уже нравится, — улыбнулся Гвин.

Берлин. Сколько всего пережил этот город. В далёкие времена римского владычества его земли не покорились могущественной империи. Его жители пережили много кровопролитных битв и войн, начиная от религиозных, заканчивая мировыми. Скольких государств он был столицей? Никто уже не помнил. Да и сейчас это было неважно, ведь город опять стал един, как в далёком восемьдесят девятом году. Жители ликовали, пели патриотичные песни, многие заведения в этот день бесплатно угощали посетителей. Музыка, смех и танцы. Чуть ли ни из каждого окна вывесили флаг давно павшего государства и нового, только что рождённого.

В этом водовороте оказались Алексей и Саманта. Они были здесь проездом и направлялись в портовые города. Но друзья не смогли отказать себе остаться здесь подольше. Вот уже третий день они гуляли по ухоженным улицам древнего города, где перемешались все известные виды архитектуры, и восторгались его масштабами.

Друзья не заметили, как зашли в одно небольшом кафе. Оно было почти полностью забито, но им посчастливилось найти свободный столик. От дизайна так и веяло современными нотками. Стулья, столы, стены, картины, люстры, а особенно запахи: всё напоминало о том старом мире. Словно и не было четырёх лет. Как будто они вернулись в прошлое.

Алексей изучал меню. Оно было на немецком, но всё же несколько слов он понял. Одно из них больно кольнуло его в самое сердце.

— Это же мороженое, верно? — спросил, боясь ошибиться, Лёша.

— Вы правы, — кратко ответил ему официант.

— Но как? Это же сказка.

— Ничего заурядного. Наш шеф повар знает его рецепт и нам регулярно поставляют ингредиенты. Остальное дело техники. Техники немецкого качества.

— Хоть убей, хочу попробовать! Тебе какое? — спросил Алексей Саманту.

— Клубничное, — не веря своим ушам, ответила американка.

— Шоколадное и клубничное. Сколько с нас?

— Вы что? — возмутился официант. — Вы обижаете своими словами владельца. Сегодня великий день в истории. Забудьте о деньгах.

— Ваша педантичность заходит за всякие границы.

— Заказ скоро будет готов.

Официант скрылся в толпе. За окном, на улице, было не меньше народу, чем внутри. Клоун в забавном гриме раздавал детям игрушки. Хоть Алексей и не любил клоунов, но не смог не улыбнуться. Пары танцевали вальс под аккомпанемент уличного оркестра. Над вечерним небом начали запускать салюты, освещая улицы разноцветными искрами. Саманта замороженно смотрела за видом из окна, а Алексей смотрел на неё. И думал, что делать дальше.

— Здесь свободно? — голос сзади вывел Алексея из раздумий.

Лёха оглянулся. На него, со стулом наперевес, смотрел входившие в зрелые годы брюнет. Потрёпанный, но опрятный пиджак с не заправленной рубашкой. Латаные джинсы и туфли, с кусками грязи на носках. Грустные голубые глаза пытались что-то разглядеть в Алексее, но вскоре бросили эту затею. На скуле, под редкой щетиной, Лёша увидел несколько глубоких шрамов.

— Конечно, садитесь, — махнул на свободное место Алексей.

— Слава Богу, — вздохнул брюнет. — Я так люблю это заведение, а уже третий день не могу сюда попасть. Юрген! — крикнул он официанту. — Мне как обычно! Ах, — он наигранно схватился за голову, — я совсем забыл о манерах. Меня зовут Уинстон. Уинстон Смит.

— Алексей. Просто Алексей.

— А как зовут вашу прекрасную фройляйн?

— Саманта, — ответила она. — Мы с вами однофамильцы.

— Не иначе сама судьба свела нас. Вы здесь проездом, верно?

— В догадливости вам не откажешь, — улыбнулся Алексей.

— Не часто встречаешь в наших краях людей с такими именами. Мы с вами похожи. Ещё младенцем я с родителями переехал из Ливерпуля сюда. И хоть по крови я британец, душой всё же немец, — Уинстон достал из подсигара сигарету и предложил Алексею. Тот решил не отказываться, и оба прикурили от Лёшеной зажигалки. Саманта лишь хмурилась и качала головой. — Как вам город? Нравится?

— Пока ещё не отошли от первых эмоций.

— Да, — сладко зажмурился Уинстон и выпустил сигаретный дым, — вам повезло попасть в самую гущу дурдома. Не планировали ли здесь осесть? Берлин рад кому угодно.

— Мы подумаем над вашим предложением.

Официант принёс мороженое, две жаренных сосиски и чашку кофе, аккуратно разложил на столе и быстро ретировался. Собеседники ненадолго отвлеклись на еду. Уинстон с холодным расчётом нарезал на тонкие куски сосиски, а Алексей и Саманта десертными ложками ели, казалось бы, давно утраченное лакомство. Сладкий вкус вернул Лёшу в далёкое детство. Он всегда клянчил у родителей в жаркий летний день мороженое, а они были не в силах отказать. Саманте так же пришли воспоминания о прошлом. Тогда она тоже ела клубничное мороженое, когда сидела рядом с мамой в её последние в жизни мгновения.

— Сколько времени и сил было потрачено, — бубнил себе под нос Уинстон, уплетая сосиску. — А сколько ещё предстоит. Нужно отдать должное консулу Гвину. Он подал пример каждому, как выходить из хаоса первых лет. Лично я много в чём с ним не согласен, но должен признать, что его управление крайне эффективно.

— За это управление много кто заплатил головами, — хмуро заметил Алексей, доедая рожок.

— Полностью с вами согласен. И поэтому Берлин должен стать центром искусства и культуры. Каждому, кто захочет здесь жить, должна быть дана свобода самовыражения. Только так люди смогут двигаться вперёд.

Уинстона отвлекли, протягивая бумажную салфетку. Для него такой странный жест был не в новинку. Вытянув из внутреннего кармана ручку, он расписался на ней и протянул обратно. В ответ его осыпали искренними благодарностями и желанием успеха.

— А вы популярная личность, — ухмыльнулся Алексей.

— Бросьте. Это не показатель. Меня могли просто с кем-то перепутать. Что же касается нашего мира, — Уинстон слегка погрузтел. — Я очень надеюсь, что Гвин опомнится и начнёт налаживать отношения с остальным светом. В противном же случае... — он взглянул на часы, и его глаза округлились. — О боги, через час инаугурация! — Уинстон залпом опустошил чашку кофе и вскочил из-за стола. — Я благодарен вам за столь приятную компанию, — он поцеловал ладонь Саманте и пожал Алексею руку.

— Кто же вы? — удивлённо спросил Алексей.

— Вы и так скорей всего узнаете, — ласково улыбнулся Уинстон и покинул кафе.

— Кто это был? — спросил Лёша у официанта.

— Ах, это наш новоизбранный канцлер. Жаль, у него теперь совсем не будет времени посещать наше кафе.

Это была не единственная встреча. Их пути однажды ещё раз пересекутся. Но это будут совсем другие времена и совсем другие люди.

Могло показаться, что Гвин смотрел в зеркало. Только у отражения покрасили волосы в чёрный цвет. Те же глаза, строение черепа, чуть опущенные уголки губ, скулы, подбородок, форма носа, рост, осанка... Человек напротив него был непроницаем, сам же Гвин не мог сдержать восторг.

— Где вы его нашли? — спросил Гвин Отто.

— Всегда нужно знать своих подчинённых. Остальное мелочи.

— Великолепен. Нацепить парик, очки и будет второй консул! Скажи, ты готов посвятить жизнь делу Хартии?

— Любое желание консула для меня честь, — ответил двойник.

— Даже голос. Мой мальчик, — Гвин потрепал двойника по щеке. — С тобой мы свернём горы!

В самые первые дни своего существования Хартия делала ставку на промышленность. Но проект, предложенный парламентом и одобренный всеми инстанциями, открывал новое дыхание. Логистические цепочки, стратегическая ценность, тысячи новых рабочих мест. Эти места стали символом величия Хартии.

Ещё недавно заброшенные предприятия начинали работать с новой силой. Сотни военнопленных и заключённых, под суровым и циничным надзором надзирателей, в нечеловеческих условиях, от зари до зари восстанавливали огромную сеть фабрик и заводов.

Через много-много лет там найдут места массовых захоронений. Они принадлежали каторжникам. Но тогда Хартию мало волновало столь незначительная мелочь на пути к доминированию.

Сеть заводов и фабрик, названная «Фудурдин», восстановили за несколько лет. Разбросанные по всей стране предприятия стали городами огня, стали и вездесущего жара.

Они объединили в себе пищевую, лёгкую и тяжёлую промышленности. Их цепочки снабжения перемешались и стали не распутываемым узлом.

В своих воспоминаниях Эрвин уделил особое внимание тракторному заводу. В его производстве, помимо сельхозтехники, оказалась одна забавная мелочь. На тракторном заводе производили ещё и танки. По старым чертежам медленно, но верно, предприятие наращивало обороты.

За первый год было выпущено всего пятнадцать танков. За второй – уже восемьдесят. А за третий — триста. И побочное производство неумолимо расширялось, потребляя всё больше стали, резины и нефти.

Под конец третьего года армия сделала у промышленного сектора свой первый в истории заказ. На следующее пять лет военный сектор должен был выпустить: три тысячи танков разных классов, четыре тысячи бронемашин, восемь тысяч легковых автомобилей и машин снабжения, восемь тысяч орудий разного калибра, а так же тридцать самолётов разного класса. О стрелковом оружии и боеприпасах в документе речь не шла. Оставалось только догадываться о их количестве.

В былые времена за такие решения любого командира отдали бы под трибунал. Но хартийские генералы были особенным генералами, а Хартия была особенным государством*.

В цветущем саду пели птицы. Разноцветные цветы раскрыли свои бутоны, демонстрируя и хвастаясь красотой, что дала им природа. Элизабет никому не разрешала за ними ухаживать. Только себе. От летнего зноя начинала кружиться голова, но душа сейчас всё же желала остаться здесь. Косые лучи падали на земляной холмик. Скоро он зарастёт густой травой, и только двое будут знать, кто здесь покоится.

Тучка была славной собакой. Как только Изабелла подросла и начала самостоятельно изучать мир, Тучка стал её верным попутчиком и помощником. Ребёнок и собака стали неразлучны. Они вместе играли, гуляли, ели и спали. Гвин даже приревновал к дочке из-за того, что шпиц больше не замечал его. Тучка стала её единственным другом. В целях безопасности с другими детьми Изабелле контактировать запрещалось.

Прогулка. Элизабет вместе с дочерью выгуливала собаку. Тучка всё норовил залезть в какую-нибудь дыру, но Лиза пресекала его попытки, крепко держа на поводке. Но тут шпиц увидел бабочку. Её крылья, по сравнению с другими насекомыми, были огромны и покрыты тёмными линиями на белом фоне. Бабочка порхала с цветка на цветок и была не в силах остановиться, пока не опылит их все. Собака больше не могла сопротивляться искушению. Тучка хотел узнать, какого это — парить, как она? Шпиц вырвал поводок и погнался за насекомым, игнорируя команды Элизабет вернуться. Бабочка изо всех сил пыталась скрыться от белого чудовища с высунутым языком. Так они оказались на дороге, по которой на всех порах ехал грузовой автомобиль, доставляя боеприпасы. Водитель не успел среагировать, да и предпринять бы вряд ли что-то смог.

Глухой удар.

Тучка, как снежный ком, отлетел на значительное расстояние и врезался в ствол молодого клёна. На коре и асфальте остались пятна крови и куски вырванной белой шерсти. Тучка попытался заскулить, но даже на этот призыв помощи у него не оставалось сил. Шпиц умер очень быстро. Элизабет увидела его уже мёртвым. А Изабелла впервые познакомилась со смертью.

— Мама, — Изабелла вывела её из раздумий, поправляя белые косички, — а я тоже умру? — спокойно спросила девочка. — Как и Тучка? А ты? Ты умрёшь?

У Лизы едва не навернулись слёзы от её вопроса. Элизабет потом поплачет, когда никто не будет видеть. Сейчас она должна быть сильной. Хотя бы ради ребёнка.

— Да, — подумав, ответила Элизабет. — Мы все когда-то умрём. И я, и ты. Я раньше. Ты будешь плакать обо мне так же, как сейчас о Тучке. Но пока кто-то живёт в наших воспоминаниях, он остаётся жив. Так что Тучка будет жить, пока мы о нём помним.

— А что будет после смерти?

— Не знаю, — честно ответила Элизабет. — А ты как думаешь?

Девочка задумалась.

— Я думаю, что там так же, как у нас, — ответила Изабелла. — Но есть право на второй шанс.

— И в какой книге ты это вычитала?

— Сама придумала, — слабо улыбнулась девочка. — Мам, а где твои родители? И где родители папы? Или ты не от кого не рождалась? Но я видела на картинках, что у всех есть родители.

— Наши родители... Они ушли от нас. От нас всех.

— Почему?

«Если бы я сама знала».

— Потому что мы были очень бессовестными детьми, и таким образом нас решили проучить. Теперь мы стараемся им показать, что мы очень послушные дети.

— Тогда почему папа всегда кричит на своих генералов? И даже на дядю Эрвина.

— Потому что они плохо себя ведут, и папа их воспитывает. Ты же иногда тоже себя плохо ведёшь.

— Не правда, — девочка надула губы и отвернулась, но вскоре у неё созрел новый вопрос. — Мама, а почему папа так редко у нас бывает?

— Ему приходится воевать со страшными врагами, и их очень много.

— А против кого мы воюем? — недоумевала девочка. — И почему?

— Вырастешь — узнаешь, — кратко ответила Элизабет.

Судоходство начинало возрождаться. Из самых древних времён люди вели торговлю на кораблях. Торговля всегда сподвигала исследователей открывать тёмные уголки, дабы найти более короткий путь к противоположной точке мира. Торговая сеть за считанные годы облепила всю Евразию и Африку. Но моряки пока не осмеливались переплыть Тихий океан и Атлантику. Даже для современных суден без навигации это было опасно. Новый свет оставался недостижим для Старого.

Это известие очень расстроило Саманту. Но ничего не поделаешь. Алексей был готов вместе с ней добираться хоть вплавь до противоположного берега, если бы в этом был какой-то смысл. Друзья приняли решение вернуться в Берлин и осесть, пока дело не сдвинется с мертвой точки.

Город становился покровителем свободы мысли, культуры и искусства. Будущие талантливые художники, актёры, философы и писатели наверняка начинали свой путь отсюда. Город расцветал и становился прямым конкурентом Киеву.

Вернувшись, Алексей смог устроиться клерком в правительственном квартале. Помогло знание языков. Несмотря на странное по всему миру одноязычие, дипломатическая почта

продолжала писаться на иностранном.

Удалось вырвать однокомнатную квартиру в красивом районе на окраине города. Небольшую, но уютную и свою. Благодаря Саманте их дом превратился в место, в которое хотелось вернуться. Они не успели заметить, как превратились из двух влюблённых путников в простую и типичную молодую семью. Со своим спокойным и скучным бытом. Правда, друзья не жаловались. Разве не о таком каждый из них тайком мечтал?

Спустя какое-то время Лёша начал замечать, что монотонная жизнь начинает Саманте надоедать. И принялся решать эту проблему.

Вечер, после рабочего дня. Они молча, держась за руки, возвращались домой.

— Ты куда? — удивлённо спросила Саманта, когда Алексей свернул в противоположную от их дома сторону.

— Я пообещал кое-кому зайти сегодня в гости.

— Даже простым чиновником ты умудряешься влипнуть в авантюру. Кому ты уже успел перейти дорогу?

Алексей не слушал её, схватил за руку и потянул за собой. Саманта не сопротивлялась, только едва успевала за ним. Вечерняя улица за улицей, квартал в тусклом свете фонарей за кварталом. Они вышли перед небольшим театром. Алексею он навевал грустные воспоминания. Театр начинается с вешалки. А его приключение началось с театра. Столько времени прошло и никого, кто застал вместе с ним те дни, уже не осталось. Только Саманта придавала ему сил двигаться дальше. И они зашли внутрь.

За кулисами несколько музыкантов репетировали незнакомый Алексею репертуар. Актёры что-то весело обсуждали в тесном кругу. Когда Алексей и Саманта вошли, все затихли и уставились на них.

— Я её привёл, — сказал им Алексей. — Как и просили.

Никто не ответил. Навстречу вышел парень в белом гриме, жестом попросив Лёшу отойти. Он наклонился к Саманте и с минуту молча смотрел на неё, отчего у девушки внутри всё похолодело.

— Привет тебе, единственный фиал,

Который я беру с благоговеньем! — наконец заговорил парень.

Саманта с испугом уставилась на Алексея, своим взглядом выражая полное непонимание. Лёша лишь спокойно кивнул.

— Привет тебе, единственный фиал,

Который я беру с благоговеньем! — с раздражительными нотками повторил актёр.

Саманта глубоко вздохнула. Раз уж Лёша уверен в ней, то она его не подведёт. Набрав побольше воздуха, американка с выражением ответила:

— В тебе готов почтить я с умилением

Весь ум людей, искусства идеал!

Вместилище снов тихих, непробудных,

Источник сил губительных и чудных,

Служи владельцу своему вполне!

Взгляну ли на тебя — смягчается страданье;

Возьму ли я тебя — смиряется желанье.

И буря улеглась в душевной глубине.

Готов я в дальний путь! Вот океан кристальный

Блестит у ног моих поверхностью зеркальной,

И светит новый день в безвестной стороне!

Вот колесница в пламени сиянья

Ко мне слетает! Предо мной эфир

И новый путь в пространствах мироздания.

Туда готов лететь я — в новый мир.

Саманта полностью перевоплотилась в образ Фауста. Её зрачки начали гореть жутким огоньком, а на губах блуждала презрительная улыбка, словно насмехаясь над жизнью. По мере того, как девушка входила в роль, лицо актёра становилось всё добродушнее.

— Достаточно, — поднял он руку. — Неплохо, неплохо. Ты нам подходишь.

Указатель

1. У читателя может возникнуть вопрос: «Как будучи преимущественно детьми, подданные Хартии смогли восстановить промышленность?» У автора на этот счёт есть несколько объяснений. Во-первых, множество предприятий были полуавтоматизированы или полностью автоматизированы. Требовалось лишь наладить поставку энергии и сырья. Если вспомнить времена Промышленной революции, где дети на заводах и шахтах частое явление, то можно с уверенностью сказать, что в сложившихся условиях дети могли осилить столь непростую задачу. Во-вторых, человек в экстремальных условиях способен к быстрому обучению. Запуск электростанций (кроме ядерных, там требуется узкая специальность), водоснабжение, канализация и тому подобное, не имеет ничего в себе заурядного и под руководством совершеннолетнего или почти совершеннолетнего человека вполне может функционировать.

Лёгкая прогулка

Предъявление пропуска и сканирование металлоискателем. Охрана прекрасно знала Владимира, а Владимир их. И тем не менее никто за пять лет не нарушил этого правила. Все понимали, что находятся в одной лодке, и при взрыве это здание станет для каждого братской могилой.

Стальные двери лифта открылись. Его наконец-то починили и не приходилось пользоваться осточертевшей лестницей. Владимир нажал на кнопку, и лифт начал опускаться под землю. Возможно, когда-то госслужащий будет работать на верхних этажах, но те места только для элиты Бюрократического аппарата. Под землёй же было десять этажей. Владимир несколько раз в год был на самом низу. Там был архив. Его не могли уничтожить ни случайная искра, ни потоп, ни даже ядерный взрыв. Секреты государства должны быть в безопасности.

Лифт остановился на минус втором этаже. Два поворота по узкому коридору вправо, один налево – и вот его такой родной аналитический отдел.

Девушки уже были на местах, работая за небольшими, немного шумящими, аппаратами. Машины выплёвывали короткие куски бумаги, и работницы решали их дальнейшую судьбу. Информацию можно было отправить наверх, в дальнейшие отделы или же уничтожить за ненадобностью. Через их нежные руки за день могло пройти сотни страниц самых секретных данных. Но у этих милых пчёлочек-тружениц была главная особенность, за что они здесь и находились: они начисто забывали то, что видели несколько секунд назад. Таких людей Хартия ценила больше всего.

— Доброе утро, дамы!

— Ave konsyl! — ответили ему как один работницы.

— Ave Hartia! — ответил Владимир и пошёл к своему кабинету.

Кабинет был прозрачный. Владимир прекрасно видел, чем занимаются его подчинённые, а подчинённые прекрасно видели, чем занимается их начальник. Если у работника возникли трудности с принятием решения, приказы ложились Владимиру на стол. Сейчас там уже было три конверта. Владимир включил радио. Мелодичный голос диктора рассказывал о сегодняшнем митинге в честь пятилетия прихода консула к власти.

В первом конверте говорилось о неурядице снабжения одной дивизии на южной границе. Нужно было узнать его причины. Для этого придётся поднять информацию о людях, командующими дивизией, узнать о особенностях местности и качестве линий снабжения, а затем всё это отправить в отдел по снабжению. Второй конверт говорил о присвоении серебряного креста с алмазными подвесками некому лейтенанту Мстиславу Шелестовичу за проявленную воинскую доблесть и мастерство. Награда была нешуточная. Если Владимир не ошибался, только трём людям выпала честь её носить на кителе. Архиву требовалось поднять всю известную информацию о Шелестовиче и узнать, не запятнал ли он где-то свою воинскую честь раньше? Хотя Владимир и так много чего слышал о Мстиславе. Это был снайпер АСС. Неудивительно, что он дослужился до такой награды. Дело плёвое, и скоро будет отправлено в армейский отдел. Третий конверт. Просьба исторического отдела о переименовании двух десятков улиц в честь павших героев Хартии. Владимир не любил заниматься такими делами. Слишком много приходилось использовать фантазии и анализировать информацию. Промелькнула шальная мысль выкинуть конверт в

урну, но он удержался. Пусть он и потратит остаток дня на этот конверт, но своё дело выполнит.

Начинался новый день. И Бюрократический аппарат начинал свою нелёгкую службу государству.

Шёл второй акт. Прелестный хор рассказал зрителям, что им предстоит увидеть, тем самым ломая всю интригу. Никого это не смутило. Все были согласны с негласным правилом театра.

Три друга расстались у стены. Теперь он был один.

Дублет из нескольких слоёв ткани сковывал движение. Элегантные туфли блестели в луче прожектора. От лёгкой поступи в полной тишине скрипели половицы на сцене. Зелёный берет с павлиньим пером вечно сползал, и из-за этого приходилось держать голову приподнятой. Алексей прекрасно знал, чего стоило достать эти костюмы. Организатору пришлось ехать в Италию, где там он переругался с половинной полуострова, но всё же смог достать все необходимые материалы.

Лёша окинул взглядом зал. В первые выступления в нём едва набиралось пара десятков человек. Сейчас он впервые был полный, и для Алексея это стало чем-то удивительным. Все же прекрасно знали эту историю. Так почему сегодня эти люди решили разделить вечер с ними? Тяга к искусству или же желание узнать для себя что-то новое о любви? Он не мог ответить. Но размышлять не было времени. Зал затаил дыхание и ждал. Нужно начинать, иначе со стороны недовольной публики полетят тухлые яйца и помидоры.

«Делаем, как учили: влюблённое лицо счастливого идиота, слегка дрожащий голос от смущения и жесты, жесты. Всем всегда очень нравятся жесты. Три, два, раз. Поехали».

— Им по незнанию эта боль смешна.

Но что за блеск я вижу на балконе?

Там брезжит свет. Джульетта, ты как день!

Стань у окна, убей луну соседством;

Она и так от зависти больна,

Что ты её затмила белизною.

От отличной акустики помещения голос Алексея был прекрасно слышен в любой точке зала. И вот она, виновница торжества, его Джульетта, выходит на балкон. Тёмно-красное платье из дорогого шёлка с белыми полосками. Под ней белая рубашка. Такую красоту вышел итальянский мастер. Всей театральной ассоциации Берлина пришлось скидываться деньгами, чтобы суметь расплатиться за работу. И вот Саманта в нём. Его Джульетта. Но не от платья у Лёши по всему телу расплзлось приятное тепло. На неглубоком декольте она закрепила ту самую брошку. Саманта прекрасно знала, что Алексей её увидит. И оба были довольны.

В голубых глазах блестело несколько капелек слёз. Глубокий шрам предавал образу ещё большей трагичности. Саманта профессионально могла изобразить плачь, печаль, грусть и горечь от утраты. Её игра не могла оставить равнодушным даже самого чёрствого человека. А как Лёше становилось больно от того, когда она плакала. Даже, если это всего лишь была игра. Алексей продолжал:

— Оставь служить богине чистоты.

Плат девственницы жалок и невзрачен.

Он не к лицу тебе. Сними его.

О милая! О жизнь моя! О радость!
Стоит, сама не зная, кто она.
Губами шевелит, но слов не слышно.
Пустое, существует взглядов речь!
Стоит одна, прижав ладонь к щеке.
О чем она задумалась украдкой?
О, быть бы на ее руке перчаткой,
Перчаткой на руке!

Её глаза тоскливо глядели вдаль и молили о помощи. У кого угодно: у стен Вероны, ветвей граната или же жаворонка, суждённому одним утром навсегда разлучить влюбленных. Губы дрожали, а на бледных щеках выступил румянец. На перилах балкона прикрепили несколько шаргалок на английском языке, но Саманта ни разу на них не взглянет. Благодаря феноменальной памяти она могла запоминать десятки страниц текста. И вот настал черёд Саманты внести свою лепту в самую печальную историю на свете:

— О горе мне!
Ромео, как мне жаль, что ты Ромео!
Отринь отца да имя измени,
А если нет, меня женою сделай,
Чтоб Капулетти больше мне не быть.
Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови её, хоть нет.
Ромео под любым названьем был бы
Тем верхом совершенств, какой он есть.
Зовись иначе как-нибудь, Ромео,
И всю меня бери тогда взамен!
Алексей хитро улыбнулся и ответил:
— О, по рукам! Теперь я твой избранник!
Я новое крещение приму,
Чтоб только называться по-другому.

Теперь тоска в глазах пропала, и на её смену пришло удивление. Саманта грозно спросила:

— Кто это проникает в темноте
В мои мечты заветные?
— Не смею назвать себя по имени. Оно, благодаря тебе мне ненавистно.
Когда б оно попало мне в письмо,
Я б разорвал бумагу с ним на клочья.
— Десятка слов не сказано у нас,
А как уже знаком мне этот голос!
Ты не Ромео? Не Монтекки ты?
— Ни тот, ни этот: имена запретны.
— Как ты сюда пробрался? Для чего?
— Меня перенесла сюда любовь,
Её не останавливают стены.
Твой взгляд опасней двадцати кинжалов.
Взгляни с балкона дружелюбней вниз,

И это будет мне от них кольчугой.

Теперь Саманту опять покрыл румянец и тем не менее девушка гордо ответила:

— Моё лицо спасает темнота,

А то б я, знаешь, со стыда сгорела,

Что ты узнал так много обо мне.

Хотела б я восстановить приличье,

Да поздно, притворяться ни к чему.

Конечно, я так сильно влюблена,

Что глупою должна тебе казаться,

Но я честнее многих недотрог,

Которые разыгрывают скромниц,

Мне б следовало сдержаннее быть,

Но я не знала, что меня услышат.

Прости за пылкость и не принимай

Прямых речей за легкость и доступность.

— Мой друг, клянусь сияющей луной,

Посеребрившей кончики деревьев...

Саманта перебила Алексея:

— О, не клянись луною, в месяц раз меняющейся, — это путь к изменам.

— Так чем мне клясться? — удивился Лёша.

— Не клянись ничем

Или клянись собой, как высшим благом,

Которого достаточно для клятв.

Послышался голос кормилицы.

— Меня зовут. Я ухожу. Прощай.

Иду, иду! Прости, не забывай.

Я, может быть, вернусь ещё.

Алексей ещё немного подождал, прекрасно зная, что она не вернётся. Затем глубоко вздохнул и покинул сцену.

За кулисами его уже ждали непримиримые враги. Увидев Алексея, актёры улыбнулись и дружно зааплодировали. Лёша театрально поклонился и уселся рядом с Самантой на крышку гроба, которому суждено в последствии стать смертным ложе влюблённым.

— Не расслабляемся, — поубавил эйфории организатор в костюме священника Бенволио. — Ещё три акта. Если не ошибёмся, то у нашего скромного коллектива есть неплохие шансы обрести популярность. Кольт, больше живости в речи. Инге, не трясись ты так. Ты же всё-таки мама и должна подавать пример дочери. Алексей, иногда переигрываешь. Старайся не увлекаться. Я понимаю, что в канцелярии Бундестага такое ценят, но на сцене другие правила. Саманта... молодец. Работаем, ребята, третий акт!

Актёры поспешили на сцену, оставив друзей наедине. Их выход только через несколько минут. Они сидели молча на гробу, держась за руки.

— Лёша.

— Да?

— Твоё решение привести меня сюда было самым лучшим за всю мою жизнь. Ещё никогда я не чувствовала себя такой живой, как здесь. Эти ребята... Они замечательные.

— А я уже сто раз пожалел, — ухмыльнулся Алексей. — Совмещать сцену и работу

очень сложно. Можно, конечно, не спать, но так меня надолго не хватит.

— Можешь бросить театр, — грустно сказала Саманта. — Я сама постараюсь справиться.

— Ну уж нет. Тогда мы совсем станем редко видеться. А если на тебя положит глаз какой-то актёришка? Зачем тебя тогда я?

— Дурак ты, Лёша, — она легонько хлопнула его по макушке.

— Раз дурак, тогда пойдём. Нам ещё нужно скрепить любовь поцелуем на смертном одре.

Одно из многих заседаний в генеральном штабе. Обычно Эрвин бегло описывал его итоги, но в этот раз сделал исключение. В этот раз чуть ли не каждое сказанное слово в комнате решало дальнейшую картину мира.

Гвин курил и ждал начало доклада. Консул думал о Элизабет и Изабелле. Девочка быстро росла и была умна не по годам. Как только ей исполнилось пять, приняли решение отправить её в школу «Будущих матерей Хартии». Педагоги хвалили любознательность ребёнка и всячески способствовали её развитию. Гвину оставалось только радоваться. Настанет день, и Изабелла станет его достойной заменой.

Маршал привёл бумаги в порядок, вытянулся как струна и терпеливо ждал команды начинать.

— Докладывай, Эрвин, — лениво махнул консул.

— После нашей стремительной и успешной операции на южном полуострове, подразделения перешли к обороне по всему периметру границы. Сказывается высокая партизанская и преступная активность, особенно на севере, где из-за особенностей местности наши войска не могут проявить себя в полной мере. И тем не менее второй и четвёртый корпус, общее количество личного состава, которого восемьдесят тысяч человек, готов к наступательным действиям. Вам, господин консул, нужно лишь отдать приказ куда.

— Давай по порядку, — Гвин потушил окурок в пепельнице, сомкнул ладони на подбородке и стал думать. — Что у нас на востоке?

— Захватив угольный бассейн и выйдя к Дону, армия остановилась. Сейчас существует благоприятный момент для наступления севернее от излучины реки.

— На Мόскву что-ли?! — громко засмеялся Гвин. — Взять ещё одни болота? Не стоит. Нам и своих хватает, где проблем выше крыши. Давай дальше.

— На юге, после того как армия упёрлась в море, возможно только продвижение в сторону горных массивов Кавказа.

— Пока в этом смысла нет. Дальше.

— Западнее войска на левом берегу реки Дунай. Дальше наши силы упрутся в горные массивы Карпат. Севернее гор находится Варшавское воеводство, с которым мы подписали договор о ненападении.

— Портить дипломатическую репутацию с соседями нам не с руки. А за Дунаем богатые нефтяные месторождения, но так мы очень сильно вытянем наши позиции, оголяя фланг. Что там на севере, Эрвин? Мы смогли наконец-то преодолеть эти чёртовы дебри?

— Войскам удалось вырваться на оперативный простор и выйти к границам некоего Прибалтийского союза.

— Прибалтийского союза... — задумчиво повторил Гвин, поднялся и несколько минут молча разглядывал на карте Балтийское море. — Эрих, — вскоре сказал консул и обернулся,

— можешь радоваться. Скоро у тебя будет два моря и два флота. Я отдаю приказ о полном захвате прибалтийского региона. На подготовку даю вам год, — Гвин облокотился ладонями о стол, его очки блеснули. — Хочу вас посвятить в дальнейший стратегический вектор Хартии. Европа слаба, раздроблена и разобщена. Мелкие конфликты вспыхивают по всему континенту. Ни одно государство не собирается как-то решать эту проблему. Им никогда не достигнуть того единства, что присуща Хартии. После захвата Прибалтики, в чём я ни на секунду не сомневаюсь, все силы, средства и интеллектуальный труд должны быть брошены на подготовку армии для похода на запад.

В воздухе повисло напряжённое молчание. Маршал Эрвин с долей непонимания смотрел на консула.

— В Азии, — продолжал Гвин, — несколько государств заявили о доминировании в регионе и реконструкции «Шёлкового пути». На побережье Северной Америки страны сформировали Объединённые Штаты Атлантики. Через десять-пятнадцать лет мы будем между двумя огнями и в наших интересах, чтобы мы встретили внешние угрозы едиными народами. От Дона до Ла-Манша. Иначе всё было зря. Заседание закрыто.

— Ave konsyl! — дружно крикнули генералы.

— Ave Hartia, — ответил им Гвин.

Освальд перечитал фрагмент заседания ещё раз. А затем ещё раз. Он не мог поверить, что на этом клочке бумаги описаны причины сотни тысяч смертей. Освальд отказывался в это верить. Должна быть более веская причина, нежели желание одного человека достичь никому не нужных амбиций и удовлетворить собственное эго. Должна же быть... Должна...

Освальд закурил и решил пока не продолжать читать. В воспоминаниях шла речь о нескольких государствах, и он решил проверить, что ему о них известно.

Бутаянг (Не уходящее солнце) и Хайвань (Морской царь). Два азиатских гегемона. Границы первого простлались на всю территорию бывшей Кореи и северо-западного Китая. Второй же смог заполучить акватории южного Китая и Малайзию. Несмотря на схожесть народов, государства были полной противоположностью друг друга. Как Инь и Янь. Бутаянг стал абсолютной монархией во главе с императором. Традиции прошлых императорских династий и сильная армия стали двумя нерушимыми столпами власти. Хайвань возродил демократические идеи и создал парламентскую республику. Инай (парламент) делал ставку на свободу человека и сотрудничество. Единственное, что его ослабляло — коррупция и олигархат, желающий утянуть государство в авторитаризм.

Обе страны понимали, что их борьба заведомо бессмысленна и решили заключить союз с целью дальнейшего развития региона.

Объединённые Штаты Атлантики. Пятнадцать государств, от холодных вод Северной Канады до солнечных берегов Карибского моря, создали будущего промышленного мирового лидера с мощным арсеналом для защиты демократии. Долгое время страна будет пребывать в изоляции и руководствоваться политикой изоляционизма до тех пор... Правда, пока об этом говорить ещё рано.

На счёт Европы Гвин был прав. Тогда на политической карте существовали сотни мелких государств. В итальянском полуострове и на Британских островах ведущую роль занимали торговые республики. На Балканах до этого десятилетиями враждующие народы смогли заключить мир перед надвигающейся угрозой Хартии. На бывших территориях Франции, Германии и Скандинавии преобладали преимущественно вольные города. Самым

влиятельным из них стал Берлин или же, если говорить о государстве, Волгфрай. И, конечно же, Прибалтийский союз. Объединение десяти вольных городов. Страна, которая станет катализатором дальнейших тектонических событий.

«А ведь если бы не слепая самоуверенность, всё могло быть по другому, — думал Эрвин. — Могло быть».

Его машина завязла в грязи, и маршал решил пройти последние километры пешком. Вечернее солнце перед своим уходом решило поджечь небо. Вдалеке, на фоне огненных оттенков, ещё слышались перестрелки и взрывы. По пути Эрвину встретился сгоревший БТР. Башню машины расплющило, все люки распахнулись, орудие вырвало, траки вывернуло наизнанку. От груды металлолома ещё тянуло сгоревшей копотью, отчего становилось тяжело дышать. Маршал не отходил и безэмоционально смотрел на последствия своих поступков. На броне он смог прочитать едва различимую надпись белой краской: «За великого маршала Эрвина!»

Теперь сомнений быть не могло. Экипаж доверил ему свои жизни и сгорел, свято веря, что так нужно. Что это для общего блага.

И Эрвин вспоминал, почему так случилось, что они превратились в пепел. И не только они.

Первая фаза операции шла успешно. За две недели войска прошли двести километров, почти не вступая в бои. Каждый питал уверенность, что через месяц, в худшем случае через два, сопротивление будет сломлено. Армия подошла к широкой морской преграде — Двине. А за Двиной была столица — Рига, где их ждала такая скорая победа. Наведя пять понтонных переправ, передовые части начали занимать плацдарм на противоположном берегу. И тут случилось немыслимое и страшное. Лично для Эрвина это стало холодным душем.

Войска на плацдарме угодили в огненный мешок. Сыпались доклады о подавлении хартийских частей вражеской артиллерией и дерзких пехотных атак на переднем крае. Маршал злился. Если бы не беспечность разведки и, в особенности, Отто, он бы ни за что не отправил войска на верную смерть. Но теперь из-за дезинформации гибли его люди.

Эрвин отстоял плацдарм. Артиллерия была подавлена контрбатареинным огнём, атаки пехоты захлебнулись. Маршал про себя отметил, что будь у Прибалтийского командования больше опыта, его люди бы не выстояли. И тем не менее из пяти переправ уцелела только одна, а войска на плацдарме потеряли до восьмидесяти процентов личного состава.

Почему для разведки стало неожиданностью новые Прибалтийские части? Всё просто. «Отряд сто тридцать семь» проморгал поставки вооружения от стран Европы. Проморгал Отто и партизанскую борьбу, развернувшуюся по всей Прибалтике. Конечно, ничего этого Крюгер не доложит Гвину. Операция развивается успешно, враг в панике бежит. Да, враг бежал. Но чтобы полностью подавить все очаги сопротивления понадобится целый год. Эта операция станет для Эрвина первым щелчком по носу.

Второй «щелчок» не заставил себя долго ждать. На фоне последних событий Берлин инициировал съезд правительств вольных городов. В результате была создана Вольная Европейская Конфедерация, ставившая целью сдерживать Хартийскую экспансию.

Маршал шёл и думал, что делать дальше. Бросать вызов всей Европе — самоубийство. Это он понимал с самого начала. Но складывалось впечатление, что понимал грядущую катастрофу только он. Его попытки отговорить консула от бесперспективной авантюры

сразу отметаются и кажутся тщетными. Единственный человек, имеющий влияние на Гвина — Элизабет. Да, он по старой дружбе попросит её поговорить со своим супругом. У неё должно получиться.

Эрвин заходил в пригороды Риги. Здесь, несмотря на выбитые стёкла, город ещё оставался целым. Но от одной мысли, что было в центре, где развернулись жестокие бои, по всему телу шёл неприятный холодок.

— Стой, стрелять буду! — послышалось сзади.

Эрвин не остановился, упрямо идя дальше.

— Я сказал: «стоять»!

— Ну так стреляй, — устало ответил Эрвин, развернувшись. — Чего ждёшь?

— Маршал... — солдат вытянулся и посмотрел на Эрвина как на полубога.

— Докладывай, сержант, — приказал Эрвин, приблизившись.

Маршал не мог определить, сколько солдату лет. Скорей всего только восемнадцать. Молодое лицо паренька вымазалось в грязь и копоть, кончики волос обгорели, и от них несло гарью. Форма порвалась в нескольких местах, а на каске зияла глубокая вмятина. Эрвин послал этого мальчишку в ад, и он сумел выжить. Девятый год Эрвин посылает их на мясорубку войны, и они с улыбкой подчиняются. Глядя в горящие жизнью глаза солдата, маршал неожиданно осознал один факт: ему надоело воевать. Ещё немного, и он упадёт перед этим юношем на колени и станет просить прощение за отнятые лучшие годы жизни. Ещё немного, и он это сделает.

— Господин маршал, тут не безопасно, — продолжал сержант. — Пройдёмте в укрытие, мы вас угостим горячим чаем.

— Ты после боя?

— Так точно. Руководил зачисткой здания в трёх кварталах отсюда.

На груди маршала блестела золотая медаль «За взятие Риги». Город ещё не пал, но медали уже изготовили и вручили. Эрвину вдруг стало противно её носить на своей груди.

— Держи, — Эрвин сорвал с себя награду и нацепил на грязный китель сержанта, — ты заслужил её больше, чем я.

— Маршал... — солдат едва устоял на ногах. — Я не могу её от вас принять.

— Можешь. Это приказ.

Покрытие давно не открывавшихся шлюзов поросли плесенью. Вода, внутри причала дока, от недостатка света казалась чёрной и цвела. В воздухе веяло неприятной сыростью. Из дыр в крыше просочилось несколько лучиков света, падая на ржавую палубу огромного линкора.

Нос корабля не успели достроить, отчего оголялись пустые внутренности судна. В корпусе зияло четыре дыры, где должны разместить трёхсотпятимиллиметровые орудия. Огневая мощь снарядов линкора способна стереть с лица земли небольшой городок. Тень от цитадели и капитанского мостика падала на Эриха. Адмирал сладко улыбался. Наконец-то он нашёл достойного кандидата на роль флагмана флота Хартии.

— Красавец, — не скрывая восторга, прошептал Дёнец.

Несмотря на преодоление кокаиновой зависимости, консулу пришлось столкнуться с её последствиями. Помимо регулярных болей в ноге, начались проблемы с сердцем. В груди неприятно покалывало, а ночью всё только обострялось. Несколько раз Гвин едва не

задохнулся в постели от сердечного приступа. Никакие курсы лечения не помогали до тех пор, пока Элизабет не предложила один необычный выход.

Алтайские маралы. Благородные олени, живущие у подножья уральских гор. Несколько особей выловили и доставили в заповедник под столицей. Весной у оленей начинали расти их огромные рога. В этот период они ещё не отвердели, и из них сочилась молодая и свежая кровь. Народные поверья твердят, что экстракт этой крови имеет лечебные свойства. Но чтобы узнать об этом, животное должно пережить страшные мучения.

Оленя связывают, рога зажимают на специальном верстаке, затем поднимают и животное начинает беспомощно дёргаться. Полные жизни рога срезают. Животное кричит от жуткой боли, но ничего поделать не может.

Затем ещё тёплой кровью наполняют ванну. Раз в год, каждую весну, консул проходил реабилитацию. Раздеваясь до гола, он по горло погружался в кровавую субстанцию. Включалась тихая спокойная музыка. Тело расслаблялось. Каждая клеточка кожи омолаживалась, а так терзающая внутри боль отступала. Гвин закрывал глаза, мысли покидали голову и он мог ненадолго ни о чём не думать. Была бы его воля, и консул никогда бы не покидал кровавую ванну. Если твои руки и так по локоть в крови, так почему же в этой крови не искупаться?

В дверь несмело постучали.

— Что?! — гаркнул Гвин, нехотя возвращаясь в реальность.

— Господин консул, к вам пришли.

— Я же просил сегодня меня не беспокоить!

— К вам пришла первая леди.

— Элизабет... — прошептала Гвин. — Хорошо, пять минут.

Кровавые ручейки стекали с торса на ноги и растекались по полу. Тело сделалось упругим и моложе на десяток лет. Гвину стало легче дышать. Это действительно помогало, несмотря на специфичность процедуры. Завернувшись в халат, консул вышел.

— Что такое, дорогая? — спросил Гвин, наполняя бокалы шампанским. — Соскучилась?

— Конечно, — Элизабет сделала небольшой глоток и ласково улыбнулась. — Могу же я тебя видеть больше чем несколько раз в месяц. Я, в первую очередь, твоя жена, а потом уже первая леди. И дочь очень сучает по тебе. Девочке уже восемь лет и ей сильно не хватает отцовского воспитания.

— Потерпи, — он нежно поцеловал её ладонь. — Ещё немного, и я смогу больше уделять вам времени.

— Я хочу поговорить с тобой о твоём походе... — начала издалека Элизабет.

— Так и знал, что ты непросто так сюда пришла, — ухмыльнулся консул.

— Гвин, Хартия сейчас велика и могущественна как никогда. наших ресурсов хватит, чтобы обеспечить процветание всем гражданам. Я хочу тебя попросить отказаться от идеи захвата Европы.

— Ты хочешь, чтобы я отказался от идеи, которую вынашивал всё это время?

— Идеи единой Европы и счастья её народов? Гвин, они и без нас прекрасно живут. Позволь им выбирать свою судьбу самим.

— Ты не понимаешь. Они все живут завтрашним днём, не понимая, что когда-то их перебьют по одиночке.

— Они объединились только ради того, чтобы мы их не захватили. Стали в один строй,

чтобы не утратить свою свободу.

— Ты о той несчастной Конфедерации, организованной полубританцем полунемцем? — Гвин засмеялся. — Оно не жизнеспособно и падёт под нашими первыми ударами. Лиза, я много об этом думал и всё взвесил. Другого выхода нет. Всё, я больше ничего не хочу слышать.

Гвин попытался её поцеловать, но Элизабет отпрянула.

— Скажи, — она взяла его за руку и заглянула прямо в глаза, — неужели обрекая миллионы людей на страдания, боль и смерть, ты сделаешь их счастливыми? Какой в этом смысл?

— Вся жизнь боль, страдания и смерть. Для кого-то больше, для кого-то меньше.

— Я... — Элизабет отвела взгляд, — я тебя поняла.

Лиза убрала руку и молчала.

— Гвин.

— Что, дорогая?

— Я на несколько дней вернусь в наш родной город. Посещу могилу мамы. Ты не против?

— О чём речь? Конечно.

— Спасибо, — она поцеловала его в щеку, попрощалась и ушла.

— Она прекрасна, — тихо говорил себе консул. — О большем нельзя и мечтать.

Пароход разрезал воды Шпрее на фоне вечерней зари. На носе судна молодая пара любовалась городскими видами. Девушка держала в руках розу. Одну и недорогую, но это было неважно, ведь в глазах влюбленных жили настоящие светлые чувства. Несколько человек опаздывали на автобус. Кафе обслуживали последних посетителей и закрывались. Отключались фонтаны, а на их смену загорались фонари.

Алексей и Саманта любили наблюдать за вечерним городом. Прошло не так много времени, и люди смогли вернуть то, что утратили со своими родителями. И теперь только от них зависело будущее этого мира.

Обычно Алексей улыбался, глядя на освещенные улицы. В этот раз он впервые был расстроен. Предстоял серьёзный разговор, но начинать его не хотелось. Будто неосторожно брошенное слово разрушит всю магию города и вернёт обратно в первобытный хаос.

— На тебе сегодня лица нет, — с беспокойством сказала Саманта. — Проблемы на работе?

— Да и нет, — вздохнул Алексей. — Милая, ты же видишь, что вокруг происходит. А я ещё и слышу.

— Ты о Конфедерации? Но мы ведь всё правильно делаем. Мне так жалко прибалтов. Хартия такая большая, а они совсем крохотные, и тем не менее сражались.

— Прямо как мы когда-то, — грустно пробурчал Алексей.

— Что ты мне хочешь сказать?

— Я очень надеюсь, что это всего лишь мои опасения. И тем не менее я боюсь. Боюсь, что когда-то наш привычный мир снова рухнет. Но теперь не внешняя сила станет тому причина, а мы сами. И когда это случится я хочу, чтобы ты была как можно дальше и в безопасности.

— Ты хочешь?...

— ...отправить тебя в Америку. Одну. А я, когда всё уладится, тебя навещу.

— Лёша, — Саманта глубоко вздохнула, — мне уже этого не нужно. За долгое время с тобой я поняла, что мой дом и моя родина там, где ты. И я не хочу оставаться одной, зная, что ты в смертельной опасности. Раз ад следует за нами по пятам, то не будем от него убегать, а встретим вместе.

— Ты даже не представляешь, что нас ждёт. У них огромная армия, которой ещё не видел мир.

— Какая разница? — пожалала Саманта плечами. — У тебя есть я, а у меня есть ты. А это значит, что никому нас не сломить.

— Не берут его тортуры, не берут и царские стены... Иван Франко. «Вечный революционер».

— Прости?

— «Вечный революционер». Ты мой вечный революционер.

Ночной купол проткнуло бесконечное количество белых точек. Полная луна освещала влажную от недавнего дождя дорогу. Асфальт начал зарастать, а металлические конструкции покрываться тонкой коркой ржавчины. Несмотря на полное запустение города, здесь ещё жили люди. Много кто отказался от переезда в столицу и бежал, выбрав свободную жизнь. Рано или поздно рука Хартии доберётся и до них, но они старались об этом не думать.

Эрвин беззвучно шагал вдоль здания, всё время поправляя фуражку и оглядываясь. На первый взгляд могло показаться, что на улице он совсем один, но это было бы ошибочным выводом. Его опытный глаз заметил двоих, ведущих за ним наблюдение. Эрвин догадался, что это люди из «Отряда сто тридцать семь». Когда не нужно Малыш Отто добросовестно выполняет свою работу.

Эрвин думал, как сбить их со следа. План созрел почти мгновенно. Он свернул в первый же попавшийся подъезд, где едва не столкнулся с дурно пахнущим бродягой.

— Ты то мне и нужен, — прошептал Эрвин, стараясь не принюхиваться.

— Чо надо, белобрысый? — рявкнул бродяга, почёсывая длинную бороду.

— Пуховик не продувает? Не холодно в осенние деньки?

— Терпимо, — отрезал тот. — А тебе какое дело?

— Никогда людей не полюбят за альтруистичные поступки. Я же хочу помочь тебе. Как насчёт обменять твой дранный пуховик на моё пальто? Писк моды. Только начали производить.

— А в чём подвох? — недоверчиво спросил бродяга.

— Как я и говорил, людей никогда не полюбят за альтруистичные поступки. Что же, — вздохнул наигранно Эрвин, — мне пора.

— Постой! Постой, чудак. Хорошо, я согласен.

От пуховика несло дурно пахнущими духами и дерьмом. Эрвин словил себя на мысли, что уже где-то улавливал этот запах. И действительно. Подвалы «Отряда сто тридцать семь» после продуктивного дня обрызгивали духами, чтобы скрыть удушливый запах. Правда, Эрвину казалось, что становилось только хуже.

— Выпей за моё здоровье, — Эрвин кинул в карман пальто горсть монет. — Слышал, неподалёку вы организовали бар.

— Да, — сладко сглотнул бродяга. — Интересное местечко, — сказал он и скрылся во тьме.

Эрвин досчитал про себя до ста и выглянул. Наблюдатели клянули на уловку и больше не докучали маршалу. Путь был свободен. Благо, нужный дом был уже рядом.

Элизабет кормила хлебными крошками голубей, а те не брезговали столь щедрым жестом доброй воли. Эрвин терпеливо ждал когда его заметят и сел на пыльный диван. Тот жалобно скрипнул и выдал новоприбывшего гостя.

— Ох, — испугалась Элизабет, — маршал. Почему от вас так дурно пахнет?

— Долгая история. По крайней мере удалось избавиться от слезки.

— Решили, что они будут искать вас по запаху?

— Люди всегда прячут своё истинное зловоние, чтобы понравится другим. Отсюда все проблемы.

— А ещё раньше люди почти не мылись, чтобы не гневить Всевышнего.

— А я всё-таки рискну. Как только вернусь в столицу, сразу же прикажу наполнить ванну. Наверняка какую-то дрянь подцепил.

Элизабет улыбалась. Она выкинула остатки крошек и уселась рядом с Эрвином. Оба молчали, не зная с чего начать.

— Почему именно здесь, первая леги?

— Это единственное место в мире, где я могу не бояться за свою жизнь.

— Неужели даже в постели с консулом вы не чувствуете умиротворение?

— Другого за такие слова уже бы ждал трибунал, — грустно улыбнулась Элизабет. — Как успехи в армии?

— Как и всегда: готовы служить во благо дела Хартии.

— Это я каждый день слышу. А теперь честно.

— Если честно, то мне надоело отправлять молодых пацанов на смерть. Надеюсь, после бойни в Прибалтике наш консул поумерит аппетиты.

— Он... — запнулась Элизабет. — Он продолжает верить в покорение Европы. Я не смогла его переубедить.

Эрвин молчал, уткнувшись в пол. Кому как не ему было знать о положении в армии. Да, она оставалась самым сильным формированием в мире, однако бросать вызов всей Европе было сродни самоубийству. Неужели только он это понимал? Но что может сделать человек, когда на каждом шагу вдалбливают мысль о спасении европейских народов, распространении цивилизации и порядка. Иногда он и сам верил, что триумф Хартии возможен. До того момента, пока не изучал очередной отчёт, где потери шли за тысячи. Он даже не был уверен об удержании земель, что раскинулись от Прибалтийского до Чёрного моря. Партизанская борьба и преступная деятельность крепла с каждым днём, а их подавление, казалось, только усугубляло ситуацию. Но Гвин этого не замечал. Он был слишком ослеплён мечтой, которая была так близко.

— Эрвин, нам нужно спасти страну.

— Я с огромным удовольствием. Правда ума не приложу как.

— Мы **убьём** Гвина.

— Да? — Эрвина не удивили эти слова. — Если это говорите Вы, значит, всё действительно плохо.

— Эрвин, на этом диване я поклялась, что не предаю его. Но я понимаю, что если не решусь на это, то мы станем предателями для остальных.

— Но как мы это сделаем? Даже если нам удастся — ничего не выйдет. Слишком много у него сторонников. Я даже не могу с уверенностью сказать, кто ещё на такое согласится.

— Это не самое сложное. Сложно будет объяснить ребёнку, почему вдруг мама решила убить папу. Остальное не так уж и сложно.

— Да, первая леди. Здесь я с вами соглашусь.

Штабная машина расположилась посреди бескрайнего поля пшеницы. Её корпус тонул в золотых волнах. Скоро будет житница и колоски превратятся в хлеб, который накормит миллионы людей.

К штабу подъехало ещё несколько машин. Из них вышли генералы и скрылись за стальными дверьми.

— Ave konsyl, маршал, — козырнул Вольдемар Эрвину и улыбнулся. — Моё почтение, первая леди. Что за переполох, что вдруг понадобилось тащиться в такую даль?

— Твои шлюхи подождут, Каминский, — буркнул Эрвин, сидящий в углу. — Садись.

— Сегодня маршал не в настроении. Понимаю, работа сложная и нервная. А где Отто?

— Отто на встречу не приглашали, — ответила Элизабет.

Генералы сели за стол. Эрвин так и продолжал, насупившись, сидеть в углу. Собравшись с мыслями, Лиза начала:

— Почти десять лет Хартия ведёт бесконечные войны. Сколько было пролито крови и загублено жизней? Мы поклялись консулу служить верой и правдой, но сейчас он утонул в своих иллюзиях. Я прошу у вас помощи. Помощи в убийстве консула и в организации государственного переворота.

— Чего?! — опешил Вольдемар и побледнел. — Это измена! Подстрекательство к бунту и убийству нашего славного консула! Мы, офицеры, давали воинскую присягу! Присягнули на верность Хартии и её делу!

Эрвин знал, что Вольдемар не заткнётся. Его визг продолжал оглушать всех присутствующих в кабине машины. Утратив терпение, Эрвин встал и ударил кулаком по столу, от чего тот едва не сломался.

Пехотный генерал умолк. Эрвин тяжёлым взглядом смотрел на него. Казалось, что его глаза могли сточить гранит.

— Два миллиона человек поставлены под ружьё! — прошипел Эрвин. — Четверть населения страны! Это как вообще?! Назовите мне, господа командующие, какая ещё за всю историю страна могла позволить себе такую выходку?! Вы же всё прекрасно понимаете! Мы тратим бешеные средства и почти миллион человек на удержание земель. И так, вторгаться в Европу будет остальной миллион. Как вы думаете, много мы этим миллионом навоюем? Мы, в лучшем случае, дойдём до Рейна, а потом что? Погонят обратно до самой столицы?! Вы этого хотите?! Так какого хрена ты мне, Каминский, порешь эту чушь?! Расскажи пацанам на передке о офицерской чести и деле Хартии. Они тебе так ответят, что ты там и ляжешь! Ты забыл откуда попал в штаб?! Так я тебе напомним!

Вольдемар опустил взгляд.

— Глазки он прячет. Это касается и остальных. Либо мы найдём в себе смелость пойти на предательство, либо сдохнем, как жалкие трусы. И наши дети будут без укора совести плевать на наши могилы. Я жду ваше решение, и пока оно мне не понравится, никто отсюда не выйдет.

Генералы молчали, уткнувшись в стол.

— Мой родной батальон, — нарушил тишину Эрик, подняв голову. — В нём ребятам не было равных. Командир, идиот, послал их в жилую застройку. В итоге половину танков

пожгли. Я знал лично каждого из экипажей. Интересно, что думали мои ребята перед смертью? Не знаю, как остальные, а я с тобой, Эрвин.

— Я тебя прекрасно понимаю, — сказал Дёнец. — На том чёртовом плацдарме полегла почти вся морская пехота. Многих я знал с первых дней своей карьеры. Я тоже с вами.

— Я надеялся, — продолжил Анджей, — что Гвин рано или поздно станет перестраивать промышленность под гражданские нужды. Но он отверг мои реформы в этом направлении. Консул заигрался. Можете быть спокойны, экономика на вашей стороне и поддержит переворот.

— Консул дал нам право на безбедную жизнь, — задумчиво протянул Левандовский. — Он же нас привёл к пропасти. Авиация с вами.

Все устали на Вольдемара.

— А что я? — пролепетал он. — Думаете у меня хватит духу отказаться? Конечно я с вами.

— Вот и замечательно, — кивнул Эрвин. — План такой: продолжаем выполнять приказы и готовимся к войне. Мы не должны никаким образом вызывать подозрений. Параллельно с этим начинаем в своих кругах вербовку. Убедитесь сто раз, что вы можете доверять человеку и только после этого действуйте. Остальные подробности позже. Встречаться такой компанией больше нельзя, слишком опасно. Два, в крайнем случае три человека. Место и время будет сообщать мой адъютант. Свободны.

Генералы покинули машину, и Эрвин устало сел за стол.

— Как только это дерьмо закончится, подам в отставку, и пусть все катятся к чертовой матери.

— Это будет ещё очень не скоро, маршал.

— Да. У нас, кстати, уже первые проблемы. Я не могу доверить своему адъютанту большее, чем отправку приказов. А ведь он ещё руководит Гвардией. Кем заменить его — я не знаю.

— Вам бы очень подошёл Вильгельм, — улыбнулась Элизабет. — Хороший был парень.

Глаза Эрвина засверкали.

— Ну почему был? — оскалился маршал.

— Разве он тогда не погиб?

— Нет. В этом я точно уверен.

— Тогда его нужно найти. Если он, конечно, ещё жив.

— Найдём. Такие как он не умирают.

Орден Красного Креста. Его лидеры были крайне фанатичными религиозными последователями. Они смогли распространить и закрепить свою власть в Альпийском регионе.

Создатели Ордена видели своей целью возрождение давней рыцарской чести и традиций. Они считали себя той силой, что должна бороться против окружающего зла.

Ордену от старого мира достались большие финансы. И их принялись влаживать. В профессиональных солдат, прозванными тамплиерами. В современную медицину. У Ордена лечились люди со всего мира. В финансирование монастырей по всей Европе, откуда вскоре начали выходить тысячи последователей.

Орден стал одной из самых влиятельных сил на континенте. И тем не менее, во внешней политике он всегда занимал нейтральную позицию и не вмешивался в дела других государств. Нейтралитет стал основой политики Ордена.

Почему-то жизнь всегда идёт не так, как мы её планируем. Хотели ли мы в ней что-то поменять или же желали покоя — неважно. У судьбы всегда другие планы. И очень часто грязные намерения.

Едя в седле по размытой от ливня дороге, Баркуд вспоминал своё детство и молодость. Вспоминал своё прошлое. Он понял, что ничего, о чём он мечтал, не сбылось. Совсем ничего. Утратился тот юношеский запал и энергия. Те цели и иллюзия, что весь мир у твоих ног. За это время тьма, окутавшая его, забрала почти всё человеческое. Почти.

Эвелин. Эви. Когда всё началось, она была ещё совсем крохой. Баркуд делал всё возможное, чтобы оберегать последнее, что осталось от его семьи. Он убивал, он грабил, он делал много нечеловеческих вещей и поступков. Только ради того, чтобы сестра была в безопасности и жила. Он делал всё, что мог. Но этого оказалось недостаточно.

Оспа. За считанные часы маленькое тельце облепило тысячи сочащихся гноем волдырей. Детское личико стало похоже на маску отвратительного чудовища. А сама Эвелин... С каждым днём жизнь теплилась в ней всё меньше и меньше. И это убивало Баркуда. Его разрывало изнутри сильнее, чем любые пыточные машины Хартии. Внутри поселилась тихая ярость от бессилия.

Решение бросить жизнь бандита и присягнуть Ордену далось непросто. Но только у них были опытные врачи, оборудование, лекарства. За ними была сила. А самое главное, что они могли сделать то, чего не мог Баркуд — спасти его белокурого ангелочка. Ради этого он был готов заключить сделку хоть с самим Сатаной.

После того, как он покинул Альпийские пейзажи Цюриха, прошло несколько месяцев. Оставалось последнее задание от Ордена. После того, как Баркуд докажет свою верность, он сможет пользоваться всеми привилегиями тамплиеров. Баркуда интересовало только одно: они могут спасти его сестру. Остальное мелочи.

Последнее задание от Ордена никогда не несло в себе чего-то конкретного. Кандидаты в тамплиеры должны были сами отчитаться о своих свершениях и поступках. И если комиссию Его Святейшества удовлетворит услышанное — кандидат станет полноправным членом Ордена.

Баркуду пока возвращаться было не с чем. Нет, ему действительно подворачивалось несколько интересных дел, и он выполнил их с достоинством и честью. Но на его взгляд это казалось несущественным и мелочным. Так дорога довела его до Восточной Европы. И вот удача. Во время одного из вечерних разговоров на базе Ордена тамплиер дал Баркуду наводку.

— Хартийцы что-то ищут в округе, — говорил он. — Мы уже несколько раз натыкались на их отряды. Если интересно, выйди на связь с информатором. Он должен знать, что происходит. И, глядишь, тебе ещё щедро отсыпят серебра. Тогда тебя в Орден возьмут обеими руками.

— Почему ты сам за это не берешься? — заметил Баркуд.

— Орден никогда не лез в дела государств. Он призван помогать слабым. Так что мне этим заниматься нельзя. Но ты же ещё не проходил посвящения. Поэтому, формально, ты устава не нарушаешь. И Ордену по большому счету плевать, от кого ты взял награду. Это мелочи.

— Напомни, почему Ордену так нужно серебро?

— Ну ты спросил, — ухмыльнулся тамплиер. — У нас же верхушка немного повёрнута на религии. Поэтому переплавляет серебро в пули и призывает ими отправлять грешников на тот свет. Их эффективность как из иголки штык, но кого это волнует? Если в отчёте написать, что за этот год ты убил двадцать неверных серебром, как это можно проверить?

— Никак.

— Соображаешь. Думаю, из тебя выйдет неплохой тамплиер. Больше тебя не держу. Информатора видели в окрестностях Варшавы. Если поспешишь, успеешь его застать. Только это... — тамплиер замялся.

— Что?

— При встрече особо не удивляйся. У него есть пару пунктиков.

— Приму к сведению.

Запах молодого тела всегда одурманивал его разум. Он никогда не мог им насытиться и насладиться полностью. Хрупкие ручки, тонкая талия, упругая грудь, тоненькая шейка. Когда начинаешь лизать жертву, она уже почти не сопротивляется, только тихо постанывает. Это очень возбуждает и хочется слиться с этим неиспробованным фруктом. Каждая так похожа на предыдущую. И каждая как тот ночной мотылёк, попавший в липкую паутину. Трепыхается и сопротивляется, чем только разыгрывает аппетит у хищника.

Баркуд молча наблюдал за информатором. Сам же информатор будто ничего не замечал, полностью поглощённый процессом. У жертвы под неестественным углом была свёрнута шея. Открытый рот и выпученные глаза смотрели прямо на Баркуда, отчего его передёрнуло.

Информаторы были глазами и ушами Ордена. Они помогали им оценить мировую политическую обстановку и баланс сил, сделать соответствующие выводы и принять меры. У каждого информатора была своя шпионская сеть, расставленная на своей территории. Территория Хартии не стала исключением.

— Ааа... — сладко протянул информатор, при этом продолжая облизывать жертву, — молодой тамплиер хочет услышать сказку от меня.

— Я хочу знать, что здесь ищут отряды хартийцев.

— Если бы эти идиоты сами знали, что хотят найти. Ладно, — махнул он ладонью с

длинными пальцами, — у меня сегодня хороший улов и поэтому прекрасное настроение. Они хотят найти секретный военный бункер. Как ты понимаешь, не такой теперь уж и секретный. Один из моих борзых передаст тебе информацию, где он находится. Молись, чтобы ты там оказался раньше этих придурков. Всё, что ты найдёшь — твоё. А как этим распорядиться, уже твоя забота.

— Есть конкретная информация, что там?

— Скорей всего очень много военных тайн прошлого. Но мне это не интересно. Меня интересует настоящее, а не прошлое. А сейчас оставь нас. Ты её очень смущаешь.

Баркуд сморщился, развернулся и покинул общество информатора.

Объект NY-Z281. Прочитав несколько страниц ничего не значащей информации, Баркуд всё же нашёл координаты бункера. Найдя это место на карте, стало ясно, что оно находится в глубоких лесах и болотах, на ничейной земле. За несколько дней, верхом на лошади, туда можно было без проблем добраться.

Несколько суток в пути промелькнули, как миг. Всё время Баркуд думал о сестре. Орден не давал ей возможность выздороветь, но в то же время понимал её ценность и поддерживал стабильное состояние. Он ненавидел их за столь циничный подход, но в тоже время был вынужден признать его эффективность. Баркуд на их крючке и выполнит всё, что нужно.

Дорога резко обрывалась, и начинался непроходимый лес. Баркуд ещё раз сверился с картой. Да, ему как раз туда. В самом сердце чащи. Власть лесного царства была незыблема. Многие империи пытались покорить эти земли, но по-настоящему никто никогда здесь не установил свою власть. Здесь рождалось партизанское движение против наполеоновской армии, а затем и нацистской оккупации. Атаки на патрули, подрывы мостов и составов с такими нужными на фронте оружием и боеприпасами, убийство или захват в плен высокопоставленных офицеров. И ничто это не могло остановить. А всё это делали не профессионалы, а обычные люди. Они стали на защиту лесных владений, а взамен получили страшную силу, которую была неспособна сокрушить ни одна армия в мире.

Баркуд спешил и стал медленно продвигаться вглубь зелёного океана. Кроны деревьев почти не пропускали свет, земля была усеяна упавшими листьями, ветвями и корой. Чем дальше Баркуд со своим верным конём заходил в лес, тем сложнее ему становилось передвигаться. Казалось, что деревья начали смыкать перед непрошеным гостем ряды и не хотели пускать дальше.

По рукам, ногам и щекам били ветки. Несколько раз Баркуд едва не свалился в глубокий овраг. В какой-то момент пришлось прорубывать штыком себе путь дальше. Эти несколько километров он проходил пол дня.

Под вечер он дошёл к намеченной цели. Среди леса отстаивала свою территорию просторная поляна. Баркуд от усталости уселся в густую траву и позволил себе немного насладиться видом. Как же здесь было красиво. Баркуд решил, что когда-нибудь переедет в эти места с сестрой. Но это будет когда-то очень не скоро.

От неожиданности у Баркуда перехватило дыхание. У подножия леса он заметил несколько многоэтажных зданий. Они почти заросли и тем не менее это были признаки цивилизации. Никому ненужной здесь цивилизации, будто заблудившийся.

Баркуд не понимал, почему в глуши построили эти дома. Но чутьё ему подсказывало, что это его цель. Оставив коня пастись, он быстрым шагом направился туда.

Две пятиэтажные коробки с прорезями для окон без стёкл и дверей, пару изб и детская

площадка. Весь асфальт зарос травой. Ржавая карусель со скрипом крутилась от порывов ветра. Ржавые качели медленно покачивались. Ржавая горка лежала в густой траве, больше не в силах сопротивляться природной стихии. Баркуд почувствовал, как ему в нос лезет острый запах ржавчины. Казалось, что ней здесь покрылось всё. На стене белыми буквами написали: «Детство кончится когда-то». Баркуд не понимал, что написано, иначе бы оценил всю иронию ситуации.

Он был на месте. По крайней мере так говорили координаты. Но на секретный объект это мало походило. Баркуд оценил хитрость этого места: никто не догадается искать военную инфраструктуру в жилой застройке.

Час поисков ничего не дал. Он обошёл обе многоэтажки, заглядывал в остальные дома. Ничего примечательного Баркуд так и не нашёл кроме пыли, грязи и паутины. Расстроенный и уставший Баркуд уселся на пол первого этажа. Гнилые доски не выдержали его веса, и тамплиер полетел вниз.

В глазах на несколько секунд потемнело, спина и ноги болели от мощного удара. Выругавшись, Баркуд осмотрелся, куда он упал. Это было пустое подвальное помещение. Баркуд уже собирался выбираться отсюда, но в последний момент в углу заметил заросший бурьяном грязный канализационный люк.

— Если и здесь нет, значит, информатор дал липовую информацию.

Стальной люк не поддавался. Много лет никем не тронутый, он буквально сросся с этим местом. Пришлось очень долго над ним возиться, подковыривая ножом. Наконец-то, с третьей попытки, люк заскрипел и поддался. Баркуд, сцепя зубы, потянул его на себя. Люк со страшным грохотом вылетел из насиженного места, ознаменуя небольшую победу Баркуда.

Он заглянул внутрь. Из подземных недр веяло накопленной многими годами сыростью. На бетонной стене торчали стальные прутья, служившие чем-то на подобие лестницы. Лестница резко обрывалась в густой темноте.

— Мы почти на месте, — ухмыльнулся Баркуд и включил фонарь.

Едва протиснувшись с рюкзаком, он принялся спускаться. Прутья, несмотря на время, его ещё выдерживали. Больше всего на свете сейчас не хотелось упасть и переломать кости. Неизвестно какая там была глубина: пара метров или Марианская впадина. Фонарь, нашедший своё место в зубах Баркуда, своим лучом старался освещать пространство. И чем ниже спускался Баркуд, тем больше становилось помещение, и меньше точка света на потолке.

Внезапно его ноги нащупали опору на земле. Пол был укрыт бетонными плитами. Плиты усеялись различным строительным мусором. Свет от фонаря упирался в огромную стальную дверь. На ней, сквозь ржавчину, удалось разобрать надпись: «NY-Z281. Вход только по пропускам».

— А теперь точно на месте, — от голоса Баркуда по помещению пошло эхо.

Баркуд внимательнее осмотрел дверь. Своими силами он никогда не сможет открыть эту громадину. Об этом даже думать не надо. От двери по стене тянулось несколько проводов. Проследив за их направлением, он увидел небольшую комнату.

В комнате был пульт управления и генератор. По запаху Баркуд определил, что в нём ещё осталось немного бензина. С помощью нескольких махинаций и матерных слов, его всё же удалось оживить. Генератор загудел, на потолке загорелась единственная лампа, на миг ослепив Баркуда. Проморгавшись, он увидел как на панели мигают красная и зелёная

кнопка. Не задумываясь, Баркуд нажал на зелёную.

Дверь загудела, закричала и со страшным скрипом начала открываться. Пройдя так буквально пару десятков сантиметров, она со страшным грохотом встала намертво. Теперь уже навсегда.

Благо, в образовавшуюся щель можно было протиснуться. Бросив в темную пасть ворот рюкзак, Баркуд принялся боком пролезать сам.

Он словно прошёл через портал и попал из двадцатого века в двадцать первый. На потолке было пару десятков линейных ламп. Но они не работали. Только несколько красных лампочек своим тусклым огоньком едва освещали коридор. В левую от Баркуда стену вмонтировали пластиковые окна и единственную дверь. За стёклами, из-за толстого слоя пыли, Баркуд не смог ничего разглядеть. В свете фонарика грязный линолеумом отдавал бледными оттенками. От непрошеного света в разные стороны разбежались пауки и крысы.

Баркуд открыл единственную дверь. Своими недавними действиями он ненадолго оживил это помещение. Хоть здесь и было почти темно, но он смог разглядеть стройные ряды столов. На каждом стоял тонкий монитор и прочие компьютерные приспособления. Экраны мониторов облепила липкая паутина. На дальней стене покосился герб, а знамя упало на большой экран, показывающий лишь помехи.

«Нет сигнала», — лаконично гласила надпись по середине экрана.

Баркуд словил себя на мысли, как тут тихо и жутко. Будто монстры, живущие здесь, ждали удобного момента для атаки из тьмы. Но ничего не происходило. Совсем. Он медленно ступал мимо столов, стараясь не упустить ни одной детали.

Кружка с недопитым кофе, где жидкость превратилась в тёмную гущу. Отчёт, оборвавшийся на полуслове. Раскрытая на середине книга, лежавшая на полу корешком вверх. «Виктор Суворов, — гласили большие белые буквы. — Аквариум». В одном из таких «Аквариумов» Баркуд и находился.

В оружейной всё оружие проржавело и перестало кого-то устрашать. В столовой нашлись только испорченные продукты. Открыв одну из кастрюль, Баркуд тут же пожалел об этом. На него выбежало полчище мерзких жирных тараканов, сопровождая свой побег отвратительным запахом. Баркуд едва унёс оттуда ноги и был уже готов заблевать весь пол, но тут он увидел ещё одну дверь.

По почти съеденной молью офицерскому кителю и фуражке Баркуд понял, что это кабинет начальства. Потолок протекал, все бумаги пришли в непригодность и теперь вряд ли могли кого-то заинтересовать. На стене висела большая карта. Огромная серая клякса, растянувшаяся от Балтийского моря до Кавказских гор, была усеяна множественными радиационными символами. Баркуд несколько раз сбился со счёта, но насчитал их примерно до двух сотен.

«Что это? Атомные станции? Нет, их не может столько быть. Тогда остаются только...»

Его мысли прервались. Державшая карту резинка решила в этот момент лопнуть, и карта упала, сопровождая своё падение гулким эхом. Баркуд не испугался. Теперь он видел вмонтированный в стену электронный сейф. Баркуду повезло, дверца сейфа почему-то была открыта. Не успели запереть? Неизвестно.

В тёмных недрах стальной коробки лежал лишь небольшой тёмный кусок пластика. Флешка. Как же давно их Баркуд не видел. Он не мог проверить что там, лишь мог надеяться, что её содержимое сможет кого-то заинтересовать. Флешка полетела во внутренний карман.

Для гарантии он провёл здесь ещё немного времени, но поиски больше ничего не принесли. Баркуд решился покинуть это жуткое место.

Не дойдя к воротам, он услышал, как кто-то его окликнул:

— Баркуд! — по теле прошёлся парад мурашек, а сердце ушло в пятки. Это был голос сестры.

Он оглянулся. Никого, конечно, здесь не было. Баркуд понял, что с ним от перенапряжения начинают шалить нервы.

Не теряя времени, он начал выбираться. Вперёд, к солнцу! Из царства тьмы в царство света!

Поднимаясь, он вдруг начал улавливать обрывки разговора на повышенных тонах:

— И какого хрена здесь забыла Гвардия?!

— У меня встречный вопрос. Неужели эта глушь чем-то угрожает нашему консулу?

— Не надо мне мылить глаза. Всем прекрасно понятно, что мы оба здесь по одной и той же причине.

— Какой догадливый.

— Заткнулся. Мы здесь по прямому приказу Гвина, а вы ведёте свою игру по воли вашего ненаглядного белобрысого.

— Ещё раз что-то вякнешь про маршала и будешь копать себе могилу.

— Народ, — слышался дружный смех, — да нам тут угрожают!

— Вы захотели померяться силами с Гвардией? Пожалуйста. Только я не припомню, когда видел в последний раз ваш вшивый отряд во главе с убогим карликом в открытом бою!

Баркуда пока не замечали. Но это был лишь вопрос времени. Думать не оставалось времени. Лишь действовать.

Баркуд выпрыгнул из дырки в полу и со всех ног побежал к выходу. Гвардейцы и «Отряд сто тридцать семь» опомнились лишь тогда, когда он был уже на улице.

— Это ещё кто? — опешил один из людей Отто.

— Наши проблемы, — шикнул гвардеец. — За ним!

Слишком поздно. Баркуд свистел коню, а он уже бежал навстречу. Моментально запрыгнув в седло, он ускакал в чащу. Вечернее солнце грело лицо, а ветви уже не норовили его ударить.

«Держись, Эви. Потерпи ещё немного. Совсем чуть-чуть».

Кого действительно могло заинтересовать то, что Баркуд нашёл в бункере? По большому счёту только Хартию. Если бы он отдал флешку Ордену, его бы обвинили в нарушении кодекса, а за это карали смертью. Выбор был невелик.

Эрвин сверлил глазами флешку, вертя её своими пальцами в белоснежной перчатке. Серебряный конец отбивал солнечные зайчики. Маршал лишь едва шевелил губами, повторяя:

— Ты даже не представляешь, что там внутри... Не представляешь... Не представляешь...

— Я жду награду, — вывел его из забытья Баркуд.

— Да... Серебро. Конечно, пойдём.

Ведя Баркуда по полевой базе, встречные солдаты, вытянувшись как струны, отдавали честь и с непониманием смотрели на следовавшего за ним оборванца. Они остановились перед большим автомобилем.

— Нам сюда, — сказал Эрвин и открыл дверь.

Автомобиль служил полевым штабом для Эрвина. Внутри несколько офицеров что-то чертили на карте, один слушал радиопереговоры, а ещё двое играли в шахматы. Увидев Эрвина, все вскочили.

— Все на выход. Быстро, — не церемонясь, сказал Эрвин. Солдаты пулей вылетели из машины. — Садись, — указал маршал Баркуду на стул и сел напротив.

Баркуд молча ждал, что будет дальше. Эрвин лишь молчаливо смотрел на него.

— Как ты думаешь, что в этой флешке, — нарушил молчание маршал, показывая кусок пластика Баркуду.

— Понятия не имею. Скорей всего что-то очень секретное.

— Не представляешь, насколько. Я тебе попытаюсь объяснить ситуацию и положение, в которое ты меня ставишь. И, надеюсь, что ты меня поймёшь, — Эрвин глубоко вздохнул. — Ни для кого не секрет, что Восточный Союз был государством с оружием массового поражения. Оружие сдерживания для мировой безопасности и тому подобное. Разведка находила несколько шахт с боеголовками. Но без кодов и знаний, как это использовать, ракета остаётся огромным фляжком железом. Тогда Гвин приказал Отто Крюгеру найти эти коды. Узнав это, я приказал Гвардии сделать тоже самое. Как ты думаешь, почему я это сделал?

— Ты не хочешь, чтобы коды достались консулу?

— Верно. Я не уверен, что в какой-то момент он не захочет использовать оружие в деле. В этой флешке информация, способная в неправильных руках уничтожить всю Европу, а, возможно, и мир. Сгореть в ядерном огне никто не хочет, я так думаю.

— Почему ты мне это говоришь?

— Чтобы ты понял меня, — Эрвин выхватил пистолет и направил на Баркуда. — Ты слишком много видел и знаешь. Я не могу доверять тебе. Ты хорошо облопошил моих людей и людей Отто. В другой ситуации я бы даже предложил тебе у себя место. Но сейчас всё очень серьёзно. Либо я убью тебя, либо в конечном итоге умрут миллионы.

Баркуд побледнел и молча смотрел на Эрвина. Внезапно он резко кинулся на маршала, повалив карту и шахматную доску. В комнату ворвались гвардейцы и завалили Баркуда на стол.

— И на счёт серебра я не соврал, — горько улыбнулся Эрвин. — В пистолете серебряная пуля.

Выстрел. Пуля попала прямо в голову. Баркуд обмяк и больше не шевелился.

— Унести, — тихо приказал Эрвин. — Надеюсь, оно того стоило, — сказал он себе.

Между вторым и третьим звонком

Дорога, уходящая в ночную тьму. Окружающее пространство покрылось тёмным покрывалом и не пропускало ни капли света. Ночь правила бал и ликовала до первых лучей солнца.

Застава на перекрёстке. Бетонные блоки, белые мешки с песком, деревянная сторожка без окон. Нигде не горел свет. Из сторожки вышел парень в тёмном капюшоне. В руках блестел пистолет. По земле растекались лужицы крови от двух холодных трупов часовых. С них спешно снимали форму.

— Пошевеливайтесь, — шикнул парень в тёмном капюшоне. — Груз скоро будет здесь. Ему не ответили и принялись переодеваться.

Хартия была самым могущественным государством в этом мире. Но, как и у всех, у неё были слабости и недостатки. Одна из них — преступность. «Отряду сто тридцать семь» не хватало сил, средств и методов, чтобы обеспечить безопасность во всех регионах. Так что на окраинах бандиты чувствовали себя прекрасно.

Парень сверился с часами. Осталось две минуты. Несколько дней назад проверенный источник сообщил о конвое с ценным грузом. Охраны быть не должно. Это настораживало, но источник ещё ни разу не давал осечки. Возможно, виной стало высокая нагрузка на офицерский состав и приставить конвой просто забыли.

В таких конвоях всегда было много денег и оружия. А ради этого стоило выйти на ночную «прогулку». Ведь некоторым, чтобы утолить внутри безграничную тоску нужно было только одно — убивать. Деньги — лишь приятное дополнение. На деньги можно провести весело время, купить себе тёплый уголок или же заработать ещё больше денег. Но деньги никогда не заполняли пустоту внутри людей. Никогда.

Вдалеке послышался гул двигателя. Заблестели фары. Как раз вовремя. Водитель был подкуплен, так что с транспортировкой груза проблем возникнуть не должно. Грузовая машина остановилась. Водитель мигнул грязными фарами. Это условный сигнал, означавший, что всё в силе.

— Груза много? — спросил парень водителя.

— Можешь пойти глянуть, — безразлично бросил тот.

Что-то было не так. Внутри терзало предчувствие чего-то плохого. Взяв себя в руки, парень подошёл к кузову.

Внутри на него уставилась пара десятков человек. Не сговариваясь, они направили на него оружие. У парня же перехватило дыхание.

«Гвардейцы», — промелькнула мысль.

Последние, что он видел — подошву солдатского ботинка, впечатавшуюся между глаз. Затем только темнота.

Ужасно болела голова. Казалось, что в неё вставили металлический штырь и там забыли. Во рту было противно от вкуса крови. Руки крепко связали.

С огромным усилием он открыл глаза. Какой-то сарай. В подтверждение этому был стойкий запах навоза. Над парнем стояло два гвардейца. Образцовые исполнители воли государства. Ни изъяна. Казалось, что они давно утратили свою личность, принеся её в жертву Хартии.

Дверь отворилась, и в сарай вошла девушка. Потрёпанная куртка, заплетённые тёмные волосы, покорный взгляд. Никто бы не признал в ней первую леди.

— Оставьте нас, — обратилась Элизабет к гвардейцам. Те молча подчинились, и девушка обратилась к пленнику: — Знаешь, как для одного из самых опасных преступников в Хартии, тебя оказалось не так уж и сложно поймать.

— Элизабет... — сладко протянул он. — А я уж думал, что Гвин поменял себе игрушку.

— А ты не изменился. Бороду отрастил, а на язык всё тот же остряк.

— Чего тебе нужно, куколка? Ни за что не поверю, что ты здесь мимоходом. Первые леди просто так нигде не появляются.

Больше всего на свете Лиза сейчас хотела бросить его. Пусть гвардейцы делают с ним всё, что душе угодно. Как бы они утёрли нос «Отряду сто тридцать семь».

«Почему Гвардия должна выполнять вашу работу?! Чем вы вообще заняты?!»

Элизабет смогла взять себя в руки. Он нужен. Он полезен. Ей и Эрвину.

— Скажи, Вильгельм, ты хочешь жить?

— У меня осталось несколько незаконченных дел.

— Я могу догадаться, каких. Дай угадаю: в тебе всё это время живёт ненависть. Ко мне. К Хартии. К Гвину. Горечь за потерянный дом и убитых друзей. Ты хочешь отомстить. Ты хочешь убить нашего славного консула. Моего супруга. Верно?

Вильгельм молчал. Элизабет попала в самое сокровенное.

— Верно, — ответила себе первая леди. — А что если я дам тебе такую возможность? Шанс исполнить мечту? Готов ли ты на это?

Вилли не отвечал. Он закрыл глаза. Сквозь тьму на него смотрело грустное лицо Алисы.

— Вильгельм, ты поможешь мне?

— Почему я должен тебе верить?

— Потому что я — твой проверенный источник. Хотя бы поэтому.

Хартия начала наращивать войска на западной границе. Официально эти маневры проходили под видом учений, но какое вторжение не начиналось под видом учений?

В Конфедерации всё прекрасно понимали. Началось формирование армии, увлечения выпуска оружия, подготовка к обороне и заключение с соседями дипломатических и торговых отношений. Начинался обратный отсчёт, и мир затаил дыхание.

Алексей возвращался с канцелярии в подавленном настроении. Информация о готовящемся вторжении вынудило его принять для себя важное и дерзкое решение. Он отпросился с работы пораньше, хотел побыть дома один и всё обдумать. А к тому времени из театра вернётся Саманта, и они ещё раз всё обсудят.

Но у судьбы, как всегда, были свои планы. Саманта оказалась дома. Она сидела на кровати, обхватив руками колени, и грустно смотрела в одну точку.

— Милая, что случилось?

— Театр закрывают, — казалось Саманта вот-вот заплачет. — Урезают финансирование.

— Ну вот и началось, — вздохнул Алексей.

— Что началось? — девушка удивлённо взглянула на Лёшу.

— Сейчас много чего закрывают. Не только театры. Время такое. Как я и предполагал — страна готовится к войне. Каждый готовится к войне за право жить так, как он хочет. И даже я... — Алексей отвёл взгляд.

— Лёша? Что ты уже задумал?

— Как всегда — несусветную глупость. Я не могу и не имею право сидеть в стороне, пока решается судьба мира. Я записываюсь в армию. Тогда мы не смогли остановить Гвина, и вот во что это вылилось. Я должен понести ответственность за свои поступки.

— Ты опять идёшь в самое пекло и оставляешь меня одну? Ты же понимаешь, что мне хуже всего, когда я тебя жду. А мне уже надоело тебя откуда-то ждать.

— Давай хотя бы ты не будешь делать глупости.

— Ну уж нет, — Саманта ехидно улыбнулась. — Мы поэтому и вместе, потому что совершили за свою жизнь много глупостей.

— Да делай что хочешь, — махнул Алексей. — Девушек всё равно не берут в армию.

— Значит вступлю в Союз сестёр милосердия. У меня есть медицинский опыт.

— Как хочешь. Ты вольна делать что угодно. За это мы и собираемся сражаться.

— Может всё-таки там наверху хватит сил решить всё мирным путём?

— Я тоже не хочу верить в самое худшее. Но факты говорят о совсем не радужных вещах.

Стройные ряды двухъярусных кроватей. Вычищенный до блеска деревянный пол. Острый запах сигарет вперемешку с хлоркой.

— Смирно! — рявкнул офицер.

Молодые солдаты дружно вытянулись как струны. В помещение, громко шагая, зашёл фельдфебель. На кители покачивалось несколько медалей, вся правая сторона лица покрылась глубокими шрамами. Офицер смерил взглядом курсантов. Его глаза ничего не выражали, кроме презрения.

— Я фельдфебель Ковальский! По совместительству старший инструктор этого учебного сброда. Моя задача — отсеять зёрна от плевел, а из остальных сделать гордость нашей великой страны. С этого момента без моего прямого приказа вы не имеете права ни на какую самостоятельность. Скажу стоять — будете стоять. Скажу бежать — будете бежать. Скажу пожертвовать собой — умрёте без вопросов. Это понятно, мрази?!

— Так точно, господин фельдфебель.

— Херня, я вас не слышу! Отвечаете как девственницы перед первой бурной ночью!

— Так точно, господин фельдфебель!

— Если вы, бабы, выживите в учебке, если вы каким-то образом переживёте курс молодого бойца — вы станете одними из лучших солдат этого мира, верными псами консула, молящими о том, чтобы вас спустили с цепи! Но до этого дня вы — просто блевотина! Вы — низшая форма жизни на земле! Вы вообще нихера не люди! Вы всего лишь неорганизованная стая скользких вонючих жаб! Я строг и поэтому я вам не понравлюсь! Но чем больше вы будете меня ненавидеть, тем большему вы научитесь! Я строг, но я справедлив! У меня здесь нет расовой и религиозной дискриминации. Мне насрать на кочевников, на жидов, на исламистов и будистов! Вы все здесь одинаково никчёмны! Моя задача — избавиться от тех, кто неспособен служить в моей любимой Гвардии! Вам это понятно, мрази?

— Так точно, господин фельдфебель.

— Херня, я вас не слышу!

— Так точно, господин фельдфебель!

Вильгельм совсем забыл свой облик без бороды и длинных патл. После бритья и

стрижки налысо он выглядел очень комично. Форму выдали не по размеру. Из-за этого штаны всё норовили упасть и их приходилось придерживать. Сапоги сдавливали ступни и причиняли неприятную боль.

Вилли понял, что вляпался конкретно, но что-то предпринимать было уже поздно. Оставалось подчиниться и смотреть, что будет дальше. Он не мог представить, что нужно было сделать, чтобы его записали в академию. Вильгельм слышал, что сюда попадали только родственники влиятельных людей Хартии. На фоне мальчишек, ещё не избавившихся от пуха под носом и на щеках, он был самым старшим. Такого же возраста, как и фельдфебель.

— У такого говна остались живые родители? — фельдфебель вывел Вильгельма из забытья.

«Ублюдок», — прошипел про себя Вилли.

— Никак нет, господин фельдфебель!

— Держу пари, что они были рады избавиться от такого недоноска, как ты. Имя.

— Курсант Вильгельм. Вильгельм Миклонский.

— Вильгельм? Какой ещё Вильгельм? Ты откуда с таким именем здесь взялся?

— Мой отец был немцем, господин фельдфебель.

— Мне не нравится имя Вильгельм. Вильгельмами называют либо аристократов, либо дегенератов. Отныне ты — курсант Всеволод Большое Гнездо. Нравится такое имя?

— Так точно, господин фельдфебель!

— Ты меня презираешь, курсант Большое Гнездо?

— Никак нет, господин фельдфебель.

— Тогда убери эту кислую мину со своей рожи.

— Господин фельдфебель, я ничего не могу поделать.

Фельдфебель, не долго думая, зарядил своим пудовым кулаком Вильгельму в солнечное сплетение. В глазах потемнело, воздух вышел из лёгких, на секунду Вилли потерял сознание. Очнулся он уже на полу, держась за ушибленное место.

— Встал!

Вильгельм с трудом поднялся.

— Курсант Большое Гнездо, тебе лучше начать всё делать дисциплинированно и на крепкую пятёрку. Иначе домой ты отправишься по частям. Ясно?!

— Так точно, господин фельдфебель.

«Дом. Если бы он у меня был...»

Восемь солдат расположились в небольших траншеях. Каждому выдали автомат. У кого-то с непривычки дуло ходило ходуном, у некоторых от волнения дрожали руки. Все прицелились в сторону мишеней и ждали команды. На каждую мишень приклеили фотографию консула Гвина, но со ста метров её почти не было видно.

— Пли! — заорал инструктор.

Все нажали на курки, и автоматы оглушительно застрекотали на всю округу. Во все стороны летели щепки и куски бумаги. Консулу попадали в лоб, глаза и скалящийся рот.

— Отставить! — приказал инструктор и начал разглядывать мишени сквозь линзы бинокля. — Первый номер, — мишень почти не задела выстрелы, и лицо Гвина осталось целым, — отвратительно! Второй номер, — результат был такой же, — отвратительно! Третий номер, — пули едва задели щёки консула, — ужасно. Четвёртый номер, — две пули угодили точно в лоб, — нормально. Пятый номер, — фотография почти уцелела, — ужасно.

Шестой номер, — пули попали точно в глаза, — неплохо. Седьмой номер, — шесть или семь пуль угодили точно в цель, — пойдёт. Восьмой номер, — инструктор осёкся. От фотографии не осталось места, куда бы не угодила пуля. Лицо консула с небывалой ненавистью полностью уничтожили. — Восьмой номер, имя!

— Алексей, господин инструктор!

— Алексей, ты кем был до учебки?

— Работал переводчиком в канцелярии.

— Нихера себе переводчики пошли. Ты раньше когда-то стрелял?

— Никак нет, — соврал Алексей и широко улыбнулся.

— А ну-ка посмотрим. Капрал, дай ему винтовку!

Алексею вручили снайперскую винтовку с оптикой. Когда-то Лёша уже видел, как она стреляет. Тогда Алиса отправила на тот свет не один десяток хартийцев. Как же искусно у Лисёнка это получалось.

Инструктор засунул в деревянное основание мишени монету номиналом пять золотых, отошёл на пол метра и принялся жевать яблоко.

— Видишь, куда надо палить? — крикнул он.

— Так точно!

— Можешь начинать!

— Господин инструктор, отойдите пожалуйста. Я боюсь вас зацепить!

— У тебя винтовка или миномёт? Стреляй давай! Бойтся он.

Алексей свёл прицел на монете. Серебряное покрытие отбивало лучи и на секунду ослепило стрелка. Сердце равномерно постукивало. Руки уверено держали винтовку. Щека упёрлась в стальное покрытие приклада. Задержав дыхание, Лёша медленно нажал на спусковой крючок.

За всё время он обменялся с Самантой всего несколькими письмами. Она смогла сдать вступительные экзамены. Американка в письме искренне благодарила Анну за полученные знания и уверяла, что без её покровительства она бы ни за что не сдала тесты. Через месяц Саманту должны отправить в варшавский госпиталь. От этой новости Лёше стало спокойнее на душе. Варшава относительно тыловой город, а значит безопасный. По крайней мере Алексей так считал.

Удар грома. Монета пропала из поля зрения прицела. Лёша попал. Инструктор, продолжая жевать яблоко, показывал большой палец, а остальные громкими овациями поздравляли с метким выстрелом.

Прошло пол года с момента зачисления Вильгельма в курсанты. За это время произошло много чего. Бесконечные подъемы под тревогу, смешанные с матерными словами приказы фельдфебеля. Зубрёжка боевого устава и теории ведения войны. Оттачивание боевых навыков на полигонах. Стрельба, грязь и запах пороха. Армия никогда не меняется.

Курсанты сдружились. Спустя какое-то время Вильгельму дали звание младшего лейтенанта и назначили заместителем фельдфебеля. Но не это радовало Вилли. Его наконец-то перестали называть «Большим Гнездом». Это было выше всяких званий и наград.

За это время он не встречался ни с Элизабет, ни с кем-то из её приближенных. Вильгельм постепенно начинал забывать смысл своего пребывания здесь. Думать об это было некогда. Муштра выбивала все лишние мысли.

Выпускной экзамен. Всем нужно было выложиться на все сто. От этого зависела их

дальнейшая судьба. Из военной академии всегда отправляли на ключевые офицерские места, но все мечтали попасть в гвардию. Зачисляли туда лишь избранных.

Ребята справились на отлично. На полигоне была комиссия из столицы и все боялись напортачить. Никто не ошибся. Ни разу. Фельдфебель был доволен. На его памяти это был лучший выпуск. Конечно, он никогда им этого не скажет.

Настроение было приподнятым. Вильгельм построил роту и ждал «шишек» из комиссии. Многие уже мысленно сверлили дырочки на медали.

«Раз уж суждено играть в солдатики, то делаем всё в лучшем виде. Молодец, Вилли. У этих мальчиков ещё нет боевого опыта, а у тебя есть. И ты этим пользуешься».

Хмурый подполковник в сопровождении свиты подошёл к Вильгельму. От офицера несло алкоголем. В ответ Вилли ласково улыбнулся. Чему его научили за эти пол года, так это улыбаться. Всегда. Даже когда хочется выть от невыносимой боли.

— Младший лейтенант, — начал подполковник, — почему когда тебе отдали приказ на построение, вы продолжали вести стрельбу?

«Идиот. Мы ещё не зачистили здание. А в реальном бою противник тоже войдёт в положение и отпустит восвояси?»

— Я не услышал приказ, господин подполковник.

— Молчать! Я тебе не давал приказа говорить!

Вилли лишь оскалился.

— Убери эту наглую ухмылку.

Вилли проигнорировал подполковника.

— Прекрати или я отдам тебя под трибунал!

— Да пошёл ты, — бросил Вильгельм. В свите прошились восторженные возгласы. Подполковник побелел, затем позеленел и едва не рухнул от неслыханной наглости.

— Младший лейтенант, — сказал с трудом опомнившийся подполковник, — я отстраняю тебя от командования ротой и придаю под стражу военного суда. За дальнейшими указаниями немедленно явись в штаб.

— Так точно, господин подполковник.

Вильгельм, чеканя каждый шаг, покинул полигон. В след ему с грустью смотрели курсанты. Они ещё не знали, что видят его в последний раз.

Просторный коридор с нескончаемой чередой дверей. Посередине красная дорожка. На стенах портреты консула Гвина и генералов. Вильгельму приходилось здесь бывать по мелким поручениям. Он знал, что его ничего хорошего не ждёт, поэтому оттягивал этот момент как мог. Холодный душ, острая бритва по щетине и форма после гладильной доски. На «гильотину» нужно идти, как на парад.

Глубоко вздохнув и постучавшись, Вильгельм вошёл в кабинет. Он только успел открыть рот и сразу замер. На него смотрело лицо из далекого-далекого прошлого.

— Здравствуй, Вильгельм. Я знал, что когда-то мы снова встретимся.

— Эрвин... — Вилли не сразу собрался с мыслями, но вовремя опомнился. — Господин маршал, младший лейтенант Миклонский прибыл согласно приказу.

— Вижу, армейская дисциплина делает своё дело. Садись, лейтенант.

— Младший, — поправил его Вильгельм.

— Уже лейтенант. Только скажи мне, зачем ты подполковника обидел?

— Так получилось.

— Бедный подполковник. Его ж теперь из запоя не вытянешь.

— Меня собираются отдать под трибунал.

— Не волнуйся. Он просто бросил с горяча. Никто тебя судить не будет. Пока что.

— Значит, я могу вернуться обратно в роту?

— Нет, — коротко ответил Эрвин. — Так случайно вышло, что освободилось место моего адъютанта. Фельдфебель рекомендовал тебя. Только после твоей выходки я не знаю, что с тобой делать.

— Я готов понести любое наказание.

— Фельдфебель тебе ещё устроит головомойку. Думаю, этого достаточно. Готовься, Вильгельм. Через три дня поступит приказ о твоём переводе в столицу. Там тебя введут в курс дела. Удачи.

Деревянные лакированные стены, места для пассажиров, покрытые искусственной кожей, приглушённый свет от единственной лампочки. Вмонтированное в стену большое окно, прикрытое красными занавесками. Где-то внизу равномерно стучали по рельсам колёса поезда, отдавая вибрацией по корпусу купе. От стука Вилли клонило в сон.

Офицерский состав прибыл рано утром. Вильгельма провожал только фельдфебель. Офицер крепко пожал Вилли руку и передал наградной пистолет. На корпусе оружия выбили надпись: «Моё сердце бьётся ради консула».

— В этом сукином сыне только семь пуль, — говорил офицер. — Потрать их на самых ненавистных тебе врагов.

— Не сомневайтесь, господин фельдфебель, — Вилли оскалился, а глаза недобро заблестели.

«Не волнуйся, фельдфебель. Каждый выстрел попадёт точно в цель».

За десять лет Вильгельм видел поезда несколько раз и то издалека. Железнодорожные пути тщательно охранялись, и подойти ближе было невозможно. Но даже так партизанам удавалось пускать составы под откос. С особой жестокостью проявляли себя некие летавицы. Лестные хищницы нападали на патрули, перебивали всех до единого и исчезали, прежде чем кто-то успевал организовать за ними погоню. Даже бывалые солдаты говорили о них с дрожью в голосе.

Вильгельм скучал, наблюдая через тонкий прорез ткани за видом из окна. Бескрайние просторы Хартии сменялись очень медленно. В купе сидел только он. Один. И одиночество становилось с каждой минутой всё мучительнее. Можно сходить в буфет и сыграть с офицерами в покер или в шахматы, но Вилли не хотел. Что ему там, лейтенанту, делать среди полковников и генералов? Даже если ты уже почти адъютант маршала.

Состав остановился на небольшой станции и буквально через две минуты снова тронулся. Дверь купе скрипнула, в нос ударил запах духов, а из щели послышался тихий и нежный голос:

— Простите, здесь двадцать третье место?

— Да, — Вильгельм махнул на свободное место и продолжал смотреть в окно.

С боку принялись раскладывать вещи. Вильгельму всё же стало интересно взглянуть на своего попутчика. Девушка как раз развернулась к нему спиной и тщетно пыталась засунуть пудовый чемодан на верхнюю полку. Форма едва не спадала на тоненьком тельце, худые ручки создавались точно не для войны. На плечах блестели погоны младшего лейтенанта.

Сжалившись, Вилли решил ей помочь запихнуть непокорный чемодан. Перехватив груз,

он без труда затолкнул его на полку.

— Спасибо, лейтенант.

Только сейчас Вильгельм взглянул на её лицо и у него перехватило дыхание. Он уже его видел. Тогда оно ещё было совсем детским, заплаканным и до смерти перепуганным. Правда, в последний миг Вилли видел в её взгляде благодарность. Сейчас перед ним стоял верный последователь дела Хартии, которому он сохранил жизнь.

— Ты Юля? — прямолинейно спросил Вильгельм.

— Да... — её глаза расширились. — Откуда вы узнали?

— Девять лет назад. Штурм поместья на холме. Ты разносила еду.

— О, боги... — девушка побледнела. Вилли вторгнулся в её самые сокровенные воспоминания.

Вопреки ожиданиям Вильгельма, она не испугалась. Офицер Хартии поступил по заветам многих полководцев и удивил Вилли. Юля его страстно поцеловала. Всего на секунду прикоснулась губами. Вильгельм рефлекторно оттолкнул её.

Они продолжали молча смотреть, пожирая друг друга взглядом и тяжело дышать.

— Ещё? — игриво спросила она, покрываясь румянцем.

— Да, — сглотнул Вильгельм. Как же он давно не чувствовал женского тепла.

Они опять сомкнули губы и обнялись. Сердца начали биться в унисон под стук колёс поезда. Вильгельм стал растёгивать её китель. Всю дорогу офицеры нарушали воинский устав и получали от этого удовольствие. Вспомнили давно забытое на бесконечных войнах счастье.

Юля рассказывала, как в последствии мечтала встретить своего спасителя. Как не нашла Вильгельма среди трупов и верила, что он жив. Как хотела отблагодарить. И теперь судьба свела их вместе. Юля твердила, что это любовь с первого взгляда.

На столичном перроне они ещё раз страстно поцеловались под пошное хмыканье старших офицеров. А затем, не оглядываясь, разошлись, забыв обменяться даже крупицей информации. Впоследствии Вильгельм будет искать её. В свободное время он перевернёт вверх дном каждое подразделение, но все усилия будут напрасны. Вилли встретит её ещё раз. В Кракове. Но теперь он её не узнает. В тот момент Вильгельм пройдёт мимо могилы неизвестного солдата.

Обязанности адъютанта не оказались для Вильгельма чем-то удивительным. Всем этим ему доводилось ещё заниматься в академии. Доставка приказов, организация заседаний, отчёты, отчёты и ещё раз отчёты.

Адъютанту маршала так же подчинялись гвардейцы. Сначала элита армии Хартии вела себя с Вильгельмом надменно. С чего это им нужно подчиняться какому-то сопляку из академии? Но, как это часто бывает, помог случай.

На одной из ночных улиц столицы несколько офицеров «Отряда сто тридцать семь» добивались внимания юной леди. Получив отказ, они, не церемонясь, прижали девушку к стенке и начали срывать одежду. Вильгельм как раз шёл мимо. Вилли бы проигнорировал, но как же она была похожа на Алису. Этого Вильгельм стерпеть не мог и зарядил прямо в морду первому попавшемуся человеку Отто. На помощь прибежали гвардейцы. Больше всего на свете Гвардия ненавидела «Отряд сто тридцать семь».

Честь дамы была спасена. Офицеры бежали. Потом Вильгельму сделают выговор, а гвардейцев отправят на гауптвахту. Но солдат это не расстроило. Они рассказывали такие

легенды о том дне, будто Вилли в одиночку сражался с десятью вооруженными ублюдками и не собирался отступать. Гвардейцы признали в нём своего человека, и Вильгельм стал пользоваться у них авторитетом.

— Эти две папки Левандовскому, — говорил Эрвин. — Эту Ковальчуку. Водитель пусть сегодня едет домой, я буду работать ночью.

«А если работает он, — вздохнул про себя Вильгельм, — значит, работаю и я».

— Всё. Свободен. Ave konsyl!

— Ave Hartia, — недовольно пробубнил Вилли и последовал на выход.

— Я не услышал, лейтенант.

«Издевается?»

Вильгельм остановился, развернулся и громко ударил каблуком сапога. Затем вытянулся, поднял правую руку и согнул в локте.

— Ave konsyl! Ave Hartia! — прорычал Вилли и скрылся за дверью.

Смеркалось. Солнце садилось на фоне рёва тысячи двигателей. Танки и бронемашины ехали по заросшему полю. Изредка стальные монстры выплёвывали струи пламени. За ними, прикрывшись дымовой завесой, шла пехота. Вдали грохотала артиллерия. В воздухе парила пара острокрылых истребителей. Соколы Левандовского. Несколько лет назад генерал воздушных сил стал одним из первых, кто смог поднять в воздух боевой самолёт. С тех пор пилоты в Хартии увеличивались в геометрической прогрессии.

Эрвин любил наблюдать за тактическими маневрами в одиночку. Сегодня он впервые нарушил правило. Покрывало, несколько нарезанных яблок, бутылка вина и бокалы. Эрвин наполнил их до половины. Затем насладился ароматом и сделал небольшой глоток, после чего довольно улыбнулся. Вина полуострова всегда были восхитительные.

— Присаживайся, лейтенант, — Эрвин указал на место рядом с собой. — Ночь будет длинной. Я знаю, что тебя мучает много вопросов. Сейчас ты можешь их задать, а я постараюсь ответить. Здесь нет чужих ушей или прослушки, так что можешь не бояться за свои слова.

Вилли сел и взял свой бокал. Маршал молча ожидал, наблюдая за нескончаемыми цепями пехоты и техники.

— Господин маршал, почему вы выбрали именно меня? Было много других ребят намного талантливее и дисциплинированнее, чем я.

— Я сохранил тебе жизнь. Дважды. Так что ты точно меня не предашь. Имей в виду, Вильгельм, если ты задумал меня кинуть — я тебя убью. Будь уверен, рука у меня не дрогнет. Слишком много стоит на кону, а проигрывать я не привык.

— Что мы будем делать, господин маршал?

— Думаю, ты заметил, что наш мир — жестокая пропасть. В этой пропасти у каждого из нас есть три пути. Самый лёгкий и приятный — приумножать страдания и боль. Многие выбирают этот путь. Многие делают из него жизненное кредо. Раздавить того, кто слабее тебя. Рано или поздно на таких находится кто-то сильнее, и их участь не завидна. Второй путь — никак в этом не участвовать. Убежать от страшной реальности в свой маленький мир. Жить счастливо, надеясь, что тебя никто не тронет. Это ошибка. Рано или поздно с реальностью придется столкнуться. Многие не могут это пережить. Третий путь самый сложный. Попытаться сдерживать жестокость и гниль, идущую от людей. Его почти никогда не выбирают. Только единицы способны поглотить окружающую тьму, стать с ней единым

целым и создать что-то светлое. Такие люди творят историю. Такие люди ведут человечество вперед.

— Это вы, маршал?

— Я? — удивился Эрвин. — Нет, ты ошибся. Я отношусь к первой категории. Ну, по крайней мере, относился. Я служил великому злу, наивно веря, что оно действует для нашего блага. Я ошибался. Понял слишком поздно, что служу я только одному человеку. Поддерживаю его иллюзорный мир.

— Тогда кто же это, маршал?

— Элизабет. Она готова пойти на самое страшное преступление, чтобы предотвратить катастрофу. У неё хватило на это духу. У меня нет.

— Готовится бунт?

— Да, мой дорогой адъютант. Мы готовим военный переворот. Медленно, осторожно, но процесс идёт. Составляем план, ставим на ключевые места своих людей. Генеральный штаб, кроме «Отряда сто тридцать семь» поддержал Элизабет. Но на средних должностях слишком много сторонников Гвина. Так что процесс идёт очень медленно. Мы должны быть уверены на сто процентов, что удар будет быстрый и смертельный. Как ты думаешь, Вильгельм, почему освободилось место адъютанта? Куда делся предыдущий? Я его отправил в Ригу на должность военного атташе в «Морзе группе». Престижное и непыльное место, а для него работа мечты. Если бы я был в нём уверен – никто никого никуда не отправлял.

— Какая катастрофа нас ждёт?

— Взгляни, — маршал указал на зарево от артиллерийского огня. — Ты думаешь, мы просто так проводим каждый месяц тактические маневры? Грядёт война. Большая, страшная, жестокая. Консул хочет покорить Европу, не понимая, что ввергнет её обратно в первобытный хаос. Я не думаю, что мы успеем предотвратить бойню, но мы можем её остановить. Мы можем дать шанс человечеству. Благодаря Элизабет я понял это. И я сделаю всё ради неё.

Эрвин замолчал. Впервые Вильгельм уловил в его глазах грусть. Они были чем-то похожи. Оба потеряли всех близких. Но маршал продолжал бороться за только ему понятные ценности. Вилли начал понимать, что уважает этого человека.

— Господин маршал.

— Да, лейтенант.

— Я помогу вам. Можете на меня рассчитывать.

— Звучит как хороший тост. За это и выпьем.

Бокалы зазвенели под грохот артиллерийского залпа.

Восьмая механизированная дивизия. Вторая бригада. Второй полк. Третий батальон. Первый номер в снайперском взводе. Сержант Алексей по прозвищу «Леший».

Дивизию отправили в оперативный резерв и расквартировали прямо в Варшаве.

После длинных барачков и пустынных полигонов город казался сказочным. Но он бы не стал таким сказочным без неё. В воздухе уже витало напряжение грядущего кошмара. Но они не обращали на это внимания. Алексей и Саманта наслаждались тем временем, что отвела им судьба и старались уловить каждую улыбку, поцелуй и порыв нежности. Будто бы их жизненная энергия была способна остановить неотвратимую катастрофу.

— Начинается, — сказал кто-то из толпы.

Голос не соврал. На площадь выехал бронированный лимузин. Из него вышел консул. Публика ахнула и принялась ликовать. Гвин махал и улыбался публике, по пути поднимаясь на белоснежную сцену с тумбой. Возле тумбы несли караул два гвардейца, а позади сидела свита. Генералы, чиновники, богатые промышленники и влиятельные общественные деятели. Конечно же, первая леди. Она ласково улыбнулась Гвину. Рядом с Эрвином сидел Вильгельм и с тихой яростью испепелял взглядом консула.

Консул стал у тумбы. Публика умолкла. На площади стало невыносимо тихо. Лишь свист ветра давал знать, что время не остановилось.

Гвин что-то говорил, но Вильгельм не слушал. Консул мог говорить хоть о важности мира во всём мире. Люди ему поверят. Поверят всему, даже самой наглой лжи. Ведь он дал им право на спокойную жизнь. Никого не волновало, что до этого Гвин отбирал жизни сотнями.

Вилли так и хотелось сорваться со стула, подбежать к консулу и выстрелить. Пару пуль он успеет выпустить, а остальное уже не столь важно. Вильгельм смог взять себя в руки. Сейчас смерть Гвина сделает только хуже. Пока ещё рано.

Пока.

Консул умолк. Заиграл оркестр. Начинался военный парад в честь десятилетия с основания Хартии.

Изабелла крепко спала после насыщенного дня. Элизабет нежно погладила дочь по белым волосам и легонько поцеловала. Девочка что-то промурчала во сне и перевернулась на другой бок. Лиза ещё несколько минут смотрела на девочку, а затем вышла на террасу. Всю её площадь заставили экзотическими растениями. Среди них терпеливо ждал маршал.

— Какие новости, Эрвин?

— У меня аллергия на эвкалипт, поэтому буду краток. Гвин утвердил окончательную дату начала операции «Крестовый поход». Первое апреля, две тысячи тридцать второй год. То есть через два месяца. Подготовка переворота будет продолжаться ещё как минимум пол года. Так что придётся повоевать. Мне жаль, первая леди.

— Погибнут миллионы, — глухо прошептала Элизабет и отвела взгляд.

Эрвин прекрасно её понимал. Маршалу самому было паршиво от этих известий. Эрвин слегка прикоснулся к её плечам, от чего Лиза вздрогнула. Маршал прошептал:

— Значит, сделаем всё, чтобы остальные могли жить.

Эрвин с минуту молча смотрел на Элизабет и только потом убрал руки, затем развернулся и принялся уходить. Вскоре его окликнули:

— Эрвин.

— Да, первая леди?

— В другой жизни из нас бы вышла хорошая пара.

— Не думаю. Моей супругой стала война, а это очень ревнивая барышня.

— Своими поступками вы делаете всё, чтобы её больше никогда не было.

— Я слишком хорошо знаю эту пассию, чтобы оставлять её в живых.

Хартия развернула на границе с Конфедерацией свыше миллиона человек. Конфедерация смогла собрать триста тысяч. В Берлине предполагали, что главный удар будет нанесён через поля, между северными болотами и горами Карпат. Поэтому основные силы принялись окапываться на этом направлении.

Хартии было известно, где ждут её танковые клинья. Маршал Эрвин принял дерзкое решение: нанести основной удар через болота, где их не ждут, а затем зайти основной группировке противника во фланг.

Несколько месяцев военнопленные и заключённые изнурительным трудом прокладывали линии снабжения, превращая непроходимые дебри в скоростные трассы. Многие из них утонут в болотной трясине.

Эрвин наблюдал за последними приготовлениями к наступлению.

Маршалу стало паршиво. Хотелось выть и рыдать, напиться до потери пульса, а затем пустить себе пулю, но только не отправлять людей в бой. Столько будет смертей, а зачем?

Сзади послышались шаги.

— Я хочу побыть один, лейтенант, — сказал Эрвин не оборачиваясь.

— Но солдаты хотят видеть вас, господин маршал.

Эрвин глубоко вздохнул.

— Мы вид с тысячелетней историей. Нас осталось немного. А сколько ещё завтра погибнет по моему приказу?

— Если вы сомневаетесь в нас...

— Не в вас, — перебил его Эрвин, — а в своих мотивах. А мои сомнения передадутся и вам.

— Что может быть благороднее, чем спасение человечества от хаоса?

— Мы стремимся к утраченному много лет назад миру. Но наше ли это будущее?

— Тот утраченный мир — наше наследие.

— И его кровавое прошлое тоже. Никто же в здравом уме не хочет вернуть реки крови, что пролились за эти века. Но мы сделали всё, чтобы это повторилось. Сколько завтра погибнет людей?! Всё потому, что мы цепляемся за прошлое!

— Мы совершили ошибки. И тем не менее мы ещё можем их исправить. Вы и первая леди. Жизнь наших солдат это плата за будущее человечества.

Эрвин резко развернулся.

— Тебе легко говорить! Не ты пошлешь их на гибель!

— Я буду их вести на гибель! Гвардейцы всегда выполняли самые сложные и опасные задания. Так почему сейчас должны быть исключения?

— Лейтенант, — вздохнул Эрвин, — это всё слишком опасно. Зачем?

— Ради вас, маршал. Такие, как вы, смогут что-то изменить. Вы дали мне надежду.

— Будущий мир для всех людей. Он по праву достоин для таких, как ты, Вильгельм.

— Возвращайтесь, маршал. Сейчас вы очень нужны всем нам.

Вильгельм начал уходить.

— Лейтенант, — окликнул его Эрвин.

— Ave konsyl! — Вильгельм вскинул руку.

— Ave Hartia...

В огневой точке скучали два наблюдателя. Один отмахивался от комаров, а другой читал книгу. Каждому на плечо пришили тёмно-зеленый шеврон — знак различия Конфедерации. Позади шумела радиоволнами рация.

— Пойду заварю кофе, — сказал солдат и закрыл книгу.

— Витя, иди к дьяволу. Твоё кофе дерьмо.

— Конечно оно дерьмо. Кофейные зерна хрен достанешь. Но оно отлично бодрит.

— А потом из-за него из кустов не вы... — наблюдатель не успел договорить. Ему в горло попало лезвие ножа. Солдат начал задыхаться, отчаянно борясь за жизнь и протягивая руку своему боевому товарищу. В глазах ещё теплилась жизнь, но уже начинала затихать.

— Твою мать, — Виктор ломанулся к рации. — Центр! Центр! Код двести три! Код двести! На пост совершенно нападе... — его спину настигали пулями, и солдат завалился на рацию.

— Чёрт, — сплюнул Вильгельм. — Всё-таки успел сообщить.

Вилли вытянул из ещё тёплого трупа нож и вытер от крови. Первая кровь пролита. И вскоре маленький ручеек превратится в огромный поток, который будет не способна остановить ни одна в мире сила.

Через реку переправлялись БТР-амфибии и выгружали штурмовые отряды. Наводились переправы. Гвардейцы занимали позиции на берегу и готовились продвигаться дальше.

На запад.

До самого Ла-Манша.

Бесконечные колонны пехоты и техники пересекали переправы и продолжали двигаться на запад за уходящим солнцем, будто пытались его догнать. Артиллерия отрабатывала по заданным координатам. Вскоре она замолчит, так как немногочисленные очаги сопротивления будут подавлены. В воздухе прикрывали две пары истребителей. Они несколько раз со свистом пролетели над маршалом. Эрвин стоял на холме и наблюдал за колоннами. Мимо него шёл пехотный батальон из ста человек. Увидев маршала, молодые солдаты боевым кличем поприветствовали Эрвина. Кнут в ответ вскинул руку.

«Десять-пятнадцать человек выпадут из-за болезней, — думал Эрвин. — Когда наступит зима, где-то десять умрут от обморожения. Если обстановка на фронте будет неблагоприятной, ещё десять солдат станут дезертирами. Некоторые сдадутся в плен. И ещё сорок погибнут или получают ранения в бою. В итоге, в самом лучшем случае, через пол года в этом батальоне в строю останется двадцать процентов личного состава. Хорошо, маршал, бережешь солдат! Нужно заканчивать эту бойню, пока не стало слишком поздно».

Комментарий автора

Чуть слышно скрипят ржавые цепи потрёпанной временем качели. Вся округа заросла зеленью, а в воздухе летают белоснежные пушинки тополиного пуха. Они всё хотят залететь тебе в нос, но ты не отмахиваешься. Ты радуешься, что он цветёт. Ты радуешься поющей птице, голубям, клюющим чипсовые крошки, щедро отданными тобой. Голубей, звонко лая, сгоняет маленькая декоративная собака и ты невольно улыбаешься. На секунду забывая, что в пару десятков километров от тебя идёт кровавая бойня.

Здесь спокойно.

Через несколько минут вой воздушной тревоги вернёт тебя в реальность и заставит вспомнить, что ты не герой чей-то драмы. Твоя история реальна. Мир окончательно слетел с катушек по-настоящему, а жизненные трагедии вокруг тебя и оборвавшиеся судьбы не плод фантазий воспалённого мозга. Почему-то ты перестал на всё как-то реагировать. Должно быть, сошёл с ума, просто тщательно прячешь от всех своё сумасшествие.

Дорогой читатель, ты окончил вторую часть трилогии. Получилась она хуже или лучше, решать лишь тебе. Лично для меня, в моральном плане, это были самые тяжёлые строки. Я не знаю, что будет с нами дальше, но знаю одно: скучно точно не будет. Но всё кончается. И, возможно, через много-много лет, читая мои мысли, вы с грустной улыбкой вспомните те времена.

Войны никогда не меняются. Неважно, в реальности они или в выдуманной истории. Но какие бы благородные цели не ставил тот, кто их начинает, они всегда преследуют алчные цели. А мы будем дальше творить. И бороться за лучший мир.

Бонусная глава. Золотоволосая звезда

Острая боль по всему телу ушла, шелковистые волосы трепыхает сильный ветер, а руку холодит чужая ладонь. Ты паришь вверх, к самим звёздам. Туда тебя тянет невиданная сила твоего спутника. Все невзгоды, страдания и лишения остались там, внизу, и стали такими незначительными. Мысли теперь занимают лишь интерес к чему-то новому и неизвестному. Тебя отпускают, и ты продолжаешь парить. Постепенно твоё тело превращается в яркий пучок света. Ты летишь долго, получая наслаждение и счастье от бьющей в тебе энергии свободы. Не в силах остановиться, ты продолжаешь лететь. Туда, в самые тёмные уголки космоса, чтобы озарить их своим ярким светом. Со временем силы иссякают. Остановившись, ты начинаешь освящать всю округу, куда только падает взгляд. Ты становишься молодой звездой на небосводе. Одной маленькой деталью на огромной картине вселенной. Здесь хорошо. Отличное место, чтобы начать новую жизнь.

Звонок старого механического будильника. Эльзу больше всего на свете выводил из себя именно этот звук. Девушка с удовольствием просыпалась бы под мелодичную музыку льющуюся из телефона, но ей такая роскошь не полагалась.

Действие первое: меткий рефлекторный удар по будильнику. Звон наконец-то утих, позволяя собраться с мыслями. Действие второе: резко вскакиваем с кровати. Стройное атлетическое тело, подверженное годами тренировок. На Эльзе только бельё. После её попытки вскрыть вены, одежду с длинными рукавами носить запрещалось. Действие третье: двумя движениями заправляем постель. Сколько раз приходилось вырабатывать в себе эти движения. Если находилась хоть одна складочка, непременно следовало наказание. Оно бывало разным: от дополнительной физической нагрузки, до избиения. Действие четвёртое: руки и ноги по швам, выпячиваем грудь, выгибаем спину и ждём. Часы показывали шесть часов тридцать две секунды. Сегодня Эльза стратила. Обычно она управлялась за секунд пятнадцать.

В шесть часов одну минуту должен зайти отец в армейской форме с генеральскими погонами. С презрением взглянув на Эльзу, отдающую воинское приветствие, он молча проверит качество заправленной кровати, а затем зажжёт спичку. Пока она горела в мозолистых пальцах, девушке давалось время одеться в спортивную форму. Затем утренняя пробежка. В далёком детстве Эльза едва могла пробежать несколько сот метров. Сейчас же спокойно преодолевала километров семь, да так, что старик едва поспевал за ней. Затем безвкусно приготовленный завтрак и ненавистная школа с военным уклоном. День за днём, день за днём...

Но не сегодня. В этот раз Эльза впервые будет вольна делать всё что угодно. Минутная стрелка пересекла одно деление, но дверь не открывалась. Эльзу это очень удивило. На её памяти никогда такого не было. Старый ублюдок всегда чтит дисциплину и жестоко наказывал за любые ошибки. Но сегодня он впервые нарушил её сам. Блондинка ещё не подозревала, что больше генерал уже никогда ничему не сможет следовать и заставлять подчиняться других.

Эльза стояла пять минут. Десять. На пятнадцатой начали затекать ноги и она решилась на страшное преступление: сделать самостоятельно и без разрешения шаг, и открыть дверь. Сердце начало колотиться, что потом за самовольство её ждёт щедрая порка солдатским

ремнём. Эльзу били до тех пор, пока она не начинала стонать и плакать. Особенно было больно, когда по спине попадала стальная пряжка. После этого девушка, с синяками и красными полосами на спине, едва могла доползти до кровати. Иногда, если отец крепко выпьет, он мог просто хорошенько вмазать Эльзе по лицу или в живот. Потому что своей внешностью напоминала маму блондинки и пробуждала забытые чувства. Затем, чтобы скрыть следы побоев, Эльзу окунали в ледяную ванну и держали до тех пор, пока она едва не теряла сознание от переохлаждения.

Дверь открылась, и скрип петель разнёсся эхом по коридору. Эльза прислушалась, но ничего не услышала. Было очень тихо. Настолько, что слышалось как течёт по ушам кровь.

— Господин генерал, — несмело позвала отца Эльза. Никто не откликнулся. — Генерал...

«Чёрт, неужели скопытился? Решил осчастливить дочурку под совершеннолетие?»

Эльза на цыпочках прокралась к комнате отца, служившим ему и кабинетом и спальней. Девушке категорически запрещалось сюда заходить, так что она могла лишь представлять интерьер столь загадочного места. Правда, он её не смог чем-то удивить. Всё оказалось поспартански скромно. Дешёвые обои, одноместная кровать, рабочий стол с компьютером, заставленный фотографиями. Все со службы и ни одной с семьёй. Но отца Эльза так и не нашла. Она перевернула всю квартиру, но ни его, ни каких-либо следов обнаружить не смогла.

«Неужели решил бросить? Ага, сейчас, дождёшься. Тогда в чём дело? Таких сюрпризов мне ещё не делали. Никогда».

Эльза включила компьютер и интуитивно попала в соцсети. Тот поток информации, что вылился на неё, мог напугать многих. Но не Эльзу. Девушка неожиданно поняла, что тот день, о котором она тайно мечтала каждый раз ложась спать, настал. Она свободна и вольна делать всё что угодно.

Эльза вышла на балкон, вытянула из найденной в офицерском мундире пачки сигарету и закурила. Курить её научили ещё год назад в школе. Бьющими жизнью глазами она наблюдала за утренним городом. Улицы пустовали, в нескольких местах что-то горело и всё молчало. Тишину разбавляла лишь тлевшая сигарета и свистящий ветер.

Эльза составляла план дальнейших действий. В городе находиться опасно, но уходить отсюда в одиночку — вверх эгоизма. Нужно собрать отряд. Вот только кого? У Эльзы почти не было друзей. Только школьный товарищ Серёга. С него девушка и решила начать, а уж этот пройдоха соберёт всех, кто уцелел.

— Сергей, это Эльза, — сказала блондинка в телефонную трубку.

— Слава Богу, живая! — послышался взволнованный голос на проводе. — Ты видела, что за трюндец творится?!

— Заметила, — ухмыльнулась девушка.

— Что будем делать? У меня совсем башка не варит.

— Значит слушай внимательно, — начала чеканить слова Эльза. — Обзванивай всех друзей, знакомых, приятелей, родственников и сынков маминых подруг, живущих здесь. Пусть собираются у воинской части. Все знают, где она. Сориентируются, не в мегаполисе живём. Все детали обсудим на месте. Понял или повторить?

— Собираешься сваливать из этой дыры?

— А как же, — захохотала Эльза. — Всегда об этом мечтала. Значит давай работай. Даю всем три часа и ни минуты больше.

— Понял. До встречи.

Эльза положила трубку и выдохнула. За долгое время это был её первый телефонный разговор. После её взгляд задержался на картине трёх медведей.

«Конечно, как я могла забыть».

За картиной оборудовали тайник с пистолетом. Однажды Эльза уже добралась до него, но выстрелить в отца девушке духу так и не хватило. Но теперь нет ни генерала, ни прошлых проблем, ни обязанностей. Осталась лишь свобода и идущая за ней ответственность.

Эльза без особых проблем добралась до КПП военной части первой и принялась ждать. Сколько Сергей мог привести с собой человек? В лучшем случае десять-пятнадцать. Из них половина ещё на что-то стодиться, а остальных придётся защищать. По крайней мере Эльза так думала. Каково же было её удивление, когда Серёга вышел из-за угла во главе длинной колонны. Друзья, братья и сёстры, держащиеся за руки, почти взрослые и совсем ещё дети. Они всё шли и шли. У кого-то на лице был подлинный страх, кто-то пытался шутить и подбодрить остальных, несколько девчонок плакали, размазывая тушь. Сергей поравнялся с Эльзой и скалился всеми тридцатью двумя зубами, явно довольный выполненной задачей.

— Ты откуда такую орду призвал? — опешила Эльза, глядя на прибывающих детей.

— Клянусь, что обзвонил только человек двадцать, — оправдывался Сергей. — А те уже позвали своих друзей, а те своих. Что будем делать, дорогуша? Денёк явно выдался хреновый.

— Я помню времена и похуже. Давай хотя бы их построим, а потом уже распределим обязанности.

В группе оказалось почти сто человек и Эльза построила их в три ряда. В первом ряду стояла малышня. Они всё время задавали наивные и, в то же время, такие больные сердцу вопросы: «А мама скоро вернётся? Куда ушла сестрёнка? Папа обещал сегодня сводить меня в кино, почему он соврал?» Во второй ряд построили всех подростков. Эльза не сильно рассчитывала на них, но по крайней мере хлопот они не доставят. Из третьего ряда выглядывали юноши и девушки Эльзино возраста. Их было немного, но блондинка делала основную ставку на их помощь.

— Поднимите руки те, — громко заговорила Эльза, — кто хочет жить!

Стоявшие переглянулись и постепенно все начали поднимать руки. Последними подняли самые младшие, беря пример со старших.

— Отлично, — улыбнулась блондинка. — Значит, нам по пути. Я не могу вам объяснить, что сейчас происходит. Я не знаю, что нас будет ждать дальше. Но, чтобы это узнать, нам нужно выжить. Если хотите выбраться из этой передраги целыми и невредимыми, беспрекословно выполняйте мои указания и...

— Почему мы должны тебе верить? — послышался голос из толпы, перебивший Эльзу.

— Хороший вопрос. Кто из вас знает, как как грамотно зайти во фланг противнику? — никто не ответил. — Кто знает, как правильно расставить часовых на ночном привале? — аналогичный результат. — В конце-концов, кто знает, как развести костёр без спичек? — аналогично. Все молчаливо глядели на Эльзу. — То-то же. Раз уж необходимыми знаниями здесь обладаю только я, то можно мне здесь, пожалуйста, немного покомандовать? А потом, так уж и быть, демократическим большинством выберите себе лидера. Если до того момента ещё кто-то останется, — повисла неловкая пауза. — Средний ряд. Следите за мелкими и помогайте по мере сил старшим. Только, умоляю, не делайте медвежью услугу. Дальний ряд.

Погрузка, транспорт, оружие — всё на вас. Те, кто умеет стрелять, показывайте, как это делать остальным. Только не отстрелите себе что-то, ради Бога. Ближний ряд, — лицо Эльзы приняло добродушный и ласковый вид. — Будьте послушными детками. Пока ваши мамы куда-то делись, я постараюсь вам её заменить. Только не шалите, а то узнаете какая тётя Эльза страшная во гневе, — несколько карапузов засмеялись.

Блондинка подошла к шлагбауму с выцветшей от солнца краской и ловким движением руки подняла его.

— Прошу вас, дамы и господа, — Эльза театрально махнула рукой на плац. — У нас очень много дел.

Процесс пошёл. Из военных складов выносили оружие, боеприпасы еду и форму. К сожалению, Эльза рассчитывала на большее количество, но жаловаться не приходилось. Организовав импровизированное стрельбище, блондинка принялась обучать новосформированный отряд владеть оружием. Пусть косо и неумело, но ребята старались. Многим шум выстрелов ненадолго помог отвлечься от тяжёлых мыслей. Что беспокоило Эльзу, так это отсутствие на базе транспорта. Без него быстро покинуть город не представлялось возможным.

Так время незаметно приблизилось к обеду. Приняли решение отдохнуть и перекусить. Усевшись большим кругом в тени двухэтажного здания, каждый отдал должное его порции сухпайка. За едой ребята потихоньку начали знакомиться, рассказывать свои истории и становиться открытые к друг другу. Пусть всем и было страшно, но каждый понимал, что поддавшись панике он подставит остальных.

Покончив с едой, Эльза посвятила остальных в дальнейший план действий:

— Нужно организовать восемь групп по три-четыре человека. Каждой группе нужно найти рабочий автомобиль и пригнать сюда. Все остальные остаются здесь и охраняют детей. Сохраняйте предельную осторожность. В городе уже беспокойно и нарваться на неприятности проще простого. Старайтесь вообще не вступать в перестрелку. Все нужны мне живыми! В конце-концов, что я скажу вашим родителям? — Эльза горько усмехнулась. — Задача всем ясна?

— Так точно, Эльза, — ответил Сергей.

— Тогда за дело.

Группа принялась обсуждать, где можно раздобыть транспорт. Во время процесса Эльза не заметила, как Сергей взял с собой несколько человек и скрылся из виду. Закончив планирование, началось формирование отрядов. Все в основном формировали кучки из друзей и знакомых. Оставалось два парня. У одного росли пышные чёрные усы. Из присутствующих они не знали никого и терпеливо ждали своей очереди.

— Вы, — указала на них Эльза, — пойдёте со мной.

Парни не посмели ослушаться командирского тона Эльзы, проверили оружие и присоединились к девушке. Через пять минут троица быстрым шагом покидала воинскую часть.

— Усач.

— Да, Эльза? — оглядываясь по сторонам, спросил тот.

— Ты говорил, что в городе проезжала колонна военных.

— Агась. Если поторопимся, то успеем себе что-то урвать.

— Значит, будешь проводником. И постарайся провести по самому короткому пути.

— Обычно самый короткий путь превращается в самый длинный. Но, надеюсь, это не

наш случай.

«Пополнить запасы горючего, провести техосмотр техники и выдвигаться в место дислокации пятнадцатой бригады», — так говорилось в приказе, адресованного командиру колонны. Правда приказ сейчас догорал в кабине машины.

Головной грузовой автомобиль на полной скорости влетел в кирпичную стену. Из капота бил густой дым, стекла поплавились от высоких температур, воздух пропитался запахом копоти и гари, отчего у Эльзы начали слезиться глаза. Остальные же машины либо превратились в груды металлолома, либо их уже угнали оперативно настроенные законопослушные граждане. Но всё же Эльзе сопутствовала удача. Во хвосте колонны они нашли более менее уцелевший транспорт. Он врезался в переднюю машину, но оставался на ходу.

— Эльза, — крикнули ей из кузова, — тут какие-то чёрные мешки. Что с ними делать?

— Нахрена они нам нужны?! Выбрасывай их к чёртовой матери.

Мешки один за другим падали на потрескавшейся асфальт. Сквозь методичные хлопки Эльза слышала тихий скрип обуви. Развернувшись, девушка увидела как к ней подкрадываются. Поняв, что его заметили, паренёк поднял руку в примирительном жесте и слегка улыбнулся. Но Эльза не успела понять смысл жеста. Девушка сделала, как учили: правая рука на рукоять, резкое движение вверх, два выстрела в грудь. Паренёк ойкнул, его рука дёрнулась. Взглянув на отверстия в своей куртке, из которых начинала вытекать кровь, он с долей непонимания и грусти взглянул на Эльзу. Его взгляд начал потухать и паренёк свалился к ногам своего убийцы. Девушка, тяжело дыша, продолжала держать пистолет.

Первая кровь пролита.

Обратного пути нет.

Эльза смотрела на убитого и хотела что-то почувствовать. Хоть каплю жалости. Но ей такой роскоши, как сочувствие, не полагалось.

— Что случилось?! — спросил прибежавший усач.

— Уже ничего, — грустно прошептала Эльза, засовывая пистолет в кобуру. — Заводи машину, пока сюда весь город не сбежался.

Двигатель чихал и кряхтел, но не хотел работать. И всё же с пятого раза и нескольких крепких слов он поддался. Задняя передача. Руль вправо. Первая передача. Вторая. Вперёд и налево.

Покорёженный бампер с тёмным номером стучал по камуфляжной обшивке, из треснувших фар торчали лампочки, а по стеклу шла тонкая от удара паутинка. Ехали медленно, объезжая многочисленные препятствия и без лишней болтовни.

Эльза молча глядела в окно, наблюдая за улицами города. Он начинал медленно умирать, ещё сам того не подозревая.

— Всё в порядке? — спросил её водитель.

— Не может в такой ситуации быть всё в порядке. Я думала, что он замахивался, чтобы меня ударить. А когда поняла, что ничего со мной не собирались делать, стало уже поздно. Убила человека на ровном месте.

— Главное, что ты пытаешься нам помочь. И мы это ценим.

— Просто вместе больше шансов выжить. Вот и весь секрет.

На КПП все уже ждали Эльзу. Среди легковых автомобилей красовался длинный школьный автобус. Его пригнал отряд Сергея. Почти всех усадили в его салон. Но во время переключки обнаружили, что куда-то пропал один мальчик. Эльза чертыхнулась, но дала

команду искать мальчика. Поиски вели в помещениях части, в закоулках ближайших дворов, в недрах кустов и под машинами. Но казалось, что всё бестолку.

Сергей с интересом разглядывал грузовой автомобиль. Хоть ему и требовался серьезный ремонт, но даже так его размеры внушали трепет. Обойдя его со всех сторон, Серёга заглянул внутрь кузова и оторопел. Там сидел пропавший мальчик и копался в ящике. Оттуда, на глазах Сергея, он достал гранату, крепко сжал её и выдернул чеку.

— Стой! — отчаянно крикнул парень.

Мальчик дёрнулся, но гранату не разжал.

— Пожалуйста, не разжимай руку, — стараясь не выдавать волнения, спокойно сказал Сергей.

— А что будет, если я разожму? — добродушно спросил мальчик.

— Будет взрыв. Тебе будет больно и мне. Возможно мы умрём, — говоря это, Сергей медленно приближался к мальчику.

— Так а зачем нам жить? Без родителей?

— Чтобы доказать, что мы способны справиться и без них, — выпалил Сергей и накрыл ладонями руку мальчика. Серёга чувствовал как бешено бьются их сердца. Холоднокровно глядя ему в глаза, он стал постепенно разгибать по одному тоненькому пальцу. Сергей рассмотрел гранату. В неё можно было обратно засунуть чеку. Вот только где она? Ответ нашёлся почти сразу. Мальчик протянул Сергею тоненькое колечко.

— Спасибо, — сконфуженно ответил Сергей, забрал чеку и, стараясь не дышать, засунул её обратно в гранату. Тихий щелчок.

— Можешь разжимать, — выдохнул Сергей и рухнул на основание кузова. Затем он взглянул на мальчика. Тот начинал плакать. — Ты чего?

— Вы волнуетесь за меня. Что-то делаете. А я... Я... — он окончательно разрыдался.

— Ну хорош. Эльза тебе ещё устроит.

Найдя пропажу и выслушав всё, что об этом думает блондинка, все начали выполнять следующую часть плана.

Две машины Эльза отправила добыть как можно больше бензина. Остальные же она повела за собой. Грузовая машина ехала по пустынным улицам во главе колонны. За рулём сидел Сергей. Эльза, сидя за размашистым атласом, направляла его движение.

Машины загружали всем необходимым: еда, вода, средства гигиены, расходный материал и прочие. Все организовано обчищали под чистую гипермаркет. Эльза почти не вмешивалась в процесс и, чуть улыбаясь, наблюдала. Все знали друг друга всего несколько часов, но уже взаимодействовали как единое целое. С такой силой можно достигнуть много.

— Чего лыбешься, дорогуша? — спросил Сергей, грузя ящик консерв.

— Рада, что уже не зря прожила жизнь.

— Это я и так знал.

— Я выполнила своё дело. И если меня в следующую секунду убьют, то вы не пропадёте. Уже не пропадёте.

— Ты это бросай такое говорить. И так люди мрут, как мухи.

— Главное, что мы живы. Остальные меня сейчас не очень интересуют.

Подъехали машины, отправленные добывать бензин. Не без приключений, но свою задачу они выполнили. Забив под завязку кузова машин, все решили убираться из города. Куда угодно, но лишь бы подальше отсюда.

Сергей крутил руль и внимательно вглядывался в дорогу. Эльза же внимательно изучала

карту, выбирая место для их будущего пристанища.

— Знаешь, что я последнее сказал маме? — сказал вдруг Сергей.

— Иди в задницу? — не отрываясь от карты, ответила блондинка.

— Неужели я такой предсказуемый, — ухмыльнулся он.

— Вы, мужики, все очень похожи.

— Я бы очень сейчас хотел извиниться. Сказать, какой я дурак, как её люблю, ценю и что без неё мне очень тяжело. Но уже поздно.

— Ты уже извинился.

— Это не то, — фыркнул Сергей.

— Твою дивизию! — неожиданно простонала Эльза и схватилась за голову.

— Что такое? — удивился Сергей.

— Сонька! — бросила девушка и протянула Сергею смартфон. — Я не знаю, как им пользоваться. Найди там, как ей позвонить!

Сергей остановил машину и начала рыться в списке контактов. Найдя лаконичное название абонента «Петрович», Эльза воскликнула: «Этот!», выхватила трубку и позвонила.

Заезжая во внутренний двор, Эльза увидела одиноко стоящую девочку, крепко сжимающую плюшевого мишку. Маленький комочек страха, выброшенный в бушующий океан безумия. Едва машина остановилась, Эльза пулей вылетела из кабины, подбежала и сильно-сильно обняла ребёнка. Стало неважно что сейчас происходит и что будет дальше. Стало неважно что будет с тобой. Оставалось только эта девочка и желание её успокоить. Дать ей возможность снова улыбнуться.

Дать ей право на жизнь.

Бонусная глава. Белый свет надежды

«Арестант номер двадцать восемь шестьсот пятьдесят два.

Возраст: шестнадцать лет.

Родители: неизвестны.

Впервые был привлечен к уголовной ответственности в двенадцать лет за мелкую кражу. Суд, в силу возраста, отправил подсудимого на перевоспитание в общеобразовательную школу специальной реабилитации номер одиннадцать. Через четыре года правоохранительные органы задержали арестанта с двумя сообщниками за подозрение в хранении и продаже наркотических веществ несовершеннолетним лицам. В ходе задержания правоохранительными органами обнаружено несколько килограммов сильно действующих веществ. Решением суда решено отправить подсудимого в место лишения свободы на срок до трёх лет, без права амнистии и обжалования.

Подпись: (неразборчиво).

Сколько же он ехал? Может всего несколько часов, а может и целую вечность. Не разобрать. Из маленького окошка с решёткой и бронированным стеклом не проникало ни капли света. Власть времени не распространялась на тесную кабину автозака. Машина подпрыгивала на каждой кочке, из-за чего заключённый больно ударялся об стенки и крайне неудобное сиденье. Место «пассажира поневоле» сделали настолько маленьким, что в него едва можно было поместиться, не говоря уже о том, чтобы лечь и скоротать бесконечно длинную поездку во сне. Оставалось смотреть в окружающую тьму, периодически разминая затёкшие закованными стальными наручниками руки и стараться не сойти с ума от дальнейших перспектив.

Кабину опять дёрнуло, после чего шум двигателя затих. На несколько мгновений всё замерло. Затем заскрипели двери и в кабину ворвался яркий свет прожектора, ослепивший узника.

— Встать! — послышалось рывканье снаружи.

Собравшись с мыслями, заключённый подчинился.

— На выход!

Арестант выпрыгнул и увидел перед собой огромную сторожевую вышку. На ней висел прожектор, продолжая слепить подсудимого. Что-то рассмотреть узнику не дали, грубо двинув в спину.

— Пошёл, — зарычал надзиратель. — И без глупостей. А то мигом отправим к головорезам, как твоего дружка!

Его вели вдоль высокой бетонной стены. Заключённых могли высаживать прямо перед входом, но начальник тюрьмы настоял, чтобы каждого перед тем как посадить за решётку, провели по защитному периоду. Для того, чтобы все понимали, что бегство бессмысленно.

Основание стены уходило глубоко под землю, во избежание подкопов. Вверху, от порывов ветра, шелестела колючая проволока. К ней подключили ток. По периметру ходили патрули со сторожевыми собаками. Прожектора от вышек не оставляли ни одного тёмного места. За первой линией стояла вторая с ещё более высокой стеной, большим количеством вышек и охраны. Будто не заключённых охраняли от внешнего мира, а мир от заключённых.

«Если здесь такая охрана, то что же тогда в Белом Дельфине?»

Он мог лишь гадать. Но по пути заключённый заметил одну любопытную деталь. Охрана была одета в военную форму.

«Военная полиция, — промелькнула мысль. — Точняк. Простую охрану заменили на них после массового побега под Киевусом».

За второй стеной выросло серое квадратное здание. Все окна зарешечены, в стенах ни одной щели, выдолба или выступа. словно неприступный бастион, он держал в своих недрах разномастных нарушителей правопорядка. Над входом, словно в насмешку, выдолбили надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

«Дом, милый дом», — с горькой улыбкой подумал заключённый и зашёл внутрь.

— Вы чего так долго? — спросил конвоирующего мужик с несколькими жирными подбородками. От него несло кислым запахом перегара. Узник заметил на его погонах несколько звёзд. — Мы того уже успели оформить и определить, а вы всё с этим возились.

— Да заглохли по пути, — оправдывался конвоир. — Ничо ж страшного не стряслось?

— Стряслось, — задумчиво протянул тот. — В основном блоке не осталось свободных камер. Так что отправляем этого к политическим. А там чтонибудь придумаем.

— Не повезло тебе, седой, — хмыкнул конвоир. — Ты и так выделяешься, а теперь братва тем более зачмырит.

Узник его не слушал, молча рассматривая тёмную ткань тюремной робы.

— Молчи, молчи. Если будет нужно, начальник тебя быстро разговорит.

Конвоир резко толкнул заключённого и приказал двигаться дальше.

В тёмным сырых коридорах почти не горел свет. Стены покрывались слоем плесени, петли огромных стальных дверей ржавели, а воздуха не хватало, чтобы дышать полной грудью.

— Стоять! — рявкнул конвоир. — Лицом к стене!

Охранник достал звенящую связку ключей и принялся открывать многочисленные замки. С громким скрежетом двери открылись.

— Заходим, быстро!

Узник неспешно зашёл в камеру.

— Приятного времяпровождения! — послышалось сзади и дверь с грохотом захлопнулась.

С потолка медленно капала вода. В углу стоял ржавый умывальник. По бокам две сетчатые койки со штопаными матрасами. Между ними небольшая полка с книгами и стол. На столе горела настольная лампа. Её свет освещал мужчину начинавшего входить в преклонный возраст. На его тёмных короткостриженных волосах появлялись белые пятна, щёки облепила недельная щетина, а в глазах жила то ли усталость, то ли разочарование. Увидев нового соседа, заключённый широко улыбнулся и отложил книгу.

— Ну наконец-то, — потёр руки тот. — А я уж думал совсем с ума сойду от одиночества. Как тебя зовут, парень?

— Отвянь, — отрезал тот.

Затем, не обращая внимания на удивлённый взгляд соседа, он последовал на свободную койку, уткнулся лицом в матрас и начал мечтать заснуть и забыть пережитый кошмар.

Спецназ выбил дверь с присущей быстротой и рвением. Его и Козыря задержали сразу, но у Пули хватило дерзости убежать и отстреливаться. В конце-концов повязали и его. Затем долгий и серый месяц допросов, экспертиз и судебных разбирательств. После чего приговор судьбы в мантии: три года строго режима. На воле, скорей всего, только о них и шли

разговоры. Ещё бы. Кто же ещё в здравом уме согласится торговать наркотиками практически у всех на виду?

— Не хочешь говорить? — послышалось с соседней койки. — Понимаю. У каждого хреновое настроение, когда он сюда попадает. Но ничего. Привыкнешь. Все привыкают, — на этих словах узник провалился в сон.

Завтрак. Со вчерашнего дня у заключённого не было ни крошки во рту, по этому он с нетерпением ждал столь обыденного для всех мероприятия.

Длинная очередь из однородных чёрных роб. Многие заключённые были лысые как колено. Пирсинг, татуировки, золотые зубы — всё как подобает обитателям тюрьмы. У нескольких на веках выбили надпись «Не буди». Чтобы её вытатуировать, приходилось вставлять под веки металлическую ложку, иначе рисковали пробить глаз.

На нового узника косились и тихо посмеивались. Он был не первым, кто в столь юном возрасте угодил за решётку. Участь каждого была не завидной. Если даже удавалось адаптироваться к местным волчьим правилам и законам, то из застенков выходили совсем другим человеком и мечтали только об одном: вернуться обратно. Туда, где всё просто и понятно.

Получив поднос с дурно пахнущей липкой субстанцией, отдалено напоминавшей кашу, узник искал свободное место. Он искал глазами своего друга — Козыря. Его привезли на пол дня раньше и он уже успел раззнакомиться с местными обитателями. Козырь как раз что-то бурно обсуждал со своими сокамерниками. Скорей всего подробности своего задержания.

«Сесть получится разве что только рядом с ним».

Не дойдя пары метров, узник перецепился через чью-то предательски подставленную ногу. Сам заключённый с грохотом упал, а тарелка выскользнула из подноса и угодила прямо в хмурое лицо главаря одной из банд.

Все члены банды повскакивали, взяли за шкурку узника, больно приложили к стене и начали душить.

«Неужели последнее, что я увижу в жизни, будет эта уродливая рожа», — подумал заключённый и начал терять сознание от недостатка воздуха.

— Братва, я извиняюсь, — послышалось за толпой, — но на него уже есть заказ.

— Кто уже успел? — удивился один из банды.

— Муха просил.

Стальная хватка на шее ослабла. Узник упал на колени и стал жадно хватать ртом воздух. Банда начала расходиться. Заключённый увидел перед собой соседа по камере.

Хотелось отблагодарить своего спасителя, но его опередили:

— Прости, — сказал он, — так надо.

Узник не успел ничего понять, как его ударили лбом по переносице. Вокруг заблестели звёзды и разум погрузился во тьму.

Боль в области носа. Что-то мешало дышать. Шея затекла от долгого лежания в одном положении. Весь нос перемотали белой марлей и он сопел.

Лазарет. Куда ещё могут положить заключённого с травмами? По совместительству самое безопасное место во всей тюрьме.

— Проснулся? — послышалось напротив. — Ох и долго же ты спал.

Короткостриженный брюнет склонился над узником. На его лбу приклеили пластырь.

— Полежи тут недельку, пока всё не уляжется. А потом они забудут. Память у них

короткая как у золотой рыбки, а мысли как у Буратино.

— Почему ты... — заключённый сморщился от боли. — Почему ты мне помогаешь?

— Ты же мой сосед. А сосед должен помогать соседу.

Узник молчал, периодически кривясь от боли.

— Моё имя Николай, — продолжал брюнет. — Николай Чиватсера. Кличка Доцент. На воле был философом, актёром, госслужащим. А как твоё имя, парень?

— Гвин, — прохрипел узник. — Просто Гвин.

Каждый живёт ради чего-то мелкого и незначительного. Каждый стремится урвать свой кусочек, а затем обманывать всех и в первую очередь себя, что это для общего блага. Но что-то в его глазах было такое, что не присуще остальным. Холодный огонёк, способный сжечь весь мир и на его руинах построить новый порядок. Он сам не подозревал какая сила в нём живёт. Но Николай увидел её. И постарался сделать всё, чтобы она не погасла.

Жизнь в тюрьме романтична лишь для тех кто её не изведал. Из-за внешности и надменного поведения Гвина регулярно избивали и унижали. Как заключённые, так и охрана. Как-то начальник тюрьмы угрожал изнасиловать альбиноса шваброй, всё заснять и отправить родне. Но после ответа Гвина: «Делай что угодно. На воле меня никто не ждёт», задор главы охраны резко сошёл на нет.

Гвина собирались перевести в основной блок, но он отказался. Его запугивали карцером. Альбинос был не преклонен. Всё из-за одного разговора, ставший для Гвина роковым.

Было уже за полночь, но сон сокамерникам не шёл. Николай дочитывал книгу. Ему оставалось буквально несколько страниц. Гвин сверлил глазами потолок, пытаясь отвлечься от донимающей по всему телу тупой боли. Как всегда, били больно, но не смертельно. Чтобы больше мучался.

— Скажи, Гвин, — спросил Николай и захлопнул книгу, — почему ты нас ненавидишь? Абсолютно всех. Даже своих друзей. Не говоря уже об о мне.

— Я не хочу уходить в самоанализ.

— А нужно было бы. Тебе шестнадцать лет. Ты ещё совсем ребёнок. А угодил в компанию закоренелых отморозков. Неужели ты хочешь именно такой жизни? Неужели ты бы не хотел заменить страдания на что-то другое?

— Страдания... — ухмыльнулся Гвин. — Слушай, Доцент, а за что ты сидишь?

— Как и все, — оскалился Николай в свете лампы — Ни за что.

— Тогда у нас не выйдет разговора. Гнилой базар у тебя, фраер.

— Хорошо, — отмахнулся он. — Я скажу. Меня посадили за неуплату налогов. В аде бюрократии упустили сущие копейки, а я забыл об их существовании. Мои политические оппоненты нашли это. И сделали из меня политического трупа, отправив за решётку. Вот и вся история. И даже мораль есть. А теперь я хочу услышать твою мораль.

— Как тебе уже известно, — немного помолчав заговорил Гвин, — я из детдома. Жизнь там тоже не сахар, но я не жалуясь. Долгое время я вообще думал, что все дети так живут. Для всех был праздник, когда приходили незнакомые взрослые забрать кого-то из нас. Они как будто были спасительным билетом в лучшую жизнь. Как сейчас помню, когда все мелкие вскакивали и бежали им на встречу с визгами: «Мама! Папа!». Правда у этой лотереи есть одно условие: ты можешь в ней участвовать, пока тебе не исполнится семь. Дальше ты для остального мира перестаёшь существовать. Потому что молодая семья заинтересована

только в маленьком пухленьком карапузе. Им безразличен кто-то, способный связать больше двух слов. И вот мне почти семь. К нам пришла какая-то старая дева. Вся расфуфыренная, пальцы блестят от колец, а по полу стучат длинные каблуки. А мы, оборванцы, смотрим на неё щенячьими глазами. И я смотрю, наивно веря, что в этот раз мне повезёт. Она резко остановилась перед до мной. У меня сердце уходит в пятки. Я уже мечтаю как впервые попробую мороженое, которое видел только на картинках. И тут я слышу как мне это чучело заявляет: «Взяла бы я тебя. Но волосы. А вдруг у тебя это заразно? Ещё не хватало, чтобы другие подцепили». Я плохо помню что со мной потом происходило. Но ты прав — я стал всех ненавидеть. Потому что отлично понимаю, что всему миру на меня глубоко плевать, — Гвин замолчал, тяжёлым взглядом глядя на Николая.

— Если уж миру на тебя плевать, то каких-то ободряющих слов я тебе не скажу. Это тебе всё равно не поможет. Но раз уж ты хочешь как-то отомстить миру, то перестань реагировать на все раздражители мелкими действиями. Перестань мыслить мгновенной выгодой. Перестань делать всем, а в первую очередь себе, зло. Если уж тебя нашли на помойке до того как ты загнулся, то значит ты здесь для чего-то нужен. Я не верю, что твоя роль — мелкий запуганный зверёк. Стань чем-то большим для этого мира. Стань ему на зло. Лови, — Николай бросил в его сторону книгу. Гвин рефлекторно её поймал. На форзаце сверкали в лучах лампы буквы: «Всё хреново. Книга о надежде». — Надеюсь буквы ты ещё не забыл. Завтра вечером расскажешь мне о том, что прочитал и какие сделал выводы. Когда дочитаешь, я дам другие. Если закончатся эти, через контрабанду принесу ещё. Но это если осилишь. Если сможешь нести свою боль как знамя, а не страх, — Николай горько улыбнулся. — Спокойно ночи, Холод. Лампу не тушу. Рекомендую начать с третьей главы. Там как раз о тебе.

За свою жизнь Гвин почти не читал книг. Их количество можно было посчитать на пальцах одной руки. Но за последующие два года он сполна наверстал упущенное.

Сначала было сложно. Значение многих слов Гвин не понимал, всё время спрашивая их смысл у соседа. А вечера становились для альбиноса сущим кошмаром. Николай дотошно спрашивал о смысле каждого абзаца, каково к этому отношение Гвина, чтобы он предложил взамен. При этом Доцент вечно задавал вопросы с подвохом, переиначивал смысл слов Гвина, зацепался за каждую несущественную ошибку.

— Если бы перед тобой был не я, — любил он повторять, — а четвёртая власть, то тебя бы уже сожрали.

Гвина же часто это доводило до белого каления. Ему не нравилось читать, ему не нравилось дискутировать с Николаем, ему не нравился заложенный смысл. Альбинос каждый вечер клялся что больше никогда не коснётся этих чёртовых книг. На утро же, за несколько часов до подъёма, он смиренно брал книгу и прочитывал ещё несколько глав.

И так день за днём, неделя за неделей. Психология сменялась мемуарами, мемуары художественной литературой, художественная литература государственным устройством и экономикой, экономика философией, а философия психологией.

Николай понял, что переломный момент настал, когда Гвин во время одной из дискуссий задал очень меткий вопрос:

— Слушай, Доцент. Почему люди создают себе так много проблем? Почему не могут жить нормально?

— Потому что... — Николай на секунду задумался. — Потому что у каждого из нас свой

взгляд на мир. На справедливость, на положение вещей, на добро и зло, на понятие о любви. И каждый, прописью, каждый хочет доказать другому что именно он прав. Что его взгляды — истина, а остальные заблуждаются.

— Но ведь тогда мы обречены вечно грызть друг другу глотки. Как же это решить?

— Я не знаю, — честно ответил Николай.

— Приехали. Как это ты что-то можешь не знать?

— Сегодня первый раз, когда ты меня поставил в тупик, Гвин. Я действительно не знаю как решить нависшую над всеми проблему. В мире очень много противоречий. И нет какого-то способа, чтобы каждый остался доволен. Может оно было бы и к лучшему, но люди всё же умудрились придумать два пути развития. Две крайности. Один, как я его люблю называть — цифровой концлагерь. Где благодаря современным технологиям жизнь человека берётся под полный контроль. Всё как завещал Оруэлл. Лидер-икона, на которую нужно молиться. Полный запрет свободы слова и запрет на личную жизнь. Уничтожение человека как личности. Впрочем, ты сам это прекрасно знаешь.

— А какой же второй путь?

— Тут всё немного сложнее. В первую очередь власть и народ заключают между собой негласный договор. В каждой стране его детали меняются, но суть всегда одна и та же: мы не вмешиваемся в ваши дела, вы не лезете в наши. Поддерживаем взаимное сосуществование, сотрудничаем и будет нам счастье. В теории оно, конечно, звучит хорошо. Но не нужно забывать, что мы люди. Каков бы не был универсальный общественный договор — противоречия, лицемерие и враньё никуда не денутся. Это будет накапливаться и накапливаться пока не выльется в очередную кровавую кашу. Это неизбежно. Как в первом пути, так и во втором. Возможно есть какой-то третий выход, но я так его и не нашёл.

— Его не существует, — категорично заявил Гвин.

— Ты так считаешь?

— Первые цивилизации основали несколько десятков тысяч лет назад. Если за это время ничего лучшего не придумали, значит другого пути и нет. Значит такова наша суть и судьба.

— Я не могу согласиться с тобой. Но спорить с тобой тоже не буду. Сегодня ты молодец, Гвин. Прогресс на лицо.

Когда заключённых отправляли на исправительные работы, для Гвина это было сродни маленькому празднику. Всё из-за того что Доцент всегда возвращался с парочкой новых книг за пазухой. Как он их добывал — Гвину оставалось только гадать. Он предполагал, что у Николая были связи на воле.

Тюремная жизнь шла своим чередом. Гвин адаптировался, а заключённые постепенно привыкли к нему и даже немного начали уважать. Альбинос постепенно превращался в книжного червя. Настолько, что посадил себе зрение и Доценту пришлось проносить очки.

Срок заключённых постепенно подходил к концу и соседи по камере начали мечтать как будут жить, когда станут свободными. Николай предлагал Гвину помочь справиться документы и начать получать образование. А там они вместе что-то придумают.

Наступила роковая ночь. Доцент поднялся с кровати, грустно посмотрел на Гвина и сказал:

— Холод, вот мы уже почти два года вместе. Ты мне уже стал почти как сын. Но терзает меня одно чувство. Будто скоро жизнь тебе подкинет экзамен, чтобы проверить как ты усвоил мои уроки.

— Доцент, — бросил Гвин, — иди проветришься. И сразу в голову перестанет лезть всякая чушь.

— И то верно.

Николай прыгнул с кровати, медленно подошёл к двери и начал громко бить по ней ладонью.

— Чего надо?! — послышалось с той стороны. — Отлить?

— Да, — тихо ответил Николай.

— Давай быстро. Не хочу по сто раз открывать и закрывать.

Дверь открылась и Доцент скрылся за ней. Подошвы его ботинок звонко отдавали эхом по коридору, пока шум резко не оборвался. **Навеки.**

Гвин так и не дождался Николая и уснул.

Обычно заключённых будили металлическим грохотом, ударяя полицейской дубинкой по двери. Но сегодня Гвина никто не разбудил. Солнце стояло почти в зените, когда он проснулся и понял, что находится в камере один.

«Где Доцент? Неужели решил меня бросить и сбежать?»

И тут Гвина словно ударило током. Дверь была приоткрыта. Точно, её ночью не закрывали пока Доцент не вернётся. Но почему он не вернулся? И что должно произойти, чтобы охрана допустила такое разгильдяйство?

Гвин аккуратно выглянул в коридор. Никого. Обычно здесь стоял взвод вооруженных до зубов военных полицейских, но сейчас здесь было пусто.

«Смена караула? Так поздно? Или решили переехать, а об о мне забыли?»

Гвин медленно, вдоль стены, начал идти к повороту. Он вёл на пост охраны.

«Сейчас я поверну и наткнусь на них. Меня загонят пинками обратно и на этом твой недопобег закончится».

Но Гвин ошибся. В комнате горел бледный свет от светодиодной лампы, на столе резвились мухи рядом с недопитой банкой пива. Монитор показывал несколько десятков квадратов с чёрно-белыми цветами. Камеры наблюдения. Гвин решил с помощью них проверить, что произошло и отмотал на несколько часов назад.

Каждая камера повторяла историю предыдущей. До трёх часов ночи всё было буднично и обычно, затем ровно в три часа съёмку заполняли помехи и все, кто был под надзором камеры исчезали.

— Что за хрень? — спросил себя в голос Гвин.

Ему никто не ответил. Не долго думая, Гвин схватил связки ключей и побежал в основной блок.

«Если я живой, значит кто-то тоже должен уцелеть».

— Козырь! — заорал Гвин, тарабаня по двери с номером восемнадцать. — Ещё не откинулся?!

— Не дождёшься! — ответили ему.

Гвин принялся открывать дверь. За ней его встретило опешившие лицо Козыря.

— Холод, что за хрень происходит? Где легавые? Где братва?

— Не знаю. Держи, — Гвин протянул ему ключи. — Открывай камеры, собирай всех, кто уцелел и веди в кабинет начальника тюрьмы. Я пока попытаюсь вникнуть в суть дела.

В кабинете всё блестело. Сколько денег было вложено в интерьер оставалось только догадываться, но Гвину не оставалось времени об этом думать. Он пытался найти в компьютере хоть крупицу ответов на вопросы. И нашел их. Сполна.

— Так вот о каком экзамене ты говорил, Доцент, — горько усмехнулся Гвин. Взгляд альбиноса застыл на сабле. Её повесели на стену. Позолоченная ручка и серебристые ножны отбивали солнечные лучи. — Хорошо, — вздохнул Гвин, снял саблю и вытянул её из ножен. — Я сделаю всё что нужно.

В шкафу Гвин нашёл мундир. Тюремную робу выкинули прочь, и Гвин уже был не бандитом. Он стал будущим светом надежды для миллионов отчаявшихся.

В комнату вошли несколько десятков заключённых. Гвин стоял к ним спиной, терпеливо ожидая пока зайдут все. Как только шум утих, он развернулся, оскалился дьявольской улыбкой и громко заговорил:

— Братья и сёстры! Наконец настал час нашей свободы! Наш триумф! Триумф непослушания!

Часть третья. Пролог

Встреча со страхом или отчаянием, ровно так же как и со смертью, происходит наедине. Вне зависимости от того где ты находишься. Даже танкисты, когда горят, сгорают в одиночестве. Так же и страх. Каждому приходится «гореть» в своём «танке» одному.

Алексей

Пасмурные тучи закрыли собой небо, не пропуская золотых солнечных лучей. Резко стало холодно. Всё живое вдруг замерло.

Бойко начал играть военный оркестр, знаменующий начало парада. Парада победы над жизнью. Парада смерти.

Вильгельма передёрнуло. Он увидел, как у музыкантов начала течь кровь. Своими кровавыми пальцами в белоснежных перчатках они вымазывали инструменты. Дирижёр резкими махами рук разбрызгивал алые капли во все стороны. Часть попала на восторженную толпу зрителей. Никого это не смущало. Казалось, что только это им и было нужно.

Громкой поступью по брусчатке начала маршировать пехота. Из рваной одежды молодых солдат сочились тёмным гноем раны. У многих не было руки, части туловища или даже головы. Солдатам это не мешало как одному, гордо пройти по мостовой.

А вот и гвардейцы. Увидев на трибуне их любимого консула и маршала они начали широко улыбаться кровавыми ртами. По крайней мере те, кто мог.

Эрвин отдавал честь и улыбнулся им в ответ. Вильгельм увидел как с его груди текла кровь от пулевых ранений. Маршалу было всё равно. Как и всем. Когда смерть правит бал, некогда обращать внимание на такие мелочи.

Начала ехать техника. Развороченные и горящие машины наперекор всему ехали и страшным грохотом будоражили всю округу. Гул двигателей вводил толпу на самый пик оргазма.

Командир танка выглянул из люка и отдал честь консулу. Двигатель танка горел, траки спали, оружие перекоилось. Командира это не волновало. Так же и то, что кисти, которой он отдавал честь, не было. Оттуда кровавым фонтаном вытекала алая масса. Челюсть командира разворотило и он скалился адской ухмылкой.

Вильгельм хотел остановить это безумие. Вот же он, Гвин! Виновник этого ада! Почему-то его руки были открыты всему миру. Они полностью покрылись ранами от наркотических уколов. Вильгельм хотел выхватить пистолет и выстрелить. Ничего не выходило. Его словно парализовало. Он мог лишь безмолвно наблюдать. Как и всегда.

Рядом с Гвином за парадом грустно наблюдала Элизабет. Она оказалась единственной, на ком не было ран. И лишь спустя какое-то время Вильгельм смог разглядеть на её бледной шее следы от верёвки.

Техника заканчивалась. Вилли уже подумал, что всё кончено. Но тут торжественно объявили, что на площадь выходят военнопленные.

Их было тысячи. Худые, измождённые, с опущенными головами. Они почти не поднимали ноги, так как на это уже не оставалось сил. У Вильгельма прошёлся холод по спине. В толпе он увидел двоих, которых так давно потерял. Алексея и Саманту. Они тоже его увидели. В их взгляде не было укора или злости. Лишь грусть и смертельная тоска. У них

на лбу Вилли увидел по алому пулевому отверстию.

Этого Вильгельм уже не смог вынести. Со страшным криком он рухнул на землю и закричал. Всё, что его окружало, начало с грохотом проваливаться под землю. В преисподнюю. Туда, где всему этому самое место.

Сон начал уходить. Вилли с облегчением понял, что это всего лишь его разыгравшаяся фантазия. Пока что фантазия.

Вода крохотного ручейка журчала под толщей густой травы. Маленький поток огибал ствол многовекового дуба и мчался дальше, чтобы слиться воедино с другими потоками, стать частью огромной реки и завершить свой путь в холодных водах северных морей. Длинные корни дерева с удовольствием пили сладкую воду, от чего массивные ветви покрывались густой листвой. От неё било сильной жизненной энергией. Огромная крона давала хорошую тень от палящего солнца. Неудивительно, что Ангел решил отдохнуть именно здесь. Существо в белом одеянии, в окружении большого количества ярких цветов, склонилось над шахматной доской и решало хитроумную задачу. Два хода уже было сделано. Оставался завершающий. Но Ангел думал, боясь ошибиться. Что нужно сделать, чтобы добить оппонента?

Размышления Ангела прервали отдающие бряганьем костей шаги. Тёмный жнец посмел нарушить покой сил добра. Куда ступали его ноги — сохла трава и вяли цветы. Когда-то Смерть очень омрачало, что всё к чему он прикасался — погибало. Но это было очень давно, ещё во времена зарождения вселенной. Тогда молодой жнец и представить не мог до чего всё дойдёт.

— Конь f семь, — не глядя на доску бросила Смерть. — Мат.

— Ты всегда вмешиваешься в самый неподходящий момент, — нахмурился Ангел и переместил коня. После этого доска озарилась ярким светом и исчезла.

— Нам нужно серьёзно поговорить, — казалось, жнец был подавлен. Он не взглянул на Ангела, наблюдая за цветочной поляной. — Наши разногласия пока подождут.

— Что случилось? Неужели какие-то кадровые перестановки? Последний раз такое было в тысячу триста сорок шестом, когда твой коллега буквально сгорел во время рабочего процесса.

— Ты сейчас издеваешься на до мной?! — прошипела Смерть. — Совсем перестал следить что вокруг происходит? До чего довели эти идиоты?

— Ах, — вздохнул Ангел. — Ты про войну. Что же, — пожал он плечами, — на нашей памяти она не первая и, скорей всего, не последняя.

— У неё есть все шансы стать последней, — сказала Смерть и повернулась. — Если раньше наши любимые люди играли хоть по каким-то правилам, то сейчас их нет. Где гарантии, что они не уничтожат наш мир?

— Не уничтожат. Такое подвластно только Армагеддону, но ты же знаешь, что мы его выдумали, чтобы запугать людей. Первое время это помогало, пока они не начали умирать...

— Не уходи от темы, — прервал его жнец. — Даже если не уничтожат. Это сотни миллионов смертей. Опять. Я уж надеялся, что после последней мировой войны они поуменьшились. Ага, как же! Даже когда их осталась горстка, они готовы друг друга уничтожить.

— Почему ты так взволнован? На тебя это не похоже.

— Знаешь, когда ты забираешь души нескольких полоумных обезьян — тебя это особо не трогает. Но когда за один день тебе нужно выкосить целый город, тут уже хочешь не хочешь, а в голову лезут неудобные мысли. Я очень хорошо помню Сталинградскую мясорубку. Я очень хочу забыть эти дни, но, похоже, им суждено меня преследовать вечно. Когда я забирал оттуда души, я видел в их глазах всё что угодно, но не страх. Что нужно сделать с человеком, чтобы перестать бояться меня — Смерти?

— Ни за что не поверю, что ты пришёл сюда мне выговориться.

— Я не хочу повторения бойни. Поэтому я нарушу договор. Мы этим часто занимались, почему бы не попробовать ещё раз?

— Что ты собрался сделать? — удивился Ангел.

— Я заберу душу консула Гвина. Тем самым остановлю войну.

— Во-первых, — Ангел покачал головой, — мы не вмешиваемся в естественные процессы. Во-вторых, ты её не остановишь.

— Почему это?

— Потому что её хочет не консул. Её хотят его подданные. Ты можешь убить хоть сотню Гвинов, но войну ты этим не остановишь.

— Что же... делать? — сдавленным голосом спросила Смерть.

— Ничего. Они тем и отличаются от нас, что способны найти выход. К сожалению, их погибнет много. Погибнет много по настоящему чистых душ. Но по другому они не могут ценить свою жизнь. Такова уж их суть. Садись, жнец. Поиграем в шахматы. Полюбуйтесь природой. Война сможет дотянуться и до сюда. Так что этому месту суждено превратиться в уродливую выжженную пустыню.

— Здесь действительно красиво, — с восторгом протянула Смерть. — Но я откажусь. У меня будет много дел, а это место пусть останется в моей памяти. Не хочу видеть как его уничтожат.

— И мне тоже пора. Как никак многие души нужно спасти от верной гибели. Иначе баланс будет нарушен.

Существа несколько секунд смотрели друг другу в глаза, затем улыбнулись и исчезли, словно их никогда и не было. Лишь засохшая трава и маленькое белое пёрышко говорило о том, что здесь встречалось добро и зло.

Мысли путались, взгляд не мог ни на чём сфокусироваться, а тело сжимало от липкого страха. Даже излюбленный метод массировать пальцами виски на этот раз не помог. Уинстону ничего не оставалось, как открыть кран с холодной водой. Её шум позволил отвлечься и собраться в кучу. Уинстон смотрел в зеркало прямо себе в глаза и мысленно отсчитывал десять секунд. Если за это время он не отведёт взгляд, значит не всё так критично. По крайней мере себе он доверяет. А поэтому не всё уж и безнадежно.

Раз.

Звонок служебного телефона застал его за ужином в семейном кругу. У Уинстона сразу прошёлся неприятный холодок по спине. Ведь звонить он мог только в одном случае: началось вторжение Хартии.

Два.

Прослушав взволнованный голос на том конце телефона, Уинстон отдал приказ разорвать печати на пятом конверте и действовать согласно протоколу. Затем молча кивнул и положил трубку.

Три.

Нежный поцелуй удивлённой жены. Как же сладко пахли её волосы. Затем крепкие объятия двух славных детей. Трёхлетней девочки и мальчика на год старше её. Им обязательно объяснят что происходит. Потом.

Четыре.

В последний раз взглянув на семью, Уинстон закрывает дверь. Он не знал, что увидит их

ещё очень не скоро. Их эвакуируют далеко на запад в одну из глухих деревень и будут там держать под чужими именами до самого конца войны.

Пять.

Служебная машина уже подъехала. Старый Мерседес на всех порах вёз Уинстона в сторону Берлина. Маневрируя по узким улочкам, шофёр старался найти как можно кратчайший путь.

Шесть.

Экстренный созыв Бундестага и парламента Конфедерации. Переход на круглосуточный режим работы. Полная боевая готовность всех воинских частей Конфедерации.

Семь.

Единогласное принятие парламентом законов о всеобщей мобилизации и военном положении. Ох и дорого же обойдутся стране эти законы. Но когда война, о цене не спрашивают. Бундестаг, обычно рассматривая законопроекты месяцы и годы, ввёл их за рекордные тридцать две минуты. Уинстону оставалось лишь поставить свою подпись.

Восемь.

Указ о формировании ставки верховного главнокомандования. Военная верхушка, дипломатический корпус, представители промышленности, информационный отдел. Первое заседание было назначено на пять часов утра.

Девять.

Столица ещё спала, не зная, что происходит на границах государства. Об этом объявят в утренней сводке. Объявит лично Уинстон.

Десять.

Канцлер выдохнул, часто заморгал и выключил смеситель. Затем расправил плечи, поправил воротник белой рубашки под чёрным смокингом и ласково улыбнулся своему отражению.

— Улыбайся, Уинстон. Иначе съедят.

Когда десять лет назад молодой Уинстон впервые встал за трибуну, он мысленно смирился, что когда-то из него сделают виновника всех бед. Похоже этот день настал. Будет допущено много ошибок, принято массу непопулярных решений и совершенно множественно сделок с совестью. Но раз так нужно для будущего его людей, он будет этой куклой для битья.

— Господин канцлер, — послышался за дверью низкий голос. — Вы с кем-то говорили? «Как дети малые. На минуту нельзя отойти».

— Я ни с кем не говорил, Фридрих. Всё в порядке.

— Заседание начнётся через две минуты. Поспешите.

— Хорошо.

В ставке царил настоящий хаос. Солдаты и госслужащие заполнили узкие коридоры, смешались в однородную массу, из которой доносились громкие крики, периодически переходящие в грязную брань.

За несколько часов структура власти кардинально изменилась. Так что бардак был неизбежен. Указы, принятые ещё вчера, через несколько часов стали уже не актуальны. Рядовых чиновников наделяли властью, о которой в мирное время они могли только мечтать. Военная верхушка заново создавала цепь взаимодействия, ведь вторжение свело её эффективность до нуля. А начальник охраны канцлера потихоньку сходил с ума, ведь в создавшейся суматохе можно легко организовать покушение.

Уинстон, стараясь чтобы поток из человеческих тел не захлестнул и его, смог добраться до кабинета с номером восемнадцать и прошмыгнул туда.

Дверь закрылась и какофония из человеческих голосов прервалась. Уинстон оглянулся. В кабинете слишком слабо горел свет и канцлер едва мог разглядеть сидящих за большим столом. На столе развернули огромную карту Вольной Европейской Конфедерации. Уинстон подошёл к столу, опёрся на него руками и стал тщательно рассматривать восточные границы государства. На тоненькой тёмной линии, с красными и голубыми стрелками, сейчас бушевал ад и оставалось лишь догадываться о его масштабах.

— Скажу сразу, — нарушил тишину Уинстон, — чтобы не повторять по сто раз. Наши отношения до войны были далеко не дружественными. Но как раньше уже не будет. Мы ехали по домам в одной стране, а возвращались обратно уже в другой. Мне нужна ваша помощь. Если мы проиграем войну, все наши прошлые закулисные интриги были бессмысленны. Так что придётся работать не жалея себя. И говорить мне только правду. Потому что если будем врать, от этого проблемы не исчезнут и этим мы только навредим Конфедерации и её народам. Надеюсь, вы меня поняли?

Присутствующие лишь молча кивнули.

— Отлично. Фридрих, вводи в курс дела. Не щади меня. Чувствую нам там очень несладко.

— Это очень мягко сказано, господин канцлер, — широкоплечий мужчина с пышными усами поднялся, достал из нагрудного кармана светло-зелёного мундира простой карандаш и склонился над картой. — В шесть часов вечера по местному времени на линии фронта длиной восемьсот пятьдесят километров, без объявления войны, армия Хартии перешла границу. Мы отслеживаем три основных направления наступления: в Восточной Пруссии на Кёнигсберг, в северо-восточной Польше на Белосток, и в Восточной Польше на Бяла-Подляска, в обход наших основных сил, находящихся на юге.

— Атаковали оттуда, где совсем их не ждали. Как же они провели столько людей через болота?

— Хартийцы за кратчайшие сроки построили несколько скоростных автобанов. Нам стало об этом известно только перед самым началом наступления.

— Ясно, — скривился Уинстон. — И куда же они сейчас продвинулись?

— Самая тяжёлая ситуация на третьем направлении. Здесь противник сосредоточил основные силы. Форсировав реку Буг, практически не встречая сопротивления занял Бялу-Подляска, после чего разделился на две группы. Одна выдвинулась в сторону Люблина, ударив во фланг нашей основной группировке. Другая продвинулась к пригородам Варшавы, заняв без боя Седльце и прочно там закрепилась.

— Подожди, — прервал его Уинстон. — Между Бугом и Варшавой двести километров! Как за одну ночь они смогли преодолеть такое расстояние?

— Это лишь передовые части, за которыми следуют основные силы.

— Тогда почему восьмая дивизия не встретила их?

— Потому что... — генерал глубоко вздохнул.

— Фридрих, — процедил сквозь зубы Уинстон. — Только правду.

— Потому что восьмой дивизии больше нет, господин канцлер, — выпалил Фридрих.

Повисла гнетущая тишина.

— Как? — глаза Уинстона округлились. — Как можно было разгромить десять тысяч человек даже не вступая в бой?

— Диверсионные группы при поддержке авиации уничтожили дивизионный штаб и местное управление. В городе паника. Никто не понимает, что происходит. Мы пытаемся взять ситуацию под контроль, но наши приказы уходят в пустоту. Боюсь, город падёт. Не лучше ситуация на юге. Противник глушит связь, из-за чего мы слабо понимаем обстановку на фронте.

Канцлер устало сел на стул.

— Два года, — тихо прошептал Уинстон. — Два года мы готовились к этому дню. А в итоге нас избивают как слепых котят.

— Мы делаем всё, что в наших силах, чтобы взять ситуацию под контроль.

— Уж постарайтесь. Иначе они такими темпами постучатся нам в дверь и вымажут грязными сапогами дорогой паркет, — Уинстон слабо улыбнулся. — Амелия, что у нас творится на дипломатическом фронте?

— Уинстон, дорогой, — девушка улыбнулась и сверкнула линзами очков, — ты же сам работал в дипкорпусе и не хуже меня знаешь кто как отреагирует. Если честно, я вообще не понимаю зачем тут понадобилась.

— Я работал в дипкорпусе ровно два месяца, а когда меня забрали на должность канцлера, это был самый счастливый день в вашей жизни. Юлить будешь когда нам принесут акт о капитуляции. А пока, что у нас там плохого? И насколько это плохое плохо?

— Балканы, как и обещали, посылают добровольцев и вооружение. Но, учитывая, что у них его самого мало, я бы на них сильно не рассчитывала.

— Что с торговыми республиками?

— Британские острова и Апеннинский полуостров выделяют денежную помощь и налаживают эмбарго на Хартию.

— Ясно. Как обычно воюют деньгами.

— Орден выразил нейтралитет.

— Неудивительно.

— В Африке Пиратский союз отправляет добровольцев.

— Да хоть сам дьявол. Лишь бы они умели убивать хартийцев.

— И... на этом всё.

— В смысле? — поднял бровь Уинстон. — А Азия? А Америка? Скандинавия в конце-концов?

— От них тишина. Пока что ждём их реакции, но я особо бы не рассчитывала от них на существенную помощь.

— Получается, рассчитываем пока только на себя.

— Да, Уинстон. Мы одни.

— Тогда что у нас есть, Томас. Что мы можем противопоставить Хартии?

Мужчина вытянул сигару изо рта, потушил её, выдохнул густой белый дым и наклонился под слабый свет ламп.

— Мы уже начинали переводить экономику на военные рельсы, Уинстон. Но всё равно это будет не быстро.

— Сколько, Томас? Я теряю терпение.

— Несколько месяцев. Сам прекрасно понимаешь. Чтобы перейти с производства мороженого и тракторов на патроны и гаубицы нужно время. Плюс линии снабжения, плюс мобилизация, плюс инфляция, плюс внешний долг. Скучно не будет. Я постараюсь всё сделать как можно быстрее, но ничего не обещаю.

— Я тебя слышал. Арчибальд, я надеюсь всё готово к утреннему обращению?

— Конечно, господин канцлер, — пролепетал молодой парень. — Информационный отдел так же подготовил несколько десятков вариантов агитационных плакатов. Они ждут вашего утверждения.

Уинстон не успел что-то ответить. В кабинет ворвалась взъерошенная секретарша, наклонилась Уинстону над ухом и прошептала:

— Господин канцлер, к вам на аудиенцию прибыли представители вольных городов.

— Я сейчас занят. Они не могут подождать?

— Их почти пятьдесят человек, — причитала секретарша. — И все твердят, что вы им нужны именно сейчас.

— О Господи, — вздохнул Уинстон и вознёс глаза к небу. — Кого они собрались захватывать? Ладно, — махнул он рукой. — Пускай заходят.

В комнату зашло до полусотни человек, от чего в ней стало необычайно тесно. Уинстон, куря сигарету, сверлил их глазами. Несмотря на то, что канцлер был обязан им местом, их отношения оставались прохладными. Всё из-за того, что их взгляды на ведение политики, мягко говоря, отличались. Так что Уинстон ненавидел подобного рода встречи. Они никогда не обещали ничего хорошего.

— Мишель, Урсула, Эмануэль, Стив, рад вас видеть, — наигранно улыбнулся Уинстон. — На этикет совершенно нет времени, так что давайте сразу к делу.

— Мы пришли к вам с просьбой, — подал голос остроносый брюнет. — И вы прекрасно понимаете, что лучше эту просьбу выполнить.

— Смотря какая просьба, — бросил Уинстон и выдохнул в сторону многочисленной свиты сигаретный дым.

— Лидеры вольных городов просят канцлера Уинстона Смита подписать акт о капитуляции и сдаться на милость Хартии и консула Гвина.

Слова брюнета прозвучали как удар молнии. В кабинете уже второй раз повисла гнетущая тишина. Уинстон сделал длинную затяжку, из-за чего сигарета дотлела до фильтра и обожгла пальцы. Но Уинстон продолжал курить и пожирать глазами прибывших представителей. Тут в его глазах блеснул огонёк и он ответил:

— Раз уж лидеры вольных городов считают это лучшим вариантом для своих подданных — да будет так. Подготовьте акт о капитуляции. Я буду ждать вас через пять дней.

— Мы знали, что канцлер примет благоразумное решение, — брюнет и его свита поклонились и стали покидать комнату. Дверь уже давно закрылась, но Уинстон продолжал хмуро глядеть туда, где несколько минут назад стояли непрошенные гости.

— Уинстон, — подала голос Амелия, — ты действительно готов подписать капитуляцию?

— За кого ты меня принимаешь, дорогуша, — засмеялся канцлер и потушил окурок. — Всем ясно, что Хартия их подкупила. Просто я не хочу нестись на амбразуру, когда у меня слабая позиция. Поэтому мы выигрываем время. Фридрих, — Уинстон посерьёзnel, обращаясь к генералу, — мне нужна победа. Одна. Даже чисто символическая. Мне нужно доказать, что хартийцам можно сопротивляться. Что их недоимперия просто колосс на глиняных ногах. Я рассчитываю на тебя. И на всех вас. Мы должны спасти страну и весь свободный мир, — Уинстон отвёл взгляд. — Заседание закрыто.

— Какого хрена на частоте одни помехи?!

— Краснопузые нас глушат, господин капитан, — оправдывался молодой радист.

— Так перейди на запасную!

— И запасную глушат. Вообще вся сеть накрылась.

— Так сделай что-то с этим! — рычал капитан. — Ты радист или кто?! Ай, — махнул он рукой и вышел из полевого штаба.

Сначала была артподготовка и авиаудары. Затем неожиданный удар во фланг. В хаосе и неразберихе вверенные капитану подразделения разбросало по всему ночному лесу.

Ян снял фуражку с голубым оттенком и поправил рыжие волосы. Весь лоб пропитался липким потом, а ладонь слегка подрагивала. Густой лес заполнили выстрелы и взрывы. Сопротивление было. Но, в отличие от наступления хартийцев, сопротивление неорганизованное. Нужно было назначить место сбора и идти на прорыв, но как это можно сообщить, если глушили связь? Ян понимал одно — если он что-то не придумает и не соединиться с остальными частями второй дивизии, то через несколько часов его короткая карьера офицера подойдёт к концу.

Горькие размышления капитана прервал прибежавший адъютант с посланием:

— Господин капитан, вам послание от полковника!

— Полковника Буткевича?

— Так точно!

Не долго думая, Ян вырвал клочок бумаги из рук адъютанта и прочитал послание. Оно состояло всего из нескольких фраз:

«Полковой оркестр. Музыка как можно громче. Музыка на месте сбора».

— Вот же Йорис! — воскликнул капитан. — Голова! Быстро! Полковой оркестр ко мне!

Стройные ряды барабанщиков, духовиков, ударников, под руководством дирижёра оперативно прибыли в местоположение штаба. Музыканты в зелёных мундирах были напуганы, но готовые выполнить любой приказ.

— Капрал, — Ян обнял за плечи молодого дирижёра. — Родной. Играй. Играй как будто больше никогда ничего не сможешь сыграть!

— Что играть, господин капитан?

— Ты откуда, капрал?

— Из Марселя, господин капитан.

— Серьёзно? — удивился Ян. — Вот это тебя занесло. Что же, — ухмыльнулся он, — тогда играй Марсельезу!

Дирижёр расплылся в улыбке, отдал честь и развернулся к оркестру. Музыканты времени не теряли и уже были готовы начать спасительный концерт.

Рокот выстрелов заглушила барабанная дробь, высокий тембр тромбонов и туб, приправленные всплеском металлических тарелок. У музыкантов дрожало дыхание и руки, но они играли. Играли так, будто они лучший оркестр во всей армии Конфедерации. Играли музыку свободы и триумфа над тиранией. Играли, веря, что тем самым вносят свой вклад в победу.

Оркестр сыграл три куплета. Затем ещё раз. И ещё. Сначала из лесных чащ на звук музыки выходило по несколько солдат Конфедерации. На их смену отряды, а за ними взводы. Услышав знакомую мелодию, подразделения отступали к точке сбора. Между деревьев капитану мелькали знакомые лица. Они сменялись вовсе чуждыми. Подразделения из его полка перемешались с другими. Но это было неважно. Перед Яном становились грязные, пропахшие порохом и копотью командиры подразделений и докладывали о боевой

готовности. Пусть они и чертовски устали, но в их глазах было видно, что они счастливы соединиться со своими.

А оркестр продолжал играть. Продолжал служить путеводным маяком заблудившемуся отрядам.

На рассвете музыка умолкла. Под руководством Яна насчитывалось почти две тысячи солдат. Они молчаливо ожидали его приказаний.

Ян вскочил на груды использованных ящиков для боеприпасов. Историки опишут этот момент с присущим пафосом и романтизацией. На деле же капитан настолько устал, что едва не свалился с неустойчивой опоры. Он окинул замученными глазами отряды и громко закричал:

— Хартийцы наивно думали, что их здесь будут встречать с хлебом и солью! Что едва их увидят солдаты Конфедерации, то разбегутся, не оказывая сопротивления! Они ошибаются. Ведь они ошибаются?

— Да! — дружно закричали солдаты.

— Я вас не слышу!

— Да! — ещё громче закричали бойцы.

— Тогда сделаем так, чтобы они пожалели, что сюда сунулись!

Ян вскинул штурмовую винтовку над головой, спрыгнул с ящиков и повёл солдат в атаку.

— За мной! — взревел капитан. — Пленных не брать!

Морские волны омывали высокий борт линкора, доставая брызгами до выдолбленной надписи «Хартия». Пятьдесят тысяч тон стали. Четыре орудийных башни, где в каждой по три трёхсот пяти миллиметровых орудия, способных одним залпом потопить любой корабль или стереть с лица земли небольшой город. Ранние чертежи линкора предполагали так же установку восьми баллистических ракет, но все данные об их использовании были безвозвратно утеряны, поэтому на их место установили дополнительные системы ПВО, сделав «Хартию» самым защищённым кораблём в мире. Экипаж корабля составлял две тысячи человек, занимая две трети всего личного состава «Морзе группы». Командовал кораблём лично адмирал флота Хартии — Эрих Дёнец.

Корабль кружил рядом с крошечным полуостровом Хель, словно проголодавшаяся акула вокруг маленькой рыбёшки. Гарнизон полуострова в составе тринадцати человек ожидал приказов командира.

Утреннее солнце скрылось за тёмными грозовыми тучами и разразился дождь. Солдаты промокли до нитки, но стойко терпели буйство стихии, безмолвно наблюдая за огромной стальной машиной. Многие дрожали, сами не понимая от чего именно: от ледяного ветра или от чистого животного страха перед более сильным и могущественным врагом.

Ночью по радиопереговорам сообщили о вторжении Хартии. С тех пор в эфире стояла тишина. Командир гарнизона пытался предупредить береговую охрану о линкоре, но всё бестолку. Связь глушили, не давая возможности связаться с большой землёй.

Внезапно рация запищала, затем зашипела и снова затихла. После чего тишину нарушил низкий голос, искажённый радиопомехами:

— Командир гарнизона полуострова Хель. С вами говорит адмирал Эрих Дёнец. Мы оба понимаем, что у вас нет шансов уцелеть, поэтому, во избежание бессмысленных потерь, линкор «Хартия» предлагает вам сложить оружие и сдаться. Повторяю: линкор «Хартия»

предлагает вам сложить оружие и сдаться. Как меня поняли? Приём?

— Ну вот и всё, — прошептал один из солдат и снял каску, подставляя голову морским брызгам.

— Приказы, командир? — спросил другой солдат.

Командир гарнизона взглянул на свой отряд. Что ответить адмиралу? Как ответить, чтобы свести на нет всё могущество Хартии? Командир встал во весь рост напротив корабля, щурясь от свистящего ветра, нажал на кнопку радиации и чеканя слова процедил:

— Линкор «Хартия», пошёл нахер!

Солдаты встретили ответ командира восторженными возгласами и хохотом, тем самым укрепляя его уверенность в том, что ответ удался.

— Отряд, — обратился к солдатам командир, — разрешаю вести свободный огонь по цели. Пли!

Полуостров осветили вспышки выстрелов и по обшивке корабля застучали пули, не в силах нанести ему никакого существенного урона. Гарнизон с честью принял свой первый и последний бой, стреляя, пока не закончились патроны. За это время две башни линкора развернулись и дали залп, полностью уничтожив оборонительные позиции.

Корабль уплыл, выполняя дальнейшие боевые задачи. Из под толщи земли, будто восставший из мёртвых, выбрался командир. Весь в крови, глубоких ранах, с оторванной рукой и пробитым лёгким. С трудом наложив на себя турникет, он преодолевает пешком почти сто километров, прежде чем наткнётся на патруль солдат Конфедерации. Предупредив их о страшной опасности, он упадёт замертво.

Теперь уже навсегда.

Санитар перевязывал Яну рассечённый осколком лоб. Из длинной раны стекали струйки крови, капая на землю. Ян молчаливо наблюдал за красными сгустками, перемешанными с грязью, терпеливо ожидая когда медик закончит перевязку.

Из окружения прорвалось только половина солдат. Погибли почти все герои битвы: оркестр, включая дирижёра. Шальная пуля угодила ему прямо в сердце.

Ещё вчерашним вечером Ян с остальными офицерами хвалился как лично набьёт морду Эрвину Кнуту, а затем все вместе погонят хартийцев до столицы. После чего солдаты отправятся по домам к семьям встречать рождество. И вот прошла первая битва. Многие офицеры и солдаты под командованием Яна погибли, армия отступала, а война только начиналась. И капитан начинал мысленно смиряться, что ему суждено погибнуть на этой войне. Потому что с его скверной удачей уцелеть в такой мясорубке шансов практически не оставалось.

Санитар закончил и к Яну подошёл адъютант, сообщая, что в штабе его ожидает полковник Буткевич. Капитан решил не испытывать терпение полковника и спешно отправился в сторону штаба с докладом.

— Полковой капитан по вашему приказу прибыл, господин полковник, — отчеканил слова Ян, отдав честь и звонко цокнув каблуками грязных сапог. — Остатки полка с тяжёлыми боями прорвались к основным силам второй дивизии и ждут дальнейших распоряжений.

— Рад что ты жив, Ян, — добродушно улыбнулся полковник, почёсывая недельную щетину. Несмотря на неполные тридцать лет в тёмных волосах старшего офицера уже проклёвывалась седина, а в глазах, будто игнорируя смелые черты лица, жил навсегда

застывший испуг.

— Я тоже, Буткевич.

Ян и Йорис дружили с самой военной академии. Буткевич был родом из Прибалтики и уже имел опыт войны с Хартией. После поражения и капитуляции Прибалтийского союза он с многочисленными сторонниками бежал в Конфедерацию, где предложил свои услуги солдата. Закончив военное образование с отличием, получил чин заместителя командующего второй механизированной дивизии и звание полковника. Ян завидовал способностям Буткевича и старался во всём подражать ему. А Буткевич завидовал Яну. Завидовал, что его страна свободна, а сам он ещё молод и знает, что такое мирная жизнь. Так два командира и дополняли друг друга.

— Давай поговорим на чистоту, Ян. Как два офицера. Что думаешь об оперативной обстановке?

— Полная жопа, — не задумываясь, ответил капитан. — Самая её сердцевина. Подразделения либо бегут, либо несут тяжёлые потери. А эти чёртовы псы Эрвина как будто везде.

— Болотный Лис снова всех обманул, — горько усмехнулся Буткевич. — Меня уже дважды. Ударили нам во фланг и глушат связь. Связисты лезут из кожи вон, чтобы решить проблему. К счастью, нам удалось связаться с пятой дивизией. Они скоро соединятся с нами и мы уйдем из под удара в Люблин. Нам лучше поспешить, иначе ловушка действительно захлопнется и всем крышка.

— Что у нас с потерями?

— Загибай пальцы, капитан. Дивизионный генерал убит бойцами «Отряда сто тридцать семь». Теперь дивизией командую я. Убито два полковых капитана и восемь батальонных лейтенантов. А в целом потери дивизии достигают тридцать процентов. Кто-то сдался в плен, а кто-то лучше бы сдался.

— Получается, мы драпаем?

— Организованно драпаем, — поправил Яна Буткевич. — Это важно. Кнут думает, что мы в открытую бросимся в бой. Пускай так думает. В Прибалтике они уже так надумали, пока не обожглись. Посмотрим как они научились на ошибках. Готовь своих людей, капитан. Будем идти форсированным маршем.

— Последний вопрос, полковник.

— Да?

— Почему к нам на помощь не идёт восьмая дивизия? Тогда мы могли бы выиграть время и перегруппироваться.

— Я не знаю. Похоже у восьмой дивизии свои проблемы. Так что придётся рассчитывать на себя. Сохраним боеспособность, значит сохраним армию. А пока существует армия, всегда есть шанс победить.

— Красиво сказано.

— Если бы мы ещё так воевали, как сыпем эпитетами, — протянул полковник и кивнул, давая понять, что разговор окончен.

Капитан отдал честь и чеканя шаг покинул штаб.

Первого апреля командиру восьмой дивизии исполнялось двадцать пять лет. За две недели до этого в самом дорогом варшавском ресторане забронировали тридцать пять мест, заказали массу фуршетной еды и десятки литров алкоголя. На день рождение было

приглашено всё управление восьмой дивизии.

Конечно об этом знала разведка Хартии. И было бы невероятной глупостью не воспользоваться таким шансом. За несколько часов до вторжения, два диверсионных отряда, переодетые в форму Конфедерации, проникли в Варшаву, обнаружили местоположение заведения и передали координаты цели авиации. Не успели первые подразделения Хартии пересечь границу Конфедерации, как несколько пар острокрылых истребителей уже были над городом. С леденящим кровью гулом и свистом они спикировали на цели, сбросили трёх тонные бомбы и безнаказанно вернулись обратно.

Взрывы сваливали утонченные здания как карточные домики, хороня под обломками всех, кто в них находился, а образовавшиеся взрывные волны повыбивали все стёкла в домах Варшавы. Началась паника. Гражданское население старалось как можно быстрее покинуть город, заполонив дороги и образовав непроходимый затор, тем самым полностью парализовав движение в городе. Восьмая дивизия и местные службы правопорядка всеми силами старались организовано провести эвакуацию, но без высшего командования их силы были тщетными. Воспользовавшись ситуацией, диверсанты проникли на территорию городской администрации и убили всех, кто встретился на их пути. После чего растворились в толпе.

Так за несколько часов город готовый к полномасштабному вторжению стал беззащитным. Восьмой дивизии в буквальном смысле отсекли голову, а город остался без руководства, тем самым стремительно погружаясь в анархию. Военное руководство Хартии учло всё.

Практически всё.

Никто даже на секунду не мог подумать проверить гауптвахту в одной из бригад.

Майор Оскар Войцеховский. Дивизионный квартирмейстер. За использование служебных полномочий в личных целях, а также взяточничество был приговорен к военному трибуналу и взят под стражу. Судебный процесс, к счастью для Оскара, назначили на третье апреля.

Взрывы сотрясли тесную камеру, выдернув майора из сна. Едва не свалившись с узкой лавки, он подошёл к решетчатой двери и всмотрелся в царившую в коридоре темноту.

Основные силы бригады разместили на территории древней крепости, прозванной Цитаделью. Подвалы старинного комплекса отлично подошли на роль места заключения для провинившихся. Правда, сейчас здесь были только Оскар, да солдат, приставленный к нему для охраны.

— Что это за шум, боец? — недоумевал Оскар, пытаясь протереть заспанные зелёные глаза.

— По рации сообщили, что Хартия начала вторжение, господин майор.

— Вот же гады, — сплюнул Оскар. — Всё таки они нас не на понт брали. Слушай, солдат. Мне нужно срочно явиться в штаб и организовать взаимодействие со снабженцами. Там же никого не успели поставить на моё место.

— Простите, господин майор, но не положено. Вы нарушили воинскую присягу и должны понести наказание.

— Я нарушил воинскую присягу в мирное время, когда все жили по другим законам. Мне срочно нужно в штаб. Если не доверяешь, можешь лично меня туда конвоировать.

— У меня нет прав освободить вас, господин майор, — смутился солдат. — Это может только начальник гауптвахты.

— Начальник гауптвахты придёт только утром, — нахмурился майор. — Если ему уже не оторвало голову. А за это время обстановка поменяется десятки раз.

— Господин майор, — вздохнул солдат.

— Что? — Оскар начинал терять терпение.

— Честно говоря я не знаю где лежат ключи от вашей камеры.

— Что же ты сразу не сказал? — засмеялся Войцеховский, затем разбежался и вынес дверь ногой, полностью вырвав ту с ржавых петель. Под опешившим взглядом солдата, дверь с металлическим грохотом рухнула, разнося эхо по длинному коридору.

— Господин... майор... — запинаясь солдат.

— Войцеховский, — закончил его слова Оскар и похлопал по плечу. — Пошли. Мы принесём больше пользы стране там, наверху, а не здесь, дрожа от сырости.

Во внутреннем дворе крепости, под чистым ночным небом властвовали хаос и паника. Командиры не могли найти своих солдат, а солдаты напрочь игнорировали их приказы. Конфедераты разбегались, узнав, что высшего руководства больше нет.

— Ебутся мыши в шахматном порядке, — только и смог выговорить Войцеховский, наблюдая как из окон казармы на простынях спускались полуголые солдаты и разбегались кто куда. Поправив растрёпанные тёмные волосы и глубоко вдохнув, Оскар громко закричал: — Прекратить панику! — никто не обратил на него внимание. — Я сказал прекратить панику! — ещё громче рявкнул майор. Поняв, что простыми словами ничего не добиться, он выхватил у сопровождавшего его солдата штурмовую винтовку, направил ствол в небо, нажал на спусковой крючок и сделал короткую очередь в воздух. Выстрелы наконец-то помогли достучаться до солдат. Все испуганно смотрели на майора. На секунду наступила тишина и было слышно только грозное сопение Оскара. Войцеховский действительно был чернее тучи и несмотря на ночные сумерки внушал неподдельный страх. — Скажите же мне, вашу мать, как мне это всё понимать?! — гаркнул Оскар, от чего стоящие рядом с ним рядовые содрогнулись как тростинки бамбука от порывов ветра. — Почему солдаты не в боевой готовности?! Почему не налажено взаимодействие между подразделениями?! Чем чёрт возьми занят командир бригады?!

— Он убит, — почти шепотом ответили ему из толпы.

— Понятно. Командиры подразделений, ко мне!

— Мы! — подбежали к нему офицеры, попутно надевая гимнастёрки. — Мы батальонные лейтенанты!

— Что-то я не вижу, что вы лейтенанты! Приведите себя в порядок, как подобает офицерам Конфедерации и доложите мне как следует! Наладить связь и оборону крепости! Обустроить оборону прилегающих районов! И чтобы через пол часа каждый явился ко мне с докладом, иначе расстреляю как дезертиров! Всем ясно?! — никто не нашёл в себе силы ответить из-за съедающего его внутри стыда. — Похоже, что да, — смягчился майор. — Бегом марш!

Бледный свет луны осветил искрящийся гневом глаза Оскара. Солдаты под грозным взором майора начали организовано готовиться дать бой самой грозной армии в мире. Танкисты проводили осмотр техники. Стрелки чистили оружие. Взвод радистов монотонно пытался выйти на связь с соседней бригадой. Несколько миномётных расчетов обустроивали позиции на крыше одного из корпусов. Командиры разведрот вместе с подчинёнными уже покидали территорию Цитадели.

Майор позволил себе выдохнуть. У него совершенно не было опыта в управлении войск

в боевых условиях. Правда, его успокаивала мысль, что для всех это первый бой. И только от Войцеховского зависело, чтобы он не стал последним.

— Доблестные солдаты Конфедерации! Народ Дивидеандской Хартии обращается к вам! Консул Гвин до последнего пытался решить наши противоречия мирным путём, но ему не оставили выхода. Выбор за вами: умереть за амбиции коррупционной верхушки гнилого формирования под названием Вольная Европейская Конфедерация или же найти в себе мужество сдаться в плен, выжить и строить процветающее будущее вместе с нами! Доблестные солдаты Конфедерации... — рупор продолжал проигрывать запись, заполняя истеричным криком утренние улицы пригорода. По пустынной дороге, еле волоча ногами, с поднятыми руками, шла колонна из двадцати человек. В изодранной форме и грязных лицах они с трудом напоминали солдат Конфедерации. Даже если рассматривать через снайперскую оптику.

— Леший, давай шуганём их, чтобы неповадно было.

— Нет, — немного подумав, ответил Алексей и опустил винтовку второго номера. — Они сделали свой выбор. Каждому своё.

Снайперы возвращались на место дислокации их роты. Вторая бригада приняла бой. Не складывалось ощущение, что устояли только позиции, где был Алексей. Танки без труда взламывали оборону и продвигались вглубь города. На поле боя начался хаос. Где противник, а где свои — загадка.

Конфедераты заканчивали перевязку хартийца с погонями младшего лейтенанта. Алексей протянул ему сигарету. Офицер не отказался.

Солнце ещё не встало, как на их позиции выехал взвод разведки хартийцев. Завязался короткий бой. После того, как Конфедераты подбили БТР и убили несколько разведчиков, враг решил отступить. Во время отступления сержант Леший ранил командира взвода в ногу и вскоре хартийца взяли в плен.

— Бернад, — обратился Алексей к своему командиру по прозвищу «Медведь». Парню с гасконскими чертами едва исполнилось двадцать, но вымахал он уже под два метра, а своими пудовыми руками был способен скрутить в узел кусок арматуры, — позволь мне провести допрос этого джентльмена. Я их, сукиных детей, насквозь вижу.

— Как хочешь, Леший, — пожал плечами командир.

Несмотря на то, что Алексей был лишь сержантом, как самый старший по возрасту он пользовался среди своих авторитетом. Все доверяли его чутью, а командир не брезговал попросить совета. Когда начинается бой, чины и звания становятся ничем. Важным остаётся только одно: боевое братство.

— Имя, фамилия, звание, должность, — не церемонясь, отчеканил слова Алексей.

— Младший лейтенант Максим Кузнецов. Командир взвода разведки.

— Какого подразделения?

— Разведрота... — простонал хартиец, держась за ногу, обвитую жгутом. Из под белой марли всё равно сочилась кровь.

— Разведрота чего? Какого полка?

— Бригада? — вставил Бернад.

— Что? — переспросил офицер.

— Бригада какая у тебя? — повторил Бернад с раздражением в голосе.

— Двадцать пятая бригада.

— Двадцать пятая бригада чего? — спросил Алексей. — Какие вооруженные силы?

— Сухопутные войска.

— Чьи? Какая страна?

— Хартия, — будто стыдясь, ответил офицер.

— Дивидеандская Хартия, отлично. Откуда родом?

— Из под Киевуса.

— Когда прибыл на территорию Конфедерации?

— Сегодня.

— Когда прибыл на государственную границу?

— Тоже сегодня.

— Где ваш пункт постоянной дислокации?

— Двадцать пятой бригады?

— Да.

— Рига.

— Есть. Отлично.

— Двадцать пятая бригада механизированная? — спросил Бернад.

— У нас вплоть до батальона всё механизировано, — усмехнулся хартиец. Лёше так и хотелось вмазать офицеру, чтобы сбить наглую ухмылку, но он сдержался.

— Какая армия? — продолжал Лёша.

— Четвёртый армейский корпус вторжения.

— Вы даже не стесняйтесь. Какую задачу получили?

— Провести разведку боем и по возможности закрепиться в пригороде Варшавы.

— Остальные подразделения какие задачи получили?

— Не знаю. Скорей всего тоже самое.

— Что вам говорили командиры?

— Не знаю.

— А я всё таки ещё раз повторю, а ты подумай хорошенько: что вам говорили командиры? С кем воевать идёте?

— Ах... — скривился офицер. — С Конфедерацией.

— С какого это перепугу?! — рявкнул Алексей. — Зачем вы пришли сюда воевать?

Хартиец отвёл взгляд и молчал.

— Образование есть?

— Так точно. Окончил военную академию.

— Где?

— В южном военном округе.

— Мобилизованный?

— У них такого нет, Леший, — ответил за офицера Бернад. — Хартия всегда держит солдат на регулярной основе. Им просто не нужны мобилизованные.

— Ясно. Когда начал служить?

— Пять лет назад.

— То есть ты уже много где воевал?

— Так точно.

— Где?

— В основном на севере, включая Прибалтику.

— Работники по политической обработке у вас есть?

— Да.

— Что они вам говорили? Что у нас здесь происходит?

— Что у вас нищета и разруха. Что мы должны освободить вас из оков коррупционного олигархата.

— Ну и как тебе места? Нравятся?

— Да...

— Не хуже вашей зажавшейся столицы?

— Да.

— Так в чём дело тогда, объясни пожалуйста?

— Я не знаю, — искренне ответил хартиец, глядя Лёше в глаза.

— Ладно, — махнул рукой Алексей. — Двадцать пятая бригада. Что туда входит?

— Ну... — задумался офицер.

— Антилопа гну. Быстро перечисляй!

— Всё как у остальных. В основном механизированная пехота, с БТР-ми и танками. Два батальона артиллерии.

— А где штурмовая пехота? Где Гвардия?

— Ты о первой бригаде? Её почти никогда не посылают в бой. Там самые элитные войска и современное вооружение.

— Какое вооружение? Где она находится?

— Не знаю.

— Кто командир твоей бригады?

— Не знаю.

— В смысле не знаешь? У любого это должно от зубов отскакивать.

— Последние два года высшее руководство вечно меняется. Мы не успеваем скоординироваться с одним командиром, как на его место высылают нового.

— Врешь же. Насколько я знаю, Эрвин Кнут на месте. Генералы войск на месте. Какие перестановки?

— Внутренние, сержант. Внутренние.

— Что ты видел? Кто сюда заходил?

— На совещании в штабе я видел цифру войск вторжения на этом направлении. Двести тысяч человек движется прямо сейчас по направлению Варшавы. Ещё триста тысяч пытаются окружить ваши войска на юге. Скорей всего вас там уже разгромили.

— Заткнулся, — Алексей ударил офицера по ноге, от чего того скривило. — Где штаб твоей бригады? Дивизии? Корпуса? Где Эрвин Кнут?

— Могут быть где угодно.

— Как это? Как же вы получаете приказы?

— Мы действуем согласно обстановке, получая полную свободу действий. Вышестоящее командование лишь задаёт нам направление.

— Понял, — Алексей хотел ещё что-то спросить, но его прервал радист:

— Командир! Пятая бригада объявляет общий сбор в Цитадели.

— Значит идём к ним на прорыв, — ответил Бернارد, накручивая тёмный тоненький ус.

— А то скоро и за нас возьмутся.

— Что будем делать с этим? — спросил Алексей, кивая в сторону пленного.

— С ним мы точно не уйдём. Оставим здесь.

— Чтобы его забрали свои? — вклинился помощник Алексея.

— А ты предлагаешь его пристрелить? Чем мы тогда от них отличаемся?

Никто не нашёл чем возразить.

— Снимаемся, — нарушил тишину Бернад. — Готовность двадцать секунд.

— Зажим, — на автомате пробормотал молодой врач, попутно пытаясь остановить кровь. Линзы квадратных очков запотевали, от чего Саманте вечно приходилось их протирать. — Пинцет, — стальной хирургический инструмент впился в тоненькую руку и вытащил оттуда осколок. Восьмой по счёту.

На хирургическом столе лежал мальчик не старше пяти лет. Во время авианалёта одна из бомб взорвалась рядом с ним. В госпиталь его привезли изрешечённым осколками, с оторванными пальцами и истекающим кровью. Он даже не стонал, настолько был ослабшим.

— Хартийцы заходят в город, — ворвался в хирургическую испуганный санитар. — Мы уходим!

— Тише, — шикнул хирург, не переставая зашивать рану. — Здесь операция.

— Они сейчас будут здесь, — не переставал паниковать санитар.

— Я давал клятву Гиппократа, — процедил врач.

— Чёрт с тобой, — бросил санитар и скрылся за дверью.

— Вы остаётесь? — безэмоционально спросил хирург Саманту, глядя из под линз.

— Мы должны его спасти, доктор, — уставши ответила девушка, поправляя медицинскую маску.

— Спасём, куда он денется.

Игла продолжала прокалывать кожу и зашивать раны. Кровь не останавливалась. На пациента уже потратили два пакета плазмы и в ход шёл третий. Как только марля ложилась на тело, то тут же становилась красной.

В коридорах послышался нарастающий грохот. За ним несколько выстрелов. Саманта вздрогнула, доктор же даже ухом не повёл, напевая под нос куплет только ему известной песни.

— Отлично! — воскликнул он. — Мы остановили кровь!

Под эти слова в операционную ворвались два солдата Хартии. Один из них ударил Саманту прикладом, от чего та приложилась затылком об стол и потеряла сознание.

— Вы что творите! — взревел хирург. — Здесь операция!

— На выход! — рявкнул солдат, держа ствол автомата напротив доктора.

— Мальчика нужно дооперировать, — взмолился врач.

Недолго думая, солдат достал пистолет и прострелил ребёнку голову, забрызгав содержимым черепной коробки всю комнату. Тоненькое тельце качнулось и окончательно обвисло на хирургическом столе. Глаза доктора налились яростью, он страшно взревел и накинулся на хартийца, после чего получил несколько пуль в живот. Белый халат, покрытый красными пятнами, теперь обагрился кровью его владельца. Врач завалился на пол, перевернув стол с хирургическими инструментами. Он до последнего смотрел на бездыханное тело мальчика, которого так и не смог спасти.

К Саманте вернулось сознание. Через затуманенный взгляд она увидела скальпель, лежавший у её руки. Саманта не успела что-то подумать, как он уже был запрятан в её рукав. Едва успев это сделать, как солдаты Хартии обратили на неё внимание.

— Выноси её, — услышала девушка, прежде чем снова потерять сознание.

Саманта очнулась уже на улице, в окружении солдат Хартии. Со взглядами голодных шакалов и циничными ухмылками, они не сводили с девушки глаз. Саманта, широко раскрыв глаза, смотрела на них, боясь пошевелиться. Будто одно неосторожное движение и вся свора накинется на неё, разрывая на куски.

— Всегда мечтал взять в качестве трофея полячку, — сладко протянул хартиец в офицерской форме, пыхтя трубкой.

— Что-то она не похожа на полячку, — ответил ему один из солдат.

— На что ты мне намекаешь? — недовольно буркнул офицер.

— С подчинёнными нужно делиться, командир. Отдай нам эту кроху. Подними боевой дух солдат, — от этих слов Саманту начало трясти.

«Подходите, — подумала девушка, нащупав остриё скальпеля. — Уйдёте вместе со мной».

— Будет вам ещё. Когда возьмём город, всё население перейдёт под наше распоряжение. Вот тогда и подыдем свою мораль.

Солдаты залились хохотом, но смех оборвал тихий хлопок. И ещё один. Офицер и один из солдат упали замертво.

— Сука! — заорал хартиец. — Снайперы!

Из переулка со свистом вылетела ракета и угодила в танк. Из машины начал бить столб огня. Хартийцы рассыпались по улице и начали отстреливаться, напрочь позабыв о своём «трофее». Воспользовавшись суматохой, Саманта набросилась на одного из солдат и засадила скальпель ему прямо в глаз. Кровь била фонтаном, хартиец истошно вопил. А Саманта... она лишь почувствовала долю облегчения, что роли хищника и жертвы так быстро сменились.

Боекомплект танка взорвался, подбрасывая башню высоко над крышами здания. Громкий взрыв оглушил Саманту. Мысли в голове перемешались, она едва могла понять, что вокруг происходит.

Как вдруг она заметила, что к ней кто-то медленно подходил. Взглянув, Саманта увидела перед собой древнего могучего воина, только что прибывшего из дальних набегов на земли Византии. Его кольчуга и шлем переливались в солнечных лучах, на остром топоре высекли множество рун, сапоги почти развалились от сотни пройденных километров. Кудри трепал лёгкий ветерок, щёки облепила короткая бородка, а два зелёных самоцвета... в них читалось самое искреннее чувство любви. Даже война и страх не могли помешать этому чувству угаснуть.

Виденье ослабло. Шлем сменился камуфляжной панамкой, кольчуга маскхалатом, огромный топор не менее длинной снайперской винтовкой. Но глаза. Они продолжали гореть тем же чувством.

— Лёша... — прошептала Саманта.

— Тише, — он нежно погладил её по голове и поправил едва не упавшую брошку. — Всё уже кончилось. Теперь ты в безопасности.

Что в тот момент чувствовала Алексей? А что может чувствовать человек, нашедший самое ценное? Только благодарность судьбе, что дала шанс среди кипящего безумия найти и спасти то, чем ты дорожишь и готов не раздумывая отдать свою жизнь.

Жители Варшавы отчаянно пытались покинуть город. Удалось это лишь единицам. Обойдя город с севера и юга, наведя переправы через Вислу, армия Хартии перекрыла все

выходы из города, тем самым полностью изолировав его от внешнего мира. Конечно колонны беженцев и отступавшие разрозненные части не знали об этом, обрекая себя на гибель.

Солдаты Хартии без предупреждения открывали огонь по всем, особо не вникая кто был сражён их пулей. Консулу Гвину виднее, что выгоднее для государства. Обязанность солдата лишь выполнить задачу, даже если это приказ пристрелить беременную женщину. Если от этого мир станет лучше, да будет так.

Пока голова колонны падала замертво от пулеметных очередей, остальные в панике продолжали бежать прямо в западню. Навсегда останется загадкой вопрос: от чего людей погибло больше? От рук хартийцев или в давке?

В последствии Хартия будет скрывать данный инцидент, навсегда запятнавший её воинскую честь и славу. Солдаты предпочтут забыть этот день, свидетелей будут планомерно уничтожать. Потребуется огромные усилия и тщательное расследование, чтобы доказать причастность Хартии к этому военному преступлению. Одного из первых военных преступлений на этой войне.

Оказавшись за укрепленными стенами крепости, рота Бернарда позволила себе перевести дух. Все, кто ещё был в состоянии вести сопротивление, пробивался сюда. К досаде майора Войцеховского, никого старше капитана он не застал, поэтому решил принять командование остатками восьмой дивизии на себя, до того как к ним придёт помощь.

Спасённых медиков расположили в подвалах крепости. Там уже разворачивали полевой госпиталь и начинали оказывать помощь раненым. Алексея беспокоила контузия Саманты, но он был уверен, что о ней позаботятся. Сейчас же всех командиров вызывали в главный зал на совещание.

— Пошли, Леший, — обратился к нему Бернард. — Ты там тоже пригодишься.

— Как скажешь, Медведь.

Когда-то главный зал служил музеем, где хранилось сотни произведений искусства. Но их давным-давно растащили, так что зал долгое время пустовал, и лишь блестящий позолотой пол напоминал, что это место относилось к чему-то особенному. Только когда Конфедерация начала подготовку армии, Цитадель и её комнаты выделили под нужды армии. Самую большую, под штаб бригады, переформатированный сейчас под штаб восьмой дивизии.

Амбразуры и окна обложили мешками с песком и превратили в огневые точки. Всю комнату заставили оборудованием связи. В центре стоял большой стол с не менее огромной картой города. Возле неё склонился Оскар и его постепенно окружали офицеры и командиры подразделений. Как только дверь захлопнулась и воцарилась относительная тишина, нарушаемая лишь канонадой боя, Войцеховский окинул тяжёлым взглядом людей, смотрящим на него из полутьмы помещения и начал совещание:

— Если я скажу, что это самый позорный день в истории нашей страны, я ничего не скажу. Не мне читать мораль командирам, оставившим своих солдат в самый ответственный момент, но это так. Оперативная ситуация полная дерьмо. За неполные сутки город полностью окружён. У нас пока получается их сдерживать и даже удалось выбить передовые отряды из территории жилых застроек, но начало организованной зачистки лишь вопрос времени. Если уж вы смогли сюда добраться — это о многом говорит. Тем более на этом фоне выглядит невыносимой наглостью и насмешкой со стороны Хартии предложение

сдаться. Они предлагают нам трусливую жизнь в плену и я понимаю, что вы ни за что на это не пойдёте. Но прежде чем начать наше дальнейшее сопротивление и тем самым выиграть как можно больше времени остальным войскам на перегруппировку, я хочу услышать от каждого из вас: почему вы здесь и почему вы сражаетесь? Так уж и быть, я начну с себя. Как многим известно — я карьерист. Я воюю за погоны и привилегии. И я прекрасно понимаю, что таких как я в Хартии ждёт только виселица. Как-то так. Что на счёт вас?

Командиры молчали, думая над ответом. Наконец-то из строя вышел Бернارد, взглянул майору прямо в глаза и выпалил:

— Я сражаюсь за Конфедерацию, господин майор! Мне близки её ценности, возможность быть тем, кем ты хочешь. И я верю, что наш канцлер понимает как сделать этот мир справедливее, в отличие от методов, которые предпринимает консул Гвин.

— Патриот значит. Похвально. У кого другие идеалы?

— Я, конечно, согласен с младшим лейтенантом Медведем, — сказал Алексей и подошёл к Бернardu, — но всё же я здесь не из-за плаката «А ты записался в добровольцы?». Я уверен, что многие здесь из-за своих семей и близких. Из-за своей любви. Из-за желания жить счастливо.

— А жил ли ты счастливо? — спросил майор, глядя на него прищурившись.

— Да... — грустно улыбнулся Алексей. — Когда-то давным-давно.

— И что же было твоим счастьем?

— Верные друзья, огромный дом, где можно было потеряться, первая любовь, так и оставшаяся мне верной, и потрясающая природа, о которой мне с грустью приходится вспоминать.

— Это было в Конфедерации?

— Нет. Эти края очень давно заняла Хартия.

— Так почему ты сражаешься за нас, а не за них? У Хартии же твоё счастье.

— Потому что Хартия вырвала у меня счастье и разбило вдребезги. И я, отчаянно пытаюсь спасти его осколки, бежал. Наивно верил, что до сюда они не дойдут. Напрасно. Раз они хотят отобрать то немногое, что у меня осталось, — из глаз Алексея начали лететь искры, — то пусть попробуют.

— Принимается. Кто здесь по чему-то ещё?

— Я из Прибалтики, — подал голос невысокий пехотинец. — И весь мой отряд тоже. У каждого из нас Хартия отобрала родину. У каждого убила друзей, родных и близких. И мы хотим отомстить. Мы хотим, чтобы каждый в Хартии почувствовал какого нам. Майор, прошу, посылай нас на самые опасные задания. Пусть эти упыри боятся нас!

— Приму к сведению. Следующий!

— Я из тюрьмы, — подал голос бритоголовый парень. — Я и мой отряд отрабатывали срок, возводя укрепления. Обещали, что нам его очень хорошо скостят. Когда началась паника, все только и хотели, что смыться под шумок. Но когда эти уроды начали бомбить город... На моих глазах бомба разорвала девушку. Молоденькая, красивая и тут бац и нет человека, — у заключённого едва не потекла слеза. — Так что я с братвой посоветовался и мы готовы воевать. То, что творят эти ублюдки, за гранью любых правил.

— Отлично, — усмехнулся Оскар.

— А мне просто скучно, господин майор, — подал голос солдат. — Одиннадцать лет назад я почувствовал вкус жизни, но в итоге мы вернулись к скучной рутине. Так что война мне помогает понять всю ценность чувствовать себя живым.

— Хорошо. Я услышал достаточно. Теперь перейдём к плану обороны.

Выход роты Бернарда назначили ночью. Так что Алексей позволил себе пару часов отдыха и наведаясь в полевой госпиталь. Какого же было его удивление, когда среди медиков и стонущих раненных он нашёл Саманту, в полностью бодром состоянии. Она как раз готовила перевязочный материал.

— Ты в порядке? — с волнением в голосе спросил Лёша. — Голова не болит? Не кружится?

— Хорошо кружится, — улыбнулась она и повертела головой.

— Это не шутки, — нахмурился Лёша. — Кому как не тебе знать, что такое контузия.

— Лёша, я не могу быть обузой, пока все что-то делают. Не могу спокойно сидеть на месте, пока ты рискуешь собой, а я лишь трусливо прячусь за твоей спиной.

— За это я тебя и люблю.

— Я знаю, — Саманту покрыл румянец. — Знаю. Ложись, — она указала на колени. — Тебе нужно отдохнуть.

Алексей только сейчас почувствовал, как смертельно устал. Он не спал уже вторые сутки. Как только его голова упала на колени сохранившегося осколка счастья, всё стало несущественно. Они выживут. Обязательно. Пока они живы, ничто не в силах их одолеть. Даже если это бесчисленные войска самой могущественной в мире армии.

— Лёша, — спросила его Саманта, перебирая волосы.

— Да?

— Можешь рассказать, что происходит? А то вокруг так много слухов.

— Ох... Всё тяжело, но мы контролируем ситуацию.

— Конечно вы контролируете. У них же есть ты.

— Милая, прошу. Спой мне что-нибудь. А то я начинаю думать. А солдату в такой обстановке это ни в коем случае нельзя делать.

— Что бы ты хотел услышать?

— Что-нибудь из прошлого. Далёкого прошлого. Когда здесь ни у кого в мыслях не было, что будет война. Когда...

— Я тебя поняла, — Саманта положила ему палец на губы. — Закрой глаза и расслабься, — нежно прошептала она. — Всё будет хорошо.

Алексей подчинился. Саманта вспомнила как Глифи пела детям одну колыбельную. Волшебная песня, из потерянного волшебного мира всегда успокаивала и помогала уснуть. Саманта решила, что лучшего варианта не будет.

— «Край суровый, море льда,

Есть река там, помнит всё она.

Засыпай скорей, мой свет,

И в той реке найдёшь ответ.

Её воды, лишь нырнуть,

Всё расскажут и укажут путь.

Так доверься глубине,

Но лишней шаг — и ты на дне.

Она поёт для тех, кто слышит,

И волшебство та песнь таит.

Лишь тем, кто страхов своих выше,

Дано узнать, что река хранит.
Край суровый, море льда,
Есть там мама, помнит всё она.
В час когда домой придёшь,
Утратив всё, ты всё найдёшь».

— Господин канцлер, — носился вокруг сидящего Уинстона Арчибальд. Канцлер делал последние поправки в тексте, — через две минуты... — министр средств массовой информации мельком взглянул на часы. Они показали без двух минут семь часов утра. — Да. Через две минуты, когда включится красная лампа, вас будет слышно на всех радио страны.

— Вовремя мы провели массовую информатизацию, — хмыкнул Уинстон.

— Здесь не поспоришь, господин канцлер.

За несколько месяцев до начала войны, Конфедерация закончила инициативу Арчибальда, под названием «Глас божий». Она предполагала предоставление населению источников информации. Начали массово печатать газеты. Наладили радиосвязь. В каждую семью, на каких бы окраинах страны она не была, на бесплатной основе выдавали радицентр.

— Тридцать секунд, господин канцлер. Вы готовы?

— К такому нельзя быть готовым.

— Простите? — не понял иронию Уинстона Арчибальд.

— Да. Я готов.

— Десять секунд.

Уинстон набрал полные лёгкие воздуха и выдохнул, затем размял костяшки. Последние секунды он провёл с закрытыми глазами.

— И-и-и... Время!

Уинстон открыл глаза и несколько секунд разглядывал красную лампочку. Затем склонился над микрофоном и, не выразившим ничего кроме спокойствия и уверенности голосом, начал речь:

— Свободные народы Вольной Европейской Конфедерации. Этим беспокойным утром к вам обращаюсь я — канцлер Конфедерации Уинстон Смит. К моему глубокому сожалению я не могу вам принести добрых вестей. Как многим уже известно, кровожадная империя под названием Дивидеандская Хартия не смогла побороть свой неутолимый аппетит и без объявления войны вторглась на нашу территорию. Их лидер, консул Гвин, не понимает, что своими действиями ввёл вереное ему государство в окончательную изоляцию. Он не понимает, что мы не очередная карликовая страна, которую можно безнаказанно присоединить к себе. Мы — суверенное государство, сознательно сделавшее свой выбор в пользу свободы. И мы будем бороться за дальнейшее право выбирать как нам жить. Наши храбрые солдаты самоотверженно сражаются против самой могущественной армады, что знал наш новый мир. Наши талантливые дипломаты делают всё, чтобы остальной мир стал под наши знамёна против врага, угрожающему всему цивилизованному миру. Наша крепкая экономика во времена великих испытаний должна стать ещё крепче. Я, канцлер Конфедерации, не имею право просить у вас помощи. Но у меня нет другого выхода. Если вы хотите внести свой вклад в победу — записывайтесь добровольцами в армию, делайте пожертвования для обороны страны, сдавайте кровь для раненных, морально поддерживаете отчаявшихся. Если нашей армии пришлось откуда-то отступить и вы попали на временно оккупированные территории, делайте всё, чтобы сделать пребывание врага на вашей земле невозможным. Ровно одиннадцать лет назад нам выпало непосильное испытание и мы с достоинством прошли его. Сегодня мы должны доказать, что это не было нелепой

случайностью. Мы должны сделать всё ради нашей победы. Ради победы свободного мира. И мы победим. Потому что другого выхода у нас нет. Слава доблестным солдатам Конфедерации! И пусть нам сопутствует удача на нашем благородном пути!

Лампочка погасла и Уинстон с облегчением облокотился об спинку стула.

— Прекрасная речь, господин канцлер. Как и всегда.

— Да. Только сегодня я впервые в жизни обманул своих избирателей. На фронте полный разгром. Никто не осмелился вступить в конфликт вместе с нами. А экономику ждут большие проблемы.

— Вы им дали уверенность, что ситуация под контролем.

— Даже если это не так? Ведь это совсем не так.

— Вы сделали то, что требовалось. А об правильности выбора нас рассудят потомки.

— Верно, Арчибальд. Поэтому мы должны сделать всё, чтобы у них была такая возможность.

Рота понесла первые потери. Задача Бернарда заключалась в прикрытии сапёров. Они минировали мосты через реку, а так же туннели метро. Скоро их подорвут и путь к Цитадели с Восточного фланга будет перекрыт.

Подразделение укрепились в здании церкви, выходящую на бывшую улицу Солидарности и позволяющую вести наблюдение за прилегающими кварталами. Не успели конфедераты занять позиции, как завязался бой. Оказалось, что хартийцы тоже облюбовали церковь и не собирались отдавать её просто так.

Бой был не на стороне Конфедерации, с явным преимуществом Хартии в пехоте и технике. Сапёры же уверяли, что чуть меньше чем за час они всё сделают. И Бернард дал им этот час, заплатив за него четырьмя ранеными, одним убитым и одним пропавшим без вести.

Пропавшим без вести оказался второй номер Алексея. Лёша про себя ещё много раз повторит, что так вести бой снайперу нельзя. В пылу сражения молодой солдат забыл сменить позицию и продолжал открывать огонь с колокольни. В конце-концов враг начал обстреливать церковь миномётами. Одна из мин угодила прямо в колокольню, обрушив её почти до основания. Алексей долго будет искать тело боевого товарища в обломках и битом кирпиче, но всё будет тщетно. От снайпера осталась только винтовка.

Циничная строчка в отчёте «пропавший без вести». Отчёт, до которого никому не будет дела. Потому что ни родственников, ни близких у солдата не осталось.

Отступив за Вислу и вернувшись в Цитадель, Алексей стал требовать у Бернарда замену павшего снайпера. Командир дал ясно понять, что структуру роты менять не собирается, так как это повредит слаженности солдат. Что же касается пополнения, то ими руководил Оскар, поэтому Бернард отправил Лёху к майору.

Войцеховский как раз дочитывал отчёт. Мосты подорваны, тоннели затоплены. Если враг предпримет попытку форсировать реку на этом участке, то понесёт тяжёлые потери. Несмотря на бодрый вид офицера, под его глазами начали формироваться тёмные круги, а сам он периодически клевал носом. За всё время обороны города он так и не ляжет спать.

— Шкипер, — обратился к майору Алексей и отдал честь, — мой второй номер двухсотый. Нужна замена.

— Во-первых, — монотонным голосом начал Войцеховский, — не двухсотый, а пропавший без вести. Во-вторых, нет у меня для тебя людей на замену. Думаешь ты

единственный не доукомплектованный снайперский взвод? Они как-то справляются, справляйся и ты.

— Майор, мне кого угодно. Хоть зелёного новобранца. Я его научу. Потому что без пары снайпер слепой как крот.

— Леший, — повысил голос Оскар, — или ты разворачиваешь свою задницу и чешешь на выход, или пойдёшь таскать боеприпасы, как солдат, не понимающий приказы вышестоящего командования. Понял? Или после боя туго соображаешь?

Для Алексея переносить пудовые ящики было хуже смерти.

— Так точно, господин майор, —

протараторил Алексей. — Простите за беспокойство. Разрешите идти?

— Разрешаю, — бросил Войцеховский, не отводя взгляд с отчёта.

С паршивым настроением Алексей начал думать как ему теперь действовать одному, но как только скрипнула дверь и Лёша почти покинул зал, майор его окликнул:

— Постой.

— Да, господин майор, — развернулся на сто восемьдесят градусов Алексей и вытянулся по стойке смирно.

— Ты действительно готов взять под командование кого угодно?

— Разве что кроме консула Гвина. Боюсь рука случайно дрогнет и произойдёт несчастный случай.

— Что же, — усмехнулся Оскар, — тогда подожди.

Майор что-то шепнул на ухо связисту и тот быстрым шагом направился прочь из зала. Не успел Алексей заскучать, как двери снова отворились. Лёша ожидал, что в проёме появится кто угодно: светлоглазый поляк или же белокурый немец, широкоплечий француз или стройный чех. Да хоть кто-то из мигрантов, осевших в Европе до «Моментa X». Кого угодно.

Но не её.

— Нет... — только и смог выдавить Алексей.

Саманта несмело вошла в зал, скрестив ладони в замок. Глаза кротко изучали немногих присутствующих. Увидев Алексея, ей пришлось приложить немало усилий, чтобы не ускорить шаг и крепко-крепко обнять. Девушка слегка улыбнулась. Лёша же не мог собрать мысли в кучу. Словно в дурном сне он не мог понять, почему Оскар предлагал на замену именно её.

— Я готов удовлетворить вашу просьбу, мисс, — начал Войцеховский. — С завтрашнего утра вы переходите в роту младшего лейтенанта Бернарда, в должность помощника снайпера. Вторым номером снайперского взвода под руководством сержанта Алексея. Вы согласны?

— Да, господин майор, — немного подумав, ответила Саманта.

— А я нет, — вклинился Алексей, глядя из-под лба хмурым взглядом.

— Леший... — попытался сказать майор.

— Шкипер, — перебил его Алексей, — можно вас на пару слов?

Оскар недобро взглянул на Лёшу, но ничего не сказал, и оба вышли в тёмный пустующий коридор.

— Тебя бы по хорошему на гауптвахту отправить, — отрезал майор, когда закрылись двери. — Но мы сейчас не в той ситуации. У тебя две минуты и не секунды больше.

— Ты какого хрена творишь, Войцеховский? — прошипел Алексей, уже не сдерживая

себя.

— Выполняю твою и её просьбу.

— Какую ещё её просьбу?

— Пока ты в городе воюешь за светлое будущее, твоя подружка достала уже весь штаб.

Лично меня она пять раз просила отправить на передовую в качестве полевого медика. Какой полевой медик? Их щёлкают как мух. Даже у такой скотины как я не хватит совести послать её на смерть. Вот и придумываю отговорки, что, мол, всё переукомплектовано. Но я вижу, что она не дура и видит лож. Леший, ещё немного и от её походов я пушу себе пулю в висок.

— И поэтому ты отправляешь её воевать снайпером? Человека, не прошедшего даже курс молодого бойца? Не нюхавшего пороха? Не готового убивать?

— Тут как посмотреть, — ухмыльнулся Оскар. — В отчёте Бернарда я узнал, что этот ангелочек ударил хартийца скальпелем прямо в глаз. Тут не каждый солдат на такое решится. Может только по отношению к тебе она тепла, а к другим сущий демон? Вспомни. Замечал ли ты что-то такое?

Алексей сглотнул. Он не хотел соглашаться с майором, но в его словах была доля истины. И от этой истины становилось ещё страшнее.

— Вижу я в чём-то прав. А теперь давай посмотрим правде в глаза. Все мы без пяти минут покойники. Ты, я и она. Давай хотя бы сейчас, когда всем смерть не двусмысленно дышит в затылок, не будем запрещать делать то, что мы хотим. Если она без колебаний согласилась вместе с тобой убивать, значит никто не в праве ей это запретить.

— Я хотел уберечь её от всего этого. Защитить. А в итоге привёл в самое пекло. Так ещё и не запрещаю встать под кровавый поток. Что я за бесхребетное ничтожество такое?

— Как по мне, так рядом с тобой она будет в наибольшей безопасности. Ты же её любишь?

— Умереть готов.

— Вот, — протянул майор. — А значит сделаешь всё, чтобы она выжила. Вопрос исчерпан?

— Нет, майор... Я не могу ей такое позволить.

— Но и не в праве запретить. Пойдём.

Войцеховский достал из тумбочки небольшую книжку в тонком переплёте. Алексей узнал в ней воинский устав. Оскар подошёл к Саманте и смерил взглядом. Девушка глаз не отвела, стоя ровно, с гордо поднятой головой.

— Положи правую руку сюда, — указал майор на устав. Бледная ладонь легла на форзац. — Та как ты солдат, то должна принести присягу. Но в нашей ситуации придётся сделать так. Повторяй за мной. Я, дальше называешь своё имя и фамилию.

— Я, Саманта Смит, — слегка дрожащим голосом повторила она.

— Вступаю на военную службу.

— Вступаю на военную службу.

— И торжественно клянусь народам Конфедерации.

— И торжественно клянусь народам Конфедерации.

— Всегда быть верной и преданной им.

— Всегда быть верной и преданной им.

— Добросовестно и честно выполнять свой долг.

— Добросовестно и честно выполнять свой долг.

— Неуклонно выполнять Конституцию Конфедерации.

— Неуклонно выполнять Конституцию Конфедерации.

— Сохранять государственную и военную тайну.

— Сохранять государственную и военную тайну.

— Клянусь, что никогда не предаю народы Конфедерации!

— Клянусь, что никогда не предаю народы Конфедерации!

После этого в зале на секунду всё стихло. Саманте вдруг стало больно смотреть на грозное лицо майора, в глазах начало щипать и покатила маленькая слеза. Оскар сделал вид, что этого не заметил.

— Поздравляю, рядовой Смит. Добро пожаловать в Вооруженные Силы Конфедерации.

— Благодарю, господин майор, — улыбнулась Саманта.

Алексей так ничего и не сказал, стоя чернее тучи и думая во что всё это в итоге выльется.

В дневнике Ян запишет короткую строчку, полностью описывающую его и общее моральное состояние: «Лучше несколько месяцев без прерывно наступать, чем несколько часов беспорядочно драпать».

Многие солдаты так и думали, бредя в длинных колоннах на запад, на перегонки с машинами, танками и утренним солнцем. Многие уговаривали Буткевича принять бой, звали к офицерскому долгу и чести. Полковник же оставался верен простой Кутузовской дилемме где верным был только один выбор — сохранить армию. Поэтому армия двигалась в Люблин.

По пути солдатам Конфедерации встретился обгоревший танкист. Волосы практически все сгорели, с лица свисали куски кожи, некогда светлая форма стала чёрной от копоти, а от самого солдата несло удушливым запахом гари. Переборов боль, он рассказал, что его танковый батальон отправили задержать наступление хартийцев, что шли во фланг всей группировке. Противник действительно не ожидал танковой атаки и отступил, но командир батальона допустил одну оплошность: недооценил противника и отдал приказ его преследовать. Это для всех стало роковой ошибкой. Танки угодили в засаду и без прикрытия пехоты за несколько минут были полностью уничтожены. Выжил только один танкист. Буткевич отправил его к медикам, мысленно понимая, что с такими ранами бедняга будет мучаться всю оставшуюся жизнь.

В Люблин основные силы прибыли ближе к вечеру. Организовав взаимодействие с пятой дивизией, все готовились оборонять город. Но когда полковнику пришёл доклад разведки, что основные силы хартийцев просто обошли город с запада, с целью их дальнейшего окружения, Буткевич не удивился. На месте Эрвина он бы поступил так же.

Приказ оставить город без боя и отступить к устьям рек Вислы и Вепш дался не легко. Но если конфедераты не успеют выйти к намеченной цели раньше хартийцев — они окажутся в ловушке, а значит полностью уничтоженными.

Говорят, что на войне становятся самим собой. Маска, невольно надетая в мирной жизни, спадает и оголяются вся истинные черты человека.

Была ли Саманта убийцей? Кровожадным монстром, жаждущим крови? Алексей уже который раз задавал себе этот вопрос. Раньше он не задумываясь ответил бы, что это вздор и вымысел. Но теперь маски сброшены. За вездесущим оптимизмом Алексея показалась

смертельная усталость и желание найти покой. Что же касается Саманты, то Лёша понял, что она не хотела оставаться в стороне, когда самый дорогой для неё человек пачкает руки. Девушка хотела разделить с ним эту ношу и по мере сил сделать легче. Помочь покончить с нахлынувшим безумием раз и навсегда.

Всю ночь и день Алексей объяснял Саманте принцип работы винтовки, её характеристики, тактику снайперского взвода, методы, хитрости. Какого место их пары в общей картине, что нужно делать в определенной ситуации и как выжить даже там, где казалось бы нет выхода. Лёша понимал, что такому за день не научить, но Саманта очень старалась понять всё снайперское ремесло.

Ночью Алексей представил новобранца своей роте. Вопреки опасениям, Бернад и подчинённые приняли Саманту с радушием.

— Леший, как ты мог её прятать от нас? — восторженно причитал один солдат, вгоняя Саманту в краску.

— Теперь краснопузым точно хана, — заливался смехом другой. — Каждого очарует, а затем перегрызёт глотку.

Солдаты всё расспрашивали и расспрашивали об американке, а девушка не успевала отвечать на сыпавшиеся вопросы. Выяснилось, что несколько человек из роты были на постановке «Ромео и Джульетта» и они хорошо запомнили как играла Саманта.

— Слушай, — перебил всех Бернад, обращаясь к девушке, — у нас же у всех есть прозвища. И на войне с братьями по оружию можно обращаться только по ним. Суеверия, но кто на войне не суеверен? Я считаю, что тебе отлично подходит кличка «Джульетта». Ты как считаешь?

— Если все остальные не против, — слегка улыбаясь ответила Саманта, — то я согласна.

Прозвище поддержали дружным рокотом, да настолько, что Бернад едва успокоил подчинённых. Так начиналась история снайпера с прозвищем Джульетта. В последствии многие будут доказывать, что эта личность выдумка, миф или пропаганда Конфедерации. Но пускай все они спросят у Саманты, так ли это?

Рота получила приказ охранять периметр крепости, поэтому снайперский взвод решил выдвинуться на охоту. Маневрируя узкими улочками и переулками, избегая вражеские отряды и патрули, они вышли на окраины города возле парка имени Пилсудского. Зайдя в подъезд одного из домов с разрушенной от авиабомбы крышей, Алексей остановил Саманту. Он ни как не мог привыкнуть, что она теперь такая. В камуфляжной форме, в едва не спадающих сапогах, в маскхалате, еле подошедший на её узкую талию. Руки крепко держали винтовку, а в глазах читалось желание наконец найти свою первую жертву. Нет. Не такой он встретил её тогда в упавшем самолёте. Совсем не такой.

— Ещё раз, — тихим голосом обратился он к ней. — Что ты держишь в своих руках?

— Сколько раз ты ещё меня будешь об этом спрашивать? — нахмурилась Саманта.

— Во-первых не ты, а вы. На вылазках я для тебя командир и мои приказы выполняться без вопросов и выдрикков. Во-вторых, я буду спрашивать столько, сколько посчитаю нужным. Ещё не хватало, чтобы по какой-то глупости тебя убили.

Саманта молчала, тихо сопя.

— Так что ты держишь в своих руках?

— Снайперская винтовка с оптическим прицелом. Blaser 93 LRS2. Вариант Blaser Tactical 2. Весит пять килограмм. Калибр 7,62×51 миллиметров. Перезарядка с

помощью продольно скользящего поворотного затвора. В магазине пять патронов. На ствол установлен глушитель, — не задумываясь, отчеканила каждое слово Саманта.

— Что входит в твоё снаряжение?

— Личное оружие, включая пистолет и штык нож. Бронежилет третьего класса защиты. Каска четвертого класса защиты. Портативная рация, от которой сейчас нет толку. Боеприпасы, половина которых не прикосновенный запас. Медицинский комплект, для оказания себе первой помощи. Туда входит турникет, два бинта, ампула с обезболивающим и адреналином, а так же два шприца.

— Каково призвание у снайпера?

— Сделать единственный меткий выстрел, который решит исход войны.

— Как работаете снайпер?

— Делает один, в самом крайнем случае два выстрела, а затем меняет позицию.

— Почему он так делает?

— Потому что всегда есть риск, что его позицию обнаружат и уничтожат.

— Почему ты решила начать убивать?

— Потому что Хартия несёт за собой зло и я хочу это остановить.

— Какова твоя самая основная задача?

— Остаться в живых.

— Почему?

— Потому что от моей смерти не будет никакой пользы, а будучи живой, я всегда могу принести вред врагу. И... — Саманта замаялась.

— И? — удивился Алексей. Больше ничего отвечать не требовалось.

— И моя смерть сделает вам очень больно, господин сержант.

Лёша поник.

— Да, Джульетта, — собравшись с мыслями, ответил Алексей. — По этому ты должна выжить.

— Леший.

— Что?

— Пошли наверх, а то так всю войну проболтаем.

— Ступай за мной и очень осторожно.

В крыше чердака и в полу зияло две огромных дыры, будто древний исполин по неосторожности наступил сюда своей могучей ногой. По деревянному полу валялся различный строительный мусор, осколки стекла и собиравшаяся здесь годами грязь. Здание пустовало уже десяток лет. Да и сами окраины города долгое время были нелюдимыми. Вся жизнь кипела в центре, а здесь встретить человека считалось событием. Теперь же Варшава полностью обезлюдилась. Как тогда. Одинадцать лет назад. Но только сейчас её ухоженные улицы периодически сотрясались от коротких, но жарких боевых столкновений.

Алексей слегка выглянул в пустую оконную раму. Снайперской паре сопутствовала удача. Прямо напротив, между густых парковых деревьев, стал на отдых вражеский отряд. На фоне только выпущенного с завода БТР-а, с огромной белой буквой «G» нарисованной на башне, за накрытым чистой скатертью столом, проводил досуг пехотный взвод. Несмотря на высокое обеспечение в провианте и жалованье, высокой дисциплине, армия Хартии всё равно скатилась в мародёрство. На столе лежали далеко не армейские сухпайки, а отобранная у местных жителей еда и алкоголь. Во главе стола сидел офицер. Его лицо обильно намазали пеной для бритья и солдат тщательно выбривал острой бритвой скулы

своего командира. Игнорируя деликатный процесс, хартиец громко смеялся и регулярно опустошал ёмкость с алкоголем. Второй офицер, заместитель командира, был в стороне от шумной компании. Рядом с ним стояла испуганная девушка, протягивая драгоценности, в надежде выменять хоть немного еды. Офицер надменно улыбался, уже представляя как золотые бусы украсят шею его любовницы.

— Отлично, — сказал Алексей, спрятавшись за стеной. — Они думают, что в тылу для них опасности нет. Сейчас мы их переубедим. У нас две цели. Один офицер за столом, другой чуть в стороне от БТР-а. Выбирай кто будет твой целью. Только быстро.

— Второй.

— Отлично. Ставь винтовку на сошки и целься.

Саманта выглянула из окна и закрыла один глаз. В снайперском прицеле лицо офицера занимало почти всю оптику. Девушка могла увидеть на его щеках родинки и несколько шрамов, полученных за много лет сражений. Сейчас верный последователь дела Хартии был полностью в её власти. Сейчас только Саманта решала: жить ему дальше или же умереть быстро и безболезненно. Палец девушки лёг на курок. Приговор вот-вот должен быть объявлен.

— Подожди, — прервал её Алексей. — Пусть отдаст ей еду.

Офицер вырвал у девушки бусы и бросил в густую траву несколько консерв. Та на карачках принялась их искать, под залиvistый смех солдата Хартии.

Саманта задержала дыхание и медленно нажала на гашетку. Удар в плечо, тихий стук и одновременное попадание в голову. Смех офицера оборвался на самой высокой ноте и его тело принял зелёный ковёр парка. Найдя консервы, девушка звонко вскрикнула от омерзения и убежала. Почти сразу после выстрела Саманты выстрелил и Алексей. Пуля угодила прямо в кадык, офицер начал захлёбываться в собственной крови, алая масса попала на белую скатерть и на лицо подчинённого. Хартийцы побледнели, но уже через секунду повскакивали из-за стола и быстро занимали укрытия.

— Плохо, — скривился Алексей, — я целился в грудь. А ты молодец. С почином, так сказать.

— Спасибо, — отстранённо ответила девушка, разглядывая через прицел остывающий в траве труп. Из пробитого черепа вытекал мозг, окрашивая траву в розовый цвет. — Умер как тот мальчик, — сказала себе Саманта. — По крайней мере теперь мы за него отомстили.

— Уходим, — категорично заявил Алексей и повесил винтовку на плечо. — А то ещё подкрепление вызовут.

Спустя сутки форсированного марша, неся потери от авианалётов и стычек с передовыми группами врага, вторая и пятая дивизия пересекла реку Танев и собиралась войти в небольшой город с гордым названием Сталева-Воля. Но надежда хоть на несколько часов перевести дух оказалась напрасной. Разведка донесла, что хартийцы северо-западнее навели переправу и их авангард уже вошёл в город. Буткевич собрал офицеров, для обсуждения дальнейшего плана действий.

— Сегодня наконец-то у вас появится возможность показать мне, чего стоили ваши уговоры дать бой хартийцам, — эти слова заметно подбодрили командиров. — Будем выбивать их из города. А затем постараемся ликвидировать плацдарм. Первая и третья дивизия сообщили, что они отходят к городам Мелец, Дембица и Ясло, где постараются возвести новые оборонительные позиции. И чем дальше мы будем здесь сдерживать Хартию,

тем легче нам будет на подготовленных к обороне рубежах. Есть ещё у кого-то вопросы по поводу оперативной обстановке?

— Да, господин полковник, — ответил Ян. — Что с центральным фронтом? Что с восьмой дивизией и Варшавой?

— По слухам там ещё идут бои. Но я бы им не доверял. Похоже восьмых застали врасплох и взятие Варшавы лишь вопрос времени.

— Но тогда они выйдут к Кракову и просто прижмут нас к горам.

— Значит в наших интересах, чтобы верховное командование прикрыло кем-то наши задницы, пока мы выходим из одного окружения в другое. Перейдем к тактике. Ян, твои люди должны выбить их из города. Разведка доложила, что их несколько сотен. Справитесь?

— Плюс, — кратко ответил Ян. Полк капитана валился с ног от усталости, но в том, что задачу они выполнят, он не сомневался.

— Остальным приказываю развернуть круговую оборону, артиллерийские позиции и оказывать усиленную поддержку штурмующим город. На подготовку пол часа. Разойтись.

Конфедераты осторожно входили в город и вскоре в центре завязалась перестрелка. Солдаты Хартии быстро осознали, что численный перевес на стороне врага и понеся потери отступили в сторону переправы. Радость от быстрой победы быстро сменилось гнетущим молчанием, когда вдалеке послышался рёв двигателей десятков танков. И это были не союзные танки.

Ян запрашивал поддержку артиллерии, но артиллеристы не успели развернуть позиции. Браня на чём свет стоит не расторопность командиров, капитан приказал готовить противотанковые средства. Город нужно было удержать.

Ян уже прикидывал какие тяжёлые потери понесёт его полк при этом штурме, как вдруг его рация опять зашипела. Оттуда звучал голос полковника:

— Капитан, как слышно?

— Отличная слышимость, полковник.

— Сейчас над вами пролетит дрон. Не сбейте его с перепугу. Плюс?

— Принял.

— Держись там, Ян. На тебе сейчас весь южный фронт стоит.

— Рано меня хоронишь, Йорис, — засмеялся Ян и выключил рацию.

Через несколько минут, разрезая четырьмя крошечными пропеллерами воздух, над крышами домов появился маленький управляемый дрон. Но вопреки ожиданиям Яна, он летел не с севера, а с юга. Сделав полукруг над позициями конфедератов, он полетел в сторону движущихся танков. Не успел он скрыться, как с того же юга загрохотали пушки и над городом пролетело несколько снарядов. Затем ещё несколько. А потом небо заполонили десятки ярких вспышек, соизмеримых свечению мифических звёзд. Словно раскат грома, снаряды в унисон разрывались на позициях противника, тем самым сорвав едва не начавшуюся танковую контратаку.

— Как тебе моя симфония, капитан? — спросил Яна насмешливым голосом непонятно откуда взявшийся невысокий солдат в тёмно-коричневой форме.

— Ты ещё кто такой? — рявкнул Ян, потянувшись за пистолетом.

— Вы, поляки, ко всем так не дружелюбны? — спросил его солдат, не переставая улыбаться. — Или только к боснийцам? Согласен, виолончелисты немного стратили, но мы же только учимся, прежде чем выступать в Большом театре.

— Балканский доброволец? — боясь ошибиться, спросил Ян.

— Бинго, капитан. Прости, когда я руковожу своими парнями, то совсем забываю устав. Я бригадир Бригадный генерал. Нестор Водечка. Командир первого артиллерийского полка Балканского союза. Мы встретились с вашими друзьями у подножия Карпат, и они не двухсмысленно намекнули, что вам здесь не помешает помощь. Прибыли как только смогли.

— Вы очень вовремя. Слушай, бригадир, а можешь повторить концерт? Боюсь, хартийцам не дошёл посыл симфонии.

— Говно вопрос, капитан, — оскалился дьявольской улыбкой Нестор.

В начале жизненного пути мы на ощупь изучаем мир. Пытаемся понять его правила, что такое хорошо, а что плохо, ошибаемся, обжигаемся, разочаруемся, делаем выводы и так по кругу. Дальше мы пытаемся найти в нём смысл, делаем для себя цель, жизненное кредо и пытаемся жить теми идеалами, что кто-то или что-то в нас заложили. А затем из-за недостатка воли или поддержки мы ломаемся, предаём свою мечту, за что судьба непоколебимо нас наказывает.

Оскар был слабым и сломанным человеком. Судьба его наказала. Заставила быть сильным и неоднократно показывать сильные лидерские качества.

Несмотря на пасмурную погоду, день выдался тёплый. На набережной, почти в самом центре города, дул лёгкий ветерок и щекотал начинавшие образовываться у майора залысины. Шум широкой реки смешался с плачем и всхлипами. К самой реке хартийцы согноли несколько сотен гражданских. Только женщины и дети. Мужчин расстреливали во избежание сопротивления. И не только их.

У ног Оскара лежал трупик с простреленной спиной. Мальчику хватило глупости побежать на встречу Войцеховскому и солдаты Хартии не задумываясь изрешетили ему спину. Ребёнок вскрикнул и больше не издал ни звука. По ровным плиткам мостовой потекла густая кровь.

Майор не вздрогнул, лишь мимолётно взглянув на мальчика. Сейчас его не пугали ни выстрелы, ни десятки стволов направленных в его сторону, ни страх за свою жизнь, что могла оборваться в любой момент. Цепляться за жизнь он перестал ещё одиннадцать лет назад и был готов встретить свой конец в любой момент.

Позади майора снайперская группа и две роты незаметно занимали позиции и ждали приказа открыть огонь. Хартийцы понимали это и как можно лучше прятались за спинами гражданских. Боролись за дело Хартии любыми методами.

— Нашли над кем издеваться, — хмурясь, прошептала Саманта, выцеливая хартийца. Солдат сжимал огромной ладонью голову девочки, полностью закрыв ей рот. Второй рукой он подставил к её голове пистолет. Малышке только и оставалось, что безмолвно глядеть на Войцеховского и плакать.

К майору вышел офицер Хартии. За коротким диалогом стало ясно, что обороняющим Варшаву предлагали сдать, в обмен на жизнь мирного населения. Все понимали, что это враньё. Информация о массовых расстрелах достигла даже изолированную восьмую дивизию. Оскар не мог спасти всех. Но по крайней мере этих людей он спасёт.

Выкрикнув кодовую фразу: «Кушать подано!», он выхватил нож и напрыгнул на офицера. Снайперы выстрелили одновременно, пехотинцы с ревущим криком побежали в рукопашную.

Прицел Саманты качнулся. Через несколько секунд она увидела как девочка сидела возле истекающего кровью трупа хартийца и уже не сдерживая себя во всю редела.

Ещё одна спасённая жизнь.

Ещё один протест против произвола грёбанного мира.

Офицер Хартии был на редкость сильным соперником. Оскара едва не зарезали собственным ножом. К счастью, на помощь вовремя подоспел Бернад, забив хартийца прикладом, оставив от некогда благородного лица лишь кровавую массу.

— Спокойно, младший лейтенант, — сказал Войцеховский, подымаясь. — Давай без фанатизма. Мы же могли взять его в плен.

— Такие уроды не заслуживают права на жизнь, — прорычал Бернад, тяжело дыша.

Остальные Конфедераты тоже разделяли мнение командира. В хартийцев стреляли, кололи, душили, ломали кости и выдавливали глаза. Делали так, чтобы они как можно больше мучались перед смертью и резня продолжалась до тех пор, пока последний солдат Хартии не пал замертво.

Майор через слёзы и всхлипы женщин понял, что их трупами хотели отравить реку, тем самым отрезав защитников от единственного источника воды. Теперь гражданские были в безопасности. Но на долго ли? Взглянув в заплаканные глаза девочки, майор понял, что выбора у него особо и нет. В городе их ждала смерть либо от голода, либо от расстрельных команд хартийцев. Поэтому Оскар принял решение разместить гражданских в подвалах крепости. Ведь солдаты Конфедерации клялись защищать мирное население. Пора было исполнять своё воинское призвание.

Начинался четвёртый день войны. Ещё один из бесконечных дней не менее насыщенный событиями чем предыдущие и последующие. Вторая и пятая дивизии закрепились в Сталевой-Воле и сдерживали яростные атаки противника, рвущегося дальше на юг. Потери с обеих сторон были огромны. Но всё же конфедераты потеряли бы намного больше людей, если бы не помощь артиллерийского полка балканских добровольцев.

Бригадир Нестор Водечка с напыщенным артистизмом командовал полутора тысячью солдатами, пятьюдесятью орудиями и разведсредствами, включая несколько дронов и беспилотников. Говорили, что до войны он был одним из самых известных дирижёров. Это оставило свой след во время несения службы. Когда начинался координированный обстрел, Нестор доставал дирижёрскую палочку и руководил расчётами орудий. Его подчинённые уже ничему не удивлялись и на автоматизме выполняли приказы. Беглый огонь, поражение стационарной позиции, подавление, разрушение переправ, контрбатареинная стрельба, смена позиций. Такова она нелёгкая профессия артиллериста.

Полковник Буткевич планировал контратаку с целью уничтожения плацдарма на реке Танев. Но потрёпанные войска не могли себе позволить полномасштабную атаку. Поэтому было сформировано несколько десятков мобильных групп. В их задачи входило обнаружение позиций врага, внезапные атаки и такой же неожиданный разрыв контакта с противником. Одну из таких групп возглавил капитан Ян, дабы самому убедиться в эффективности инициативы полковника.

Солнце пряталось за тонкой линией деревьев, периодически поглаживая лучами правую щеку Яна. Пехотинец, идущий впереди капитана, медленно ступал по влажной от росы траве, внимательно высматривая всевозможные ловушки, места для засад, позиции противника и прислушиваясь к каждому подозрительному звуку и шороху. Идущие за ним солдаты с напряжённым молчанием вели наблюдение за своим сектором. Гранатомётчику вечно приходилось пригибаться, иначе его массивная труба зацепалась за стволы веток.

Замыкающим шёл задом наперед пулемётчик, предотвращая внезапную атаку в тыл.

Пехотинец резко остановился, будто поражённый разрядом тока. Затем поднял правую руку и вытянул, будто лесной хищник, голову. После чего резким прыжком спрятался за деревом. Его примеру последовали остальные члены группы.

О причинах странного поведения солдата долго догадываться не пришлось. Вскоре по всей округе послышалось рычание танкового двигателя и через некоторое время на дорогу выкатился хартийский танк.

Дополнительная система защиты, длинная пушка и качавшийся на тёмно-зелёной башне тяжёлый пулемёт. На пыльной броне всевозможные знаки отличия, от красных полос, до белой большой буквы и патриотической надписи восславлявшей консула.

Ян заметил в поведении танка странности. Машину бросало из стороны в сторону, иногда она слишком резко газовала, а несколько раз и вовсе заглохла. Но думать о причинах времени не было. Гранатометчик уже достал потрёпанный временем Javelin и высматривал в прицеле цель. Внезапно стрелок недовольно простонал и сплюнул. Из соседней лесополосы вышел отряд хартийцев в несколько раз превышавший группу капитана. Вступать в бой не было никакого смысла. Их просто бы задавили числом.

Ян уже собирался отдавать приказ на отход, как тут произошло что-то странное: хартийский танк начал стрелять по своим. Снаряд попал в самую гущу их боевого построения, а пулемёты косили опешившую пехоту. Теперь танк ещё больше заинтересовал капитана и чтобы разобраться что происходит, нужно было добраться до экипажа раньше хартийцев, что пока не отошли от первого шока.

Солдаты Хартии пытались обойти танк, открыть люк и забросить туда пару гранат, но их сразили пули конфедератов. Оказавшись между двух огней, враг методично уничтожался.

— Прекратить огонь! — крикнул Ян.

Капитан окинул взглядом поле. Между дымящихся воронок лежали одни трупы, бесславно принявших здесь свой последний бой. Никто и не вспомнит, что здесь кто-то погиб. Танк тихо тарахтел двигателем, ожидая дальнейшего развитие событий. Солдаты Конфедерации с нескрываемым опасением смотрели на него в ответ.

— А в нас он стрелять не будет? — спросил Яна один из солдат.

— Сейчас узнаем, — ответил капитан и вышел из укрытия.

Стальной монстр, монотонно урча, выжидающе смотрел на Яна. У самого капитана слегка сосало под ложечкой от непредсказуемой машины. Ещё никогда он не видел хартийский танк так близко. Не дойдя пары метров, люк танка со скрипом отворился и оттуда высунулась чернявая голова с длинными тёмными косами. Пока Ян пытался понять что происходит, девушка хитро улыбнулась и выпрыгнула на крышу танка. Вместо устоявшейся для капитана формы на ней было широкое разноцветное платье, что своими воланами доставало до дула.

«Цыганка. Цыгане украли у хартийцев танк!»

Эта мысль настолько рассмешила Яна, что он во весь голос залился хохотом. Пока капитан смеялся, из башни выпрыгнуло ещё два цыгана. Их глаза горели непреодолимым желанием встрять в очередную авантюру.

Через несколько минут отряд Яна и ромы разговорились. Выяснилось, что танк по неосторожности заехал прямо в цыганский табор, едва не раздавив барона и баронессу. Такой наглости жители табора стерпеть не могли. Толпа накинулась на танк, закрыла смотровую щель, взломала задраенный люк и связала до смерти перепуганный экипаж.

После цыгане стали думать, что делать с танком и решили, что лучше отдать его конфедератам.

— Может вы нас и не любите, — продолжала цыганка. — Но, по крайней мере, не трогайте. А что эти будут с нами делать, мы знаем. Уже всех изгнали со своих земель. Так что держите. Бейте этих шайтанов с их новым порядком!

— Спасибо вам. От всей армии. Вот только что вы сделали с танкистами?

— А мы их перевоспитываем. Когда поймём, что пакостить не будут — отпустим.

Ян нервно вздохнул, представляя, что делают с теми бедолагами, но ничего не ответил. Раз уж против Хартии стали цыгане, значит она точно обречена.

На прощание цыганка обняла капитана и махнув рукой, скрылась в густой зелени. Ян махал в ответ, пока не понял, что цыганка стащила у него пистолет. Но капитан особо не расстроился. Обмен пистолета на танк казался выгодным, не так ли?

Рацион защитников Варшавы, в условиях полного окружения и осады, сильно урезали. Доходило до того, что на день выдавали пачку безвкусных галет и флягу воды. Воду очищали дезинфицирующими таблетками. Говорили, что они способны сделать её пригодной для питья даже после загрязнения нефтью. Правда вкус у воды становился настолько ужасным, что некоторых начинало тошнить.

За скудным завтраком Алексей и Бернард разговорились на так мучавших сейчас всех вопросы, о которых в мирной жизни никто бы не задумался.

— Как ты думаешь, Медведь, почему хартийцы так жестоки с нами? Особенно с мирным населением?

— Я думал над этим, Леший, — ответил Бернард, кривясь от горькой воды. — Сначала я объяснял себе, что они таким образом хотят показать своё превосходство. Но тут всё намного глубже. До войны простые хартийцы ничего о нас не знали. Они же начали войну, наивно веря, что несут нам цивилизацию. Но когда заняли первые города, увидели, что живём мы не хуже. Дома такие же красивые, улицы такие же ухоженные, дороги такие же ровные, канализация так же бесперебойно работает, а простые люди жили так же беззаботно. Жили... — вздохнул Бернард.

— Так пускай тогда разворачиваются и сваливают, — бросил Лёша.

— Наивный ты, Леший. Ты же знаешь их лучше, чем все мы. Некоторые из них служат Гвину уже одиннадцатый год. Каждое убийство они прощают себе, во имя лучшего мира. И теперь, когда они здесь, им очень сложно уместить всё это в голове. Они действительно не понимают, что здесь делают. Но признать, что их обманывают? Обманывают одиннадцать лет? Тогда какой в их существовании был смысл? Любой человек будет глушить эти вопросы и делать всё, чтобы их больше не возникало. Поэтому они разрушают города, убивают и насилюют. Потому что по-другому их ценностям придёт конец.

— Они такие мудаки, пока в наступление. Когда хорошенько получают в морду, в голову сразу вернуться неудобные вопросы. И тогда окончание войны лишь вопрос времени.

— Ещё одна причина уничтожать их как можно больше?

— А ты как думал? — ухмыльнулся Алексей.

— Особенность нашей войны заключается ещё в том, что она ведётся не за какую-нибудь газовую скважину или клочок суши. У нас война мировоззрений. Они хотят чтобы вся Европа обслуживала узкий круг людей по их мнению достойных этого. Мы хотим, чтобы каждый нашёл своё место в мире. Их взгляды на жизнь искажены многолетним обманом.

Нам же всегда говорили правду, какой бы горькой она не была.

— Как ты думаешь, в тылу знают как у нас дела? Думают как нас спасти?

— Не знаю. Майор как обычно ходит хмурым, а это ни о чём хорошем не говорит.

— Пусть уж пошевелят своими задницами. Я пока ещё хочу с Джульеттой пожить. И твоей светлой голове никак нельзя позволить пропасть. Ты кем был до войны, командир?

— Два года учился в военной академии. Но наука войны мне давалось тяжело, поэтому в высший офицерский состав попасть не удалось. До этого жил скучной жизнью в Реймсе.

— Как это? — удивился Алексей. — Неужели за одиннадцать лет ничего интересного с тобой не произошло?

— Ничего интересного, что бы тебя заинтересовало. Обычная рутина. Особенно глядя что сейчас происходит, я понял как скучно жил. Меня ведь даже дома некому ждать. Некому написать тёплое письмо, никто крепко не обнимет, если я вдруг выживу и вернусь.

— Медведь.

— Да, Леший?

— Если мы выберемся из этой задницы, пообещай, что найдёшь себе пару. Понял?

— Да, Леший, — вздохнул Бернад. — Торжественно клянусь.

Ян закурил, наблюдая за багровым закатом. На его фоне догорала техника из разгромленной колонны хартийцев. Противник хотел обойти войска Конфедерации с фланга, но к его несчастью в этом секторе работало два беспилотника. Через три минуты остатки колонны панически отступали под защиту воздушной обороны. Группу капитана отправили оценить потери противника.

Из люка БТР-а свисал полуобугленный труп. Его нога зацепилась за стальной выдолб и он так и остался парить на землём. Штаны стянулись, оголяя белые-белые ягодицы, особенно на фоне сгоревшего туловища и головы. Мозолистые ладони сжались в кулаки, рот так и остался широко открытым во время последнего мучительного вопля. Тело ещё тлело, а ветер усиливал удушливую трупную вонь.

— И зачем ты сюда ехал? — спросил Ян у трупа, туша об него сигарету. — Освобождать нас? Спасать от нищеты? Ну что, спас? Выполнил дело Хартии? А мог бы сидеть дома. Хотя нет, у таких как ты нет выбора. Такова значит твоя судьба. И не узнает молодая каков идиотов был конец, — напевал под нос капитан и пошёл к своим подчинённым. Они как раз возились возле двух бронемашин.

Выяснилось, что у техники повреждена только ходовая часть и после ремонта их можно было вернуть в строй. Оставалось только решить как их доставить в ремонтную бригаду.

— Полковник, — связался с Йозефом Ян, — у нас тут два трофейных БТР-а. Можете там прислать два тягача для реквизиции?

— Прости, капитан. Буквально две минуты назад отправил последние для второго полка.

— Буткевич, — вздохнул Ян, — ты меня огорчаешь.

— Подожди меня списывать со счетов, — засмеялся полковник. — Сейчас что-то для вас придумаем. Ждите.

Уставшие солдаты сели у бронетехники. Несмотря на мрачный вид горящих машин и сожжённых тел, настроение у всех было приподнятым. После многокилометрового отступления они дали бой Хартии, выдержали удар и умудрялись наносить ей ощутимые потери. Каждая маленькая победа доказывала, что они могут сопротивляться, а значит

появлялся шанс на завершение войны в пользу Конфедерации. Шанс призрачный, едва уловимый в масштабах кровавой бойни, но он был и за него стоило бороться.

На пустующем поле появилось два силуэта. По мере их увеличения глаза солдат увеличивались, а в голову лезли вопросы об адекватности командования. Что же касается Яна, то он ещё раз убедился в гениальности своего друга.

— Это что? — не веря своим глазам, спросил солдат.

— Если не ошибаюсь, New Holland, — как ни в чём не бывало ответил Ян. — Хорошая модель.

Тёмно-голубой трактор на натянутом тросе тащил подбитый БТР. На его броне сидели солдаты, крепко держась за поручни, чтобы не слететь из-за случайно попавшейся под колёса кочки. Чумазные и пропахшие копотью бойцы молчаливо наблюдали за багровым солнцем. Кто-то думал как несколько часов позволит себе поспать, чтобы с новыми силами бороться с Хартией. Кто-то вспоминал погибших боевых друзей. Кто-то размышлял о грядущих битвах. Подпрыгивая на броне они не знали, что их импровизированные тягачи уже стали одним из символов этой войны. Символом победы жизни и созидания, над смертью и разрушением. А над ними кружил другой символ — беспилотник, что нёс своё дежурство и умело избегал Соколов Левандовского.

— Нам нужно наладить связь с внешним миром, — без предисловий обратился Войцеховский к командирам. — Нужное оборудование, каналы связи, шифровки у нас есть. Значит причина остаётся одна — нас глушат. Глушилку должны разместить недалеко от центра Варшавы, иначе она не смогла бы покрыть весь город и крепость. Нужно проверить районы...

— Это не нужно! — перебил майора ворвавшийся в зал офицер. Под грязной фуражкой блестели недобрым огоньком глаза, а на губах уже давно поселилась надменная ухмылка. В форме зияло множество рваных дырок, но солдат выглядел на удивление бодро и подтянуто. Подойдя к Оскару, офицер повторил: — Уже не нужно, майор! Ты хорошо держался. Теперь позволь мне взять командование на себя.

— Ты ещё кто такой? — недоверчиво фыркнул Оскар, переводя взгляд с лица офицера на погоны подполковника.

— Вижу майор давно не появлялся в штабе и забыл о том, что бывает за неповиновение старшим по званию. Я подполковник Михаэль Вагнер. Отвечающий за связь восьмой дивизии, — услышав это, сидящие за столом радисты переглянулись. — Назначили перед самым вторжением, но, к несчастью, меня завалило обломками вместе с вашим руководством. Хорошо, что один из ваших отрядов откопал меня.

Майор молча слушал, медленно изучая глазами собеседника.

— Севернее от Варшавы, — продолжал подполковник, — расположена четвёртая дивизия. Если хотим выжить и дальше сопротивляться, нужно сегодня же ночью идти на прорыв.

— Может я не так смышлён в тактике, как Михаэль, — вставил свою реплику Алексей, — но держа здесь оборону, мы сковываем на себя достаточно много сил противника. А если мы покинем выгодные позиции, то просто оставим центральный фронт без прикрытия.

— С каких это пор какой-то сержант начал вступать в разговор старших по званию? — прошипел офицер.

— С таких, что пока кто-то отлёживался, мы делали всё, чтобы стабилизировать фронт.

— Спокойно, Леший, — прервал его Оскар. — Господин подполковник, солдаты действительно вас не знают. Не могли бы вы как-то подтвердить свою личность?

— Ах, конечно, — офицер достал из кармана удостоверение и протянул майору. — Хвалю за бдительность.

— Как у генерала прошёл день рождения? — спросил Оскар, изучая тоненькую книжку. — Персики ему понравились?

— Конечно. Их было столько, что остальные блюда едва уместились на столе. Очень жаль, что всё это осталось под завалами.

— Понимаешь, Михаэль, — не поднимая глаза, из далека начал Оскар. — Вроде же всё предусмотрел. И форма наша, и звёзды подполковника, и человек с фамилией Вагнер действительно должен был к нам прибыть, и удостоверение очень профессионально сделано, и четвёртая дивизия действительно стоит на севере. По крайней мере стояла. Одно ты не учёл, горе подполковник, — Войцеховский посмотрел на Михаэля хитрыми глазами, — все в восьмой дивизии знают, что генерал страдал аллергией на персики. Вот никак он не мог их позволить себе на застолье.

Глаза у Вагнера округлились, лицо побледнело, а улыбку сковало нервной судорогой. Секунда — и он уже бежал прочь из комнаты. Предвидев это, Войцеховский выхватил пистолет и метким выстрелом повалил хартийского диверсанта.

— Вот же сволочи, — причитал майор. — Не могут взять в честном бою, так пытаются хитростью. Ещё одна причина наладить связь. Мы слепые как котята и нужно понять, что происходит на соседних участках. Может Конфедерация уже капитулировала, а мы тут зря грызёмся с хартийцами, — майор грустно улыбнулся. — Юрмала и Финка, берите из прибалтов и заключённых лучших людей и хоть сровняйте город с землёй, но чтобы к полночи связь у меня была. Плюс? — командиры отрядов прибалтийских добровольцев и арестантов молча кивнули. — И уберите этот кусок говна отсюда, — кивнул майор в сторону истекающего кровью трупа.

— Майор, — спросил Бернанд, беря тело за ноги, — а что бы вы делали, если бы он правильно ответил на счёт персиков?

— Разуь глаза, Медведь. Я бы просто спросил почему он расхаживает в хартийских сапогах.

Расчёт Войцеховского оказался верным. Ближе к вечеру глушилку нашли в одном из дворов старой части города, под усиленной охраной. Под покровом темноты конфедераты начали атаку. Потеряв практически всех солдат, включая командиров отрядов, солдаты Конфедерации всё же смогли уничтожить причину радиолокационной тишины и выполнить поставленную задачу.

Сеть ожила и радисты принялись со всех сил налаживать связь со ставкой верховного командования.

— Господин генерал, — обратился к Фридриху взмыленный адъютант, — на связь вышла восьмая дивизия.

Ничего не говоря генерал со всех ног побежал в комнату связи и вырвал у радиста гарнитуру.

— Восьмая дивизия? — не скрывая волнения, спросил Фридрих. — С кем я говорю?

— Майор Оскар Войцеховский, — уставшим тоном ответили на том конце. — В сложившейся ситуации принял командование над остатками восьмой дивизии. С кем имею

честь говорить?

— Главнокомандующий вооруженными силами Вольной Европейской Конфедерации. Докладывайте, майор. Что у вас происходит?

— Ничего хорошего, генерал. Дивизия несёт тяжёлые потери. Под моим руководством отсталость две тысячи человек. Ещё мы взяли под свою защиту несколько сотен гражданских. У нас много тяжело раненных. Медикаментов, еды, воды, боеприпасов совсем нет. Мы сможем удерживать крепость и её окрестности три, в лучшем случае четыре дня. Дальше нам банально не будет чем отстреливаться. Генерал, пойми, я прошу не за себя. Но парней нужно спасти. Будь уверен, они неоднократно доказали свою верность. Сделайте что угодно, но вытащите их отсюда. Как меня слышно, приём?

— Хорошо слышно, майор. Я вас понял. Будем думать как вас спасти. Только держитесь. Конец связи.

— Конец связи.

Генерал несколько секунд молча смотрел в одну точку, а затем ни к кому конкретно не обращаясь, сказал:

— Будите канцлера. Срочно!

За всё время Уинстон ни разу не покинул ставку. Установив в собственном кабинете раскладушку, он спал максимум четыре часа, но учитывая тяжёлую ситуацию на фронте, сейчас почти не смыкал глаз. Спустя десять минут на экстренно созванном заседании канцлер уже слушал доклад Фридриха.

— В центральной Польше Хартия прорвалась на сто-двести километров. Варшава для них глубокий тыл. Ближайшие к восьмой дивизии подразделения скованы тяжёлыми боями и не в состоянии как-то помочь окружённым. Деблокировать их не представляется возможным.

— Есть ещё варианты? Например, по воздуху?

— Первые пилоты закончат подготовку через несколько месяцев. Учитывая, что у Хартии полное превосходство в воздухе, а в районе Варшавы все аэродромы под контролем врага, эвакуация воздухом невозможна.

— Как на счёт по воде через Вислу?

— Все водные подходы к городу заминированы, — прямолинейный тон генерала звучал как приговор.

— Неужели их никак нельзя спасти? — с отчаянием в голосе спросил Уинстон Фридриха.

— Боюсь, что так.

Канцлер тарабанил пальцами, рассматривая карту Варшавы. Глядя на крепость, он представлял как тысячи людей, терпя невзгоды, ждут, что им протянут спасительную соломинку. Но её не было. Или так думал Уинстон.

— Фридрих, — задумчиво сказал Уинстон, — на территории крепости может что-то приземлиться?

— Разве что только вертолёты.

— Сколько их у нас?

— Несколько десятков, но все на складах. Без квалифицированных специалистов — это просто груда металлолома.

— Но мы всё же рискнём, — прошептал канцлер.

— Простите? — удивился генерал.

— Слушай мой приказ. Поднимай курсантов, инструкторов, пилотов-любителей. Всех, кто хоть как-то умеет летать. Но сделай так, чтобы завтра у нас была эскадрилья, способная лететь в самое пекло.

— Господин канцлер, — опешил Фридрих, — это невозможно. За столь короткое время не сформировать даже батальон.

— А ты всё же постарайся. Не зря же ты занимаешь эту должность. Переверни вверх дном Конфедерацию, но вытащи наших ребят.

— Слушаюсь, — без энтузиазма ответил генерал.

В комнату прибежала секретарша Уинстона.

— Господин канцлер, к вам прибыли представители вольных городов.

— Как, уже? — удивился Уинстон. — Чёрт. Пожалуйста, — он крепко взял её за плечи, чем напугал девушку, — тyani время. Скажи, что я уехал и вернусь поздно ночью. Придумай что-нибудь. Сейчас судьба Конфедерации висит на волоске. Спаси же её.

— Знала бы, чем мне придётся заниматься, — вздохнула секретарша, — ни за что бы не согласилась работать у вас.

— Я того же мнения, — улыбнулся Уинстон. — Но сейчас каждый на своём месте. А такое бывает очень редко.

Войска Хартии начинали финальную зачистку Варшавы. Теснимые превосходящими силами конфедераты подорвали всё, что не подлежало эвакуации и отступили в Цитадель. На верхних этажах крепости расположились расчёты минометов, уже который день подавляющих своим огнём врага. На средних создали пулемётные точки, стрелковые и снайперские позиции. В подвалах стонали сотни раненных и медики в ужасных условиях всеми силами пытались облегчить их боль. Приходилось разрываться между солдатами и перепуганными детьми. Война оставила в их маленьких глазах неизгладимый след ужаса и страха.

Как только настал новый день, начался обстрел крепости. Сотни снарядов и авиабомб обрушились на многовековые стены крепости. Но бастионы выдерживали, держались и защитники. Заряжая обоймы и пулемётные ленты, чистя оружие, ведя наблюдение из амбразур, перевязывая раненных и успокаивая плачущих от вездесущего грохота детей, они ждали хороших вестей. Солдаты верили в своего канцлера и верили, что их спасут.

— Двадцать транспортных вертолётов в сопровождении четырёх ударных ждут приказа о начале операции. Каждого из пилотов мы посвятили в детали миссии и какие с ней сопряжены риски. А риски такие, что с огромной вероятностью они не вернуться обратно. И даже несмотря на это никто не отказался.

— Страшно представить, чего тебе это стоило, Фридрих, — довольно сказал Уинстон.

— И не представляйте. Пришлось напоминать старым друзьям об их долгах и переругаться со всеми офицерами. Но общими усилиями первое авиакрыло мы всё же создали.

— Какое название операции?

— Кодовое название: «Полёт валькирий».

— Кто-то из офицеров ценитель классики? — ехидно спросил канцлер генерала.

— Да, — кратко ответил Фридрих. — И этот ценитель — я.

— Тогда начинайте и спасите столько сколько сможете. И ещё, Фридрих. Личная

просьба. Организуй мне встречу с защитниками как только будет такая возможность.

— Будет исполнено, господин канцлер.

Ближе к ночи обстрел крепости неожиданно прекратился и город погрузился в молчаливую тьму. Стало настолько тихо, что слышались взрывы от идущих за много километров отсюда боёв. Город вымер, оставив после себя лишь блеклую тень былого благополучия.

Алексей выключил очки ночного видения и насыщенное зелёными оттенками небо сменилось тёмными, с яркими белыми звёздами. Он вспомнил, что десять лет назад уже смотрел на ночное небо. Тогда с Вильгельмом они не знали, что больше никогда не смогут вместе взглянуть на звёзды и поговорить по душам.

Лёша почувствовал плечо Саманты. Она уселась рядом с ним и через небольшое окно тоже смотрела на звёзды. Сейчас они не были на охоте, напротив, в их задачу входило ни в коем случае себя не обнаружить и ждать сигнала. Так что сейчас, сидя в покрытой темнотой комнате, будто в тёмной исповедальне, каждый думал о своём и невольно наслаждался теплом идущим от тела боевого товарища.

— Вселенная, — тихо прошептала девушка, — какая же она огромная.

— Многие считают, что она бесконечна.

— Неужели она не может поделиться крупицей своей силы, чтобы помочь нам? Помочь прекратить страдания?

— Страдания всегда были и будут. Без них мы бы не понимали что такое счастье.

— Благодаря тебе я по настоящему узнала что такое счастье.

— Что за спонтанные комплименты во время миссии? — нахмурился Лёша. — Если уж на чистоту, то благодаря мне ты сейчас в самом опасном месте во всём мире. И то, что мы ещё живы, само по себе уже чудо.

— Можешь считать меня сумасшедшей, но я рада, что могу сражаться вместе с тобой. Я бы рехнулась, сидя в тылу и ожидая от тебя вестей.

— А так есть все шансы рехнуться здесь.

— Пока ты рядом, я стерплю многое, — она потёрлась щекой об его. — Лёш... То есть Леший.

— Я слушаю.

— А мы ведь даже не обручились. За всё время не выделили дня.

— Нам было и так комфортно. А с юридической волокитой приходят новые обязанности.

— Но сейчас ты бы хотел, чтобы я стала твоей женой?

— Сейчас? — Алексей растерялся. — Когда в любой момент нас могут убить?

— Да.

— А ты бы согласилась?

— Никогда не лишним будет проверить.

— Но у меня даже кольца нет.

— Так придумай что-нибудь, — улыбнулась Саманта.

Включив очки, Алексей нащупал на полу кусок проволоки. В кухонном столе нашлось немного фольги. Намотав фольгу на проволоку, вышло с виду кольцо отдалённо напоминающее обручальное. Лёша остался недовольный работой, но выбирать ему было не из чего. Встав перед смущённой Самантой на колени, он, с трудом выговаривая слова, начал:

— Рядовой Смит, по прозвищу Джульетта. Саманта. Мы вместе одиннадцать долгих лет. По злему умыслу судьба свела нас вместе. Для друг друга мы были лучшими друзьями, надёжной опорой и самыми страстными любовниками. Теперь так случилось, что я твой командир, а ты мой подчинённый. Но... Любые звания и чины ни что, по сравнению с тем чувством, что мы дарим друг другу. И я хочу до конца своих дней быть рядом с тобой. Милая, я прошу у тебя руки и сердца. Ты готова разделить со мной жизненный путь? Ты готова стать моей женой?

Саманта серьёзно взглянула на Алексея прямо через оптику ПНВ. Уже набрав воздуха и собираясь ответить, как её прервал голос из рации:

— Отряд восемь. Леший! Приём.

От неожиданности Алексей выронил кольцо и то закатилось под половицы.

— Леший слушает, — взяв себя в руки ответил Алексей, отведя взгляд от Саманты.

— «Пчёлки» уже близко. Давайте свет и пулей к нам. Кто не успеет, остаётся здесь.

— Плюс. Конец связи.

Алексей про себя выругался, осознавая какую глупость они сейчас допустили. Их могли убить или взять в плен без малейшего сопротивления. По глазам Саманты он понял, что она была того же мнения. Взяв протянутый от неё мощный фонарь, он включил его и осветил всю улицу. Из окна Лёша увидел как другие отряды сделали то же самое, создав для вертолётчиков ориентир из освещённой линии. Не сговариваясь, снайперская группа поспешила обратно в Цитадель.

Напыщенная гордость и самоуверенность Хартии чуть ли не впервые сыграли против неё. Хартийцы были уверены, что кроме беспилотных аппаратов у Конфедерации больше нет авиации, а значит необходимости устанавливать системы противоздушной обороны в глубоком тылу нет. Вчера они были правы, но хартийцы забыли, что на войне всё очень быстро меняется. И вот монотонно шелестя лопастями, чуть ли не в плотную у разрушенных крыш, воздух рассекали двадцать четыре вертолётчика. Летя по свету фонарей, словно сбившиеся корабли плывущие на свет маяка, они летели прямо к Цитадели. Ангелы летели спасать праведников из ада.

Через несколько минут первый вертолёт уже садился во внутреннем дворе крепости, под безмолвное ликование солдат и гражданских. Собирая остатки самообладания, они терпеливо ждали когда стальная птица сядет и пустит их в своё чрево.

— Десять минут, — перекрикивая шум лопастей, обратился пилот к майору. — У нас десять минут, пока краснопузые и Болотный Лис не смекнули что произошло и не начали полевать всё огнём. В вертолёт без снаряжения поместится в среднем сто человек.

— Позволь бойцам забрать хоть своё оружие, — торговался Оскар.

— Ладно, — махнул рукой лётчик.

— Тогда делаем всё в темпе, девчонки!

Сначала грузили гражданских. Многих приходилось уговаривать, из-за того, что они боялись полётов и высоты. Алексей заметил маленькую девочку, с перевязанным обрубком вместо руки. Она испуганно смотрела по сторонам, не в силах сдвинуться с места.

— Малышка, — Лёша склонился над ней, — почему ты одна? Где твои родители?

— Дядя Леший, — девочка грустно посмотрела на него. — Почему консул Гвин забрал у меня маму, папу, дом и руку? Разве я где-то провинилась, что нужно было меня так наказывать?

Алексей не смог ничего ответить, лишь взял её на руки и отдал пилоту. Вертолёт уже

улетал, а Лёша так и продолжал с горьким привкусом смотреть ему в след.

— В чём дело, Леший? — спросил его Оскар, заметив поникший взгляд Алексея.

— У неё забрали родителей, Шкипер. Прямо как у нас. Вот только в её случае виноват не каприз вселенной, а мы и только мы. Какие же сволочи, — прошипел Лёша.

— Спокойно, Леший. Война только начинается. Пусть твоя ярость послужит тебе в бою.

— С удовольствием. Каждая тварь получит по заслугам.

Гражданских эвакуировали и началась погрузка раненных. Некоторые занимали места за троих, так что, чтобы забрать всех, потребовалось четыре вертолёта. Теперь очередь была для остальных. Стрелков, пулемётчиков и снайперов без патронов, медиков без медикаментов, артиллеристов без артиллерии, танкистов без бронетехники. Чудом уцелевшие некогда самой боеспособной восьмой дивизии.

Солдаты отдавали честь и жали руку майору. Некоторые плакали. Все понимали, что теперь в неоплатном долгу перед тем, кого раньше считали жуликом незаслуженно получившем должность. Вертолёты улетали одним за другим и двор постепенно становился пустынным. Осталась рота Бернарда, вместе с майором погрузившиеся на последний спасительный шатл.

Пилот начал набирать высоту, но, вопреки ожиданиям, машина осталась на земле.

— Зараза, — выругался пилот, — перегруз.

Все испуганно переглянулись. Майор вздохнул и поднялся.

— Так и знал, что этот город меня не отпустит.

— Шкипер, — удивился Алексей, — ты куда?

— Туда, куда мне самое место, — ответил он, зажигая сигарету. — На большой земле меня всё равно ждёт трибунал. Так что свою задачу я выполнил. Я лишь об одном попрошу вас: вернитесь сюда и дайте им хорошую взбучку.

— Обязательно, майор, — ответил Бернард.

— Спасибо вам всем. Вы были лучшими людьми, что мне довелось повстречать.

После эти слов он выпрыгнул из кабины и усталыми глазами провожал своих людей. Солдаты с неподдельным восхищением и уважением смотрели на него в ответ. На измождённого офицера, с недельной небритостью, отвратительным запахом и эгоистичным подходом к жизни.

Вертолёт начал набирать высоту. От Оскара осталась лишь красная точка от сигареты, тлевшей на чёрном покрывале. Но и она скоро погасла из-за начавшегося артобстрела.

Майор Оскар Войцеховский попал в плен тяжело раненым на двенадцатый день войны. В последствии многие пытались переложить на него ответственность за разгром восьмой дивизии. Его личность долгое время приводили в пример как одну из причин провалов первых месяцев войны. И только двадцать лет спустя ему присвоят Героя Вольной Европейской Конфедерации. Посмертно.

У эвакуированных солдат был настолько измождённый вид, что всех отправили на медицинское обследование. Усиленное питание, здоровый сон, чистая одежда. Многие уже и забыли какова жизнь обычного человека, живущего мирной жизнью.

Пятьдесят человек отобрали для встречи с канцлером. Среди счастливиц были Алексей и Саманта. Пройдя через все возможные водные процедуры и получив новую чистую форму они не заметили как оказались в кабинете канцлера. Он принимал солдат по очереди парами.

— О мой бог, — воскликнул Уинстон, когда увидел знакомые лица, — а ведь я вас знаю!

— Кафе в Берлине, — улыбаясь, ответила Саманта. — Вы опаздывали на инаугурацию.

— Точно-точно. Как много времени прошло.

— Вас государственная служба явно не пощадила, — рассмеялся Алексей.

— Это да, — засмеялся канцлер в ответ. — Но как вы, фройляйн, попали в армию? Это же запрещено законом.

— В нашей ситуации действовал единственный закон войны — убей или быть убитым, — серьёзно ответила Саманта.

— И как такой милый человек как вы смог найти в себе силы убивать?

— Мне не нравится убивать, господин канцлер. Мне очень противно. Но если так будет страдать меньше людей, значит я буду продолжать это делать.

— И вы говорите это после всего пережитого.

— Мы видели слишком много, чтобы теперь оставить всё на самотёк.

— Сколько же вы убили?

— Это государственная тайна.

— Но ведь мне можно знать все государственные тайны, — ухмыльнулся Уинстон.

— Очень мало, чтобы мы могли одержать победу, — немного подумав, ответила Саманта.

— Прекрасный ответ прекрасной фройляйн.

— Господин канцлер, я хочу вас кое о чём попросить, — смущённо сказала Саманта, поправляя локон.

— Если это в моих силах, я постараюсь что-то сделать.

— Реформируйте закон о призыве. Разрешите женщинам служить в рядах Конфедерации. Я уверена, что много кто хотел бы, как я, взять в руки оружие.

— Меня не только вы об этом просят, — задумчиво протянул Уинстон. — Хорошо, я постараюсь выполнить вашу просьбу.

В ответ Саманта ласково улыбнулась.

— Как же вы ей позволили стать снайпером? — спросил Уинстон у Алексея.

— А я и не позволял, — горько улыбнулся Алексей. — Она сама всё решила.

— Так уж сама, — передразнила его девушка.

— Да, ещё был Войцеховский. Но он по дальновидному решил с нами не лететь.

— Вы о майоре? — спросил канцлер. — Очень жаль, что он остался. У Фридрихе накопилось много для него вопросов. Но у войны свои планы. Войны... — задумчиво повторил Уинстон. — Я очень рад, что даже после пережитого вы не утратили былой воли к жизни.

— Они просто не знали с кем связались. Господин канцлер, — Алексей поправил воротник кителя, — можно прямолинейно вам выговориться?

— Диалог с избирателями? Конечно, не стесняйтесь.

— Я не знаю, есть ли у вас здесь враги. Хотя они есть у всех. Поэтому заявляю во всеуслышание: такого лидера, как вы, никогда не было и не будет. Когда все разбежались и мы уже мысленно себя похоронили, вы молча взяли и спасли нас. Честно говоря, вы мне раньше не нравились, но сейчас я без раздумий готов за вас отдать жизнь. Уинстон, гасите этих тварей! А мы вам будем помогать.

Канцлер моргнул. Алексей и Саманта начали меркнуть и искажаться. На миг свет погас,

а затем Уинстон уже сидел в окружении представителей вольных городов. На столе лежал акт о капитуляции, требовавший лишь одного — подписи канцлера.

Уинстон взглянул на окруживших его чиновников. Они с хищными взглядами ожидали его действий.

«Уинстон, гасите этих тварей!», — не вылетала из головы фраза Алексея.

Канцлер улыбнулся, а затем поступил как лидер, от которого требовались в сложные времена смелые решения: сложил акт по полам и разорвал на мелкие кусочки, после чего бросил клочки прямо на опешивших представителей.

— Вы же понимаете, чем вам это грозит? — спросил его сдерживая ярость длинноносый брюнет.

— Отставкой кабинета министров? Вотум недоверия парламента? Действуйте. Подкупайте министров, созывайте парламент. Делайте то, что умеете лучше всего — заниматься вредительством.

Уинстон стал, толпа расступилась и канцлер с гордо поднятой головой вышел из кабинета, оставляя своих коллег в полной растерянности.

Через несколько часов, впервые за последние дни, Уинстон покинул Ставку верховного главнокомандования и уже стоял за трибуной в просторном зале парламента, по причине объявления недоверия канцлеру. Стены с красивой плиткой, огромная люстра, ярко освещавшая помещение, стройные ряды мест для парламентариев, построенных на манер амфитеатра. На балконе журналисты направили объективы камер и нетерпеливо ждали начало речи. Уинстон ещё не знал, что видит здание в таком виде последний раз. Через месяц сюда угодит бомба, убив двадцать три человека.

— Канцлер Свободной Европейской Конфедерации! — торжественно объявил спикер.

— Спасибо, — сказал Уинстон и набрал по больше воздуха. — Сегодня, на шестой день войны, я снова возвращаюсь к вопросу о нашем выживании. Для меня не секрет, что народ Конфедерации полюбил меня за правду. А правда наша такова: несмотря на героическое сопротивление наших солдат, враг продвигается в глубь страны и мы вынуждены встречать их бескрайние орды в одиночку. Любой человек в здравом уме пошёл бы с консулом Гвином на мир, даже если в условиях была полная утрата суверенитета. Многие бы пошли на такое. Если бы не знали, что за собой несёт Хартия, — глаза Уинстона сузились. — Сегодня ночью наши храбрые лётчики спасли из окружения несколько тысяч солдат. То что они рассказали, повергло меня в шок. Массовые убийства гражданских. Изнасилования. Масштабные разрушения и мародёрство. Вот что несут на своих штыках солдаты Хартии. Главная опора власти консула. А значит это несёт и Хартия. Неужели этого хочет правительство для своих народов?

— Нет! — ответили парламентарии.

— Может они хотят, чтобы свободные народы были обращены в рабство и в изнурительном труде обслуживали привилегированный класс, засевший в столице?

— Нет!

— А может вы хотите страшной и мучительной смерти для своих жён и детей?

— Нет!

— Тогда выбор очевиден. Мы будем сражаться, — глаза Уинстона загорелись. — Сражаться столько, сколько потребуется и какова бы не была цена. Будем добиваться преимущества на земле, в воздухе и море. И если консул Гвин думает, что кучка трусливых чиновников, это вся Конфедерация, то он ошибается. Потому что многие лучше умрут, чем

будут жить под властью Хартии!

— Да!

— И если уж случиться, что наше государство падёт под натиском тирании, я верю, что остальные светочи свободы, где бы они не были, возьмутся за оружие и освободят порабощённые народы! Ведь свобода всегда одерживала вверх на рабством!

Парламентарии заглушили последние слова Уинстона бурными аплодисментами и провалили голосование за отставку канцлера. Через несколько дней консул Гвин объявит Уинстона Смита своим личным врагом, на что канцлер ответит:

— Я вам не враг. Я ваш приговор.

Несмотря на сопротивление конфедератов, фронт продолжал неумолимо двигаться на запад. Наспех сформированные подразделения и вооружённое чем попало городское ополчение бросались на танковые клинья Хартии и были способны в лучшем случае задержать хартийский каток. Такова была страшная цена за самый ценный ресурс — время. Пока солдаты сдерживали противника на фронте, сотни тысяч граждан в тылу записывались в добровольцы, обучались и формировали свежие резервы. Под тщательным руководством министра экономики Томаса Мольтке, промышленность переходила по военные рельсы. В кратчайшие сроки все заводы были эвакуированы из зон боевых действий и перемещены в Рурскую область, в итоге создав практически равный промышленный комплекс с хартийским Фудурдином. Дети и девушки, пока их отцы и мужья сражались на фронте, в тяжелейших условиях, по двенадцать часов в сутки, совершат подвиг и сровняют военно-промышленный потенциал Конфедерации с Хартией. Формировалось сотни благотворительных и волонтерских организаций, с целью обеспечения солдат всем необходимым. Но это будет потом и было бы невозможно без героического самопожертвования солдат в первые месяцы войны.

Наступило начало мая. На севере армия Хартии взяла Кёнигсберг и Данциг, в центре, с тяжёлыми боями, вошла в Познань, а на юге по двум направлениям медленно двигалась в сторону Кракова.

В обязанности адъютанта маршала входила инспекция войск. Обязанность нудная и раздражающая любого командира, особенно во время войны, но всё же необходимая. Первая бригада заняла окраины Познани. Во время инспекции с ней никогда не возникало проблем. Как никак в ней служили лучшие из лучших. Каково же было удивление Вильгельма, когда во время смотра гвардейцев, среди солдат с атлетическим телосложением он заметил низкорослого юношу, явно не подходившего под службу в Гвардии. Удивление усиливалось тем, что Вилли его знал.

То, что Тимка попал в Гвардию, действительно было ошибкой. Пухленький мальчик вырос в низенького худощавого паренька, едва умеющего держать автомат в руках. Все понимали, что произошла неурядица, бюрократическая коллизия, халатность в штабе. Тимку обязаны были перевести, но тут началась война. И в какой-то момент гвардейцы стали верить, что Тимка приносит удачу. Всё потому что Гвардия за всю войну не понесла потерь. Гвардейцы стали прикрывать новобранца перед командирами, прощали ему промахи в дисциплине, занимали для него самый тёплый уголок и делились самым вкусным куском хлеба.

Гвардейцы уговорили Вильгельма не переводить Тимку. В принципе Вилли сам понимал, что здесь для паренька самое безопасное место.

Зажигалка никак не хотела высекать искру, но всё же сжалилась и зажгла сигарету. Дым полетел прямо на улицу, туда, где когда-то была стена. От маленького дома осталась только одна целая комната. Вильгельм особо не пытался понять, что вызвало такое разрушение. Это могло быть что угодно: от взрыв пакета сапёров, до танкового снаряда. Голову офицера занимали совсем другие мысли.

Удалось провести встречу с командирами гвардейских отрядов, по совместительству старых друзей Эрвина, и посвятить их в планы переворота. Гвардейцы были шокированы, но,

на удивление Вилли, многие согласились, что Хартии нужно прекращать бесконечные войны. Пусть они и не намеревались убивать консула, но что-то нужно было делать. Теперь гвардейцы были готовы поддержать путч. Путч, который никак не мог начаться. Вилли же оставалось вернуться к Эрвину с докладом, а это было той ещё задачей. Ведь сейчас маршал мог быть где угодно.

Размышления Вильгельма прервали шаги. В домик несмело заглянул Тимка.

— Вильгельм, — улыбнулся он. — То есть... Простите. Господин, лейтенант. Вы меня узнали?

— Пригнись, — прошипел Вилли. — И не светись у окна. Сообщили, что в нашем секторе работают Варшавские призраки. Эти ублюдки, как на зло, очень меткие.

Тимка побледнел, пригнулся и добрался до противоположного к Вильгельму углу. Затем перевёл дух.

Варшавскими призраками хартийцы называли группу снайперов Конфедерации, выживших при битве за Варшаву. Получив ценный боевой опыт, они продолжали убивать захватчиков. Скоро во всей хартийской армии знали кто такие Варшавские призраки. Их начинали бояться, от них мечтали избавиться и хотели взять кого-то в плен, чтобы поквитаться. Но ничего не выходило. Снайперов словно и не было вовсе. Как будто они призраки.

— Господин лейтенант, а вы к нам надолго? — вскоре спросил Тимка. — Вы бы знали как я рад вас снова видеть.

— Тимка, — хмуро зыркнул на него Вильгельм, — тебе лучше держать рот на замке и никому не говорить, что мы знакомы. Если кто-то узнает о нашем прошлом — мы трупы.

— Вы правы. Но пока никто не слышит, можно ведь и поговорить?

— Пару часов у меня есть в запасе. Чёрт с тобой, — Вилли достал портсигар, вытянул оттуда сигарету и протянул Тимке.

— Простите, господин лейтенант, — отмахнулся паренёк. — Я не курю.

— Похвально. Значит протянешь подольше меня. Тогда рассказывай, что стряслось с остальными? Что с Лёхой? Что с его подругой?

— Разве вы так и не встретились? — удивился Тимка.

— Нет. Давай по порядку. Что было после поместья? После болот?

— На том конце топей мы повстречали лесных жительниц. Очень чудные девушки, но всё же дали нам приют и защиту.

— Летавицы? — догадался Вильгельм.

— Да. Как вы узнали?

— В Хартии всё о всех знают. Или почти всё.

Несколько раз Вильгельму приходилось руководить зачисткой лесов от летавиц. Правда всё сводилось к тому, чтобы с перепугу не перестрелять другу друга в густой чаще. Максимум, чего добивались от таких операций — находка оставленного временного лагеря. Летавицы видели солдат Хартии как на ладони и просто избегали боя, если силы не равны.

Тимку же предписывалось допросить. Но Вилли не собирался этого делать. Всё равно от этого толку никакого не будет. Особенно если с тех пор прошло десять лет.

— Не бери в голову, — сказал Вильгельм, — продолжай.

— Алексей и Саманта вскоре отправились на ваши поиски. С тех пор мы их больше не видели.

— Ты ничего о них не слышал?

— Слышал, что они отправились далеко на запад. Но, думаю, что это слухи.

— Ясно. А что произошло с тобой?

— Вскоре нам опять пришлось бежать от хартийцев и наши пути с летавицами разошлись. Меня со старшей сестрой приютил местный богатый землевладелец. Было тяжело, но, по крайней мере, мы не голодали. Потом выяснилось, что землевладелец влюбился в сестрёнку. Я видел, что она не хотела с ним жить, но ради меня она всё же согласилась. Ради моего будущего. Кто же знал, что от этого решения станет хуже?

— Что случилось?

— Пол года назад, когда мне исполнилось шестнадцать, меня призвали. Несмотря на то, что армия Хартии регулярная, она всё же нуждается в новобранцах. Сестра лично пришла к офицерам и отговаривала их. Говорила, что сделает для них всё что угодно, только бы меня не отправляли в армию. Вы же знаете, что возвращаются отсюда единицы. В итоге сестру отправили к «Отряду сто тридцать семь, а меня в Гвардию. Я очень надеюсь», что её отпустили. Потому что... Потому что это не честно.

— Всё в порядке, Тимка. Уверен, её ухажёр о ней позаботился.

— Я тоже надеюсь, что это так, — вздохнул Тимка. — А что было у вас, господин лейтенант? Как вы жили эти десять лет?

— Очень плохо, Тимка, — уклончиво ответил Вильгельм и взглянул на наручные часы. — Сейчас обед. Беги, а то ничего не достанется.

— Я принесу вам тоже котелок, — ответил Тимка и поднялся прямо напротив окна.

Стекло единственной уцелевшей рамы разбилось и его осколки усеяли пол. Тимку откинуло, шея свернулась и он кубарем рухнул рядом с Вильгельмом. В глазах застыл испуг и они продолжали смотреть на Вилли, пока их не залило кровью.

— Тимка! Чёрт... — в сердцах выругался Вильгельм. — Долбанная война!

Для гвардейцев за долгое время это стало одной из самых ощутимых потерь. Без Тимки стало уныло и пустее. Без Тимки Гвардия начала нести потери.

— Чисто и быстро, — прошептала Саманта, передёргивая затвор. — Лучше, чем они заслуживают.

Снайперская пара начала сменять позицию. Во время перехода Саманту не покидало гнетущее чувство и это не ускользнуло от Алексея.

— В чём дело? — спросил он.

— Ничего. Просто... Мне показалось его лицо знакомым.

— Ты уверена в этом?

— Нет, — отмахнулась девушка. — Ерунда. Просто показалось.

Единственное колесо проржавевшей строительной тачки вязло в промокшей от дождя земли и приходилось сильно надавливать на ручки, чтобы вызволить тару из плена стихии. Груз тачки накрыли брезентом, но оттуда всё равно свисал порванный сапог и начинавшая покрываться трупными пятнами ладонь.

Полковник Буткевич отдал приказ выдвигаться в Краков, для перегруппировки, отдыха и пополнения. Хотя ликвидировать плацдарм на реке и не удалось, но основную задачу бойцы выполнили — враг был задержан, а в тылу подготовлены долговременные оборонительные позиции. Теперь конфедераты проводили последние приготовления перед отступлением. Погрузка, минирование, учёт убитых и раненых. У Яна же была своя задача.

На ничейной земле под пулемётным огнём погибло два разведчика. Их тела пытались

вытащить три дня, но только Яну, под покровом ночи, удалось это сделать. Одного так и не удалось опознать. Тело уже начало гнить, а жетона с личными данными при солдате почему-то не было. Некоторые бойцы выкидывали жетон, из-за боязни, что при неудачном падении он им сломает рёбра. Другие вырезали из них сувениры и отправляли домой. Третьи могли их просто потерять из-за некачественно сделанной цепочки. Что стряслось с жетоном этого солдата никто ответить не мог. Да и для него это было не столь важно. Ведь мёртвым ли не всё равно? Оставалось отдать последние почести.

Обычно трупы таскали на верёвках. Но у этих двоих настолько разрушились внутренние ткани, что была боязнь, что им просто оторвёт конечности. Поэтому для них раздобыли тачку. Ян не знал этих солдат, но в мыслях вечно мелькало, что для них похороны будут почётнее остальных. Их не будут волочить по колдобинам как забитую скотину. Их с комфортом довезут до места последнего пристанища.

«Интересно, а капитанов тянут на верёвке или везут на тачке? — подумал Ян. — Или всё зависит только от состояния тела, а чины здесь бессмысленны? Ведь перед смертью все равны».

— Ещё двое? — спросил солдат из похоронной команды. Позади него ровными рядами выкопали сотни могил. Позади покрытых вязкой грязью земляных холмиков стволом вниз воткнули штурмовую винтовку, а на её приклад повесели каску. Даже в условиях острой нехватки оружия, все оставались верны традициям.

— Да, — кратко ответил Ян. — Ещё двое, кому повезло отсюда сбежать.

Двенадцатого мая хартийцы форсировали Одер, завладели неповреждёнными мостами и ближе к вечеру полностью овладели Франкфуртом. Франкфурт оставался последним крупным городом на пути к столице Конфедерации — Берлину. Столь молниеносное продвижение оказалось возможным из-за плохого взаимодействия подразделений конфедератов, усталости в войсках и подавленного боевого духа. Главной ошибкой командиров стали не заминированные мосты и их невозможность подрыва. Благодаря этому солдаты Хартии быстро развили успех и продвигались дальше, в сторону Зееловских высот. Теснимые войска Конфедерации отступали, а в некоторых случаях отступление переходило в беспорядочное бегство. В самом Берлине началась паника. Поползли слухи, что правительство бежало на запад, а сам город готовится к сдаче.

В Ставке царило гнетущее настроение. Отсюда до линии фронта оставалось пятьдесят километров, из-за чего начальник охраны уже третий раз пытался уговорить канцлера эвакуироваться.

— Господин канцлер...

— Нет! — категорично отрезал Уинстон. — И слышать не желаю! Не вздумайте больше подходить ко мне с этим предложением! Я вырвал Берлин из рук преступников не для того, чтобы теперь отдавать его обратно головорезу, возомнившим себя лидером нового порядка!

— Но мы теперь в зоне поражения дальнебойной артиллерии, — не унимался начальник охраны. — Нам бы хотя бы переместить Ставку на пару десятков километров.

— Переместить... — повторил тихо Уинстон. — Послушай, у нас есть лопаты?

— Простите?

— Обычные штыковые лопаты, — уточнил канцлер.

— На складе должны быть, господин канцлер.

— Тогда, чтобы не терять времени, идите и выкопайте всем могилы. Но Ставку я

перемещать запрещаю. На фронте паника и она только усилится если в самый ответственный момент я всё брошу и сбегу.

— Тогда велик шанс, что вас убьёт диверсионный отряд. А если это случится, страна погрузится в хаос.

— Значит выдайте всем оружие. Будем отстреливаться, если им хватит наглости захотеть меня устранить.

— Будет исполнено, — тяжело вздохнув, ответил начальник охраны.

— Какой ещё к дьяволу бланк «три точка один»?! — не своим голосом орал полковник Буткевич.

— Бланк «три точка один», — медленно растягивая слова, спокойно ответил мужской голос в трубке. — Бланк подтверждает, что вы не занимались приписками, не обзавелись «мёртвыми душами» и не вели продажу военного имущества третьим лицам.

— Вы там все подурели в своём Бундестаге?! — продолжал рычать полковник. — А если у меня нет этого бланка?! Что мне его тебе, родить тут?!

— У вас нет полномочий «рожать» бланк «три точка один», — как ни в чём не бывало продолжал голос. — Такими привилегиями наделён только...

— Достаточно, — прервал его Буткевич и закурил. — Где мне достать эту бумажку?

— Бумажкой вы подтираетесь в сортире, господин полковник. А бланк «три точка один» является документом.

— Хорошо-хорошо, — нетерпеливо вздохнул полковник. — Где достать этот чёртов документ?

— Вам, после тщательной проверки, его должен выдать штабной писарь.

— О Господи! — простонал полковник. — У нас вчера в писаря попала бомба. Собирали его вместе с его макулатурой по всему полю.

— Подробности меня не интересуют. Пускай кто-нибудь другой из уполномоченных выдаст вам бланк «три точка один».

— Значит слушай сюда, бюрократ с развитым геморроем. Мы полтора месяца жрём землю, чтобы ты мог в уютненьком кабинете ковыряться в своих бумажках. Неужели так сложно выплатить солдатам жалование, а семьям погибших компенсацию без этого грёбанного бланка?

— Тогда у меня не будет уверенности, что вы не воспользуетесь выданными государством средствами ради личной выгоды.

— Да ты вообще там охренел?! — вновь загорелся полковник и выронил сигарету. — Я для того тут танцую лебединое озеро с краснопузыми, чтобы потом ложить себе в карман?! У вас вообще там мозги отшибло?! Думаешь, у меня есть время заниматься приписками?! Какой командир в здравом уме будет взваливать на себя ещё мёртвых подчинённых?! Какие к дьяволу тут могут быть третьи лица, чтобы я им продавал оружие, которого у нас самого с гулькин нос?!

— Список возможных третьих лиц написан мелким шрифтом в пятом пункте...

— Да пошёл ты! — прошипел полковник и со всей силы бросил трубку.

Ян, с нескрываемой улыбкой, наблюдал за страданиями своего друга.

— А ты чего лыбишься? — рявкнул на него Буткевич. — Думаешь мне очень нравится срывать с ними голос?

— Я считал, что ты за два года к этому привык, — пожал плечами капитан.

— Ян, — глубоко вздохнул полковник, — открой мне, пожалуйста, ваш страшный секрет. Как за неполные несколько лет вы умудрились так всё бюрократизировать? Это же, чтобы принять нашу капитуляцию, консул должен предоставить свидетельство о рождении, паспорт и код, справку о доходах, справку о месте работы, свидетельство о нахождении в браке, подтверждение место жительства и отчёт сколько раз в день он ходит отлить. И тогда мы несколько месяцев будем думать об его предложении, а потом отправим в восемнадцатый кабинет за бланком «три точка один»!

— Нервирует?

— Да не то слово! Я с ужасом вспоминаю как получал политическое убежище и буквально жил в очередях.

— У меня, в принципе, есть выход.

— Да неужели? — удивился полковник.

— До того как я стал солдатом, на работе мне приходилось подделывать подписи, чтобы избежать проблем с налоговой. Мы можем подделать бланк и подпись писаря. Тогда монстр бюрократии от нас отстанет.

— А другого пути нет?

— Конечно, — улыбнулся Ян. — Взятки. Но это как на минном поле. Никогда не знаешь, от кого на тебя поступит жалоба. А за ней трибунал.

— Что же, — фыркнул Йорис. — Тащи бумагу и чернила. Будет им бланк. Лучше оригинала.

— Будет исполнено, господин полковник, — с энтузиазмом ответил капитан.

Весь горизонт укрывали шлейфы тёмного дыма. Тишину то и дело нарушали одиночные выстрелы. А вокруг, будто игнорируя людские невзгоды, расцветала природа. Война протягивала кровавую кисть дальше и вскоре бьющая энергией жизнь покинет эти места, уступая место беспощадному опустошению.

Бернард прекрасно осознавал это и старался уловить каждую незаметную деталь, попутно высматривая противника. Его роту разместили у перевала и приказали прикрывать отступление остальных частей. Фронт приближался всё ближе к столице, но командир старался абстрагироваться от печальных мыслей, веря, что у командования есть план и вскоре ситуация стабилизируется.

— Никого не видно? — спросил Бернарда внезапно появившейся Алексей, чем напугал командира.

— Леший... — выдохнул командир, — ты можешь так не подкрадываться?

— У меня такая профессия — заставить врасплох, — рассмеялся Лёша.

— А я думал профессия снайпера это работа на удалёнке, — ухмыльнулся Бернард в ответ.

— Ты ещё такие слова помнишь, Медведь.

— Дураку старшего лейтенанта не дадут.

— Между прочим младшему лейтенанту очень обидно это слышать, — наигранно вздохнул Алексей.

— Обижаться будешь перед своим вторым номером. Недавно ходила в рядовых, а теперь уже мастер сержант. Такими темпами она возьмёт над нами шефство.

— Но ведь заслуженно. Между нами говоря, Джульетта настреляла больше чем я. И останавливаться на достигнутом она не собирается.

— Ненавидит она их. Как и мы все.

— Праведный гнев, — грустно улыбнулся Лёша, — как завещал Шкипер.

— Ты чего пришёл? Почему не с остальными?

— Там начинают рассказывать историю о том, как одному ополченцу не досталось оружие и он его добыл в бою, забив хартийца до смерти бейсбольной битой. Но я уже о ней слышал.

— Слушай, Леший, — многозначительно взглянул на него командир. — Скоро обед, а так чего-то холодного хочется выпить, — Бернард вытер выступивший на лбу пот. — Сил нет. Сбегай к местным. Попроси чего-нибудь у них. Не откажут же они солдату Конфедерации. Тем более такому как ты.

— Умеешь польстить, — засмеялся Алексей. — Хорошо, я мигом. Только мне двойную порцию!

— Само собой, Леший!

Недалеко от позиций роты расположился хутор с несколькими деревянными домами. На огороде, не разгибаясь, в одиночку работала женщина. Голова обвязалась красным платком, руки стали большими и крепкими от многолетнего труда, а лицо огрубело от нещадно палящего солнца.

— Хозяйка! — крикнул Лёша, перегнувшись через забор и нацепив самую добродушную улыбку. — Смилуйся над солдатыками. Угости холодным молочком своих коровок. Вон они у тебя какие красавицы.

— Да мне для вас свиную мочу жалко! — отрезала женщина. — Не то что молока!

— Ты чего? — удивился Алексей. — Не узнала? Мы же свои.

— Узнала, как же ещё! Придушила бы, так времени на тебя нет, — женщина решительным махом воткнула вилы, размяла руки, а затем взглянула на Лёшу. — Вы куда драпаете, вояки чёртовы? Я за вас буду воевать? А вы только и можете, что убегать? Пыль не успевает улечься на дороге.

— Да иди ты в баню! — крикнул Лёша и пошёл прочь.

— Я та пойду. А ты офицерские погоны нацепил явно не за острый язык.

Сказанные слова больно задели Алексея и он остановился.

— Ты меня про погоны не спрашивай, — с хмурым взглядом ответил Алексей. — Ты не знаешь какую цену мы за них платим.

— Зато я знаю какую цену плачу. Добросовестно тружусь для Конфедерации, исправно плачу налоги и для чего? Чтобы вы меня бросили на милость тем сволочам?

— Чем же тогда занят твой муж? — ехидно спросил Алексей. — Что делает, чтобы остановить врага?

Пылкость женщины вмиг улетучилась, а по грубому лицу покатались слёзы.

— Хозяйка, — Лёша испугался своих слов, — ты чего?

— Мой муж... пропал без вести в Варшаве. Скорей всего убили.

— Я тоже был в Варшаве. Но... Я не в праве как-то себя оправдывать. Прости нас пожалуйста. Мы действительно не в состоянии их остановить.

С горьким привкусом Алексей возвращался обратно, пока его не окликнули. Его догоняла уже знакомая ему женщина, несущая в массивных руках бидон с молоком.

— Потом вернёшь, — не смотря ему в глаза, сказала она и передала тару. Внутри громко плескалась холодная жидкость.

— Само собой, — растерявшись, ответил Лёша. — Спасибо.

Женщина ничего не ответила и молча пошла обратно. Лёха грустно смотрел ей вслед.

Рота с овациями встретила Алексея, а холодное молоко заметно подняло всем настроение. Саманта звонко смеялась с молочных усов Лёши, а Алексей с её. Солдаты наслаждались последними тихими часами перед вражеской атакой.

Несколько дней назад девушкам на законной основе разрешили служить в армии Конфедерации. Многие солдаты из роты Бернарда шутили, что они по праву первые, кто принял девушку в свои ряды. За каждой шуткой пряталась правда, а за каждой правдой на первый взгляд незаметная грязь. Девушек брали в радистки, санитары, адъютанты. Были случаи, когда они попадали в танковые войска, становились снайперами и даже пилотами. Но какого это было для изголодавшихся по женскому вниманию солдат? Если Саманта была способна себя защитить, то что можно сказать о сотнях хрупких девушек в тылу? Многие боялись. Многие ломались и в итоге становились ППЖ. Походно-полевыми жёнами. Походно-полевая жена находилась под защитой старшего командира, взамен отдавая ему себя. Разрушенные семьи, осуждение со стороны общества, одинокая жизнь после войны — вот что нёс за собой столь отчаянный шаг.

— ...и канцлер отказался от эвакуации? — удивился Бернард, общаясь по рации.

— Да, — ответили ему. — Он как будто не понимает, что мы скорей всего не удержим столицу.

— Что будем делать?

— Не знаю. В вашу сторону едет три тактических группы. Это почти полторы тысячи человек. Уходите и соединяйтесь с нами. Попытаемся их удержать.

— В чистом поле? — скептически заметил Бернард.

— А что ты предлагаешь?

— Сколько у них может быть в авангарде солдат?

— Пару сотен... Подожди, ты что удумал?

— Готовьте оборону. Мы выиграем столько времени, сколько сможем.

— Ты сдурел?! Вы там все ляжете!

— Послушай, — спокойно ответил Бернард. — Если они нас пройдут, путь на Берлин будет открыт. Если они займут столицу, значит война проиграна. Значит всё напрасно. Канцлер остался в столице, потому что верит в нас. Так давай докажем ему, что он в нас не ошибался. Окапывайтесь. Мы дадим им бой и отойдём, как только сможем. Конец связи.

— Мы вышлем в ваш сектор беспилотник, — гулко ответили ему. — Конец связи. И оставайтесь в живых.

Бернард глубоко вдохнул свежий воздух и мысленно согласился сам с собой, что обманул командира батальона. Через несколько часов вряд-ли кто-то уцелеет. Бернарду чертовски не хотелось умирать. Но это война и если такова его судьба, то сегодня отличный день, чтобы уйти ярко и гордо.

— Бойцы! — обратился Бернард к роте. — Ребята. Мы прошли с вами трудный и опасный путь. Но наших усилий оказалось недостаточно. Противник рвётся к столице, а мы не в состоянии его остановить. Неужели это конец Конфедерации? Конец свободы и равенства? Я в это не верю. И вы, уверен, тоже. Чтобы наделить смыслом те сотни смертей, что мы видели, хартийцев нужно остановить. Смерть — не самое страшное, что может с нами сейчас случиться. Мы можем трусливо бежать и всю оставшуюся жизнь нас будет съедать изнутри мысль, что мы бросили государство на милость врагу. Слава Конфедерации! Слава нашему храброму канцлеру, что не оставил нас в самый тяжёлый момент!

— Слава! — подхватили остальные солдаты.

Правая нога слегка давила на педаль газа, глаза, сузившись, всматривались сквозь смотровую щель, но ничего, кроме кормы другого БТР-а, разглядеть не могли. Внутри было ужасно душно, но люки строго-настрого на территории противника открывать запрещалось. Вскоре, с возросшей в тылу партизанской активностью, это правило будет действовать везде. Позади слышался глухой кашель погружившихся пехотинцев. Над головой покачивалось несколько безделушек. Среди них был и крошечный лавровый венок, что символизировал герб Хартии. Возле дрожащих стрелок спидометров разместилась цветная фотография грустно глядящей брюнетки. Каждый раз перед началом новой операции фотография заменялась и на каждой свежей девушка становилась всё грустнее и грустнее.

— Твоя совсем стала плохо выглядеть, Ярик, — слышалось сверху от командира, крутящего головой во все стороны и высматривающего в перископе противника. — Не думал уйти в запас? Ты же уже пять лет отслужил.

— Знаешь, — не переставая глядеть в смотровую щель, ответил механик, — перед этой войной особо не хотелось. Но теперь, когда за месяц перед нами взрывают уже третью машину, хочется как можно быстрее отсюда выбраться. Посмотрим. Ничего не хочу загадывать наперёд.

— Вот бы меня такая ждала, — хмыкнул наводчик.

— Если перестанешь шляться по блядям, тогда тоже себе найдёшь.

— Ты сейчас обидел самых прекрасных дам Киевуса, — расхохотался стрелок. — Неужели тебе тоже не хочется после жаркого боя выпустить пар?

— Нет, — кратко ответил Ярослав.

— Да кого ты обманываешь, — не унимался стрелок. — Когда займём Берлин, обязательно закажу тебе шлюшку. Говорят, они не хуже наших. Вот тогда и посмотрим как ты будешь держать себя в руках.

— А дадут ли они нам? — ухмыльнулся механик.

— Ты на что намекаешь?

— У нас прямой приказ при входе в город расстреливать всё что движется. Очередь разрывными в каждый дом, а то потом оттуда летит зажигательная смесь. Не заиграет ли у них патриотизм и не откажут ли нам в услуге?

— Шлюхе всё равно с кем трахаться. Конфедерат, хартиец, атлантец или хайванец. Шлюха есть шлюха и её суть не меняется, какой бы власти она не служила.

— Заткнулись, — шикнул командир, — я что-то видел.

Все стали напряжено вглядываться в приборы наблюдения, но, как на зло, машину заволокло густой пылью.

— Вспышка справа! — взревел командир.

Не успел он это сказать, как в головной БТР прилетела ракета и оттуда вырвался высокий столб огня.

— Убирай это ведро с болтами отсюда! — истерическим голосом кричал командир мехводу. — Назад, назад! — дрожащими руками мехвод переключился на заднюю передачу, вдавил педаль в пол и начал отъезжать от подбитой машины. — Огонь по тем кустам! — продолжал командир. — Давай, давай! — БТР начало шатать от громких и методичных выстрелов. Рубку заполнило пороховыми газами. — Выпускай десант! — на автомате мехвод нажал на кнопку. Задние двери открылись и из недр БТР-а высыпалась перепуганная пехота.

— Огонь, пока не скамандую отбой! Отъезжай из этого дыма! Быстрее!

Показалась ещё одна вспышка. Ракета пролетела прямо над башней и врезалась возле колёс, разорвав трансмиссию и нескольких пехотинцев.

— Повреждена трансмиссия! — докладывал мехвод. — Или двигатель! Короче приехали!

— Зараза! — испуганно крикнул наводчик, глядя в прицел. — Беспилотник!

Услышав, что сказал стрелок, глаза командира расширились.

— Сбивай его! — кричал тот.

— Не могу! — с отчаянием в голосе ответили ему. — Он в мёртвой зоне!

— Ай, чёрт, — бросил командир и со всей силы ударил по стальной обшивке. — Выбрасываем дымовые и вылезаем!

Ярослав открыл нижний люк, взял автомат, бросил дымовую гранату и через несколько секунд нырнул за ней. Всё округу заволкло белым дымом. Из белой ваты выбегали и скрывались обратно пехотинцы, стонали раненные, сквозь пелену пробивался яркий свет огня, а запах гари стоял настолько отвратительный, что на миг захотелось вернуться обратно. Мехвод выполз из-под днища БТР-а, полностью вымазавшись в пыль и сажу. В башне выглядывал застывший труп. К своему ужасу Ярослав признал в нём своего командира. В голове зияло алое пулевое отверстие. Снайпер. Не спасла даже дымовая завеса.

Не успел мехвод это осмыслить, как с неба прилетела ещё одна ракета, попав точно в цель. Взрывная волна отбросила Ярослава и тот потерял сознание.

— ...бомбовый удар! — раздавалось где-то за границами сознания. — Сровняйте их с землёй! И сбейте эту «люстру», пока она ещё кого-то не взорвала!

Ярослав с трудом открыл глаза. Обзор заволкло липкой плёнкой и он с трудом смог от неё избавиться. Сознание помутилось, мехвод едва понимал где он и что происходит. Одна мысль оставалась ясной: дело Хартии нужно выполнить до конца.

Со всей силы сжав ствол автомата он поднялся и быстро побежал к укрытию. Хартийцы отстреливались из-за остовов подбитой техники. От расплавленной брони ещё отдавало жаром. Командир с кем-то пререкался по рации и будто не замечал, что радиста сразила пуля. Раненый задыхался из-за пробитого лёгкого, пока его вовсе не покинула жизнь.

Вскоре в небе показалось два острокрылых истребителя. Со свистом они набросились на беспилотник и короткими очередями оторвали ему крыло. Белая птица, крутясь вокруг своей оси, штопором полетела вниз, а затем оповестила всех о своём падении громким взрывом. Сделав круг, Соколы Левандовского спикировали на холмы, где засели конфедераты, и скинули туда бомбы. Поле боя заполонили огромные земляные фонтаны, а самолёты, под радостный крик солдат Хартии, возвращались обратно на базу. Затем всё неожиданно стихло.

Ярослав шёл во главе одного из отрядов, проверяя поражённые позиции противника. Тела перемешались с землёй, из-под недр выглядывали скованные судорогами конечности, будто моля, чтобы их вытянули из смертельной ловушки, а от о всюду уже слетались мухи и падальщики, чтобы устроить кровавый пир.

Внезапно загрохотал пулемёт, смяв нескольких хартийцев. За его рычагами стоял огромный, будто медведь, конфедерат и с нечеловеческим криком продолжал вести огонь. Отважный хартийский огнёмётчик подполз к пулемётному гнезду почти в плотную и длинным языком пламени заставил пулемёт замолчать.

Тихий хлопок.

Пуля попала в баллон с топливом и пламя окутало огнёмётчика, заставляя того вопить от нечеловеческой боли, пока огонь не поглотил его полностью.

«Чёртовы снайперы», — с яростью подумал Ярослав и с криком запрыгнул на снайперскую позицию.

Мехвода встретили ударом под дых, тот полетел кубарем обратно, на ходу направляя автомат. Но взглянув на лицо снайпера, Ярослав оторопел.

«Девушка?!»

Секундной заминки хватило, чтобы снайпер с животным рычанием выбил из рук мехвода автомат и повалил того на землю.

«Но почему?»

Ярослав с непониманием глядел на девушку. Та, тяжело дыша, направляла на него пистолет. В её глазах он заметил долю сожаления, но лишь на миг. Не успев подумать как же она похожа на ту, кто ждёт его дома, как выстрел оборвал незаконченную мысль.

Саманта осторожно пробиралась к пулемётному гнезду. Оттуда ещё шёл дым, а вокруг вперемешку лежали трупы конфедератов и хартийцев. У самого пулемёта, тихо постанывая, лежал, опёршись об валун, Бернард. Его лицо обгорело, глаза полопались, а там, где когда-то были тоненькие усики, надулись уродливые тёмные волдыри.

— Кто... здесь? — хрипя, спросил Бернард.

— Я, командир, — спокойно ответила Саманта, понимая, что ничем не может ему помочь. — Спокойно, Медведь, я рядом, — она взяла его за руку.

— Спасать меня... уже бессмысленно... — он залился тяжёлым кашлем и комок густой крови попал прямо на щёку Саманты. — Мастер сержант...

— Да, командир, — Саманта продолжала нежно гладить его по руке, пытаясь хоть как-то облегчить боль.

— Поцелуйте... меня...

— Что? — удивилась девушка.

— Меня так... никто и... не целовал... Поцелуйте меня... пожалуйста... — оттуда, где когда-то были глаза, начали течь слёзы.

Саманта поправила тёмный локон, покрывшейся сажей и грязью, прикрыла глаза и задержала дыхание, а затем едва прикоснулась к полопавшимся губам Бернарда.

— Молоко... — улыбнулся Бернард и затих.

Саманта отпрянула, а затем ещё долго всматривались в обезображенное лицо командира, будто это был и не Бернард, а сам облик войны. Затем поднялась, отдала павшему честь и покинула пулемётное гнездо.

Среди пылающей техники, горящей травы и деревьев, густого дыма и удушливого запаха столпилось меньше десятка конфедератов. Они окружили красную розу и безмолвно, смертельно уставшими глазами, смотрели на неё. Тоненький зелёный стебелёк, с острыми шипами и большой алой бутон. На красные лепестки падали тёмные кусочки сажи. Среди бушующей преисподни она продолжала гордо расти, словно Всевышний сжалился над всеми и послал небольшую частичку чего-то прекрасного. Непокорённая. Выжившая в аду. Назло и вопреки. И от этого она становилась ещё величественнее.

Алексей отвёл взгляд от розы и взглянул на Саманту. Обоим так хотелось много чего друг другу сказать, но они едва держались на ногах и никто не проронил ни слова. Им только и оставалось, что смотреть на розу.

— Это все? — вскоре спросил Лёша у неё.

— Медведь был тяжело раненым. Я помогла ему упокоиться с миром.

— Значит теперь я командир, — вздохнул Алексей. — Что же. Тут они точно не проедут. Теперь уходим. А то меня уже тошнит от этого перевала.

«Дорогая сестрёнка.

Это письмо не пройдёт никакую цензуру, поэтому я передам его через своего старого друга Марка. Ему как раз дали отпускные и он будет проездом через наш городок.

Я хочу рассказать тебе правду. Правду, которую, к сожалению, видел собственными глазами. Правду, которую не расскажут пропагандисты-демагоги. Правду, которую должен знать каждый человек в Хартии.

Помню, ты очень радовалась, что твой братец попал не на передовую, а в «Отряд сто тридцать семь». Что там я буду в безопасности. Что ничем не рискую. Ведь мне нужно будет всего лишь поддерживать порядок на оккупированных территориях. Ты была права. Но как любила повторять наша матушка: «Благими намерениями выстроенная дорога в ад». И мне пришлось оказаться в центре преисподней.

Мы долго ехали на грузовых машинах. Затем нас высадили и фельдфебель ещё гнал наш взвод десять километров ускоренного марша. И в этот момент у меня начали возникать неудобные вопросы. Нам рассказывали, что мы самая цивилизованная страна, а за нашими границами хаос и разруха. Мы несём народам Европы цивилизацию и процветание. Ведь так говорил наш великий консул? Тогда почему за всё время на дороге я не встретил ни одной колдобины? Почему окрестные деревни были не хуже наших деревень? Почему тот маленький город, где базируется наша дивизия, не хуже нашей великой столицы? Почему об этом никто не говорит? И что тогда мы здесь делаем?

Наш отряд пригнали на заранее вырытый овраг и усадили за пулемёты. Фельдфебель включил граммофон и оттуда начала литься старинная музыка. А у меня ушла душа в пятки. Помнишь, как в детстве наши родители собирались с друзьями и любили слушать «Oh du lieber Augustin»? Эта музыка разбудила во мне давно забытые воспоминания. Я вспомнил, что оказывается когда-то жил спокойно и не думал о войне. А моя сестрёнка не боялась засыпать по ночам, содрогаясь от скрежета гусениц или идущего от самолётов грохота.

Фельдфебель ходил вдоль оврага и всё напевал под нос: «Oh du lieber Augustin, Augustin, Augustin...» Из леса наши солдаты начали выводить людей. Побитые, в лохмотьях, некоторые раненые. Среди них были и дети. Я уже потом понял, что их согнали из окрестных селений. Что мы проводили акцию устрашения во избежание подрывной деятельности. Тогда же я думал только об одном: «Что чёрт возьми мы делаем?!»

Во главе колонны шёл высокий парень. На него было больно смотреть, но я ещё никогда не видел настолько спокойного и смирившегося человека. Словно скот, покорно идущий на бойню. За ним старались не отставать остальные. Дети плакали. Мама пытались их успокоить, хотя и сами были готовы разрыдаться.

Перед входом в овраг фельдфебель приказал всем раздеваться. С тех, кто раздевался очень медленно, буквально сдирали одежду. Затем всех загнали прямо на стволы пулемётов. Высокому парню приказали встать на колени. Он что-то пробурчал и указал на небо. Тогда его сбили с ног и начали вбивать в череп камнями несколько гвоздей. Он уже давно умер, но при каждом ударе продолжал вздрагивать.

Фельдфебель прикрутил пластинку и отдал команду стрелять. Я... Я не хотел. Мои руки сдавило спазмом и я нажал на гашетку. Очнулся, когда уже всё было кончено.

Фельдфебель прыгнул в овраг и среди однородной массы грязных человеческих тел простреливал затылки тем, у кого, как ему казалось, ещё теплилась жизнь. Ему было совершенно плевать, кто перед ним. Он уже был не человеком, а машиной. Машиной, выполняющую людоедские приказы или, как ему казалось, дело Хартии. Закончив, он опять включил музыку и продолжил напевать: «Oh du lieber Augustin, Augustin, Augustin...» Я не выдержал, отвернулся и меня начало рвать.

Пока я пишу эти строки мои руки продолжают дрожать, а перед глазами чудовищная картина совершенного нами преступления против человечества и самих себя. Сестрёнка, пойми, мы ничего не несём кроме страданий, боли и страха. Мы — самое страшное, что могло появиться на этой земле. Мы стали чудовищами. Твой братец стал чудовищем.

Я не хочу, чтобы ты увидела меня таким. В моей душе поселились семена войны и я не в силах противостоять их разрушительной силе. Лучше пусть ты меня запомнишь славным старшим братом, чем... чем тем, кем я стал. Я надеюсь, что ты поймёшь мой поступок. Я уже всё взвесил и решил. Через несколько часов мы выходим на зачистку окрестных лесов от партизан. Там прозвучит мой последний выстрел, ознаменующий побег из этого ада. Не горюй по мне очень сильно. Мне всегда было больно, когда ты из-за меня плакала. Мне остаётся верить, что наши души бессмертны и что когда-то мы снова будем вместе.

Я буду ждать тебя.

Твой братец».

— Значит Бернард погиб? — спрашивали Алексея по рации.

— По его виду было ясно, что он не собирается пережить этот бой.

— Хреново. Хороший опытный командир на вес золота. Но хоть Джульетта жива?

— Слава богу да. Весь левый фланг смешали с землёй, а на ней ни царапины.

— Отлично, — по голосу было слышно, что эта новость заметно ободрила командира.

— Значит пока ещё повоюем.

— Наша рота уже отвоевалась. Придётся отправлять на переформирование. Так не хочется возиться с новобранцами, — вздохнул Алексей. — Они же хуже малых детей.

— Вас, Леший, могут вообще расформировать и распределить как ветеранов по новым подразделениям.

— Это будет моим ожившим кошмаром. Не хочу брать под свою ответственность даже взвод, а такими темпами мне могут доверить батальон.

— Спокойно, Леший. Ты же в снайперской паре. А снайперские пары трогают только в самом крайнем случае.

— Если наш бардак не крайний случай, то я тогда даже не знаю, что им может быть.

— Не будем гадать. Наше дело выполнять приказы и отстоять столицу. Остальное мелочи.

— И то верно.

— Вы уже близко?

— Ещё пару миль протопать.

— Тогда я вышлю вам на встречу наших новых друзей. Как раз познакомитесь.

— Что за друзья? — удивился Алексей.

— Сюрприз. Только сильно не удивляйтесь.

Ничего не понимая, Лёша прервал связь. Остатки роты нестройным шагом двигались к месту встречи. Раненые опирались об плечо товарища или приклад своего оружия. Многие

уткнулись носом в землю и молчаливо брели вперёд. Саманта шла замыкающим, полностью уйдя в свои мысли. Это не прошло бесследно, оставляя тень печали на её испачканном в крови и грязи лице.

— Не жалеешь, что ввязалась в это? — немного отстав от колонны, спросил у неё Алексей.

— Жалею, что вокруг умирает слишком много хороших людей. Столько зла, ненависти, страданий. И ради чего? Не понимаю.

— Когда государство с амбициями обладает огромным количеством оружия, такие войны неизбежны.

— Я от одного хартийца слышала, что война ещё и необходима. Но он так думал, пока его мозги не размазало по асфальту. Надеюсь, после этой войны мы немного поумнеем. Потому что так жить нельзя. Мне только исполнится двадцать шесть, тебе двадцать девять, а мы вместе видели столько трупов, сколько не увидеть за десять жизней. И всё из-за одного человека, которому не хватило духу вовремя остановиться.

— Послушай, — прервал её Алексей. — Мы живы только благодаря тому, что вместе. И будем жить дальше, несмотря ни на что.

— Что-то подобное я тебе сказала на набережной.

— Набережная... — мечтательно повторил Алексей. — Сейчас её, скорее всего, превратили в сплошной опорный пункт.

— Война пришла и сюда, — грустно констатировала Саманта.

— Интересно, что там с нашей квартирой? Нас же не было в ней больше года.

— Бардак и затхлость. То же самое, когда мы впервые зашли туда.

— Надо будет выпросить нам отпускные и навести там более-менее приемлемый порядок.

— Уверена, что мы заслужили на несколько дней отдыха.

Разговор помог отвлечь Саманту и заставил её улыбнуться. А против её улыбки не могла справиться ни одна в мире сила.

Во главе колонны зашуршали кусты, оттуда вынырнуло две длинных чёрных руки, схватили конфедерата и, игнорируя истошный вопль солдата, уволокли его в густую зелень. Все взяли на прицел куст, с тревогой ожидая, что будет дальше. К удивлению всех, кусты залились громким хохотом.

Из соседних кустов, прямо возле Алексея и Саманты, громко чеканя шаг, вышел полностью чёрный пехотинец. На пальцах блестело несколько золотых перстней, сделанную в кустарных условиях пустынную форму неумело переделали под знаки различия Конфедерации, ослепительно белые зубы ровными рядами выстроились в радушную улыбку, а голову закрывала тёмно-голубая бандана.

— Сильвер! — крикнул он. — Отпусти его! Это свои. Они и так на взводе, а сейчас ещё нас за дикарей воспримут.

Кусты ещё раз громко захохотали, а затем отпустили своего пленника. После чего на дорогу высыпало несколько десятков таких же чёрных и мускулистых солдат.

— Чего смотрите? — удивился их командир. — Негров никогда не видели?

— В живую — никогда, — ответил Алексей. — А ты? — спросил он у Саманты.

— В Нью-Йорке каждый четвёртый афроамериканец. По крайней мере так было.

— Красивый город, — мечтательно закатил глаза негр. — Я был в нём всего один раз в далёком детстве, но запомнил на всю жизнь.

— Ребята, — рассмеялся Алексей, — я, конечно, прошу прощения, но вы кто? И откуда?

— А ты кем будешь? — не растерялся тот.

— Младший лейтенант Алексей, по прозвищу Леший. Снайпер. Командир остатков роты.

— То-то я гляжу, что на вас нет живого места. Я Бомани. Званий не имею и подчиняюсь мне исключительно из-за авторитета. Пират, головорез, приговорён к смерти в сорока пяти городах. Прозвищ много, но мои люди любят звать меня Симбат. Руководжу отрядом полка лёгкой пехоты имени Улыбки Весёлого Роджера.

Полк имени Улыбки Весёлого Роджера прибыл из Пиратского союза как раз в разгар битвы за столицу Конфедерации и принимал в ней непосредственное участие. Пираты, бандиты, авантюристы, налётчики. Для них война была не более чем одним из способов себя развлечь. Вскоре они добудут славу в отчаянных и дерзких вылазках на порты Балтийского моря подконтрольные Хартии и станут серьёзной силой на море. А хартийцы будут рассказывать о морских налётчиках, что с жутким воем атакуют в ночи и не ведают страха.

— Послушай, милая леди, — обратился он к Саманте. — А как у тебя на родине называли тех, кто живёт в Африке?

— Не знаю, — растерянно улыбнулась девушка и пожала плечами. — Афроафриканцы? — рассмеялась она вместе с Симбатом и его солдатами.

— Рассмешила, — успокоившись, ответил Симбат. — Негр остаётся негром хоть в Америке, хоть в Африке.

— Разве для вас это не считается оскорблением?

— В смысле? — удивился Симбат. — Это так решил кто-то из белых?

— У нас считалось это слово оскорбительным. Расизм.

— Расизм, — повторил Симбат. — Как хорошо, что он ушёл вместе с нашим старым миром.

Бледные ладони со всей силы сжали друг друга, расцарапывая ногтями кожу до мяса и костей. Кисти крепко связали одной верёвкой, от чего они стали синими. Глаза широко раскрылись, рот обезобразили множественными ножевыми порезами, а тоненькую шею перерезали одним резким махом, словно убивали домашнюю птицу. Из широкой раны продолжала вытекать кровь, формируя из алых ручейков одну большую красную лужу. Тёмную мантию разорвали на куски. Ниже пояса тело полностью оголили. Между ног, от которых не осталось живого места, доньшком наружу затолкали пустую бутылку вина. А сверху, в полумраке, безразлично наблюдала статуя Девы Марии, будто так и требовалось.

Вильгельм видел много изнасилованных тел, но этот случай поразил даже его. Монашки лежали как куклы, с которыми наскучило играть и их так и оставили беспомощно барахтаться на полу. Каждую привязали к другой, сформировав жуткое подобие круга. Если одна из жертв начинала сопротивляться, то доставляла невыносимую боль тем, кого к ней привязали.

Девушек мучали не просто ради забавы. Тут читалось подлинная одержимость страданием и зависимость от причинения кому-то боли. А обагрённые в кровь между худых ног бутылки подчёркивали маниакальность и античеловечность тех, кто решился на это.

— Орден будет в ярости, — сухо прокомментировал Вильгельм, сузив глаза.

— Кто же это сделал? — спросил гвардеец, с омерзением глядя на монашек.

— Да кто угодно, — пожал плечами Вилли. — Тут за день прошла половина второго

корпуса. Разве что почерк сильно яркий для простого солдата. Так что это скорее всего был «Отряд сто тридцать семь».

— Сволочи, — фыркнул гвардеец. — Не удивительно, что нас здесь все презирают.

— Пошли, — кивнул Вильгельм и последовал на свежий воздух. — Это место для штаба не годится.

Профессионалы изучают логистику. Исход любой битвы решается не на фронте, а в тылу. Кто первый доставит боеприпасы и топливо, пополнит подразделения, тот и одержит вверх. Самым сложным процессом для генералов Хартии стало не одолеть противника, а наладить на оккупированной территории снабжение. Здесь и показали первые недостатки армии Хартии. Растянутые на шестьсот пятьдесят километров от Бреста до Франкфурта линии снабжения дали о себе знать в самый неподходящий момент и наступление хартийцев остановилось по всему фронту. Заглохло так же неожиданно, как и начиналось.

Передовые части Хартии стояли уже в тридцати километрах от Берлина, но не были в силах продвинуться дальше хоть на метр. Чтобы хоть как-то восстановить снабжение, развернуть в тылу склады и опорные пункты, понадобилось целых две недели. Такая передышка стала спасением для защитников столицы. За это время под Берлин перебросили пять свежих бригад, не считая десятки добровольческих формирований из других стран. Не дожидаясь, когда враг возобновит наступление, конфедераты ударили первыми, с единственным намерением — отбросить хартийцев обратно за Одер.

Чашка горячего кофе заполняло ароматом огромное помещение амбара. Теперь кофе стало дефицитным. Раньше зёрна привозили с далёкого полуострова Индостан, но сейчас, когда все страны оборвали торговлю с Хартией, достать его стало практически невозможно.

Между тюков сена расположился штаб батальона. Несколько офицеров спали прямо в душистом золотом покрывале, радисты, не смыкая глаз, вели радиопереговоры. Вильгельм, сидя за раскладным столом, боролся с накотившей усталостью и пытался не заснуть. Его грела мысль, что до часа ночи осталось всего ничего и он сможет лечь спать. А завтра наконец-то придёт замена и всё закончится.

Командир второго батальона из-за халатности расположил свой командный пункт не в зоне действия союзного ПВО. Этим не побрезговал беспилотник Конфедерации и метко пущенный снаряд угодил прямо в цель. Погибло восемь старших офицеров, включая командира и его заместителя. Второй батальон остался без руководства. Так совпало, что Вильгельм как раз был мимоходом. Оценив обстановку, он решил взять руководство на себя, пока первая бригада не пришлёт кого-то вместо погибшего офицера.

Батальон расположился на перекрёстке в одной из деревень с трудно выговариваемым названием. Соседями на юге был первый батальон, стоящий в похожей деревне, а на севере в лесу расположился третий. В тылу были готовы поддержать два артиллерийских взвода, но за пару дней руководства Вильгельма их помощь не пригодилась. Если не учитывать несколько коротких стычек, то вообще ничего не происходило. Фронт замер в ожидании чего-то грандиозного.

На западе, в полукилometре отсюда, противник занимал укрепленные позиции. Их местоположение было известно вплоть до каждого пулемётного гнезда, но в условиях снарядного голода пушки молчали, открывая огонь лишь в крайних случаях.

Первую и вторую роты Вильгельм расположил на западной окраине деревни, где они встречали врага с единственного возможного направления. От каждой роты Вилли взял по

взводу и расположил на северном и южном фланге, дабы исключить неожиданного захода во фланг. Несмотря на то, что это было невозможно из-за прикрытия первого и третьего батальона, Вильгельм решил перестраховаться. Шла война, а на войне может произойти всё что угодно. Третья рота, включающая в себя два взвода гвардии, отдыхала в заброшенном здании школы и находилась в оперативном резерве. Ещё в распоряжении Вильгельма был танковый взвод, но в рабочем состоянии оставалась единственная машина. У остальных закончился боекомплект и топливо. Так что помимо удержания деревни в условиях острой нехватки снабжения, Вильгельму приходилось защищать технику. К счастью, командование бригады обещало прислать командира вместе с бензовозом и двумя грузовиками с боеприпасами.

— Докладывает второй батальон, — сонным голосом протянул Вильгельм. — Всё тихо. Противник активности не проявляет. Что у вас, соседи?

— Тоска смертная, лейтенант, — ответили в первом батальоне. — Ты там замолви словечко у маршала, чтобы поставил первую бригаду в приоритете по снабжению. Иначе Берлин возьмёт третья бригада. А где это видано, чтобы третья бригада брала что-то раньше первой?

— Первая бригада ничего бы не брала, если бы третий батальон не прикрывал её задницы, — вклинился в разговор третий голос.

— Не расстраивайся, третья, — засмеялся командир первого батальона. — Пиво будет за счёт первого батальона. Сразу после совместной фотографии на фоне Бундестага.

— Херня у них на постном масле, а не пиво. Такое ощущение, что вместо хмеля они туда добавляют крысиный яд.

— Может это тебе так повезло?

— Честно говоря нам всем сейчас очень повезло. Ещё неделя в обороне и мы просто отсидим себе задницы или меня окончательно загрызут комары, а тогда о наступлении можно забыть.

— А я рад, что нам позволили передышку. Полтора месяца в наступлении вымотают даже первую бригаду. Ничего, отдохнём и последним рывком войдём в столицу, возьмём в плен канцлера и выиграем войну.

Разговор двух командиров окончательно разморил Вильгельма и когда он уже почти лёг головой на стол, в ушах на повышенном тоне прозвучало:

— Твою мать! — вскрикнул командир третьего батальона. — Нас обстреливают!

— Спокойно, — ответили из первого батальона. — Обычный миномётный обстрел.

— Нихера подобного! Это тяжёлая артиллерия!

— Ух ты! Конфи решили нас прощупать?

Вильгельм не успел сообразить, что происходит, как на него уже посыпались доклады:

— Говорит вторая рота! Противник наступает вдоль дороги.

— Первая рота! Стычка с пехотой конфедератов!

— Всем частям, — приказал Вильгельм, — боевая готовность! Держать оборону и докладывать о всех малейших изменениях. Боеприпасы беречь.

«Что-то начинается».

— Говорит третий батальон! — не своим голосом кричал командир. — Мы под шквальным огнём! Враг теснит нас! С численностью несколько батальонов, усиленный танками! Ай, чёрт... — связь неожиданно прервалась.

— Третий? Третий ответ. Третий? Зараза... — простонал Вильгельм. — Первый, дай

третьего.

— У самого пропал.

— Значит рация накрылась, — вздохнул Вилли. — Держим оборону и ждём выхода на связь третьего батальона.

«Ну почему именно сейчас?»

Противник вёл перестрелку с первой и второй ротой, изредка постреливая из миномётов. Он словно и не пытался выбить хартийцев из укреплённых позиций. Вильгельм понял, что роты просто сковали боем и вскоре стало ясно, для чего это было сделано.

— Говорит второй взвод второй роты, — послышался испуганный голос. — У нас...

— Боец, — прервал его Вилли, — возьми себя в руки и докладывай.

— Слушаюсь! Северо-восточнее от дороги движется группа танков под прикрытием пехоты. Очень много! Пришлите помощь, иначе нам кранты!

Чашка упала со стола и разлила тёмную жидкость.

«Как такая группировка могла оказаться в тылу? Неужели... прорвали фронт?»

— Третья рота.

— Гвардия слушает.

— Берите с собой танк и выходите на встречу со вторым взводом. Дадите наводку на цели. Я вызову поддержку артиллерии.

— Замётано, Вильгельм. Уже выходим.

Амбар заполнили звуки взрывов и выстрелов. Офицеров давно как ветром сдуло с тюков, а радисты с удвоенным рвением работали со связью. Особенно отчаянно они пытались наладить связь с третьим батальоном, но всё было тщетно.

— Пятая и восьмая батарея, — теряя остатки холоднокровия, вызвал артиллерию Вильгельм.

— Мы думали о нас забыли.

— Поговори мне тут! — рявкнул Вилли. — Квадрат двести восемнадцать, левее отметки шесть. Беглый огонь. Задайте им жару.

— Слушаюсь, господин лейтенант!

Засвистели снаряды и маленькую деревушку сотрясли оглушающие взрывы. С большим трудом третьей роте удалось отбить атаку и враг отступил. Вскоре бой в деревне начал сходиться на нет, а затем и вовсе прекратился. Осталась слышна только канонада идущего вокруг наступления. Вот только теперь хартийцам приходилось играть роль обороняющихся.

К утру выяснилось, что там, где находился третьей батальон, фронт был прорван, штаб разрушен, а командир получил тяжёлые ранения. По всему Одерскому плацдарму шло наступление и армия Хартии едва успевала ликвидировать бреши в обороне.

Первые приказы об отступлении хартийское командование отдало именно здесь — между Берлином и Франкфуртом. Второй батальон не стал исключением. Передав руководство прибывшему офицеру, Вильгельм про себя отметил, что сегодня армия Хартии была впервые близка от полного разгрома. Вилли ещё не знал, что это было только отголоском чего-то действительно страшного. Того, во что никто не верил.

Маршал Эрвин отдал приказ на выход из Одерского плацдарма, с целью перегруппировки и пополнения запасов. В начале лета конфедераты одержали первую крупную победу, войдя во Франкфурт. Но радость победы быстро сменилась злобой и ненавистью.

Во время отступления из Франкфурта несколько хартийских командиров не смогли

смириться с поражением и отдали прямой приказ: не оставлять никого в живых. Хартийцы брали гражданских в заложники, пытали и расстреливали. Улицы заполнили трупы со связанными за спиной руками и простреленным затылком. В подвалах обнаружили десятки пыточных. Вскрылось множество историй об изнасилованиях. Включая несовершеннолетних детей.

Такую цивилизацию несла Хартия. Такую судьбу уготовила для захваченных земель. И теперь солдаты Конфедерации делали всё возможное, чтобы не допустить распространения дела Хартии ни на сантиметр дальше.

«Девушка. Двадцать пять лет. Расстреляна во время того как несла воду.

Пятеро детей. Три мальчика и две девочки. Три, четыре, шесть, семь и девять лет.

Изнасилованы столовыми приборами.

Двое мужчин. Возраст определить невозможно. Умерли в подвале от обезвоживания.

Девочка. Шесть лет. Связали и переехали танком. Скончалась на месте.

Двое мальчиков. Шесть и восемь лет. На глазах у пострадавших изнасиловали и убили родителей.

Семья. Мужчина, женщина и девочка. Расстреляны в автомобиле при попытке покинуть город».

После освобождения Франкфурта Уинстон лично посетил город и увиденное оставит в его душе неизгладимый след боли и горечи. Сомнений не оставалось: Хартия собиралась устроить в Европе огромную бойню, дабы с помощью страха управлять покорённым населением. Оставалось догадываться, что происходило на оккупированных территориях и каких это достигнет масштабов. Но цифры ужасали уже сейчас. Триста сорок пять убитых по самым скромным расчётам. Если не учитывать тысячи пострадавших. Это не были убийства по неосторожности или из-за необходимости. Нет, это было чётко спланированная операция по зачистке города. Улица за улицей, квартал за кварталом. Сначала убивали жертву, а затем всех, кто стал случайным свидетелем преступления.

Франкфурт отбили через месяц после того, как туда вошли солдаты Хартии и картина, что предстала перед бойцами Конфедерации не оставила равнодушным никого. Что же сейчас происходило в Кёнигсберге, Данциге, Люблине? Что увидят солдаты там? И не захотят ли они сделать тоже самое в городах Хартии? Если убийство гражданских в Варшаве можно было списать на боевые действия, то Франкфуртскую резню оправдать не могло ни что.

Уинстон думал как совместно с Арчибальдом представить данные мировой общественности, да так, чтобы это произвело максимальный резонанс, но его прервал едва не вбежавший в кабинет Фридрих.

— Простите, что без стука, господин канцлер, — извинился генерал сквозь тяжёлую отдышку.

— Надеюсь, новость действительно срочная.

— Вы не будете разочарованы, — Фридрих вытер выступивший пот.

— Тогда докладывайте, — Уинстон сложил руки у подбородка.

— Час назад три беспилотника Воздушных Сил Конференции патрулировали побережье Балтийского моря. Приблизительно в тринадцать часов одиннадцать минут они обнаружили линкор «Хартия» и вступили в неравный бой. Все три беспилотника были сбиты, однако, по данным фотоснимков стало ясно, что у корабля повреждён двигательный отсек и в данный

момент он находится в трёхста метрах от побережья, недалеко от мёртвого города Устка, без возможности сменить позицию. Господин канцлер, такого шанса нам больше никогда не выпадет.

— У нас же нет никакого оружия, способного потопить это судно.

— Вы правы. Но у нас есть храбрые солдаты, готовые за свою страну и канцлера на всё. Генштаб вместе с представителями из Пиратского союза уже разрабатывает план штурма корабля.

— Что же Фридрих, — вздохнул Уинстон, — тогда вот мой приказ: корабль нужно потопить. После Франкфурта все будут жаждать мести и нам нужно её предоставить.

— Месть нужно подавать холодной, — заметил Генерал.

— Не в нашем случае. Консула Гвина ждёт трибунал за совершённые им преступления против человечества, но сейчас мы сделаем ему больно иным способом. Генерал, потопите «Хартию».

— С удовольствием, господин канцлер.

Сильный ветер сдувал тонкий слой раскалённого песка, превращая его в подобие песчаных волн. Высоко в небе кружило два коршуна, терпеливо ожидая добычу. Вокруг, куда только падал взгляд, раскинулось огромное море из песка и глины.

Старому верблюду вонзили кинжал прямо в сердце. Животное вскрикнуло и начало оседать. Долгие годы он верно служил своим хозяевам и теперь выполнял своё последнее поручение.

Толстую выйную часть кожи вырезают, а затем делят на несколько частей, формируя что-то на подобии шапки. Народы Африки дали ей название «шири». Шири требовалось одевать ещё тёплой на полностью бритые головы пленников.

Внутри шири была чертовски липкой и прилипала к голове почти мгновенно. Снять её обратно можно разве что только вместе со скальпом.

Пленников связывали в руках и ногах, клали на горячий песок, и, убедившись, что снять шири они никак не смогут, оставляли в пустыне одних. Через несколько часов обладатель шири понимает в чём заключается дьявольская задумка его головного убора. Растущие волосы, не имея возможности пробиться через толстую верблюжью кожу, всё равно продолжают расти, но обратно, впиваясь в голову человеку. Сотни тысяч волосков причиняли адские муки, а страдания усиливались жаждой и затёкшими конечностями. Несколько оглушающих воплей, доходящих до хрипоты, постепенно стихали. Многие не переживали пытку, остальные сходили с ума. Через несколько дней те, кто надевал шири, возвращались, поили выживших и снимали орудие пыток. Но человек уже утратил свою личность и превратился в примитивную марионетку. Стал послушным рабом, готовым служить кому угодно. А значит шири создала крайне ценный товар.

— Симбат, у тебя истории одна жутче другой, — прокомментировал Алексей, когда рассказчик смолк.

— Жизнь в пустыне всегда была не из лёгких. Хорошо, что я большую часть времени провожу на воде, — он ухмыльнулся. — Когда я узнал, что у нас делают с захваченными во время абордажа невольниками, я почти перестал пытаться кого-то взять в плен. Лучше уж пуля, чем такие мучения и рабская жизнь.

— Какой благородный пират, — в голосе Саманты слышались нотки иронии.

— Не нужно мне читать мораль, милая леди. Каждый пират давно смирился, что он

убийца и кара рано или поздно его настигнет. Но мы, по крайней мере, убиваем ради выгоды. А то, что делают хартийцы... Кроме как геноцид, это по другому не назовёшь.

— Похоже мы стали свидетелями первого геноцида, — горько усмехнулся Алексей, — в котором убивают за принадлежность к другому государству.

— Убийцы упрекают в чём-то других убийц, — покачал головой Симбат.

— Верно, мы убийцы, — подтвердила Саманта. — Но мы убиваем, чтобы защитить себя. А они... Даже не ради удовольствия. А потому что так приказали. Ради их чёртового дела Хартии, о сути которого они сами сказать не в состоянии.

Собеседники молча смотрели на пламя огня, с горечью размышляя против кого и чего им приходится сражаться.

— Симбат, Леший, Джульетта! — позвал их командир батальона. — Собираемся! Что-то произошло в Балтике, а нам, как обычно, ничего не сказали.

Раскрытая острая пасть с множественными маленьким зубами. Из-под плавников текла кровь и вода едва успевала её смывать. В глазах читался страх и растерянность.

Гидролокатор линкора разрушил навигационную систему дельфина, оставив слепым и беспомощным. Не в силах больше охотиться, в конце-концов он врезался в скалы и погиб, а волны выбросили мёртвую тушу на берег.

Алексей перевёл взгляд с дельфина на корабль. Загнанный в угол зверь ошетинился пушками и готовился драться до конца. Солдаты молча наблюдали за линкором. Их сердца горели яростью и жадной мести. Хартия уже в их сетях и судьба судна предрешена.

Ветер усилился и море начинало штормить. Хартийское знамя громко затрепало. Волны всё сильнее покачивали корабль, а по обшивке забарабанили первые дождевые капли, переходящие в сильный ливень. Истошный крик чаек отдавал эхом до самых глубоких палуб линкора.

— Сколько нужно времени для починки двигателей? — спросил Эрих, наблюдая с мостика за морем. Он не покидал наблюдательный пункт уже сутки, тщательно следя за выполнением каждого приказа.

— Ремонтники доложили, что должны справиться до вечера, — рапортовал моряк. — А там дотянем до Риги и нас отремонтируют как следует.

— Хорошо, — кивнул адмирал. — Держите меня в курсе. Вы вызвали прикрытия авиации?

— Погода портится. Лётчики не могут нам помочь.

— Что же, тогда будем рассчитывать на себя.

Эрих продолжал молчаливо наблюдать за всё растущими волнами. Как же не вовремя он здесь застрял. Эрвин как раз ожидал его в Риге, для аудиенции. А о что они ещё могли обговорить, кроме как новые детали переворота? И теперь своей оплошностью он подставлял маршала. А ведь Кнут говорил не рисковать и не участвовать в морских вылазках. Но разве мог кто-то ещё кроме Эриха управлять столь могущественным судном?

— Адмирал, — крикнул моряк, указывая в сторону берега, — смотрите!

Береговую линию покрыла дымовая завеса и из-за неё один за другим выныривали ударные катера. Словно пираньи, они молниеносно двигались к добыче, чтобы обглодать её до костей.

— Решились всё таки, — спокойно сказал Эрих, наблюдая как несколько десятков катеров движется прямо на них. — Всем орудиям! — обратился адмирал к экипажу корабля.

— Разрешаю вести огонь без приказа. Уничтожить врага!

Исполинские орудия развернулись в сторону противника. На секунду они молча смотрели на катера, а затем дали одновременный залп. Головной катер подбросило на несколько метров вверх. Его полностью охватило пламя, и вскоре он скрылся под толщей воды. На его место сразу стал другой. На носу у ударного корабля, крепко держась за поручни и подставляя лицо морским брызгам, стоял Симбат. Вода пенилась и бурлила, в небе засверкали молнии, а по всей округе гремели взрывы. Но ему было всё не почём. Он всегда мечтал прокатиться на чём-то подобном и наконец-то его мечта исполнилась. Должно быть так и выглядело пиратское счастье.

Уцелевшие катера вошли в мёртвую зону действия орудий. Застрекотали пулемёты лодок, подавляя моряков на линкоре. К ним присоединились снайперы, что с берега устраняли всех, кто попадал им в прицел. Приблизившись к огромному борту корабля в плотную сапёры принялись устанавливать взрывчатку. Несколько отрядов пошли на abordаж, дабы выиграть время для подрывников.

— Из всей взрывчатки у нас только один заряд С-4, — крикнул Симбат, подымаясь по кошке-верёвке. — Установите его грамотно, иначе зря плавали.

На палубе завязалась рукопашная. Особенно рьяно сражались пираты, не ведая страха и бросаясь в самую гущу схватки. Кружась в смертельном танце, уклоняясь от пуль и штыков, они всем своим видом показывали признание к смерти.

— Кто это такие? — спросил Эрих, глядя на пиратов.

Ему не успели ответить. По стеклу ударила снайперская пуля, оставляя на нём большую мятину. От неожиданности адмирал пригнулся.

— Господин адмирал, — обратился к нему моряк, — здесь не безопасно. Покиньте мостик.

— Я не покину своих людей в трудную минуту, — категорично заявил Эрих.

Нападающие прочно закрепились на палубе и под прикрытием пулемётов и снайперов держали оборону.

— Почему бы нам не захватить эту посудину? — поинтересовался Симбат во время перезарядки.

— Канцлер приказал потопить корабль, — ответили ему. — Других приказов не поступало.

— С другой стороны что нам мешает потом его поднять?

Через три минуты сапёры доложили, что закончили залаживать заряды. Конфедераты один за другим начали покидали палубу. Последним спускался Симбат, на полной скорости слетая на верёвке. Ему повезло, что крепление на сквозь пропиталось водой, иначе бы пират разодрал руки до крови.

— Уходим отсюда хоть к морскому дьяволу! — крикнул он, подымаясь на палубу катера.

Но радоваться было рано. Отплыв на несколько десятков метров, сапёр нажал на детонатор. Но ничего не произошло.

— Зараза, — прошипел он. — Горит красным.

— Я же просил установить нормально заряд, — вздохнул Симбат.

— Мы его и установили нормально. Походу волной зацепило.

— Зараза.

— Что теперь делать?

— Давай его сюда, — сказал Симбат и выхватил детонатор.

— Ты что удумал?

— Буду показывать как правильно делать работу.

Симбат снял бронежилет и сапоги, после чего прыгнул за борт. Пираты встретили смелый боевой поступок командира боевым кличем, похожим на смесь волчьего воя и свиного визга.

Доплыв под водой до цели и вынырнув, он увидел как хартийцы несмотря на плотный огонь пытаются снять заряды. Недолго думая он потащил одного из противника прямо в морскую пучину. Вода поглотила моряка, оборвав отчаянный крик.

«Конечно, — подумал Симбат, поправляя взрывчатку. — Видно, что устанавливал дилетант».

Лампочка на детонаторе сменилась зелёным. Симбат уже собирался плыть обратно, но на него разом напрыгнуло ещё несколько хартийцев, пытаясь отобрать взрыватель. Выбора не было. Или нажимать сейчас, или уже никогда. Подумав как же сильно разбушевалось море, Симбат зажмурился и нажал на детонатор.

Судно осветилось ярким пламенем, взрывная волна качнуло линкор, едва не завалил его набок, а затем прогремел взрыв, который слышали на много десятков километров. Дым рассеялся и в борту стала видна брешь, куда стремительно затекала вода.

— Господин адмирал! — кричал оглушённому Эриху моряк. — Адмирал!

— Докладывай, — собравшись с мыслями и поднявшись, ответил Эрих.

— Мы очень быстро набираем воду! Нижние ярусы полностью затоплены. Корабль скоро будет потоплен!

— «Хартия» идёт ко дну, — сухо констатировал Эрих. — Какая ирония.

— Ваши указания, господин адмирал?

— Покинуть корабль. Мы проиграли битву.

— А вы? — со страхом в голосе спросил моряк.

— С каких это пор капитан корабля покидает тонущее судно? Тем более, если капитан — адмирал?

Никто не нашёлся чем ответить Эриху. Отдав воинскую честь, всё покинули мостик, оставляя Эриха одного.

— Прости, Эрвин, — грустно сказал себе Дёнец. — Придётся тебе без меня.

Вскоре мостик уйдёт под воду, стекло не выдержит давления и холодная вода поглотит адмирала, вместе с кораблём и величием Хартии.

Огромные волны несколько раз накрывали моряка с головой, но он продолжал упрямо цепляться за жизнь. Гребя со всех сил, он одним из первых доплывёт до берега и изнеможённо свалится на песок. Открыв глаза, он увидит возле виска дуло пистолета.

— Добро пожаловать на земли угнетаемых народов, дорогие освободители, — с призрением глядя на моряка начал Алексей. — Простите, что вам пришлось промокнуть, мы не ожидали вашего прибытия. Горячих напитков с собой не взяли, можем предложить разве что свиную мочу. Если что-то не устраивает, можете плыть обратно тем же ходом в свою цивилизованную Хартию.

— Леший, хватит тебе, — прервала его Саманта. — Для этих война уже окончена.

— Не дашь получить от работы удовольствие, — вздохнул Алексей и убрал пистолет.

Конфедераты наблюдали за тонущем кораблём и ликовали. Они чувствовали себя героями из легенд, что одолели жуткое чудовище и спасли сотни жизней.

Арчибальд позаботился, чтобы о зверствах Хартии и победах Конфедерации узнал весь мир. Уинстон доказал, что конфедераты могут сопротивляться и побеждать. Министерство иностранных дел с ещё большими усилиями начало добиваться вступления других стран в войну на стороне Конфедерации.

Наступал перелом. Быть может это было не начало конца, но точно конец начала. И всё же несмотря на поражения Хартия продолжала контролировать обширные территории, обладать мощной армией и неиссякаемыми ресурсами. Думать о победе было ещё рано.

Забытое желание

Известие о гибели линкора потрясло Хартию. Был объявлен трёхдневный траур по погибшим морякам и адмиралу Эриху Дёнецу. Приспущенные флаги, отменённые торжества и сотни оплакивающих павших за дело Хартии.

На удивление окружения Гвина, консула не сильно опечалила потеря судна. Он воспринимал это как необходимую жертву для достижения триумфа. Адмирала скоро заменят, но, к несчастью Эрвина, новый командующий флота оказался всецело предан консулу и посвящать его в план военного переворота не имело смысла. И без того сложное предприятие становилось ещё сложнее.

На севере конфедераты держали оборону в нескольких километрах от города Слупск. Оттуда линия фронта шла строго на юг, пока не упиралась в реку Варта. За рекой хартийцам удалось дойти до новой водной преграды — Одер, что неизбежно стоял на защите Конфедерации до самого юга. Там, между излучин Одера и Вислы, Хартия смогла дойти до Богемии и разрешила южную группировку на две части. Первая, вторая, третья и пятая дивизии оказались прижаты к горам и отчаянно сопротивлялись, начиная от Ясло, Дембицы и Тарнува, заканчивая Краковом, Хшанувом и Бельско-Бялой. В последствии выступ получит название «Краковский», а битва «Краковская мясорубка».

Прослушав краткий доклад Эрвина, Гвин ответил:

— Дадим войскам отдых. Подтянем резервы и тылы. Но это не значит, что мы будем сидеть сложа руки.

«Ещё одна авантюра консула», — прикусив губу, подумал Эрвин.

— Нам нужно «прибраться» на освобожденных территориях. Свести к минимуму партизанскую активность. И разобраться с Краковской группировкой, которая будет мешать нашему дальнейшему наступлению. Уверен, с ней особых проблем не возникнет.

«Если бы заглянуть в голову консула, — думал Эрвин, — и узнать о чём он думает на самом деле».

— Если бы мы могли заглянуть в голову консула Гвина, — докладывал Фридрих Уинстону, — то тогда бы не догадывались о дальнейших действиях Хартии. Но, к сожалению, мы не можем позволить себе такую роскошь.

— В последнее время мы вообще мало чего себе можем позволить, — иронизировал канцлер.

— Если судить по действиям хартийской армии — они готовятся к новому наступлению. В военной теории мы должны его сорвать своими атаками, но я не могу отдать такой приказ. У хартийцев численный перевес, у них остаётся достаточно много ветеранов, некоторые из которых воюют уже одиннадцать лет. Единственное объяснение, почему мы ещё держимся — это доблесть и храбрость наших солдат. Господин канцлер, оружия очень мало. Есть случаи, когда ополчение приходится вооружать винтовками произведённые ещё во времена Второй Мировой войны! Остаётся надеяться, что производство скоро наладит достаточный выпуск вооружения для обеспечения фронта. Но этого хватит только для гарантии, что мы удержим занятые рубежи. Для того, чтобы отбить захваченные земли, нам нужно более современное оружие. А оно есть только у наших заокеанских партнёров.

— У американцев? — уточнил канцлер.

— Уинстон, где твои манеры? — встала реплика Амелия. — Жители Объединённых

Штатов Атлантики именуют себя как атланты и никак иначе.

— Это пока они не займут побережье Тихого океана.

— Кажется я знаю, почему тебя вытурили из дипкорпуса, — едко проговорила Амелия.

— Хорошо, — сдался Уинстон, — какие у нас с ними успехи?

— После обнародованных зверств совершённых Хартией мнение многих политиков Атлантики о нашей войне кардинально изменилась. Если раньше они воспринимали её не более чем локальный конфликт двух государств, то сейчас на нас смотрят как на борцов против мирового зла.

— Это всё, конечно, замечательно, но как это влияет на их помощь?

— Эх, Уинстон, — вздохнул Амелия. — Не могут они так быстро поменять принципы изоляционизма. Как бы мы не старались. Впрочем, один из моих знакомых подал мне интересную идею.

— Что за знакомый?

— Мы встретился с ним на фронте. Он смог дослужиться до капитана. Но это для нас не важно. Важно, что капитан Лоуренс Браун американец. Он предложил мне собрать делегацию из таких же как он американцев, что сражаются в рядах нашей армии и отправить в Атлантику. Уж своих соотечественников они выслушают.

— Ты сейчас нарушила дипломатический этикет, — хмыкнул Уинстон. — Но я не буду уподобляться тебе. Идея мне нравится, — канцлер задумался. — Хорошо, — вскоре сказал он. — Фридрих, предоставь Амелии списки военнослужащих. Пускай выберут оттуда пять лучших солдат. Больше, думаю, не потребуется. Сколько нужно тебе времени Амелия?

— Пока наладим контакты через посольства и соберём делегацию... — считала вслух министр. — Думаю, меньше чем за неделю справимся.

— Уложись в три дня. Не думаю, что консул Гвин будет дожидаться, пока мы договариваемся за его спиной со всем миром.

Не выходящий два месяца из боёв батальон, в котором служили Алексей и Саманта, наконец-то отправили в тыл на переформирование. Многие из опытных солдат становились инструкторами и обучали новобранцев. Других повышали до командиров взводов, рот и батальонов. Снайперская пара ждала, что будут делать с ними и размышление вгоняло их в уныние. Каждый понимал, что, вероятно, их снова разлучат и увидеться им дадут возможность только после конца войны. Они ещё не представляли, какая их ждала судьба.

— Что-то о нас уже слышно? — спросила Саманта, доедая тарелку супа.

— Вариантов много. Иронично, но самый лучший, если нас отправят на Краковский выступ. Говорят, нашим там очень непросто.

— Ты действительно готов со мной туда отправиться? — удивилась Саманта.

— Забудь, что я сказал. Для тебя уже войны хватит. Очень надеюсь, что тебя отправят обучать снайперскому делу. Для меня это лучший расклад.

— А для меня что по твоему лучший расклад? — нахмурилась девушка.

— Чтобы я сидел за соседней дверью и занимался тем же, — засмеялся Алексей и Саманта вскоре сменила гнев на милость.

В просторную палатку вошёл капитан. Гладко зачёсанные тёмные волосы отбивали свет, форму выгладили, не оставив ни одной помарки. Всем своим видом капитан показывал, что он редкий гость на передовой. Окинув взглядом солдат, он сверился со списком и громко, чётко выговаривая слова, прокричал:

— Мастер сержант Смит!

— Я, господин капитан, — вытянувшись, отрапортовала девушка.

— Отлично, — сухо кивнул он. — Я капитан Лоуренс Браун. Меня прислали к вам с важным поручением. Мы можем это обговорить без лишних глаз?

— Конечно, — пожала плечами Саманта.

— Вы её командир? — спросил Лоуренс у Алексея.

— Да, — ответил Лёша, понимая, что ничего хорошего не предвещается.

— Вы тоже идёте. Обговорим это вместе.

Покинув полевую столовую, ловя удивлённые взгляды и перешептывания, они ушли почти на самый край базы, там, где всегда было безлюдно и им никто не мог помешать. Капитан, не теряя времени, твёрдо и прямолинейно рассказал, что Саманта попала в список формируемой делегации в Атлантику. Требовалось только согласие девушки и решать нужно было сейчас.

— Я не согласна, — ответила спустя время Саманта.

— Она согласна, — категорично заявил Алексей.

— Что? — опешила девушка. — Ты не можешь решать за меня!

— Не слушай её капитан, — игнорируя Саманту, говорил Алексей, — она отправляется с вами. Оставь нас на пять минут, пожалуйста.

Лоуренс понимающе кивнул и удалился.

— Я тебя не брошу, — хмурясь, заявила девушка.

— Это же твой дом. Твоя родина. Ты же всё время, сколько я тебя знаю, мечтала об этом.

— Значит ты будешь здесь продолжать рисковать жизнью, а я буду невесть где заниматься непонятно чем? И ты готов туда меня отпустить?

— Да. Я отпускаю тебя, чтобы ты прекратила рисковать своей жизнью и сделала всё возможное, чтобы я перестал рисковать своей. Ты же понимаешь, что наших сил не хватает. А там ты можешь принести больше пользы, чем здесь.

— Я... — Саманта смутилась и опустила голову. — Я не могу. Это слишком эгоистично бросить тебя здесь одного.

— Пожалуйста, решишь хоть раз на эгоизм. Хотя бы ради меня.

— Дьюфи говорила, что я попаду домой, когда буду меньше всего этого хотеть. Как же она была права. Я совершенно не хочу сейчас туда.

— Возьми, — Алексей вытянул из-за пазухи футляр с пулевым отверстием, достал оттуда порядком выцветшую фотографию и спрятал её обратно, а затем протянул стальную коробочку Саманте. — Пора тебе вернуть его владельцу.

— Маме? — глаза Саманты стали влажными.

— Да, — он нежно погладил её по голове. — Она за тобой сильно соскучилась.

Тонкие длинные пальцы медленно перебирали фотографии. Долго рассматривая каждого человека, запечатлённого на ней, пальцы, пахнущие оружейной смазкой, медленно клали фотографию обратно на стол, и быстрым движением хватали следующую.

— Я смотрю этих Варшавских призраков все боятся пуще смерти, — выпустил Мстислав сигаретный дым, глядя холодными зрачками на улыбающегося с фотографии юношу. — А как по мне ничего особенного.

— Возьми эту, — Отто указал на последнюю в стопке фотокарточку. На ней

сфотографировали безмятежно сидящих на набережной Алексея и Саманту.

— Какая милая парочка, — оскалился Мстислав. — Неужели и они тоже?

— Эти двое убили троих выпускников твоей снайперской школы. Это кое о чём говорит.

— Не верю, — зрачки стали круглыми, как у кота, душащего мышь. — Моих воспитанников не могут убить каких-то два гражданских.

— Они уже давно не живут мирной жизнью, Шелестович. Не стоит недооценивать противника. Особенно будучи снайпером Ассом.

— Последний раз я кого-то убивал четыре года назад, — задумчиво протянул Мстислав, глядя на винтовку, висящей на стене. — Но вижу, что ситуация выходит из-под контроля и нужно её брать в свои руки. Хорошо, я помогу вам с ними разобраться.

— Приятно видеть, что лучший стрелок Хартии ещё в седле.

— Нет, — ответил Мстислав и прожёл сигаретой во лбу Саманты дырку. — Просто некоторые люди лезут не в своё дело и им нужно указать их место.

Саманте предоставили несколько часов на сборы. Затем её доставят на грузовой самолёт, с бортовым номером АН-225, летящий прямым рейсом в столицу Атлантики — Нью-Йорк. На эти несколько часов Алексей смог выпросить у командования разрешение покинуть свою часть. К счастью, сегодня оно было к нему благосклонным.

На Берлин совершался один из многих за всю войну авианалётов. Теснимые системами ПВО самолёты не могли эффективно сбрасывать бомбы, зачастую попадая по гражданским объектам. Одна из бомб разорвалась недалеко от места, где находилась квартира Алексея и Саманты.

Оконную раму полностью выбило и она валялась в дальнем углу комнаты, осколки стекла усеяли пол, шкаф завалился набок, а у люстры полопались все лампы. Война заглянула и сюда.

Саманта принялась собирать осколки битой посуды, стекла, вперемешку с налетевшими с улицы листьями. Алексей бросился ей помогать. В какой-то момент их руки невольно прикоснулись. По телу прошёл разряд, глаза широко глядели друг на друга, а в голове промелькнула единственная мысль:

«Чем, чёрт возьми, мы заняты?!»

Губы сомкнулись в коротком поцелуе. Затем, набрав побольше воздуха, он повторился, но более страстный и умелый. Одежда постепенно оказывалась на полу, а внутри било желание последние отведённые часы побыть собой. Забыть что такое страх. Почувствовать счастье наперекор войне, судьбе и смерти. Любить, желать, ценить и, затаив дыхание, отдать всего себя. Выиграть свою маленькую войну своего маленького, но насыщенного жизнью пути.

Саманта, блаженно улыбаясь, разглядывала в своей ладони брошку. Наблюдала как несмотря на время, на покрытых позолотой лепестках и в красном рубине продолжали играть солнечные лучи.

— Она как мы, — прошептала Саманта.

— Прости, не понял тебя.

— Даже через много-много лет продолжает сиять. Как мы. Как наша любовь, — сказала девушка и закрепила брошь обратно.

— Как вернёшься, обязательно подарю тебе новую.

— Не стоит. Ничто на свете не сравнится с ней.

— Тогда чего бы ты хотела?

— Покоя. Вместе с тобой. Но сейчас это невозможно.

— А после войны?

— Да... — промурчала девушка.

— Маленький домик. Вокруг сплошной лес, а рядом речка. Мы возьмём замечательную девочку из приюта и вырастим самого лучшего в мире ребёнка.

— Ты тоже хочешь девочку? — удивилась Саманта. — Как странно. Обычно все хотят мальчиков.

— Можно взять и мальчика. Слишком много детей сейчас остались одни.

— И опять мы говорим о войне.

— Двести пятнадцать человек, — Алексей поднялся и принялся одеваться обратно в форму. — Мы убили двести пятнадцать человек. Войну можно не замечать, но она всё равно рядом с нами. Поэтому нужно сделать всё, чтобы она пошла прочь. И... — он замаялся. — Если там спросят сколько ты убила. Отвечай, что двести пятнадцать. Ведь снайперский взвод одно целое.

Саманта лишь молча кивнула.

— Время пролетело так быстро, — сказала девушка, глядя на часы и одеваясь. — Несколько часов для нас слишком малы.

— Нам всё равно будет недостаточно времени. Даже если бы в наших силах была возможность его остановить.

— Но у нас ещё есть время по пути на аэродром.

Алексей отвёл взгляд.

— В чём дело, Лёша? — недоумевала Саманта.

— Там мы точно не сможем сдержаться. А я не хочу видеть, как в последние мгновения с тобой ты плачешь. Плачешь из-за меня.

— Значит мы расстаёмся здесь? — спросила девушка и по её щеке потекла слеза.

— И всё-таки ты плачешь, — сказал Алексей и крепко обнял её.

Уткнувшись в одну точку, Лёша чувствовал как Саманта уже не сдерживалась и всю ревела. А он, к своему стыду, понял как же обожает её обнимать. Собравшись с духом, он разжал объятия, наклонился и посмотрел прямо ей в глаза.

— Прощай, милая. Я буду ждать тебя. Возвращайся с хорошими вестями.

— Пожалуйста... — сказала она сквозь всхлип, — выживи.

— Само собой, — улыбнулся Алексей и вытер катящуюся слезу. — Больше ни слова. Побережём их до следующей встречи.

Уходящая далеко за горизонт взлётная полоса. Огромный чёрный грузовой самолёт с открытым грузовым отсеком ждал отправки. Пилот крылатой машины помог погрузить вещи и подал руку, помогая подняться внутрь. Оглянувшись, Саманта посмотрит в его сторону. На секунду покажется, что она заметит его, но в следующий миг девушка скроется внутри темноты самолёта.

Алексей тоскливо продолжал смотреть. Конечно он не мог не прийти. Не взглянуть на неё в последний раз. Особенно после того, как он узнал куда его отправляют.

— Скоро взлёт, — сказал подходящий Лоуренс. — Что вы хотели, младший лейтенант?

— Капитан, выполни просьбу солдата, что большую часть времени проводит на нуле. Нет, даже не так. Пообещай, что выполнишь то, что я попрошу.

— Говори. Быстро.

— Сделай всё возможное, чтобы до конца войны она сюда не возвращалась. Надеюсь, ты меня понимаешь?

— Хорошо, — кивнул Лоуренс. — Сделаю всё, что в моих силах.

— Отлично. Удачи вам там.

Самолёт оторвался от земли и постепенно превращался в маленькую чёрную точку на небе, пока вовсе не скрылся за облаками. Небо патрулировало два истребителя, готовясь бросить вызов Соколам Левандовского за господство в воздухе.

Саманта улетела. С каждой секундой отдалялась от кипящей преисподни. А Алексею предстояло посетить самые глубины ада.

Его отправляли в Краков.

Motherland

Её ладонь была такой мягкой и тёплой. Забылось имя. Забылся образ. Но ладонь и связанные с ней эмоции продолжали пробиваться из подсознания, напоминая о том дне. Когда нежность и теплота резко исчезли, выдёргивая из приятного сна.

По телу пробежала волна холодного воздуха, сердце заколотилось, на секунду стало тяжело дышать. Генри открыл глаза, не сразу понимая где он. Потребовалось время, чтобы вспомнить, почему он в самолёте. А затем задать себе вопрос, на который так и не получится ответить: «Почему вокруг так мало людей?»

Он точно помнил, что в бизнес классе не было где яблоку упасть. Сейчас же, пробивавшейся сквозь иллюминаторы свет луны освещал пустые места. В том числе и соседнее с ним.

«Не могли же они все вместе пойти в хвост самолёта по своим тёмным делам?»

Что-то случилось. Генри это чувствовал. Он не мог объяснить, что именно, но интуиция подсказывала, что нужно действовать.

Первым делом он попытался найти взрослых. Конечно его ожидала неудача. Заглядывая в каждый тёмный проём, Генри с уверенностью мог сказать, что самолёт почти пустой. А когда, к своему ужасу, он обнаружил, что борт остался без пилотов, без колебаний разбудил оставшихся пассажиров.

Тишину нарушили десятки взволнованных голосов. Маленькие дети не понимали что происходит, старшие пытались их успокоить, но по их виду было понятно, что их самих терзали те же самые вопросы. Генри взял с собой нескольких человек и, оставив остальных приглядывать за младшими, закрылся с ними в кабине пилотов.

— Нужно садить самолёт, — категорично заявил он.

— Ты спятил?! — опешила девушка. — Этой машиной никто из нас не знает как управлять.

— Свяжемся с диспетчерами. Они будут нам подсказывать. В противном случае у нас закончится топливо и мы полетим штопором вниз. Нам очень повезёт, если под нами будет вода. Кстати где мы сейчас? — спросил Генри у паренька в очках.

— Центральная Европа, — глядя на навигатор с дрожью в голосе ответил тот.

— Связывайся с вышками. Будем запрашивать полосу.

— Почему мы просто не можем спрыгнуть с парашютом? — спросила девушка.

— Сколько их здесь? В лучшем случае выдают несколько штук. А нас два десятка. К тому же ты готова оставить неуправляемый кусок металла, который неизвестно где рухнет?

— Вопрос снят, — поникла она.

Генри нацепил на себя валяющуюся у основания кресла пилота гарнитуру и опустил микрофон, а затем попытался связаться с ближайшей вышкой.

— Т-118! Приём! У нас ЧП! Борт остался без пилотов! Запрашиваем экстренную посадку!

Тишина.

— Т-118! Ответьте! Т-118!

Всё та же тишина отдавала холодным комком в горле.

— Пожалуйста... — с отчаянием простонал Генри. — Давай следующую, — обратился он к парню.

Генри ждал заведомо проигрышный результат. После десятой попытки гарнитура полетела в дальний угол, развалившись на две части.

— Да что за хрень?! — потеряв остаток холоднокровия кричал Генри. — Они нас здесь решили кинуть?!

— Что будем делать? — спросила девушка.

— Что делать... — повторил её слова Генри. — Ты верующая? — внезапно спросил он её.

— Атеистка.

— В нашей ситуации даже атеист будет молиться, — усмехнулся он. — Какой к нам ближайший аэропорт? — спросил Генри у парня.

— Рамштайн, — разглядывая навигатор, ответил он.

— Ставь автопилот на него. Будем сажать сами.

— Самолёт смертников, — фыркнула девушка.

— Зато умрём ярко и мгновенно! — развёл руками Генри и сел обратно в кресло.

— О детях бы подумал.

— Кстати о детях, — Генри надел вторую гарнитуру, нажал на кнопку и наигранно напыщенным голосом произнёс: — Уважаемый пассажиры! Говорит новоиспечённый командир корабля. Высота нашего полёта десять тысяч метров. Скорость — двести пятьдесят узлов. Сейчас наш полёт проходит над Федеративной Республикой Германия. Через несколько минут наш борт будет вынужден совершить посадку в ближайшем аэропорту, поэтому убедительная просьба занять свои места, пристегнуть ремни и наслаждаться полётом. Особенно проверьте хорошо ли пристегнулись мелкие. Предупреждаю, что сейчас нас будет очень неслабо трясти. Благодарю за внимание.

Генри выдохнул, а затем взглянул на приборы.

— Боже милосердный. Ветер сорок узлов.

— Как ты во всём это разбираешься? — спросил его парень.

— В детстве много играл в симуляторы. Но, скажу честно, на этой модели я не летал. Хотя они особенно ничем не отличаются.

Настроив автопилот на заданные координаты, белый нос самолёта стал медленно разворачиваться вправо. По регламенту дальше предписывалось связаться с диспетчером, но в этом случае правило пришлось нарушить. Дальше Генри вбил курс полосы. Он понимал, что выбирает на ощупь, так как если на полосе будет ещё один самолёт — трагедии не избежать. Дальше Генри стал накручивать на ручках заданный курс. Пальцы, как назло, дрожали, ладони покрылись липким потом. В ушах стучала кровь, заглушая мысли. Но Генри не показывал волнения.

По крайней мере он попытается.

Дальше самое сложное. По идеи Генри должны сказать когда ему нужно снижаться, но сейчас он должен был угадать сам. Поэтому Генри решил опустить самолёт на высоту четыре тысячи метров, дабы самостоятельно разглядеть нужную полосу. Машина нырнула в белые облака. Несколько минут никто ничего не видел, кроме окутавшей борт густой ваты. Самолёт начинало трясти, и Генри с трудом удерживал его на заданном курсе.

— Ветер пятьдесят узлов, мать его...

Преодолев отметку пять тысяч метров облака сжалились и отпустили стальную птицу. За ними их встретила покрытая тьмой земля, а вдалеке мерцали не ведавшего что произошло за эту злополучную ночь огоньки ночного города. Троица, поглощённая видом, не сразу

заметила мигающую на экране надпись «Drag Required».

— Что это? — взволнованно спросила девушка.

— Мой промах, — ответил Генри. — Нужно снижать скорость.

Генри поставил скорость на двести узлов и самолёт постепенно начал замедляться. Достигнув нужной скорости, Генри выпустил закрылки.

— Сто девяносто узлов, — бубнил он, вглядываясь в огни на горизонте. — Сто восемьдесят пять... А вот и она. Вижу полосу!

Вдалеке показались два стройных ряда оранжевых огоньков. Генри боялся ошибиться, но полоса была свободной. Не теряя времени, он выпустил шасси и стал снижаться. Самолёт должен был поймать сигнал и сам лечь на курс полосы. Но сигнала не было. Приходилось вручную вжиматься в штурвал и рулить, при этом сопротивляясь всё усиливающемуся ветру.

— Пристегнитесь, — шикнул Генри. — Быстро.

Полоса всё увеличивалась. Лоб покрыла испарина, и липкие капли затекали в глаза. Смахивать их времени не было. Одна ошибка и они покойники.

Тысяча метров. Скорость сто сорок узлов. Поставив закрылки на сорок градусов, Генри перешёл в режим «Flare». Самолёт трясло и слышалось как свистит ветер. Штурвал всё норовил вырваться. Но глядя на разрастающуюся полосу у Генри крепла уверенность, что они сядут.

«Мимо такого не промахнёшься. Грош мне цена, если это не так».

Пятьсот метров.

Четыреста.

Триста.

Двести.

Сто.

После ста метров безжизненный роботизированный голос стал отсчитывать оставшуюся высоту.

— Держитесь! — крикнул Генри. — Сейчас тряхнёт!

— Thirty, twenty, ten...

Самолёт соприкоснулся со тьмой и она должна была его поглотить. Вместо этого машину сильно встряхнуло, послышался звук торможения и борт понесло мимо светящихся фонарей.

— Получилось? — раскрыв глаза, спросила девушка. — Получилось! Мы сели!

— Спокойно, — ответил Генри, не в силах скрыть улыбку. — Его ещё нужно остановить.

Генри выключил автомат тяги и включил реверс. После семидесяти узлов выключил и его, при этом работая педалями, стараясь не вылететь на всей скорости с полосы. Но Генри мысленно понимал, что ничего уже не случится. Они сели несмотря ни на что, а остальное не столь важно.

Достигнув скорости пятнадцать узлов, Генри выключил двигатели и после полной остановки поставил парковочный тормоз.

— Уважаемые пассажиры, — устало обратился Генри. — Наш полёт завершён. От имени всего экипажа благодарим вас, что выбрали нашу компанию. Желаем вам хорошего вечера.

Выключив микрофон, Генри овладел истерический смех. К нему присоединились остальные присутствующие в кабине.

— Тебя должны наградить, — говорил ему парень.

— Чувствую этот полёт отобрал у меня пару лет жизни. И очень хочется выпить. Пойдём, — он махнул головой в сторону салона, — там должно было что-то остаться.

— И тогда я понял, что суждено мне быть пилотом, — закончил свой рассказ Генри, не отрываясь от приборной панели.

Саманта сидела на свободном сиденье и заворуженно слушала историю пилота.

— Ваша история с счастливым концом, в отличие от моей, — грустно прокомментировала она.

— Но вас же потом спасли. И вы смогли найти в себе силы выкарабкаться. Я помню как нам всем потом было тяжело принять случившиеся.

— А что случилось с остальными после посадки?

— Раскидало по всему миру, — пожал плечами Генри. — Многих я тогда видел в последний раз. Остальные же... — он задумался. — Кто-то уже не с нами. Другие сейчас сражаются на фронте. Третьи работают в тылу. Ничего оригинального.

— А как вы попали в ВВС Конфедерации?

— Долгое время я летал на кукурузнике и опрыскивал поля. Года два назад мной заинтересовалось военное руководство. Выяснилось, что умеющих летать на самолётах на всю Европу единицы. И мне поручили обучать новобранцев. Правда я сам с трудом мог управлять истребителем, а научить этому паренька никогда не видевшего кабину пилота та ещё задача. Надеюсь в моё отсутствие верхушка не решит начать бороться за превосходство в воздухе. Хотелось бы руководить этим лично.

— Вы сразу возвращаетесь обратно?

— Да, мастер сержант. Обратно к моим ребятам. А вы, надеюсь, сделаете всё возможное, чтобы их погибло как можно меньше.

Разговор медленно сошёл на нет. Генри сосредоточился на полёте, а Саманта наблюдала за чистым небом, с нетерпением высматривая кусочек суши в бескрайнем тёмном океане.

— Уже скоро, — сказал Генри. — Скоро вы будете дома.

Однотипный вид навевал тоску и девушка не заметила как заснула. Две бессонные ночи дали о себе знать в самый неподходящий момент. Из полудрёмы её вывел звонкий звук защёлкивающего ремня. Пристегнув Саманту, Генри вёл переговоры с диспетчером.

— Я чуть не заговорил с ним по английски, — усмехнулся Генри.

Саманта с нетерпением выглянула из окна. Поля, луга и леса. Всё оставалось таким же, когда она покинула эти места одиннадцать лет назад. И даже аэропорт, что расположился прямо по курсу, выглядел так, будто Саманта улетала оттуда вчера.

Та самая полоса. Тот же самый терминал. Улетая, она чувствовала, что её ждёт увлекательное приключение, не подозревая, что оно изменит её навсегда. Саманта вернулась на свою старую родину. Просить помощи для своей новой.

Генри подал руку, помогая слезть с ещё не до конца опустившегося люка грузового отсека. Спустившись, Саманта глубоко вдохнула ещё холодный воздух. На родной земле дышится совершенно по-другому. Легче и свободнее несмотря на то, что из себя родина представляет. И земля чувствуется другой, даже если это и не земля, а асфальт. И лес кажется другим. Саманта не помнила, чтобы он здесь рос. Лес, казалось, тоже не помнил её, безразлично шевеля кедровыми верхушками. Смотря на высокие деревья девушка осознала,

что совершенно ничего не знает об Атлантике. Не воспримут ли их так же безразлично? Не разобьются ли в дребезги её воспоминания об новую реальность? Был лишь один способ узнать это.

В Объединённых Штатах Атлантики по узкой береговой линии от Квебека до Хьюстона жило шесть миллионов человек. Они не могли похвастаться густонаселёнными городами Азии или противопоставить свою немногочисленную армию вооружённым силам Хартии. Но в наследство от старого мира им достался мощный промышленный потенциал и передовые технологии.

Именно здесь первыми снова смогли покорить пятый океан — небо. Именно здесь первыми начали трансплантацию органов. Здесь продолжили вести разработки искусственного интеллекта. А закрытые цепочки производства позволяли существовать независимо от внешнего рынка и оставаться равнодушными к внешним распрям.

Приближаясь к Нью-Йорку, Саманта не узнала свой родной город. Она не увидела небоскрёбов, некогда заполонивших город, и демонстрирующих незыблемость своего владычества над городом. Девушке потом расскажут, что восемь лет назад в городе случился потоп, в результате чего Манхеттен и Бруклин полностью ушли под воду. Спустя время фундамент выглядящих высоток не выдержал и они один за другим канули в морской пучине, оставив после себя лишь воспоминания об элитных районах города.

Столицу Атлантики населяло триста тысяч человек. Ничтожно мало по сравнению с населением до «Момент Х». Для Саманты стали непривычны полупустые улицы, на которых раньше нельзя было ехать быстрее бегущей черепахи. Она не смогла найти здание выше пяти этажей. А вокруг действительно было мало людей.

Но что не изменилось с того момента как она покинула родную гавань, так это люди. Радужные и куда-то спешащие, спорящие и упрямые, немного набожные и верно работающие на своё государство. Всё так же как и одиннадцать лет назад.

— Боюсь вы не понимаете какая опасность нависла над миром, — вздохнул Лоуренс.

— Просветите же меня, капитан, — улыбнулся ему в ответ белоснежной улыбкой мужчина.

Переговоры не задалась с самого начала. Сперва холодное приветствие делегации главой МИД на виду у СМИ. Теперь категоричное нежелание каким либо способом вмешиваться в конфликт. Близорукость чиновника злило конфедератов и Лоуренсу приходилось прилагать усилия, чтобы не повысить голос.

— Если мы падём перед Хартией, где гарантии, что через пару десятков лет они не вторгнутся на ваше побережье?

— Не смешите меня. Они с огромным трудом прошли несколько сотен километров. Я понимаю, что ваш конфликт приобрёл позиционный характер, но по какой причине Атлантика должна вмешаться?

— Они разрушают целые города. Не останавливаются перед убийством гражданских. Делают непригодным для проживания огромные территории...

— ...одним словом всё то, чем человечество занимается всю свою историю. Лоуренс, давайте абстрагируемся от принадлежности к какой-то стране и поговорим как соотечественники близкие друг другу по взглядам на мир. Ответьте мне, пожалуйста, за что сражаются ваши государства?

— За право распоряжаться наследием Европы, — немного подумав, ответил Лоуренс.

— Верно. Иными словами вы сражаетесь за прошлое. За мир, который каждый глубоко в душе презирал. А теперь задайте себе вопрос: зачем нам помогать сражаться за такой мир? Мир, который не может предложить будущего для человечества? С таким подходом вы не отличаетесь от государств Азии. Шёлковый путь... — он усмехнулся. — Какой это уже по счёту? Третий? И каждый ставил перед собой банальный заработок. Ни вы, ни они не видите перед собой глобальную задачу. И пока вы это не поймёте, мы не поменяем свои принципы.

— Города Конфедерации славились своей культурой, — вклинилась Саманта. — Её граждане прямо сейчас отдают свои жизни за право самовыражения.

— Не нужно мне рассказывать о демократии, мисс. Помниться именно благодаря нам она стала возможной в Европе.

Министру что-то шепнули на ухо и его взгляд переменялся.

— Прямо сейчас? — переспросил он и после утвердительного кивка с минуту молча рассматривал стол. — Леди президент изъявила желание лично познакомиться с прибывшими членами делегации. Через пол часа в главном холле. Вы готовы?

— А у нас есть выбор? — иронизировал Лоуренс.

— Постарайтесь при ней придержать свой солдатский юмор, — покачал головой министр.

Виктория Уилсон — первый президент Объединённых Штатов Атлантики. Как и у многих других детство прикрито завесой тайны. Известно лишь, что её отец был активным борцом за права тёмнокожего населения. Под её руководством стало возможным возрождение президентской республики в составе пятнадцати штатов. Под ласковой улыбкой, что она дарила своим избирателям, скрывался требовательный руководитель с железной волей к достижению целей.

Делегацию построили в шеренгу параллельно красной дорожки. Вокруг сновали журналисты, из фотоаппаратов выскакивали вспышки, ослепляя Саманту, делая её и без того взволнованной и растерянной. Девушка стояла в шеренге замыкающей и выглядела на фоне высокорослых солдат невзрачно, будто ребёнок, каким-то образом попавший в компанию взрослых.

Когда двери распахнулись и в холл вошла президент, журналисты переключились на неё, а количество вспышек увеличилось в несколько раз. Саманту начало мутить от круговорота шума и света. Хотелось убежать отсюда и спрятаться, но не отчитываться за заслуги, за которые стыдно даже перед самым близким человеком. Ведь военный преступник отличается от героя только тем на какой стороне он сражается. И ей повезло, что она выбрала верную сторону.

Саманта с трудом разглядела Викторию. К своему стыду она подумала, что у женщины сильный загар, не сразу поняв, что это её естественный цвет кожи. Шум усиливался, голова кружилась и Саманта глядела на всех как загнанный в угол зверь.

Медленно идя во главе огромной толпы репортёров, Виктория остановилась перед Лоуренсом и смерила того взглядом. Через несколько секунд Лоуренс заговорил первым:

— Капитан Лоуренс Браун. Глава делегации Вольной Европейской Конфедерации. Для меня честь представить для вас, леди президент, одних из лучших солдат Конфедерации, по совместительству наших соотечественников, верно сражающихся за свободу европейских народов.

— Очень приятно, мистер Браун, — она крепко пожала ему руку. — И сколько же врагов вы убили во имя свободы?

— К сожалению, мне не представилось такой возможности, леди президент. В мои обязанности входит эффективное управление войсками.

— Надеюсь без столь храброго командира ваша страна не проиграет войну.

По толпе прошёлся тихий смешок и Виктория проследовала к следующему в шеренге.

— Сержант Итон Райт, леди президент. Подбил пять танков.

— Очень хорошо.

Виктория пожала ему руку, последовала новая волна вспышек.

— Рядовой Улиям Паулер. Пулемётчик. Вместе с пулемётной командной уничтожил тридцать человек.

— Ваши боевые товарищи сейчас на фронте?

— Они все погибли, леди президент, — солдат помрачнел.

— Мои соболезнования.

— Лейтенант Майкл Кинг. Командир диверсионной группы.

— Чем же занимается ваш отряд?

— Подрыв мостов, железнодорожных путей и узлов снабжения в тылу противника.

— Занимаетесь работой истинного джентльмена.

— Сержант Терри Янг. Санитар. В совокупности спас сорок человек.

— Каждая спасённая жизнь важная победа, — Виктория подошла к Саманте и не смогла сдержать удивления. — А вас как зовут, мисс?

— Мастер сержант Саманта Смит, леди президент, — устало глядя ей в глаза, отвечала девушка. — Снайпер.

— И сколько же вы убили людей?

— Не людей, леди президент. Хартийцев сложно назвать людьми после всего, что они сделали.

— Сколько же хартийцев на вашем счету?

Саманте стоило больших усилий сказать это число.

— Двести пятнадцать, — отчеканила она и отвела взгляд.

По помещению прошёлся возглас удивлённой толпы. Фотоаппараты заработали с новой силой. Журналисты окружили Саманту и наперебой задавали вопросы:

— Как такое возможно?!

Вспышка.

— Что вы чувствуете, когда убиваете?!

Вспышка.

— Не является ли ваше заявление выдумкой пропаганды Конфедерации?!

Вспышка.

— Снайперы Конфедерации принимают психотропные препараты?!

Вспышка.

— Помните ли вы первого убитого вами?!

Вспышка. Вспышка. Вспышка.

Амелия не питала иллюзий от предстоящего визита. Орден не нарушит своих принципов даже под угрозой полного уничтожения, но попытаться всё же стоило. После грабежа Хартией церковей спонсируемых Орденом, мнение Его Святейшества должно был

измениться.

Глава ордена стоял к Амелии спиной, склонив голову перед распятием и шевеля безцветными губами тихую молитву. Белый балахон слегка сползал на широкий лоб, а белоснежная мантия сливалась с бледной кожей.

— Если вы пришли просить помощи, — не меняя позы прохрипел глава Ордена, — то вы прекрасно знаете наш ответ. Если же вы просто захотели разделить со мной молитву — становитесь. В столь тёмные времена Господь выслушает каждого.

Амелия поровнялась с Его Святейшеством и взглянула на крест, отметив про себя как качественно сделана работа. Распятый Иисус корчился от боли будто он действительно живой, а не выбитый из бронзы. Амелия склонила голову. Она знала одну короткую молитву: «Боже, сделай моих врагов смешными». И это всегда помогало.

— Орден не изменит принципы, — нарушила тишину Амелия. — Но из-за войны пострадало много его последователей.

— Такова воля Господа, — пожал плечами глава Ордена. — Всё это время мы вели разгульный образ жизни и теперь на нас низошла кара.

— И Орден готов с этим смириться?

— Орден не изменит принципы, — кивнул сам себе глава. — Но этого и не нужно.

Его Святейшество ухватился за распятие и потянул на себя. Сработал механизм и рядом с Амелией открылась потайная дверь.

— Пройдёмте, — спокойным тоном позвал за собой Амелию глава Ордена.

За дверью расположились небольшие покои. Сев за стол, Его Святейшество принялся что-то писать на клочке бумаги, а затем развернул перед Амелией.

— Вас устроит такая сумма? — спросил он, пристально глядя ей в глаза.

— Этого хватит чтобы сформировать несколько новых корпусов.

— Значит устроит, — кивнул сам себе глава Ордена. — Мы отправим это в качестве пожертвования в церкви находящиеся на вашей территории, а затем они передадут средства вам. Что вам ещё нужно? Тамплиеры? Много кто из них действительно желает вступить в ваши ряды.

Его Святейшество задумался.

— Мы дадим им право отринуться от Ордена с возможностью дальнейшей реабилитации.

— Разве такое возможно? — удивилась Амелия.

— Это не противоречит принципам Ордена. Теперь вы довольны?

Амелия лишь слегка кивнула.

— Теперь идите прочь и оставьте меня с Господом наедине.

— Да, Саманта... — Виктория грустно улыбнулась. — Я хорошо помню нашу первую встречу. Все видели в ней героя войны, хладнокровного солдата. Я же тогда увидела перед собой испуганную девочку, что смогла уцелеть на бойне.

Почти сразу после «Момент Х» Белый дом был полностью уничтожен в результате огромного пожара охвативший Вашингтон. Когда поднялся вопрос о новой резиденции президента, выбор пал на апартаменты Виктории: небольшой двухэтажный коттедж на берегу залива. Его миниатюрные размеры будто подчёркивали близость к обычным гражданам.

— Ваша комната наверху, — Виктория указала Саманте в сторону лестницы.

— Вы живёте одна? — поинтересовалась девушка, неся загруженную сумку.

— Что вы, — отмахнулась она. — Мартин просто сейчас занимается общественной деятельностью в Маями. Так что дом пустует.

— Первый джентльмен? — уточнила Саманта.

— Только не говорите этот термин при нём. Он терпеть его не может.

Окно комнаты выходило прямо на утренний залив. Лучи блестели на водах Атлантики и казалось, что волны отдают позолотой. А за горизонтом, вдали отсюда, продолжала идти война. Её голод требовал всё новых жертв, а аппетит был неутолим.

Саманта смотрела на солнце и думала об Алексее. Наблюдал ли он тоже сейчас за закатом? Остался ли в тылу или отправился на передовую? Всё ли с ним в порядке? Ей оставалось надеяться на лучшее. Связь между Старым и Новым светом только начинала налаживаться и о возможности послать обратно даже короткую весточку можно было только мечтать.

Предложение Виктории Саманте погостить несколько дней у неё стало для делегации полной неожиданностью. Но упустить такой шанс они не могли. Лоуренс на прощание дал краткое напутствие:

— Делай что угодно, но склони чашу весов в нашу пользу.

«Делать что угодно».

Играть в двойную игру Саманта не собиралась. Всё равно это было бесполезно перед таким опытным политиком как Виктория. Если уж правды от неё не скрыть, то пускай она узнает всё. А для этого требуется лишь одно — быть собой.

Душистый чай отдавал тёплым паром. Две миниатюрных чашки стояли на верандном столе и ждали когда их наполнят напитком.

— Боюсь, кроме чая я не могу вам ничего предложить, — сказала Виктория, наклоняя носик чайника на чашкой.

— Последний раз я его пила в Варшавском кафе, поэтому приму ваше угощение с удовольствием.

— Вам непривычно видеть окружающую безмятежность, верно?

— Нисколько. Ведь мы и сражаемся, чтобы вернуть безмятежность. Но мне больно, что многим безразлична наша война. Леди президент, я видела собственными глазами как рушатся дома, как разлагаются трупы ещё недавно живых людей и я хорошо запомнила животную жестокость, идущую от хартийцев. Можно сколько угодно вести светские беседы о сферах влияния и господстве, но если посадить всех интеллектуалов в окоп и заставить там сидеть двенадцать часов под непрекращающимся артогнём, много ли кто из них заикнётся о войне, как одном из инструментов политики?

— В кругах упомянутых вами интеллектуалов, да и в остальном обществе вы вызвали большой резонанс. Вокруг только и разговоров о хрупкой девушке, отправивших на тот свет свыше двух ста врагов.

— К чему вы клоните?

— Вы пробудили у простых атлантцев давно забытые чувства национальной гордости. И мы можем это использовать.

— Каким образом?

— Сенат связал меня по рукам и ногам во внешней политике договором о невмешательстве. Но с вашей помощью мы можем убедить парламент пересмотреть

принятый закон.

— Тем самым мы окажем друг другу услугу.

— Верно. Я смогу помочь вашей стране, а вы поможете мне вывести Атлантику из изоляционизма. Ведь наше призвание совсем не в пассивном наблюдении, — Виктория сделала глоток, пристально глядя на Саманту. — Кто тот человек, о котором вы всё время думаете? — вскоре спросила она.

— Неужели так заметно? — засмушалась девушка, поправляя локон.

— У вас такой тоскливый взгляд. Нетрудно догадаться.

— Он... — Саманта взглянула в сторону солнца. — Он сейчас остался там и продолжает сражаться. Одиннадцать лет назад он спас мне жизнь и тогда я поняла, что лучше человека уже не встречу. Он всегда ставал на мою защиту, делал всё возможное, чтобы подбодрить меня, становился лучшим наставником, когда требовалось чему-то меня научить. И в какой-то момент мы поняли, что больше чем друзья. За одиннадцать лет наша любовь неоднократно проверялась на прочность. Сейчас война и на неё совершенно нет времени. Но даже так он не забывает о том, какова наша суть. Хоть мы и солдаты, но в душе остались теми же детьми, что и при первой встрече.

— И он смог вас отпустить сюда?

— Я видела как непросто далось ему это решение. Возможно, ему было ещё сложнее, чем мне.

— Похоже он вас действительно сильно любит. И я понимаю ваши чувства. Восемь лет назад потоп застал меня на одной из высоток Манхеттена. Я оказалась в ловушке, ждать помощи было неоткуда. Но как оказалось Мартин организовал спасательную операцию и лодки весь день вызволяли отрезанных от суши. Когда он мне подал руку и сказал ничего не бояться, я поняла, что это он.

Ручка чашки треснула и отвалилась. Послышался звон разбитой посуды. Собирая осколки, Виктория не заметила как её собеседница куда-то пропала. Саманта сидела под столом, обхватив руками колени и дрожала. Её глаза выражали подлинный ужас.

— Что с вами? — с беспокойством спросила Виктория.

— Авиация... — прошептала она.

— Не понимаю.

— Авиация бомбила нас... Чуть ли не каждый день... — из глаз потекли слёзы. — Чтобы выжить, мы реагировали на каждый резкий шорох...

— О Боги, — Виктория села рядом с ней и стала нежно гладить по голове. — Что же они с вами сделали?

На стальном покрытии осталось множество царапин, выемок и вмятин. Каждая рассказывала о какой-то истории, но самая громкая из них, конечно, оставалась за пулевым отверстием. Тогда была сохранена жизнь. Самая дорогая для неё жизнь.

Саманта смотрела на футляр и её взгляд периодически соскальзывал на могильную плиту. Как и в прошлый раз здесь было тихо. Это место позволяло собраться с мыслями и идти дальше. Только раньше шум океана был неуловимым для этих мест, теперь же вода дошла почти в плотную до пристанища мёртвых. Там, где раньше были плотные ряды зданий, открывался вид на Статую свободы, каким-то чудом устоявшей перед природной стихией. Удивительно, ведь внутри она пустая. Как и многое в этом мире.

Виктория смогла сделать для Саманты самую малость, особенно учитывая что ей

предстояло. Президент оставит Саманту на несколько часов здесь в тишине и покое. То, чего после всего пережитого она действительно заслужила.

— Что за игру ты ведёшь, Виктория? — скептически глядел на неё сквозь сигарный дым парень во фраке.

— Хочу повидаться со своими старыми друзьями, Эдгард. А тут как раз нашёлся повод. Вы же все прям слюной истекаете, так желаете познакомиться с прибывшей из Европы малюткой.

— Но почему именно здесь?

— В этом особняке мы подписывали акт провозглашения Атлантики. Как по мне символично.

— Плевал я на символизм. Этот особняк теперь моя частная собственность и я не позволю проводить здесь встречу.

— С каких пор этот особняк твоя собственность? — поинтересовалась Виктория.

— С таких, когда я стал управлять крупнейшими военными предприятиями в стране.

— И сбывал ты продукцию исключительно на внутренний рынок?

— О чём ты? — Эдгард стал подозревать неладное.

— Ты нашёл лазейку в договоре о невмешательстве и стал продавать оружие Пиратскому союзу. Если хочешь, я пришлю копию договора, где стоит твоя подпись.

Эдгард побледнел.

— Особняк в нашем распоряжении? — ласково улыбнулась Виктория.

— Да... Конечно.

— А твои ручные республиканцы?

— Проголосуют за любой закон.

— Хороший мальчик. Заканчивай приготовления, гости скоро придут.

Промышленник нежно поцеловал ладонь Виктории и скрылся внутри широкого здания.

— Он так испугался, — прокомментировала Саманта, подходя к Виктории. — Что вы ему сказали?

— Потянула за нужную струну. Но увидите — это только начало.

Саманте было непривычно после долгих месяцев сменить солдатскую форму на красное платье, а тесные берцы на высокий каблук. Красный цвет в свете вечерних фонарей выделялся пламенной яркостью, особенно на фоне чёрного платья Виктории. Платье подчёркивало преимущества фигуры, ассоциировалось со смелостью, страстью и непоколебимостью. Что же касается брошки, заплетённой в уложенные волосы, то лично для Саманты она символизировала верность.

Встав напротив журчащего фонтана, они принялись встречать гостей.

— Ох, — воскликнула Виктория, наблюдая за подъезжающим к воротам автомобилю, — это Остин. Он всегда приезжает один из первых. Надеюсь ему потом не захочется первым покинуть нашу вечеринку.

— Кем он работает?

— Остин Флетчер министр финансов. Настоящий мастер своего дела, особенно в плане откатов. Ему пока удаётся выходить сухим из воды, но если всплывёт информация о нефтяной скважине, Остину крышка.

— Что же он делал с ней?

— Терпение, милая леди.

Виктория с лучезарной улыбкой обняла Остина, провела его в особняк и только спустя время заговорила:

— В одном из южных штатов государство владеет нефтяной скважиной, для добычи топлива. Топливо идёт на нужды военного флота Атлантики. Как вы понимаете, в настоящее время наш флот не очень сильно нуждается в пополнении своих запасов. Поэтому Остин передал скважину одному из своих доверенных лиц. Доверенное лицо вскоре наловчилось зарабатывать на скважине большие деньги, отстёгивая Остину круглую сумму.

— Почему вы ничего с этим не сделаете? — удивилась Саманта.

— Потому что на фоне остальных его качеств, это сущий пустяк, на который можно закрыть глаза. Но если Остин будет не сговорчив, придётся отдать его под суд. Хотя конечно он согласится. Как и все остальные.

Подъезжала следующая машина.

— Братья Харис, — опередила вопрос Саманты Виктория. — Глава и заместитель главы партии демократов. Оба изменяют своим жёнам. И как вы думаете с кем? Верно, с женой своего брата. Мальчишки наивно думают, что я не в курсе их любовного квадрата. Ну что же, пускай так думают.

Саманте стало противно смотреть на подходящих близнецов и когда они вошли внутрь, почувствовала невероятное облегчение.

— Кевин Мур, — продолжала Виктория. — Ах, Кевин...

— Ваш друг?

— Сволочь, которую ещё не знал мир. Так к тому же ещё и трус. Четыре года назад я вела с ним президентскую гонку и он был впереди. Но допустил оплошность, едва не стоящую ему карьеры. Поздно вечером он в ехал вместе с проституткой домой, но на одном из мостов не справился с управлением и машина улетела прямо в воду. Кевин успел выскочить, а девушка утонула. Но вместо того, чтобы вызвать полицию он просто ушёл домой.

— И никто не искал тело погибшей?

— Почему же? Тело нашли, машину идентифицировали. Но я решила замять дело в обмен на то, что Кевин снимет свою кандидатуру. Сейчас он глава Сената и я не думаю, что он захочет рисковать своей должностью.

Автомобили всё продолжали приезжать. Виктория едва успевала приветствовать прибывающих, а Саманте стоило больших усилий выдавливать из себя улыбку и слушать в свой адрес комплименты.

— Стив Льюис. Министр внутренних дел. Работа у него нервная, поэтому раз в месяц он в одной из тюрем освобождает молоденькую арестантку, обычно даже не достигшей совершеннолетия, и резвится с ней всю ночь, после чего даёт ей полную свободу.

— И что же девушки?

— Ни одна ещё не подала жалобу. По моему это главный фактор, почему Стив не перестал этим заниматься.

От Стива пахло стойким запахом женских духов. Похоже прошлая ночь прошла для министра бессонной.

— Скарлетт Робертсон. Министр культуры.

— Не удивлюсь, если она замешана в работорговли, — хмыкнула Саманта.

— С ней всё намного проще. Как чиновник она прекрасно справляется со своими обязанностями, но как человек слегка ленится. И поэтому уже шестой раз подряд полностью

сплагачивает речь. Мелочь, но если это предоставить общественности — сожрут.

— Похоже кто-то в школе часто пользовался интернетом.

— Без него действительно стало сложнее жить, — вздохнула Виктория. — И наконец Дуглас Парсон. Глава республиканской партии. Один журналист хотел обнародовать связанный с ним коррупционный скандал, но не успел. Дуглас попросил помощи у мафии и через неделю парнишку нашли обезглавленным и без языка.

Саманта не смогла выдать из себя ни слова. Виктория продолжала:

— Если человек слишком много знает, он становится опасным и невыгодным.

— Но за эти пол часа я узнала действительно слишком много.

— Вам не о чем беспокоится. Пока вы под мои покровительством, вы в безопасности.

— Одного я не понимаю, — недоумевала Саманта. — Зачем я вам нужна? Все ключевые люди у вас на крючке и выполнили бы любой ваш приказ.

— Они бы утащили меня за собой. Чего-нибудь да нарыли. Если бы не смогли нарыть, придумали. Но сейчас, когда у меня есть вы, они не станут это делать. Они не пойдут наперекор общественного мнения.

— Меня сейчас стошнит, — хмуро ответила Саманта.

— Здоровая реакция здорового человека. Но нам нужно идти к ним. Клянусь, это займёт не больше часа.

— Это будет долгий час, — вздохнула Саманта и пропустила Викторию за собой.

Дело сдвинулось с мёртвой точки. Виктория смогла пролоббировать в парламент поправки к закону о невмешательстве, а также начать создание закона о Ленд-лизе. Оставалось только ждать и надеяться, что всё сделано не слишком поздно.

— Отлично, — оскалился фотограф, — зафиксируйте взгляд.

Сделав несколько снимков, фотограф оценивал результат через дисплей. Виктория почти не пропускала к Саманте репортёров, но в этот раз сделала исключение, объяснив, что это важное издание. Саманта поняла, что её фотографируют на что-то по аналогии журналу «Time».

«Никогда не думала, что попаду на обложку журнала».

— Нет, — разочарованно покачал головой фотограф. — Это никуда не годится. Я же вижу в ваших глазах скорбь. Скорбь по павшим боевым друзьям. Так почему же она пропадает в тот момент, когда я нажимаю на кнопку?

— Должно быть меня отвлекает звук идущий от фотоаппарата, — предположила Саманта, разводя руками.

— Так мы никогда не закончим, — вздохнул фотограф. — Хорошо, я дам вам пару минут отдыха. Соберитесь с мыслями и мы продолжим.

Фотограф удалился в угол террасы, а Саманта развернулась и наблюдала за раскинувшимся видом. Девушка не заметила, как на террасу зашёл Лоуренс.

— Мастер сержант, — буркнул капитан. Обычно подтянутый офицер выглядел поникшим.

— Вы так незаметно вошли, Лоуренс, — улыбнулась ему Саманта. — Что случилось? На вас просто лица нет.

— У меня известия про вашего друга. Алексея.

— Что с ним?! — Саманта резко вскочила со стула, глядя Лоуренсу прямо в лицо.

— Он погиб.

Ноги отказало, она рухнула на стул. Живот сковало спазмом, голову будто ударили чем-то тяжёлым, губы задрожали, а с двух сапфиров вот-вот должны были потечь слёзы.

— Ну вот же, — довольно протянул фотограф. — Можете когда захотите, — сказал он и сделал ещё несколько снимков.

Краковские крысы

« ...Нет, дорогая, здесь наш славный консул покинул нас. Его власть монолитна в величественных зданиях, могущественной армии и покорных граждан. Но здесь, в Кракове, власти консула нет.

К своему ужасу я понимаю, что конфедераты потихоньку учатся нас побеждать. И скоро нам придётся несладко. Мы три дня безрезультатно штурмовали дом, а когда наконец-то вошли туда, увидели трупы ополченцев. Неудержимую хартийскую армию три дня сдерживали ополченцы!

Ты испугаешься, но сейчас мне безразлично, выживу ли я. Здесь ты не знаешь будешь ли живым через час. Много кто из моих друзей уже в Вальхалле. Наверное скоро настанет и мой черёд.

Я часто вспоминаю нашу первую встречу восемь лет назад. Тогда мы были среди восторженной толпы и как один кричали: «Ave konsyl! Ave Hartia!». Сейчас я бы уже не кричал «Ave konsyl».

Небо прогнало все пушистые облака и пестрило светло голубыми красками, оставаясь полностью чистым. Создавалось ложное ощущение безопасности и спокойствия. Но вот чёрный столб дыма перечеркнул светлый холст, будто случайно пролитые чернила.

Помутившееся сознание возвращалось к реальности, слух и зрение прояснились, а по всему телу прошла волна тупой боли, уходя в область спины.

Узкую полоску городской набережной заполонили трупы. Сражённые пулемётными очередями, разорванные среди дымящихся воронок, скованные предсмертными судорогами. Стекающий по мостовой алый поток подхватывала речная вода и уносила ещё горячую кровь цвета нации прочь из горящего города.

Хартийский БТР медленно проезжал мимо истерзанных тел. Сидящие на бронепехотинцы изредка делали выстрелы, не особо беспокоясь добили ли они врага или нет. После нескольких случаев самоподрыва раненых конфедератов, мало кто осмеливался подходить к ним ближе броска гранаты. Проехав ещё несколько десятков метров, БТР свернул на соседнюю улицу и скрылся за зданием, а за ним стихло и рычание двигателя.

Среди кучи наваленных друг на друга тел началось шевеление. В грязном от крови, грязи и копоты лице с трудом узнавался юноша едва достигшей совершеннолетия. Глаза испуганно глядели на убитых солдат. Многие тянули к нему вывернутые под неестественным углом руки, будто удерживал здесь и умоляли с ними остаться.

В голове было пусто. В памяти сплывал громкий взрыв, а затем пустота. Единственное, что ему сейчас хотелось, уйти отсюда прочь. Куда угодно, но не оставаться с покойниками ни секунды больше.

Юноша встал и побрёл прочь из набережной, но не успел пройти и пары шагов, как из здания напротив начал стрекотать пулемёт.

— Не светись, балбес! — послышалось где-то сзади.

На юношу напрыгнули и повалили за упавшую стену. Там, где он всего секунду назад находился, отрикошетило несколько пуль. Пулемёт продолжал грохотать на всю улицу, не давая возможности высунуться.

— Ты, конечно, молодец, — с укором смотрел на паренька Алексей. На левый глаз туго

намотали бинт. Испачканная кровью марля скрывалась под слоем грязных кудрявых волос. — Теперь он от нас не отстанет.

Юноша смотрел на Лёшу будто сквозь толщу воды, слабо понимая что происходит.

— Звать тебя как, «Щеголёнок»? — спросил Алексей, передёргивая затвор винтовки.

Парень не ответил.

— Говорить не можешь? Контузило?

Он смог лишь слабо кивнуть.

— Ясно. Но ничего. Сейчас дядя Леший успокоит нашу егозу и мы переберёмся в более безопасное место. А там, глядишь, и оклемаешься.

Алексей собирался высунуться и быстро сделать выстрел, но тут он внезапно скривился и едва не выпустил винтовку.

— Зараза, — простонал он, держась за голову. — Даже обезболивающие не помогает, — боль утихла и Лёша снова взглянул на юношу, пристально глядя единственным изумрудом. — Значит слушай внимательно. Как стрелять ещё не забыл?

Солдат помотал головой.

— Отлично. Как видишь снайпер из меня сейчас хреновый. Болит так, что я едва на ногах стою, не то что сосредотачиваться на выстреле. Поэтому стрелять придётся тебе. Справишься?

Юноша ничего не ответил, только взял в руки винтовку Алексея.

— Я его отвлеку. Не напортачь, Щеголёнок.

Алексей дождался когда пулемёт уйдёт на перезарядку и со всех ног побежал к следующему укрытию. Пули ложились прямо у его ног, но не были в силах поймать Варшавского призрака. Солдат высунулся и почти сразу выстрелил. В тот момент его лицо было объято яростью и жадной мести за убитых боевых собратьев.

Пулемёт затих, а затем из окна вывалился хартиец с насквозь простреленной головой.

— Отлично, Щеголёнок! — хвалил его Лёша. — Реабилитируешься на глазах. Теперь уходим, пока новые не набежали.

Алексей выбил заколоченное окно и, пригласив за собой юношу, скрылся внутри. Помещение было оборудовано под бар, но заведение закрылось ещё в самом начале войны. Перевернутые ножками вверх стулья, осевшая пыль на столах, одиноко стоящие на барной стойке два пустых пивных бокала. На стене осталась висеть одна перекошенная картина. С каждым гремящим взрывом она наклонялась всё сильнее и сильнее.

— Наверное хартийцы правы, — говорил сам себе Алексей, провернув ручку пивного крана, но оттуда вытекло всего несколько капель. — Я уже забыл который день бегаю по руинам этого города как самая настоящая крыса. Хартийцы, похоже, такого же мнения. Они бесятся из-за того, что мы уходим от открытого боя и атакуем исподтишка. Поэтому и называют нас крысами. А Буткевич когда об этом узнал, не придумал ничего лучше как закрепить за второй дивизией название «Краковские крысы». Чего у нас в достатке, так креативности наших офицеров, — Лёша ухмыльнулся, глядя вместе с юношей на перекошенную картину. На ней нарисовали цветущие луга на фоне багрового заката. Простая неказистая картина, но сейчас она служила для двух солдат порталом в лучший мир. — Когда-то здесь собирались люди, — сказал Алексей, смахивая пыль со стола. — Обсуждали прошедший день, строили планы. Кто-то признавался в любви. А некоторые приходили одни, чтобы послушать себя. Когда-то... Давным давно, — в глазах Алексей мелькнула грусть, но она почти сразу сменилась ненавистью. — Запомни мои слова, Щеголёнок. Это

всё обязательно вернётся. Мы можем до этого не дожить, но жизнь опять будет бить в этих местах. Люди будут жить ещё лучше, чем до «Момент Х». И никакая сила не способна этому помешать.

Алексей не подозревал, что юноша запомнит его слова на всю жизнь.

— Пойдём. Нам надо найти своих.

В соседнем квартале шла перестрелка. Хартийская пехота пряталась за бронёй БМП, не ожидала удара с фланга. Алексей вместе со своим новым напарником методично отстреливали врага, пока последний хартиец не пал замертво. В то же время к машине медленно подползал гранатомётчик конфедератов. Попав в слепую зону БМП, он поднялся и пустил ракету. Бронемашина дрогнула и затихла, даже не загоревшись.

— Леший? — удивился идущий к ним навстречу Ян. — Мы думали ты погиб на набережной.

— В моего второго номера попал снаряд. Нечего даже хоронить. Я, как видишь, ещё легко отделался, — сказал Алексей, намекая на повязку.

— Зараза, а я уже отправил отчёт где ты двухсотый. Но ничего. Лучше скажи что это с тобой за пацан?

— Похоже мы единственные кто уцелели на том фланге.

— Получается он из двадцатой роты. Бедняги. Первый бой, а уже все полегли.

— Какова обстановка, майор. Где нам удалось закрепиться?

— Расчёт Буткевича оказался верным. Хартийцы не ожидали от нас столь наглого манёвра и нам удалось форсировать Вислу, закрепившись в нескольких районах.

— Передашь потом полковнику, что ещё пару таких манёвров и от второй дивизии ничего не останется.

— Не ёрничай, Леший. Пока мы их здесь сковываем боем, на остальных фронтах у наших парней развязаны руки.

— И почему меня вечно посылают туда, где нужно сковывать боями, — наигранно вздохнул Алексей.

— Мы сейчас собираемся уничтожить их ремонтный пункт. Вы с нами?

— Конечно, — уставши ответил Алексей. — Я с Щеголёнком поддерживаю вас.

— Уверен? Рана выглядит хреновой. Тебе бы в госпиталь.

— Выполним задачу и тогда сразу.

— Значит выдвигаемся.

— Послушай, майор, — спросил уже на ходу у Яна Алексей. — Ты же командир полка. Какого чёрта ты ходишь вместе со всеми в атаки?

— В чём преимущество хартийцев над нами?

— Если не учитывать боевой дух, тогда они превосходят нас во всём, — хмыкнул Лёша.

— Хартийские командиры не отсиживаются в тылу, а эффективно руководят солдатами непосредственно на фронте.

— Ага. На радость нашим снайперам.

— Надеюсь я случайно не окажусь в твоём прицеле, — иронизировал Ян.

— Если будешь вовремя платить жалованье, тебе такое не грозит.

Улицу заволокло густым дымом. Щёлкая каблуками сапог, во весь рост, едва не приплясывая, вышел хартийский офицер. Его глаза озорливо бегали из стороны в сторону, словно у нашкодившего ребёнка, а рот скалился, отдалённо напоминая улыбку. За офицером шли цепи пехоты. Так же как и их командир, они всем своим видом презирали смерть.

— Пьяные что ли? — предположил Ян, наблюдая за противником.

— У них сорваны погоны, — заметил Алексей, разглядывая хартийцев через прицел. — Штрафники. Не пьяные они, а под кайфом.

Из-за поворота, давя траками битый кирпич, щебень и оторванные части тел, выехал танк. На башне нарисовали две голубые полосы, перечеркнув патриотичную надпись, белую букву замазали, нарисовав поверх неё большую грязную крысу, готовящуюся к прыжку. Взревев двигателем, танк на всей скорости въехал в толпу, раздавив офицера. Хартийцы, испугавшись, рассыпались по укрытиям.

— Сейчас, — сказал Ян. — За мной! — крикнул он и повёл всех в атаку. Конфедераты с яростным криком последовали за ним.

Дым рассеялся, оголяя пустынную улицу. На ней не было места, куда бы не угодил снаряд. Многие дома разрушило до основания, а через каждые несколько метров лежало тело. Хартийцы, конфедераты, но больше всего мёртвых гражданских. Эвакуацию не провели должным образом и многие оказались меж двух огней. По осевшей пыли и тошнотворному запаху разложений становилось ясно, что лежат они здесь уже не одну неделю. Глядя на обезображенный войной город, Ян презирал своих врагов всей душой.

— Не грусти, майор, — сказал Алексей, подбирая трофейное оружие. — По крайней мере это не твой родной город.

— Я провёл всё своё детство на этой улице, — мрачно ответил Ян.

— Чёрт. Тогда хреново.

— Через два квартала больница, где я родился. За тем поворотом мой дом, на руинах которого устроили ремонтную мастерскую. А вон там, — он махнул в сторону холма, где пылал замок. — Я впервые поцеловался. Но, похоже, хартийцы решили ничего не оставить от Кракова. А заодно и о моих воспоминаниях. Теперь я понимаю, что чувствует Буткевич.

Алексей решил оставить Яна одного и вернулся к танку. Механик чинил лопнувшую гусеницу, под руководством короткостриженной блондинки. Но Лёша всё равно представлял её с длинной косой. Такой она напоминала ему о давным-давно павшей подруге. Алексею казалось, что её дух переселился в эту девушку.

— Инженеры молодцы, — начал он. — Быстро починили мост. Ты приехала как раз вовремя, Ангелина.

— Ещё раз назовёшь меня по имени, — нахмурилась девушка, — и я привяжу тебя к «Войтеку», а затем протяну вдоль всего города.

— Прости, Рапира, — отмахнулся он. — Просто не ассоциируешься ты у меня с этим прозвищем. А вот танку вы очень метко подобрали имя.

— Потому что рычит так, что слышно за милю. И ещё солярки жрёт как три наших танка. Угораздило майора заполучить такой трофей.

— Вот бери пример с нашего командира. Воюет с первого дня, а так и не обзавёлся кличкой.

— Потому что для офицеров это лишнее, — ответил подходящий Ян.

— Войцеховский был другого мнения, но там ситуация была экстремальной.

— Не знаю что было в Варшаве, Леший, — сказала Ангелина, — но здесь полный триндец. Лезут как тараканы.

— Хотел бы я чтобы это были тараканы, — вздохнул Алексей. — У Щеголёнка всю роту положили. Но он молодец. У таких есть шансы пережить войну.

— Освальд, — тихо ответил юноша. — Меня зовут Освальд.

— Щеголёнок? — удивился Лёша. — Оклемаюсь.

Радость Алексея резко сменилась болью. Голову сдавило тисками, в глазах потемнело и он свалился на землю. Перед тем как потерять сознание Лёша услышал как Ян кричал что-то про медика.

Пропитанная кровью марля медленно снималась с левого глаза, открывая слабому свету единственной лампочки страшное увечье. Осколок длиною несколько сантиметров попал точно в глазницу и каким-то чудом застрял там, разрушив зелёный хрусталик. Нестерпимая боль вернула Алексея в сознание, он дёрнулся, едва не свалившись с кушетки.

— Спокойно, — послышался откуда-то сверху нежный голос. — Сейчас будет больно, но потом полегчает.

Алексей открыл единственный глаз. Над раненым ухаживала молодая девушка, только достигшая двадцатилетия. На белом одеянии, в области груди, вздымался большой красный крест. Лёша вспомнил, что на их участок прибыл госпиталь с добровольцами из Ордена.

— Сестра София, — к девушке обратились за пределами поля зрения Алексея. — Вам не нужна помощь?

— Рана серьёзная, — уставши ответила девушка, вымачивая вату в спирте, — но я справлюсь. Помогите другим, пастор.

— Я в раю? — слабым голосом спросил Алексей, когда услышал удаляющиеся шаги.

— К счастью — нет. Хотя кто знает, что для вас лучше?

— Сонька... — Алексей тоскливо протянул её имя. — Это же ты? Как же ты выросла...

— О Господи, — девушка едва не выпустила пузырёк со спиртом. — Алексей? Божички, ваша рана... Я, если честно, не понимаю почему вы ещё живы.

— Держусь только благодаря вере в идеалы Конфедерации, — слабо улыбнулся он.

— Пожалуйста, больше ничего не говорите. У нас только одна попытка. Сейчас будет очень больно, но по другому никак. Вы готовы?

Алексей слегка кивнул.

— Да спасут вас молитвы Его Святейшества, — прошептала София и взяла пинцет.

Взяв осколок за самый край, она аккуратно начала его вытаскивать. Алексей пытался терпеть, но почти сразу сдался и госпиталь заполнил неистовый вопль, а по щекам потекли ручьи слёз. Рану будто обожгло раскалённой кочергой, оставленной в огне печи самой жаркой на свете кузницы. Лёша прилаживал невероятные усилия, чтобы не вырваться и не подозревал, что способен так кричать. К его счастью он вскоре потерял сознание. Последней его мыслью была благодарность судьбе, что Саманта не видит его в столь жалком состоянии.

На выходе из подвала дома проглядывался кусочек вечернего неба. Сидя на грязной картонке, Соня безрезультатно пыталась зажечь сигарету. Девушка почти сдалась, но ей на помощь пришёл Алексей, протянув огонёк от зажигалки.

— Вернитесь обратно в постель, — категорично заявила София, прикуривая от огня.

— Если я там проведу ещё одну минуту, то меня можно будет списывать как душевно больного. Позволь старому солдату подышать немного свежим воздухом.

Алексей сел рядом с Соней. Половина головы обмотали несколькими слоями бинтов, кожа приняла болезненно зелёный оттенок, а уцелевший глаз едва раскрывался.

— Вы ужасный пациент, — фыркнула девушка и сделала глубокую затяжку, а затем громко закашляла.

— И когда ты начала курить? — глядя на неё, спросил Лёша.

— Три дня назад. Когда мне пришлось ампутировать обе ноги солдату. Ещё никогда я не видела, чтобы столько крови вытекло из человека.

— Как же тебя угораздило попасть в Орден?

— Это было очень давно. Семь лет назад я вместе с братьями попала в Прагу. И как раз в это время в городе началась вспышка неизвестной болезни. Люди сгорали от страшной лихорадки и никакие лекарства не могли помочь. Орден предоставил лучших специалистов на помощь погибающей Праге. Их усилия были сродни стакану воды в тушении пожара, но тогда я увидела людей искренне борющихся против тьмы. Как вы, Алексей. И я решила им помочь. В итоге я смогла стать одним из самых квалифицированных врачей Ордена. А когда началась война, я вспомнила каково было нам, когда хартийцы уничтожили наш дом. И не смогла стоять в стороне.

— Вот уж не думал спустя столько лет встретить тебя в этом Богом забытом месте.

— Бог ни о чём не забыл. Он видит наши страдания. Но если такой его замысел, нам лишь остаётся ему поклониться.

— В чём заключается замысел от смерти под бомбёжкой только родившихся детей? Стирания с лица земли городов? Или превращение плодородных земель в непригодные для проживания?

— Я не знаю, Алексей. Но в этом тоже есть смысл. Ничего просто так не происходит. Может в этом мире и нет справедливости. Но точно есть высшая справедливость. У Хартии слишком много грехов и рано или поздно она рухнет под их тяжестью.

— Уж лучше пусть это будет пораньше. Не очень хочется лишаться ещё второго глаза.

Соня выпустила дым и он полетел в сторону садящегося солнца.

— Знаете, если смотреть на этот кусочек неба, то будто и нет войны. По моему это здорово.

— Ты так изменилась за эти десять лет. Мне придётся привыкать к тебе заново, — он достал из-за пазухи мятую фотографию. Единственная частичка счастья и последняя причина почему он ещё сражается. Ребёнок, глядящий на него, не представлял какая судьба ему уготована.

— А что случилось с вашей подругой?

— У них сейчас ночь, — задумчиво ответил Алексей, глядя на небо. — Она наверняка сейчас спит. Спокойным мирным сном. Как когда-то...

Саманта безразлично взглянула на сенаторов, ожидающих когда она своей речью откроет заседание парламента. Сотни пар холодных глаз впились в девушку и следили за каждым движением уголков губ, бровей и частотой моргания глаз. Но Саманта не подарит им такой роскоши, не даст питаться своим страхом. Ей было всё равно.

Уже всё равно.

Сенат голосовал за принятия Ленд-лиза Конфедерации. Всё уже было готово. Обе партии выражали полную поддержку. Оставалось всего несколько формальностей на потеху публике.

Виктории стоило больших усилий уговорить Саманту выступить перед Сенатом. Девушка бегло взглянула на текст, выглядевший для неё полнейший пафосной чепухой, а затем закрыла глаза. Сквозь темноту на неё смотрел Алексей и улыбался. Сердце на секунду оттаяло и Саманта улыбнулась в ответ.

«Если уж всё решено, то что бы на моём месте сказал Лёша?», — подумала она и

открыла глаза.

— Леди и джентльмены, — сухо начала девушка, — мне всего двадцать шесть лет. А я уже убила двести пятнадцать хартийцев. Не слишком ли вы долго прячетесь за моей спиной, леди и джентльмены?

За три месяца боёв за Краков погибло двести тысяч человек. Каждую минуту в городе умирал один конфедерат и хартиец. Краковская мясорубка стала самым кровопролитным сражением в истории после «Момента X».

Перед началом операции по зачистке Краковского выступа хартийская армия сосредоточила на участке длиною двести километров свыше двух тысяч дальнобойных орудий, обеспечив на данном участке полное превосходство. За первую неделю боёв, под непрекращающимся артобстрелами и авиаударами, в городе не осталось ни одного целого здания.

Обороняющей город второй дивизии, в условиях ограниченных ресурсов, приходилось предпринимать смелые и дерзкие манёвры, дабы в критический момент боя сводить огневое преимущество противника на нет. Конфедераты могли оставлять районы, подвергающиеся огневому валу, и возвращаться туда в самый последний момент, ловя хартийцев на контратаке. Несколько раз проводились диверсии совместно с партизанами, по подрывам железнодорожных путей и складов снабжения, затрудняя пополнение боеприпасов передовых частей и тем самым выигрывая время на передышку. Балканские добровольцы в неравной борьбе проводили контрбатареинные обстрелы.

В последствии будет существовать мнение, что прижатые к горам защитники Краковского выступа были отрезаны от основной линии фронта, однако это в корне не так. Снабжение с огромным трудом было налажено по двум узким дорогам, идущим через долины. И всё же от катастрофического снабжения страдали обе стороны. В первую очередь из-за начавшихся дождей. В своих мемуарах Нестор Водечка отметит, что несколько недель дневная норма по выпущенным снарядам сократилась до ста, что в условиях континентальной войны было ничем. Однажды снаряды кончились, а новые всё не подвозили и артиллеристы умоляли бригадира отправить их на передовую в качестве обычных пехотинцев.

Так и проходила самая кровавая битва Восточной войны. Бои за каждый дом и улицу сменялись затишьем. Несколько раз проходили перемирия по обмену пленных и захоронению погибших, оставшихся на ничейной территории. Был даже случай, что экипаж Войтека выменял у хартийцев пару десятков снарядов для танка, отдав им несколько сотен грамм кофейных зёрен.

Война шла своим чередом. Через две недели после ранения, не в силах быть обузой, Алексей сбежал из госпиталя в своё подразделение. Новости с передовой были не утешительными. В город прибыл хартийский снайпер Асс и почти сразу вышел на охоту. Он отличался от обычных снайперов. У любого стрелка есть своя манера стрельбы, у любого были свои слабые и сильные стороны, каждого можно было поймать на какой-то мелочи, если тщательно изучить его поведение. Но не в этом случае. Здесь каждый выстрел происходил машинально, чётко и выдержанно, без грамма эмоций и сантиментов. Словно профессиональный маньяк он выбирал свою жертву и ей уже не было суждено покинуть его прицел.

Как только Алексей вернулся в строй, лично полковник Буткевич дал ему основное и

единственное задание — убить снайпера Асса. Это была не первая для Лёши снайперская дуэль. Вот только раньше он работал в паре с Самантой. Но теперь, когда её не было, Алексей решил взять в качестве помощника Освальда.

Как назло, хартиец не принимал вызов, избегая встречи с Варшавским призраком, изрядно действуя Алексею на нервы. Лёша понимал, что это часть его тактики и пытался не принимать близко к сердцу. Но один раз он всё же выговорился:

— Полковник Буткевич, — сказал Алексей, поправляя пиратскую повязку на левом глазу, — знаете историю про мальчика, который вечно кричал «Волк!»?

— Допустим.

— Так вот я чувствую себя теми охотниками. Мне истерическим голосом докладывают, что он в том или ином секторе, а в итоге оказывается, что или вышла ошибка, или там уже его след простыл. Давайте с этим завязывать, а то в той истории с мальчиком всё очень плохо закончилось.

— В нашем случае мальчиков находят с простреленными головами. Так что давай без своей иронии, Леший. У тебя есть задание и будь добр как профессиональный солдат его выполнить.

— Слушаюсь, господин полковник, — без энтузиазма протянул Алексей.

У снайпера всегда должно быть несколько подготовленных позиций. Одна из них была в колокольне прямо напротив вокзала. Сначала хартийцы хотели развернуть в нём опорный пункт, но несколько точных артиллерийских попаданий заставили их передумать. Когда-то на крыше стояли голубые буквы, формируя название Краковского вокзала, но сейчас от них остались лишь металлические штыри. Из всей крыши выглядывали прутья, будто когти жуткого чудища. Белый камень покрылся сажей, а его поверхность усеяли множественные отверстия от пуль. За вокзал шли тяжёлые бои и за всё время он двенадцать раз перейдёт из рук в руки. Сейчас же здание оставалось на ничейной территории и пустовало.

Ветер колыхал голые ветки деревьев, нащёптывая тихую мелодию на вымерших улицах. Несмотря на летний зной, глядя на безжизненный вид складывалось ощущение, что сейчас зима. Просто, как всегда, не выпал снег.

И вдруг тишину нарушил громкий выстрел. Алексей моментально распознал звук снайперской винтовки и понял, что наконец-то нашёл свою цель.

— А вот и ты, засранец, — ухмыльнулся Алексей и прицелился.

Для начала требовалось бросить вызов своему оппоненту, тем самым давая понять, что началась дуэль. Недалеко от вокзала разгребали завалы несколько хартийских сапёров, став для Лёши отличной целью. Взяв одного на прицел, Алексей передумал его убивать. Сапёр был грязный, худой и явно болел. Для снайпера это слишком незначительная цель. За завалом сидел офицер, наблюдая как идёт работа. Выглядывала лишь его нога, но этого было достаточно, чтобы Алексей наказал его за отлынивание от работы. Медленно нажав на курок, Лёша выстрелил.

Нога дёрнулась и офицер заверещал на всю округу. Вызов брошен и по снайперскому кодексу его необходимо принять, иначе навсегда запятнаешь свою славу.

— Щеголёнок, — прошептал Алексей в рацию, меняя позицию, — по моей команде поднимай приманку.

Запасная позиция была на чердаке соседнего здания. Перед самым отверстием в крыше Лёша лёг на пузо и стал очень медленно подползать, преодолевая не больше десятка сантиметров в минуту. Таким образом его не мог заметить даже специальный прибор, не

говоря уже о человеческом глазе.

Взглянув снова в прицел, Алексей увидел, что взмыленные сапёры уже унесли офицера и снова стало тихо. Лишь колыхаемая ветром перекосившееся рекламная табличка равномерно постукивала по стене. Вывернутые шпалы ржавых рельс блестели от покрывших их дождевых капель. А в одном из перевёрнутых вагонов догорало подавленное пулемётное гнездо.

— Сейчас, — прошептал Алексей.

Освальд поднял из-за укрытия облачённое в маскхалат чучело. Вблизи их обман было легко раскусили, но на значительном расстоянии оставалось невозможно разглядеть приманку. Противник мгновенно среагировал и у чучела снесло голову. Лёша увидел вспышку в одном из зданий на третьем этаже. Обычный снайпер бы расслабился и уже думал, что победил. Но сейчас хартиец быстро сменил позицию, а затем очень удивил Алексея: противник, перебегая, бросил впереди себя пустую бутылку, да настолько умело, что Лёша едва не выстрелил по ней, тем самым чуть не выдав свою позицию.

«Значит догадался, что стрелял по чучелу. Что же, становится интереснее».

Хартиец пропал из поля зрения. Складывалось ощущение, что он просто ушёл, но чутьё подсказывало, что враг просто выжидал когда Алексей допустит ошибку. Но тут к Лёше пришла военная удача. Эта дева очень привередлива и обычно оставляет солдата в самый неподходящий момент, но сегодня она обратила на Варшавского призрака свой надменный взгляд.

Выглянуло солнце, осветив улицу. Острые лучи укрыли собой здания напротив и в одном из окон Алексей увидел поблёскивание от оптики.

«Вот тебе и Асс. А выбрал позицию напротив солнца», — подумал Лёша и выстрелил по солнечному зайчику.

Мстислава откинуло, он рефлекторно взялся за лицо, забился в угол и тяжело дышал. На полу лежала винтовка, а в оптике застряла пуля. Военная удача обратила внимание и на хартийского снайпера, но удар был настолько сильный, что мысли у Шелестовича перемешались, руки тряслись и о продолжении поединка не могло быть и речи.

— Молодец, кудрявый, — косо улыбнулся Мстислав, аккуратно забирая винтовку. — Сегодня ты меня обставил. **Сегодня.**

Вскоре Шелестович покинет Краков. Лучший стрелок Хартии уйдёт зализывать раны и готовиться к реваншу, а Варшавский призрак выполнил ещё одну поставленную задачу.

Последний круг ада

Телефонный звонок разбудил только заснувшего Буткевича. На фронте было затишье и полковник мог позволить себе такую редкую роскошь как сон. Но сейчас кто-то осмелился лишить его нескольких часов отдыха.

— Полковник, — подняв трубку, недовольно рявкнул Буткевич.

— Это бригадир Водечка. Прости, что так поздно. Не разбудил?

— Нет, что ты.

— Полковник, тут такая ситуация. Наша страна по нелегальным каналам купила у Атлантики несколько дальнебойных орудий и сегодня ночью они пришли к нам.

— А я тут причем? — начинал злиться Буткевич.

— Да ты дослушай. Официально выходит так, что мы каким-то неведомым образом украли их со складов. Не мог бы ты достать какую-то бумагу, официально разрешающую нам из них стрелять? А то так и по шапке могут надавать.

— Водечка, — вскипел полковник, — ты в своём уме?! Ты забыл, что у нас тут война?! Какая бумажка?! Разворачивай орудия и вой! Всю бюрократию я беру на себя.

— Слушаюсь, господин полковник, — сказал Нестор и положил трубку.

— Идиоты, — буркнул Буткевич и провалился обратно в сон.

Пластиковые глаза равнодушно смотрели смотрели в пустоту, особо не заикливаясь на чём-то конкретно. Тоненькие ноги засыпало щебнем, одну из рук оторвало, короткое платье и волосы обгорели и стали чёрными. Кукла была ручной профессиональной работы, куда влаживали частичку души. Но сейчас её суть свелась к сломанной игрушке, никому не нужной и навсегда брошенной среди руин мёртвого города.

Пройдя через полуразрушенный коридор, Вильгельм выглянул сквозь дыру на улицу и стал внимательно высматривать возможного противника.

Вилли как чувствовал, что ему не стоило сюда ехать. Среди солдат Хартии о Кракове ходила дурная слава. Здесь останавливалось время, жизнь теряла ценность, чувства притуплялись. Многие расценивали отправку на Краковскую передовую как приговор. Вильгельму же требовалось проинспектировать два местных бригадных штаба, но не успел он доехать до одного из них, как попал под артобстрел. Здание обрушилось, отрезая возможность Вильгельму вернуться обратно на позиции хартийцев. Пришлось идти в обход, толком не понимая где свои, а где чужие. В этом месте линия фронта понятие растяжимое и меняется каждый час до неузнаваемости.

В одном из зданий напротив отвесная стена второго этажа рухнула, создавая своеобразный подъём наверх. Вильгельм прикинул, что это будет самым коротким путём обратно и быстро побежал туда. Он забыл, что самый короткий путь обычно становится самым длинным.

Едва забравшись на второй этаж он не успел опомниться, как его рот крепко сжала чья-то рука, а вторая поднесла к горлу острый нож.

— Только попробуй пикнуть, тварь, — послышалось шипение сзади, — и мигом останешься со вспоротой глоткой.

Вильгельм нащупал пистолет и ждал удобного момента, чтобы вырваться. На миг схватившие его мёртвой хваткой руки расслабились. Этого момента хватило, чтобы Вилли

выскользнул и выхватил из кобуры пистолет. Конфедерат ударил Вильгельма и тот кубарем полетел по полу. Приземлившись у дальней стены и прицелившись, он заметил как противник уже замахивался для броска ножа.

— Вилли?... — внезапно спросил конфедерат и застыл как каменный.

Рука Вильгельма в последний момент дрогнула и он промахнулся.

— Лёха? — не веря своим глазам, спросил Вильгельм.

— Вилли... — словно подтверждая, повторил Алексей.

Оба смотрели друг на друга как оглушённые, больше не в силах выдать и слова. Алексей медленно опустил нож, Вильгельм сделал тоже самое с пистолетом. Вилли с трудом узнавал в немых кудрях, в проглядывающемся сквозь пиратскую повязку уродливом шраме и покрытым в камуфляж лице своего старого, давно потерянного друга. Алексей же не мог найти в себе силы принять случившиеся — Вильгельм хартийский офицер. Как же Лёша презирал их чёрную с красными оттенками форму и как не хотел себе признать, что она чертовски подошла Вилли. Никто не знает сколько бы они так глядели друг на друга, если бы у Алексея вдруг не зашипела рация, выведя того из оцепенения.

— Леший, — послышался голос Водечки. — Леший, оглох что-ли?

— Леший слушает, — подавлено ответил Алексей.

— Мы переносим огонь в твой район так что быстро ищи глубокую нору.

— Понял. Бегу.

Взглянув на Вильгельма, Алексей лишь бросил короткое:

— Пошли.

Командир орудия терпеливо смотрел на циферблат и как только секундная стрелка пересекла отметку с цифрой двенадцать, громко приказал:

— Огневая задача два-восемь-один.

— Есть огневая задача два-восемь-один, — ответил наводчик и начал с хирургической точностью корректировать орудие.

Командир принялся что-то записывать в орудийный журнал. Тем временем замковый открыл затвор и крикнув «Ствол чист, откат нормальный», отошёл от орудия. Один из заряжающих аккуратно засунул в казённый снаряд, а второй длинным приспособлением, напоминающее вантуз, протолкнул его дальше. Затем, громко чихая, заряжающие принесли пучок пороха и его постигла та же участь, что и снаряд. Замковый захлопнул затвор и все, кроме наводчика, закрыли уши.

— Гармата! — крикнул командир и наводчик, широко раскрыв рот, потянул за трос.

Снаряды громко разорвались над головой Вильгельма, от чего он рефлекторно пригнулся, едва не свалившись со ступенек ведущих в подвал. Алексей же даже ухом не повёл. Долгое пребывание на передовой делало своё дело.

От вездесущего грохота с потолка сыпалась побелка, огонёк керосиновой лампы дрожал и всё норовил потухнуть, со стены подвала вывалилось несколько кирпичей, громко рассыпавшись на полу.

Алексей молча указал Вильгельму на стул с оторванной спинкой, а сам сел в угол и принялся сверлить Вилли укоризненным взглядом. Вильгельм же слегка надменно смотрел на него в ответ. Оба так хотели друг другу всего рассказать, сотни раз представляли встречу, но разговор не клеился. Никто и подумать не мог, что им суждено встретиться на последнем кругу ада.

— Ну и что это за хрень, Вилли? — наконец-то подал голос Алексей, намекая на форму

Вильгельма.

— Отдаю долг одному человеку. Не обращай внимания.

— Издеваешься? — рявкнул он. — Уже забыл что они сделали с нашими друзьями? С нашим домом?

— И Алисой, — поникши закончил Вильгельм, отводя взгляд.

— Лисёнок? — голос Алексея дрогнул. — Как она погибла?

— Так же, как и жила. Ярko и дерзко.

— Теперь я окончательно ничего не понимаю. Как тебя угораздило стать хартийским псом? Я много чего от тебя мог ожидать, но точно не предательства.

— Вижу ты остался тем же наивным сентиментальным ребёнком.

— Ребёнком?! — лицо Алексея едва не перекошило. Взяв себя в руки, он достал из кармана тонкую тетрадь и протянул её Вильгельму.

— Что это? — удивился он.

— Прочитай.

В слабом свете лампы едва различались написанные детской рукой буквы.

— В слух, пожалуйста, — отчеканил Алексей.

— Четверг. Папу убила бомба. Мама сильно плакала и я не могла её успокоить. Мне очень страшно. Вторник. Сестра шла за водой и не вернулась. Мама говорит, что её убил снайпер. Я пытаюсь узнать у мамы кто это, но она не отвечает. Наверное кто-то очень плохой. Пятница. У мамы очень сильный кашель. Я волнуюсь. Воскресенье. Мама не просыпается. Ничего не могу сделать. Понедельник. Мама умерла. Я осталась одна, — Вильгельм прочитал неровные строчки словно отчёт и вернул тетрадь обратно. — Что случилось с девочкой? — вскоре спросил он.

Алексей лишь молча осветил фонарём в дальний угол. Вильгельма передёрнуло. Он увидел как истерзанный осколками детский трупик обнимал усохшее тело матери.

— Смотри. Полюбуйся что творят ваши храбрые последователи дела Хартии. Знаешь как она погибла? Штурмовики до дрожи в коленках боятся проверять подвалы и просто закидывают их гранатами, особо не вникая кто в них сидит. И так везде, Вилли. Куда бы вы не пришли, везде начинается резня. Я не понимаю, таково виденье мира консула? Или хитрая тактика маршала? Ответь мне, пожалуйста, за какие великие цели умер этот ребёнок?

— Не за какие, Лёха, — ответил Вильгельм, глядя на труп. — Просто так. Потому что можем. Потому что сильнее.

— Если скажешь ещё что-то подобное, то я точно тебе врежу.

— Да бей, чего себя сдерживаешь? — он демонстративно поднялся. — Такие как мы уже навсегда прокляты и нас не спасти. Но вот что я у тебя спрошу, Лёша: знаешь ли ты как эту войну закончить? Уж не собираешься ли ты перебить всех хартийцев?

— Просто убирайтесь отсюда вон. Все уже прекрасно поняли что вы несёте миру.

— Так скажи это Гвину, свято верящему, что эта война во блага будущего человечества.

— Знаешь, наша война действительно запустила континентальные сдвиги. Но той девочке от этого как-то не легче.

— Думаешь мне не жалко простых ребят, зовущих перед смертью маму? Если бы Гвин часто бывал на передовой, то ему в голову не пришла бы эта авантюра.

— Но почему-то она пришла вашим генералам.

В ответ Вильгельм лишь хитро улыбнулся.

— Что? — недоумевал Алексей.

— Узнаешь, Лёха. Уже очень скоро.

— Леший, — зашипела рация. — Мы закончили. Можешь продолжать охоту.

— Подожди, — удивился Вильгельм. — Ты тот самый Леший? Варшавский призрак, набивший фингал Шелестовичу?

— Передай ему, что это был предупредительный выстрел.

— Ох, ты не представляешь как он нас бесил, когда малыш Отто привёл его в штаб. Весь из себя напыщенный, чистоплотный, только короны не хватает. А вот после дуэли с тобой как-то сразу поник. Мы аж расстроились, что он одним фингалом отделался. Как хорошо, что он уехал обратно в столицу, ты не представляешь.

— Всегда рад помочь.

— Что же, — Вильгельм взглянул на выход, — нам пора. Война сама себя не закончит.

— И то верно.

Вильгельм почти дошёл до лестницы, как его окликнули:

— Вилли.

— Да?

— Не думал, что когда-то такое скажу хартийцу. Но оставайся в живых.

— И ты тоже. Нам ещё это всё отстраивать.

— Сразу видно офицера. Мыслит на несколько ходов вперёд.

Они оба рассмеялись, после чего Вильгельм отдал честь и пошёл на выход. Алексей грустно проводил его взглядом, проверил винтовку и как только шаги утихли, затушил лампу и покинул подвал.

Свет луны проникал через дыры в потолке, служа единственным источником света в помещении. Иконы со святыми лежали на полу, вперемишку с осколками стекла. Уцелела одна из трёх статуй Троицы. Статуя с неким удивлением смотрела на покачивающуюся большую люстру, в которой запуталась не сдетонировавшая авиабомба. Сапёры не смогли её снять без спецтехники и она продолжала висеть, олицетворяя чудо в пристанище Бога.

Алексей не хотел сюда приходить, но после встречи с Вильгельмом его мысли путались и нужно было выговориться. Единственное место на всю округу, где можно это сделать было здесь — в полуразрушенной церкви, подвалы которой Орден занял под госпиталь.

В длинном помещении Алексей увидел только молящуюся Софию. В свете луны её белое одеяние стало ещё светлее. Покорно опущенная голова, слегка приоткрытые глаза, тонкие губы шепчущие молитву и хрупкие сомкнутые ладони. Лёша на мгновение остановился, наблюдая за Соней. Если не эта девушка олицетворяла проповедываемую церковью верность, порядочность и непорочность, то тогда кто?

София вздрогнула и обернулась, испуганно глядя на Лёшу.

— Алексей, — удивилась она, — что вы здесь делаете? Да ещё в такое позднее время?

— Мне нужен пастор, — без предисловий начал Лёша. — Где он?

— Пастор сейчас отпевает погибших и вернётся ещё нескоро.

— Зараза. Мне он нужен всего на пару минут.

— Может я смогу вам чем-то помочь?

— А ты можешь... — он замялся, — исповедать меня?

— Всего-то? — девушка приободрилась. — Становитесь сюда и кладите руку на Библию.

— Это обязательно?

— Тогда это будет не исповедь.

Алексей подчинился, встал в положенном месте на колени и протянул руку на потрёпанный форзац. София встала напротив него и прикоснулась нежной ладонью к его макушке. Девушка на миг взглянула на него, но засмушалась и отвела взгляд.

— Что вас мучает, Алексей?

— Я убил слишком много людей. Чувствую этот груз будет меня преследовать остаток дней.

— Скольких вы сегодня убили?

— Троих. Двое были очень молодыми.

— Нет ничего постыдного в том, чтобы стать на защиту своего дома и убивать тех, кто посягает на вашу свободу.

— Я тоже так думал. И долгое время держался за эту мысль. Но что делать, если по ту сторону сражается твой близкий друг?

— Он искренне воюет за ту сторону?

— Похоже на то.

— Что же, — София задумалась. — Если его цели нечестивы, то рано или поздно он поймёт это и отринется от них. Если же цели его выше обычной выгоды, то тогда они должны быть выполнены. Несмотря ни на что.

— В этом есть смысл. Спасибо, сестра София. Мне действительно легче.

— Пускай Господь направляет твой праведный гнев, — сказала Соня и забрала руку с кудрей Алексея.

В Кракове произошла ротация. Полк Яна вывели из жилой застройки на более спокойные позиции западнее города. Солдат ветеранов повышали и переводили на новые должности. Такая же участь постигла напарника Алексея — Освальда. Молодой солдат спустя два месяца боёв получил повышение и стал командиром взвода. Пути Лешего и Щеголёнка расходились и больше никогда не пересекутся. Лёше опять приходилось работать одному и ждать замены.

Проводя одну из разведок и наблюдая сквозь линзы бинокля, Алексей не смог поверить своим глазам: хартийцы копали лопатами землю. Такие действия могли означать только одно. И Лёша срочно вызвал Яна.

— Леший, ты уверен? — скептически спросил майор.

— Да пусть я здесь лягу, если это неправда.

— Ты понимаешь, что я тебе голову отвинчу, если ты ошибся?

— Командир, это точно.

— Понял, конец связи.

Ян вызвал Буткевича.

— Да быть такого не может, — не верил полковник. — Неужели всё?

— Похоже на то. И ведь действительно. Уже три дня никаких наступательных действий.

— Понял, держите меня в курсе, — Буткевич прервал связь, секунду молча обдумывал услышанное, а затем приказал: — Связывайте меня со Ставкой.

— Господин канцлер, — взволнованно вошёл в кабинет генерал.

— Спокойно, Фридрих. Что уже у нас стряслось?

— Хартийцы воздвигают оборонительные позиции на Краковском выступе. Это означает, что они выдохлись и больше не могут наступать. Мы выиграли битву. И

остановили хартийский каток по всему фронту.

— Я уже не надеялся, что доживу до этого дня. Хорошо, Фридрих. Скоро начнутся поставки оружия из Атлантики. Вот мой приказ: начинайте подготовку плана по освобождению оккупированных территорий.

— Слушаюсь, господин канцлер.

— И наградите того солдата, что разведал позиции противника.

— Майор, — вошёл в деловой позе в штаб Алексей, — за сороковой боевой выход полагается медаль. Особенно за такую важную информацию.

— Леший, — брови Яна сомкнулись, — знаешь главное кредо армии?

— Плохо, мало, недостаточно? — спросил Алексей, понимая к чему всё идёт.

— Молодец. Все награды после войны. Сейчас главная задача погнать их поганой метлой. Понятно?

— Так точно, господин майор, — разочарованно пробурчал Алексей.

Третьего сентября две тысячи тридцать второго года хартийская авиация предприняла очередной ночной налёт на Берлин. Но сегодня Соколов Левандовского ждал сюрприз: навстречу им летело две пары самолётов Конфедерации, всем своим видом бросая вызов хартийскому превосходству в воздухе. Так начинался первый в истории нового мира воздушный бой.

Генри сел на хвост одному из истребителей. Хартиец всячески извивался и вертелся, ухитряясь уворачиваться от очередей оппонента. Генри тяжело дышал сквозь кислородную маску, шлем давил на голову, а пальцы с большим усилием нажимали на рычаг. Противник был хорош. Слишком хорош.

Внезапно вражеский истребитель снизил скорость и завис в воздухе носом вверх, словно приклеенный, пропуская Генри вперёд. Пилоты на миг встретились взглядами, но сквозь шлемы не могли увидеть что в том момент чувствовал его противник. Генри пролетел дальше, а хартиец сел ему на хвост. Охотник и жертва поменялись местами.

Как бы Генри не пытался улизнуть, всё было четко. Одна из очередей пронзила крыло самолёта и машину начало крутить вокруг своей оси. Завопили приборы. Самолёт начал гореть. Грязно выругавшись, Генри катапультировался.

Ко всем несчастьям пилота Конфедерации, он приземлился на вражеской территории. Генри ничего не осталось, как послать сигнал «SOS» и надеяться, что свои найдут его раньше хартийцев.

Конфедерация не могла себе позволить потерять столь опытного специалиста. В оперативном порядке было сформировано три поисковых группы. В одну из них попал Алексей.

Гудящие лопасти вертолётки не давали собрать мысли в кучу и сосредоточиться. Пространство за иллюминатором покрылось тьмой и лишь блестящая от лунного света вода давала понять, что экипаж машины всё же в человечком мире. Алексей молча смотрел на своего нового второго номера. Парнишка был бывшим тамплиером, хотя бывшими их назвать можно с натяжкой. Фанатизм и прямолинейность никуда не делись. Лёша мог лишь уповать, что это не мешает выполнять им работу.

— Чего? — спросил тамплиер, не вынеся взгляда Алексея. — Я тебе чем-то не нравлюсь?

— Ты у меня пятый, — кратко констатировал Лёша.

Вертолёт начал снижаться, через минуту высадил группу из четырёх человек и скрылся в ночи. Задача перед группой ставилась до банальности простой: найти пилота и доставить в целостности в тыл. Сигнал шёл из двадцать пятого квадрата. Всё усложнялось тем, что где именно упал пилот — не ясно. А хартийские патрули и несколько укреплённых точек в секторе не предвещали ничего хорошего.

Прохладный осенний ветерок заставил Алексея поёжится. Составив план действий, группа медленно выдвинулась на поиски. Лёше стало непривычно ощутить себя в тишине, нарушаемой лишь тихой мелодией шуршащих листьев. Через ПНВ группа всеми силами высматривала в густой траве всевозможные мины и растяжки. Никто не мог предположить, что нужно смотреть не под ноги, а на уровень своей головы.

К ветке дерева привязывалась граната, к чеке приматывалась леска. Другой конец лески заканчивался острым крючком, способный проколоть ткань бронежилета и намертво там закрепиться. Крючок зацепился за каску идущего во главе колонны второго номера. Леска натянулась и выдернула чеку. Грымнул взрыв и тамплиера разорвало на куски. Идущего за ним солдата изрешетило осколками и он мгновенно умер. Третий конфедерат держался за ногу и стонал. Алексей медленно ощупал себя. Сердце бешено стучало, руки дрожали, но к своему удивлению он понял, что цел. Не веря своему счастью, он потянулся за рацией.

— База, у нас два двухсотых и один трёхсотый. Запрашиваю эвакуацию.

— Приняли. Высылаем вертушку.

— Вот тебе и спасательная операция, — бросил Алексей и принялся перевязывать раненного.

Вертолёт прилетел очень быстро, но сел почти в трёхста метрах от места взрыва. Вместе со вторым пилотом Алексей дотянул до места эвакуации раненного. Солдат сильно стонал и вечно хотел вырваться, чем порядком потрепал нервы и Лёше и пилоту. Изрядно спотев, оба перевели дух. Но самое сложное оказалось впереди. Алексею несколько раз приходилось переносить трупы и каждый раз он про себя отмечал насколько они тяжёлые. Тело павшего конфедерата не стало исключением. Складывалось ощущение, что в него наложили пару десятков килограммов камней. Не легче было и с оторванными конечностями тамплиера. Шаря в густой траве, Алексей лишь уповал на удачу, что не наткнётся на ещё одну мину. Погрузив второй мешок для трупов, осталось забрать снаряжение. В этот момент Алексея окончательно покинули силы. Винтовки казались несоизмеримо тяжёлыми, хотелось рухнуть на землю и полежать хотя бы пять минут. Лёша всего на секунду закроет глаза. Когда же он их откроет, то поймёт, что не понимает где находится.

Вокруг был густой лес. Где-то совсем рядом шерудели лопасти, но Алексей не мог определить где именно. Взобравшись на небольшой холм, он всё таки увидел источник шума. Но была одна загвоздка: между вертолётом и Алексеем простилалось минное поле, о чём говорили надписи на расставленных по периметру табличках. Лёша собрался обходить поле, но почти сразу остановился. Из-за лесной чащи выходил хартийский патруль. Пилоты увидели Алексея и жестами показывали, чтобы он не делал глупостей. Сам же Лёша настолько устал, что ему вдруг стало всё безразлично.

Ему стало всё равно на Саманту, что наверняка каждую минуту думала о нём.

Ему стало плевать на Вильгельма и их обещание выжить на войне.

Ему стали безразличны его мечты и планы на дальнейшую жизнь.

Он просто хотел, чтобы это всё наконец-то закончилось.

И Алексей сделал шаг в сторону **мин**.

Лёша не мог видеть как в тот момент у пилотов расширяются глаза. Он не испытывал страха или жалости к себе. Его терзало лишь желание бросить эти две чёртовых винтовки. Алексей продолжал упрямо идти вперёд по земле где каждый шаг должен стать последним. Кто знает, может быть в тот день у Смерти кончилось место в её таре? Или же Ангел-хранитель спас душу от жуткого конца? Алексей не помнил. Он вообще забыл, что с ним происходило в тот момент. Но почему-то он продолжал идти вперёд и ничего не детонировало. Будто вся хартийская мощь вдруг стала беспомощной перед одним измождённым солдатом.

Лёша поравнялся с пилотом и безразлично взглянул на него. Тот едва не рухнул на землю от только что увиденного поступка Алексея, но взял себя в руки и пропустил его вперёд.

— Нет, — покачал головой Лёша, — ты иди первый. По уставу кто начинал операцию выходит из неё последним.

Вертолёт набирал высоту. Алексей распластался на сиденье и почти сразу отрубился. Он не знал, что в поравнявшемся с ними другом вертолёте сидел спасённый пилот Генри. Операция завершилась успешно.

Скучные дипломатические переговоры сменялись яркими вечерними приёмами, где столы ломились от яств, играла музыка, а с лиц людей не слезала улыбка. Вечера сменялись интервью и фотосессиями на обложки журналов. Редкие часы покоя и возможность побыть одной казались чем-то нереальным.

Всё, что требовалось от Саманты она делала через силу. В первые дни разрывающая изнутри боль была невыносимой и она не покидала комнаты, отказавшись от еды и безостановочно рыдая. Постепенно боль утихала, сменяясь тихой яростью и желанием отомстить. Вскоре Саманта начала просить у Лоуренса отправить её обратно, но офицер всё время отвечал уклончиво, не давая ясного ответа. Потянулись длинные месяцы ожидания, ставшие для Саманты пыткой.

Но один из вечеров стал поворотным моментом. Саманта наблюдала за что-то обсуждавшей вместе с Викторией толпой гостей, держа в руках слегка наполненный бокал шампанского. В гомоне голосов она уловила как кто-то к ней подходил. Это был Лоуренс.

— Мастер сержант.

— Да, капитан?

— Я по поводу вашей отправки. Мы можем это обсудить в более спокойном месте?

— Конечно, — ответила слегка приободрившись девушка.

Лоуренс отвёл Саманту в кладовую. Пропустив девушку вперёд, он закрыл за собой дверь и встал напротив проёма, широко расставив ноги.

— Что вы хотели сказать, капитан?

— Раздевайся, — отчеканил он, глядя на неё плотоядным взглядом.

— Что? — опешила девушка.

Лоуренс набросился на Саманту, закрыв той рот и прижал к стене. Девушка всеми силами пыталась вырваться, но руки сковало стальной хваткой. Капитан принялся лапать свою жертву за интимные части тела.

— Долго мне пришлось ждать. Я как только тебя увидел, сразу понял, что не удержусь. Последний раз в Варшаве думал, что завяжу. Но с тобой... — он провёл кончиком языка по шраму. — А когда помер твой дружок, я понял, что это сигнал.

Саманта нащупала брошку, вытащила её и уколола креплением ладонь Лоуренса. Капитан вскрикнул, хватка ослабла и Саманта вырвалась, со всей силы ударив Лоуренса между ног. Капитан согнулся по полам и рухнул на пол, скуля от боли.

— А если бы ты не был тыловым клерком, — тяжело дыша сказала она, — я бы ни за что не вырвалась.

Саманта пулей вылетела из кладовой. Ей хотелось на воздух. Ни секунды больше она не могла находиться среди звонкого смеха, шумной музыки и лицемерных лиц. Выбегая, она спохватилась, что потеряла брошь, но возвращаться было уже поздно. Выбежав на улицу, она попала под свет сотни фонарей вечернего города. Царство стали и бетона. Такое яркое и такое... фальшивое. Саманта неожиданно поняла, что чужая для этих мест. Единственное, что она сейчас хотела — немедленно вернуться туда, где была самим собой. На войну.

Сняв туфли на длинном каблуке и выбросив их прочь она пошла в сторону Нью-Йоркского аэропорта. В голубых глазах горел огонёк, созданный, чтобы сжечь всё, что олицетворяла собой Хартия.

— Леший, — позвал Алексея Ян.

— Чего ещё? — недовольно буркнул Алексей. — Я только с задания. Если ты на счёт куриц, то ребят не трогай. Это я предложил. Третий день уже нормально не жрём.

— Вы опять тырили у местных еду? — нахмурился офицер.

— Чёрт, — осёкся Алексей. — Тогда в чём дело?

— К нам приехал какой-то хрен из Америки. Говорит, что военный корреспондент. Сделай одолжение, займись им, пока его кто-то случайно не пристрелил.

— Сделаем, командир, — вздохнул Лёша, желавший несколько часов поспать.

Журналист доставал Алексею до груди. Голубая каска едва держалась на маленькой голове, а ляжки бронезилета с надписью «PRESSA» всё время расстёгивались. Лёша, ни церемонясь, потащил его к блиндажу. Усадив парня на пенёк, Алексей сел напротив и закурил.

— Вы не против, если я задам вам несколько вопросов? — пролепетал корреспондент и достал блокнот с почти сточенным карандашом.

— Валяй. Только прошу тебя, не тупые.

— Хорошо. Итак, как представитель газеты «Голос Атлантики» я слышал среди своих коллег много вопросов по поводу солдат Конфедерации. Самый часто задаваемый из них: где вы ходите в туалет?

— Да где придётся, — ответил Алексей и засмеялся.

— То есть вообще не имеет значения где?

— Зависит от того где тебя застигнет этот деликатный процесс. Если на марше, идёшь в кусты, копаешь ямку и делаешь туда свои дела. Если находишься на стационарной позиции, тогда делаем выгребную яму со всеми удобствами.

— Всё по человечески?

— А ты как думал? Если пропаганда Хартии что-то вякает о нашей первобытности, то пусть посетит ближайшую позицию. Это мы сейчас сместились. А раньше два месяца стояли на одном месте. Провели воду и свет, построили баню с душем. Всё обустроено и уютно.

Рядом просвистел миномётный снаряд, от чего парня дёрнуло. Алексей лишь ухмыльнулся.

— Тогда следующий вопрос: почему дисциплинированные солдаты Хартии

скатываются к грабежу и изнасилованию, а вы нет?

— Нашёл что спросить, — нахмурился Лёша. — Я бы коротко ответил, что они мрази, но давай углубимся в вопрос. Это наша земля и мы по факту будем воровать у себя же. Хотя, справедливости ради, каждый из нас хотя бы пару луковиц умыкнул. Представь ситуацию: заходит солдат в пустой дом, а там на столе лежит кусок свежего мяса. Как ты думаешь, он его не возьмёт? А вдруг хозяина дома уже и в живых нет, а мясо испортится. Я никого не оправдываю, но это война и приходится всегда вертеться, чтобы уцелеть.

— Если противник выйдет на ваши позиции с белым флагом, есть ли у вас какой-то регламент сдачи в плен?

— В плен то они сдаются, — цокнул языком Алексей. — Но лично я таких не видел. И после того, что они творят на оккупированных территориях, желание кого-то щадить нет... — Лёша осёкся. Его слух уловил едва слышный хлопок. За мгновение Алексей понял, что снаряд летит сюда, схватил журналиста и потащил в укрытие.

Туда, где они сидели несколько секунд назад, упал снаряд и перемешал всё с землёй. Алексей докуривал сигарету и наблюдал за качающейся керосиновой лампой. Корреспондент дрожащими руками дописывал что-то в своём блокноте. Одну из стен облепили детскими рисунками, письмами и пожеланиями возвратится домой с победой. На столе остывала чья-то недопитая чашка кофе.

— Может в тыл поедешь? — хмыкнул Лёша. — Я ж не могу ещё и за твою жизнь переживать.

— Нет, — твердо ответил он. — Я должен видеть всё своими глазами. Иначе читатели не поверят.

— Тогда продолжим отвечать на вопросы публики Нового света. Мне уже начинает нравиться.

— На чём мы остановились?

— На взрыве, — засмеялся Лёша. —

— Повезло, что это сто двадцатый калибр. Восемьдесят второй намного тише и я бы его не услышал. А я ещё и без брони. Что сказать — молодец.

— Вам часто приходится контактировать с местными?

— К сожалению, да.

— Тогда назовите самый бесящий от них вопрос?

— Ну что там? — не задумываясь, ответил Алексей.

— Ну что там? — повторил журналист.

— Ага. Что я тебе объясню, если ты дебил в военном деле. Что там... Во-первых, где там? Во-вторых, что для тебя «что»? Да, это самый тупой вопрос.

— А какие ещё задают?

— «Ну что там?» ты уже услышал. Ну как там? А как вы там? Ну если хожу, значит ещё живой, разве не понятно? Ещё любят спрашивать есть ли семья или девушка. Более умные вопрос: стоит ли нам выезжать? На такой вопрос правильного ответа нет. Всё зависит от ситуации. Есть, конечно, люди, которые никуда не поедут. Больше всего бесит, что многие не понимают почему отсюда нужно уезжать. Не понимают, что такое война. Но война здесь, а они живут на линии фронта как ни в чём не бывало. Мина летит, а дитё на велике катится куда ему надо. Если это где-то у нас опубликуют, то скажу: уважаемые граждане, не мешайте нам работать. Мы мало того, что воюем со страшным врагом, так ещё и вас должны спасать. Есть шанс, что вас могут прибить свои же. Потому что вражеские корректировщики

переодеваются в гражданскую одежду. И когда сидишь трети сутки под обстрелом, ты уже не думаешь о том, что это мирный. Ты думаешь какой гандон, бляха муха, даёт наводку на ваши позиции?! — прошипел с ненавистью Алексей. — Уезжайте. Мир не без добрых людей и вас обязательно приютят.

— Я позволю себе задать глупый вопрос.

— Давай уже.

— Всю дорогу я видел бесконечные лабиринты из траншей. Кто же это всё будет потом засыпать?

— Кто, кто? Те, кто это затеял, и будут засыпать. Лично у меня на это времени и желания нет. Я думаю мне после этого трындеца положен, как минимум, пожизненный отпуск. Я себе хочу дом у речки отстроить, а кто его строить будет? Консул Гвин? Нет, я всё это дело засыпать не собираюсь.

— В Штатах ведётся активная дискуссия на счёт поставки вооружения Конфедерации. Что бы вы себе хотели?

— Я хочу? — удивился Алексей. — Я хочу, чтобы это всё закончилось. Меня оружие уже не интересует. Я за свою жизнь настрелялся.

— Смотрите, — задал парень следующий вопрос, — я не спрашиваю по поводу страха. Боятся все.

— Конечно.

— Я хочу спросить, как вы с ним справляетесь?

— Когда трясутся поджилки, я ищу глубокую нору. Всё. Смелых на войне хватает. Но смелые быстро заканчиваются. Страх — твой самый надёжный друг, особенно здесь. Просто нужно научиться с ним взаимодействовать. Или умрёшь быстро.

— Многие в тылу говорят о окопной романтике. Она действительно существует?

— Конечно.

— Расскажите, пожалуйста.

— Окопная романтика — это когда над тобой взрываются снаряды, а ты сидишь и думаешь: «Сука! Почти пол года не было секса!». Вот и вся романтика.

— То есть никто не наслаждается этим?

— Чего? Мы наслаждаемся вечером, потому что они перестают поливать нас огнём и мы можем поспать.

— Просто многие идеализируют войну. А я хочу разбить этот миф.

— Надеюсь, мои слова тебе в этом помогут.

— Спасибо вам. Вы мне очень помогли.

— Сходи к танкистам. Они тебе много чего интересного расскажут.

Подчинённые Ангелины через мат и стоны чистили оружие танка. Сам же командир наблюдала за процессом, вычёсывая волосы. Сначала девушка наотрез отказалась отвечать на любые вопросы, но журналист всё же уговорил её уделить несколько минут.

— Танкистам я не заготавливал вопросы, но давайте попробуем. Вы когда-нибудь разгоняли ваш танк до сотни километров?

— Если ты его разгонишь до ста километров, ответил за Ангелину мехвод, то это будет последнее, что ты сделал в жизни.

— А сколько он потребляет топлива?

— Обычный танк жрёт четыре литра на километр, — немного подумав, ответила Ангелина. — А этот почти десять. Мы так и не смогли понять почему, но нас за это

ненавидит весь полк. А для снабженцев мы ночной кошмар.

— Ваш танк трофейный. Командование хорошо обеспечивает вас машинами?

— Месяца три назад была напряжёнка. А сейчас песня. Наверное наша дивизия никогда не была такой боеспособной, как сейчас.

— Рассчитываете что-то получить из Ленд-лиза?

— В армии всегда не хватает грузовых машин. Вот их мы и ждём от Атлантики. А пока единственный «Ленд-Лиз» — это наш «Войтек».

— У каждого из родов войск есть прозвище. Артиллерия — Бог войны. Пехота — Царица полей. А как зовут себя танкисты?

— Щит, — коротко ответила Ангелина.

— Щит войны?

— Наверное, — пожала плечами девушка.

— В современной войне, когда у пехоты множество противотанковых средств, танки остаются важным фактором на поле боя?

— Безусловно. Вот увидишь, когда мы пойдём в наступление, то будем гонять их до самой границы.

— Вы брали кого-то в плен?

— Не-а. Мы им даём возможность сдаться, но ещё никто не пользовался такой возможностью.

— Как вы пользуетесь своим страхом? Как он вам помогает?

Ангелина думала как ответить, но резко вскочила и потащила журналиста под танк. Затем прогремел мощный взрыв.

— Увидите его нахер отсюда! — рявкнула девушка. — А то ещё потом выговор сделают, что не уберегли иностранного представителя!

Караван из десяти суден пробивался через штормящие воды Атлантического океана, став за одиннадцать лет первыми кораблями пересекающие океан напрямую. Трюмы заполнили бронетехникой, орудиями и боеприпасами. Они были той маленькой гирькой, что склонит чашу весов в пользу Конфедерации.

Но каким бы мощным не было оружие, за каждым пультом управления, рычагом и стволом стоит человек. Конфедератам предстояла долгая подготовка, прежде чем оружие начнёт кровавую жатву на поле боя. Для этого Атлантика отправила три самолёта с инструкторами. Один из них отправлялся прямо из Нью-Йоркского аэропорта.

Широкоплечий офицер поднялся на борт самолёта и окинул взглядом грузовой отсек. Все места заняли солдаты Атлантики. Между ними посередине отсека погрузили два тяжёлых артиллерийских орудия. До этого бурно разговаривающие инструктора затихли и исподтишка зыркали на офицера.

— Сержант Бейкер! — рыкнул офицер, глядя на список и пытаясь перекрычать шум двигателя.

— Я! — откликнулся инструктор.

— Первый лейтенант Эванс!

— Я!

— Первый лейтенант Хьюстон!

Никто не откликнулся.

— Первый лейтенант Хьюстон! — ещё громче зарычал офицер.

— Я, — тихо ответил спохватившийся инструктор и ещё ниже натянул каску.

— Не спи, а то вывалишься во время полёта!

По кабине прошёлся хохот и офицер продолжил.

— Ну что же, — подытожил офицер, закончив со списком. — Всем и так ясно, что официально вас там не должно быть. И тем не менее, прошу вас, не опозорьте свою страну. Удачи вам!

Офицер прыгнул и отсек начал закрываться. Самолёт постепенно набирал скорость. Гомон и смех в кабине возобновился с новой силой. Никто из присутствующих не подозревал, что настоящий первый лейтенант Хьюстон сейчас лежит оглушённый и связанный в контейнере для грязного белья.

«Если он не смог справиться с хрупкой девушкой, — подумала Саманта, стараясь лишний раз не дышать, — то там ему точно нечего делать. А когда заметят подмену — будет уже поздно. Пусть отправляют хоть в дисциплинарную роту к заключённым, лишь бы дали оружие. Только бы... Только бы дали напоследок взглянуть на его могилу».

Летящей божьей коровке попался на глаза лежащий в густой траве и без сознания человек. Любопытное насекомое село на щетинистую щёку и принялось щекотать своими тоненькими конечностями. Человек простонал, смахнул с себя нахальную букашку, а затем поднялся.

Алексей не помнил почему здесь находится. Его окружал сказочный лес, способный существовать только в фантазиях самых талантливых художников. Сделанные словно из янтаря листья, ангельское пение птиц, нежно глядящий ветер и столетние стволы деревьев, впитавшие в себя мудрость не одного поколения человечества. В воздухе перемешались все возможные запахи трав и цветов, способные своим ароматом ввести кого угодно в экстаз. Но больше всего Лёшу удивили его собственные ладони. Обычно всегда грязные то ли в копоты, то ли в мазуте, или в грязи, а иногда и в крови, сейчас они были кристально чистые. Лёша совершенно забыл какого это — иметь чистые руки.

Алексея полностью поглотили владения лесного царства. Он не заметил, как несколько деревьев расступились, тем самым создавая узкую тропинку в глубь чащи. Лёше ничего не оставалось как начать идти по ней.

Любой лес таит в себе множество незримых опасностей. Под каждой прекрасной розой прячется ядовитая змея, в каждом могучем дереве норovit поселиться улей ос, а в журчащей воде живут хищные рыбы. Но почему-то этот лес был не таким. Он напоминал тот самый сад, откуда навсегда были изгнаны люди.

Заглядевшись на шуршащие листьями ветви Алексей забыл посмотреть себе под ноги и был наказан. Его нога застряла в корне и Лёша плашмя полетел на землю. Потирая ушибленные места, Алексей услышал звонкий смех. Сжав кулаки по душе весельчака, он поднялся и оторопел. Между деревьев ласково улыбалась Эстер.

И она выглядела прекрасно.

Весь лес стал несущественным перед красотой девушки.

Сев на поваленный ствол дерева, Эстер жестом пригласила Алексея присесть рядом. Лес обрывался крутым берегом, где тихим потоком текла широкая река. Противоположный берег обволокло белым как молоко туманном. Девушка глядела на белоснежное покрывало, будто видело что-то, чего не мог развидеть Алексей.

— Это можно считать свиданием? — нарушил тишину Лёша.

— После того, что между нами было, ты должен взять меня в жёны, — полу серьёзно, полу шутя ответила девушка.

— Прости, — вздохнул Алексей, — моё сердце занято другой.

— Я понимаю. И я счастлива, что вы до сих пор вместе.

— Да, вместе... Почти пол года в противоположных точках мира.

— Жалеешь?

— Конечно нет. Но без неё мне намного сложнее сопротивляться всему тому, что вокруг меня происходит. Я чувствую, что устал. И похоже это не прошло бесследно на психике. Вы, ребята, стали часто приходить ко мне. Как во сне, так и наяву.

— Взгляни, — она кивнула в сторону рассеявшегося тумана.

На том берегу веселилось большое количество людей. Кого-то Алексей знал очень плохо. Кого-то... большую часть своей жизни.

Анна мазала мазью ожог на ладони Медиги. Рядом терпеливо сидел маленький пухленький мальчик с ушибом на виске. Тимка. Алиса выходила из лесной чащи, неся в руке подстреленную утку. Ей навстречу, не скрывая восторга, шли Юрий и Рома. В тени дерева, прикрыв глаза, играла на гитаре Эльза, а рядом с ней, слушая музыку, лежал Сергей и довольно улыбался. Алексей лишь тоскливо наблюдал за ними.

— Пока ты помнишь о нас, Гоблен, мы будем жить. И всегда рады видеть тебя.

— А я могу так жить вместе с вами?

— А ты хотел бы?

— Я не знаю. Саманта желала покоя и теперь, похоже, я тоже не против найти тихое место.

— Значит вы получите его. Уже скоро. Только потерпи ещё чуть-чуть.

Эстер встала и пошла в сторону реки, затем ступила на прозрачную поверхность воды и, под удивлённый взгляд Алексея, направилась в сторону веселящейся компании. Пройдя несколько метров по воде, она развернулась.

— Гоблен, передай от меня привет Марэту. Пусть вырастет достойным человеком.

Алексей не успел ничего спросить, как летавица взмахнула рукой и Лёшу окатила большая волна ледяной воды. Жадно глотая воздух, Алексей проснулся.

В комнате за столом сидело двое. Ангелина и Ян играли в карты. Насколько едва проснувшийся Алексей понял — в дурака. У сидящего спиной Яна в руке выглядывала пиковая дама. Только вместо привычного рисунка там была первая леди Хартии Элизабет. Художнику удалось передать галантность и непорочность девушки. Такой, как её запомнил Алексей.

Карты с хартийской элитой выдавали всем высокопоставленным офицерам, чтобы каждый мог знать своих самых заклятых врагов в лицо.

— Два вольта, — довольно протянула Ангелина, положив на стол адмирала Эриха и танкового генерала Эрика.

— Зараза, — простонал Ян и бросил оставшиеся две свои карты. У него были дамы. Не те. — Не вмастил.

— Не расстраивайся, майор. Моё желание не настолько ужасное.

— Давай уже, — фыркнул офицер и закурил.

— Расскажи кем ты был до войны.

От этих слов Ян подавился сигаретным дымом.

— Ты действительно хочешь это знать? — прокашлявшись, спросил он.

— Теперь точно хочу.

— Что же, — он вздохнул. — До того как попасть в армию я управлял, — Ян взял театральную паузу, — борделем в небольшом городке. Глава города был постоянным клиентом. Но один раз ему не понравились наши услуги. И он сдал нас соответствующим службам за неуплату налогов. Вот тогда мне и дали выбор: либо в тюрьму на каторгу, либо в армию. Я решил рискнуть и, видимо, не прогадал.

— Конечно не прогадал, — хмыкнул появившейся в дверном проёме Буткевич.

— Полковник... — пролепетал Ян и все в комнате стали по струнке смирно.

— Лейтенант Алексей, зайди ко мне, — сказал он и пошёл дальше.

— Какого чёрта он так тихо ходит? — последнее, что услышал от Яна Лёша, прежде чем уйти.

Буткевич сидел за столом в свете единственной лампы и с минуту молча смотрел на Алексея. Затем начал:

— Всё, что я тебе скажу, должно остаться в этой комнате.

Лёша молча кивнул.

— У твоей подруги хватило ума нелегально пробраться на самолёт и прилететь сюда. Всё едва не вылилось в международный скандал. Шпионаж, диверсия, саботаж — выбирай что больше нравится. К счастью, нашему главе Дипломатического корпуса удалось замять конфликт, так что всё в порядке.

— Где она сейчас? — с нескрываемым беспокойством спросил Алексей.

— В столичной тюрьме. Я даю тебе три дня отпуска, чтобы ты её забрал. За это время я слажу документы и её назначат тебе вторым номером.

— А по другому никак? — скептически задал он вопрос.

— По другому наши бюрократы умудряются пришить ей дезертирство. А это ломает ей жизнь.

— Понял, Буткевич, — поник Алексей. — Уже собираюсь.

Через единственное окно почти не проникал свет. В сыром помещении было тесно и тоскливо. Правда Саманта понимала, что ей повезло. Любого другого бы пристрелили на месте.

Большая стальная дверь начала с грохотом открываться. В комнату ворвалось слишком много света, из-за чего Саманта невольно зажмурилась. В дверной проём вошёл человек. Взглянув на его её глаза округлились, а сердце на секунду замерло. Она не верила. Не могла поверить. Будто он был посланником небес, призванный забрать её отсюда.

Война оставила на нём неизгладимый след. Как внешний так и внутренний. Солдат, не достигший тридцатилетия, чувствовавший себя как прожжённый жизнью старик. Всё, что он мог — грустно смотреть на неё единственным зрачком.

Саманта вскочила и поцеловала его. Целовала так, будто это её последний жизненный порыв. Целовала, не в силах поверить, что могла это сделать.

Алексей нежно отпрянул, продолжая глядеть на неё горящим изумрудом.

— Твой глаз, — она слегка провела по повязке.

— У меня остался ещё второй, поэтому я счастлив, что могу видеть тебя. А где твоя брошка?

— Я её... потеряла.

— Ерунда. Я достану тебе ещё лучше.

Не в силах сдерживаться они крепко обнялись. И Алексей почувствовал как вновь зажённая внутри энергия идущая от Саманты начинала потихоньку очищать его порядком истлевшую душу.

Сделка с совестью

С переходом инициативы на сторону Конфедерации, хартийское наступление окончательно застопорилось. С первыми ноябрьскими холодами линия фронта стала неподвижной. У Хартии начинались проблемы. В первую очередь в армии. Многие части понесли тяжёлые потери и были выведены на переукомплектование. Особенно острые потери были на Краковском выступе, достигавшие до семидесяти процентов. На фронт отправлялись тыловые части, до этого поддерживающие порядок в Хартии. Партизанская и преступная активность возгорались с новой силой. Всё чаще подразделения пополнялись мобилизованными двенадцати-тринадцатилетними детьми. Глядя на детские лица, опытные солдаты любили повторять: «Чем дольше длится война, тем моложе её бойцы».

Консул Гвин питал надежды на новое весеннее наступление, не подозревая, что вместо него заканчивали подготавливать генералы и министры. Экономика Хартии в полной изоляции начинала стагнировать. Некогда процветающий Фудурдин урезал производство товаров первой необходимости в два-три раза, а в критической ситуации предприятия полностью переходили на военный сектор. В условиях дефицита продуктов в оборот пустили продуктовые карточки. Даже в столице, не говоря уже о окраинах, подданные Хартии ощутили на себе войну. И начали задавать вопросы. Между собой и шёпотом, но посмели усомниться в целесообразности похода их славного консула.

Ставка Конфедерации начала готовить операцию с целью полного освобождения своих территорий. Началось формирование ударных корпусов, накопление резервов, боеприпасов и горючего, подготовка диверсантов, перевод проявивших себя командиров на более высокие должности. Осенние месяцы приготвлений стали началом конца триумфа Хартии.

Первый полк специального назначения. В сформированный первый полк вошли лучшие солдаты Конфедерации со всех всевозможных фронтов и родов войск. Стрелки, сапёры, радисты, снайперы, командиры, морские пехотинцы. Поляки, немцы, французы, добровольцы с Балкан и Африки, алжирцы, тунисцы, датчане, норвежцы, шведы, финны. Первый полк стал первым в новом мире формированием, сбрасываемым с воздуха. И без того опытных солдат нещадно гоняли на полигонах, сбрасывали с десантных вышек, учили выживать в глубоком тылу. Они должны были стать теми, кто сделает возможным будущее наступление.

В ночь на шестое ноября три десантных самолёта с десантом на борту пересекли линию фронта. Это была первая волна. Всего же в тылу Хартии высадится сорок групп. В каких-то насчитывалось три человека. Некоторые достигали до сорока. Каждой группе ставилась определённая задача. Пятнадцатой группе, летящей в первой волне, одной из основных задач предписывалось парализовать связь и коммуникации первой бригады. Группа насчитывала тридцать человек. Выбрасывались двумя волнами.

Красная лампочка придавала разукрашенным в камуфляж лицам жуткий вид. Диверсанты, сидя напротив друг друга, молча уткнулись в пол. Тишину нарушал лишь ревущий мотор самолёта.

Саманта вспоминала последние моменты приготвлений. Перед посадкой их хорошо покормили, отвели в тихие комнаты, зашторили все окна и приказали лечь спать. Сон всё не шёл. Даже на мягкой перине девушку не могло отпустить сосущие внутри волнение от

предстоящей операции. Саманта не помнила как заснула. Но разбудили её не как обычных солдат, голосом орущего офицера, а тихим шёпотом и постукиванием по плечу.

— Просыпаетесь, мастер сержант.

— Пора, господин лейтенант.

— Время, господин подполковник.

После последнего взвешивания, им выдали снаряжение. Помимо прочего оборудования, Саманта обнаружила тёмную таблетку. Цианистый калий. Его предписывалось принять при угрозе попадания в плен. Это Саманта помнила, ещё когда подписывала согласие на вступление в первый полк. После, уже возле самолёта, прямо на полосе, под холодным ветром, в последний раз каждый укладывал свой парашют. Саманта уже не помнила сколько раз это делала, но её руки очень хорошо запомнили палку подполковника. Офицер бил ей каждого, кто оставлял на ткани хоть малейшую выпуклость, складку или изъём, а затем заставлял всё делать заново. Даже спустя столько лет, любой парашют мог не раскрыться из-за малейшей мелочи. Но на войне у любой мелочи одна цена — жизнь.

Закончив укладку парашюта, Саманта достала маркер и чёрными буквами написала: «Мастер сержант Саманта Смит. Этот парашют укладывала я».

Десантирование происходит от самого тяжёлого солдата к самому лёгкому. Это делается из-за того, чтобы при прыжке никто не врезался в купол парашюта летящего перед ним. Самой лёгкой в группе оказалась Саманта и поэтому сидела прямо возле люка, напротив остальных. Задача у самого лёгкого одна из самых трудных: необходимо проследить правильно ли происходит выгрузка, если нет — прервать. Затем за пару секунд успеть прыгнуть за остальными, иначе выбросит в нескольких километрах от остальных.

Саманта ненавидела своё место. Она была у всех на виду, и каждый видел её страх. А она видела их страх. Он будто стал шестнадцатым пассажиром этого борта. Последний раз Саманта видела такой страх в глазах людей только когда человечество столкнулось с неизвестным. После «Момент Х». А теперь диверсантам предстояло прыгать в неизвестность, навстречу смерти, не зная, доживут ли они до конца операции или нет.

Первому предстояло прыгать Алексею. Нет, он не был самым тяжёлым, просто ему выдали ещё и большую рацию. Ей предстояло подавить всю связь противника. Принцип её работы, помимо Лёши, больше не знал никто. Даже командир. И Алексею предписывалось после операции навсегда забыть как с ней обращаться.

— Подполковник, — нарушил молчание Алексей, стараясь не показывать дрожь в голосе, — а что делать если у меня акрофобия?

— Чего? — не понял командир.

— Боязнь высоты.

— Ну тогда у тебя два варианта: либо во время прыжка можешь орать. Там всё равно так дует, что тебя никто не услышит. Либо прыгай без парашюта. Тогда через минуту твоя фобия навсегда излечится.

— Я лучше выберу первый вариант.

Замигала красная лампочка, начала выть сирена, а за ними медленно открывался люк. Из тьмы, скрывавшийся за ним, вырвался холодный ветер и диверсанты едва удержались на ногах.

— Пошли! — заорал офицер.

— За Конфедерацию! — истерическим голосом крикнул Алексей и прыгнул в люк, где его крик оборвался.

Перекошенные ужасом лица диверсантов один за другим поглощала тьма и вскоре Саманта осталась одна. Глубоко вдохнув и закрыв глаза, она сделала шаг в пропасть.

Что чувствует человек, летящий на высоте пять тысяч метров? Первые секунды страха сменяются эйфорией. Свободный полёт, будто ты птица, и восторг от раскинувшихся под тобой бескрайних просторов. Саманта не видела куда летит. Под ней оставалось всё та же тьма. Лишь вдалеке, со стороны линии фронта, виднелось зарево от нескончаемых пожаров, а свистящий ветер дул с ещё большим рвением. Часто дыша сквозь кислородную маску, Саманта испугалась, что не успеет разглядеть землю и раскрыла парашют. В этот момент ветер стих и она осталась наедине с одной стихией — огнём. На который действительно можно смотреть вечно.

Вторая часть группы не высадилась. Самолёт, везущий её, перехватил хартийский истребитель. Все погибли. Не зная этого, их прождали почти до самого рассвета. Поняв, что дальнейшие ожидания бессмысленно, группа принялась выполнять задачу имеющимися силами. Подавлять связь должны были пять человек, но пришлось выделить только двух: Алексея и Саманту. После этого они должны присоединиться к остальным.

Через густые заросли, мимо вражеских позиций, колонн и патрулей. Нормальные дороги для пехоты и техники. Диверсанты обязаны о них забыть.

Между голых веток проскользнули первые снежинки и закружились в белоснежном хороводе. Пройдя крутую дугу, они осядут на землю, постепенно превращая её окрас в белый. Алексей ступал бесшумно, стараясь не оставлять следов. Правда для предосторожности носки подошв его ботинок смотрели в противоположную сторону. Ох и намучались они прежде чем привыкнуть к такой обуви.

Алексей не слышал Саманту, но чувствовал, что она шагает где-то рядом. Это нельзя было назвать солдатским чутьём. Это нечто большее.

Лёша сам до конца не мог понять, почему позволил ей согласиться пойти в диверсанты. Больше всего на войне гибнет пехоты, а среди пехоты больше всего погибает разведчиков и диверсантов. Его успокаивала только одна мысль — если они умрут, то вместе и быстро. В их положении это лучший расклад.

Алексей высматривал мины, растяжки и системы тревоги. Обычно их устанавливали халтурно и даже в темноте их можно разглядеть. Но в случае Лёши, ловушку поставили грамотно и профессионально. Ставили те, чей дом — лес.

Верёвка опутала ногу Алексея и потянула того вверх. Лёша ничего не успел понять, как уже беспомощно болтался вверх тормашками.

«Зараза!», — промелькнуло в голове, как Алексей увидел движение на одной из веток.

Спрыгнув с дерева, к Лёше в плотную подошёл мальчик и с интересом разглядывал того, кто попал в его ловушку. Глядя на нечёсанные кудри и большие зелёные глаза, Алексея вдруг осенило кто перед ним.

— Здравствуй, сын, — как можно более спокойно, насколько позволяла ситуация, поздоровался Алексей.

— Здравствуй, отец, — не растерялся мальчик, ехидно улыбнувшись.

Воссоединение отца и сына летавицы приняли за добрый знак. Гоблена окружили лесные жительницы, каждая воительница не скрывала, что рада его видеть. Алексей запомнил их почти без одежды. Теперь они облачились в меховые шубы, шапки и варежки.

Но привычные перья и раскраска никуда не делись. Через много лет девушки оставались верны своим принципам. За переполохом никто не обратил внимания на Саманту. Кроме Глифи. Почти сразу летавица отвела девушку в свою хижину.

— Замёрзла? — Глифи заметила что у Саманты дрожат ноги. — Как у них хватило совести отправить вас в такой тонкой одежде? — причитала летавица и укутала девушку шубой, а затем заварила травяной отвар.

— Ты осталась такой как я тебя запомнила, — Саманта сделала глоток отвара. По телу расплылось приятное тепло.

— А ты изменилась. Никогда бы не подумала, что ты возьмёшь в руки оружие. Расскажи же, девочка моя, как ты жила? Что видела?

Саманта рассказала всё с самого начала, от того момента как покинула лес, как стала свидетелем зарождения государств, как видела подготовку к войне. О том как прошла через поля сражений, попала в Атлантику и сбежала оттуда.

— Когда мне сказали, что он погиб, у меня всё рухнуло. Я потеряла волю к жизни. Всё что я хотела — отомстить. Поэтому когда он меня вытащил из тюрьмы, я расцениваю это как чудо. Я до сих не могу поверить, что он всё-таки жив. И понимаю, что второго шанса нам судьба не даст.

— Хорошо, что это была ошибка. Вы самая милая пара, что встречалась мне за всю жизнь, — летавица слегка пригубила горячую жидкость. — А про себя мне нечего рассказать. Один лес сменялся другим. Всё время бежим и прячемся. Когда началась война, им особо стало не до нас, но мы не теряем бдительности. После того как хартийцы сожгли наше родное место и мы разлучились с вашими друзьями, Дэви согласилась с Атали по поводу поведения с чужаками. Теперь никто не подходит к лагерю ближе ста метров. Первая стрела ложится рядом с ногами, а вторая уже между глаз. Так что вам повезло, что вы попали в ловушку Марэта. Мальчик, в силу своего возраста, очень любопытен.

Марэт успокоил летавиц и отправил их на посты. Мальчику только исполнилось десять лет, но было видно, что в нём наследовался повелительный тон и лидерство матери. Жестом приказав идти Алексею за ним, лидер летавиц привёл его к небольшому обелиску. У его основания лежал нож. Алексей очень хорошо помнил кому принадлежал этот нож. Пусть прах Эстер развеяли по ветру, летавицы каждый день приходили сюда и отдавали дань памяти

— Гоблен, — обратился к нему Марэт, с грустью глядя на обелиск, — какой была Эстер?

— Она была, — Алексей задумался, — мудрой девушкой. Она могла найти выход из любой ситуации. Только не смогла позаботиться о себе.

Мальчик продолжал грустно смотреть на обелиск, затем глубоко вздохнул и слегка улыбнулся.

— Мудрая... — задумчиво повторил он. — Не скажу, что я тоже мудрый. Но летавицы всегда помогут своим друзьям. Чем мы можем помочь тебе, Гоблен?

— Связь я смогу подавить сам. Но вы можете мне помочь взять языка.

— Кого? — искренне удивился мальчик.

— Пленного. Плохого дядю.

— А-а-а, — догадался мальчик. — Тебе нужен кто-то из чужаков. Сёстры с удовольствием приведут кого-нибудь из них. Они как раз осели неподалёку.

— Отец Марэт, — прибежала запыхавшаяся Атали, — к лагерю идёт патруль чужаков.

Ваши указания?

— Вот и отлично, — широко улыбнулся Марэт. В этой улыбке Алексей узнал себя, только много-много лет назад.

— В штабе шептались, что конфи массово выпустили десант по нашим тылам, — сказал гвардеец командиру, стараясь унять дрожь в руках от холода. — Что-то происходит, а мы, как идиоты, шаримся по этим хщам.

— Обычный патруль, — успокаивал его командир. — Держи ушки на макушке и всё будет замечательно.

— Очень замечательно, — передразнил его гвардеец.

— Ты за языком следи.

— Поздно уже следить за языком, капитан. Если в Гвардию начали брать детей, — он кивнул в сторону новобранца, — всё уже поздно. И чего мы тут ходим? Ради бредней седого голове... — гвардеец охнул, дёрнулся и упал. В голове торчала длинная стрела.

— Летавицы! — взревел командир. — Все в круг!

Хлопок. Ещё один гвардеец упал замертво. Над головой просвистело несколько стрел. Из кустов выскочил конфедератский диверсант и повалил командира, приставив к горлу нож. Понимая бессмысленность сопротивления, он поднял руки.

Помимо командира в плен попал новобранец. Их вывели на заснеженную поляну. Алексей пригласил к себе офицера, а перепуганного новобранца оставил под прицелом Саманты. Развернув перед капитаном карту, Лёша начал допрос:

— Имя, фамилия, звание.

— Капитан Гвардии Константин Калунин.

— Знаешь кто мы такие?

— Те разукрашенные девы — летавицы. А ты со своей подружкой — Варшавские призраки. Её мы называем «Мелкой дрянью», а тебя «Кудрявым клоуном».

— Даже не знаю что обиднее. Но сейчас не в этом суть. Если ты, Костя, хочешь ещё покувыркаться с кем-нибудь в тёплой койке, то должен ответить на пару моих вопросов.

— Смотря какие. Вы же не ждёте, что гвардеец будет с вами сотрудничать.

— Как раз наоборот, я жду всецелое понимание и сотрудничество с представителем Конфедерации для сплочения двух враждующих сторон. И пока твои дружки не сожгли ещё один сарай с гражданским, а моя рука не дрогнула и не проделала в твоей наглой роже дырку, будь, пожалуйста, сговорчивым.

— Гвардейцы не одобряют, что творят другие солдаты и «Отряд сто тридцать семь».

— Плевать мне на твои оправдания, хартиец. Если вы безмолвно наблюдаете за тем, что творят ваши соотечественники, значит вы тоже соучастники. И должны понести наказание.

На секунду повисла тишина.

— В этом районе расположена ваша бригада, — продолжил Алексей. — Бронетехника, расквартировка солдат, склады, штабы, патрули, «сюрпризы». Покажи где это всё.

— Простите, лейтенант, я не предаю своих.

Не успел капитан договорить слова, как по поляне полилась волшебная музыка флейты. Собеседники заслушались, но через несколько мгновений музыка стихла.

— Слышал? — кивнул Алексей.

— Да.

— Это Асэди. И я много чего знаю о ней. Вы её называете «Воющей сукой». Ваши

идиоты, очевидно, восприняли её музыку за вой. Так скажи мне, хартиец, что делает Воющая сука?

— Она уродует хартийских солдат.

— Она сдирает с них скальп. Живьём. Знаешь почему она так жестока с вами?

— Я участвовал в нескольких зачистках против них. В первый раз мы убили много летавиц. А в конце поймали блондинку и люди Отто сожгли её. Очевидно она воет из-за ненависти.

— Я знаю, что это за блондинка. Это её лучшая подруга. А вы пришли и убили её. Просто так. Она имеет полное право вас презирать?

Хартиец кивнул.

— Покажи на карте где ваши позиции, — процедил Алексей.

— У нас в Гвардии есть принцип: посылать конфедератов и, особенно, Варшавских призраков. Поэтому мой ответ — пошёл нахер! Вместе со своей мелкой шлюхой!

— Что же, — вздохнул Алексей, — ты свой выбор сделал. Сэди!

— Что, Гоблен?! — отозвалось непонятно откуда.

— Тут истинный последователь дела Хартии хочет умереть за своего консула! Сделай ему одолжение!

Вновь заиграла музыка. Новобранец начал плакать, командир же невозмутимо глядел в чашу, слушая предсмертную мелодию. Асэди не спешила выходить, продолжая играть и давая хартийцу надыхаться. Летавица понимала, что самое худшее не смерть, а её ожидание. Поэтому она продолжала перебирать пальцами, медленно и бесшумно ступая по направлению к своей жертве. Капитан заслушался и не заметил как музыка смолка. Сзади послышался тихий голос, словно шелест листьев:

— Что у тебя за медалька на груди, солдафон?

— Орден верности, дикарка, — отчеканил безэмоционально он.

— И за что же его тебе дали? За убийство мирного населения?

— За храбрость, — отрезал офицер.

Асэди хищно ухмыльнулась, нежно взяла, словно цыплёнка, командира за голову и медленно провела тупой стороной лезвия по щеке капитана. Хартиец не дрогнул. Даже не моргнул. На кончик его носа упала снежинка и начала медленно таять. Это стало последним, что он увидел в жизни.

Закрыв ладонью рот офицера, летавица резким движением повалила хартийца на землю и принялась острыми клинками резать его голову. Зрачки капитана закатились, во все стороны брызнула кровь. Несколько капелек угодили на повязку Алексея, но он продолжал беспристрастно смотреть, будто просто режут свинью. Саманта не выдержала и отвернулась, а новобранец продолжал заливаться слезами, заполняя рыданием всю округу.

— На твоём месте я бы уже бежал, — прошептал пареньку на ухо Марэт.

Не в силах выдержать боли, сердце командира разорвалось. Сняв с офицера скальп, Асэди поднялась и, рассматривая новый трофей, скрылась за деревьями. Глядя ей в след и переводя взгляд на остывающий в холодном грунте труп, Алексей не сразу опомнился.

— Джульетта, веди этого. Только не прибеи его.

Испуганного новобранца с трудом удалось успокоить. Не в силах оторвать взгляд с мёртвого командира, он, заикаясь, начал отвечать на вопросы.

— Сколько тебе лет, пацан?

— Тринадцать.

— Матерь божья, они там совсем сбрендили? Да я в твоём возрасте лепил куличики, а ты уже воюешь. Но, как ты понимаешь, война для тебя закончена. И если хочешь ещё пожить, порадуй дядю Лешего. Что ты можешь интересного рассказать?

— Я многого не знаю, — заплетающимся языком начал парень. — Здесь наши казармы, — он тыкнул тонким пальцем. — Здесь основное скопление бронетехники. Здесь штаб.

— А склады знаешь где? Патрули?

— Нет. Честно не знаю.

— Уверен? А то вместо меня начнёт говорить Асэди.

— Умоляю, нет! — взмолился пацан. Алексей заметил, что хартиец обмочился. — Я действительно больше ничего не знаю. Только слышал на уровне слухов, что завтра в штаб придёт маршал Эрвин! — новобранец понял, что выболтал и закрыл рот, но было уже поздно.

— Да иди ты? Какие гости! Эй, сестрички! Слышали?! Сам маршал Эрвин! А давайте его навестим?

Со всех сторон послышался боевой клич.

— Навестим, — кивнул сам себе Алексей и ухмыльнулся. — Ещё как навестим.

По замершей земле, смешиваясь с цокотом копыт и скрипом колёс, катилось три телеги. Между ними, в зад-перёд, в вышитой крестиком рубашке и широких штанах, бегал кудрявый мальчик. Телеги забились поющими и смеющимися людьми. Музыка, песни, гигиканье. Одним словом свадьба. В головной телеге сидели молодожёны. Короткостриженный жених стыдливо прятал под шапкой глаза и не знал куда деть руки. Кудрявая невеста в свадебном платье широко улыбалась. Белая мантия спадала с головы и её приходилось поправлять, чтобы спрятать левый глаз.

Всю дорогу ведущую в штаб заполнили посты и секреты. Но процессию даже не останавливали, только желали здоровья молодым и пропускали дальше.

В округе действительно была свадьба. Только её отпраздновали неделю назад и местные жители с радостью одолжили свадебные костюмы.

Три поста преодолели без проблем. Последний же оставался перед самым штабом. Тут процессию уже никак не могли пропустить.

— Стоять! — крикнул часовой. — Это закрытая территория! Поворачивай назад!

— Солдатик, — подошла к нему рыжая подружка невесты, — отдохни от службы. Повеселись с нами.

— Ещё раз повторяю: пошли вон! — крикнул солдат и передёрнул затвор.

Глядя, что разговор не клеится, невеста потянулась на дно телеги, выжидая дальнейшие развитие событий. В какой-то момент она скривилась и сказала:

— Мне надоел этот маскарад. А тебе, дорогой?

— Тоже, — согласился он. После чего «жених», «невеста» и «процессия» достали оружие и открыли огонь.

Как только рассеялся дым от пороховых газов, «невеста» сняла мантию, надела на глаз повязку и приказала:

— Пусть связь у них и выбита, но выстрелы они слышали. Так что у нас минуты три, пока сюда не сбежалась вся первая бригада. Джульетта и Глифи — за мной. Остальные держим периметр.

Эрвина планировали взять живым. В случае сопротивления — уничтожить. А затем

раствориться в окрестных лесах.

Деревня, где расположился штаб, пустовала. На их пути не встретился ни один солдат. Это волновало Алексея. Учитывая нагрузку, в штабах должно быть сотни человек.

Во дворе здания местного управления стояло десятки машин. Лёша смекнул, что хартийцы расположились там и все трое поспешили туда. Какого же было их удивление, когда они в нём никого не обнаружили. Только пустые столы, недописанные приказы и не выветрившейся запах сигарет.

— А где все? — задал терзающий его вопрос Алексей.

— Вы пришли слишком рано, лейтенант Леший, — послышался надменный голос из соседней комнаты. — Маршал Эрвин ещё не прибыл.

Алексей побежал в комнату и застыл. Напротив него сидел Отто Крюгер и перебирал в руках фотографии.

— Лейтенант, — оскалился он, — ваши секреты слишком большие, чтобы оставаться секретами, — сказав это, он бросил ему под ноги стопку фотографий.

Алексей поднял их и опешил. На них запечатлели мёртвых членов его диверсионной группы.

— Почти все успели принять цианистый калий, — продолжал Отто. — Но подполковник струсил. И перед смертью рассказал много чего интересного. Самое главное, он выболтал, что где-то тут ошивается два Варшавских призрака. Ах, — он закатил в экстазе глаза, — Шелестович будет не в себя от радости.

Отто щёлкнул пальцами и со всех сторон на Алексея накинулись солдаты «Отряда сто тридцать семь». Лицо Лёши окутала тряпка с хлороформом. Сначала Алексей сопротивлялся, но затем его мысли стали ватными и он больше не видел смысла брыкаться. А затем и вовсе заснул.

Саманту хлестали по щекам. Каждый удар был меткий и чёткий, словно били хлыстом.

— Вставай, леди снайпер, — послышался голос, напоминавший шипение змеи. — С тобой мы сделаем великие дела.

Открыв глаза, Саманта поняла, что её накрепко придавили к бетонному полу два здоровенных солдата. Точно так же, как Алексея и Глифи. Руки связали, в нос ударила сырость, а прямо возле лица, изучая двумя миндалинами, скалился Отто Крюгер. От его холодного взгляда, у девушки бешено забилось сердце.

— Я очень много о тебе знаю, злой ангелочек, — продолжал шипеть Отто. — И я бы с радостью с тобой порезвился. Но, к сожалению, я обещал отдать тебя Мстиславу. Тем не менее на моей улице тоже праздник, — Отто, приплясывая, подошёл к остальным пленникам. — Сегодня мне попался Варшавский призрак и лесная дикарка. Впервые за долгое время, — говоря это он всё время глубоко вдыхал их запах, будто пробуя будущую жертву. — Но я не могу выбрать кого мне обработать первым. Помогите же мне. Кого? Твоего ненаглядного дружка или любящую подружку? Тебе не нужно говорить. Достаточно кивнуть в сторону того, кого ты выбрала.

Алексей молча сверлил единственным глазом пол. По синякам и ссадинам усеявших его лицо стало ясно, что Лёшу крепко обработали, прежде чем Саманта очнулась. Глифи почти не дышала, изредка глядя на Саманту. По её щекам катилось несколько капелек слёз. Саманта не желала никого выбирать, сверля взглядом Отто.

— Ты упрямая, но я тоже. Мы можем сидеть так долго, но в итоге моё терпение лопнет

и я заберу двоих. Неужели ты хочешь встретить свой конец в одиночестве?

Едкие слова Отто добрались до самых глубин сознания девушки. Саманта не выдержала и отвела взгляд. И стала думать, кому дать умереть раньше. В конце-концов какая разница, если они уже почти мертвы? Стиснув зубы, она кивнула в сторону Глифи.

— Какая прелесть, — ухмыльнулся Отто. — Тоже любишь сначала отведать сладкое? Плохая девочка. Шелестович обязательно поучит тебя правилам поведения. Но это потом. Поднимайте её!

Глифи не укоряла Саманту, только грустно смотрела до конца и прежде чем скрыться за дверью, напоследок бросила: «Прощай». Огромные солдаты покинули комнату. Последний выходил Отто.

— До встречи, кроха, — сказал Крюгер и послал воздушный поцелуй, после чего дверь грымнула и свет погас.

Даже привыкшие к темноте глаза ничего не смогли разглядеть. Сдавшись, Саманта закрыла глаза и пыталась не обращать внимания на терзающую в руках боль.

«Похоже им удалось поймать только нас. Что же, по крайней мере все остальные выживут».

— Тебе не обязательно было выбирать её, — слышался из темноты голос Алексея. — Они бы не успели начать меня пытаться. В подошве таблетка. Я бы разорвал сапог и проглотить яд.

— Я хочу побыть ещё немного с тобой. Пусть нам осталось жить несколько часов.

— Эгоистично. Но мне приятно.

— Как же они крепко связали руки. Не пошевелиться.

— Что ты хочешь сделать?

— Моя таблетка в прокладке штанов. Мы бы могли сбежать отсюда вместе.

— Самоубийца в рай не пускают, — горько ухмыльнулся Алексей. — Только мучеников.

— Не хочу мучаться. Не хочу перед смертью страдать.

— Мы причинили многим людям страдание. Теперь наш черёд. Всё по справедливости.

Связанными, они не могли даже пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы подняться и последний раз почувствовать идущее от них тепло, среди сковывающего холода. Им оставалось лишь представлять друг друга в темноте и покориться судьбе. Выход отсюда был лишь один — через пыточные машины Отто Крюгера. Это они знали ещё когда им проводили инструктаж. И чётко понимали, что никто их спасти не будет.

Во тьме подвала они потеряли счёт времени. Может прошло всего несколько минут, а может и целые сутки. Осталась лишь растекающаяся по всему телу боль, жажда и едва уловимое дыхание.

За дверью слышались нарастающие шаги.

— Вот и всё, — констатировал Алексей и в этот момент включился свет, ослепив обоих.

В комнату зашли два гвардейца и, не церемонясь, надели им на головы мешки, затем подняли и, грубо толкнув в спину, приказали идти вперёд. Алексей тихо бурчал под нос гимн Конфедерации. Он был на латинице и мало кто смог его выучить, не говоря уже о том, чтобы понять смысл. Но Лёша всё же смог осилить два куплета, и напевал строчки где свет свободы испепелит гниль тирании.

— Стоп, — прорычал гвардеец. Слышался звук открывающейся двери. — Вперёд.

Войдя, их усадили на стулья. Саманта почувствовала обволакивающие со всех сторон тепло. Подумав, что она сидит на электрическом стуле, как с неё сняли мешок и у девушки

перехватило дыхание. Напротив них, держа между пальцев сигарету, сидел Эрвин Кнут и перебирал бумаги на столе.

— Оставьте нас, — сказал он гвардейцам, не отрываясь от стола. Как только дверь закрылась, он всё же уделил внимание Алексею и Саманте. — Вы хотели меня убить, — начал он, без тени укора. — Верно?

— Смотря как бы сложилась ситуация, — буркнул Алексей, глядя из под лоба.

— Да, мне говорили, что вы, лейтенант, за словом в карман не полезете. Тем не менее я хотел бы с вами поговорить.

— А мы нет, — категорично заявил Алексей. Саманта была того же мнения. — Снайперы говорят с хартийцами только через снайперский прицел.

— Я знал, что вы не захотите со мной иметь дел. Но с ним вы обязаны найти общий язык, — Эрвин кивнул в тёмный угол.

Оттуда поднялся человек и выйдя на свет, диверсанты признали в нём Вильгельма.

— Вилли! — одновременно выпалили они, а их глаза засверкали.

— Лёха, Саманта, — без предисловий начал он, — слушайте внимательно. Этот человек знает как остановить войну. Просто выслушайте его.

— Так ты его адъютант? — заметила Саманта.

— Неужели для кого-то это новость? Ещё какие-нибудь вопросы есть?

Все молчали. Вильгельм кивнул маршалу.

— У нас мало времени, — нарушил тишину Эрвин. — А рассказать предстоит много о чём. Прежде всего я хочу вас спросить: вы хотите отсюда выйти живыми?

Алексей и Саманта несмело кивнули.

— Отлично. Значит мы договоримся.

— Чего вы хотите, маршал? — нетерпеливо спросил Лёша.

— Я хочу попросить у вас помощи, лейтенант. В обмен я сохраню вам жизнь.

— Что вам нужно?

— Скажите вашему командованию остановить готовящиеся наступление.

— Откуда?... — удивился Алексей.

— Откуда я знаю? Никто просто так не будет выбрасывать несколько сотен диверсантов в тыл. Очевидно, что вы готовитесь нас погнать обратно.

— И почему мы должны его остановить?

— Потому что оно не нужно. Мы готовы подписать с вами мирный договор, где возвращаем все захваченные земли обратно, вплоть до Прибалтийского союза.

— И консул Гвин не против?

— А консула никто не спрашивал, — вклинился Вильгельм.

— Вы что заговор готовите?

— Лейтенант, очень жаль, что мы по разные стороны линии фронта. Вместе мы бы много чего добились. Но в одном вы ошиблись. План заговора готов уже как два месяца. Единственная причина, почему этого не произошло — во время переворота Хартия будет уязвима. Этого я допустить не могу. Поэтому прошу вас отложить наступление.

— А вы сами не в состоянии связаться с нашим командованием?

— И через несколько секунд оказаться в подвале «Отряда сто тридцать семь» по статье госизмены? Спасибо, мне хватает того, что я там бываю в качестве посетителя.

— Вижу выбора у нас нет.

— Почему же? Вы можете вернуться обратно в подвал. Через час придут Малыш Отто и

Мстислав и вы погибните смертью настоящих героев. Но я думаю вы предпочитаете оставаться живыми.

— Хорошо, — помолчав, ответил Алексей, — мы согласны.

— Отлично, — расцвёл в улыбке Эрвин. — Теперь перейдём к небольшим мелочам, — он положил на стол чёрную флешку.

— Что это? — не понимал Алексей.

— Коды ядерного арсенала, — сказал Эрвин, будто это сущий пустяк.

— У вас есть ядерное оружие? — не верил своим ушам Лёша, а его глаза максимально расширились. — Но почему вы его не используете? Вы бы тогда победили в войне.

— В войнах нет победителей, лейтенант. А в ядерных — подавно. Единственная причина, почему ядерный хлам остался в шахтах — об этой флешке знает всего несколько человек и бóльшая их часть в этой комнате. Алексей, на войне бывает всякое. Наш переворот может потерпеть неудачу. А тогда коды попадут в руки консула и «Отряду сто тридцать семь». **И миру конец.**

— Вы хотите, чтобы я сохранил эту флешку?

— В догадливости вам не отказать.

— Почему вы её просто не уничтожите? — спросила Саманта.

— Потому что там к тому же хранится информация об утилизации. После войны я собираюсь провести полное разоружение всего мирового ядерного запаса.

— Что мне делать с флешкой, если вы погибните?

— Поступайте как считаете правильным. Я вижу вы человек, которому стоит доверять. К тому же Вильгельм весьма лестно о вас отзывался. А я привык доверять своей правой руке. И, между прочим, только благодаря ему вы сейчас сидите здесь.

Вильгельм лишь молча кивнул Алексею в ответ.

— Развяжи их, — приказал Эрвин Вилли.

Алексей и Саманта почувствовали желанное облегчение и свободу в руках.

— Берите, лейтенант, — кивнул Эрвин на флешку. — Она не кусается. Пока что.

Алексей покрутил в руках кусок пластика и положил во внутренний карман.

— Теперь, похоже, всё, — он взглянул на часы. — Через минуту смена караула. Вы успеете проскочить. А дальше уже дело техники.

— Спасибо, маршал. Я много каким представлял Болотного Лиса, но точно не таким.

— Болотный Лис послал тысячи мальчиков на пулемёты и должен стореть в аду. Но почему-то пока ещё жив. Ах да, — он почесал затылок, — чуть не забыл. Ударьте меня.

— Маршал, — покачал головой Вильгельм, — это не обязательно.

— Обязательно. Никто не поверит, что они сбежали и при этом даже не попытались меня покалечить. Давайте, лейтенант. Время.

Алексей и Эрвин поднялись, встав возле окна. Глядя на маршала, у Лёши сверкнула в глазах ненависть и он щедро зарядил Эрвину в глаз. Маршал рухнул у основания стены, держась за ушибленное место.

— Отличный... Отличный удар, — засмеялся маршал. — Теперь бегите. Чую кто-то будет скоро в ярости.

— Подождите, — сказала Саманта. — Глифи. Вы можете её спасти?

— Ваша подруга летавица?

Саманта кивнула.

— Она мертва. Малыш Отто, как всегда, перестарался.

Саманта несколько мгновений безэмоционально глядела на маршала и, больше ничего не сказав, открыла окно и перепрыгнула через подоконник.

— Слава Конфедерации, — отсалютовал Алексей, стоя в проёме окна.

— Ave Hartia, — ответили ему Эрвин и Вильгельм.

— Переворот? — не верил своим ушам Уинстон. — Они действительно решились выступить против консула?

— Лично маршал Эрвин, — уточнил Фридрих.

— Что им от нас нужно? Отложить наступление?

— Да, господин канцлер.

— А это не повредит нам в случае их провала?

— Ещё не все группы выполнили задание. Мы можем задержать наступление на несколько дней.

— Хорошо. Тогда откладываете. Посмотрим во что выльется их авантюра.

Венский вальс

С самого утра ударил сильный мороз. Всё, куда падал взгляд незримого волшебника, замерзло и покрывалось прозрачным хрусталём. Вот только стихия не знала, что сегодня суждено произойти судьбоносным событиям и они затмят собой всю магию зимы.

Разглядывая узоры на стекле, Эрвин методично стучал пальцами по столу. Всё распределено по минутам, но его выход на сцену ещё не скоро. Поэтому маршал решил провести последние часы затишья у себя дома. Тем более он очень редко здесь бывал.

На столе лежала большая стопка бумаг, исписанных мелкими печатными буквами. Не вникая в контекст слов, кто угодно мог подумать, что это очередные приказы. Но маршал знал, что там описаны самые яркие моменты в его жизни. Эрвин долгими ночами диктовал Вильгельму свои мысли, а верный адъютант машинально материализовывал их на печатной машинке. Скоро эти страницы уйдут в мир и никто уже этого не сможет остановить. Но маршал всё же надеялся, что миру не придётся увидеть предисловия. Его Эрвин напечатал уже сам, без Вильгельма. Ведь лейтенант сейчас выполняет ключевую роль в исполнении плана.

Листок заканчивался лозунгом: «*Ave konsyl! Ave Hartia!*». А так же большой подписью, занимающую половину листа. Предисловие служило запасным планом. Ведь солдат всегда должен иметь запасной план.

— Ваш обед, господин маршал, — вырвала Эрвина из раздумий служанка, раскладывая первое и второе.

— Спасибо, — продолжая глядеть в окно, ответил Эрвин. В его отражении проглядывался большой фингал под глазом. — Можешь сказать который сейчас час?

— Почти два часа дня, господин маршал.

— Мне нужно точное время, — холодно настоял Эрвин.

Служанка поспешила в соседнюю комнату взглянуть на часы.

«Счастливая, — подумал Кнут. — Она может как угодно говорить о времени и не бояться последствий».

— Без трёх минут два, господин маршал, — послышался голос служанки.

— Отлично. Подойди сюда, — Эрвин положил в стопку бумаг небольшую карточку, а затем всё завернул в газетный лист. — Сегодня ты свободна, — сказала он, впервые взглянув на служанку. — Только тебе нужно передать это по вот этому адресу, — маршал протянул бумажку с названием и номером улицы.

— Там знают что с этим делать, господин маршал? — удивленно спросила девушка, беря свёрток.

— Да, им всё известно.

— Хорошо, господин маршал. Я всё сделаю.

— И скажи шофёру, чтобы разогревал машину. Мне нужно скоро ехать к консулу.

— Слушаюсь, господин маршал.

— *Ave konsyl.*

— *Ave Hartia,* — служанка, бережно неся свёрток, оставила Эрвина одного.

«Вся прелесть таких людей в одном — они не задают лишних вопросов. И не суют свой нос куда не просят. Ведь она даже не подумает, что отдаёт это в подпольное издательство».

Несмотря на мороз во всю светило солнце. Его лучи искрились на белой поверхности

снега и среди свисавших сосулек.

— Элизабет, — глядя на своё отражение, прошептал Эрвин, — сейчас всё зависит от тебя и только от тебя.

— Что это? — непонимающе глядя на Эрвина, спросила Элизабет.

На столе лежала новенькая папка, но на её поверхности не осталось свободного места от печатей, помарок и грифов «Секретно».

— Прежде чем я вам скажу, — загадочно улыбнулся Эрвин, сомкнув ладони у подбородка, — откройте, пожалуйста, её на последней странице.

Лиза подчинилась. На последней странице стояла волнообразная закорючка. Но Элизабет словно ударила током.

— Это подпись Гвина, — почти сразу сказала она.

— Верно. И он расписался под своим смертным приговором.

— Что вы имеете ввиду, маршал?

— Начинаем всё сначала. План операции под кодовым названием «Венский вальс» разрабатывал весь генеральный штаб. В том числе и Отто Крюгер. Суть плана заключается в том, какие наши дальнейшие действия в случае успешного покушения на консула.

— Вы составили план переворота под видом операции направленную на его предотвращение?

— Разве не гениально? — облокотился об спинку стула Эрвин. — Гвин даже хвалил меня за бдительность. Говорил, что в жизни нужно предвидеть всё. Вот только, вижу здоровье нашего консула с каждым годом всё печальнее и он всё меньше вникает в государственные дела. Даже не ознакомился с деталями плана. А ведь мы так старались всё завуалировать. Малыш Отто всё время рядом с нами вертелся, но даже не представляет что его ждёт.

— И в чём же заключается ваш план?

— Начнём с того, без чего он не имеет смысла — с покушения.

Морозный ветер налетел на Элизабет, трепая длинные волосы и едва не вырвав из рук её изысканную сумочку. У больших дверей резиденции консула дежурили два часовых из «Отряда сто тридцать семь». Безэмоционально глядя в даль, они заставляли сто раз задуматься того, кто осмеливался потревожить Гвина во время рабочего дня. Возле здания стояло несколько гражданских. Их восхищённый взор устремился на балкон резиденции. Там, судя по слухам, находился кабинет консула. Каждый день сюда приходило несколько поклонников Гвина и ждали возле балкона. Вдруг консул выйдет и озарит их своим вниманием? Такого никогда не случалось. Всё потому что кабинет Гвина находился в противоположной стороне здания.

— Консул Гвин занимается государственными делами в понедельник, среду и пятницу с восьми до четырёх. Вот уже одиннадцать лет он добросовестно выполняет свои обязанности, ни разу не опоздав ни на минуту. Здесь мы его и поймаем.

— Кто же убьёт Гвина?

— Вы, первая леди.

— Я?! — опешила Элизабет. — Почему?

— Резиденцию консула охраняют люди Отто. И они досматривают всех без исключения. Даже меня. Вот только я слышал, что Гвин лично отдал приказ Крюгеру: «Твои амбалы не имеют права прикасаться к ней даже пальцем». Поэтому вас никто досматривать

не будет. Поэтому вы без труда сможете подобраться к Гвину.

— И как мне его... убить?

— Успокою: стрелять, резать не надо. Вам просто нужно подложить взрывчатку и убраться оттуда на безопасное расстояние.

— Почему мы не можем устранить его у нас дома?

— В самом охраняемом месте в мире? Не смешите меня, первая леди.

Элизабет поднималась по красной дорожке, расстеленной на широких ступеньках. В конце находилась проходная. Металлоискатель и ещё несколько людей Отто.

— Ваши документы, — буркнул солдат, глядя на Лизу. Поставив сумочку, Элизабет достала из куртки паспорт в красной политруке. На ней блестел золотистый лавровый венок.

— Пришли наведать консула, первая леди? — смягчился он.

— Да, — коротко ответила девушка, стараясь не смотреть ему в глаза.

— Хорошо, — он отдал паспорт. — Откройте, пожалуйста, вашу сумку.

— Простите? — у Элизабет заколотилось сердце и она с трудом сдержала наплыв эмоций.

— Сумку, первая леди, — спокойно продолжал солдат. — Мгновенное дело.

Элизабет молчала. Секунды растянулись и стали вечностью. Мир сузился до солдата, сумки и её содержимого, что требовалось показать. Ноги начали дрожать, лоб покрыла испарина, а голову занял единственный вопрос: «Что делать?!»

— Первая леди, проходите, — сказал офицер

— Да? — не веря своим ушам, спросила она.

— Простите его, — извинялся за подчинённого офицер. — Он у нас только первый день. Всего ещё не знает.

— В ваши обязанности входит посвящать ваших подчинённых во всё, офицер, — тон Элизабет был грозный, хотя тело пронизывал страх.

— Виноват, первая леди. Больше такого не повторится.

Пройдя через проходную, лицо Элизабет дрогнуло и из глаз брызнули слёзы. Сейчас она была не готова идти к консулу. Требовалось время собраться с духом.

Закрыв дверь уборной, Лиза окатила себя холодной водой. Это помогло привести себя в чувства. Затем Элизабет открыла сумку. Среди женской мелочёвки на все случаи жизни лежало две сотни грамм тротила. Рядом — детонатор. Лиза вытянула его и положила в карман пальто. Уже собираясь выходить, она мельком взглянула на своё отражение и замерла.

Полтора года подготовки стали для неё тяжёлым испытанием и это не прошло бесследно. Воспалённые глаза, впалые щёки, секущиеся кончики волос. Каждый раз, ложась спать, она боялась, что больше не проснётся. И вскоре уже не могла заснуть без снотворного. Во время прогулок с Изабеллой она чувствовала на себе чьё-то пристальное внимание, всё время ожидая, что подъедет машина «Отряда сто тридцать семь» и увезёт её, навсегда разлучив с дочерью. Когда Эрвин назначал встречи, она боялась, что к ним войдёт Гвин и его холодный взгляд будет громче любых слов.

«Какая же я ужасная мать», — подумала Элизабет и открыла дверь.

С каждым годом всё больше документов требовали подписи консула, а во время войны их количество увеличилось в геометрической прогрессии. Только несколько часов в день Гвин тратил на то, чтобы справиться со всеми документами, что обнаруживались утром на его столе. За этим процессом Элизабет и застала супруга. Обычно сосредоточенный взгляд

консула был расплывчат и Гвин явно сейчас был поглощён в свои мысли, машинально подписывая документы. Увидев Лизу, консул опомнился и отложил бумаги прочь, выдавив из себя подобие улыбки.

— Что-то срочное, дорогая? — спросил он, пристально глядя из-под круглых линз. — Дел, как всегда, невпроворот.

— У нашей дочери сегодня день рождения, — сказала Элизабет, медленно садясь напротив него. — Надеюсь, ты не забыл? — она аккуратно положила сумку возле ножки стула.

— Конечно я помню. Сегодня вернусь домой пораньше и Изабелле очень понравится подарок. Обещаю.

— Мы так давно не проводили времени вместе, — продолжала Лиза, незаметно глядя на сумочку.

— На войне так всегда бывает. Но ничего, уверен она скоро закончится триумфом Хартии.

— Да, Гвин, — улыбнулась Элизабет. — Я тоже думаю, что очень скоро.

— Тогда до вечера?

— Хорошо, дорогой. Будем ждать тебя вечером, — поднявшись и уже открыв дверь, она напоследок взглянула на него. Трудюбивый и уставший. Таков он — консул Гвин.

— Что-то ещё? — спросил он, заметив, что Лиза ещё не ушла.

— Нет. Уже ничего, — сказала Элизабет и закрыла дверь.

Лизе стоило больших усилий, чтобы не выбежать из резиденции. Свет, стены, вездесущая охрана — всё давило и выматывало девушку. Выйдя из здания и отойдя на несколько десятков метров, она начала тяжело дышать, будто ей перекрыли подачу воздуха. Несмотря на мороз, тело девушки обливало потом и пылало. Вдоволь надышавшись, Элизабет дрожащей рукой достала детонатор.

— Я люблю тебя, Гвин, — прошептала она и нажала на кнопку.

Работница аналитического отдела подняла руку, зовя к себе Владимира. Взяв из нежных рук кусок бумаги, глава аналитического отдела понял, что это шифровка. Их присылали по несколько раз в день.

Сев за стол и открыв справочник на нужной странице, он принялся методично переводить послание. Вдруг глаза Владимира округлились. Мысли перемешались. Взяв трубку телефона, он набрал коллегу из соседнего отдела:

— Василий, — подавлено проговорил он, — зайди.

Василий работал в таком же аналитическом отделе. Несмотря на то, что они сидели через стену, виделись всего несколько раз в год во время ЧП. Сегодня был как раз такой случай.

— Переведи, — протянул Владимир Василию телеграмму.

— Ты что забыл как переводить? — ухмыльнулся он.

— Переведи, — настоял Владимир.

Глаза Василия пробежались по тексту и тут его перекосило. В послании говорилось следующие: *«Командующему столичного гарнизона. Консул Гвин мёртв. Начать операцию «Венский вальс». Маршал Эрвин».*

— Что делать? — спросил Василия Владимир, когда тот пришёл в себя.

— Верхушка решила побороться за власть, — бубнил он под нос.

— Это я и без тебя понял. А что нам делать?

— Что делать, что делать... Не отвечать. Работать в штатном режиме и следить за развитием событий. А потом выберем правильную сторону.

— Ты понимаешь, что нас могут повесить?! — вскипел Владимир.

— Спокойно. Клерки служат любой власти. Если не забывают, что они в первую очередь клерки. Передавай приказ наверх.

— Операция «Венский вальс», — диктовал Эрвин Вильгельму. — Пункт первый Консул Гвин — мёртв, — Вилли перестал печатать, удивлённо глядя на Эрвина. — Пиши, — приказал маршал. — В связи сложившейся ситуации, всем войскам, находящимся в подчинении столичного гарнизона предписывается: первое — занять правительственный квартал. Перекрыть все входы и выходы. Установить блокпосты на перекрёстках. Взять под стражу парламент, Верховный суд и резиденцию. При необходимости применить силу.

— Маршал, — обратился Вильгельм, — почему в списке нет Бюрократического аппарата?

— Потому что в этом нет смысла. Они и так выполняют любой приказ. Второе — известить генеральный штаб. Созвать заседание. Ждать дальнейших указаний.

Вильгельм нетерпеливо смотрел на наручные часы. Минутная стрелка показывала тридцать одну минуту. Взрыв должен был произойти шестьдесят две секунды назад. Но его не было. Либо у Элизабет возникли проблемы, либо она почему-то медлила. И неопределенность выводила Вильгельма из себя.

Но вот прогремел взрыв. Взрывная волна заставила пригнуться стоящих у стены гвардейцев. От эпицентра взрыва разбежались испуганные жители Киевуса.

— За мной, — кивнул гвардейцам Вильгельм и быстрым шагом пошёл к резиденции.

В столице в подчинении у Вильгельма находился батальон Гвардии. Чтобы не терять драгоценное время, батальон был разделён на три отряда и ждал начала операции. Остальному гарнизону лишь оставалось занять район. Всю работу сделает Гвардия.

Две колонны солдат быстро приближались к горящему зданию. У входа стояли опешившие солдаты «Отряда сто тридцать семь» и смотрели на бьющий из окна огонь. Увидев идущих прямо на них гвардейцев, они вскинули оружие, но поняв, что численный перевес не на их стороне, подняли руки вверх.

— Зачистить здание, — приказал Вильгельм. — Всех, кто будет оказывать сопротивление — устранить.

— Так точно, лейтенант, — подчинились гвардейцы и начали забегать в здание.

К резиденции подъезжал легковой автомобиль. Из него вышел генерал воздушных войск Левандовский и быстрым шагом направился к Вильгельму.

— Вы точно по графику, генерал, — улыбнулся Вилли, отдавая воинское приветствие.

— Ave konsyl, — с иронией в голосе проговорил Левандовский, глядя на огонь.

— О мёртвых либо хорошо, либо ничего.

— И то верно, — согласился генерал. — А вот и виновница погрома, — сказал он, глядя на идущую к ним Элизабет. — Первая леди, взгляните вместе с нами на покойника?

— Я, пожалуй, откажусь, — в этот момент из здания донеслось несколько выстрелов, от чего девушка вздрогнула. — Идите без меня. Я подожду маршала.

— Как скажете, первая леди, — пожал плечами Левандовский.

На проходной гвардейцы повалили лицом вниз охрану, направляя оружие прямо на их

затылки. Коридор заволокло дымом. Этажом выше шла перестрелка. Но путь к кабинету консула был свободен. Вильгельм и Михаил поспешили туда. Вооружившись огнетушителями, они открыли дверь и принялись тушить пламя, охватившее весь кабинет. Через несколько минут огонь удалось изолировать и потушить. В покрывшейся в копоты комнате, в дальнем углу лежало обгоревшее тело. Ноги оторвало и разбросало в разные стороны. На трупе не оставалось места, куда бы не добралось пламя. Линзы лопнули, осталась лишь оправа. Только это давало возможность понять, что перед ними действительно лежал консул Гвин. Даже полностью сгоревшим консул внушал присутствующим страх.

— Это что же, — глядя на труп, говорил Левандовский, — он действительно мёртв?

Вильгельм выхватил пистолет, где на корпусе выбили надпись «Моё сердце бьётся ради консула» и сделал два выстрела. Один в грудь, другой в голову.

— Теперь точно, — сухо констатировал Вилли.

Подойдя к выбитому окну, Вильгельм вдохнул холодный воздух и сладко улыбнулся. Впервые, за долгое время, он почувствовал удовольствие.

«Так вот она какая — месть».

По дороге подъезжал ещё один автомобиль. Это был маршал Эрвин.

— Пункт второй, — продолжал диктовать Эрвин. — Формирование временного правительства. Первое — гарнизону предписывается изолировать и арестовать всех заговорщиков.

— Маршал, но ведь заговорщики мы.

— Верно. Поэтому будет брошена дезинформация, что покушение организовал «Отряд сто тридцать семь». Отто Крюгер пытается узурпировать власть. Второе — генеральный штаб обязан сформировать временное правительство и исполнять полномочия консула до вступления на должность наследницы Изабеллы. Если наследнице не исполнилось пятнадцать лет, регентские обязанности уполномочена исполнять первая леди Элизабет.

Когда-то во главе стола сидел консул Гвин. Сейчас его место занял маршал Эрвин, а рядом с ним сидела Элизабет. Маршал окинул взглядом присутствующих и спросил:

— Где Каминский? Эрик сейчас взял на себя весь фронт, но где чёртов Вольдемар?

— Он передал, что скоро будет, — ответил Ковальчук.

— Хорошо, начинаем без него. В первую очередь нам нужно взять под контроль все столичные округа. Тогда, считайте, вся Хартия у нас в руках. Но для этого нужно юридическое оформление временного правительства. Анджей, это твоя головная боль. Первая леди, в семь часов вечера вы обратитесь к народу. Соответствующий текст мы подготовили.

— Хорошо, маршал, — с грустью в голосе ответила Элизабет.

— Дальше...

— Господин маршал! — прервал его ворвавшийся Вильгельм. — Войска гарнизона не выдвинулись в правительственный квартал. Все остались на своих местах.

— Зараза, — прошипел Эрвин и пошёл к телефону. — Подполковник, — рычал маршал, — какого чёрта ты игнорируешь мой приказ! В стране переворот!

— Маршал, спокойно. Просто неудавшейся покушение. Крюгер сказал, что ситуация под контролем.

— Отто значит, — Эрвин положил трубку. — Меня от Мальша Отто уже тошнит.

Вильгельм, возьми роту и арестуй его. Если крысёныш попытается сбежать — пристрели. А я пока буду говорить с гарнизоном.

— Слушаюсь, господин маршал.

Не успел Вильгельм выйти, как его чуть не сбил с ног вбежавший Каминский.

— Эрвин, какого чёрта ты творишь?! — задыхаясь, завопил генерал.

— спасаю страну.

— Но ведь консул жив!

— Он мёртв, — категорично заявил Левандовский. — Я лично убедился в этом.

— Я с ним пол часа назад говорил по телефону! Консул жив! Он жив! А вы все покойники!

— Он не в себе, — сказал Эрвин. — Уведите его.

Гвардейцы уводили генерала, но он продолжал твердить, что консул Гвин жив. Его крик ещё долго разносился по коридору.

— Что на это раз? — спросил зашедший Василий.

— У меня два приказа, — говорил изрядно удивлённый Владимир. — Один от маршала Эрвина на арест Отто Крюгера. Второй... от консула Гвина.

— Задержка? — предположил Василий.

— И речи быть не может. Приказ издан пять минут назад.

— И что там?

— Арест маршала Эрвина.

— Дела... — вздохнул Василий.

— Что теперь, коллега?

— А теперь выбираем.

— Кого?

— А здесь не угадаешь. Поймёшь уже после того как решил. Но и отказаться от выбора нельзя. Тогда точно не сносишь головы.

Владимир задумчиво посмотрел на висящей возле двери портрет. Оттуда на него суровым взглядом смотрел консул Гвин.

— Хорошо, — решил он. — Отдаём приоритет приказам консула и задерживаем приказы маршала.

— Уверен?

— Да. Всё, уйди с глаз.

— Пункт третий, — продолжал маршал. — Продолжение войны.

— Простите?

— Сейчас всё поймёшь.

Третий пункт оказался самым долгим. Он делился на несколько десятков подпунктов, говоря о дальнейших действиях каждого из родов войск. Почти все они не несли в себе ничего важного, касающегося переворота. Кроме двух: связи и снабжения. Поставленные Эрвином командиры связи, под видом взлома каналов Конфедерации, должны были выйти с конфедератами на связь и запросить переговоры. В это же время Анджей Ковальчук начнёт посылать приказы в части снабжения. Их суть сводилась к одному — саботаж. Таким образом уже через несколько дней ни одно из подразделений не будет в состоянии вести активные боевые действия, тем самым части сами того не подозревая начнут прекращение

огня. Этими приказами и заканчивалась операция «Венский вальс».

— Это гениально, маршал.

— А ты думал мы просто так в штабе свой хлеб едим? — усмехнулся Эрвин. — Конечно, это не самый дерзкий переворот, что знала история. И в нём есть несколько слабых мест. Но ведь слабость вовсе не слабость, если о ней никто не знает, верно?

За окном высаживались гвардейцы. Вильгельм указал командиру отряда Гвардии где был кабинет командира «Отряда сто тридцать семь». Увидев их, Отто Крюгер зарядил пистолет, набрал на телефоне номер и положил трубку на стол. Затем принялся терпеливо ждать гвардейцев. Если ничего не получится, он просто пустит пулю себе в висок.

Дверь открылась и в кабинет зашёл гвардейский командир.

— Глава комитета безопасности, мне приказано вас арестовать.

— Я знаю, младший лейтенант, — спокойно ответил Отто. — Но прежде чем это сделать, поговорите по телефону, — он протянул гвардейцу трубку.

— Чего вы хотите?

— Чтобы вы вспомнили воинскую присягу.

Гвардеец взял трубку и прислушался. Несколько секунд в трубке был лишь белый шум, но затем прозвучал холодный тон:

— Вы узнаете мой голос?

— Да, — гвардеец побледнел. — Да, господин консул.

— Отлично. Теперь слушайте мой приказ. Возьмите всех предателей живыми. Гарнизон уже поднят по тревоге и окружает заговорщиков. Ваша задача произвести арест.

— Слушаюсь.

— Ave konsyl.

— Ave Hartia.

Гвардеец дрожащей рукой положил трубку.

— Вы слышали приказ консула. Возьмите предателей.

Гвардеец ничего не ответил и, едва держась на ногах, вышел.

«Ещё поживём», — подумал Отто и поставил пистолет на предохранитель.

— В чём дело? — спросил у подавленного командира Вильгельм. — Где Крюгер?

— Простите, лейтенант. Но я давал клятву консулу, а не вам.

Вильгельм не успел ничего понять, как гвардейцы скрутили его и усадили в машину.

— Спикер не желает сотрудничать? — спросил маршал по телефону.

— Да, твердит как попугай, что верен только консулу.

— Тогда прострелите ему ногу и нажмите на рану. Посмотрим как далеко заходит его верность.

В этот момент в трубке зашерудело и связь пропала.

— Алло? Чёрт, выбило.

Маршал не знал, что в сейчас в столичный пункт связи ворвался «Отряд сто тридцать семь» и приказал перекрыть линии правительственному кварталу.

— Где Вильгельм? — рычал Эрвин. — Где его носит?

На улице послышался рокот бронетехники. По заснеженной брусчатке застучало сотни сапог. Затем через громкоговоритель прозвучало:

— Заговорщики! Вы окружены! Выбросите белый флаг в знак капитуляции и консул Гвин вас пощадит!

Громкоговоритель продолжал горланить на улицу. Сотни солдат, оцетинившись оружием, целились в сторону резиденции. Среди них маршал разглядел отряд гвардейцев, который послал арестовать Отто. Ничего не сказав, маршал направился в сторону выхода.

— Вы куда? — с дрожью в голосе спросила его Элизабет.

— В первую очередь это мои солдаты. А потом уже консула.

Дверь открылась и оттуда, закрепив руки за спиной, медленно вышел маршал.

— Внимание! — крикнул командир и все прицелились в сторону Эрвина.

Маршал, презренно улыбнувшись, смотрел на знамя гарнизона.

— Больше десяти лет назад, — начал Эрвин, — вы под моим руководством брали этот город. В те славные дни истории нашего государства мы начали строить самое лучшее место во всём мире. Но что с вами стало? Почему мои солдаты стали кровожадными убийцами и в тоже время бесхребетными трусами? Почему вы с радостью готовы закрыть собой пулемётную амбразуру, но не можете задуматься зачем вам это делать? Если я не смог привить вам этого, значит я плохой маршал. Что же, раз вам приказали меня убить — вот он я. Стреляйте.

Один из гвардейцев не выдержал взгляда Эрвина и упал в обморок. Другие солдаты переглянулись, а затем один за другим опустили оружие. Многие смотрели в землю, словно пристыженные дети. Навстречу маршалу вышел гвардейский командир.

— Господин маршал, — опустив взгляд, начал он, — пожалуйста, сдайтесь.

— А если нет?

— Если вы не сдадитесь, нам ничего не останется как перейти на вашу сторону. Да, мы те кто с вами с первых дней зарождения Хартии. Но сколько тех, кто искренне верит консулу? Если мы перейдём на вашу сторону — это гражданская война. А тогда Хартии конец.

— Но ведь консул мёртв.

— Маршал, клянусь своими погонами, что слышал его голос по телефону.

— Что же, тогда Хартии в любом случае конец, — сухо констатировал Эрвин, а затем протянул гвардейцу своё табельное оружие. — Вот мой последний приказ: арестуйте меня, младший лейтенант, — говоря это маршал вытянул руки, ожидая когда их закуют в наручники.

В миниатюрной беседке двое детей пили чай. Девочка благородным движением руки подносила чашку, при этом глядя замороженным взглядом на мальчика. Рядом, держа чайник в руках, стояла служанка, готовая по первой команде наполнить чашки. Перед большим особняком, на газоне, двое лордов играли в крикет. Их жёны, облачённые в роскошные платья, сидели в саду и обсуждали последние сплетни светского общества.

— Они не сильно похожи, — объясняла Изабелла, переставляя куклы. — В книге я их представляла совсем по другому. Знаешь на кого больше похоже главные герои?

— На кого же? — поинтересовались у девочки.

— На тебя с мамой. Я думаю вы так и познакомились. Когда пили чай в беседке.

— Ты почти угадала.

— Папа, — девочка загрустила.

— Что такое?

— Не убивай, пожалуйста, маму.

Гвин не ответил, глядя на беседку, где две куклы пили чай.

— Хорошо, — сказал он, не проронив ни грамма эмоций. — Сделаю всё возможное.

Его создали ещё в семнадцатом веке, в одной из пыточных испанской инквизиции. Он переходил из рук одного палача к другому, пока не очутился на землях Речи Посполитой. Вскоре его убрали из орудий пыток и он стал достоянием музея. Но Отто Крюгеру так пришёлся по душе Ведьмин стул, что он приказал немедленно изготовить один экземпляр.

Когда гвардейцы отдали маршала «Отряду сто тридцать семь», последнее, что он помнил, как ему вкололи снотворное. Очнулся он в тёмном подвале. Шею, руки и ноги скрепили стальными пластинами. В нос ударил запах крови. Эрвин почувствовал, как от холода дрожит всё тело. Неудивительно, ведь его полностью раздели.

— Подъём, маршал, — послышался шипящий голос. На потолке включилась лампочка и под её свет вышел Отто. Он методично стучал бейсбольной битой по бетонному полу.

— А я знал, что допрос будешь вести ты, — ухмыльнулся Эрвин. — Решили сразу выпустить плохого полицейского?

— В «Отряде сто тридцать семь» нет хороших полицейских, — сказав это, Крюгер с размаха ударил маршала по ноге.

— Ух, — скривился Эрвин. — Не идёт тебе эта бита. Максимум какой-нибудь короткий хлыст.

— Я её купил специально для вас, маршал, — второй удар пришёлся по голове.

— Допрашиваемого нельзя бить сразу в голову, — Эрвин сплюнул сгусток крови. В глазах двоилось. — А то он теряет и ничего не может ответить.

— Говори, ублюдок: почему предал консула? Дело Хартии?

Маршал рассмеялся.

— Я похож на клоуна?

— Знаешь, Малыш Отто, я тебе завидую. Не знаю как ты, а я приказов во благо деле Хартии навывполнялся. Достало. Я заметил, что все войны, даже те, которые я вёл, сначала заканчиваются тупиком, потом катастрофой, а затем перемирием и переговорами. Глядя на то что мы творим, невольно задашь вопрос: на кой ляк мы нагромодили такие горы трупов? Ведь и без этого нормально жили. Но почему-то нам позарез надо было лезть всё дальше и дальше. И вот мы вышли на свой максимум. На фронте стратегический тупик. И скоро, Малыш Отто, приклад конфедерата вежливо постучится тебе в двери пыточной.

Крюгер ничего не ответил. Только сломала Эрвину несколько рёбер, от чего маршал с трудом начал дышать.

— Раз в неделю я нахожу в своём почтовом ящике письмо, — продолжал Эрвин. — Мне его пишут матери, сёстры, жёны. Смелые девушки. Все письма сводятся к одному вопросу: «Почему умер мой брат, муж, сын?» Я несколько раз пытался ответить. Но так и не смог. Потому что ответить нечего.

— Бабе неположенно задавать вопросы. Её обязанности не выходят дальше кухонной плиты. Если бы наша ненаглядная первая леди это уяснила, не случилось бы сегодняшнего инцидента.

— Я знал, Крюгер, что у тебя проблемы с женщинами. Но чтобы настолько, — маршал засмеялся ещё громче.

Отто вскипел и принялся лупить Эрвина безостановочно. Звуки ломающихся костей смешались с рычанием Крюгера и стонами Кнута. Несколько раз маршала рвало прямо на себя. Так продолжалось до тех пор, пока бита не сломалась по полам.

— Последний вопрос, — часто дыша, сказал Отто. — На кой ляк ты выпустил Варшавских призраков?

— Ох... — Эрвин едва держался в сознании. Из носа ручьём текла кровь. Левую кисть разmozжило и она отвалилась. Из голеностопа торчала кость. — Они же сами... убежали...

— Не носи чепухи. Нахрена ты их к себе привёл?

— Сюрприз, — с трудом оскалился Эрвин. Во рту между зубов зияло несколько дырок. — Скоро ты всё узнаешь.

Деревянные доски прогнили. Несколько провалились на нижний этаж. Скрипучий диван окончательно развалился и покрылся толстым слоем пыли. Стёкла единственного окна заволокло грязью, закрывая простилавшийся за ними вид. Но голуби всё равно оставались верны этому месту, живя здесь целой стаей.

Голубя принято называть птицей мира, но Элизабет никогда не понимала кому пришла в голову идиотская мысль наделить эту птицу миролюбивыми качествами. Она несколько раз видела как более сильный голубь наседали на слабого и начинали клевать ему голову, до тех пор пока не добирался до мозга. Медленно, уверенно, хладнокровно. Мирными намерениями там и не пахло.

Скрипя половицами, на чердак медленно взобрался консул Гвин. Облокотившись об стену, он долго будет смотреть на Элизабет и это молчание оглушало громче любого крика. Гвин ожидал, что Лиза отведёт взгляд, но ошибся. Первая леди с гордо поднятой головой смотрела на него в ответ. Страшно было, когда на кону стояла судьба Хартии. Сейчас, когда всё потеряно, она не уступит в своей последней схватке.

— Это действительно ты, — с долей удивления прокомментировала Элизабет.

— Верно, — кивнул консул и поправил очки. — Но сегодня я узнал, что оказывается у меня другая супруга. Подлая, безнравственная и неумеющая держать слово. Ну и ну. Мне больно.

— Ты по этому специально меня сюда привёз? Чтобы почитать мораль?

— Не смог отказать в удовольствии.

— Так ответь же, как тебе удалось выжить? Ни за что не поверю, что твоей власти подчиняется ещё и смерть.

— А ты подумай. Хорошенько. Ты же умная девочка. Глупая не решилась бы на такой шаг.

Элизабет долго вглядываясь в лицо Гвина и вспомнила, что тогда у него на щеке не хватало родинки. Линзы ничего не увеличивали. А из-под белоснежных волос выглядывало два тёмных волоска. Всё это она уловила ещё тогда, но липкий страх напрочь заглушил все мысли.

— **Двойник**, — сокрушённо протянула она.

— Молодец. Сегодня он меня заменял, а я решил сделать тебе и дочери сюрприз. Каково же было моё удивление, когда я застал только Изабеллу. А затем звонок Отто расставил всё на свои места.

— И долго у тебя двойник? Надеюсь, ребёнок всё же от нас?

— Не говори ерунды. Какое счастье, что Изабелла сейчас нас не видит.

— Девочка не заслуживает таких родителей. А мы совершенно не заслуживаем семьи. Те, кому государство важнее родных.

Гвин ничего не ответил, достал белый листок и ручку, а затем протянул Элизабет.

— Чего ты хочешь? — удивилась девушка.

— Пиши просьбу о помиловании. На моё имя. Напиши, что тебя заставили участвовать в перевороте. Угрожали убить дочь. Пару строк и я закрою глаза на всё, что ты натворила в этот день.

Элизабет взяла листок, несколько секунд смотрела на него, после чего отбросила прочь.

— Ты понимаешь, что если ты попадёшь в руки Крюгера, мне тебя уже не удастся вытащить?

— Да.

— Тогда что ты творишь?

— Гвин, — она серьёзно взглянула на него, — когда в последний раз ты ходил по своему государству пешком? Без охраны? Как тогда, когда ты спас меня?

— Слишком много начало стоять на кону и я перестал этим заниматься.

— Если бы ты по чаще покидал Киеву, то увидел бы что за ним происходит. Люди работают на фабриках и заводах день и ночь, чтобы содержать твою армию и столицу. Они не увидят ничего прекрасного, не смогут подумать ни о чём умном и никогда не попробуют ничего вкусного. Сотни километров Хартии под контролем бандитских шаяк. Во многих районах начинаются голодные бунты. А о том, что происходит на фронте, я даже не желаю заикаться. Я просила тебя этого не начинать. Ты отверг все мои просьбы. И не оставил мне иного выбора.

— Ты действительно веришь, что моя смерть спасла бы Хартию?

— Да, дорогой. И даже так я продолжаю тебя любить. Но сейчас уже слишком поздно. Отто Крюгер взял в свои руки слишком много власти и даже если бы ты хотел что-то изменить, он тебе не даст этого сделать. Тебе остаётся смотреть как всё рушится. Даже с талантливыми мальчишками из штаба твой поход был обречён. А сейчас и подавно.

Всё время Гвин молча смотрел на Элизабет, затем поднял листок и снова протянул первой леди.

— Ради Изабеллы, — прошептал он.

— Она вырастит хорошей девушкой. Но без нас.

Гвин, испепеляя взглядом Лизу, разорвал листок на куски.

— Прощай, первая леди, — холодно сказал он, уходя.

— Прощай, консул Гвин, — ответила она в след. — Прощай, дорогой, — прошептала Лиза и заплакала.

Спускаясь, ногу Гвина пронзила нестерпимая боль, от чего он рухнул на пол. Душа, лишившись самого важного, требовала заполнить образованную пустоту.

Немедленно.

Вильгельма избивали несколько дней, но он так и не проронил ни слова. Били умело и профессионально, чтобы больно, но не смертельно. Поняв, что так ничего не добиться, Вилли перевели в другую комнату.

Его привязали к столу, зафиксировали голову, а в глаза вставили крепления, лишив возможности моргать. Будто демонстративно на потолку включили свет. Вильгельм увидел над собой большую конструкцию, откуда выглядывало два тонких дырокола. В этот момент конструкция загудела, зубила завертелись и стали медленно опускаться, прямо напротив глаз.

И тут Вильгельма облепил страх. Он дёргался, вопил, умолял, готов был сделать всё что

угодно, только бы от него убрали те два дырокола.

— Стойте! Я всё скажу! Я знаю... знаю, где коды ядерного оружия!

Вольдемара Каминского и Эрика Бласковича разжаловали, лишили всех наград и почестей, после чего отправили на передовую. Анджея Ковальчука отправили на двадцать лет в место лишения свободы, без права досрочного освобождения. Эриха Дёнеца лишили всех посмертных почестей. Правосудие Хартии достигнет кого угодно даже после смерти. Михаил Левандовский не выдержал пыток и перерезал себе вены. А Эрвину Кнуту и Элизабет был один вердикт — высшая мера.

— Возмутительно, — гневался карлик в судебной мантии, — как свора офицеров, у которых консул увидел талант и взрастил, обратила свои клыки против него! Что вы можете сказать в своё оправдание, первая леди? Хотя, уже не первая и не леди.

— Что касается моего приговора, — спокойно начала Лиза, — то я вижу в нём одну юридическую и три орфографических ошибки. Что же касается вас, слуги Хартии, то через несколько месяцев обозлётный и обманутый народ сам снесёт вас. Но он, в отличие от нас, никого из вас не пощадит. Вас просто потащат по мостовой к ближайшей свалке. Туда, куда вам самое место.

— Увести!

Элизабет повесят в последних числах декабря. До этого Отто Крюгер вдоволь с ней нарежется и устранил, дабы избежать возможности её попадания в руки конфедератов. Тогда до конца войны оставалось несколько дней.

Помимо военной верхушки в перевороте участвовало две сотни офицеров. Вычислить удалось лишь три десятка и над ними провели отдельный военный суд. В основном выносили смертные приговоры. Нескольких отправили в штрафной батальон. Вильгельму оглашали приговор последним. С трудом стоя на ногах, заточённый в кандалы, он ждал когда наконец-то весь фарс закончится и придёт спасительная пуля.

— Говорят, человек показывает своё истинное лицо только когда его ни в чём не ограничивают. Интересно, какое же истинное лицо у тебя? — прошла томительная минута, после чего голос продолжил. — Лейтенант Вильгельм Миклонский. Герой Восточной войны. Убийца. Насильник. Военный преступник. Предатель. Несмотря на всё вышесказанное, нам ещё пригодятся твои услуги. Мы знаем, что для тебя это хуже смерти.

— Приклад к ноге! — рявкнул фельдфебель.

Гвардейцы, как один, подчинились. У многих по щекам текли слёзы, но никто не проронил ни звука. К стенке подвели Эрвина. С мундира сорвали погоны и все награды. Левую руку перемотали грязной тряпкой. На распухшие ноги не налез ни один сапог и Кнуту пришлось идти босиком. На Эрвина пытались надеть мешок, но он отказался, желая смотреть в глаза своим убийцам до конца.

Эрвин спокойно взглянул на расстрельную команду. Среди них были солдаты с первых дней служивших вместе с ним. Эрвин сбился со счёта сколько раз устраивал перед ними показательные казни. Теперь настал черёд провести казнь над ним.

— Целься! — продолжил фельдфебель. — Пли!

Но никто не нажал на курок.

— Я сказал «пли»!

— Простите, господин фельдфебель, — сказал один гвардеец. — Мы не можем.

Фельдфебель прекрасно понимал гвардейца. Он сам не мог поверить, что руководит расстрелом маршала.

Эрвин ухмыльнулся. Такой расклад его не устраивал. Если его сейчас не пристрелят, о офицерской чести можно забыть.

— Спокойно, фельдфебель, — сказал Эрвин. — Давайте я попробую.

Офицер лишь кивнул.

— Приклад к ноге! — гвардейцы с трудом выполнили приказ Эрвина. — Помните, что кому-то из вас дали холостую обойму. Так держитесь же за эту мысль!

— Маршал... — заливался слезами гвардеец.

— Где ты увидел маршальские погоны? Сейчас меня может избить обычный рядовой и ему за это ничего не будет. А вы, элита Хартии, не в состоянии меня пристрелить?

Гвардейцы ничего не ответили.

— Целься! — Эрвин высоко поднял голову. Солнце гладило его лоб, а ветер запутался в шелковистых волосах, измазанных кровью. — Пли!

Когда Эрвину было пять лет, он очень сильно провинился, чем нарвался на гнев отца. Закончив нравоучения, он сказал единственную фразу, которую Эрвин запомнил на всю жизнь:

— Поступай всегда так, чтобы другие могли ставить тебя в пример. Понял?

Пули угодили в грудь, пронзив сердце. Эрвина откинуло к стене и он осел, медленно закрывая глаза.

«Да, отец», — подумал Эрвин, прежде чем испустить дух.

Книга заканчивалась документом, где значились приказы операции. Вздохнув и потянувшись, Освальд перевернул последнюю страницу. За форзацем оказалась вложена карточка, на которой карандашом нарисовали портрет Элизабет. Ценная находка, учитывая, что Хартия уничтожила почти все изображения, где фигурировала первая леди.

Тонкие черты лица, длинные роскошные волосы, приподнятая голова и взгляд, заставивший Освальда содрогнуться. Кем же всё-таки была первая леди Элизабет? Через двадцать лет на это уже никто не мог ответить.

Выключив лампу, Освальд понял, что уже глубокая ночь. Он планировал тут же взяться за доклад, но усталость взяла своё и он пошёл к кровати. Слишком много информации за один вечер и требовалось время, чтобы она улеглась в голове.

Этажом выше кто-то включил граммофон и заиграла классическая музыка. Через тонкие стены она с лёгкостью пробивалась в комнату Освальда.

«Венский вальс», — промелькнула мысль и Освальд провалился в сон.

Ода к радости

Отбрасываемая облаком тень петляла между крыш игрушечных домов Риги. По вымощенной в каменную плитку улице несколько детей играли в догонялки. Сейчас водила девочка, но, не в силах догнать своих сверстников, злилась и смешно надувала губы, однако продолжала упрямо бежать. Дети пробежали мимо девушки с коляской. Молодая мама неспешным шагом выгуливала недавно появившейся на свет чадо.

Сквозь облако, оглушая свистом, вылетел истребитель. Сокол Левандовского сделал короткую очередь по улице и сбросил бомбу. Болванка разорвалась рядом с коляской. Один из выпущенных патронов угодил в девочку, разорвав грудную клетку. Ребёнка порядком протащило по каменной плитке, поверхность которой стала алой.

По улице прошёлся истошный вопль. Молодая мама склонилась над разорванным в ключья младенцем, водя руками в месиве, будто пытаясь что-то исправить. Словно медведица, потерявшая медвежонка, на её лице смешалось отчаяние и ярость. Всё, что она могла — продолжать водить руками по тому, что осталось от её дитя.

— Господин майор, — послышался нежный голос. — Господин майор, просыпаетесь.

— Что такое, сестра София? — ещё не отойдя от сна, спросил Ян.

— Вас вызывает полковник. Срочно.

— Понял. Уже бегу.

Покинув утроб спального мешка, Ян быстрым шагом вышел из палатки и направился в блиндаж, где расположился штаб. В блиндаже царил небывалый аврал. Взъерошенные адъютанты принимали приказы и пулей вылетали из штаба. Командиры спешили к своим подразделениям. Радисты без умолку вели радиопереговоры. Буткевич ознакомлялся с полученным сверху приказом. Йорис буквально светился от счастья.

— Началось, — кратко ответил подошедшему Яну полковник.

— Во сколько? — не веря своим ушам, спросил майор.

— Через два часа. Готовь своих людей. Будешь на острие атаки.

— Как обычно, — вздохнул Ян.

— Что с тобой? — с беспокойством взглянул на него Буткевич. — Что с лицом?

— Мне снилась та самая коляска.

Буткевич помрачнел.

— Когда я ещё был обычным сержантом, — вскоре начал он, — мы держали оборону южнее Риги. Одна пехота. Без поддержки. Почти без противотанковых средств. И тут на нас едет танковый батальон. Все испугались. А у меня перед глазами та коляска. И я вдруг стал таким злым. Никогда ещё не чувствовал в себе такую злобу, — Буткевич закрыл приказ и отложил в сторону. — Атаку мы отбили. Очевидно они не знали сколько нас на самом деле, иначе просто бы смяли числом. Но тогда я понял, что рано или поздно Хартии конец. И вот этот день настал.

— Великий день.

— Именно, — оскалился Буткевич. — Пошли. Водечка говорил, что подготовил сюрприз.

Бригадир, чеканя шаг, встал напротив оркестра, вытянувшись как струна. Возле каждого инструмента поставили микрофон, усиливая с помощью колонок звучание настолько, что было слышно на хартийских позициях. Перед оркестром стоял хор, а по бокам четыре

солиста. У каждого был свой тембр голоса.

— Водечка, — опешил Буткевич, — с минуты на минуту наступление! Ты что творишь?

— Полно, полковник, — Нестор достал дирижёрскую палочку. — Война подходит к логическому концу. А искусство вечно, — сказав это, он взмахнул правой рукой.

Из инструментов вырвалось величественное сонатное аллегро. Начинаясь с едва слышного гула, постепенно взращиваясь и утверждаясь во что-то прекрасное, от чего душа покидало тело и вздымалась вверх. Словно вспышки молний, мелькали короткие мотивы струн. Они начинали крепнуть, в итоге образовав тему сурового минорного трезвучия. Затем весь оркестр взорвался в унисон.

Но пребывание мотива на вершине коротко. Он скатывается вниз, копя силы на новый решительный бросок. Громовые раскаты, резкие аккорды, пылкие sforцандо олицетворяют долгую борьбу. Между ними слышен тихий отголосок светлого звучания, словно едва теплящаяся надежда. Нежное пение двух духовых впервые олицетворяет брезжащее впереди счастье. Несмотря на общую подавленность, мажорный лад смягчает скорбную атмосферу, не давая поддаться унынию. В заключении первой партии идёт долгое, дающиеся с трудом нарастание, олицетворяя первую победу, за которую пришлось дорого заплатить.

Дальше шла мажорная переключка оркестра. Внезапно всё сорвалось в пропасть. Словно шум волн, нарастает и утихает музыка, рисуя жестокие битвы с горечью поражения и тяжёлыми потерями. Невольно может показаться, что силы света дрогнули, неумолимо уступая тьме. Всю партию идёт минорная тональность, изредка разбавляясь мажорными нотками, будто отголоски далёкой и недостижимой победы. Медленно, но верно, начинает крепнуть надежда. Но вдруг — трагедия. На фоне мрачной гаммы играет траурный марш. Однако ничто не способно сломить дух и всё завершается оглушающим звучанием главной темы.

Следующая экспликация начиналась в быстром темпе, в виде фугато. Единый, решительный, молниеносный ритм пронизывал даже самое каменное сердце, затрагивая самые нежные душевные струны. Мимолётно просыпается параллельная тема. Словно пляски, в ней угадывается будущий мотив радости. Ритм, перебивки, модуляции, неожиданные паузы, соло литавр — всё смешалось воедино, словно подготавливая слушателя, многократно повторяясь. Один раз повторилась тема из первого раздела, будто о чём-то напоминая.

Финал начинается фанфарой страха. На встречу ему выходит речитатив виолончелей и контрабасов, как будто бросая вызов произволу. За фанфарой страха начинает едва улавливаться начало симфонии, затем — мотив скерцо, а напоследок три акта адажио. После чего снова играют духовые. Но теперь они звучат дерзко и смело. Выбрав верное направление, они переходят в тему радости. Им на помощь приходит соло виолончелей и контрабасов. Ликование радости обрывается новой фанфарой страха. Но это его последний вздох перед смертью, служащим напоминанием о той отчаянной борьбе. И наконец-то слово берут солисты:

— «Радость, пламя неземное,
Райский дух, слетевший к нам,
Опьяненные тобою,
Входим мы в твой светлый храм!»

К солистам присоединяется хор. Оркестр же не забывает подчёркивать величие радости. Ничто уже не в силах омрачить триумф и небольшой отрывок военного марша сменяется

общей пляской. Пафосный хорал фразой: «Обнимитесь, миллионы!», ставит точку в величие праздника единения человечества.

Музыка смолкла, Водечка развернулся к немногочисленным зрителям и театрально поклонился.

— Знакомая мелодия, — аплодировал Буткевич. — Только не могу вспомнить название.

— Ода к радости, — сказал Ян.

— Точно. Молодец, Водечка. Все молодцы.

— А как иначе? — ехидно улыбнулся бригадир. — У меня без слуха в полк не берут, — он развернулся к подчинённым. — Чего встали, инфузории?! — рявкнул Нестор. — Занять позиции у орудий! Готовность тридцать секунд! Бегом марш!

Оркестр выпустил инструменты и через секунду все неслись галопом в сторону артиллерийских пушек.

В воздух взлетела красная сигнальная ракета. В нескольких километрах ещё одна. За ней ещё. И так вдоль всего Краковского выступа. Заподозрив неладное, хартийцы готовились отражать атаку, не подозревая, что их судьба уже предрешена.

Исход войны был **предрешён**.

В одночасье линию фронта окутал залп сотни орудий. Несколько месяцев снабженцы Конфедерации в тяжелейших условиях накапливали на Краковском выступе боеприпасы, топливо и снаряжение. Сквозь две узкие артерии они смогли сделать казалось бы невозможное и обеспечили всем необходимым защитников плацдарма и два прибывших ударных корпуса, отданных в подчинение полковнику Буткевичу. Сегодня негласным героям предстояло увидеть результат своих нечеловеческих усилий.

На передний край линии обороны хартийцев обрушился огненный вал. Артиллерия не оставляла шансов уцелеть никому, методично перемешивая с землёй огневые точки, укрепления, стационарные позиции, блиндажи и лисьи норы. Сегодня солдаты Хартии впервые по-настоящему ощутили гнев конфедератов. И каждый пожалел, что оказался здесь.

Огневой вал медленно переходил на вторую линию обороны и вскоре в небе показалась зелёная ракета.

— Пора, — сказал глядя на ракету Ян и потушил сигарету. Затем вылез из окопа и окинул взглядом своих подчинённых. На фоне артиллерийских залпов его глаза окрасились в дьявольский огонёк. — Солдаты! Сыны Конфедерации! Мои верные друзья, готовые последовать за мной куда угодно! Сегодня настал тот день, в который никто не мог поверить. Сегодня нам выпала честь одними из первых начать освобождение подло захваченных Хартией земель. Сотни тысяч сторонников свободы молятся за нас и ждут нашего прихода. Мы не имеем права допустить, чтобы их надежда угасла. Ведь так?!

— Так точно! — взревели солдаты.

— Тогда выкурим их из окопов и отправим домой в цинковых гробах! За мной!

Ведя за собой полк, Ян на секунду оглянулся. Сотни солдат пройдя вместе с ним десятки битв со всех ног бежали в сторону врага. Их лица покрыл боевой оскал, глаза пылали яростью, а рокот взрывов заглушил их единодушный боевой клич. За пехотой показалась бронетехника. Танки и бронемашины быстро обогнали пехоту, без труда раздавили колючую проволоку и ворвались в развороченные окопы первой линии обороны. Но стальные хищники опоздали — боги войны забрали всю славу себе, не оставив в живых никого.

Многих хартийцев поглотила толща земли, от других остались лишь обугленные конечности. Тело одного офицера нашли в трёх разных местах. От пулемётного гнезда

уцелела лишь коробка для ленты. В одном из укрытий нашлось несколько чудом выживших хартийцев. Оглушённые и перепуганные они не раздумывая сдались в плен.

Артиллерия заканчивала уютить окопы второй линии обороны и плавно переходила к третьей, заключительной системе укреплений. Продвинувшись дальше, наступающих встретила та же картина. Из новообразованных воронок, несмотря на холод, веяло жаром. От вездесущего запаха серы, крови и разложений нескольких новобранцев вывернуло прямо на то, что несколько минут назад было верным последователем дела Хартии. Из трака танка выглядывала оторванная кисть, будто предлагая обменяться рукопожатием. А дальше продолжался огненный вал, олицетворяя ярость каждого бойца Конфедерации.

Но вскоре артиллерийский грохот начал утихать. Последние земляные фонтаны взметнулись вверх, оставив после себя белый шлейф дыма. Поле битвы замерло, ожидая что будет дальше.

— Майор, — зашипела рация на груди Яна. — Мы норму отработали. С остальными уже как-то сами.

— Может ещё пару десятков накинешь, для гарантии?

— Никак нет. У нас каждый снаряд на счету. Нужно переходить на соседние сектора, иначе вам ударят с флангов. Не думаю, что вам сейчас нужно именно это.

— Резонно. Хорошо, Водечка. Прорвёмся сами. Конец связи.

— Давай, Ян. Только не суйся в пекло.

Бронетехника загудела и, разрыхляя гусеницами мёрзлую землю, двинулась дальше. За ней, пригнувшись, шла пехота. После артобстрела кто угодно мог с уверенностью сказать, что на последней линии обороны не могло остаться ничего живого. Но это было ошибкой. Сквозь дым замелькали вспышки, застрекотали пулемёты, вылетело несколько снарядов РПГ. Пехота залегла, пару танков подбили и из люков вырвался столб огня. Остальная бронетехника откатилась обратно. Враг вгрызся в землю и не собирался позволить конфедератам прорвать фронт.

— Буткевич! — вызывал Ян полковника, спрятавшись за остовом танка. — Нас прижали! Выпускай корпуса, мы сами не прорвёмся!

— Понял! Держите прорыв! Подкрепление скоро будет! — Йорис глубоко вздохнул и обратился к радисту: — Соединяй с командирами третьего корпуса и пятого корпуса.

Здесь полковника ждал неприятный сюрприз. Командиры уклончиво доложили, что техника требует дозаправки и не может прямо сейчас выдвинуться на позиции. Буткевич прекрасно понимал, что это ложь. Он лично перед наступлением обошёл каждую машину и убедился в их боеготовности. Командиры могли придумать любую причину и Йорис догадывался в чём дело. По плану корпуса должны были пройти уже через прорванную оборону и выйти на оперативный простор. И без того трудное мероприятие усложнялось тем, что оборона не была прорвана. Любой командир любыми методами будет оттягивать выступление своих подразделений прямо в лоб противника, где его будут ждать большие потери. Конечно они выполняют приказ полковника. Но из-за этой заминки может быть потеряно драгоценное время. К хартийцам может подоспеть помощь, организуется контратака и полк Яна выбьют из захваченных позиций. А тогда будет поставлен крест на всей операции.

— Соедини с генералом, — кратко приказал Буткевич.

— Что? — удивился Фридрих. — Занимаются саботажем?

— Дотошное следование плану дало о себе знать в самый неподходящий момент, —

мрачно прокомментировал полковник. — Что делать, господин генерал? Пригрозить трибуналом?

— Я хочу спросить мнение канцлера. Одну минуту.

В трубке послышалось шерудение и генерал замолкл. Прошла томительная минута. Затем вторая. Наконец послышался слегка подавленный голос Фридриха:

— Канцлер сказал: «Пусть им будет стыдно». И ушёл.

— Он просил это передать? — уточнил полковник.

— Никак нет.

— А вы бы передали?

— Я? — подумал Фридрих. — Да.

— Значит так и поступим. Конец связи, господин генерал.

Буткевич не видел в тот момент лица командиров. Но по сконфуженным интонациям стало ясно, что нужный эффект достигнут. Уже через несколько минут в корпуса поступил приказ начать наступление. А уже через пять минут первые танки врывались на хартийские позиции, давя пехоту, орудийные и пулемётные расчёты. Корпуса выполнили задачу и прорвались в тыл противника, на всех порах едя навстречу основной линии фронта. Вскоре командиров корпусов приставят к награде и никто не вспомнит об их минутной трусости. Йорис лишь запишет, что в тот день решающим фактором стала сила слова.

— Свободные народы Вольной Европейской Конфедерации, — спокойным тембром говорил Уинстон в микрофон. — Сегодня, обращаясь к вам, я хочу отдать дань уважения и памяти всем тем кто отдал свою жизнь в борьбе против тирании. Только благодаря их жертве мы смогли доказать, что даже могущественной хартийской армии не под силу выполнить чудовищные приказы их лидера. И война, несмотря ни на что, будет закончена там, где и начиналась — выходом наших солдат на границы нашего государства. Мы всегда помнили об этой цели и никогда не сомневались, что рано или поздно она будет выполнена. Вооруженные силы Конференции делают всё возможное и невозможное, чтобы это стало возможным. Я уверен, что многие из вас знают что сейчас происходит на фронте. Осознают чего мы хотим. И понимают ради чего мы сражаемся. Нашим храбрых солдат не нужно гнать штыками на укрепленные позиции противника и это главная причина почему мы победим в этой войне. Да, Конфедерация начинает возвращать то, что принадлежит ей. Только и всего. Люблин, Данциг, Познань, Варшава, Кёнигсберг, акваторию Балтийского моря. Как любил повторять консул Гвин — от Дона, до Ла-Манша. Но нам не нужно ни сантиметра их земли. Мы не государство головорезов и мародёров, разоряющее своих соседей, для поддержания порядка у себя дома. Мы просто заберём силой то, что у нас украли. И так как это понимаете вы, я хочу чтобы это понимали оккупанты. Вам не будет тихого места на нашей земле, кроме могилы. Вас обрекли на вечные муки, забыв об этом сказать. Кто-то хочет знать о наших дальнейших действиях. Увы, но вы не услышите ни одного слова ни от одного человека владеющего хоть крупницей информации. Пока грохочут пушки, нет времени для слов. Но я уверен, что как только уляжется пыль на полях сражений, мы найдём в себе силы и мудрость сесть за стол переговоров с откровенными убийцами и заставить их понести заслуженное наказание. Пускай же хартийцы знают, что мы будем гнать их до границы. До нашей границы, линия которой им хорошо известна. Поэтому, если хартийцы хотят выжить — пускай уходят домой. Если же они боятся гнева своего консула, тогда пусть сдаются в плен. Мы гарантируем полное соблюдение прав человека. Если же они не услышали моих слов,

тогда им придётся столкнуться с солдатами Конфедерации. Будьте уверены, они никогда не повторяют дважды. И это не что-то особенное или удивительное. Мы говорили об этом с первого дня войны, — Уинстон взял паузу. — Слава доблестным защитникам Конфедерации. И пусть их хранит Господь.

Прорвавшимся корпусам удалось форсировать Вислу и ворваться в Катовице, сея панику в тылу противника. Перерезав главную трассу, ведущую в Богемию, удалось отрезать от основных сил несколько бригад, размещённых между устьев Одера и Вислы. Хартийскому командованию ничего не оставалось, как бросить резервные войска на деблокаду окружённых. Солдаты обеих сторон увязли в жестоких встречных боях. Но хартийцы даже не подозревали, что прорыв со стороны Краковского выступа был лишь отвлекающим ударом.

Будучи занятой внутренними чистками, разведка Хартии не заметила сосредоточения огромных сил в нижнем течении Одера, возле Легницы и на Ястровском балконе. Шестнадцатого ноября, после короткой артподготовки, конфедераты силами нескольких корпусов прорвали оборону и, идя навстречу друг другу, соединились южнее Познани, окружив готовящуюся к штурму столицы группировку общей численностью двести тысяч человек. Прорвать этот котёл сил у хартийцев уже не было. Окружённые пытались выбраться своими силами, но под постоянными артобстрелами и авиаударами эффективно воевать не могли даже хартийские солдаты. Через неделю командующий центральной группировки добровольно сдался в плен, а вместе с ним и многие его подчинённые. В фронте образовалась огромная дыра, куда ринулись сотни тысяч конфедератов.

На этом неприятные сюрпризы для Хартии не кончались. Полк имени Улыбки Весёлого Роджера, раньше ограничиваясь лишь беспокоящими набегами на порты Хартии, предпринял полномасштабную высадку и на третий день совместно с прибалтийскими партизанами занял Ригу. Конфедерация усилила Прибалтийский плацдарм ещё тремя полками, готовя полное освобождение Прибалтики и выход к Кёнигсбергу.

Фронт стал откатываться на восток. Внутри Хартия кипела и было непонятно где всё нарастающий гнев её подданных даст искру. Искра зажжёт то, чего больше всего опасался консул Гвин — **мятеж**.

Лёгкий ветер сдувал корку ржавчины, осыпая чистый снег мелкой крошкой. Острия криво отрезанных шпал устремлялись в хмурое небо. Три куска стали скрепляла сделанная на скорую руку сварка.

Стоящий посредине дороги противотанковый ёж облепило инеем. Инженерный взвод склепал его ещё в самом начале войны и за это время он побывал на многих секторах и фронтах. Сейчас же его просто бросил отступавший хартийский арьергард за ненужностью, тем самым сведя его суть к простому куску ржавого железа. В принципе сейчас много чего в Хартии можно было свести к этому критерию.

Деление оптики застыло на ржавом препятствии между двойкой и четвёркой. Третьи сутки противотанковый ёж не уходил из поля зрения Алексея, а после того как деревню покинули хартийцы и вовсе остался единственным ориентиром. Иногда Лёше казалось, что ёж медленно подползал к нему, чтобы вонзить свои шпалы и смазать себя горячей кровью. Но ёж упрямо стоял на месте, оставаясь жутким, смердящим и унылым. Таким же как вся война.

Алексей почувствовал лёгкий удар в левом боку. Саманта проснулась и теперь грела

замёрзшие ладони. В комнате стоял ужасный холод, но разжечь огонь означало верную смерть. Им оставалось лишь греться теплом друг друга.

— Можешь ещё немного поспать, — сказал Лёша ей. — Всё равно тихо.

— Хорошо, — она уткнулась носом в его плечо и вскоре снова засопела. Алексей легонько поглаживал её по макушке.

Местом встречи диверсионной группы и Краковских крыс назначили эту деревню. Её назначили ещё пять дней назад, но война плохо знакома с какими либо сроками. Дивизия до сих пор сюда не добралась. Найдя укромный уголок, Алексей и Саманта за всё время не проронили больше нескольких дежурных фраз. Сейчас они были солдатами. Хоть часто и забывали об этом.

Прощаясь с летавицами, Алексей взял с Марэта слово, что после войны они покинут леса и станут жить жизнью обычных людей. Лёша понимал, что если бы не Хартия, многие из девушек бы уже бросили жизнь лесных дикарок.

За обрывками разговоров хартийцев, Алексей узнал, что переворот провалился, а маршала расстреляли. Лёше лишь оставалось надеяться, что Вильгельму удалось уцелеть и они ещё увидятся после войны. А пока ему нужно было самому остаться в живых. И решить что делать с доверенной флешкой. Раз её владелец мёртв, значит право распоряжаться ей полностью предоставлены Алексею. Но что-то путное не приходило в голову. Не удивительно, учитывая, что не каждый день носишь за пазухой информацию, способную уничтожить человечество.

Гул двигателей вывел Алексея из раздумий и разбудил Саманту.

— А вот и кавалерия, — довольно протянул Алексей, разглядывая в прицеле знакомый танк с нарисованной крысой на броне.

Войтек на всей скорости ворвался в деревню, раздавил противотанковый ёж и не сбавляя скорости достиг центра селения. За ним ехала длинная колонна из грузовых машин. Выгружаясь, пехотинцы быстро разбежались по окрестностям. Выбравшись из дома, диверсанты вышли им навстречу.

— Это все? — спросил, не скрывая удивления Ян.

— Да, — Алексей отвёл взгляд. — Остальные сбежали на тот свет.

— ...а потом он засмеялся и сказал кто он. Подарил мне бутылку хорошего вина.

— Довольно, — прервал пилота Генри. — Мы уже сто раз это слышали. Всё равно никто тебе не поверит.

— Кто угодно может подтвердить, что канцлер посещал то кафе!

— И как удобно, что его до основания разрушила бомба. Хватит. Всем сохранять радиомолчание. Мы уже над хартийской территорией.

Три пары истребителей рассекали облака ночного неба. Над всей линией фронта шли воздушные бои, но шестерым пилотам удалось прорваться в глубь обороны противника и проникнуть в воздушное пространство Хартии. На пилотов давили окружавшие их белые исполинские глыбы и они поскорее хотели выполнить задачу, а затем вернуться на базу.

Генри увидел на радаре пять новых точек. И точки быстро их догоняли. Генри не успел что-то предпринять, как с ним вышли на связь:

— Капитан, Белые ястребы на связи. Нам сказали, что вам не помешает помощь. Прибыли как только смогли. Ох и назойливые эти острокрылые...

Подразделение «Белых ястребов» состояло из пилотов Атлантики, изъявивших желание

принять участие в войне. Под видом инструкторов они прибыли в Конфедерацию и вскоре дали первый бой пилотам Хартии, в последствии зарекомендовав себя как одних из лучших лётчиков Восточной войны.

— Рад видеть вас, — ответил Генри поравнявшимся вместе с ними звену F-16. — И так, джентльмены. У каждого из нас есть своя цель. Делаем всё быстро и чисто. Тогда закончим эту чёртову войну в два счёта.

Генри бы с удовольствием воспользовался GPS навигатором, но об этом оставалось лишь мечтать. Пилотов долгое время готовили ориентироваться по звёздам и солнцу. Сегодня это дало свои плоды.

— Я пошёл, — кратко отрапортовал Генри, наклоня штурвал.

— Удачи, командир, — ответил ему один из пилотов.

— И-и-и-и-и ха! — завопил он, уходя в крутое пике, а затем нырнул в облака.

Фудурдин. Царства стали, огня и жара. Неустано бьющиеся сердце Хартии. Сегодня пилоты Конфедерации пронзят его одним метким ударом. Заставят биться Хартию в предсмертных судорогах.

Сделав несколько очередей из орудий, Генри сбросил в клубы густого дыма бомбы. Через несколько секунд фабрики окутал огромный взрыв. Бомбы попали точно в резервуары с нефтью и теперь вся округа пылала.

Как минимум на несколько месяцев отсюда не выпустят ни одного танка, орудия или снаряда. А это на несколько дней, а может и недель приближало Конфедерацию к победе. С чувством выполненного долга Генри скрылся в облаках и взял курс обратно.

Домой.

Всю ширину главной площади занимала огромная триумфальная арка. После успешного похода в Европу хартийские солдаты должны были торжественным маршем пройти под ней, навсегда запечатлив триумф Хартии в историю. Площадь заканчивалась у парламента. Большой белый купол возвышался над городом и был виден с любой точки мегаполиса. Сотни современных домов, где жили десятки тысяч счастливых подданных и каждый день трудились во славу светлого будущего, куда вёл их консул Гвин.

После ареста Элизабет и печальных известий на фронте, Гвин всё меньше уделял внимание государственным делам, уединяясь в подвале резиденции и часами сидя за макетом Нового Киевуса. Разработанный проект одного талантливого архитектора должен был воплотиться в жизнь сразу после победы в войне. Все ресурсы Европы пошли бы на создание города будущего, означающего вступления Хартии в новую эпоху. Проекту так и судилось остаться макетом на столе, пылясь в подвале резиденции. Гвин это прекрасно понимал. Ему оставалось лишь тоскливо переводить взгляд с одного здания на другое, осознавая всю тщетность его планам.

В подвал тихой поступью спустился Отто. Несмотря на мрачное положение дел, настроение у Крюгера оставалось приподнятым. Выбив из заключённых много интересной информации, командир «Отряда сто тридцать семь» составил план действий по спасению Хартию и спешил поделиться с консулом. Но не это подняло настроение Отто.

Пытки бывшая первая леди выносила стойко. Такой вид жертв вызывал у Отто особый интерес и ему приносило удовольствие найти трещину в сознании у допрашиваемого. Сегодня это наконец-то случилось. Одним метким монологом Крюгер довёл Элизабет до слёз, что ознаменовало его победу. И после допроса он всё время прокручивал его в голове,

будто смакуя.

«Каким бы не был исход войны, мы выиграли войну с вами; никто из вас не останется в живых, чтобы свидетельствовать, но даже если кто-нибудь останется — мир ему не поверит. Возможно, будут подозрения, дискуссии, исследования историков, но не будет достоверных фактов, потому что мы вместе с вами уничтожим улики. И даже если останутся какие-то доказательства и некоторые из вас останутся в живых, люди скажут, что описываемые вами факты слишком чудовищны, чтобы им верить; они скажут, что это чрезмерные преувеличения пропаганды Конфедерации, и поверят нам — тем, кто будет все отрицать — а не вам. Именно мы будем диктовать историю самой проклятой войны».

После встречи с консулом Отто планировал изнасиловать Элизабет. Когда жертва подавлена — она не сопротивляется, а это приносило Крюгеру высшее удовольствие. Отто не волновало если Гвин узнает об этом. Всё равно после переворота консула поглотила апатия.

— Я слушаю, Отто, — не отрываясь от макета, холодно сказал Гвин.

— Авианалёты разрушили большинство цепочек Фудурдина. В промышленности наступил коллапс. Также бунтуют многие провинции на окраинах. Взять те же еврейские общины. Они полностью отказались подчиняться и планируют впустить на свою территорию войска Конфедерации.

— Что на фронте?

— Отступление по всей линии соприкосновения. Генеральный штаб докладывает, что может выиграть время в лучшем случае до Нового года. Дальше даст о себе знать нехватка снабжения и армия перестанет существовать.

— Значит это конец.

— Конец лишь новое начало, господин консул.

— Что вы имеете ввиду, Отто? — Гвин первый раз взглянул на Крюгера.

— Один из подчинённых Эрвина Кнута выдал информацию о месте нахождения кодов с ядерным арсеналом. Я отправил нескольких людей, чтобы их заполучить. После мы запросим у Конфедерации переговоры и заявим о готовности задействовать ядерные ракеты. Им ничего не останется как пойти на наши условия.

— Но ведь это неправда. За такое короткое время мы не успеем понять методы использования ракет.

— Это не нужно. Достаточно того факта, что у нас есть эта информация. Она подействует на правительство Конфедерации.

— Что же, — вздохнул Гвин. — Если это спасёт Хартию — действуйте.

— Господин консул, как глава комитета безопасности, я так же отвечаю за **вашу** безопасность.

— И что вы хотите, Отто?

— Сейчас в государстве не безопасно. Боюсь я не смогу вас спасти от ещё одного покушения. Я хочу, чтобы до конца войны вы оставались в безопасном месте.

— Разве сейчас такие места существуют?

— Торговая республика на острове Готланд готова предоставить вам политическое убежище. Вас доставят туда на самолёте. Требуется только ваше согласие. Каково ваше решение, господин консул?

Колонна из двух танков и двух грузовых автомобилей на всех порах неслась по

замёрзшей грунтовой дороге. Ян с небольшим отрядом сильно отстал от остальной дивизии. Виной отставания стало то, что отряд свернул не в ту сторону и прежде чем это стало ясно, прошло несколько часов. Теперь все старались нагнать ведущих жестокие бои Краковских крыс.

Отряд въезжал в одну из мёртвых деревень. Можно было подумать, что причиной запустения стала война, но по факту многие селения и даже крупные города перестали существовать после «Момент Х». Частым явлением были боевые стычки, где до этого долгие годы не было не единой души.

Такой оказалась и эта деревня. На обочине, во дворах и на заснеженном поле показались сожжённые остовы техники и остатки трупов. От многих осталось лишь несколько костей, да клочки формы.

— Я рада, что у нас головной «Абрамс», — ехидно протянуло в гарнитуру Ангелина. — Так гораздо безопаснее.

— Закрой рот, Рапира! — рявкнул командир головного танка. — Если бы мы не прозевали поворот, то я бы уже себе спокойно бухал, а так приходится отмораживать задницу. На Ленд-лизовской технике печка вообще не спасает.

— Я не виновата, что какой-то умник поменял местами указатели. А во всей округе, как назло, ни единой живой души.

— Девушка не может быть виноватой, — хмыкнул танкист.

— Закрыв рот и гляди во все стороны! Мы хоть и в тылу, но всякого можно ожидать.

— Тут неплохое место для засады. А этот металлолом... Похоже всё это здесь ещё с самой весны. Жаркая выдалась стычка, ничего не скажешь.

Абрамс проехал мимо присыпанного снегом хартийского танка, едва не зацепив его дуло. Как вдруг «подбитый» танк ожил, взревел и протаранил идущий за танком грузовик, без труда перевернул машину и принялся давить всех кто был внутри.

— Это ещё что за хрень?! — опешила Ангелина.

— Наводчик, — кричал командир Абрамса, — цель на пять часов! Густав, умоляю, быстрее!

Конфедераты столкнулись с единственным поступившим на фронт экземпляром танка КГ-1Консул Гвин - 1.. Машина нового поколения, сконструированная под личным руководством Эрика Бласковича. Стальной монстр имел новую компоновку брони, динамическую систему защиты и мощное ста двадцати пяти миллиметровое орудие. К началу весны класс этого танка планировали запустить в массовое производство, но все чертежи сгорели в результате ночного авианалёта.

— Огонь! — скомандовала Ангелина. Войтек выстрелил, но снаряд отскочил. — Зараза... — простонала девушка. — Давай ещё раз!

Пока танки мерялись силами, пехота со всех ног выпрыгивала из грузовиков и пряталась кто куда. Ян объявил точку сбора в одном из дворов. Алексей и Саманта остались следить за дальнейшим боем. И бывалых солдат потрясло увиденное. Неведомое чудовище не останавливали снаряды. Танк будто их не чувствовал, упрямо выполняя свою задачу. Метким выстрелом он уничтожил второй грузовик и развернул башню в сторону Амбрамса.

— Сбивай трак и уходим! — кричала командиру Ангелина.

— Понял!

Но тщетно. Танкисты промахнулись, а хартийский монстр не оставил им и шанса, засадив болванку точно под башню.

— Только не так!... — последнее, что услышала от командира танка Ангелина, после чего Амбрамс вспыхнул как спичка. — Давай, — она легонько положила ладонь на плечо наводчику. Тот нежно нажал на спуск, Войтек выстрелил и из ходовой части хартийского танка вылетело несколько запчастей. Гусеница с лязгом вывалилась с катков и упала на землю. — Мехвод, быстро назад.

Войтек зарычал и задним ходом спрятался за одним из зданий.

— Как будто нам их фанатичного сопротивления не хватало, — размышлял вслух Ян, медленно передвигаясь по периметру двора. — Так ещё и этот красавец. Ладно, что у нас есть?

— Гранаты, сапёры успели забрать из машины взрывчатку, — докладывали майору. — Ещё есть несколько гранатомётов, но, похоже, шкуру этой махины они не возьмут.

— Ян, — связался с командиром Алексей, — у нас есть несколько бронебойных патронов. Мы можем попытаться выбить механика через смотровую щель.

— Знаете, была бы у меня связь с полковником, мы бы просто вызвали авиацию. Но её у меня нет. Поэтому давайте думать что с ним делать.

Предложений было много, вплоть до того, что просто уйти своим ходом из деревни и не связываться с хартийцами. Но оставлять вражеский танк в тылу было нельзя. Через несколько минут Ян принял решение.

— Рапира, — связался он с экипажем Войтека, — нам потребуется твоя помощь.

— Идиотский план, — сухо прокомментировала девушка, всё это время молча слушая обсуждения.

— Ослушаешься приказ? — спросил её мехвод.

— За кого ты меня принимаешь? — удивилась Ангелина. — Он мой командир, поэтому я должна доверять его решению.

По броне хартийского танка отрикошетил снаряд. Не успел он повернуть башню, как Войтек стрелял уже с другой стороны. Тем временем снайперы пытались выцелить смотровую щель. Пули не смогли пробить стекло, но танк удалось ослепить. Теперь вся оставшаяся работа предстояла пехоте. Несколько конфедератов подползло к танку и забросали его дымовыми гранатами. Как только белый дым окутал хартийский танк, к нему устремились инженеры, запрыгнули на броню и принялись дрожащими руками устанавливать у основания башни взрывчатку. Выполнив приказ и не веря своей удачи они быстро поспешили в укрытие.

Пламя взрыва поглотило белый дым, во все стороны разбросало остатки динамической защиты, вверх взлетел зенитный пулемёт. На броне осталась большая расплавленная вмятина. Танк не подавал признаков жизни.

— Всё? — спросил Ян, не обращаясь к кому-то конкретно.

Войтек выехал на главную улицу, не спуская с прицела хартийский танк. Пехота начала медленно подходить к подбитой машине. Это было ошибкой. Хартийцы выждали пока все покинут укрытия и открыли огонь из всех орудий. Снаряд попал в орудие в корпус Войтека. Проехав по инерции ещё несколько метров, танк встал.

— Зараза! — Ян среагировал в последний момент и укрылся от пулемётной очереди. — Из гранатомётов по вмятине, быстро!

Двум ракетам Javelin удалось прогрызть броню и упокоить стального хищника. Теперь уже точно.

Люк хартийского танка открылся, оттуда выглянул белобрысый командир и начал вести

огонь из автомата. Но недолго. Снайперская пуля попала ему в плечо, хартиец выпустил автомат и лишь беспомощно стонал. Запрыгнув на танк, Ян вытянул раненного командира, повалил на броню и уже замахнулся для удара, но тут его рука застыла.

— Да ладно, — не верил он своим глазам. — Вы посмотрите кто это! Это же генерал Эрик!

— Бывший... генерал, — сплюнув сгусток крови, поправил его Бласкович.

Мехводы и наводчики обеих танков погибли. Ангелину тяжело ранило и она потеряла сознание. Девушку срочно требовалось доставить в госпиталь. Эрик уже не стонал, только молча сверлил глазами мёрзлую землю, облокотившись об броню своей подбитой машины. Его ноги изрешетило осколками и он уже был не жильцом.

Войтек не подлежал ремонту. Единственная надежда оставалась на подбитый хартийский танк. Инженеры всеми силами пытались его оживить. Только с его помощью был шанс доставить Ангелину в госпиталь вовремя.

— Вижу в хартийской армии всё хреново, — сказал Алексей, сев рядом с Эриком. Лёша протянул ему сигарету, но Бласкович слабым жестом отказался. — Если уже на передовой сражаются генералы.

— Для предателя... — прохрипел Эрик, — это заслуженный конец... И для армии Хартии... тоже заслуженный... Пока армия в движении... Ещё можно поддерживать дисциплину и порядок... Но как только она уходит в глухую оборону... Начинается её разложение... Грабежи, уход с постов, нарушение устава... Резня во Франкфурте просто оказалась самым ярким... моментом... Но сколько ещё таких зверств... Вы встретите? Ах... Помню как застал командира танковой роты... и его солдат... Под наркотическом кайфом... Как по мне исчерпывающе описывает состояние нашей армии...

— Что забыл бывший генерал танковых войск в этой дыре?

— Всё просто... Меня послал за тобой Малыш Отто... Забрать у тебя то, что отдал Эрвин... Тогда мне бы предоставили свободу... Хотя я в это особо не верю...

— Мне стоит остерегаться?

— Ещё как... Я слышал Шелестович поклялся, что просто так тебя не оставит... Поэтому берегись, Варшавский призрак...

— Ты что-то слышал про Вильгельма?

— Кого?

— Лейтенанта Миклонского.

— Ах... Адьютанта Эрвина... Лучше... Лучше бы они его убили...

— Что?... — Алексей осёкся. Взгляд Эрика застыл, а голова упала на грудь. И даже будучи мёртвым он продолжал держаться за танковый каток. За дело всей его жизни.

Инженерам удалось нацепить трак, но с двигателем были проблемы. Ян всё подгонял инженеров. Ангелина быстро слабела и каждая секунда забирала и без того крохотные шансы на то что она выживет.

— Ну что там? — спрашивал Ян.

— Терпение, — огрызнулся инженер. — Тут вообще другая система. Я с трудом понимаю что делать.

— Давай, не верю что для тебе это трудно.

— Так. Сейчас должно получится. Леший, заводи!

Танк заурчал, двигатель начал дымить, но машина смогла тронуться.

— Я когда-то водил танк. Поэтому ехать буду я, — сказал Алексей. — Положите Рапиру

на место стрелка. Джульетта будет следить за её состоянием. Все остальные прыгайте на броню. На счёт танка: хорошая новость — он на ходу. Плохая — мы сильно повредили двигатель. Выше второй передачи он не поедет. Будем надеяться, что Рапира выдержит.

Внутри стоял отвратительный запах гари. Не спасал даже открытый люк. Несмотря на то, что Алексей старался выжимать максимум из возможностей танка, ехали они непростительно медленно. Машину трясло по ухабистой дороге, от чего раненная стонала в полубреду. Не помогала даже двойная доза обезболивающего.

Ангелина записалась в добровольцы в самый первый день войны. Но ей ответили отказом. Девушка не привыкла отступать и просидела в призванном пункте до глубокой ночи. Тогда на неё обратил внимание командир формируемого танкового батальона. Ангелина предложила ему пари. Если она выиграет его в кулачном бою, то он возьмёт её в своё подразделение. Если нет, то заплатит сто марок. Таких денег у девушки не имелось и она была обязана победить.

В итоге Ангелина сломала командиру руку, но выиграла пари. Девушку записали под чужим именем пропавшего без вести механика, коротко постригли и надели корсет. Никто не заметил подвоха. До первого боя.

В первом бою её танк подбили. Перевязывая раненую, раскрылся её секрет. Все были удивлены, но никто не сдал девушку. После госпиталя Ангелину повысили до командира танка и отправили на Краковский плацдарм. И там хартийцы узнали о Рапире и её Войтеке. О мощи хартийского оружия, обращённого против них же.

На каждого война находится кто-то сильнее. Рапира проиграла достойному сопернику. Но с достоинством и честью прошла свой боевой путь, ни разу не пожалев ни о чём.

Ангелину аккуратно вытаскивали из кабины. К танку уже бежал медик из Красного креста. Все склонились над врачом и ждали вердикта.

— Она уже не с нами, — коротко произнёс он.

В середине декабря температура повысилась до десяти градусов тепла, из-за чего весь снег растаял, превратив просёлочные дороги и поля в сплошную непроходимую грязь. Наступление на несколько дней замерло. Передышка требовалась обеим сторонам. Но вскоре ударили новые морозы, вся грязь замёрзла и конфедераты ринулись с новыми силами по всем направлениям.

Санитарная машина угодила в яму и сломала колесо. От сильного удара у многих раненых обострилась боль и они в унисон стонали, разнося свои мучения по всей кабине. София не смогла больше находится в машине и, пока водитель чинил поломку, вышла на свежий воздух.

Голое поле с замёрзшей грязью навевало тоску. После тёплой кабины пронизывающий холод заставил девушку поёжиться. Свистящий между голых веток ветер был единственным спутником Софии.

Война подходила к концу и это понимали все. Многие строили планы о том как будут жить после войны, делились своими представлениями о будущем мироустройстве, спорили, ругались, шутили или просто молча соглашались. София же понимала что её служба как добровольца заканчивается и скоро ей предстояло возвращение в Орден. После увиденного у неё только укрепилась уверенность в посвящение своей жизни для противостояния злу.

В размышлениях девушка не сразу заметила, что не одна. По дороге, с трудом передвигая ногами, брёл хартийский солдат. Форма превратилась в лохмотья, оружие

покрылось засохшей грязью, лицо заросло. Он походил больше на лесное чудовище, чем на представителя самой цивилизованной страны.

Хартиец медленно направился к Софии. Девушка испугалась, но не сдвинулась с места, искоса наблюдая за солдатом и ожидая что будет дальше. Не дойдя нескольких шагов, хартиец упал перед Софией на колени и, обхватив голову руками, горько заплакал. От него несло нечистотами, кожа приняла болезненный оттенок. Подняв голову и взглянув на Софию слезящимися глазами, он сквозь потрескавшиеся губы прошептал:

— Еды... Пожалуйста...

София не сразу поняла смысл его слов, но затем спохватилась и начала рыться в медицинской сумке. Сев рядом с ним она осторожно протянула несколько сухарей. Хартиец нетерпеливо взял их и с жадностью запихнул в рот, попутно всхлипывая. София заметила, что у него нет половины зубов. Цинга.

Сейчас он не был для неё кровожадным хватчиком. Всего лишь обычным испуганным человеком, потерявший смысл и разочаровавшийся в тех кому верил. София обязательно вернёт ему веру в жизнь, но сейчас нужно было эту жизнь сохранить. Она встала и протянула ему руку, при этом ласково улыбаясь. Хартиец, дрожа, протянул свою и поднялся. Кажется, он нашёл новый смысл жить.

— Всё реже хартийцам удаётся отбивать наши атаки, господин канцлер, — докладывал Фридрих. — Многие их части поддались беспорядочному бегству, тем, кто сопротивляется, суждено попасть в окружение. Нам удалось выяснить, что они планируют нас сдержать на реке Висла. Вот только единственный уцелевший мост через реку остался в Варшаве, поэтому все хартийские подразделения устремились туда. Хорошая новость заключается в том, что к Варшаве вышла вторая и пятая дивизия. Они готовы взять город штурмом. Если это удастся, практически вся хартийская группировка прекратит своё существование. Когда это случится, в чём я не сомневаюсь, мы окажемся на распутье. И нам нужно сделать выбор.

— Прежде чем узнать варианты, я хочу выслушать остальных, Фридрих.

— Так точно, господин канцлер.

— Томас, как обстановка в тылу?

— Уинстон, — Томас потушил сигару, — ты и без меня знаешь что чем быстрее это всё закончится, тем лучше. Люди откровенно говоря устали от войны, все хотят вернуться по домам к прежней жизни. И в наших же интересах начинать постепенно возвращать промышленность в гражданский сектор. Иначе, то и гляди, оппозиция поднимет голову.

— Я тебя понял. Амелия, ты смогла наладить контакт с хартийцами?

— Учитывая, что в дипкорпусе сидит несколько человек из «Отряда сто тридцать семь», это оказалось не очень сложно.

— Всё же оказалось полезным не устранять их. А как дела с нашими заокеанскими друзьями?

— Они готовы помочь нам с организацией международной площадки и отправки постоянного миротворческого контингента в Хартию.

— И чего они хотят взамен?

— Часть хартийских репараций, — Амелия отвела взгляд.

— «Часть» — это сколько?

— Половина.

— Половина?! — опешил Уинстон.

— Без них бы у нас ничего не вышло. Это факт. Давай не будем жадничать, учитывая какие преимущества нам даёт их посредничество.

Уинстон молчал, разглядывая карту со множеством голубых и красных стрелок, линий и обозначений.

— Когда мы займём Варшаву, — подал голос Фридрих, — путь в Хартию будет открыт. И ничто нам не будет препятствовать. Если, конечно, вы отдадите соответствующий приказ, господин канцлер.

Уинстон разглядывал огромную серую кляксу, раскинувшуюся от Прибалтики до Чёрного моря. Карта уже устарела. По факту кроме столицы и нескольких опорных городов Хартия уже ничего не контролировала.

— Нет, — вскоре ответил канцлер.

— Нет? — удивился Фридрих. — Почему?

— Потому что как только мы перейдём границу, герои и военные преступники моментально поменяются местами. Солдаты захотят выместить гнев за всё, что хартийцы творили у нас. Если мы хотим сохранить в себе идеалы Конфедерации, построить государство, где каждый может жить по своему укладу жизни, то не в праве допустить, чтобы наши солдаты опустились на уровень хартийских. Мы освободим Варшаву и начнём переговоры. А оккупацией пусть занимаются миротворцы. Но уже после войны. Это окончательное решение.

— Слушаюсь, господин канцлер.

— Ставка приказала взять Варшаву, — начал совещание офицеров Буткевич. — Хотя даже без её приказа мы бы это сделали. В эти дни людям положено веселиться и дарить друг другу подарки. У нас своё «веселье» вот уже девять месяцев. Так давайте устроим «подарочек» консулу и отберём Варшаву. Тогда война закончится в считанные недели. Но несмотря на то, что на фронте у противника полный драп-марш, расслабляться не стоит. Отход хартийской армии в Варшаве прикрывают наши старые знакомые из остатков первой бригады. Пусть их осталось немного, но в городских развалинах они укрепились на совесть. Поэтому работа предстоит серьёзная.

— Вижу Новогодний штурм не предвещает ничего хорошего, — мрачно прокомментировал Ян.

— Подбирай слова, майор, — остудил его полковник. — Особенно избегай словосочетание «Новогодний штурм».

— Виноват, господин полковник.

— Наступление начинаем в два часа ночи. Три разведроты при поддержке первого полка заходят с юга и должны закрепиться на окраинах. Остальные обойдут город с запада и перекроют путь к отходу всем отступающим хартийским частям. В случае успеха мы перегруппируемся с пятой дивизией и начнём методичную зачистку города вплоть до единственного уцелевшего моста в районе Старого мяста. Захват этого района наша основная задача, — Йорис окинул взглядом офицеров. Его гложит чувство, что до утра доживут не все. — Готовьте людей, ребята. Хартийцы будут драться как звери.

Охотившуюся сову спугнуло несколько выстрелов. Конфедератские разведчики наткнулись на хартийский патруль и без колебаний расправились с ним. За тонкой стеной деревьев проглядывались первые разрушенные здания. Город встречал своих освободителей

холодно, как будто упрекая что его бросили на растерзание захватчикам.

Переступив через хартийский труп, Алексей потянул морозный воздух и прошептал:

— Мы вернулись, Войцеховский.

— Как ты думаешь, — спросила Саманта, взглядываясь в темноту, — он выжил?

— Зная его, не удивлюсь, если мы встретим его в одной из подворотен.

Конфедераты молча входили в город. Краковским крысам вездесущие развалины напоминали ещё один до основания разрушенный город. То тут, то там внезапно завязывались перестрелки и так же быстро затихали, уступая ночной тишине. К четырём часам Ян доложил, что его полк закрепился в нескольких районах. К пяти третий полк вышел к северным границам города и стоял на берегу Вислы. Хартийцев отрезали от последнего пути к бегству.

К шести часам подразделения пятой дивизии встали на прикрытие второй дивизии. Части второй дивизии без артподготовки и условных сигналов начали медленную зачистку, щедро платя кровью за каждый пройденный дом, квартал и улицу.

Несколько солдат Конфедерации забежали в подъезд. Не прошло и минуты как они побледневшее буквально вылетели оттуда. Один боец не выдержал и его вывернуло на асфальт.

— В чём дело? — спросил их Ян. Он не мог представить, что могло напугать закалённых в боях ветеранов.

— Там... — задыхался перепуганный солдат. — Они выпотрошили... И ели прямо над ним...

Ничего не понимая, Ян зашёл вместе с солдатами и остолбенел. На лестничном пролёте двое хартийцев возились над телом погибшего боевого товарища. Не обращая ни на кого внимания, они разрезали ногу трупа на две ровные части и с жадностью обглаживали её. Голод заставил их опуститься до каннибализма. Ян пытался увидеть в их окровавленных лицах что-то человеческое, но тщетно. Это уже были звери, ведомые только жаждой голода. Собравшись с мыслями, майор достал пистолет.

— Огонь, — сказал он и хартийцев изрешетили пулями.

К полудню бои шли уже в центре, рядом с мостом. Несколько отрядов вышли на площадь и окружили Королевский замок, куда отступили гвардейцы. Перестрелка не дала никакого результата. Взяв громкоговоритель, Ян обратился к осаждённым:

— Храбрые гвардейцы, прекратите сопротивление! Ваш консул бросил вас на произвол судьбы! Сохраните свои жизни, чтобы вернуться домой и принести пользу своему государству!

Гвардейцы не отвечали, переговариваясь между собой.

— Ложь, — говорил один гвардеец, — консул не мог нас бросить.

— Если бы ты знал его лично, — хмыкнул Каминский, — то не был бы такого мнения.

— Тебе слово не давали, предатель!

— Можешь не горячиться, скоро мы все умолкнем.

Время шло, Ян терпеливо ждал ответа. И вскоре его получил:

— Гвардия не сдаётся! — крикнули ему из окна.

Ян недовольно скривился. Другого ответа он и не ожидал.

— Водечка, — сказал он в рацию, — залп по Королевскому замку.

— Так точно.

Град снарядов обрушился на изысканное здание, построенное пару сотен лет назад и

несколько раз отреставрированное не одним поколением талантливых архитекторов. Через несколько минут грохота фундамент обвалился, похоронив под обломками элиту армии и цвет нации. Гвардейцы разделили бесславную участь остальных верных последователей дела Хартии.

Хартийская авиация сопротивлялась до последнего дня войны. Во время штурма Варшавы ей удалось нанести несколько ощутимых ударов по войскам Конфедерации. Один из них пришёлся по командному пункту второй дивизии.

Бомба взорвалась прямо в том месте, откуда полковник Буткевич руководил наступлением. Несколько офицеров погибло, многих ранило. По всему штабу сновали медики и грузили пострадавших в санитарные машины. Сам же полковник родился в рубашке. Взрывной волной его придавило столом и деревянная поверхность приняла на себя все осколки. Пострадала только правая рука. Она сильно обгорела и уже начинались признаки гноения.

Рука совсем не болела. Огонь добрался до нервов и сжёг их начисто. Полковнику лишь хотелось курить, но в его положении это было недостижимой задачей.

София раскладывала рядом с Йорисом хирургические инструменты. Полковник безразлично смотрел как нежные руки вытаскивают из сумки стеклянные шприцы и острые лезвия.

— У меня кончилось обезболивающее, господин полковник, — обратилась к нему София. — Могу предложить вам разве что водку.

— Отставить. Нечего на меня переводить спирт.

— Тогда ложитесь на спину.

Йорис подчинился.

— Господин полковник, вы хотите жить? — серьёзно спросила София.

— Я хочу вернуться на родину и забыть этот кошмар, — ответил он уставшим голосом.

— Значит терпите.

Резким движением девушка запихнула полковнику в рот кляп, взяла хирургическую пилу и начала отрезать Буткевичу руку чуть ниже плеча. Руку пронзило тысяча иголок. Во все стороны хлестала кровь. Йорис пытался вырваться, сквозь кляп пробивался глухой вопль, но острые зубцы продолжали резать плоть, добрались до кости и в несколько движений разрезали сустав.

София туго перевязывала культю руки. Полковник разглядывал ампутированную конечность, слабо осознавая что теперь у него нет правой руки.

— София, скольких солдат вы превратили в калек?

— Не знаю, господин полковник, — ответила девушка, собирая инструменты. — Я перестала считать после тридцати. Так легче получается сосредоточиться на работе, — София слабо улыбнулась и поспешила к другим раненым.

Двое трупов солдат Конфедерации упаковывали в мешки. У обоих прострелили затылки. Оба даже не успели испугаться. Ян с мрачным взглядом склонился над ними. Что в тот момент думал и чувствовал майор, глядя на тела своих подчинённых, с которыми прошёл десятки боёв? На этот вопрос не мог ответить никто.

Несмотря на то, что западную сторону города почти полностью зачистили, оставалось ещё несколько очагов сопротивления. Фанатичные хартийцы хотели разменять свою жизнь

подороже.

— Их убили в районе Цитадели, — обратился Ян к Алексею и Саманте. — Есть идея кто это сделал?

— Судя по почерку — Шелестович, — ответил Алексей. — Другие снайперы стараются попадать в сердце, а этот стреляет исключительно в голову.

— Вот ваша задача, Варшавские призраки, — продолжая глядеть на трупы, говорил Ян. — Уничтожьте Шелестовича. Вы как никто знаете город. Поэтому я могу на вас положиться. Пока этот ублюдок жив, я не могу нормально закончить зачистку. Не хочу дополнительных смертей. Их и так сегодня хватает. Задача ясна?

— Так точно, господин майор, — ответила Саманта, проверяя винтовку.

— Тогда удачной охоты.

Из бойниц Цитадели вырывались длинные языки пламени. Каменные стены покрывались черной копотью. Огонь сливался с багровым закатом образуя завораживающую смесь ярких оттенков. Девять месяцев назад на этих улицах начиналась Восточная война. Сегодня она здесь и закончится.

Шелестовича обнаружили на северных окраинах города. Смертельно ранив хартийского пулемётчика, Алексей начал дуэль с Ассом. Саманта готовила приманку и терпеливо ждала команды напарника. Враг в западне, морально подавлен и нервничает. Очевидно, что он допустит ошибку и подставиться. Даже если он лучший снайпер Хартии.

Ледяной ветер продувал до костей. Сидя в укрытии Саманта сдерживалась, чтобы не начать греть ладони. Пар изо рта мог выдать позицию. Девушка медленно переводила взгляд с одной кучи битого кирпича и осколков, на другую, как вдруг она уловила блеск, а сердце забилось чаще. Это было кольцо. То самое кольцо из фольги и проволоки, с которым Алексей делал ей предложение, а Саманта так и не успела ответить.

Все мысли занял тот сокровенный момент. Саманта хотела забрать кольцо, но оно было на открытом пространстве. Покинуть укрытие было слишком рискованно. Но чёртов блеск не давал сосредоточиться на задании. Саманта отвела взгляд и попыталась отвлечься. В конце-концов после миссии она его заберёт. Но все отговорки оказались тщетными. Ведь Шелестовича здесь может и не быть вовсе. Решившись, Саманта резким движением выпрыгнула из укрытия прямо к кольцу.

«Прощай, шльондра», — подумал Мстислав и нажал на курок.

Не успел хартийский снайпер это сделать, как пуля пробила его оптику и прошла череп насквозь. Голова Асса дёрнулась и завалилась набок. Челюсть отвисла, а из разбитого зрачка струйкой вытекала кровь.

— Ещё не хватало, чтобы я второй раз промазал, — сухо прокомментировал Алексей, дёргая затвор. — Джульетта, возвращаемся обратно.

Рация не отвечала.

— Джульетта? — удивлённо спросил Лёша.

Тишина.

— Саманта?... — его голос дрогнул.

Ноги сами понесли Алексея к её позиции.

— Нет... — только и смог выдавить из себя Лёша.

Саманта держалась за живот, хватая ртом воздух как выброшенная на сушу рыба. Маскировочный халат обагрился в алый оттенок. Кожа быстро принимала синевато-бледный

цвет. Рот скривился от жуткой боли, а из глаз текли маленькие капли слёз.

— Нет, нет, нет, — он быстро вколол ей обезболивающее и начал перевязывать. Алексей не заметил как начал плакать. Руки предательски дрожали, а слёзы мешали сосредоточиться. Бинты не помогали остановить кровь несмотря на все его усилия. — Зачем?! — Лёша сорвался на крик. — Зачем ты это сделала?!

Саманта протянула ему руку с кольцом.

— Надень его... на меня, — слабым голосом попросила она.

Руки не слушались, но Алексей смог надеть кольцо на безымянный палец.

— Скажи... мы бы были хорошей... парой?

— Конечно, — ответил Алексей, не переставая плакать. — Мы будем замечательными мужем и женой.

— Тогда... — она выдавила ласковую улыбку. — Тогда хорошо... Всё хорошо... — Саманта тяжело выдохнула и затихла.

Начался артобстрел. Алексей взял Саманту на руки и понёс по разрушенным улицам Варшавы.

«Госпиталь. Должен быть на окраине города».

Он не обращал внимание ни на свист пуль, не на рвущиеся рядом снаряды. Мимо него пробежали солдаты, и проезжала техника, рушились дома и стонала земля, а Алексей продолжал упрямо идти с единственной мыслью: «Только бы донести».

«Пожалуйста, только живи. В тот день, когда ты оклемаешься, мы будем жить. Мы снова пойдём на набережную, сядем на лавочке и будем просто молчать. Мы сыграем в какой-нибудь пьесе и выберем ту, где обязательно нужно будет поцеловаться... или даже без пьесы! Мы никогда больше не отпустим друг друга в руки судьбе. Мы будем вспоминать о тысяче лет со смехом, хотя бы и жить нам останется один день. Только не умирай. Пожалуйста...»

Алексей оглянулся. Он не понимал где он. Вокруг всё выглядело незнакомо, а тишина давила после канонады боя. Взглянув на Саманту, Лёша обессиленно рухнул на землю. Голубые зрачки потухли и стали стеклянными, а губы разукрасила алая струйка крови.

— Просыпайся, соня, — ласково обратился он к ней. — Не оставляй меня одного.

Возле разрушенной витрины ателье лежало белое платье. Почему-то хартийцы побрезговали его забрать с собой и оно валялось среди осколков стекла и щебня.

— Как раз твой размер, — сказал Саманте Алексей и улыбнулся.

Мёрзлая земля превратилась в камень и сапёрная лопатка с трудом выковыривала земляные грудки. Через несколько часов нужного размера яма была готова. Руки расцарапались в кровь, но это Алексея особо не волновало. Подняв Саманту, он понёс её к реке, а затем начал снимать с неё форму. В тот момент чёртов маскхалат и камуфляж был ненавистен Варшавскому призраку. Он его презирал всей душой.

«Форма не достойна того, чтобы тебя в ней похоронили!»

Голое тело опустили в холодную воду и начали с любовью и нежностью мыть. Из раны уже не текла кровь. Кровь застыла и больше не перекачивала жизнь внутри милого создания. А в сапфирах в последний момент застыло искреннее чувство любви.

Алексей одел Саманту в белое платье. Оно подошло идеально. Будто шили специально на заказ. Затем Лёша спустился вместе с ней в яму и долго смотрел на неё. А затем крепко поцеловал. Он не хотел, чтобы этот поцелуй кончался, потому что чётко понимал, что он

последний в его жизни. Разомкнув губы, он поднялся и лишь прошептал:

— Прощай, милая. Скоро увидимся.

И начал засыпать яму.

Воды Вислы на всех порах неслись в Балтийское море. Возможно тут могли проплыть трупы врагов Алексея. Но этого не произойдёт. Всё потому что он больше ни за что не сражался. Лёша просто лежал на могиле и заливался слезами, изредка срываясь на протяжный, полный тоски вой.

Варшавского призрака нашли поздним вечером в отключке. Если бы в тот момент кто-то взглянул на небо, то заметил, что там загорелась новая молодая звёздочка.

Третьего января армия Конфедерации вышла к государственной границе. Остатки хартийской армии либо бежали за границу, либо попали в плен. Освобождённые земли лежали в руинах. Повсеместно обнаруживались места массовых захоронений, со следами насильственной смерти. Военнопленные и гражданские. Их нагромождённые сгнившие тела находили сотнями в братских могилах. Всего же за время Восточной войны погибло приблизительно два миллиона человек. Половина жертв пришлась на мирное население.

Одной из последних павших стала Саманта. На несколько дней Алексей замкнулся в себе, не проронив ни слова и проводя целыми сутками возле её могилы. Когда-то он вдохнул в неё силы жить. Но война забрала последнее, ради чего стоило жить ему. Будучи в полной прострации, Лёша не заметил как война закончилась. Пятого декабря в ноль часов, ноль минут было подписано соглашение о прекращении огня. Солдаты Конфедерации не могли сдержать радости от того, что смогли не только выжить, но и разгромить непобедимого врага. Всю линию фронта окутало ликование. Повсеместно организовались импровизированные концерты, застолья, провели даже несколько футбольных матчей, где игроков было гораздо больше, чем требовалось. Безразлично наблюдая за всем происходящим, Алексей чувствовал себя здесь лишним. Не понимая, что ему делать дальше, он просто продолжал плыть по течению. Лёша не успел опомниться, как «течение» вынесло его прямо к Бранденбургским воротам.

На главную берлинскую площадь свезли сотни единиц подбитой хартийской техники. Некоторая сгорела дотла и от неё осталась лишь груда ржавого железа, другая была почти в целом состоянии и только несколько небольших отверстий в броне говорили о том, что экипаж машины погиб страшной смертью. Бронемшины, танки, самоходные орудия, даже несколько частей сбитых самолётов. Патриотические надписи на броне восславлявшие бьющиеся в предсмертной агонии государство заменили послания от местных жителей, в основном желающие скорейшей и мучительной смерти. Длинная колонна проходила под аркой, и заканчивалась далеко у здания Бундестага. Когда хартийцы начинали войну, они мечтали пройти победным маршем через Бранденбургские ворота. Но только они не знали, что их техника будет иметь право быть здесь только в таком виде.

«Тебе бы понравилось».

Рядом с техникой построились сотни солдат Конфедерации. Каждый из них прошёл через ад и был героем. Всех их наградят Героем Конфедерации. Среди них был и Алексей. Но ему было уже всё равно. Лёша вдруг понял, что с войны можно вернуться кем угодно, но только не героем.

Построением руководил Ян. Майор очень хотел, чтобы вместо него был Буткевич, но за несколько дней до награждения, Йорис уехал в Прибалтику. Полковник хотел увидеть своё родину, с которой расстался на бесконечных несколько лет. Ян ещё не знал, что расстался со своим другом навсегда.

Солдат награждал лично канцлер. Он подолгу останавливался перед каждым бойцом, задавал несколько вопросов, иногда шутил, а после жал руку и закреплял на мундире позолоченный крест с голубым креплением. Остановившись перед Алексеем, Уинстон резко помрачнел и долго молча смотрел на Лёшу. Алексей безразлично смотрел на него в ответ. Вскоре канцлер скажет единственную реплику:

— Я не представляю как вы это пережили.

— И лучше не представляйте, господин канцлер, — сухо ответил Алексей. — Такое никто не способен пережить.

— Повторите вашу задачу, — говорил Отто.

— Во время переговоров невольно навязать контакт с объектом миссии. Затем заполучить накопитель информации.

— После?

— Как можно быстрее скрыться и отдать информацию вашим людям. После чего мы больше не пересекаемся.

— Отлично. И будьте осторожны. Два прошлых агента не смогли выполнить задачу и погибли.

— Прошлые агенты не знали его лично с самого детства. Думаю мы сможем найти общий язык.

Конфедерация постепенно начинала возвращаться к мирной жизни. Но как и многие другие солдаты, Алексей был к ней не готов. Когда твоя жизнь каждую секунду может оборваться, сложно вернуться туда, где этого нет. Все понимали что вернулись с войны другими. Мирные жители благодарили солдат, но в то же время между ними чувствовалась пропасть. Чувствовалась, что понять солдата может только солдат. Это понимал и Лёша. Но его случай усиливался личной потерей. Внутренняя боль с каждым днём усиливалась и её становилось всё сложнее игнорировать.

Вернувшись домой, Алексею всё напоминало о Саманте. И Лёша начал пытаться забыть эти воспоминания. С помощью алкоголя. Всё началось внезапно с приглашения солдат провести вечер в баре. После нескольких рюмок Алексею стало легче, на душе мягче и теплее. А после третьей бутылки коньяка наступило блаженное беспамятство. На следующее утро Лёша себя не узнал. Он чувствовал, что за этот вечер морально опустился на несколько ступеней. Но следующим же вечером он опять отправился пропивать солдатское жаловонье и вскоре стал постоянным клиентом местных баров.

В этот внутри было не многолюдно. Не удивительно, ведь бар с забавным названием «VA-11 HALL-A» стоял на окраине города и не пользовался большой популярностью. За это Алексею бар понравился больше всего.

В углу за столиком трое солдат что-то бурно обсуждали, периодически взрываясь громким хохотом. Алексей не обращал на них внимания, рассматривая на дне пивного бокала остатки пены. Это был третий по счёту. Мысли путались, язык заплетался и мягкой поступью подкрадывалась лёгкость в душе.

— Повторить, — еле ворочая языком, сказал он молоденькой барменше.

— Вы уверены? — испуганно спросила девушка. — Может вам хватит?

— Делай, что сказали, — процедил Алексей.

Дверь открылась и барменша поприветствовала нового посетителя. Алексей проигнорировал новоприбывшего, сделал большой глоток. В голову ударил хмель и в глазах начало двоится. Посетитель сел рядом с Алексеем, сделал заказ, а затем сказал Лёше:

— Рад что ты жив, Леший.

Алексей не сразу понял, что обращаются к нему. Зыркнув единственным глазом, он понял, что перед ним Войцеховский. Плен оставил свой страшный след на майоре. Он

заметно исхудал, от рук и ног остались одни кости, на впалых щеках десятки шрамов, а некогда дерзкий взгляд сменился на смертельную тоску.

— Войцеховский, — Лёша икнул. — Чем обязан?

— Я слышал что произошло. И я чувствую вину. Могу ли я чем-то тебе помочь?

— Надо было думать своей башкой раньше. А теперь уже поздно.

— Леший, я вижу...

— Не называй меня так! — вскипел Алексей и зарядил Оскару в челюсть.

Майор рухнул и свалился со стула, а Алексей с нечеловеческой ненавистью накинулся на него и начал избивать.

— Это ты виноват! Ей нельзя было давать оружие! Нельзя! А ты... Если бы ты взял яйца в кулак, её бы не убили!

Прежде чем солдаты оттащили Алексея от майора, лицо Оскара превратилось в кровавое месиво. Сплюнув сгусток крови, Войцеховский поднялся, с жалостью и будто с мольбой простить смотря на Лёшу.

— Вы чего, мужики? — говорил один из конфедератов. — Войну пережили, а сейчас решили прибить друг друга?

— Полегчало? — спросил Оскар.

Лёша молчал, тяжело дыша.

— Вот что я тебе скажу, Алексей. Это был её выбор. Не дал бы добро я, так дал бы кто-то другой. Если она погибла, значит такова её судьба и суть. И мы бы ничего не смогли изменить. Но её смерть вовсе не повод хоронить себя.

— Да что ты вообще о нас знаешь? — с отчаянием спросил Лёша.

Оскар не ответил.

— То-то же, — оскалился Алексей. — Скотине, гонящейся за выгодой не понять, что чувствую я.

— Гнался бы я за выгодой, не остался бы тогда в Варшаве.

— Ты просто снял с себя ответственность. За дальнейшие смерти. В том числе и её.

В баре наступила гнетущая тишина.

— Пойду я, — вздохнул Алексей. — Не буду своей кислой мордой портить людям настроение, — сказал Лёша, кинул на стойку несколько купюр и исчез за дверью. Оскар ещё долго смотрел ему вслед.

Почти год Берлин соблюдал светомаскировку, отключив все фонари, подсветку и запретив жителям включать в тёмное время свет. Сегодня вечером вымощенные улочки впервые осветили лампы фонарей. Для жителей города это было сродни маленькому празднику. Тысячи человек допоздна засиживались на улицах, только бы подольше полюбоваться светом, который, казалось, покинул их навсегда.

Не исключением стала и набережная. Бродя в беспамятстве, Алексея вывело из забытья журчащие воды Шпрее. Свет фонаря освещал ту самую лавочку, где он с Самантой любил проводить вечера. А вокруг не было ни души. Алексей не смог пройти мимо. На ватных ногах он подошёл и сел.

Было уже за полночь. На улице заметно похолодало, а Лёшу клонило в сон. Но он продолжал упрямо сидеть, не в силах уйти. Будто это место стало его последним пристанищем и как только он его покинет, настанет смерть. Внезапно чьи-то нежные руки закрыли ему глаза, а морозный воздух наполнил запах ежевики. Лёша мог узнать эти руки из

тысячи других. Он заключил их в свои ладони и нежно поцеловал. Сзади звонко засмеялись.

Перепрыгнув через лавочку, Саманта села рядом с Лёшей, игриво смотря на него. Алексей не удивился, только отметил про себя, что она выглядела намного моложе. Совсем ещё ребёнок, как на фотографии.

— Ты часто приходишь ко мне, — спокойно глядя на неё, сказал Алексей.

— Ты не рад?

— Конечно рад. По большому счёту теперь это моя единственная радость.

— Не верю, что всё у тебя настолько плохо.

— Я тоже до сих пор не могу поверить. Не могу поверить, что тебя уже нет.

— Ты должен двигаться дальше. Выполнить возложенное на тебя поручение.

— А что после? — спросил Алексей серьёзно.

— Это уже зависит от тебя. И я приму любой твой выбор.

— Ты не должна была тогда соглашаться. Ты так и не смогла стать солдатом. Это тебя и погубило.

— Не горюй по мне слишком сильно. Я всегда буду с тобой рядом. И не стоило срываться на майора. Он здесь не причём.

— Легко упрекать тому, кому уже плевать на последствия.

Саманта хотела что-то сказать, но тут раздался женский смех. Лёша проснулся, забыв последние мгновения блаженного сна. Мимо проходила молодая пара. Солдат и та, кому посчастливилось его дождаться с войны. Радостная улыбка не покидала их лица. Глядя на них, Алексей испытывал лишь зависть. Он вдруг почувствовал себя здесь лишним и уступил место тем, кто ещё мог позволить себе счастье, уйдя прочь с набережной.

Двенадцатого декабря стороны конфликта обязались провести первые мирные переговоры. Одна из торговых республик на Британских островах согласилась предоставить площадку для встречи. Помимо делегаций из Хартии и Конфедерации, Уинстон Смит пригласил десятки представителей со всех уголков мира. Вместе с мирным договором, канцлер так же хотел создать международную организацию для дальнейшего предотвращения вооружённых конфликтов и поддержания мирового порядка и стабильности. В последствии организации дадут название ООН — Организация Возродившихся Наций.

Съезд был назначен в Лондоне, в небоскрёбе Мэри-Экс, прозванный местными жителями за овальную форму «Огурцом». Алексей увидел это здание ещё сквозь иллюминатор садящегося самолёта.

Начальник охраны канцлера понимал всю опасность мероприятия, поэтому предложил людям из полка Яна посодествовать в охране Уинстона. Командир полка и многие из его подчинённых согласились. Согласился и Алексей.

Здание было почти прозрачным. Поднималось и спускалось десятки лифтов. Все вокруг суетились и куда-то спешили. Когда-то это было здание для офисов. Сейчас оно пустовало и лишь последний этаж выделили для делегаций.

Первыми прибыли представители Атлантики. К сожалению Виктория Уилсон не смогла приехать в составе делегации, но обещала присоединиться к мероприятию через несколько дней.

Прибывали представители Азии, торговых республик Европы, были даже люди из Пиратского союза. Все ждали хартийцев. Их делегация опоздала на два часа. Уинстон

надеялся, что консул Гвин приедет лично, но его ожидания оказались напрасны. Хартию представлял Отто Крюгер. Своими маленькими бусинками глава комитета безопасности перепрыгивал с делегата, на делегата. Увидев Алексея, Отто на секунду задержал взгляд. Крюгер узнал Лёшу и плотоядно улыбнулся, а у Алексея всё внутри похолодело.

Потянулся долгий и нудный переговорный процесс. Очевидно, что хартийцы затягивали время и пытались что-то для себя выторговать. Но канцлер был непреклонен. Его устраивала только безоговорочная капитуляция.

Алексей не вслушивался в то, что говорили члены делегации. Он просто не спускал глаз с Крюгера. Казалось, что стоило на секунду расслабиться и этот мальчишка перегрызёт тебе глотку.

К счастью Лёши, его скоро сменили. Перед тем, как огромные стеклянные двери закрылись, Алексей услышал как канцлер рявкнул на Отто:

— Мы не устраивали геноцид мирного населения! А вы, судя по докладам, с удовольствием. Вам с этим жить и вам нести ответственность.

Комната отдыха стала первым в мире местом, где хартийцы и конфедераты не пытались друг друга пристрелить. Солдаты враждующих сторон обменивались недоверчивыми взглядами, но всё же держались спокойно. Алексей облокотился об спинку кресла и почти задремал, как вдруг рядом послышался до боли знакомый голос:

— Будем надеяться, что наши переговоры не приведут к новой войне.

— Вилли, — улыбнулся Алексей, открыв глаза. — Тебя не расстреляли?

— У них это почти получилось.

— Тебя тоже взяли в охрану?

— Можно и так сказать, — сказал Вильгельм, оглядываясь по сторонам. — Слушай, у них здесь на самом верху такой шикарный бар. Идеальное место, чтобы уединиться.

— Что же ты со мной делаешь? — вздохнул Алексей.

Лёша взглянул на Яна. Тот утвердительно кивнул и старые друзья покинули комнату отдыха.

Первой тост был за встречу. Второй за то, что оба остались в живы. Третий за тех, кто навсегда остался на поле боя.

— Как она погибла? — после недолгого молчания спросил Вильгельм.

— Я не хочу говорить, что её смерть была напрасной. Но по другому не получается. На войне вообще мало что имеет смысл, но здесь... Ай, к чёрту.

— Хорошая была девочка. Добрая, светлая. Не могу поверить, что она была одной из Варшавских призраков.

— А я так и не смог привыкнуть к ней в военной форме. Но больше всего меня злит, что из неё хотят сделать святую. Поставить памятник на месте могилы. Оставьте её в покое. Не для того она отправила на тот свет столько солдат, чтобы теперь из неё делали икону, — Лёша сделал плоток, но виски уже давно перестал его пьянить. — Слушай, Вилли, где тебя носило столько времени? И как тебя угораздило попасть в хартийскую армию?

— Долго рассказывать. Скажем так: им удалось сыграть на моих чувствах. После смерти Алисы я поклялся убить Гвина. А учитывая, что маршал Эрвин готовил переворот, наши интересы сошлись.

— Так почему этот ублюдок ещё жив?

— Он оказался... хитрее.

— Вилли, пообещай что отомстишь за Лисёнка. Слышишь?

— Да... Хорошо, — он отвёл взгляд. — Но пока мне нужно разобраться с тобой, — сказав это, Вильгельм направил на Алексея пистолет.

— Вилли, — Алексей замер со стаканом в руке, — какого хрена?

— Сделка с дьяволом, Лёха. Слушай меня внимательно: медленно доставай флешку и положи на стол. Тогда мне не придётся в тебя стрелять.

— И за сколько же тебя купили, что ты смог направить оружие на лучшего друга?

— Нисколько. Мне просто пообещали свободу.

— Ах, — улыбнулся Лёша. — Что же, у каждого из нас есть выбор.

— Мне действительно жаль, Лёха, — грустно сказал Вильгельм.

— Мне тоже, Вилли, — ответил Алексей и брызнул Вильгельму в глаза содержимым стакана.

Прозвучало несколько выстрелов. Алексей увернулся и разбил об голову Вильгельма стакан, оставив несколько порезов на лбу. Затем вскочил и со всех ног побежал в сторону балкона. Вильгельм бросился за ним. Перепрыгнув через перила, Алексей встал над многометровой пропастью, терпеливо ожидая Вильгельма. Холодный ветер усилился, продувая до костей. Кудрявые волосы мягко гладили лучи едва выглянувшего зимнего солнца.

Вильгельм забежал на балкон и остановился как вкопанный, понимая, что хочет сделать Алексей. Со лба на форму капали капли крови, но Вилли игнорировал это, пристально глядя на Алексея.

— Стой там, — приказал Вильгельму Алексей.

— Ты не прыгнешь, — скептически заявил Вилли, но всё же не решился сделать больше ни шага вперёд. — Ты с самого детства до чёртиков боишься высоты.

— Раньше боялся, Вилли, — грустно улыбнулся Алексей. — Боялся, когда чем-то дорожил. Но сейчас не обо мне.

— Ты не прыгнешь, потому что уничтожишь вместе собой единственный источник информации об утилизации ядерных отходов. Тогда через несколько десятков лет мир поглотит радиация.

— И здесь ты тоже ошибаешься. Перед самым вылетом я отправил копию данных на флешке Уинстону Смитю. Что с этим делать теперь его головная боль. А теперь давай поговорим о тебе, Вилли, — сказав это, Алексей демонстративно достал флешку и бросил точно под ноги Вильгельму. — Мы — потерянное поколение, Вильгельм. Сначала на наш век выпал хаос первых лет, потом война. Это оставит свой след. Мы уже не сможем отмыться от этого и должны уйти на покой. Мы должны дать право следующему поколению строить будущее. Поколению, которое не захлестнула человеческая гниль. И поэтому они ещё способны создать место, где не будет того ада, через который прошёл каждый из нас. Но выбор за тобой, Вилли. Решай: дать этому миру шанс наконец-то начать жить в спокойствии, или же вернуть всё так как было больше одиннадцати лет назад. Хартия обречена. Но она может утянуть за собой и остальных. Если, конечно, эгоизм возьмёт над тобой вверх.

Вилли молчал, рассматривая кусок пластика у его ног. В голове было пусто и лишь поставленная задача давала понять что от него требовалось. Вильгельм наклонился и поднял флешку.

— Действительно, — сказал он, вертя флешку в пальцах, — чего это я? — после этого он сломал её пополам и выбросил прочь. — Перелезай обратно, Лёха. Ещё один конец света отменяется.

Алексей никак не отреагировал, глядя на пропасть под своими ногами.

— Лёша? — по спине Вильгельма прошёлся холодок.

— Вот и всё, Вилли, — безэмоционально ответил он. — Я выполнил просьбу маршала и больше меня здесь ничего не держит.

— Что?...

— Хах... Вилли, Вилли. Признайся, ты же тоже их видишь? наших павших ребят наблюдают за нами, поступаем ли мы по совести? Продолжаем ли мы верить во что-то светлое, даже несмотря на непроницаемую тьму?

Вильгельм оглянулся. Их полукругом обступила толпа. Потерянные на их долгом пути друзья, любимые, близкие и примеры для подражания. Многие улыбались. И все терпеливо ждали развязки.

Эрвин, с присущей ему сдержанностью, одобрительно кивнул Вильгельму. В глазах павших жителей поместья теплился огонёк любви как к одному из членов большой семьи. А глядя на дерзкое лицо Алисы, у Вильгельма ёкнуло в области сердца.

— Похоже, что видишь, — сказал себе Алексей. В этот момент к нему, почти не касаясь земли, подошла Саманта и нежно провела по кудрям, затем развернулась к Вильгельму и ласково улыбнулась.

Вильгельм моргнул. Толпа исчезла. Он опять остался наедине с Алексеем.

— Знаешь, Вилли, когда она была жива, я ещё мог это терпеть. Но теперь, когда она среди них... Я не смогу так жить. Без неё.

— Лёха! — Вильгельм бросился к нему.

— Прощай, Вилли. Я рад, что ты поступил правильно.

Алексей закрыл глаза и разжал руки, а затем сделал шаг назад. Вильгельму оставалось наблюдать как он летит на мостовую. Лицо Алексея не выражало страха или сожаления, лишь облегчение, что всё наконец-то закончится. Восхитительное чувство полёта завладело его разумом. Внезапно он почувствовал прикосновение к ладони. Нежность, тепло. Такое знакомое и такое родное. Лёша открыл глаза. Саманта держала его за руку, не давая разбиться.

— Наше тихое, спокойное место. Ты не забыл?

— Конечно нет, — ответил Алексей.

— Ты готов разделить со мной вечность? — серьёзно спросила она.

Алексей лишь кивнул.

Саманта улыбнулась. Они вспарили вверх и улетели прочь от небоскрёба и шумного города. Туда, где их никто не потревожит. Там, где они по праву заслужили того, чего желали. Покоя.

Вильгельм не смотрел как Алексея размазало по асфальту. Снизу послышалось несколько вскриков. С каждой секундой нарастал гомон случайных свидетелей трагедии. Из оцепенения Вильгельма вывел топот на крыше. Очевидно охрана здания всё слышала и сейчас окружала его. Но сдаваться Вильгельм не собирался. У него осталось ещё одно незаконченное дело.

Перепрыгнув через перила, Вилли расправил руки и прыгнул. В последний момент он достал из кожаной куртки трос, закрепил за поручни и словно альпинист отскакивал от отвесной стены. Через минуту его ноги коснулись асфальта.

Улицу заполонили случайные зеваки. Если бы Вилли даже хотел напоследок взглянуть на тело Алексея, то не смог бы протиснуться через огромный поток людей. Но никто не

обращал на Вилли внимание. Всех поглотило любопытство увидеть только что покинувшего этот мир.

Вильгельм со всех ног бросился бежать. Пробегая мимо детской площадки, он на секунду остановился. На ней резвились дети и ничто не могло отвлечь их от детских забав. Вилли отметил про себя, что они очень похожи на его друзей.

«Быть может ты прав? Может у них действительно получиться?»

Рука нащупала холодную рукоять пистолета, заставив Вильгельма вернуться в реальность и опять бежать со всех ног. Его сердце билось ради консула. Но как долго суждено биться консульскому сердцу? Это зависло только от Вильгельма.

В буржуйке догорали скомканные листы конституции Хартии. На листе была написана семнадцатая статья, о нерушимости границ и территориальной целостности государства. Вскоре слова превратились в пепел, а вместе с ними и соблюдение хартийскими подданными закона. Известие, что консул сбежал, стало последней каплей и Хартию поглотила гражданская война и хаос. Ценность хартийской конституции опустилась до топлива для печки.

Несмотря на буржуйку, в тесной комнате было сыро, из-за чего Гвину приходилось заворачиваться в одеяло. В последнее время альбинос почти не покидал кровати. Суровый климат острова окончательно подорвал его слабое здоровье, а вести из Хартии ввели бывшего консула в ступор. За всё время Гвин ни разу не поинтересовался судьбой дочери. На фоне развала государства это казалось пустяком. Целыми сутками наблюдая за огнём, Гвин замкнулся в себе. Огонь остался его единственным другом и тем, кому ещё можно было довериться.

Трескот догорающей бумаги прервал скрип двери. Гвин оторвался от печки и взглянул в дверной проём, но заходить не спешили. Из темноты улицы, под свет огня медленно вышел Вильгельм. Он промок до нитки и чертовски устал, но его глаза буквально пожирали Гвина. Ни сказав ни слова, Вилли опёрся об стену и будто растягивая удовольствие, изучал альбиноса. Живой Гвин заметно отличался от того, кто был на портретах. Осунувшийся, тяжело болеющий, потерявший волю к жизни.

— Вильгельм? — спросил его Гвин.

Вилли молчал.

— Вильгельм, — довольно растянул его имя альбинос и оскалился. — Пришёл меня убить? — Гвин заполнил своим хохотом комнату. — Боюсь, ты опоздал, — сказал он, успокоившись. — Убивать уже по большому счёту некого.

Вилли достал пистолет и прицелился. Гвин, не моргая, спокойно смотрел на него из под линз.

— Какой несчастный человек, — грустно прокомментировала Анна, сев рядом с Гвином.

— И это чмо едва не покорило Европу? — спросила Эльза, жуя яблоко.

— Надо было ещё тогда прострелить его седую башку, — процедила Алиса. — Столько народу полегло.

— Так вот из-за кого погиб Кенни, — констатировал Рома.

Алексей и Саманта молчали, лишь с призрением глядя на Консула.

Время шло. Никто не проронил ни звука. Держа Гвина на прицеле, Вильгельму почему-то перехотелось нажимать на курок. Да, этот человек по праву заслуживал смерти за все грехи совершённые против человечества. Долгое время Вилли жил только ради мести. Его сердце билось ради консула. Но это было раньше, когда Гвину ещё было что терять.

Вилли опустил пистолет. Сейчас смерть для Гвина станет спасением. Поэтому Вильгельм сделает то, что для альбиноса равносильно пытке — оставит жить.

— Я прощаю вас, консул Гвин, — почти шепотом сказал Вилли. — Я и все загубленные вами души.

— Спасибо, — ответил Гвин и скрутился в страшном кашле.

Дверь со скрипом закрылась. По обшивке крыши забарабанил дождь, каждым стуком отдавая острой болью в ноге.

Больше книг на сайте - Knigoed.net